

Филипп Саньяк
ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Перевод с французского Ольги Андреевны Старосельской-Никитиной

Москва, 1928

Веб-публикация: Vive Liberta, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ПРИНЦИПЫ

Глава 1. ЕДИНСТВО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

I. Гражданское право в 1789 г. Течения среди философов и юристов. Препятствия единству законодательства при старом порядке.

II. Эти препятствия еще имеются в 1789г. Провинциальный партикуляризм. Привилегии.

III. Борьба за единство законодательства (1789-1791). Сопротивление сеньеров, провинций писаного права, духовенства. Торжество единства.

Глава 2. ПРИНЦИПЫ, ПРЕОБРАЗУЮЩИЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ОТДЕЛ 1. ПРИНЦИПЫ XVIII ВЕКА

I. Общая цель мыслителей века - счастье личности.

II. Различия в способах достижения его. Три главные школы. Экономисты. Монтескье и Вольтер. Руссо.

III. Влияние исторических событий: пример Англии и особенно Соединенных Штатов Америки.

ОТДЕЛ 2. ПРИНЦИПЫ РЕВОЛЮЦИИ

I. Индивидуализм. Теория естественных прав и Декларация прав. Теория закона природы.

II. Деспотизм государства.

Понятие государства. Влияние прежних традиций, теорий и революционных событий. Независимость государства: уничтожение прежних социальных групп, секуляризация. Власть государства: над имуществом граждан, над нравственной личностью. Следует ли действовать, соблюдая строгую постепенность?

III. Традиционное начало. Борьба философии и юридической традиции. Торжество философии.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ. 1789-1804. ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕВОЛЮЦИИ

Цели деятелей революции. Кодекс единообразных гражданских законов. Деятельность собраний. Проекты Гражданского Кодекса 1793 года, II, IV, VIII и IX гг. Деление истории создания гражданского права революции на два периода: 1789-1795 и 1795-1804.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1789-1796

Книга первая. СОБСТВЕННОСТЬ

Глава 1. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ в 1789 г.

I. Распределение земель во Франции в 1789 г. Положение сельского населения.

II. Причины крестьянской нищеты. Земельный порядок: права, связанные с владением доменами, сеньериальные и несеньериальные. Обычаи, постановления и т.д. Фискальный порядок. Большое количество неэксплуатируемых или плохо эксплуатируемых земель.

III. Критика этого порядка. Сеньериальные и поземельные права и повинности. Согласие среди экономистов, разногласия среди юристов. Постановления и обычаи: критика физиократов. Налог: неравенство и произвол. Распределение земель: необходимость дробления корпоративной и индивидуальной земельной собственности.

IV. Желания народа в 1789 г. Освобождение и дробление земель; единодушие в жалобах и пожеланиях. Желания просвещенной части нации, философов и юристов из третьего сословия. Противоположность интересов города и деревни.

Глава 2. УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПОРЯДКА: ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ

ОТДЕЛ 1. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК и УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

I. Ночь 4 августа: ее причины. Сопротивление в недрах Собраний: редакция декретов (4-11 августа 1789 г.). Сопротивление короля и двора. Обнародование законов.

II. Законодательная система Учредительного Собраний. Права личные. Права реальные: Предполагаемая законность этих прав: доказательство противного падает на должника; Выкуп этих прав: поземельная рента; договоры о бессрочной аренде и о виноградниках; договоры об отпуском владении; Способ выкупа; невозможность его.

III. Влияние законодательства Учредительного Собраний. Недовольство сеньеров. Возмущение крестьян; анархия в деревнях.

IV. Ответ Учредительного Собраний. Оно сохраняет систему законодательства, возведенную 15 марта 1790 г. Инструкция 15 июня 1791 г.

V. Заключение о деятельности Учредительного Собраний

ОТДЕЛ 2. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК и ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

I. Права личные.

II. Права реальные. Случайные права: декрет 18 июня 1792 г. Система доказательств. Круговая порука и постепенный выкуп: декреты 20 и 25 августа 1792 г.

III. Отпускное владение: декрет 27 августа 1792 г.

ОТДЕЛ 3. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК и КОНВЕНТ

I. Декрет 17 июля 1793 г. Земельная рента. Сожжение феодальных грамот.

II. Общинные земли.

III. Заключение: освобождение земли. Сравнение с реформой поземельных отношений в некоторых европейских государствах в XIX веке.

Глава 3. УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПОРЯДКА: ДРОБЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

I. Корпоративные имущества. Желание нации. Церковные имущества и королевская власть при старом порядке.

II. Прения о церковных имуществах в Учредительном Собрании (1789-1790). Национализация этих имуществ.

III. Отчуждение национальных имуществ. Колебания в законодательстве. Три периода: 1790 г. (индивидуалистический); 13 ноября 1790-1792 и 22 ноября 1793 г. (государственный); с 1792 г. и 22 ноября 1793 г. до конца Директории (умеренно-государственный)

IV. Как происходила распродажа национальных имуществ в городах и деревнях. Социальные и политические следствия раздела национальных имуществ.

Глава 4. НОВЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

ОТДЕЛ 1. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

I. Независимость собственности. Распространение права собственности на некоторые имущества: наносные земли, острова, дичь и т.д.

II. Ограничения права собственности. Права государства. Экспроприация в целях государственной пользы. Распашка нови и осушение болот; увеличение производительности в интересах общества. Сохранение урожая; ограничения права охоты. Рудники.

ОТДЕЛ 2. ОТНОШЕНИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦА К ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ

I. Устойчивость договоров. Продажа. Займы; ссуда под проценты. Ипотека: ипотечная система Конвента.

II. Земельная аренда. Законодательство благоприятствует землевладельцу: отмена бессрочных, не подлежащих выкупу договоров, краткосрочность договоров; возможность расторжения договоров сроком более чем на шесть лет, отмена молчаливого продолжения договора. Переходное законодательство: расторжение состоявшихся договоров на национальные имущества. События благоприятствуют арендаторам: вмешательство государства в пользу землевладельцев.

ОТДЕЛ 3. СИСТЕМА НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

I. Три крупные системы наследственного права: римская, обычно-правовая, феодальная. Для целей деятелей революции система обычного права является наиболее подходящей.

II. Устранение феодальной и римской систем. Отмена неравенства по закону. Неравенство, устанавливаемое по воле наследователя. Прения в Учредительном Собрании. Почти полная отмена права завещания при Конвенте.

III. Система обычного права, взятая за основание, но видоизмененная. Философский принцип: собственность является продуктом общественного творчества. Наследственное право, как право семейное; защита семьи

путем почт полной отмены завещания и путем ограничения дарений, особенно дарений в пользу богатых. Порядок наследования. Дробление (расщепление, право представительства до бесконечности). Обратное действие наследственных законов до 14 июля 1789 года. Сопrotивление законодательству Конвента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Освобождение и дробление недвижимости. О тех, кто извлек выгоду из этой революции: о буржуазии и крестьянстве. Социальные и политические следствия.

Книга вторая. ЛИЦА И СЕМЬЯ

Глава 1. О ЛИЦАХ ВООБЩЕ

I. Гражданское неравенство в 1789 году. Естественное неравенство - пола. Неравенство договорного происхождения: национальность; социальное положение - деление земель и лиц на группы; религия: протестанты и евреи. Актеры.

II. Гражданское равенство и революция. Гражданское равенство полов. Отмена права иностранцев; уничтожение гражданского неравенства вследствие социального положения; неравенства, проистекающего из различия религий: общественное мнение о протестантах и евреях; законодательство Национального Собрания о протестантах и евреях. Актеры.

Глава 2. ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ

I. Гражданское состояние при старом порядке. Желания, выраженные в наказах 1789 г.

II. Принцип секуляризации.

III. Деятельность Комитета по церковным делам. Прения по вопросу о секуляризации актов гражданского состояния. Первая отсрочка (31 декабря 1790 г.). Вторичное обсуждение. Доклад Комитета по церковным делам (май-июнь 1791 г.). Сопrotивление духовенства. Робость членов Учредительного Собрания. Вторичная отсрочка (19 мая 1791 г.). III. Сопrotивление неприяжного духовенства. Доклад Мюрэра (15 февраля 1792 г.). Прения в Законодательном Собрании.

IV. Декрет о секуляризации 20 сентября 1792 года.

Глава 3. БРАК

I. Брачное законодательство старого порядка: каноническое и монархическое. Революционное законодательство: отмена препятствий, уничтожающих брак.

II. Следствия секуляризации брака. Брак священников. Развод. Желания просвещенной части нации в 1789 г. Причины, вынуждающие к установлению развода: логические и социальные причины. Выработка закона. Обсуждение его. Декрет о разводе (20 сентября 1792 г.). Законодательство Конвента.

Глава 4. СЕМЬЯ

ОТДЕЛ 1. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

I. Прежнее законодательство: две основных брачно-имущественных системы. Это законодательство противоречит единству законодательства и революционным принципам.

II. Предложения Законодательного Комитета. Законодательное единство. Равенство супругов.

III. Прения в Конвенте. Предложения Комитета отвергнуты.

ОТДЕЛ 2. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ

I. Законы и нравы до 1789 года.

II. Революция и власть отца. Отмена отцовской власти писаного права. Умеренная власть отца в обычном праве. Семейный трибунал. Совершеннолетие в двадцать один год.

III. Характер законодательства и его оценка.

ОТДЕЛ 3. ВВЕДЕНИЕ В СЕМЬЮ НОВЫХ ЧЛЕНОВ

I. Усыновление.

II. Незаконнорожденные дети. Их положение при старом порядке. Желания и проекты 1789-1792 гг. Законодательный Комитет (1793). Декрет 12 брюмера II года. Применение декрета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. 1795-1804

Глава 1. ОТМЕНА ОБРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАКОНОВ

Агитация при помощи брошюр. Прения в Конвенте. Отмена обратного действия законов.

Глава 2. ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ 1795-1804 гг.

ОТДЕЛ 1. РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕВОЛЮЦИИ

I. Договоры, не передающие права собственности: Отпускное владение. Договоры о бессрочной аренде. Договоры о виноградниках

II. Поземельная рента. Попытки противодействия декрету 17 июля 1793 года.

III. Прения по поводу договоров о владениях, не подлежащих выкупу, в Совете Пятисот (в V г.), в Государственном Совете (в 1804 г.).

IV. Тревога приобретателей национальных имуществ.

ОТДЕЛ 2. ПЕРЕДАЧА СОБСТВЕННОСТИ ПО ВОЗМЕЗДНОЙ СДЕЛКЕ

I. Восстановление различных институтов, упраздненных революцией. Арест за долги.

II. Ссуда под проценты. Ипотека

III. Отношения между землевладельцем и съемщиком.

Отдел 3. НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК

I. Реакция. Первый период (1795-1800)

II. Второй период (1800-1804) Новые принципы. Закон 4 жерминаля VIII года.

III. Гражданский кодекс эпохи консульства (1801-1804).

Глава 3. СЕМЬЯ

ОТДЕЛ 1. ЗАМКНУТОСТЬ ЗАКОННОЙ СЕМЬИ

I. Усыновление

II. Внебрачные дети. Отмена обратного действия декрета 12 брюмера II года. Регламентация прав внебрачных детей в прошлом. Регламентация этих прав на будущее, затруднения. Гражданский Кодекс.

ОТДЕЛ 2. ВЛАСТЬ ОТЦА

I. Перемены во взглядах общества к 1800 году.

II. Права отца над детьми.

ОТДЕЛ 3. ГРАЖДАНСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

I. Незамужняя женщина

II. Замужняя женщина. Неравенство жены с мужем власть мужа над личностью и имуществом жены. Неравенство их в законодательстве о разводе.

III. Отказ от полною единства законодательства о браке. Две крупные системы - римская и система обычного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РЕВОЛЮЦИИ и ЕГО ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ (1789-1804)

I. Философское направление (1789-1895). Учредительное Собрание. Философское направление, умеряемое юридическим. Компромисс. Законодательное Собрание. Конвент. Роль правовой традиции в революционном праве: возврат к обычному праву. Изменения в этом праве, происшедшие под влиянием философских принципов.

II. Юридическое направление (1795-1804). I. Умеренная реакция (1795-1800). Глубокая реакция. Проект IX года. Прения в Государственном Совете. Взгляды главных творцов Кодекса; противоположные влияния. Компромисс 1804 года.

III. Кодекс эпохи консульства и юристы XIX века. Критика гражданского права революции (1789-1795). Благоприятная оценка этого права. Из того, что погребло, не заслуживало ли кое-что сохранения? Влияние, которое может иметь революционное гражданское право на Гражданский Кодекс будущего.

Приложение. НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОЗЕМЕЛЬНЫМ ПРАВАМ (Arch.nat. DXIV)

I. Протесты со стороны сельского населения против декретов Учредительного Собрания.

II. Народные волнения, вызванные декретами Учредительного Собрания. Волнения в районе Перигора, Кэрси и Руэрга. Волнения в районе Парижа. Волнения в Бретани.

III. Сопротивления сеньеров декретам Учредительного Собрания.

IV. Заключение Феодального Комитета Учредительного Собрания.

V. Буржуа и «жители».

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ВОПРОСУ О РАЗВОДЕ (Arch.nat. DXIV, 361)

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТАХ (Arch.nat. DXIV, 388)

Библиография

Предметный указатель

Тематически связанные материалы (можно читать в нашей библиотеке)

Герцензон А.А. Уголовно-правовая теория Марата

Марат Ж.-П. План уголовного законодательства / перевод с франц.

Н.С.Лапшиной под ред. и с предисловием проф. А.Герцензона

Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: статьи и речи /

Перевод с франц. Н.С.Лапшиной под ред. и с предисловием А.Герцензона

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Историки изучили то, что было сделано Французской революцией в области политической и религиозной; но все они в большей или меньшей степени оставили без внимания ее социальное творчество. Некоторые из них, наиболее известные, ограничились необоснованными суждениями о социальном законодательстве этой эпохи, и, пожалуй, только один Эдгар Кинэ попытался привлечь внимание к гражданскому Кодексу Конвента. Юристы также недостаточно интересовались вопросами, которые, казалось бы, должны были отчасти входить в круг их ведения; они изучили древнее французское право, самым тщательным образом комментировали Кодекс 1804 года; что же касается права революции, то после борьбы с ним, длившейся от 1800 до 1804 года, они его позабыли и сознательно игнорируют. Они называют его «промежуточным правом», словно это лишь переходное право, совершенно отличное от права 1804 года, ничем не обогатившее это последнее. Равнодушие юристов и историков к гражданскому законодательству революции продолжается еще до сего времени. А между тем, в области гражданского правопорядка, именно революция положила основание современной Франции.

Вот эту-то революцию гражданских отношений, которая еще так мало известна, мы и задались целью изучить. Настоящая работа является одновременно и историей гражданского права Франции от 1789 года до 1804 г. и своего рода опытом истории общественных отношений.

История показывает нам, как медленно, веками, развивалось гражданское право; развитие римского права шло на протяжении десяти веков. В эпоху революции право приобретает неслыханную гибкость; в полном соответствии с подвижными идеями и чувствами эпохи, оно изменяется с поразительной быстротой. Это - непрерывная борьба принципов и интересов, приобретающая драматический характер. Это развитие, продолжающееся уже не десять веков, а только пятнадцать лет, вызывает в юридическом отношении интерес не меньший, но еще более сосредоточенный и захватывающий.

Настоящая работа является, как уже сказано, опытом истории общественных отношений. Стремление к захвату земельной собственности было одним из могущественнейших рычагов революции. Произошло огромное перераспределение богатств. Какое влияние на распределение имуществ стремились оказать деятели революции, во имя каких теорий, какими способами они боролись - вот те вопросы, которые были предметом нашего исследования. Таким образом, нам удалось в значительной степени осветить историю сельского населения во Франции во время революции, историю, которую надеемся в дальнейшем продолжить; это главный социальный вопрос, связанный с борьбой против старого порядка землевладения, против сеньеров и особенно против духовенства. На нем сосредоточиваются самые значительные интересы, самые сильные страсти эпохи.

Область, которую мы избрали, была так мало исследована, что не оказалось ни одной работы, на которую мы могли бы серьезно опереться.

О революции в гражданских отношениях, которая произошла во Франции с 1789 по 1804 год, существуют только отрывки в учебных пособиях, несколько малоавторитетных страниц, касающихся различных сторон этой революции, или небольшие и неглубокие сочинения. Только один вопрос подвергся рассмотрению - это изменения в области старого порядка землевладения. Но авторы, изучавшие его, не были знакомы ни с брошюрами того времени, ни с наказами депутатам Генеральных Штатов, ни с материалами комитетов Национальных Собраний: которые, между тем, наряду с законами и докладами являются важнейшими документами в этой области.

Чтобы придать больше жизни характеристике гражданского законодательства революции, чтобы показать, как тесно эти столь абстрактные декреты и кодексы связаны с подвижным и кипучим обществом того времени, мы использовали все печатные и неизданные документы, которые могли вдохнуть жизнь в эти отвлеченные вопросы. Кроме декретов, проектов кодексов, докладов, речей, прений, мы использовали все документы, которые отображают действительную жизнь: указы депутатам Генеральных Штатов 1789 года, все имеющиеся у нас теперь указы бальяжей и приходов, путешествие Артура Юнга, доклады наиболее значительного провинциального Собрания - в Берри, материалы, оставленные Комитетами Национальных Собраний эпохи революции, как, например, материалы Комитетов по вопросам законодательства и классификации законов, Комитета по отчуждению имуществ, некоторые документы Комитета по церковным делам, наконец, материалы Комитета по ликвидации феодальных отношений, проливающие особый свет на законодательство Учредительного Собрания и раскрывающие нам настроение деревни с 1789 по 1793 год. Ясно, что недостатка в документах не было. Но для некоторых периодов и по некоторым вопросам гражданского права мы бы желали иметь их больше. В общем, по Учредительному Собранию, Директории и Консулату источники имеются в изобилии. В Законодательном Собрании, и особенно в Конвенте, прения были менее продолжительны, протоколы их очень сухи; там меньше говорят и больше действуют. Впрочем, доклады Законодательного Комитета и брошюры позволяют до известной степени пополнять наиболее крупные пробелы.

Для изложения мы избрали одновременно методический и хронологический порядок. Во введении мы рассматриваем принципы, согласно которым шло преобразование французского гражданского права. Мы делим гражданское право революции на два очень различающихся между собой периода: первый - от 1789 года по 1795 год; второй - от 1795 по 1804 год. Первый - это период непрерывного движения вперед, эпоха творчества, второй - период относительной реакции, который можно изложить гораздо более сжато. В каждом из этих периодов гражданского законодательства мы рассматриваем сперва отношения собственности, затем отношения личные и семейные. Здесь мы придерживаемся методического порядка, не вдаваясь слишком далеко в детальные подразделения, которые при изложении системы законодательства могли бы заслонить собой ее общие перспективы. Наконец, чтобы снова привлечь внимание к гражданскому законодательству в его целом, чтобы искупить недостатки, присущие такому методическому изложению, даже при условии дополнения его хронологическим, мы разворачиваем в заключении всю эволюцию французского гражданского права от 1789 до 1804 года. Мы показываем различные влияния, которые сказались на нем с известной последовательностью, изменения в направлении мысли каждой новой смены правоведов или, вернее, тех же самых законодателей, но в различные периоды и выявляем в нескольких словах актуальный интерес такого исторического исследования.

Мы сделали попытку рассмотреть гражданское законодательство, не следуя манере французских юристов, трактующих его крайне отвлеченно, а представляя его, наоборот, как нечто живое и конкретное, естественно вытекающее из общественных условий, из идей, присущих известной нации в определенную эпоху. Поставить гражданское право в связь с общей историей, согласовать все его части и выявить в них систему, связанную с общими принципами, которые, в свою очередь, вытекают из исторической традиции или философии, - таково было наше намерение.

ВВЕДЕНИЕ ПРИНЦИПЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЕДИНСТВО ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Франция в 1789 г. не знает иного единства, кроме территориального: вся она повинуется королю. Но в ней нашли себе отражение те последовательные стадии, через которые она прошла. Ни феодальная, ни вполне монархическая, она отчасти сохранила сеньориальный режим и не имела еще времени или возможности довести монархическую организацию до предела ее развития: ее административное единство очень подвинулось вперед, но единство законодательное еще отсутствует.

I

Нет ничего более пестрого, чем ее гражданское законодательство. Оно лучше всего прочего дает понятие о том разнообразии, несвязанности и путанице, которые царили в учреждениях старой Франции. Каждая провинция, каждая местность управляется особыми гражданскими законами; не только не существует единого гражданского кодекса, но имеются, по крайней мере, триста шестьдесят маленьких областных кодексов, которые применяются иногда в целых провинциях, чаще же всего на весьма ограниченных территориях.

В южной части Франции, ограниченной извилистой линией, которая начинается от реки Шаранты и области Сент и кончается в области Жекс, оставляя в стороне почти всю Овернь и включая Форез, Лионнэ, Макоиннэ и Бресс¹, господствует писаное право: это—римское право Юстиняна, а иногда Кодекс Феодосия, видоизмененный под влиянием обычного права и частных статутот. Это право зиждется на отцовской власти, на абсолютном и почти безграничном авторитете отца семейства, на индивидуальной силе.

В центре и на севере Франции, кроме Эльзаса, взаимоотношения между отдельными лицами регулируются обычным правом. Несмотря на все разнообразие кутюмов², отредактированных в

XVI веке, существует общая основа, общее обычное право. Это законодательство не знает ни абсолютной отцовской власти, неограниченной во времени, ни полной свободы завещания, ни оставления за женщиной права собственности на имущество при вступлении в брак. Оно не основывается на физической силе личности: оно одухотворено очень чистым семейным началом, которое считается не столько с интересом одного лица, сколько с независимостью и равенством всех.

Наряду с этими двумя законодательствами, из которых каждое характерно для одной из двух частей Франции, действуют три других, которые носят общий характер и дополняют и видоизменяют два первые или даже противоречат им. Во-первых, феодальное право, внесенное в кутюмы Севера и Юга; оно вводит в это законодательство элемент сложности и спутанности делением земель на два класса, ибо от подчинения одной земли другой зависит затем подчинение одного лица другому. Во-вторых, каноническое право, которое оказывает преобладающее влияние на гражданское состояние лиц, особенно на брак. Наконец, королевские ординансы, видоизменяющие иногда некоторые стороны гражданского права. Прибавьте к этим законам все частные обычаи, которые их нарушают, обширные комментарии, которые их истолковывают, подвижные и изменчивые постановления парламентов и уездных судов, которые их применяют. Ничего устойчивого, никакой связи. Это—хаос, в котором юрист теряется. Это—такое разнообразие и путаница, в результате которых жители одного и того же королевства делаются до некоторой степени чуждыми друг другу¹.

Это не значит, что королевская власть не заботилась об установлении единообразных гражданских законов для всей Франции. Еще в то время, когда наши короли вели таким ускоренным темпом дело территориального сближения, они стремились уже к единообразию мер и весов и к единству закона во всем королевстве. Об этом мечтал еще Людовик XI. Пока же они призывали записывать кутюмы и все шире развивали свое законодательное творчество. Своими ординансами, настоящими маленькими кодексами по частным вопросам, Людовик XIII и особенно Людовик XIV и XV вступили на путь объединения права. Но это была очень медленная эволюция, которая к тому же касалась меньше существа права, чем судопроизводства.

Кутюмы сохраняли все свое значение. Поэтому избранная часть нации, столь влиятельная в XVIII веке, требовала крупной реформы. Философы, которых справедливо коробило это странное нагромождение законов, стремились к единству законодательства.

¹ Эта мысль встречается довольно часто, наприм. у Вольтера в его *Dictionnaire Philosophique*, éd. Garnier, III, 614 «В одной и той же провинции Европы, между Альпами и Пиренеями, имеется более 110 разных народностей, считающих себя соотечественниками, а в действительности чуждыми друг другу в равной мере, как какой-нибудь Тонкин—Кохинхине».

² Кутюмы — *coutumes*. Études sur l'histoire du droit français, 1834, avec carte, t. II.

² Юридических обычаев, которые по гегелю, с IX в., собирались, записывались и создали основу национального права Франции. См. Карасевич «Обычное гражданское право Франции», 1873 и Шершеневич: «Очерки по истории кодификации гражд. права». ч. I, Франция, 1897. (Прим. перев.)

Вольтер говорил о нашем гражданском праве как о здании, сооруженном «мало-по-малу, случайно и неправильно». «Посмотрите, — говорил он, — какой контраст представляют в Париже кварталы рынков, Сен-Пьер-о-Бе, улица Бриз-Миш и Пет-о-Диаволь с Лувром и Тюильри: такой же вид имеют наши законы». Он требовал, чтобы были «только одна система мер и весов, один сборник обычного права»¹. От Дидро слышались те же жалобы: «Что это за закон, — говорил он, — местная справедливость и авторитет которого, ограниченные то горой, то ручейком, исчезают для того из подданных одного и того же государства, который перешел через этот ручей или гору?»². Ленге в своей «Теории гражданских законов» также требовал, чтобы были, наконец, сведены к единству и простоте триста шестьдесят различных кутюмов, действовавших во Франции³. Выдающиеся юристы были одного мнения с философами. Дагессо хотел единого Кодекса и выражал желание, чтобы «выполнить эту работу было так же легко, как задумать и пожелать»⁴. Буржон, как когда-то Мулэн, хотел содействовать осуществлению этого стремления путем выделения «общего права Франции» из Парижского кутюма⁵. Одни Montesquieu, охраняя все то, что сообразуется с изменчивой природой вещей, с почвой, климатом, нравами и историей, неблагоприятно относились к единообразию. По его мнению, это — идея, «которая овладевает иногда великими умами, но которая неминуемо поражает слабые умы»⁶. Разнообразие кажется ему законом самой жизни. Как навязать пестроте, свободно созданной историей, суровое единство, измышленное разумом?

Но, несмотря на желание философов и крупных юристов единство гражданского права долго еще не могло установиться во Франции. Для того чтобы крупное государство обладало единообразным гражданским законодательством, необходимо, чтобы в нем растворились или, по крайней мере, были забыты все различия расы, правов и обычаев, все особенности, порожденные историческими условиями, и чтобы нация представляла одно тело, одушевленное одним стремлением. Нужно также, чтобы все отличия между лицами и землями стерлись в законе и чтобы каждый в своей гражданской жизни отказался от своих сословных прав для того, чтобы сделаться тем, чем станут все. В древности одному только римскому народу удалось дать обширной империи единообразное право; это потому, что он обладал такой гениальной способностью ассимиляции, что побежденные национальности представляли одно целое с ним. Наконец, потому, что, от природы склонный к обобщению и все менее и менее готовый

утверждать или создавать различия между лицами и вещами, он все более и более проводил единство законодательства. Королевская власть во Франции находилась в иных условиях. Ни ее способность к политической ассимиляции, ни ее стремление к законодательному единству не сравнимы с римскими. Вместо того чтобы подготовить этот путь, предшествовавшая история работала в противоположном направлении. Дело, созданное на развалинах Рима, организация церкви и феодальный порядок мешали свободе действий королевской власти: она встречала в людях и в вещах неодолимые препятствия.

Прежде всего самая общественная организация противодействовала стремлению к единству. В дореволюционной Франции всюду наблюдается обособленность и, как следствие, зависть или ненависть: различные классы нации, которых жизнь не заставляет соприкасаться, не знают друг друга; нет никого, кроме человека низшего сословия, кто бы не пользовался привилегиями по отношению к другому; ничто их не сближает, все разъединяет. По образцу этого общества, вышедшего из феодального строя, создается гражданское право. Если оно не устанавливает всех тех тонких и пестрых различий, которые способно провести между людьми и вещами только государственное право и, особенно, условия быта, оно тем не менее делит со всей юридической строгостью лица и земли на несколько классов. С одной стороны — свободные люди и рабы, ибо имеются еще рабы в нескольких восточных и центральных областях; затем, среди первых — дворяне и разночинцы; последнее деление имеет чисто личный характер и второстепенно, но в некоторых установлениях оно обнаруживает еще свое значение¹. С другой стороны, земли дворянства и земли простого народа, — различие основное, чреватое последствиями: в отношении их самые виды собственности, порядок наследования, налоги, — все различно, и все эти различия затем через посредство земли переносятся на ее владельца. Как уничтожить эти различия, провозгласить свободными земли Франции и всех населяющих их, не вызывая на борьбу все прошлое и не рискуя погубить самое государство? Общество зиждилось на собственности; порядок землевладения установился в древности: корни его относятся еще к римской империи, но постепенно, под влиянием обстоятельств и событий, независимых от воли индивидуума, он претерпел некоторые изменения. Мог ли дерзнуть король, сам феодальный владелец в королевстве, глава феодальной иерархии, коснуться вековой организации, в которой он занимал такое видное место? Королевская власть не осмелилась на это: она отказалась от дела, о котором мечтали некоторые государи, но которое — она это чувствовала — превосходило ее силы. Уничтожив с помощью третьего сословия политический феодализм и создав благодаря своей настойчивости, своим политическим ме-

¹ Вольтер: Ibid, III, 614, 619, 626.

² Encyclopédie V^o. Lois. Oeuvres complètes de Diderot, éd. Garnier, t. XV.

³ Théorie des lois civiles, préf. p. 26.

⁴ Lettre à Machault. Oeuvres de Daguesseau, éd. in—4, VIII, 485.

⁵ Droit commun de la France, 1747, préface.

⁶ «О духе законов», кн. XXIX, гл. 18.

¹ Ср. главу о лицах, кн. II, гл. I.

тодам и ряду счастливых случайностей территориальное единство Франции, она встала на сторону привилегированных сословий, от которых зависела часть ее престижа. Она предоставила им разорять сельские общины и мучить крестьян; она даровала в ущерб этим последним несправедливые привилегии могущественным сеньерам; в то же время она притесняла их, в свою очередь, при посредстве целой армии откупщиков удельного ведомства и всякого рода чиновников¹.

Политическое устройство Франции представляло не меньшие препятствия для создания правового единства. Несмотря на централизацию, которую монархия пыталась продвигать все дальше и дальше, различные части королевства все же не имели между собой тесной связи. С ними происходило то же, что с общественными классами: они не знали друг друга; их также разделяли привилегии; правда, настанет день, когда общность страданий и стремлений их объединит. Франция—это «неорганизованное соединение разобщенных между собой народов»; имеются народы², но нет еще нации. Все эти фискальные округа, которые охватывают провинции, это когда-то живые, теперь дряхлые единицы, скорее помещенные рядом друг с другом, чем слитые воедино. Единственная общая связь—это почти равная степень подчинения королю и его интендантам. Каждая провинция ревниво оберегает свои привилегии, свои кутюмы, все, что выгодно отличает ее от других. Провинции же, расположенные на границах королевства и вследствие этого сохранившие свои провинциальные штаты, особенно страстно цепляются за эти последние остатки бывшей самостоятельной жизни. Чтобы достигнуть законодательного единства, надо было сломить сопротивление всех этих провинций, нарушить священные договоры, связывающие королевскую власть с присоединенными к короне провинциями, вступить в борьбу с тринадцатью парламентами королевства, из которых каждый являлся хозяином в своей сфере: ведь для того, чтобы королевский ордонанс получил законодательную силу для всей Франции, требовалось, чтобы он был последовательно зарегистрирован каждым парламентом. Как могла думать королевская власть о приведении к единству всего разнообразия норм обычного права, когда она еще не закончила административного объединения и когда, накануне своего падения, в 1788 году она пыталась навязать Франции план единообразного управления?³ Провинциальный партикуляризм, усилившийся под влиянием нового созыва Собра-

ний, оказывал еще слишком большое сопротивление этой великой реформе, несмотря на вековую объединительную работу. Кроме того, пестрота обычного права мало стесняла королевскую власть. Какое ей было дело до того, что частные интересы защищаются в королевстве на сто различных ладов, когда она больше всего стремилась расширить свое господство за пределы государства и свою политическую мощь внутри его?

Наконец, объединение гражданского права встречало третье препятствие со стороны влиятельной католической церкви. В государстве, где римская религия является господствующей, гражданские и религиозные установления тесно переплетаются. Церковь—лучшая союзница абсолютной монархии, ибо она поддерживает принцип власти, она уже является правительством, которое готовит путь для другого. Связанная с церковью и с папой священным договором, королевская власть не может, не нарушая его, деятельно бороться против церковного права. Самое большее, что она может сделать, это, возвратив светской власти законные права, ограничить церковную юрисдикцию. Но церковь все еще сохраняет в своих руках ведение актов гражданского состояния и властно распоряжается людьми в этой области.

Таким образом, королевская власть не может предпринять ничего серьезного на пути законодательного единства; она закована в цепи формальных договоров. Каждый раз как она пытается внести какие-либо изменения в существующее законодательство, она вызывает опасения со стороны провинций или духовенства и даже наталкивается на их сопротивление. Если бы она поставила себе целью единообразие законодательства, она вызвала бы против себя целую коалицию разнообразных интересов. Вот благодаря чему в самой централизованной из западно-европейских монархий господствовала самая странная пестрота в области обычного права и гражданских законов.

II

А нация, желает ли она в 1789 году, во время созыва Генеральных Штатов, этого единства, о котором мечтали некоторые из королей, которого требовали выдающиеся юристы и философы, но которому препятствовало общественное и нравственное состояние Франции?

Представим себе сперва образ мыслей французов этого времени. Во всех наказах, составленных тремя сословиями, выражается общее стремление: ограничение произвольной и деспотической власти министров путем создания конституции. Но рядом с этим желанием, общим для всего королевства, вызванным вековым притеснением со стороны королевской власти, всюду встречаем частные пожелания. Высказавшись заодно со всеми другими, каждая местность, каждый город, каждая провинция говорит о себе, о своих интересах. Горизонт еще ограничен. Чтобы устремить свой взор

¹ Ср. главу о праве собственности в 1789 г. Кн. I, гл. I.

² Выражение «народы» постоянно встречается в наказах 1789 г.

³ Эдикт 8 мая 1788 г. Isambert, XXVIII, 560.—Ремонтранс Парижск. Парлам., А. Р., I, 285.—Постановление Парл. (3 мая 1788 г.). Isambert, XXVIII, 532.—Письмо Парламента Дофина к королю (19 июня 1788), ibid. 582: «Ваши провинции просят нас о сохранении их законов и их иммунитета». Ремонтр. Парл. в По, А. Р., I, 341: «настоятельная мысль об установлении в ваших многочисленных штатах единого плана управления противоречит разнообразию местных интересов и прав ваших провинций» и т. д.

за пределы приходов, бальяжей, сенешальств, округов, в которые они заключены, и увидеть королевство помимо личности короля, требуется большое напряжение ума, разрушение очень старых привычек, образование новых, целая духовная революция. В 1789 году эта революция еще не произошла, но под влиянием событий и распространения просвещения она близка к осуществлению. Во всяком случае, большинство французов сохраняет свои старые умственные привычки. Поэтому каждая провинция требует себе независимости: если она крупная, она не хочет оставаться расчлененной на несколько фискальных округов; если она маленькая, она не желает быть присоединенной к другому чтобы не быть поглощенной в одной с ним административной единице¹. Каждая требует восстановления ее древних привилегий, особенно провинциальных Штатов, наподобие Штатов Дофинэ. Провансальцы умоляют короля позволить им собраться «в качестве сословия провансальской нации» и «создать особую конституцию для Прованса»². Жители Лангедока требуют восстановления их провинциальных Штатов взамен «ежегодно созываемой комиссии, которая управляет Лангедоком, неправильно именуя себя Штатами, и которая оставляет народам этой провинции лишь жалкую видимость свободы»³.

Беарнцы и наваррцы, жители «стран, чуждых Франции, хотя и подчиненных королю», «стран независимых и суверенных и просто соединенных с короной», требуют обратно свои древние привилегии, умаленные по произволу короля⁴. «Нация артуазская»⁵ желает быть создана для преобразования конституции своих Штатов и энергично провозглашает свой партикуляризм. «Пусть никто другой, кроме артуазцев не вмешивается в их дела»; «для занятия

какой-либо должности нужно быть рожденным в Артуа, так как иностранцы никогда не будут иметь той привязанности и того интереса к провинции, как они»¹. И это не единственные местности, сохранившие Штаты, которые волнуются вслед за Дофинэ; провинции, давным-давно присоединенные к короне, пробужденные благодаря провинциальным собраниям от своей вековой спячки, в свою очередь подражают им. Нормандия ходатайствует о выполнении целиком и полностью хартии, дарованной норманцам Людовиком X в 1315 году²; Берри, Мэн, Марш желают иметь свои провинциальные Штаты. Повсюду реакция против уничтожения древних вольностей. Каждый у себя, каждый для себя: такова мысль каждой провинции, каждой местности, кроме, может быть, Дофинэ, где новаторы, предтечи революции, заботясь о собственной стране, думают также обо всей Франции. Таково было общее состояние умов в 1789 году. Идет борьба против деспотизма, против монархической централизации. В этих условиях какой смысл могло иметь требование законодательного единства?³ Оно означало укрепление централизации, а ее стараются сбросить, как и всякое другое иго. Правда, это ускорило бы уничтожение личных и имущественных привилегий, приблизило бы наступление гражданского равенства. Поэтому эти две противоположные тенденции борются между собой. То провинциальный партикуляризм уступает перед понятием законодательного единства, неизменной и единообразной для всей территории королевства юстиции, то этот партикуляризм побеждает всякое другое чувство.

Многие провинции или местности думают только о себе, независимо от остального королевства. В Кане, Нанте и Аррасе просят только реформировать обычное право: там так сильно держатся за свои местные законы, что желают лишь их пересмотра и улучшения⁴. Некоторые местности, наоборот, поражены отсутствием связи между законами. Они видят, что это «превращает подданных одного и того же королевства, а часто и жителей одной провинции, как бы в иностранцев друг для друга».

¹ Бальяж Сент-Омер, третье сосл., п. 54 (Loriquet I, 115), третье сослов. сенеш. Сен-Поль, п. 42, *ibid*, I, 128 и п. 46: «Артуацам будут сохранены все их привилегии во всем, что не может повредить народу». Аррас, п. 23, *id.* I, 160—Анжэн и Сент-Обен-лез-Арра, п. 40, *id.* I, 153.

² Алансон (духовенство, дворянство, третье сословие) А. Р. I, 710, 713, 717.—Верней 11°. *id.*, I, 730—Дворянство Кан, п. 3, II, 490: «требовать точного исполнения великой хартии, именуемой хартией Нормандцев, дарованной при Людовике X в 1315 г. и подтвержденной Филиппом де Валуа, Карлом VI, Карлом VII, Людовиком XI, Карлом VIII, Генрихом III».

³ Еще недавно некоторые публицисты думали, что Франция требовала единого кодекса. В наказах под «Гражданским Кодексом» надо понимать ординас 1667 г. Вообще выражают желание реформировать судебный процесс, чтобы суд был скорый, даровый и правый. Лишь небольшое число наказов обнаруживает стремление к реформе или единству самого гражданского законодательства.

⁴ Дворянство Кан, А. Р., II, 490.—Город Нант. IV, 95—99 п. 40, 154.—Аррас, п. 30 (Loriquet, I, 160): «Единое обычное право для Артуа, единую меру, единый вес».

¹ Крупные провинции (Нормандия, Дофинэ и др.) желают составлять одно административное целое, в центре которого заседали бы провинциальные Штаты. Ср. указы бальяжей Алансон, духовенства, дворянства (art. 8), третьего сословия (art. 5, А. Р., I, 710—717). Для мелких провинций Ср. Марш: третье сословие Гере, Duval, p. 102: «Вернуть провинции ее первоначальное устройство... Этот возврат к прежнему вывел бы ее из того иго Бурбоние, под которым она издавна стонет, и возобновил бы ее союз с Нижней Марш». Третье сословие Фельтан, *ibid*, p. 113: «Провинция желает отделиться от Бурбоние и управляться своими Штатами».—Мэн желает отделиться от Турэни и Анжу, к которым она присоединена для образования Турского округа (Наказ Мэн: Сент-Энльян, п. 7; Bellez, I, p. 4).—Барруа желает, чтобы ее отделили от Лотарингии (дворянство Бар-ле-Дюк, особые требования, 2°).

² Сенешальство Экс: третье сословие, А. Р., I, 697: «Наши депутаты должны добиваться, чтобы Прованс сохранил свое устройство союзного, а не подчиненного государства». Сенешальство Драгиния: Арк (Mireur, p. 22): «Мы должны неустанно умолять Его Величество разрешить нам собраться в качестве провансальской нации»... Карсе, *id.*, стр. 110, Фиганьер, стр. 178; Лорг, стр. 278.

³ Сенешальство Ним: третье сослов., А. Р. IV, 211; дворянство, п. 21, *id.*, 238.

⁴ Ремонстр. Парл. в По (1788) А. Р. IV, 341; Общины Беарна. Bull. Société sciences lettres et arts. Pau, t. XVI, passim. Ср. также духовенство Лабура, А. Р. III, 424, п. 52: «Мы просим, чтобы нас оставили в прежнем состоянии и не смешивали с другими народами, какие бы выгоды нам ни сулили».

⁵ Жители провинции Артуа. (Прим. ред.)

Эти местности заглушают в себе чувство партикуляризма и стремятся к единству права. Но, чувствуя, что его трудно, а может быть, даже невозможно осуществить, довольствуются просьбой «о сведении кутюмов, по крайней мере, каждой провинции к желательному единству, поскольку позволяют обстоятельства и местный быт»¹. Это уменьшило бы количество разнообразных обычаев и подготовило бы для будущего единый национальный кодекс. Наконец, другие, менее ревниво относящиеся к своим собственным законам, сознают общие интересы нации и энергично требуют единства законодательства. Такого рода заявления слышатся в некоторых просвещенных городах: в Париже, в Ренне, в Немуре, где об этом пишет Дюпон, в Бург-ан-Брессе, в Ажане, затем в окрестностях Парижа, в общинах Анжу и некоторых отдельных приходах Оксерра, Отэна, Сула, которые сами без сомнения придают ему гораздо меньшее значение, чем юрист, редактор их наказа². Но эти голоса редки³. В общем не столько стремятся расстаться со своими кутюмами, сколько еще больше скрепить свою связь с ними путем их пересмотра и переработки. И как могло быть иначе в государстве, где натягиваемые долгое время пружины централизации вызывают вспышку провинциальной энергии, и где различные местности горят одним желанием—ожить, но не новой жизнью, а своей прежней? Если к этому добавить, что привилегированные ревнивей, чем когда-либо, оберегают свои угрожаемые сенъерiales права, что церковь нападает со своей обычной нетерпимостью на эдикт 1787 года, который препятствует ей руководить в качестве полновластного хозяина гражданским статусом всех французов без различия и исключения⁴, то вы почувствуете, что препятствия, встававшие до сих пор перед

объединением гражданского права, вновь возникают в 1789 г. Правда, они не так сильны, как прежде, но все еще достаточно значительны, чтобы помешать, как будто еще надолго, принятию единого гражданского кодекса.

III

Но умственная революция уже готовится. С того дня как Генеральные Штаты становятся Национальным Собранием, когда действительная власть принадлежит уже не королю, а нации, провинции, некогда относившиеся недоверчиво к власти, ревниво охранявшие свою автономию, соглашаются отказаться от своих кутюмов. Привилегированные сословия, охваченные энтузиазмом, отказываются от своих привилегий. До 1789 года, как говорил Мерлэн, «не было нации, не было отечества»¹. 4-е августа создает нацию. Все привилегии уничтожены безвозвратно и растворяются в общем праве всех французов². Все классы, все народы Франции сливаются воедино. Ничто больше не должно разъединять их, все должно содействовать соединению их в одну большую семью. Благодаря этому разрушению прошлого гражданское право сможет стать единообразным. Одним ударом сброшены все препятствия. Доверие к Национальному Собранию все преобразило. 16 августа 1790 года Собрание декретирует: «гражданские законы будут пересмотрены и преобразованы законодательными органами, и будет создан общий Кодекс законов простых, ясных и согласованных с конституцией»³. В конституции 3 сентября 1791 г. Собрание повторяет, что «будет издан Кодекс гражданских законов, общих для всего королевства»⁴.

Это пока еще только общий принцип. Надо его развить, но тут-то и обнаруживаются противодействия. Сеньеры, духовенство, провинции, которые дали восторжествовать новой идее, теперь борются против нее, как только начинают понимать, каких практических реформ она требует.

Сеньеры оказывают сопротивление прежде всего Национальному Собранию, которое хочет заложить основание гражданского равенства, необходимого условия настоящего единства. Но феодальное право осуждено историей: и если Учредительное Собрание, которому мешали феодальные интересы половины его членов, часто останавливается на компромиссах и прибегает к мерам, невозможным для выполнения, то Законодательное Собрание и Конвент провозглашают окончательную гибель прошлого.

¹ Амьен, третье сословие, А. Р., I, 747; Блуа, духовенство, п. 10, II, 377; дворянство Нанси, IV, 81.

² Третье сословие Парижа, А. Р., V, 288; Essones, IV, 532; Saint-Nicolas и Saint-Vincent de Maule sur Mandre, IV, 689, art. 3. Третье сословие Немюра, IV, 178;—Bourg-en-Bresse, все три сословия, II, 370. Коммуны пяти сенешальств Анжу, II, 41, art. 17: «Будет составлен гражданский кодекс простой, точный и единообразный для всего королевства. Это будет кодекс самой природы и разума, поскольку он не будет допускать местных особых обычаев и основанных на произволе установлений». Soule, Moncajolle, art. 14 (Lagrange, p. 155): «Общий и единообразный кодекс для всей Франции». Bourg-de-Couches (Autun), art. 2, de Charmasse, p. 57. Coulanges-sur-Yonne, Bull. Sc. Yonne, XXXVIII, 215; Lucy-sur-Yonne, ibid., 358.—Agen, третье сословие, А. Р., I, 689.

³ За некоторыми исключениями (напр. Agen), весь Юг хочет сохранить писаное право. Третье сословие Бордо не требует единства, а лишь реформы законодательства, установления «законодательных бюро, составленных из лиц судебного звания, юристов и других образованных людей из различных частей королевства». А. Р., II, 470.—Lapelissarié (Sénéc. Castres), La Jonquiére, p. 22: «Провинция Лангедок получит подтверждение привилегий, управляться согласно писаному праву». Памье, третье сословие, А. Р., IV, 284. «Чтобы за провинцией была сохранена привилегия управления по писаному праву».

⁴ Ремонтранс духовенства Франции (15 июня 1788 г.) Bibl. nat. 2d, 5, 601 (воспроизвед. в А. Р., t. I, 373).—Наказ духовенства Парижа внутри укрепленных стен, 2, А. Р., V, 263 и указы духовенства в 1789 г.

¹ Мерлэн, доклад 21 ноября 1790 г. А. Р., XX, 598 (в конце).

² Декрет 4—11 авг. 1789 г., п. 10, Duvergier, I, 40.

³ Декрет 16 авг. 1790 г., раздел II, п. 19, Duvergier, I, 364.

⁴ Конституц. 3—14 сент. 1791 г., в конце I разд., Duvergier, III, 277.

Бслед за сенсерами выступают провинции. Энтузиазм, который заставил их отказаться от своих местных законов, охладел. Так как во Франции царит самая страшная пестрота законов, единство их может быть достигнуто исключительно уничтожением всех этих маленьких местных кодексов. Представители районов, где господствует обычное право, за исключением норманнцев, сочувствуют отмене их кутюмов; центром единения является для них Парижский кутюм. Но южные местности упорно держатся своих писаных законов. Борьба между обычным и писаным правом становится неизбежной. Которое же из этих двух великих законодательств, оригинальных и противоположных по духу, а потому разъединяющих Францию, восторжествует?

Победа должна была остаться за обычным правом. В продолжение трех веков оно боролось с римскими законами, а с тех пор, как Дю-Мулены и Пакье повели атаку на это чуждое право¹, у защитников кутюмов, все более многочисленных, прибавилось силы и смелости. В XVII веке восхваление римского права часто встречается в произведениях юристов, подобных Дома и Клоду Анри². Королевский Совет при Людовике XV пользуется римским правом, как оружием против опасных интриг дворянства³. Но в течение XVIII века сторонники римского права, видя крайнее усиление своих противников, бьют тревогу, и разгорается борьба. более оживленная, чем когда-либо. Писатели, сторонники обычного права, утверждают, что римское законодательство — законодательство иноземное, что некоторые провинции сохранили его только благодаря «терпимости и особой милости королевской власти»⁴. Только французское право, особенно Парижский кутюм, утверждают они, должно рассматриваться как общее для всей Франции право; даже Парижский Парламент, высший судебный орган королевства, высокий авторитет которого распространяется на третью часть французской территории, ссылается на римские законы только в самых крайних случаях, как утверждают с некоторым преувеличением сторонники обычного права⁵. В школах тех местностей, где господствует обычное право, та

же эволюция, что и в судах: с 1679 года французское право там преподается с заметным успехом¹. Крупные юристы комментируют кутюмы так же заботливо, как Куяций и Гodefруа интерпретировали когда-то римские законы; молодежь их изучает с большим рвением и все более и более пренебрегает Институциями и Дигестами, как добавочными текстами, которые применяются только тогда, когда молчит обычное право.

Защитники римского права XVIII века пытаются оказать противодействие. Бретонье, издатель Клода Анри, задается целью в своем предисловии «дать почувствовать, насколько обычное право королевства ниже римских законов». Председатель суда Буе берет под свою защиту римское право и пространно излагает все превосходства его перед конкурирующим с ним обычным правом: «Возмутительно видеть, как с некоторого времени стали пренебрегать изучением этих законов и как молодые адвокаты большею частью предпочитают предписания обычного права верным и твердым принципам писаного права». Как осмеливаются сравнивать с ним эту бесформенную массу кутюмов, наскоро составленных невежественными практиками? Кутюмы полны несправедливых законов, продиктованных насилием; наконец, что бы там ни говорили, они лишены единства и духа общности, необходимых для каждого законодательного кодекса. Разве писаное право не свидетельствует о более высокой образованности его творцов, разве оно не отличается большей методичностью, гармоничностью, справедливостью; разве оно не лучше комментировано? Правда, некоторые заключающиеся в нем положения слишком тонки и сложны, тем не менее оно останется навсегда «великим океаном юриспруденции, в котором обретаются неисчерпаемые источники света, объясняющие всякие трудности»².

Несмотря на усилия сторонников римского права, писаное право теряло с каждым днем свой авторитет и свое обаяние. Это стало ясно видно в 1789 году. В Брессе, местности писаного права, три сословия Бурга просят об общем кодексе гражданских законов, «который избавил бы от существовавшей до сих пор униженной необходимости управляться римскими законами или законами соседей. Давно пора, — добавляют они, — чтобы Франция стала независимой в этом отношении, подобно тому, как она независима в силу своего государственного могущества»³. Области обычного права желают освободиться сами и освободить всю Францию от чуждого и древнего права, несколько не свойственного понятиям и нравам современного народа, изложенного на устарелом и малопонятном языке. Это желание выра-

¹ Du Moulin, *Oratio de concordia et unione consuetudinum Franciae* — Et. Pasquier. *Lettres IX, I et XIX, 15*. Ed. Amsterdam. 1723, fol. tome II, 222, 575: «Пора, наконец, освободиться от бессмысленного страха, владеющего нашими умами, благодаря которому мы попираем ногами все, что есть справедливого и простого в праве Франции, и целиком подчиняем наши суждения суждениям римлян; мы не принимаем во внимание того, что бог, пожелавший отделить нас от Италии высокими горными хребтами, создал между нами глубокие различия почти во всем: в правах, законах, в физическом сложении» (t. II, p. 223).

² Domat, *Traité des lois civiles*, chap. XIII, p. XXXIX.
³ Августовский эдикт 1729 г.: «Отмена этого эдикта (1567 года) не должна вызывать у дворянства никаких опасений, хотя именно его интересы были основным аргументом, при помощи которого добивались этого эдикта от Карла IX».

Isambert, XXI, 324.
⁴ Cl. — J. de Ferrière, *Hist. du droit romain*, pp. 329 et suiv. — Serres

Instit. au droit français, p. 4.
⁵ Bouhier, *Les Coutumes de Bourgogne*, chap. II.

¹ Edit avril 1679, art. 14. Isambert, XIX, 195.

² Bouhier. *Les Coutumes de Bourgogne*, 1742, chap. II. p. 197; chap. IV: «С самых древних времен и почти до нашего времени римское право признавалось общим правом всей Франции, не исключая и областей обычного права».

³ A. P., II, 470.

жают некоторые города, особенно Париж¹, право которого является как бы зеркалом общего обычного права. Таким образом начинается открытая вражда между Парижским кутюмом и Дигестами императора Юстиниана.

Деятели революции 1789 г., стремившиеся прежде всего к объединению права, воспользовались этой общественной реакцией против римского права, чтобы упразднить его законодательным путем. И вот тогда-то сектанты писаного права, поддерживаемые несколькими нормандскими депутатами, ревниво стоящими на страже своего кутюма, выступают на защиту своего законодательства, которому угрожает опасность. Своим предложением закона о равенстве наследственных долей Законодательный Комитет вызывает столкновения. Юрист Мерлен де Дуэ хочет ускорить введение единства в гражданских отношениях, которое было обещано декретом 16 августа 1790 года, но слишком долго не устанавливается. В своем докладе, который он читает Собранию 21 ноября, он утверждает, что без опасности для Конституции невозможно более допускать существование «этой странной мозаики, этого нелепого набора законов, статуты и кутюмов, которыми еще управляется Франция». «Вы напрасно будете говорить французам: отныне вы будете составлять одну семью, вы все братья», это положение, оправдываемое вашими политическими законами, будет каждую минуту, на каждом шагу опровергаться вашими гражданскими законами; и если это противоречие просуществует еще долго, то, будьте уверены, единство семьи, национальное братство, вместо того, чтобы стать практическими и близкими всем гражданам понятиями, будут в конце концов рассматриваться, как чисто отвлеченные истины, я даже хотел сказать, как философские мечтания»². Собрание обещало рассторить все привилегии в общем праве всех французов. Пора сдержать это обещание. И пусть не говорят, что Собрание уклоняется от выполнения своего назначения; если действительно для него «важнее всего закончить составление Конституции, организовать налоговое обложение», то в число его обязанностей с этого момента входит и забота о переработке если не всех гражданских законов, то по крайней мере «тех, которые по своему влиянию на человеческие чувства и страсти являются наиболее достойными внимания Учредительного Собрания». И Мерлен предлагает уничтожение всякого неравенства в законах о наследстве. Затем 12 марта 1791 г. он просит, чтобы Собрание занялось одиннадцатью вопросами гражданского права в своих утренних заседаниях³. И если Тронше придерживается того мнения, что надо заниматься только предметами, которые имеют ближайшее отношение к Конституции, то Мирабо желает, чтобы

обсуждались все вопросы, связанные с наследством и свободой завещания, так как по его мнению они все являются главными и конституционными. Но представители юга: Дариода, депутат Беарна, Гара старший, депутат Лабура и адвокат Бордо требуют перенесения всех этих вопросов на следующую легислатуру; сейчас надо заниматься только Конституцией и оставить какую-нибудь работу и своим преемникам. Учредительное Собрание и без того слишком «подозревают в желании затянуть на веки вечные свое существование»¹. Фуко-Лардимали, депутат дворянства Перитора, заявляет, что он, житель области с писаным правом, не будет вовсе присутствовать при обсуждении законов, которые стремятся к разрушению его страны»². Но все их протесты напрасны. Собрание переходит к дальнейшему обсуждению вопроса, и представители Юга и Нормандии³ обрушиваются на законодательное единство уже с помощью исторических и практических аргументов.

Сперва они поддерживают историческое право против права философского. Они вновь выдвигают доказательства Монтекские, парламентов и духовенства, враждебно относившихся в 1788 году к созданию Верховного Суда, который один имел бы право, путем своей регистрации, делать обязательными к исполнению для всей Франции все ордонансы и другие акты королевской власти. Единообразие—«система соблазнительная, но опасная». Она исходит из разума и презирает опыт; она совершенно не считается с реальностью, всегда и всюду различной. «Гражданские законы,—говорят Ламбер де Фрондевилль и Казалес⁴,—должны быть сообразны с климатом, почвой, количеством народностей, нравами и духом народов, которые должны ими управляться. Каждая местность Франции отлична от других, у нее свой особый характер; вот почему у нее свое собственное обычное право. Все эти кутюмы «как бы сами выросли на той почве, где они живут и действуют»⁵. Это—создания, которые вышли самопроизвольно из земли и к которым человеческий разум должен относиться с уважением. Законы всегда условны и искусственны, и если они создаются одновременно для различных народов, то ни одному из них они не будут подходить».

Затем сторонники обычного права высказываются в качестве экономистов, не физиократов с их неподвижными формулами, а экономистов-практиков, учение которых гибко, как сама действительность. Равенство долей в наследстве, которое хотя и установить, говорит Казалес, способствует дроблению земель. А всегда

¹ Ibid. XXIV, 46 et suiv.

² Ibid. 500.

³ Мнения депутатов Нормандии разделились: Ламбер де Фрондевилль, Ашар де Бонвулар отвергли принцип единства; Туре, Гуиль де Префельи, Пурерокри признали его.

⁴ Ламбер де Фрондевилль, 12 марта 1791 г. А. Р., XXIV, 46; Казалес, 5 апр. Ibid. XXIV, 570 и сл. Bibl. nat. Le²⁹ 1406.

⁵ Ламбер де Фрондевилль, цитир. речь.

¹ А. Р., II, 288.

² Мерлен, докл. 21 ноября 1790 г. А. Р., XX, 598 и сл.

³ А. Р., XXIV, 45.

ли оно благоприятно для земледелия? Всякий принцип в силу того, что он устанавливает нечто исключительное, является ложным и роковым. Для лесных и пастбищных хозяйств производительной является только крупная земельная собственность, для полководческих и винодельческих—мелкая. Равенство наследственных долей будет вредно также для торговли, промышленности и населения. Равенство сведет каждого к спокойной посредственности, которая порождает лень; если нужда не побуждает людей, то исчезает всякая инициатива: перестанут встречаться те младшие члены семьи, которых наследственное неравенство так часто толкает на смелые и плодотворные предприятия. Итак, пусть законодатель воздержится: индивидуум знает лучше, чем он, что в каждом данном случае является для него всего полезнее. Но все эти доказательства бесплодны: единообразие—самый дорогой принцип для революционеров; Учредительное Собрание внесло его в свои законы. Этот принцип естественно вытекает из декретов 4 августа и из Декларации прав человека. Разве единство, слияние всех народов Франции воедино, более совершенная организация нации не являются принципом революции? Сторонники писаного права хорошо это знают. Но почему единство законодательства должно осуществляться за их счет? И вот, чтобы протест был более энергичен, представитель Лангедока, сын адвоката Тулузского Парламента, Казалес, требует для писаного права привилегию управлять целой Францией. Раз Собрание увлечено системой единообразия, пусть оно применит ко всему королевству римские законы, «которые управляют,—говорит Казалес,—наибольшим числом провинций». Однако это было безнадежное предложение, которое шло мимо всего современного ему правового развития и которое задевало чувства большинства Собрания, состоящего из представителей местностей, где господствовало обычное право, и из депутатов Юга, таких, как Мирабо, которые относились враждебно к писаному праву. А Казалес, между тем, начинает так восхвалять римские законы, что несколько раз вызывает ропот Собрания. В пользу писаного права говорит его древность, его гибкость, его счастливое свойство приспособляемости к разнообразию жизненных явлений, наконец, привязанность, больше того, страстная любовь к нему народов большей части Франции. Народности Юга не откажутся от своего законодательства. Как уничтожить в один день дело двух тысячелетий? «Вы не учитываете,—восклицает Казалес,—недовольства, которое вы вызовете на Юге»¹. «Нет ни одного собственника в этой стране, который бы в силу одного вашего закона о наследстве не сделался бы врагом Конституции». И он внушает Собранию страх перед восстанием и отпадением всего Юга. Несмотря на усилия нормандских депутатов и талантливого оратора Лангедока, Собрание вотирует 5 апреля 1791 года равен-

ство долей при наследовании без завещания, отложив на более отдаленный срок отмену неравных долей при наличии завещания. Все различия, все неравенства обычного права исчезали с изданием этого закона. Единство гражданского права торжествовало.

Единство законодательства должно было встретить и другие препятствия в этом Учредительном Собрании, столь склонном по своему составу, а также и в силу необходимости «умерить внезапность перехода», к компромиссам и полумерам. Вслед за сопротивлением сеньеров и провинций, ревниво охранявших свои привилегии и кутюмы, Собрание встретило сопротивление католического духовенства. Бесконечные прения, резкие выходы оппозиционных церковников, страхи, пережитые Собранием, радость, обнаруженная некоторыми наиболее убежденными галликанами,—все это с самого начала препятствовало полной секуляризации права, которая была необходимым условием для достижения совершенного единства. Но если духовенство еще сохранило в своем ведении акты гражданского состояния; если для того, чтобы отнять их у него, революционеры должны были дожидаться 10 августа, свержения короля и последнего заседания Законодательного Собрания, то принцип, из которого в конце концов вытекла реформа, был провозглашен Учредительным Собранием 3 сентября 1791 г.: «Закон рассматривает брак только как гражданский договор»¹. Союз религии и права, заключенный христианской культурой, теперь отжил свой век. Право освобождается от опеки теологии. Отныне не будет больше различий в гражданском состоянии граждан в зависимости от религии, к которой они принадлежат. Навсегда положено основание единообразию путем секуляризации, которую господствующее и нетерпимое духовенство всегда передавало проклятию.

Церковное право, феодальное право, местные обычаи, все то, что оказывало вековое сопротивление единству законодательства, рушится одно за другим. То, чего королевская власть была неспособна осуществить, более могущественные революционные Собрания декретируют в течение нескольких лет и затем пытаются привести в исполнение. К государственному единству присоединяется, как бы цементируя его, гражданское единство.

¹ Казалес, цит. речь А. Р. XXII 576

¹ Конституция 3. 14 сентября 1791 г. проект II, ч. 7. Дух. III 377

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРИНЦИПЫ, ПРЕОБРАЗУЮЩИЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Отдел первый

Принципы XVIII века

Единство—это принцип, который носит в отношении права несколько внешний характер. Каковы же принципы, которые преобразуют самое существо гражданского права? Реформа законодательства могла произойти только благодаря революции в области идей, перешедшей затем, в область фактов.

I

Семнадцатый век изучал нравственную сторону человека. Он изучил ее с большой проникательностью и изяществом в классических произведениях, которые составляют лучшую часть нашего национального сокровища. Восемнадцатый век пренебрегает психологическим наблюдением; для него «человеческая природа повсюду одна и та же»¹; для него имеет значение только общественная сторона человека. Он пытается отделить то, что в нем имеется первобытного, дообщественного, от того, что возникает только с установлением гражданского состояния.

Все общественные теории, возникающие во Франции в XVIII веке, определяются, с одной стороны, влиянием философских и юридических сочинений голландцев и англичан, начиная с Гроция и Спинозы и кончая Локком, а с другой стороны, необходимостью борьбы против существующих учреждений в целях замены их другими, более справедливыми и полезными для общества. Подобно Англии в XVII веке, Франция в XVIII веке страдает от религиозного и монархического деспотизма. Все основывается на необходимом божественном порядке; всякая власть исходит от бога: власть короля над подданными так же, как и власть отца

¹ Вольтер, *Essai sur les mœurs*, intr. chap. IV, в начале; chap. VI. Вольтер часто повторяет эту мысль. Ср. последнюю главу *Essai*: «Все, что тесно связано с человеческой природой, во всем мире сходно между собой; все, что может зависеть от обычая, различно, а если сходно, то лишь случайно... Силою обычая распространяется на мировой арене разнообразие. Природа распространяет единство».

над детьми. Сопротивляться государю, значит восставать против самого бога—это преступление и святотатство.

Надо, следовательно, освободить человека. Нужно освободить от этих пут человеческую волю. Все мыслители этого века стремятся к свободе и счастью личности. Они провозглашают естественное право. Но это понятие принимает очень различные формы. По мнению одних, существуют законы, вытекающие из самой природы человека; естественное право—не что иное, как идеал справедливости, созданный разумом; он предшествует всем положительным законам, он их творит и является критерием для их оценки. Это античное понимание, дорогое для греческих и римских философов и поэтов. По мысли других, человек обладает «естественными правами», как то: свободой, собственностью, которые логически предшествуют установлению общества. Наконец, естественное право—это состояние, в котором якобы находился человек до основания общества, состояние, которое юристы представляют себе всегда гипотетическим, но которому некоторые философы, вроде Дидро и Руссо, приписывают даже, вслед за Локком и Гоббсом, как бы историческое существование. Для французских философов—это золотой век, когда справедливость царила на земле, когда свобода, равенство, сострадание и братство соединяли всех людей в одну семью; современному человеку, испорченному социальными установлениями, достаточно было бы вернуться к этому естественному состоянию, чтобы достигнуть счастья, которого он ищет и которое беспрестанно от него ускользает. Это—школа, призывающая обратно к природе: школа Руссо в его «Речи о неравенстве», Дидро, Мабли, Морелли. Человека общественного, испорченного надо заменить естественным человеком, хорошим по существу; Кодекс социальный, препятствующий свободе, заменить «Кодексом Природы», который предоставляет свободному человеку возможность действовать согласно его разуму и его страстям.

Таким образом, в этом движении, которое представляет собой реакцию против богословско-монархического деспотизма, восемнадцатый век провозглашает лозунг естественного права, который во всех своих различных видах обнаруживает всегда тенденцию к индивидуализму.

II

Но как достигнуть счастья? Разве в этой погоне за счастьем, которое овладевает умом каждого индивида, не должны охраняться также и общие интересы? Общественная польза—это высший необходимый принцип, законность которого признается почти всеми мыслителями этого века. Но за исключением утопистов, сторонников «Кодекса Природы», не все одинаково представляют себе общество и его взаимоотношения с личностью. Человек

может достигнуть счастья двумя противоположными путями. По мнению одних, личность должна быть как можно свободнее, государство обязано как можно менее стеснять ее. По мнению других, государство должно вмешиваться, чтобы обеспечить личности счастье, которого она не могла бы завоевать одними только своими силами. По мнению первых, человек сам освободит себя: это индивидуализм, торжествующий в силу могущества самой личности. Вторые думают, что человек освободится от всех своих пут только при посредстве государства: это индивидуализм, который устанавливается только силой самого общества. Между этими двумя противоположными школами третья ищет золотой середины, пытаясь умерить вмешательство государства и примирить права общества с правами человека при помощи очень тщательно построенного общественного механизма.

I. Школа экономистов желает установить абсолютный индивидуализм, враждебный всякому вмешательству государства. Это эмпирики, утилитаристы, которые исходят из фактов и обобщают их; это хороший метод, но они идут так далеко в своих обобщениях, что доводят их до абсурда, до смешного¹. Они не хотят ослаблять государства: они одобряют, даже превозносят единоличный деспотизм; это в их глазах лучшая форма правления². Но над государством царит природа. Над положительными законами, изменчивыми постановлениями государей существуют законы природы, физические или нравственные, «установленные верховным существом», «неизменные, лучшие из всех возможных законов, требующие беспрекословного исполнения»³. «Все эти законы существуют, предположительно, вечно в Кодексе Природы, общем, абсолютном, никогда не терпящем исключений, никаких изменений»⁴. Они образуют «основной порядок обществ». Они так же необходимы, как законы, управляющие физическим миром. Это—«законный деспотизм»⁵. Учрежденное для его поддержания государство никогда не должно нарушать его. Оно должно использовать присущую ему силу, чтобы принудить оказывать ему абсолютное уважение. Положительные законы, издаваемые государем, должны состоять только в обнаружении естественных законов; а «так как невежество является самой роковой болезнью человека» и «даже преступлением», то «основным из всех положительных законов будет организация общественного и частного изучения законов естественного порядка»⁶. Если су-

верен нарушает эти законы, он только вредит самому себе; если он не ограничивается при взимании налога той максимальной долей чистой прибыли, которую допускает брать благоразумие, он разрушает собственность, защита которой была ему поручена, он уничтожает право на свое существование¹. Он нарушает «естественные права человека», предшествующие человеческим договорам: свободу и собственность². Он совершает преступления, и должностные лица, представляющие интересы личности, имеют право и даже обязаны его удерживать или наказать³. Итак, пусть государство относится с уважением к основному порядку обществ, пусть оно признает необходимость и благость естественных законов, пусть охраняет естественные права человека; тогда общество будет управляться наилучшими из всех возможных законов; производительность, потребление, население увеличатся; неслыханным образом возрастет сила нации.

II. Другая школа, представленная Монтескье и Вольтером, держится середины между школой физиократов, с одной стороны, и Руссо и Мабли—с другой. Конечно, Монтескье и Вольтер думают, что существует «естественный закон», справедливость, стоящая выше положительных законов и предшествующая им. «Сказать, что нет ничего справедливого или несправедливого, кроме того, что повелевают или запрещают положительные законы, это все равно, что сказать, что радиусы круга не были равны между собой до того, как была проведена окружность»⁴. Но если существуют естественные законы, вытекающие из человеческой природы, совокупность способностей или инстинктов, которые побуждают нас к самосохранению, питанию и соединению в общества⁵, то в то же время нет таких естественных прав, которые существовали бы прежде общества. Вольтер и Монтескье рассматривают свободу и собственность как общественные установления⁶. Но если государство создает гражданскую свободу

Бодо, *id.*, II, 783: «Философы и политики совершенно забыли о необходимости изучения морали и экономики...».

¹ Мерсье де ля Ривьер, *Daire*, II, 448.

² Дюпон, *Daire*, II, 341—Бодо, *ibid.* II, 674. «Слишком распространено мнение, что гражданские законы определяют права собственности и что именно они способны придавать человеческим поступкам этические свойства дурных или хороших; и то и другое является заблуждением, чреватых пагубными последствиями».

³ Дюпон де Немур, *Daire*, II, 349: «...Судьи должны сравнивать распоряжения органов власти с законами справедливости как таковой, регулирующими права и обязанности каждого и лежащими в основе общественного порядка, и лишь после этого вести судопроизводство, согласно этим распоряжениям».

⁴ Монтескье. О духе законов, кн. I, гл. I.

⁵ *Ibid.* кн. I, гл. II. Вольтер *Dict. Philos.* III, 604—606 (*Oeuvres complètes*, t. XIX).

⁶ Монтескье. О духе законов, кн. XXVI, гл. XV: «Подобно тому, как люди отказались от своей естественной независимости, чтобы жить под властью политических законов, они отказались и от естественной общности имуществ, чтобы жить под властью гражданских законов. Первые из этих законов обеспечивают им свободу, вторые—права собственности».—Вольтер, *Dict. Philos.* II, 432: «Сое-

¹ Смешное определение «бесплодных классов» применяется ими ко всем, кроме землевладельцев и земледельцев.

² Мерсье де ля Ривьер, *Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*. *Daire*, II, 471.

³ Кенэ, изд. Oncken, 375.

⁴ Бодо, *Daire*, II, 789.

⁵ Мерсье де ля Ривьер, *Daire*, II, 471.

⁶ Кенэ, изд. Oncken, 375—376.—Дюпон, *Daire*, II, 347: «Распоряжения государей, именваемые положительными законами, должны представлять собой лишь акты провозглашения этих основных законов общественного правопорядка».—

и собственность, то оно должно всеми имеющимися у него силами охранять их и обеспечивать. Оно и установлено только для того, чтобы обеспечить право. А эти гарантии могут создаваться только умеренной формой правления, т.-е. для Монтескье и Вольтера ограниченной монархией, подобной английской. Точное равновесие и полное разделение властей, как в теории Локка и в английской конституции, как понимает ее Монтескье, дадут возможность избежать деспотизма и гибели прав личности. Государство обеспечит свободу хорошими уголовными законами¹, оно будет охранять собственность², оно установит веротерпимость и даже отделит в законодательстве духовное от советского, ибо религия и государство стремятся к очень различным целям; законы гражданские и законы религии—это два различных порядка законов, которые не должны бы иметь ничего общего³. Конечно, частное благо должно уступать благу общему, но лишь в области гражданского порядка, т.-е. когда дело касается свободы гражданина. Совершенно иначе должно быть, когда вопрос идет о собственности, «потому что здесь общее благо всегда заключается в том, чтобы каждый неизменно сохранял собственность, дарованную ему гражданскими законами; гражданский закон—это «палладиум собственности»⁴.

Таким образом, Монтескье и Вольтер, более эмпирики, чем идеалисты, более историки, чем философы, стараются обосновать светское государство, свободное от всякого вмешательства церкви, государство, менее деспотическое, гарантирующее права личности, свободу и в особенности собственность, которые, по их мнению, являются не чем иным, как общественными установлениями. Это примирение обоих противоположных принципов: власти и свободы, принципа английского, основанного на традиции, и французского, опирающегося на философию.

III. Третья школа, Руссо и Мабли, отличается от школы Дидро и Морелли, которые, относясь с презрением к общественным установлениям, прославляют природу, т.-е. чувство, не меньше, чем разум. Конечно, Руссо, в течение своей бурной жизни не создал единого, точного и неизменного учения. Он прославлял сперва естественного человека, потом общественного. Но такого же рода изменения произошли и у других философов: исходя из индивидуализма, они пришли к общественному деспоти-

тизму¹. И это противоречие объяснимо у Руссо, если принять во внимание, что для него гражданский деспотизм лишь путь к развитию индивидуализма.

Все основывается на человеческой воле. Все, по мнению Руссо, как и Жюрье², традиции которого он следует, покоится на договорах между людьми. Ничего божественного, ничего мистического. Нет естественной общественной организации, или, вернее, есть только одна—и то в течение известного времени—это семья³. Первое творение воли—это общество. И «общественный порядок является священным правом, которое служит основанием для всех других»⁴. Это уже не естественный порядок, чисто физический и механический, как у физиократов. Это не неизменные законы, установленные верховным существом. Общество вытекает из человеческой свободы, которая сама творит для себя свой закон путем подразумеваемого или формально заключенного договора.

Несмотря на встречающиеся в разных местах в его произведении противоречия, автор «Общественного договора» думает, что справедливо или несправедливо только то, что повелевает или запрещает закон. Право создано обществом; все отдельные права исходят от него. Прежде были лишь действия, состояния. Благодаря согласию других людей, факты превратились в права. Первоначально все зависело от силы: свобода и собственность простирались настолько, насколько простиралась физическая мощь⁵. После установления общества, за царством силы последовало царство справедливости; «основной договор ставит моральное и узаконенное равенство на место того физического неравенства людей, которое могла установить природа»; «даже если они не равны по силе или гениальности, они все становятся равными в силу договора и на основании права»⁶. Собственность, свобода, равенство, суть права, которые человек получил не от природы, а от общества. Вот что устанавливает Руссо вслед за протестантскими философами, вроде Жюрье и Пуффендорфа.

Образуюсь путем полного отчуждения прав каждого индивида в пользу общины и давая индивиду взамен значительные права, государство обладает огромной властью над всеми гражданами. Оно трудится для их счастья. Оно употребляет всю силу, которой оно обладает, для их освобождения.

В интересах каждого гражданина и в своих собственных оно должно прежде всего разрушить частные союзы, которые сковы-

длившиеся в общества, мы уже не владеем никаким имуществом от природы как таковой, ибо мы отказались от естественных прав, чтобы подчиниться охраняющему нас гражданскому правопорядку; и все наши имущественные права основаны уже на законе».

¹ Монтескье. О духе законов, кн. XII, гл. I.

² Оно будет издавать хорошие фискальные законы, *ibid.* кн. XIII, гл. I.

³ *Ibid.* Liv. XXVI, chap. IX.—Вольтер, *Dict. Philos.* II, 411, 68—70; III, 625; IV, 29.

⁴ О «духе законов», кн. XXVI, гл. XV.

¹ Так было с Фихте: индивидуализм в его *Considérations sur la Révol. franç.* 1793; государственный социализм в *Grundlage des Naturrechts*, 1796.—Ср. *Consid. sur la Rév.* trad. Barni, 1859, in 8.

² *Jurieu*, *Lettres pastor.*, VIII et XVI, t. III, 172, 365—371.—В противоположность ему: *Bossuet*, *Avertiss. aux protest.*, IV et V, t. XV, 369, 375, 469.

³ «Об общественном договоре», кн. I, гл. II.

⁴ *Ibid.*, кн. I, гл. I.

⁵ «Об общественном договоре», кн. I, гл. VIII.

⁶ *Ibid.*, кн. I, гл. IX (в конце).

вают и стесняют людей и заботятся лишь о частной пользе 1. Такие организации вредны; они препятствуют обнаружению общей воли, они антисоциальны и стеснительны. Надо разрушить их: должны остаться лишь отдельные индивидуальности, все равные между собой по договору, взаимно связывающему их. Это будет средством к установлению равенства и свободы, «этих двух важнейших задач» каждой системы законодательства 2. Чтобы сохранить их, государство должно вмешаться в распределение богатств. «Не допускайте ни богатей, ни нищих» 3. Слишком большое имущественное неравенство порождает зависимость одних и верховенство других. А так как «сила вещей всегда стремится разрушить равенство, то сила законодательная должна всегда стремиться к его поддержанию» 4.

Недостаточно уничтожить организации, которые угрожают государству. Надо провести секуляризацию законодательства. Монтескье различал законы религиозные и гражданские; но он еще допускал вмешательство обеих властей в законодательство о браке: «закону религии предоставляется решать, будут ли его узы расторгимы или нет» 5. Вольтер смелее и логичнее: он требует применения принципа со всеми его последствиями; он хочет, чтобы «все, что касается браков, зависело исключительно от гражданской власти, а священники ограничивались величественной функцией благословения их» 6. Что касается Руссо, то у него уже нет осторожности Монтескье; он идет дальше самого Вольтера. Он усваивает протестантскую политическую традицию Пуффендорфа, Жюрье и Бурламаки, которые, видя в браке человеческий институт, чисто гражданский договор, объявляют, что он не имеет прямого отношения к религии, что он заключается простым соглашением, без священнического благословения и что он может быть расторгнут в некоторых случаях либо властью закона, либо даже самой необходимостью 7. Идя вслед за ними, Руссо, гражданин Женевы, так же, как и Бурламаки, старается поставить установленное им на новых основаниях государство и в католических странах, как, например, во Франции, вне зависимости от всякой церковной власти. Если оставить брак во власти духовенства, то государь не будет иметь иных подданных, кроме тех, которых духовенство сообразовалит предоставить ему. «Если оно будет иметь власть заключать или не заключать браки между гражданами в зависимости от того, придерживаются ли они или нет известного учения, то разве не ясно, что оно одно будет

распоряжаться наследствами, должностями, гражданами, самим государством, так как последнее не сможет существовать, будучи составлено из одних незаконнорожденных?» Тогда «государь не будет больше верховным властителем даже в светских делах». Истинным хозяином станет священник 1. Такое положение не должно дольше продолжаться. Религия не должна больше оказывать никакого влияния на законодательство; священники должны перестать быть должностными лицами. В этом заключается интерес отдельных лиц и государства.

Пусть государство освободит себя и всех граждан от церковного ига; это, конечно, хорошо. Но оно должно сделать больше того. Христианская религия опасна для духа общественности. Это еще один враг, которого надо победить. Боссюэт говорил в «Политике, основанной на священном писании», что «Иисус Христос показал своим учением и своим личным примером, как граждане должны любить свое отечество»; «апостолы и первые христиане были всегда хорошими гражданами» 2. Руссо же считает христианство противным цели, преследуемой всяким общественным установлением. «Далеко не способное привязать сердца граждан к государству, христианство отрывает их от него, как от всех земных дел». Это «чисто духовная религия, занятая исключительно небесным; отечество христианина не от мира сего». «Общество, состоящее из христиан, погибло бы в силу самого своего совершенства»; оно не оказало бы сопротивления ни жестокому государю, ни внешней опасности; оно покорилось бы, с мыслью о рае, всяким бедам, которые ему посылал бы бог. Следовательно, обязанности гражданина и христианина враждебны друг другу 3. И, чтобы бороться против христианской религии, государство должно создать «гражданскую религию», основанную на веротерпимости, устанавливающую очень небольшое число простых догматов: существование бога, будущую жизнь, награду справедливым и наказание злым, святость общественного договора и законов. Оно должно преобразовать душу, возбудить энергию, укрепить дух общественности, любовь к общине, внушить каждому гражданину необходимость жертвы ради отечества. Государство освобождает человека от тирании других людей, предрассудков и общественных принципов. Оно возвращает каждому его достоинство, его независимость, оно переделывает его ум; ибо оно имеет больше доверия к общественному мнению и к нравам, чем к законам, оно знает, что «постановления, носящие частный характер,—это только арка свода, в котором нравы,

1 Ibid., кн. II, гл. III.

2 Ibid., кн. II, гл. XI.

3 Примеч. Руссо в той же гл.

4 Примеч. Руссо, гл. XI.

5 «О духе законов», кн. XXVI, гл. XIII.

6 Dict. Philos., III, 625;—IV, 29.

7 J. J. Rousseau. Lettres pastorales, lettre VIII, t. III, p. 172; Puffendorf, trad. 1729, t. II, 199;—Burlamaqui. Principes du dr. de la nat. et des gens, V, 14.

1 «Об обществ. догов.», кн. IV, гл. VIII, примеч. Руссо (в конце).

2 Bossuet, Polit. tirée de l'Ecrit. sainte, liv. I, art. 6, éd. Sachat. t. XXIII, 508, 511 (Русск. перев. 1802 г.).

3 «Об обществ. догов.», кн. IV, гл. VIII; «О гражданской религии».

складывающиеся медленнее, образуют в конечном счете незыблемый замок»¹.

Таким образом, только через посредство государства слишком слабая сама по себе личность достигает счастья. Но в этой системе государство наделяется большей властью, чем в какой-либо иной. Конечно, Руссо ищет форму союза, которая защищала бы всеми совокупными силами личность и имущество каждого члена ассоциации, форму, благодаря которой каждый, объединяясь со всеми, повиновался бы тем не менее только самому себе и оставался таким же свободным, как прежде»². Он хочет разрешить своего рода антиномию. Наделяя государство огромной силой, он пытается умерить ее; он хочет, подобно Монтескье, отделить одну от другой различные власти, которые образуют правительство, совершенно избегнуть их соединения в одних и тех же руках. Но все его усилия не препятствуют государству быть абсолютным господином над личностью и имуществом граждан и требовать от каждого самопожертвования для общей пользы. Разве не способно столь сильно вооруженное государство при первом же роковом уклоне забыть о гражданах и, вместо того, чтобы покровительствовать им и защищать их, начать притеснять больше, чем когда-либо? Вот в чем опасность. Средство рискует превратиться в самую цель, и индивидуализм может уступить место общественному деспотизму.

Таким образом, все мыслители XVIII века борются против богословско-монархического деспотизма, хотят освободить от него человека. Но они применяют два очень различных средства. Две крупные теории проходят через весь век, переплетаясь иногда в учениях некоторых философов и вызывая кажущееся противоречие: теория естественного права и естественных прав личности и теория общественной пользы. Одна ставит выше всего природу, понимаемую как роковое предопределение, «законный деспотизм», необходимый, незыблемый, стоящий над капризами человеческой воли. Другая помещает на вершине общественного здания разум, свободу, которые сами предписывают себе законы. По мнению сторонников первой—Кене, Дюпон де-Немура, Тюрго—законы не создаются, они лишь выявляются; положительные законы—лишь следствия естественных законов. Для приверженцев второй—Руссо и Мабли—законы вытекают из свободной воли, изменяющейся сообразно обстоятельствам и интересам государства. Происходит не обнаружение мнимых естественных законов, а постоянная выработка и изменение законов положительных. Монтескье, более историк и юрист, чем философ, занимает середину между этими двумя группами; он думает, что если принцип общественной пользы и является высшим принципом законодательства, то он

¹ Архитектурный термин: так называется камень верхней части свода, от которого зависит прочность последнего. (П р и м. п е р е в.) «Об обществ. догов.», кн. II, гл. XII (в конце).

² Ibid., кн. I, гл. VI.

все же должен считаться с различными нормами обычного права, вскормленными почвой, климатом, нравами каждой страны и каждой провинции, и уважать разнообразие, созданное сотрудничеством природы и истории. В умах образованных людей все эти теории комбинируются известным образом. Несомненно, что, кроме самих этих мыслителей, немногие способны следовать только одной теории: они заимствуют из всех систем отдельные элементы и сливают их воедино, ибо все эти системы стремятся к уничтожению религиозного и монархического деспотизма. У революционных законодателей не могло быть иного метода. Они примиряют в большей или меньшей мере мысли экономистов и различных философов с тем, чтобы прежде всего примениться к обстоятельствам.

III

Наряду с этими философскими теориями на общественное мнение воздействуют и способствуют его образованию также крупные события. Индивидуализм восторжествовал в Англии в 1688 г. и в английских колониях в Северной Америке в 1776 году. И здесь и там естественные права были провозглашены адвокатами и учеными юристами, а также нациями, сознавшими свою силу и свои права. Образовались новые общества, которые заменили теологические принципы принципами, основанными на разуме. Тогда французы почувствовали, что философские теории не просто отвлеченные понятия; американская революция, декларация прав тринадцати Соединенных Штатов, показали им их роль с неожиданной ясностью и мощью. История и философия придали силу одна другой. И в результате все рационалистические теории, успех, который они имели по ту сторону Атлантического океана, глубокое сознание нацией пережитых ею бедствий, в неменьшей степени, чем просвещение образованных классов, уверенность нации в своих правах и в своей силе, вызывают взрыв социальной, политической и религиозной революции.

Отдел второй

Принципы революции

Оба крупных философских течения, индивидуалистическое и «государственное» («étatiste»), укрепившись, перемешавшись и часто противореча одно другому в XVIII веке, продолжают распространяться и разрастаться в эпоху революции.

I

Сперва побеждает индивидуалистическое течение. Слишком долго французы переносили деспотизм религии и королей, слишком долго они были рабами богословско-монархических догматов. Угне-

тение заставляет их стремиться к свободе. Подобно тринадцати Соединенным Штатам Северной Америки, которые только что, с их помощью, свергли вековое ярмо англичан и блестящий пример которых у них все еще перед глазами, они хотят освободиться, наконец, от всех общественных оков. Они единодушно, как и американские граждане, требуют естественных прав человека; все думают, что «игнорирование, забвение этих прав и пренебрежение ими являются единственными причинами несчастий общества»; и если они спорят, то только о своевременности декларации этих прав. В 1789 году представители дворянства, духовенства, судьи, ученые, юристы и адвокаты из третьего сословия,—все полагают, что существуют права, которые предшествуют установлению общества¹. Цель человека—счастье; для его достижения он получил от природы известные данные (*facultés*): «свободу, собственность, неприкосновенность, право на сопротивление угнетению». Всякий человек имеет равное право на свободу, неприкосновенность, на свою собственность. Собственность—это право, вытекающее из использования способностей, которыми природа наделила человека, из занятий и работы, которые дали ему возможность сделать какую-нибудь вещь своей собственностью. Конечно, гражданское состояние укрепит, обеспечит затем это право, оно придаст ему санкцию закона, который закрепит за понятием «собственность» все его значение и всю его силу: тем не менее, это право существует до образования общества. Таким образом, человек обладает естественными правами, предшествующими государству и стоящими над ним; они образуют необходимое основание всякого человеческого общества. Эти идеи, общие всей лучшей части нации, распространившиеся какими-то тайными путями по маленьким городам, а также некоторым селам, составляют программу революции на ее заре. Ее обсуждают и редактируют с августа месяца 1789 года². Национальное Собрание последовало примеру свободной Америки: оно составило Декларацию естественных прав человека и гражданина, еще более общую, еще более гуманную, чем декларация бывших английских колоний. В ней говорится не об одной только Франции; она хочет освободить все человечество. Отныне человек свободен, он разбил свои цепи. Нет больше оков богословских, нет общественных оков. Каждая личность является верховным владыкой, естественные права которого священны и неприкосновенны, собственность которого не зависит более от королевского каприза³, свобода которого не есть больше неопределенное благо⁴, а религиозная свобода не будет больше временной уступ-

¹ А. Р., VIII, 222, 256, 288, 324, 432, 463 etc. Ср. речи по поводу Декларации прав и различные проекты ее. *Moniteur*, I, 338—362, 365—383.

² Декларация прав, 26 авг. 1789 г., А. Р., цит. выше.—*Duvergier* см. в начале Конституции 3 сентября 1791 г., III, 275.

³ *Ibid.*, art. 17.

⁴ *Ibid.*, art. 7.

кой, временами даруемой, а временами грубо отбираемой¹. Каждый имеет право свободно думать, писать, говорить². Суверенитет переместился. Произошла умственная и общественная революция. Не бог теперь является владыкой, а разум; не король, а нация³. Закон—произведение озаренной разумом нации⁴. Человеческое общество не происходит от бога, как говорит Босюэт; оно не управляется божественными представителями; исходя от воли человека, оно должно ею же управляться. Теологические принципы заменены человеческими; принципы мистические—рациональными.

Эта теория естественных прав человека проходит через всю революцию. Но в 1791 году и особенно в 1793 она уже не обладает могуществом счастливых дней 1789 года. Правда, в 1793 году Конвент в своей Декларации прав провозгласит еще естественные права человека: свободу, равенство, собственность и безопасность⁵; он добавит даже право восстания⁶. Он примет к декларации 1789 года, к своей первой традиции; он откажется декретировать, что собственность—создание общества, «принадлежащее каждому право пользоваться и располагать долей благ, обеспеченной ему законом», и что это право «ограничено, как и все другие, обязательством уважать право другого⁷». Но Декларация прав, предпосланная монтаньярской Конституции 1793 года, уже не вполне согласуется с идеями, которые руководят законодателем и преобразуют законы. С 1791 года собственность будет рассматриваться только как создание общества; Мирабо, Тронше, Камюс, все юристы, все философы третьего сословия заявляют об этом громогласно⁸. Для участников Конвента, подобных Робеспьеру, Генцу, Камбасересу, личность в действительности больше не обладает естественными правами до и над-государственными. Конечно, они не изгоняют природу, т.-е. разум, справедливость, идеал. Никто из них не заявляет, что справедливость условна, что она есть результат положительного законодательства. Нет, природа для них—разумный идеал, который должен преобладать над тираническими предрассудками и несправедливыми принципами общества. «Природа—говорят часто законодатели—это единственный оракул, с которым они советуются», и здание гражданского законодательства должно быть «построено на твердой почве законов природы и на девственном

¹ *Ibid.*, art. 10.

² *Ibid.*, art. 11.

³ Декларация прав, 26 авг. 1789 г., п. 3.

⁴ *Ibid.*, art. 6.

⁵ Декларация прав... 24 июня 1793 г., п. 2.

⁶ *Ibid.*, art. 33 et 35.

⁷ Предложение Робеспьера 24 апр. 1793 г. Ср. *Œuvres de Max. Robespierre*, III, 355—360.—*Moniteur* XVI, 213 (art. 1 et 2 du projet).

⁸ Ср. прения по вопросу о завещании (апрель 1791 г.) и церковных имуществах (окт. 1789 г.).

грунте республики»¹. Право должно вытекать из разума. Философия должна одухотворять его. Но под термином «природа» понимают уже только идеал, созданный разумом. Это уже не та определенная теория естественных прав человека, которая создана Локком и развита физикократами.

Таким образом, хотя индивидуализм как теория и существует в продолжение всей революции, но он испытывает преобразования. Теория естественных прав, повидимому, теряет, мало-помалу, после 1791 года и особенно в 1793 г. влияние, которое она имела на умы при открытии Генеральных Штатов в 1789 г.; остаются уже только общественные права, но эти права на практике оказываются не столь уж непрочными, так как назначение государства состоит в том, чтобы обеспечивать и всеми силами защищать их.

II

Между тем «государственная» теория приобретает все большее влияние. Революционеры не только хотят возвратить человеку его непризнанные ранее права; они хотят также создать нацию. Король является скорее деспотическим, чем полновластным господином. Будучи главой французской церкви, он все же принужден сохранять огромные привилегии духовенства; как глава феодальной иерархии, он заинтересован, по крайней мере частично, в поддержании порядка, противоположного римскому равенству; являясь главой государства, он встречает на пути своей деятельности препятствия со стороны могущественных сословий—духовенства и дворянства, верховных судов и противодействие провинциального партикуляризма, все еще живучего в недавно завоеванных или присоединенных к короне областях. Он чувствует себя скованным древним порядком вещей, исторической традицией, своими различными титулами, происхождением, природой и строением своей власти и он не может осуществить полного объединения отечества, не наталкиваясь на сопротивление всего этого прошлого. Как только члены Генеральных Штатов собрались в Версале, они тотчас же пожелали сделать из сотни различных народов, составляющих Францию, одну однородную нацию, растворить все классы в одном отечестве, одушевленном одними чувствами, братающемся от Океана до Средиземного моря, от Пиренеев до Рейна и Альп. С 1790 и 1791 года общественные интересы выступают на первый план, и в 1793 году теория всемогущества государства достигает предела своего развития.

I. Нечего удивляться тому, что принцип индивидуализма начал революцию в это время оказывается побежденным. Масса причин объясняет это отклонение революции от него. Во-первых, национальная традиция вела с XIII века к единству, централи-

¹ Камбасерес: Вступительная речь к первому проекту Кодекса; ср. начало и конец.—Речь по поводу второго проекта, *Fenet. I*, 169.

зации, ко всемогуществу государства, и мало-помалу народы привыкли повиноваться власти, несмотря на кратковременные восстания, внезапно разражающиеся каждый раз как пружины управления слишком перетягивались. Затем сила обстоятельств, потребность образовать, наконец, единую нацию, война с Европой, сопротивление некоторых классов и некоторых областей, размеры грозящей нации опасности, необходимость победить какой угодно ценой и спасти отечество: все эти факты, которые нельзя было предвидеть в 1789 г., отклонили революцию от того идеала индивидуализма, который представлял ее логическую основу, и привели ее к централизации, к деспотизму, о каких не мечтали самые абсолютные короли Франции.

Добавьте к этому традиции древности, всегда живые для образованных людей, образы Ликурга и Ромула, распределяющих земли между гражданами, наделяющих каждого его долей, создающих собственность; воспоминания о греках и римлянах, которые ставили свое государство выше всего; теория античных философов, Платона и Аристотеля, предоставляющих государству неограниченное господство¹; наконец, учение современных философов, особенно Руссо, которые видели в государстве источник всех прав личности, в том числе и права собственности. Все в области мысли, как и истории, ускоряет вековое развитие Франции в направлении всемогущества государственной власти, укрепляет национальную традицию вместо того, чтоб разрушить ее, восстанавливает преемственную связь настоящего с прошлым и тем самым неожиданным образом завершает настойчивую работу королевской власти.

II. Каково же то представление о государстве, которое составили себе ученики философов—революционеры, поставленные лицом к лицу с реальностью? Они мыслили себе государство освободившимся от всех препятствий, задерживающих его работу, и приобретающим новое могущество.

Чтобы стать независимым и вполне свободным, государство должно устранить сперва все группировки, всякие организации, мешающие ему воздействовать непосредственно на личность и ограничивающие его власть в пользу частных и эгоистических интересов. Не должно быть ни деления на «три сословия»², ни привилегий, ни дворянских организаций, ни Парламентов³, ни духовенства как сословия, как привилегированной и могущественной, благодаря своим богатствам, корпорации. Долой корпорацию ремесленников и купцов: абсолютно воспрещается вос-

¹ Все эти теории были хорошо известны в XVIII веке. Политические произведения Платона, Аристотеля и др. были напечатаны королевским цензором Робина в «Библиотеке государственного деятеля и гражданина». Париж, 1777—1783, 30 т. in—4°.

² Декрет от 5 ноября 1789 г. *Д и в.*, I, 66.

³ Декрет 6—11 сентября 1790 г. об упразднении Парламентов, п. 14, *Д и в.*, I, 408.

становливать их каким бы то ни было путем¹. Никаких привилегий отдельным провинциям и областям²: будет образовано восемьдесят три департамента, с равными правами, подчиняющихся одним и тем же законам. Прежние личные и территориальные группировки уничтожаются: это организации, связанные с прошлым, с произволом, с привилегиями, не покоряющиеся новым идеям. Государство строит свое всемогущество на развалинах промежуточных объединений. Творцы конституции ясно сознают, какую революцию они производят; уже в 1790 г. Мирабо восклицает, что никогда еще королевская власть не достигала такого могущества в течение одного только года. Государство царит над равными гражданами. Чтобы заменить прежние враждебные группировки, оно создает новые, в которых все граждане являются свободными и равными и которые служат ему опорой. Это, во-первых, городские коммуны, развившиеся самопроизвольно на французской почве в 1789 г., затем дистрикты и департаменты. Это иерархия политических групп, в которые входят все французские граждане и которые заставляют их принимать участие в революции, направляемой государством.

Затем, гражданская власть должна стать независимой от власти духовенства. В самых важных областях гражданской жизни наблюдается еще смешение духовного начала со светским. Уже в XVI веке канонисты³ отделили в браке гражданский договор от таинства; в XVIII галликаны и янсенисты, принадлежавшие к миру парламентских деятелей и адвокатов, подготовили секуляризацию права⁴; философы, как Монтескье и особенно Вольтер и Руссо, юристы, как Потье, канонисты, как Дюран-Майян и Леридан, требовали этой важной реформы⁵. Государство имело право регулировать состояние лиц; но в гражданском законодательстве господствовали богословские принципы, и, несмотря ни на что, государство, связанное могуществом церкви, не смогло от нее освободиться. Революционные законодатели, проникшиеся новыми идеями, желают разделить светское и духовное начало, слитые в средние века; они чувствуют необходимость секуляризации законодательства. Государство должно само направлять гражданскую жизнь, не считаясь с теологией; оно должно освободить себя и личность от церковного ига.

III. Независимое отныне от всяких посредствующих группировок и от церковной власти, государство пользуется огромной властью над личностью и имуществом.

¹ Декрет 14—17 июня 1791 г., п. 1.: «Ввиду того, что уничтожение всякого рода корпораций является одной из основ французской конституции, воспрещается фактическое восстановление их под каким бы то ни было предлогом», *Ду в.*, III, 25.

² Декрет 4 авг. 1789 г., п. 10.

³ Юристы, представители науки церковного права. (Примеч. перев.)

⁴ Ср. аббат Paoli, *Etudes sur les origines et la nature du mariage civil*. Paris, 1890 г.

⁵ Ср. главу о гражданском состоянии, кн. II, гл. II.

Государство создает право собственности. Революционные законодатели, в качестве верных учеников Монтескье, Пуффендорфа и Руссо, поддерживают, одни с 1789 г., другие с 1791 г., то положение, что собственность является не естественным правом, предшествующим государству, но созданием общества. Таково учение Камюса и Мирабо в эпоху Учредительного Собрания¹, такова теория всех законодателей Конвента. Это не просто право суверенитета, которое государство имеет над имуществом граждан. Это верховное право собственности. Король претендовал на то положение, что все земли королевства были им пожалованы прямо или косвенно²; революционное государство претендует на то, что всякая собственность существует только вследствие пожалования со стороны общества. Конечно, там речь идет о действительном или предполагаемом пожаловании материального характера, здесь о моральном, превращающем факт в право. Но это все та же прежняя юридическая теория, освобожденная, правда, от своих феодальных элементов, преобразованная философией. Государство продолжает оставаться всемогущим хозяином собственности. Революционеры дают этому традиционному принципу такое широкое приложение, которого он никогда не имел. Создав собственность, государство может ее регулировать, видоизменять, даже уничтожать, следуя интересам общества, которые стоят выше всех других. «Собственность—это первый общественный закон, но в протекающем из него праве должен иметься в виду не столько тот, кто пользуется этим правом, сколько то общество, для пользы которого он был установлен»³. А в чем же состоит общий интерес? Не в том, чтобы государство овладело имуществом всех граждан и объявило его национальным. Нет, принцип общественного происхождения собственности не стремится к уничтожению собственности всегда и повсюду. Он—одновременно и разрушающий и созидательный, он уничтожает корпоративную собственность, полезную лишь для антинациональных, опасных для всего общества сословий. Он устраняет слияние суверенных прав с правами собственности и господство одного землевладения над другими. Он устанавливает такой порядок землевладения, при котором существуют лишь свободные и равноправные земли; затем он пытается влиять на распределение богатств, ибо интересы государства заключаются не в том, чтоб некоторые имели много, а в том, чтобы у всех было достаточно; в том, чтобы богатства были разделены и чтобы имущественное неравенство не вело незаметно к правовому неравенству и гибели демократии⁴. Революционеры не хотят полной нивелировки, абсолютного равенства:

¹ Ср. главу о корпоративной собственности, кн. I, гл. III.

² Ordon. de 1629, art. 383, Isambert, XVI, 317.

³ Генц, доклад (1793) Arch. nat., AD XVIII c. 326.

⁴ Эта мысль часто повторяется в эпоху революции. Ср. цит. доклад Генца.

это «химера», говорит Робеспьер¹; но они стремятся к постепенному уничтожению слишком большого фактического неравенства, развращающего общество и противоречащего республиканским порядкам. Золотая середина для всех—вот их общественный идеал; вот что составляет силу новой Франции и даст ей возможность победить все европейские народы. Таким образом государство должно освободить личность в ее праве собственности. Оно освободит ее еще в гражданской жизни от ига церковного, от деспотизма отца или мужа; оно избавит эту личность от всех злоупотреблений и предрассудков, вкравшихся в организацию семьи: оно возвратит человеческой личности достоинство и независимость.

Революционеры не ограничиваются желанием преобразовать законодательство. Они чувствуют, что должны осуществить еще более высокую задачу: произвести реформу в области человеческой морали. Они хотят сперва развить способности каждого и «тем самым установить фактическое равенство между гражданами и провести в жизнь признанное законом политическое равенство»². Кроме того, они ставят себе целью возбудить привязанность всех граждан к республике. Надо из французов сделать республиканцев, «заставить нацию принять свойственный ей особенный облик, усовершенствовать общественное сознание»³. Новые социальные и политические конституции зависят от «конституции нравов, более важной, чем сами конституционные законы»⁴. Они будут существовать только пока их будет поддерживать общая воля. Стоит лишь измениться идеям, как новому режиму будет грозить опасность. Чтобы обеспечить дело революции, надо возбудить в душе интересы, чувства, страсти, способные поддержать его. Революция в области землевладения запечатлена на самой почве Франции. Если бы захотели уничтожить ее результаты, то самая природа вещей восстала бы против этого. Но свобода и равенство легче могут погибнуть. Следовательно, надо революционизировать умы. «Пружиной, регулирующей свободное правительство, является общественное мнение: очистим его, говорят революционеры, и пружина будет действовать хорошо»⁵. Государство должно преподавать мораль, очищенную от всякой религии. Чтобы возбудить «всякие великодушные и республиканские чувства», оно должно устанавливать национальные торжества, составить из всех этих праздников исторический ежегодник, посвященный воспоминаниям революции, «сделать священными для

будущего бессмертные моменты, когда различные тираннии рушились от дуновения нации»¹. Оно может, и даже должно, изменить религию, создать такую, которая соответствовала бы его взглядам. так как без религии нельзя обойтись: все участники революции чувствуют ее абсолютную необходимость². Подумывают, следуя Руссо, о том, чтобы основать государственную религию: «мы могли бы изменить религию», говорил уже Камюс в 1790 году, «но мы этого не хотим»³. В 1793 и 1794 гг. ее хотят совершенно преобразовать: уже не довольствуются реформой культа, опрокидывают или упрощают самые догматы. У Гебера—это культ богини разума; у Робеспьера—это религия верховного существа, общая основа всех религий, «естественная религия» философов. Прежде, чем дойти до установления свободы веры, до отделения церкви от государства, революционеры следуют традиции абсолютной монархии: их религия—государственная религия. Но это уже отрицание всякого откровения, это нравственное единение нации, основанное на очень небольшом количестве высших принципов.

Государство ставит себе задачей счастье личности, не счастье той или иной группы, не счастье дворянина, священника, отца, законного ребенка, мужа, но счастье всех людей. Оно хочет освободить душу и тело; последнее—при помощи собственности, а первую—путем свободы, равенства, воспитания и науки.

Итак, через всю революцию проходят две социальных теории; теория естественного права и теория всемогущества государства. Первая господствует в 1789 г., потом постепенно преобладающее влияние переходит ко второй. В 1789 г. центром внимания является человек, в той же мере, пожалуй даже больше, чем государство; в 1793 г. государство ставят на первом месте перед гражданином, а гражданина перед человеком⁴. Но оба принципа играют видную роль и переплетаются между собой. Оба они стремятся к разрушению и перестройке общественного здания. Оба разными путями приводят к одной цели: счастью человечества.

IV. Следует ли немедленно достигать этой цели? Сам Руссо советовал медленно и осторожно подходить к ней. Революционеры, хотя и были последователями философов, но, вынужденные действовать, они не могли, несмотря на свое желание, соблюдать всегда осторожный переход от прошлого к будущему. «Нельзя

¹ Робеспьер, 24 апр. 1793 г., *Monit.*, XVI, 213: «Имущественное равенство—это химера. Что касается меня, то я считаю его еще менее необходимым для счастья отдельных личностей, чем для общественного благосостояния».

² Доклад Кондорсе (20 и 21 апр. 1792 г.) от имени Комитета народного образования. *Guillaume, Procès-verbaux*, I, 188.

³ Речь Шенье, 15 брюм. II г. *ibid.*, II, 753.

⁴ *Ibid.*, 755.

⁵ Генц, *ibid.*, II, 105.

¹ Шенье, цит. речь, *ibid.*, II, 756—757.

² Ср., например, доклад Мартино от имени Комитета по церковным делам 21 апр. 1790 г.: «Добрые нравы являются самой верной гарантией благосостояния государства, но какие же нравы могут быть там, где нет религии? Тщетно будет звучать речь законодателя, его законы явятся слишком слабой преградой для всякого рода срастей... Только религия принадлежит господство над всеми нашими действиями». *Bibl. nat.*, Le 29 607.

³ Камюс, 1 июня 1790 г. *A. P.*, XVI, 33.

⁴ Доклад Генца. *AD XVIII c.* 326. Вступительная речь Камбасереса в 1793 и даже в 1796 гг. (1-й и 3-й проекты Кодекса).

было бы совершить что-либо, следуя урокам философов», даже считающихся самыми смелыми: Руссо и Мабли. «В революционную эпоху, когда господствовало первоначальное согласие умов, приходилось решаться скорее завоевывать свободу, чем ее напирать; разбивать все цепи или не трогать ни одной»; не всегда действовали медленно и постепенно даже в 1789 году. Революция не была бы совершена, если бы ее не произвели «сгоряча» и «если бы все важные декреты не были взяты приступом, как Бастилия»¹. Но в схватке с событиями, вынужденные бороться с сопротивлением прошлого, революционеры были принуждены действовать с большей смелостью и силой, чем того желали великие философы.

Таковы философские принципы, оказавшие влияние на право революции; в таком духе старались их прилагать на практике, начиная с 1789 года.

III

Если законодатель воодушевляется началами философии, это не значит, что юридическая традиция не оказывает на него значительного влияния. Без сомнения, законодатели революции желают иметь законы, более сообразные с правами и потребностями, согласованные с новыми идеями и с политической конституцией, законы, более ясные, простые, способные образовать гармоническую и однородную систему. Но они не выводят эти законы целиком из философских принципов, вне связи их с исторической действительностью. Прежние советники верховных судов, как Камбасерес, адвокаты при парламентах, как Тронше, Туре, Дюран-Майян, все они долго изучали и применяли на практике положительное право. Одни превосходно знают писаное право, другие—обычное; одни хорошо изучили церковное право, другие—феодалное во всех его тонкостях. Некоторые из них принимали участие в составлении энциклопедий или сборников, которые охватывают все области юриспруденции; все они пользовались работами великих юристов от Дю-Мулэна и Дома до Потье. Они хорошо сознают, что желание создать право, новое от начала до конца, без поддержки опыта, было бы химерическим предприятием. Их юридические познания и привычки дают им представление о пределах возможного и почти всегда умеряют их увлечение философией. Это консервативное начало.

Традиционное начало должно было вступить в борьбу с философским. С одной стороны, юридическая традиция; с другой—теория естественных прав человека, естественное право, рационалистический идеал справедливости и верховный принцип общественной пользы. Естественные права, справедливость, всемогущество государства, стремятся стереть все личные и имущественные

различия, ассимилировать все, что искусственно разъединено, словом, осуществить полное равенство. Юридическая традиция, живущая еще в душе законодателей, стремится, напротив, удерживать в известной степени законные различия, смягчить абсолютное равенство путем некоторых ограничений. Естественные права, справедливость, всемогущество государства требуют немедленной переработки законов, без соблюдения перехода от прошлого к будущему. Существующее положительное право противится такому быстрому прогрессу, приглашает законодателя быть умеренным, отвергает энтузиазм, вызывает реакцию, следующую за высокими моментами воодушевления. Естественные права, справедливость, общественная польза требуют полного единства гражданского законодательства и, следовательно, пожертвования некоторыми сторонами традиционного права. Юридическое начало, не отбрасывая принципа единообразия законов, медленно подвигается к нему, временами даже изменяет ему, как только наталкивается на слишком сильное сопротивление, и прекрасно умеет примирять противоположные и соперничающие элементы законодательства.

Вообще, законовед (*légiste*) отличается чрезмерной мудростью и осторожностью. Он враг перемен и он производит реформы лишь тогда, когда уже давно осознана их необходимость. Он так осваивается с применяемыми им законами, что ему трудно понять иные; он—истинный раб законодательных текстов, которые для него превращаются в догматы. Философ подымается над пред-рассудками, скрепленными и освященными законами; он легко улавливает главные недостатки законов, ускользающие от легиста. Он предвосхищает лучшую организацию общества; он старается осуществить по мере человеческих сил идеал справедливости, созданный разумом. Революционные законодатели—одновременно и философы и легисты, они и последователи Руссо, Монтескье и Вольтера и практики, воспитанные в школе Потье на изучении обычного и писаного права; традиция и философия борются за власть над их умом, и вот из этой-то борьбы, из победы, в большей или меньшей степени, философии над традицией и возникает гражданское законодательство Франции.

¹ Durand-Maillane, Hist. apol. du com. eccl., 207—209.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ (1789—1804) ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕВОЛЮЦИИ

Дать Франции Кодекс единообразных гражданских законов— таково было желание революционеров. Этот памятник должен был явиться провозглашением единства самой Франции. Но он не мог быть воздвигнут в один день. Чтобы соорудить его в период социального возрождения страны, в разгар внутренней и внешней борьбы, понадобилось не менее пятнадцати лет. В течение всего этого времени французы работали над приведением законодательства к единству, над созданием гражданского Кодекса, который заменил бы наконец то чудовищное нагромождение обычаев, писаного права, королевских ордонансов, канонического права, которые все еще управляли ими.

Учредительное Собрание, следуя желанию наиболее просвещенных классов нации, декретировало в законе об организации суда от 16 августа 1790 г. и в Конституции 1791 г., что должен быть выработан Кодекс гражданских законов, «простых, ясных, согласованных с Конституцией» и «общих для всего королевства». Ему не удалось осуществить это огромное дело, тем не менее оно думало о нем. С 1789 г. юристы направляли ему проекты гражданского Кодекса, в которых они пытались до некоторой степени примирить между собой два великих законодательства, одновременно действовавших во Франции¹. Оно отчасти разрешило в законодательном порядке несколько капитальных вопросов гражданского права. Но в области суда выявилась прежде всего необходимость реформы уголовного кодекса; общественное мнение настойчиво требовало ее²; поэтому Учредительное Собрание и назвало свой законодательный комитет «Комитетом уголовного законодательства»³ и обнародовало уложение о наказаниях в 1791 году.

¹ Ср. проекты доктора прав д'Оливье и адвоката в Мане Филиппо, представленные Национальному Собранию (1789), Arch. nat. ADXVIII c. 165 (pièces 1 et 12).
² Наказ дворянства Бордо, отд. III, п. 1, А. Р. II, 396; дворянство Блуа, п. 3, ibid., II, 381.—Город Гравелин, п. 11, II, 187.

³ Когда жителями Божоле, Фореа и Лионне была послана в Собрание докладная записка по вопросу о завещаниях, комитет, ведающий докладами, счел необходимым переслать ее в Комитет судопроизводства. Тогда еще не было «Комитета гражданского законодательства». Arch. nat. DXVII 5 (n° 62).

Законодательное Собрание вернулось к великому проекту. Оно дало прежнему комитету название «Комитета гражданского и уголовного законодательства» и предложило 16 октября 1791 г. всем гражданам и даже иностранцам сообщить ему свои соображения по поводу свода гражданских законов¹; его призыв был услышан. Но работа была возможна только по отделам. Надо было по каждому вопросу решиться или сделать выбор из какого-либо одного из различных предшествовавших законодательств, или же предлагать новые законы, бороться против старого права, чтобы дать восторжествовать новому. Все это постоянно вызывало очень продолжительные прения. Собрание могло только установить правила, которые с этого времени должны были регулировать гражданское состояние и брак. Оно не могло и думать о выработке всего свода законов в целом.

Только Национальному Конвенту принадлежит честь закладки основ Кодекса единообразных гражданских законов, которого желала нация. Его Законодательный Комитет—истинный создатель французского гражданского Кодекса. Учрежденный 2 октября и организованный 14 октября 1792 г., «Комитет гражданского, уголовного и феодального законодательства» состоял из сорока восьми членов². Он должен был обновляться в половине своего состава каждые два месяца. Участвуя в дневных, а иногда и в утренних заседаниях Конвента, члены Комитета могли собираться только вечером около семи часов. Председательствовал Камбасерес; секретарь Азема вел протоколы заседаний. Обсуждение затягивалось надолго, особенно, когда вопрос был затруднителен и требовал применения новых принципов; часто заседание, открытое в семь часов, закрывалось лишь в одиннадцать часов вечера³. Комитету пришлось рассмотреть массу дел. После Комитета Общественного Спасения он из всех других комитетов должен был выполнять наиболее значительную работу. Ввиду необходимости противостоять чрезвычайным опасностям, разделение властей не соблюдалось: с Законодательным Комитетом обстоило в этом отношении так же, как и с Комитетом Общественного Спасения. Законодательный Комитет объединял в себе власть законодательную, исполнительную и судебную, под верховным контролем Конвента. Он подготовлял гражданские и уголовные законы; он редактировал все политические законы, которые пересылал ему Конвент. Он был занят организацией судебной власти и административных органов, а равно и наблю-

¹ Duv., IV, 5.

² Procès-verbal de la Convention, t. II, pp. 6—7.

³ Заседания 20 дек. 1792 г., 2 и 5 янв. 1793 г. Arch. nat., DIII, 380. Иногда оказывалось, что всем членам Комитета невозможно явиться к семи часам. Напр., 3 янв., когда Камбасерес предложил обсудить пункты его проекта декрета, касающегося внебрачных детей, ему заметили, «что такой важный вопрос следовало бы обсуждать при более многочисленном составе Комитета, но большинство его членов не могло явиться благодаря тому, что заседание Конвента затянулось до начала седьмого часа вечера».

дением за исполнением законов, порученным этим органам и властям. Он толковал законы, давал, в ответ на массу петиций, настоящие юридические консультации, заранее разрешая, таким образом, отдельные казусы, беспрепятственно кассировал вынесенные приговоры. Хотя он часто защищался от обвинений его во вторжении в полномочия судебных органов, но в действительности это был наистякий трибунал, поставленный над кассационным трибуналом¹.

Несмотря на эту огромную работу, Комитет не забывал того, что он считал своей главной задачей: создание гражданского Кодекса. Он не давал поглощать себя целиком петициям, которые притекали к нему из всех частей Франции, жалобам, касающимся лиц, обвиняемых в эмиграции, всякого рода ответам, толкованиям, которые ему приходилось давать. Он знал, что ему надо выполнить более высокое задание. Поэтому он, не ожидая, чтобы Конвент затребовал от него проект Кодекса, приступил к обсуждению главных вопросов гражданского права. Он воспринял метод работы, которому следовали Учредительное и Законодательное Собрания; он рассмотрел последовательно различные отделы гражданского права. В декабре 1792 года и в январе 1793 г. он занимается вопросом о субституциях² и внесении некоторых изменений в декрет Законодательного Собрания, вопросом о гражданском совершеннолетии и в особенности постановлением о незаконнорожденных, по поводу которых Камбасерес докладывает долго затем обсуждаемый проект декрета³. Но этот метод работы был медленным; поэтому Комитет принимает другой 28 января 1793 года⁴. Согласно плану, выработанному Линдэ и одобренному Комитетом, работа приняла систематический характер и была распределена между четырьмя секциями. Составленными каждая из двенадцати членов. Первая секция должна была представить проекты закона о гражданском состоянии, о семейном праве и брачных договорах; вторая—о праве наследования, о незаконнорожденных, об усыновлении и т. д.; третья—о дарственных, о субституциях, о завещаниях, об аллювионном праве⁵ и т. д.; четвертая, кроме законов о наказаниях,—

о договорах, об ипотечках, об «остатках феодального права». Те, кто уже углубился в изучение некоторых частей будущего Кодекса, входили в секцию, которой было поручено их изучение: Камбасерес принимал участие во второй секции, которая должна была изменить положение незаконнорожденных, Мерлен-де-Дуэ, Май (Mailhe) и Боан были членами четвертой, которая должна была вырвать с корнем последние «остатки феодализма». Работа секций затем подвергалась обсуждению в общих заседаниях Комитета два раза в неделю¹.

Двадцать пятого июня 1793 года один из членов Конвента потребовал, чтобы Законодательному Комитету было предложено представить в месячный срок проект гражданского Кодекса, и Конвент издал согласно этому предложению декрет². А так как данный срок истекал, а Комитет еще не «сообщил о ходе его работ», то один из членов обратил на это внимание Собрания 12 июля. Между тем Комитет работал с удивительной продуктивностью. 8 июля Дюран-Майян доложил в Комитете «план единого для всей республики гражданского Кодекса»³, в котором рассматривались только важнейшие вопросы, приводившие гражданские законы в тесную связь с политической Конституцией и ставившие все законы о собственности в зависимости от того принципа, что «верховная государственная власть является первым хозяином всех имуществ». Но этот план показался, конечно, слишком сложным в области наследственного права, слишком еще благоприятным по отношению к свободе завещания, слишком ограничивающим права семьи в пользу государства. Комитет его не принял. Месяц спустя, 8 августа, Кодекс был готов и прочитан в общем заседании Комитета, а на следующий день, 9 августа, спустя менее чем через полтора месяца после того, как Конвент его затребовал, Камбасерес представил его Собранию от имени Законодательного Комитета и изложил ему его план и принципы. Выполнить так быстро этот огромный труд Комитету дали возможность не только развитая им энергия, но в особенности законодательство и прения предыдущих Собраний, все разрушения, произведенные с 1789 г., которые расчищали поле для нововведений, наконец, синтетические работы юристов, особенно Потье, которые позволяли охватить традиционное право во всей его полноте и помогали законодателям революции уловить в нем пробелы, запутанные места, несовершенства и злоупотребления.

Проект Кодекса следовал делению, принятому в институциях Гая и Юстиниана. Он состоял из четырех частей, трактовавших о лицах, об имуществе, о договорах, об иском. Вернее, он сводился к трем, так как четвертая, целиком посвященная судо-

¹ Протоколы очень неполны. Мы не имеем апрельских и июльских протоколов за 1793 г.

² Протокол 25 июня 1793 г., стр. 288

³ Plan de Durand-Mailhe, ADXVIII с. 324.

¹ Это выясняется из изучения делопроизводства Законодательного Комитета.
² Завещательное распоряжение, по которому рядом с главным наследником назначается заместитель (substitut) на случай смерти, отказа от наследства, недостойности главного наследника и т. д. Во Франции же была особенно распространена субституция фидеикомиссарная, на основании которой устанавливался последовательный ряд наследников, вступающих в наследство один после смерти и создания так называемых заповедных имений. Французское законодательство боролось с фидеикомиссарной субституцией XVI в., но лишь французской революции удалось нанести ей серьезный удар (декретом 14 ноября 1792 г.). (Примеч. перев.).
³ Procès-verbaux du Comité 21, 22, 24, déc. 1792, 2, 3, 5, 9 janv. 1793. Arch. nat. DIII, 380.
⁴ 28 janv. 1793, ibid.
⁵ Т-е. о праве на землю, намываемую рекой к земле прибрежного владельца. (Прим. ред.)

производству, не была отредактирована. Это было традиционное деление. Но самая основа права была почти освобождена от традиции; она была проникнута духом философии. Комитет воспроизводил законы, вотируемые с 1789 года; он их упрощал, он выделял в них общие элементы. Он разрешал также вопросы, которые прежде не могли быть рассмотрены, он строил все здание пеликом. Франция, наконец, имела Кодекс, сводящий к 719 статьям все гражданское законодательство. Методичный в общем расположении отделов, особенно во второй части, где различные способы владения имуществом и его приобретения были представлены в блестящем порядке, проект Кодекса отличался совершенной ясностью даже в деталях. Он изобилует краткими и ясными определениями, освещавшими предмет. Он был написан простым и уверенным языком. Конвент хотел предоставить для обсуждения проекта все необходимое время. Несколько раз он постановлял, что исключительно это обсуждение будет занимать основную повестку дня по понедельникам, средам и пятницам каждой недели и что «порядок дня, посвященный этим прениям, никогда не должен быть нарушаем»¹. В разгар внутренней смуты и войны с внешним врагом Конвент представлял собой своеобразное зрелище собрания, мирно обсуждающего с 22 августа по 28 октября 1793 года права наследования, аллювионное право, вопросы о внебрачных детях и все гражданское право. Но, утвердив проект, он его не обнародовал. Он удовольствовался извлечением из него отдельных частей, которые были декретированы и обнародованы отдельно.

Этому проекту Кодекса, как будто столь проникнутому философией, Конвент ставит в упрек, что он недостаточно ею одушевлен. Он находит проект слишком сложным и желает такого, который бы представлял только основные принципы и их важнейшие следствия. 13 брюмера второго года (3 ноября 1793 г.) он постановляет, что «Комиссия, образованная из шести членов, избранных Комитетом Общественного Спасения, должна пересмотреть и переработать гражданский Кодекс, представленный Законодательным Комитетом, и что эта Комиссия должна представить ему возможно скорее свою работу»². Кутон, Монто, Молль, Секон, Ришар и Рафрон должны были извлечь из проекта самое существенное³. В то же время Собрание предлагает Законодательному Комитету самому пересмотреть проект гражданского Кодекса с тем, чтобы члены Конвента могли сравнить его переработку

¹ Протокол Конвента, очень точно воспроизведенный у Fenet, I, введение, стр. XLIII (9 окт. 1793).

² Ibid 13 drum., an II.

³ Ibid., 25 drum., an II.—Ср. Mémoire de Thibaudeau, Paris, 1824, in 8, t. II, pp. 148—150. История гражданского Кодекса. О первом проекте: «Говорят, что он отдавал юристам, и его отослали на рассмотрение комиссии философов». Это не были философы; почти все они были второстепенными юристами. Секон был легистом в Роде, Ришар—адвокатом во Флеш, Молль—судей в трибунале Шатобриана, Кутон—президентом трибунала Клермона.

с работой комиссии. Комиссия из шести членов не произвела работы, которую от нее требовали¹. Законодательный Комитет представил свой новый проект 23 фрюктидора второго года (9 сентября 1794 г.). Из 719 статей он был сведен к 297. Комитет постарался, согласно желанию Конвента, «отделить принципы от их развития, правила—от вытекающих из них следствий, где каждый мог бы найти правила своего поведения в гражданской жизни»². В своем заседании 27 брюмера третьего года (17 ноября 1794 г.) Комитет, сведенный к шести членам, поручил Камбасересу представить проект от его имени и просить, чтобы его обсуждение происходило только 3 дня в декаде³. Но заседания не происходили так часто, как этого опасался Комитет. Конвент обсуждал проект только 16 и 19 фримера третьего года. Он вотирует из него только три первые статьи⁴. Он заметил, конечно, что ему представили не столько Кодекс, сколько план его, что при столь кратком изложении законов, при котором большинство частных случаев оставалось нерассмотренным, масса вопросов неразрешенной, судьи должны были роковым образом превратиться в законодателей. К тому же наступила перемена в идеях, обнаруживалась общая реакция: она приостановила рассмотрение второго проекта.

Необходим был третий проект. Он был делом «Комиссии классификации законов»⁵, представившей его Совету Пятисот 24 прерияля четвертого года (14 июня 1796 г.). Он состоял уже не из 297, а из 1.104 статей. Комиссия полагала, что надо разрешить возможно большее количество вопросов и оставить как можно меньше сомнений. Этот проект, представленный Камбасересом от имени Комиссии, следовал тому же плану, что и проект 1793 года. В XII году, в разгар реакции против законов революции, в период, когда не любили о них напоминать, Порталис не задумался признать, что этот Кодекс был «образцом в отношении метода и точности»⁶. Комиссия Пятисот обсуждала его только 9 пловиоза V года (3 января 1797 года), затем 8 вентоза, только две статьи из него были декретированы. Поэтому Камбасерес попросил назначить комиссию, которая изучила бы вопросы, предлагаемые для обсуждения: вопрос о незаконнорожденных, о разводе, об усыновлении, о дарственных и наследстве и указала бы необходимые изменения. Совет Пятисот принял

¹ Thibaudeau, ibid.

² Речь Камбасереса, в начале проекта IV года.

³ Arch. nat., DIII, 380.—17 фрюктидора II года внутренний регламент определял состав Комитета в 16 членов, в двух секциях; 9 пловиоза III года (28 янв. 1795 г.) новый регламент: 21—в пяти секциях.

⁴ Протоколы Конвента у Fenet, I, p. XLVII.

⁵ Arch. nat., DXXXIX, 1 (dossier 2). Организация Комиссии: 3 отдела для объединения декретов трех предшествующих Собраний: во главе каждой председатель и его помощник и от 8 до 12 переписчиков. Локре был назначен 12 флореа IV года секретарем Комиссии с месячным окладом в 500 лиров.

⁶ Locré, I, 255 et 346.

это предложение, которое сокращало работу и устанавливало ее порядок¹. Но комиссия, которая должна была представить проекты отдельных решений, была упразднена 13 мессидора VI года. Совет обсудил и обнародовал ряд важных гражданских законов, в частности законы, касающиеся порядка залога недвижимости; он не обсуждал совсем гражданского Кодекса, подготовка которого было поручено новой комиссии. Наступило 18 и 19 брюмера. Законодательная комиссия, составленная из членов Совета Пятисот, получила проект гражданского Кодекса, представленного ей Жакмино от имени законодательной секции (30 фримера, VIII года=21 декабря 1799 г.)². Этот проект не обсуждался. Постановлением консулов от 24 термидора VIII года (12 августа 1800 г.) Тронше, Матевилло, Биго-Преамене, председателю, члену и комиссару кассационного трибунала, а также Порталису, комиссару правительства в Комиссии о морских призах, было поручено составить новый проект Кодекса, и министр юстиции Абриаль просил их поторопиться. Проект был приготовлен в 4 месяца и напечатан 1 плювиоза IX года. Он должен был обсуждаться в Государственном Совете и в Трибунате и подвергнуться голосованию в Законодательном Корпусе. Трибунал сперва воспротивился, обсуждение было приостановлено; тогда консулы придумали официозные сообщения Государственного Совета Трибунату, которые предшествовали официальным, и по истечении 3 лет, 30 вентоза XII года (21 марта 1804 г.), после того как гражданский Кодекс был последовательно вотирован и опубликован сперва по отделам, он был затем утвержден в целом³.

Таким образом мы видим, что пять проектов следовали один за другим, из них три были выработаны под председательством Камбасереса. Только последний, долго обсуждавшийся в мирный период, мог быть, наконец, обнародован. Дело в том, что Кодекс требовал очень продолжительного обсуждения, а работа Собраний революции была тесно связана с быстро развивавшимися событиями. Быстрота, с которой сменяли друг друга Собрания, а в их недрах господствующие партии, постоянная смена идей и настроений делали то, что нравившееся в прошлом году переставало нравиться в следующем. Кроме того, каждый отдавал себе отчет в том, какого совершенства и какой зрелости требует гражданский Кодекс; проекты же составлялись очень быстро, обсуждались еще быстрее. Вот почему, когда прения заканчивались, проекты все-таки не обнародывались, рассмотрение их откладывалось в самом начале обсуждения. Между тем, эти проекты были замечательны, за исключением второго, составленного Законодательным Комитетом только по принуждению. Если в эпоху консульства Франция смогла пользоваться единством

гражданских законов, то она этим обязана не только Порталису и Бонапарту. Она обязана этим в гораздо большей степени революционным Собраниям и различным законодательным комитетам, в составе которых было столько испытанных, ученых юристов.

Таковы стадии, через которые прошла выработка гражданского Кодекса. Кодификация составляла высшую цель. Но кодифицировать, это не значит только собрать законы, это значит придать форму существовавшему до этого материалу; это значит связать его и скрепить в одну систему. Каковы же законы, которые вошли в этот Кодекс? Каким духом они проникнуты? Вот эту-то суть дела необходимо выяснить. С 1789 г. до 1804 г. два больших противоположных идейных течения последовательно оказали свое влияние на французское гражданское право. С 1789 до 1795 года—идеи равенства и свободы; с 1795 до 1804 года—все больше и больше идея авторитета. Следовательно, в истории гражданского законодательства, как и в истории самой революции, надо различать два периода: период прогресса и период реакции. Гражданское право следует в это время за политическими колебаниями, ибо оно само по себе не что иное, как обнаружение в сфере частных интересов великих принципов нового социального строя.

¹ *Monit.*, fol., t., XVI, p. 643.

² Ср. проект у *Fenet*, t. I, p. 327.

³ *Locré*, t. I; *Maleville*, t. I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(1789—1795)

КНИГА ПЕРВАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В 1789 ГОДУ

Начиная с времен Римской Империи, можно проследить, как земельный строй Франции изменялся и усложнялся с течением веков: в нем много странностей, противоречий, злоупотреблений, несправедливостей, как и во всех установлениях старого порядка, которые складывались постепенно, без общего плана, по прихоти обстоятельств.

I

В 1789 г. на французской территории имеются огромные земельные владения. Они принадлежат церквям и аббатствам, короне, удельным принцам, могущественным сеньерам. Рядом с ними находятся мелкие владения, которые были некогда пожалованы—так по крайней мере считается—светскими и духовными сеньерами, самим королем, сюзереном королевства и которые в силу этого обложены целой массой повинностей. Если верить Дюпону де Немуру, то привилегированным принадлежат четыре пятых лугов, лесов и прудов королевства и только шестая часть пахотной земли¹. Обрабатываемые поля принадлежат почти все разночинцам (roturiers), богатым буржуа и крестьянам. Мелкая земельная собственность занимает, согласно Артуру Юнгу, треть поверхности королевства². Вот, что остается на долю земледельческих классов. И это мелкое землевладение непрерывно увеличивается. Без сомнения, площадь неотчуждаемых церковных земель не уменьшается; она скорее имела бы тенденцию увеличиваться, если бы этому не противилось госу-

дарство¹, но коронные владения, тоже теоретически неотчуждаемые, в большей своей части заложены и распроданы²; сеньеры все еще сдают земли за ренту, или шампар³. Далее эта мелкая собственность, выросшая таким путем за счет крупной, с каждым днем все больше дробится. Здесь играют роль и продажи, которые все учащаются к концу старой монархии⁴, и наследственный порядок, согласно которому почти всюду во Франции, где господствует обычное право, земли разночинцев делятся поровну между всеми детьми умершего⁵. Таким образом, с одной стороны, имеются очень большие владения, часто плохо эксплуатируемые, покрытые пустошами и болотами, которые в других руках давали бы гораздо больший доход; с другой стороны, в богатых равнинных областях—бесчисленное количество участков очень часто крохотных, оторванных от крупного светского или церковного владения, обрабатываемых крестьянами с изумительной настойчивостью и любовью. Первые из этих земельных участков не обременены никакими тяжелыми повинностями; на вторых лежит, кроме непрерывно растущих королевских налогов и церковной десятины⁶, целая масса обязательств и повинностей в пользу уступающего землю владельца, сохраняющего непосредственную власть над ней (domaine direct) в своих руках.

Посмотрим, каково было положение французской деревни в 1789 году. Конечно, распределение земли между различными классами общества не везде одинаково: на севере и востоке королевства аббатства, церкви богаче, чем где бы то ни было; во Фландрии, в Эльзасе, Бургундии, в Беарне, по течению Гаронны, словом, в плодородных равнинах и местностях, где разводится виноград, земли более раздроблены⁷; но, несмотря на эти различия, и на Севере и на Юге положение сельского населения везде одинаково, так как зависит об общих причин. Во-первых, привилегированным принадлежит значительная часть округи, особенно если она состоит из лесов и лугов. Кроме лесов,

¹ Августовский эдикт 1749 г., Isambert, XXII, 226.

² В этом заинтересован сам король. Ср. Постановление Королевского Совета от 15 марта 1788 г., Isambert, XXVIII, 507.

³ «Шампаром» или «терражем» называлась уплата держателем феодальному собственнику земли частью урожая в натуре (Прим. ред.)

⁴ Пошлины с купли продажи возрастают значительно во владениях удельных принцев (princes apanagés), что ясно видно из архивов последних. Arch. Nat., série R. Poitou (R¹ 7, cote 107). Angoumois (R¹ 12).

⁵ Наказ Мель-сюр Сарт (Алансон), Duval, p. 212 «Полоса, носившая десять-двадцать лет тому назад одно название, теперь, в результате продаж, оказывается разделенной на шесть, семь, двенадцать более или менее мелких».

⁶ Десятина—часть доходов или плодов, собиравшаяся в пользу духовенства. О тяжести этих поборов говорит разнообразие их видов: «реальная десятина»—с доходов с земли; «персональная»—с промыслов и ремесел; «древняя»—собиравшаяся в силу установившегося обычая, «novales»—с возделываемой «нови»; «инфеодированная»—отдававшаяся в лен мирянам. (Прим. перев.)

⁷ Young, trad. Lesage, II, 200.

¹ Наказ третьего сословия Немура, А. Р., IV, 114.

² Young, trad. Lesage, II, 206.

прудов и лугов, они владеют и пахотной землей. Чаще всего сеньерам и духовенству принадлежит половина земель села. Помимо этих имуществ они извлекают из земель, уступленных по договору за ренту, за шампар или ценз¹ разнообразные доходы, которые они проживают в городе или при дворе и из которых они ничего не возвращают земле. Мелкие собственники очень многочисленны, особенно в некоторых местностях. Они не полные собственники: немногие из них владеют на свободном праве (*à titre d'alleu*) и не связаны, по крайней мере, цензом или другим каким-либо правом, который является отличительным признаком сеньериального владения; ибо даже на Юге, даже в областях, где свободное землевладение презюмируется обычным правом, сеньеры и король не переставали подкапываться под принцип свободного, аллодиального владения². Распоряжение землей (*la directe*)³ остается всегда за собственником, сдавшим участок или считающим себя уступившим его держателю; и на Севере, согласно правилу: «нет земли без сеньера», и на Юге, вопреки правилу: «нет сеньера без законного титула», почти на всех землях лежат сеньериальные повинности: ежегодные, как ценз, как земельная сеньериальная рента или шампар, состоящие из определенной суммы денег или из известной доли урожая; случайные (*casuels*), как пошлины с купли-продажи (*lods et ventes*), которые вносились при каждом переходе участка из одних рук в другие при продаже или заключении равносильного ей договора. В плодородных землях, во Фландрии, в Эльзасе, в Беарне и по берегам Гаронны, мелкие собственники зажиточны, но в других местностях они влачат жалкое существование. Они сидят на участке, который слишком ограничен, чтобы они могли прокормить семью и уплачивать все налоги и все повинности, которыми обременены. В Грюри, в бальяже д'Отэн, им остается только треть урожая, с которой они должны еще платить королевские налоги⁴. Наряду с ними, в некоторых только областях, как Франш-Конте, Ниверне, Бурбонне, триста тысяч мелких собственников, подчиненных праву «мертвой руки»⁵, не могут ни продавать свои имения, ни передать их по наследству никому, кроме своих детей, живущих с ними, и являются,

¹ Цензом называется вид ренты, уплачиваемой сеньеру-собственнику земли за право наследственного пользования ею. Держание земли за ценз создавало для владельца положение, аналогичное чиншевому владельцу в русском, польском и литовском праве. (Прим. ред.)

² *Encyclop. méthod., jurispr., t. V, art. alleu.*

³ *La directe seigneuriale, dominium directum*—прямое непосредственное право собственности принадлежало всегда феодальному владельцу земли, тогда как даже свободный держатель, получивший ее от сеньера, имел только *dominium utile*—полезную собственность или право пользования, но не распоряжения. (Прим. пер.)

⁴ Grury (Autun), de Charmasse, p. 85.

⁵ Т.-е. лишенных права отчуждать, приобретать что-либо без согласия сеньера; а так как символом таких сделок являлось наложение руки на вещь, то для них рука была как бы мертвой, и сами они назывались мертвучными (*mainmortables*). (Прим. перев.)

таким образом, навеки прикованными со своим потомством к одному и тому же жалкому участку¹. Затем идут земледельцы не-собственники. Одни снимают землю за денежную ренту. Другие являются арендаторами—половниками и делят с владельцем доход с земли. Затем иногда, в качестве промежуточной инстанции между собственником и арендатором или половником пробираются посредники, которые, обладая капиталом, снимают большие пространства за ренту и сдают их от себя половникам или мелким арендаторам. В провинции Марш, Берри, Пуату и Анжумуа эти монополии капиталистов очень распространены². К концу XVIII века они стремятся распространиться и на Север и на Запад. Крупные арендаторы эксплуатируют свои земли при помощи мелких субарендаторов. Они вынуждены платить известные суммы, *могарычи* (*des pots-de-vin*) светским и духовным собственникам, но зато они покрывают свои расходы, и даже с избытком, за счет субарендаторов³. Богатые арендаторы или откупщики захватывают фермы в Булоне, Артуа, в Пикардии, Моне; чтобы избежать расходов по восстановлению построек, владельцы «очищают земли от лагун», уничтожают с каждым днем постройки средних ферм и соединяют эксплуатируемые имения⁴. Большие фермы образуются на Севере и на Западе: таким образом за счет остальных крестьян, составляет целый класс богатых землепашцев (*laboueurs*), настоящая сельская буржуазия; крестьяне же, не находя больше аренды, впадают в нищету. Что касается половников (*metayers*), столь многочисленных во всех районах, где в обращении мало денежных знаков, на Юге и в Центре, и могущих составить, согласно Артуру Юнгу, большую часть земледельческого класса и обработать семь восьмых годных для обработки земель королевства, то они приносят доход собственнику не точно в размере половины урожая, но трети и иногда четверти собранного: владельцы часто обязывают их специальными условиями вносить лишнюю

¹ Guizot, Repert. V°. *Mainmorte*, t. XI, 97.—В Ниверне и Бурбонне борделаж (бессрочное, оброчное держание) является «мертвой рукой» (*Renauldon, Traité des dr. seign*, 181).—Клерже («*Le cri de la raison*») дает преувеличенную цифру в 1.500 000 *мэнмортаблей*; Бонсерф говорит о 300 000 (*La plus importante affaire*, p. 32).

² Young, chap. XI, II, 200 et suiv.

³ Boessé-le-Sec (Maine), Bellez, I, 197, 26°. «Обычай со стороны земельных собственников и особенно владельцев *менморта* требовать большие *могарычи* от своих арендаторов». «Церковники-землевладельцы потребовали от своего главного арендатора *могарыч*, по общему мнению равный 36.000 ливров. На долю простого субарендатора пришлось внести главному арендатору более 1000 эю»

⁴ Третье сословие в Булонне, п. 22 (Loriquet, II, 132). Эйетт (Артуа) *ibid*, I, 178, art. 2. — Boessé-le-Sec (Maine), Bellez, I, 197, 23° et 25° — Guancourt (Versailles), art. 14, Thénard, 61; — Saint-Cyr, *id.*, 182. — Артур Юнг (II, 206) говорит, что крупные фермы имеются только в Артуа, Пикардии, Иль-де-Франсе, Нормандии, Босе, указы 1789 г. показывают, насколько точны его наблюдения.

сумму денег или давать лишнюю долю продуктов ¹. Наконец идут батраки или поденщики (*manouvriers ou journaliers*), имеющие иногда клочок земли и отдающие в наем свою силу крупным собственникам ². У них не всегда имеется заработок. Многочисленные праздники и суровые зимние периоды, когда приостанавливаются земледельческие работы, поглощают у них добрую треть года; да и когда они работают, то зарабатывают от 10 до 15 су в день, из которых они должны уплатить 30 ливров в год за квартиру, не считая подушной подати, соляного налога и барщины ³. Это настоящая нищета. Рядом с этим населением, живущим только обработкой земли, в каждой деревне имеется известное количество купцов и ремесленников; некоторые не имеют земли, зарабатывают от 20 до 30 ливров в год и живут так же нищенски, как поденщики и батраки. Некоторые из них имеют земельные участки, которые сами же обрабатывают. Но при этом смешении занятий торговля является для них лишь подсобным промыслом, добавляющим кое-что к тому доходу, который они извлекают из земли ⁴. В деревне преобладает земледельческий труд; главным и почти единственным источником богатства служит земля. Крупные арендаторы составляют в некотором роде сельскую буржуазию; затем идут мелкие собственники, наконец поденщики и купцы или ремесленники. Но целая толпа бездельников живет на доходы с земли, которые добывают для них другие. Нищета царит в большинстве деревень; сельское население отливает с каждым днем в города вслед за сеньерами и обладателями бенефиций, которые не живут в деревне; крестьяне идут в услужение к богачам или работают на постройках роскошных, но бесполезных памятников, которые украшают города за счет соседних деревень, лишенных самых необходимых дорог ⁵. Те, которые остаются в деревне, живут по большей части стесненно; некоторые доведены до нищенства и бродяжничества, которые порождают воровство и грабеж. Голод наступает; со всех сторон возникают бунты; начинаются разбои.

¹ Brion (Autun), art. 1. De Charmasse, p. 24.—La Comelle-sous-Beuvrey *ibid.*, p. 37;—Curdin, p. 68;—Issy-l'Évêque, art. 8, p. 116.

² Лучицкий, La petite propriété en France..., p. 63. См. также его ст.: «К вопросу о состоянии мелкой земельной собственности во Франции до и во время революции» (в журн. «Новое Слово» 1896 г., окт.) и др. Основная работа: «Состояние земледельч. классов во Франции» 1912 г. не была известна Саньяку. (Прим. перев.)

³ Grury (Autun) De Charmasse, p. 85.—Vouvray-sur-Huisne (Maine), Bellez, IV, 338.

⁴ Лучицкий, стр. 59 и сл. (La petite propriété...).

⁵ Boncerf, La plus importante affaire... p. 58.—Наказ Полена (Кастр), de la Jonquièrre, p. 28. Moncouyol, *ibid.*, p. 25. Третье сословие Булонне, p. 22 (Loriquet, II, 132).

II

Каковы же, конечно очень многочисленные, причины этой нищеты сельского населения?

Прежде всего доминирующий порядок. Право собственности на землю не принадлежит одному только лицу, как в Римской Империи; различные права, составляющие его, вместо того, чтобы быть собранными в один пучок,—разделены: с одной стороны, право непосредственного владения (*domaine direct*), остающееся за жалователем; с другой—право пользования (*domaine utile*), переходящее к тому, кому земля пожалована, и которое, благодаря вековой эволюции, рассматривается уже не как простое право пользования, но как право собственности. Эта собственность вассала или держателя обременена известными повинностями по отношению к владельцу домена: она не свободна. Несмотря на римские традиции, сохранившиеся на Юге, и на то, что обычное право некоторых северных областей признает возможность свободного землевладения, почти все поместья зависят одни от других и, в конечном счете, от коронного домена, от всеобщей верховной королевской власти (*la directe royale universelle*) ¹. Это целая служебная иерархия земель. Но благородные земли почти всегда пользуются привилегиями. Вся тяжесть сеньерских и доминиальных прав падает почти целиком на крестьянина. Эти права отличаются таким разнообразием, которое, кажется, исключает всякую возможность их перечисления; каждая местность знает свои специальные права, носящие особые названия. Однако все они могут войти в следующие четыре класса: 1) права над личностью, как крепостное право, происходящее из древнего римского рабства, унижающего человеческое достоинство; 2) всякого рода денежные и натуральные повинности, полагающиеся за действительную или предполагаемую уступку владения, падающие непосредственно на землю: мертвая рука и поземельная барщина, ценз, шампар, земельная рента, пошлины за отчуждение; 3) монополии, как, например, дорожные и хлебные пошлины, рыночный сбор, взимаемый с торговцев, пользующихся рынком и мерами и весами сеньера, и в особенности право охоты, принадлежащее исключительно владельцу фьефа ², монополии в отношении мельницы, хлебопекарни, пресса (для давления винограда), привилегия по продаже вина; 4) право суда, обложения и взимания штрафов. Денежные повинности, и особенно натуральные, образуют самый определенный доход сеньеров и землевладельцев. Повинности, взимаемые натурой, и монополии сеньеров особенно

¹ Ордонане 1629 г., п. 383.—«Все наследственные владения, не подчиненные другим сеньерам, считаются зависимыми от нас, если не представляют подлинных документов, по которым они освобождаются от этой зависимости», Isambert, XVI, 317.—Эдикт августа 1692 г.—Isambert, XX, 164.

² Это поземельное право связано с правом собственности. Ср. Дюпон, третье сословие Немура. А. Р., IV, 200.

притеснительны. Право охоты в значительной степени ограничивает пользование собственностью¹, особенно в королевских охотничьих поместьях (*capitaineries*). Держателю запрещается возведение построек на расстоянии полумили от королевских лесов. Он никогда не может оградить свое поле от голубей и кроликов, диких животных, оленей, ланей и диких кабанов, которыми кишат окрестности лесов. Он должен заботиться о содержании дичи для развлечения его величества. Он не может выкосить свои луга раньше Иванова дня. Он не может выйти на обработку горохового поля или сбора гороха, не получивши разрешения от инспектора охот, который дает его с большими трудностями. Он должен украшать жнитва терновником и для каждого гнезда куропатки или фазана оставлять большой пучок люцерны, величиной около девяти квадратных футов². Он не может проделать в стенах своего дома ни одного отверстия, через которое могла бы пройти дичь. Целые округа включены в эти охотничьи поместья, предназначенные для развлечений короля: в окрестностях Парижа 400 кв. миль подчинено этому специальному режиму, наносящему такой вред земледелию. Дичь, на которую может охотиться только король, размножается и поедает жатву: в Аблоне, вблизи Парижа, жители вынуждены высевать 12 четвериков зерна на арпан, вместо 8, благодаря соседству с поместьем Вильневле-Руа³. И такое положение вещей создалось почти во всем королевстве, вследствие того, что сеньеры фьефов пользуются и злоупотребляют своими правами. Горе тому, кто нарушит постановления: он подвергается штрафам, наказанию кнутом, конфискации имущества⁴, каторге или ссылке, без надежды на милость и прощение; ибо в отношении своих прав на охоту король и сеньеры не идут ни на какие уступки⁵. Все эти права, вытекающие из доминиального владения, приносят менее дохода тому, кто ими пользуется, чем ущерба тому, на кого они распространяются. В царствование Людовика XVI, совсем накануне революции, они тяжелее, чем были когда-либо с XVI века; всюду обнаруживается феодальная реакция, и король ей потакает. «Феодальная тирания,—говорит Бонсерф в 1776 г.,—в бешенстве просыпается после века покоя и тишины»⁶. Сеньеры, под влиянием нужды, особенно их чиновники, которые имеют право на часть дохода, и их арендаторы стараются выжать из домена все, что могут. Чтобы ни одна следуемая им повинность не была забыта, чтобы восстановить все те, которые могли быть упущены

¹ Ordon. 1669, titre XXX целиком, и в особенности п. 26 и 28. Isambert, XXX, 299.

² Третье сословие Аблона, А. Р., IV, 290, art 3.—Ordon. 1669, titre XXX, art. 21 et passim.

³ Ibid.

⁴ Ordon. 1669 tit. XXX, art. 23.

⁵ Ibid, art. 28.

⁶ Boncerf, Les inconvénients des dr. féod., p. 52.

по небрежности, они приказывают составить поземельные списки (*régistres terriers*), причем расходы по их составлению, определенные выше, чем когда-либо, королевскими грамотами от 20 августа 1786 года, перекадываются на держателей¹. Они возобновляют эти списки, требуют актов признания (*reconnaissances*)² от всех, кто не может представить документов на право свободного владения (*titre*), т.-е. от всех своих держателей. Они требуют недоимку ренты за двадцать девять лет. Они увеличивают барщину, повышают ренту, захватывают все больше и больше общественные земли приходов; они налагают запрещения на право пользования их лесами, существовавшее с незапамятных времен; их мельники делают хлебную и мельничную монополию все более обременительной и оскорбительной. Сеньериальная фискальная система впадает в предсмертную ярость³.

Если земля принадлежит и съемщику и сдатчику, действительному или предполагаемому, то в то же время она принадлежит также в общем смысле всем людям, «согласно своего рода всенародному праву» И этим объясняются старые обычаи, освященные и закрепленные в кутюмах, известные королевские постановления, и некоторые тяготы, обременяющие землю. Бедняки получают, или считается, что получают, часть урожая: церковная десятина частью предназначена для них, согласно церковным правилам⁴. Она взимается с крупных продуктов, именно с хлебов, где—десятый или двенадцатый сноп, где—только пятнадцатый и даже тридцать шестой, как в Бретани⁵; затем с мелких: гороха, бобов, чечевицы и т. д.; наконец, с урожая наследственных земель, распаханых четыре года назад⁶. В XVIII веке иногда обнаруживалась тенденция к уменьшению размера десятины, так как много земельных участков⁷ разрабатывалось под культуры, с которых десятина не взималась; но церковники стремятся со своей стороны к их увеличению, и в некоторых областях они взимают их с продуктов, с которых до сего времени их не платили: с проса и черных хлебов в Бретани, с картофеля, конопли

¹ Arch. nat. ADiv. 16 (Lettres-patentes de 1786).

² Особые акты, в которых, помимо формального признания своей зависимости, феодальной или поземельной, держателем подробно перечислялись все повинности и обязательства по отношению к сеньеру, которые он за собой признавал. (Прим. перев.)

³ Это ясно видно из приходских наказов 1789 г. и сеньериальных архивов, особенно архивов удельных принцев (*princes apanagés*, Arch. nat., série R). См. нашу латинскую диссертацию: *Quomodo jura domini aucta fuerint Ludovico sexto decimo regnante*.

⁴ Fleury, Instit au dr. eccl., I, 377 et suiv.

⁵ Десятина чаще всего составляет $\frac{1}{12}$ часть. В Бретани она повсюду— $\frac{1}{36}$ (третье сосл. Кемпера, п. 20. А. Р., V, 516).

⁶ Boucher d'Argis, Code rural, I, 165 et suiv.—Arrêt du Grand Conseil, 1756, *ibid.*, III, 219

⁷ Dupont de Nemours Mémoire au Comité d'adm. de l'agric., 1786 (Pigeonneau, p. 229).

и репы в округе Бельфор ¹.—Как только урожай собран, земля становится общей для всех; бедняки могут ходить туда собирать сломившиеся колосья, стебли которых они употребляют на подстилку скотине, на кровли домов или на топку очага: право собирать колосья имеют старые и слабые люди и маленькие дети, неспособные жать хлеб ². Затем каждый может пасти свою корову и баранов на неогороженных наследственных землях: это общественное бесплатное пастбище. Обычное право некоторых местностей позволяет владельцам огораживать только маленькую часть своего поместья с тем, чтобы предоставить беднякам возможность пасти там своих коров или коз ³. Большая часть земель не огорожена; но огораживание становится уже преобладающим явлением, и король разрешает его в нескольких провинциях. Государство регламентирует земледелие, как и все остальное. Эксплуатация земли не свободна. Экономическая свобода должна отступить перед тем, что государство считает общим интересом. Одни культуры оно запрещает, другим—покровительствует: в 1731 году Королевский Совет отдает распоряжение, чтобы не производилось новых насаждений виноградников в королевстве и чтобы те, которые не обрабатывались в течение двух лет, не восстанавливались без специального разрешения короля под угрозой штрафа в 3.000 ливров; разрешение же не будет даваться без предварительной проверки почвы интендантом, с целью установить, не является ли она более благоприятной для какой-либо другой культуры ⁴. Земледелец не может собирать винограда или снимать жатвы до разрешения местного судьи; он не должен косить хлеб под угрозой штрафа, «так как этот способ сбора урожая вреден для общества и для самого земледельца тем, что коса сильно треплет колос и при этом из него высыпаются вполне созревшие зерна». Он должен жать хлеб ⁵. Затем, когда урожай собран, крестьянин не может продать его где и как ему угодно: запретительная система, которой правительство всегда почти придерживалось, ограничивает свободу его хозяйственной деятельности. По распоряжению парижского полицейского чиновника окрестным владельцам сенокосов предписывается привозить и продавать сено в Париже под угрозой штрафа; на сено назначается максимальная цена, отдается приказание, чтобы охалки были перевязаны тремя жгутами из сена того же качества, чтобы все связки были хороши, сухи и чисты и имели определенный вес, сообразно с вре-

¹ Третье сосл. Кемпера, п. 20, А. Р., V, 516;—Плермеля, п. 22, V, 380. Земледельцы Бельфора, Arch. nat., DXIV, 9. (Докладная записка в Нац. Собр., апр. 1790 г.): десятины, «только недавно установленные с картофеля, конопли и репы. Лишь несколько лет тому назад догадались облагать и эти продукты».

² Boucher d'Argis, Code rural, I, 184—186. Воспрещается вспашка жнивья, принадлежащего беднякам, ранее 15 сент. (Постановл. Парлам. от 21 июля 1786 г.).

³ Denisart, V^o Vaine pâture, t. IV;—Gu y o t, Répert., XVII, 427.

⁴ Code rural, III, 230.

⁵ Постановл. Парижск. Парламента (2 июля 1786 г.), Isambert, XXVIII, 211.—Постановление его же от 26 июля 1782 г. Ibid., XXVII, 206.

менем года ¹. Такие же ограничения и в праве собственности. Стесненная таким образом собственность является, кроме того, всегда необеспеченной: вследствие принадлежащего родственникам или сеньеру того лица, которое продает участок, права отобрать, «поворотить» его, приобретатель земельного участка остается в течение некоторого времени, которое может доходить до одного года и одного дня, неуверенным в его сохранении ². Опасаясь, чтобы родственники или сеньер его продавца не лишили его права собственности на землю, он выжидает, пока не истечет срок, установленный обычным правом, и лишь тогда производит на ней необходимые улучшения. Если право собственности на многие земли остается неустановленным в течение года, то пользование заарендованными недвижимыми имуществами еще менее прочно обеспечено. Во всякое время арендные договоры могут быть расторгнуты в силу обстоятельств, независимых от воли арендатора, либо по желанию нового владельца, либо по случаю смерти владельца церковного бенефиция. Обычные договоры сохраняют силу только на девять лет. Между бессрочными договорами и этими девятилетними нет среднего срока. Всякий договор, сроком сверх девяти лет, рассматривается как отчуждение; вследствие этого, масса недвижимостей, подобных землям мертвой руки, имения замужних женщин и несовершеннолетних, которые нельзя закладывать, не могут быть предметом договоров на продолжительный срок; что касается других имений, то сеньеральные пошлыны с купли-продажи препятствуют тому, чтобы они были сданы в аренду в течение восемнадцати или двадцати семи лет. Наконец, арендаторы не могут, согласно большей части договоров, поднимать пар, точно так же как косить свой хлеб и свободно располагать своим урожаем.

Фискальная организация государства завершает дело, начатое доминиальным режимом. Тут царят неравенство и произвол. За большую часть своих земель привилегированные не платят податей. Они перекалывают почти всю тяжесть налогов на народ. Уплатив десятину и все доминиальные повинности, народ должен вносить еще подати, подушный налог, двадцатый сбор, соляной, дорожный и т. д. Достаточно «быть богатым, чтобы стать благородным, и стать благородным, чтобы перестать платить, так что единственное средство избежать налогового обложения—это составить себе состояние» ³. А переобременение народа, вытекающее отсюда, становится все тяжелее: налоги растут благодаря войнам и расточительности королевского двора.

Таким образом, феодальные и фискальные порядки становятся все более губительными для сельского населения. Время, тяготею-

¹ Code rural. Постановление полиции (26 мая 1724 г.), распоряжение полиции (12 сент. 1727 и 2 сент. 1728 г.), постановление 25 сент. 1728, t. III, 261, 269, 277.

² Вообще срок для отобрания сувереном—40 дней (Gu y o t, Répert. XV, 442), срок для отобрания родственниками—год и один день (ib., 551).

³ Дюпон, Наказ третьего сосл. Немюра, А. Р., IV, 115.

шее на земле крестьянина, все возрастает: растут королевские налоги, домэниальные повинности всякого рода, налагаемые землевладельцами, равно как и десятины в некоторых областях. Тройная эксплуатация земледельца королем, привилегированными и церковью более жестока, чем когда-либо. Прибавьте к этому невежество крестьянина, разорительную систему оставления поля под пар иногда в продолжение шести лет подряд, как, например, в горах Верхнего Альбижуа ¹, недостаток соломы, забираемой сборщиками десятины и шампара, и невозможность содержать большое количество скота и удобрять землю; все это неизбежно влечет за собой обнищание деревни.

Между тем, эти бедные земледельцы, имеющие лишь маленький клочок земли или же совершенно безземельные, видят рядом с собой огромные имения, не платящие ничего королю, владельцы которых живут в богатстве и роскоши вдали от них. Часто эти пространства вовсе не обрабатываются. «Если вы замечаете заброшенные участки, хотя и доступные мелиорации, то этого достаточно, чтобы утверждать, что они принадлежат крупному сеньеру» ². Артур Юнг констатирует такие удручающие факты во всей Франции. «На расстоянии тридцати семи миль между Гаронной, Дордоной и Шарантой, среди важнейших рынков Франции, встречаешь невероятное количество необработанных земель. Многие из этих участков принадлежат принцу де-Субиз, который не желает их сдавать». «Дело обстоит таким образом,—говорит Юнг,—всякий раз, как только вы встречаете владение крупного сеньера; даже если у него миллионные доходы, вы можете быть уверены, что найдете его имение запущенным». Владения принца де-Субиз и герцога Бульонского принадлежат к числу самых крупных во Франции, и единственные признаки, по которым Юнг отличает их от других, заключаются в том, что они представляют собой «пустынные пространства, заросшие вереском и папоротником» ³. В Бретани, Гаскони площади огромных размеров представляют собой пустоши; в Бренне, Солоне, Домбе, в некоторых местах морского побережья—болота, большая часть которых принадлежит светским или духовным сеньерам. Наконец, повсюду общинные владения, которые могли бы приносить бесконечно больший доход, если бы были разделены. Бок-о-бок с крестьянами, у которых нет собственности или которые имеют чаще всего лишь несколько десятин, значительные владения остаются без эксплуатации и приносят лишь очень слабый доход.

¹ Paulin (Castres), de la Jonquièrre, p. 27.

² Young, trad. Lesage, I, 79.

³ Ibid., I, 87.

III

Экономисты, научные сельскохозяйственные общества, провинциальные собрания и даже философы бьют тревогу и, вскрывая все зло в положении сельского населения, указывают средства для его излечения.

Они критикуют домэниальный порядок. И прежде всего тягостные права собственников, которые ложатся бременем на землю. Бонсерф исследует вопрос о «феодализме» и с полной ясностью выявляет «неудобства феодальных прав» ¹. К сеньериальной системе он применяет критический метод современной ему эпохи. «Феодализм» имеет в основе договор и насилие. Следовательно, надо отличать то, что вытекает из договора, от того, что имеет своим источником только силу. Надо отделить законные сеньериальные права от тех, которые были узурпированы. Каким образом? Надо потребовать представления документов об уступке земли, которые должны быть в распоряжении сеньера. Определив таким образом законные права, необходимо их упразднить путем выкупа. Эта великая реформа пойдет на пользу всем: прежде всего держателям, которые платят гораздо больше, чем получает сеньер, и которые несут повинности, наносящие ущерб земледелию; затем—самим сеньерам, которые, освободившись от армии своих чиновников, нотариусов, комиссаров для составления поземельных росписей, от всяких процессов и неприятностей, извлекают из выкупа суммы, которые позволят им приобрести имения с доходностью, превышающей в три раза все их домэниальные права. Наконец, реформа будет полезна королю, который сможет взимать с владений, освобожденных от всяких рент, более высокие налоги и более частые побочные доходы. Надо освободить землю, которая является источником всякого богатства. В этом заключается важнейший интерес отдельных лиц и всего общества. Так говорят все экономисты.

Мнения юристов очень расходятся. Одни враждебны сеньериальным правам. Гюйо, знаменитый автор Трактата о феодах, считает источником этих прав только насилие и узурпацию ². Один адвокат из Кэмпера, Жирар, в своем Трактате о местных сельских обычаях в Нижней Бретани, который является «политическим исследованием о средствах к увеличению доходности земель и количества продуктов», изображает все злоупотребления с поместьями, подлежащими выкупу: повышение ренты, притеснения всякого рода, «неуверенность съемщика домэна в своем праве владения». «Пусть сжалятся,—говорит он,—над теми, у кого нет другого источника существования, кроме их труда» ³. Но большинство юристов не испытывает никакой

¹ Boncerf, Les inconv. des dr. féod. 1776 et Mémoire sur les rentes foncières.

² Guyot, Traité des fiefs, I, 230.—Барщина, говорит он, была «навязана силой».

³ Girard, préface.

жалости к угнетенным. Ренольдон, Бутарик, Фременвилль видят в сеньеральном режиме только порядок, основанный на договоре, в котором захват играет лишь случайную роль. Они считают, что сеньеры были до сих пор слишком добры, слишком небрежны, они призывают их произвести новые переписи, путем которых они точно описали бы земли, находящиеся у них в зависимости, и не упустили ни одного из принадлежащих им прав¹. Все специалисты по феодальному праву рассуждают таким образом. Чему тут удивляться? Разве они не являются необходимыми помощниками сеньеров в том реакционном движении, которое происходит с 1776 года? Составители поземельных описей, управляющие домами короля, удельных владельцев и сеньеров—все они и им подобные трудятся над «обнаружением» упущенных прав и задолженности с тем большим рвением, что в их пользу идет некоторая доля с собираемого ими дохода. Конечно, не от них приходится ждать критики существующего положения вещей.

Все экономисты требуют полного уничтожения препятствий, которые доманьяльный режим ставит на пути правильной эксплуатации земли. Вмешательство государя не должно нарушать естественного порядка: он должен развиваться только в направлении к свободе, пока еще игнорируемой, или непризнаваемой. «Слишком ясно,—пишет Дюпон де-Немур в 1789 году,—что составители законов не имели ни малейшего понятия о сельском хозяйстве и о выгоде производства богатств, которые в силу естественного порядка вещей должны затем распределяться между гражданами»². Система даровых пастбищ мешает крестьянам заниматься культурой кормовых растений. Молодая зелень рискует быть отравленной тотчас же по выходе из земли; эта система не дает возможности вести борьбу с оставлением земли под паром, приносит в жертву отаву, лишает поля части удобрения; земля глубоко перекапывается пасущимся скотом; все это понижает производительность значительного количества имений, заставляет хороших хозяев покидать деревню³. Десятина лишает земледельца части соломы; то же относится и к шампару. А если нет соломы, то нет корма для скота. Вследствие этого—мало скота, что превращает Францию в данницу иностранцев в отношении солонины, шкур, кожи, шерсти, лишает землю необходимых удобрений и уменьшает урожай зерна. В сельском хозяйстве все взаимно зависимо⁴.

¹ Fréminville, *Prat. des terriers*, II, 759—760.—Renauldon, *préface*. Если имеются некоторые узурпированные права, то они составляют исключение. «Что доказывают эти частные случаи? Вообще, французские сеньеры всегда были великодушны и милосердны».

² Dupont, *Tiers du Nemours*, A. P., IV, 205.

³ Доклад Комиссии по сельскому хозяйству; Провинц. собр. в Берри, II, 116 (цитируется без ссылки у Girardot p. 271).—Докл. записка Лавуазье (1787 г.) Комитету по делам сельского хозяйства, Pigeonneau, p. 410. Доклады. зап. Лазовского (1786), *ibid.*, 327 и сл.

⁴ Dupont, *Mém. sur la dîme*. (4 avr. 1786), *ibid.*; 229. «Десятина способствует обвинению бедных крестьян и росту имущественного неравенства тем, что

Все постановления, касающиеся земледелия, например «общие работы на сеньера во время сенокоса, жатвы, сбора винограда, определяемые капризным и невежественным управляющим», связывают земледельца в то время, когда его урожай, полученный с такими затратами, должен быть собран с чрезвычайной поспешностью. Право бедняков собирать колосья по снятии урожая порождает только злоупотребления: «столько здоровых рук отнимают эти колосья у детей, стариков, больных, что следовало бы призывать на помощь полицию»¹. Курьезные постановления препятствуют изменению севооборота. «Нигде нет закона, который бы гласил, что каждый может делать со своим имуществом, что он захочет, лишь бы он не брал и не портил чужого; всюду законы, запрещающие развитие мысли, стесняющие энергию в работе, применение капиталов и пользование свободой»². Кроме этих запрещений и постановлений, фермер встречает другие препятствия, которые надо уничтожить, как и первые. Договоры заключаются на недостаточно продолжительный срок и недостаточно постоянны. «Арендатору, принужденному в первом же году делать предварительные затраты на скот, на семена, на инвентарь, на жизненные припасы, не хватает средств на производство улучшений: он может позаботиться об этом только в следующие годы; но его договор уже близится к концу, а есть такие затраты, как, например, на мергель, которые окупаются только по прошествии известного числа лет, превышающего срок договора; поэтому такие затраты и не производятся»³. Бонсерф, Дюпон де-Немур и научные сельскохозяйственные общества требуют, чтобы договоры заключались по крайней мере на восемнадцать, а то и на двадцать семь лет. Затем они требуют устойчивости в арендных договорах, чтобы воля нового приобретателя или смерть владельца церковного бенефиция не служила впредь основанием для законного расторжения договора⁴. Надо уничтожить все противозаконные монополии сеньеров и короля, все запретительные постановления, которые только ослабляют производительность почвы и препятствуют процветанию сельского хозяйства: только свобода оплодотворяет труд.

Фискальные порядки вызывают, по мнению реформаторов, самые возмутительные факты несправедливости. Благодаря несправедливости и произволу, царящим при взимании налогов, все бремя их падает на бедных земледельцев, что ведет к бесплодию почвы. Начиная с Вобана и Буагильбера, нет экономиста, который бы не искал средств уравнивать повинности. Вольтер поражен этим неравенством, в силу которого освобождаются от налогов

извлекает солому из крестьянских хозяйств и перепродает ее богатым.—Трегье сосл. Немюра, A. P., IV, 192.—Бонсерф очень настаивает на этом вопросе в своей работе: «La plus importante affaire».

¹ Bonserf. *La plus importante affaire...*, p. 48.

² Dupont, *Tiers de Nemours*, A. P., IV, 206, col. 2.

³ Бонсерф. *цит. соч.*, стр. 45.

⁴ Dupont, *Tiers de Nemours*, A. P. IV, 157.

земли его врага—духовенства. В конце XVIII века экономисты показывают наперерыв неудобства фискального порядка. «Произвол и обложения податями,—говорит Лавуазье в 1787 году,—являются препятствием ко всякого рода улучшениям, потому что они вызывают неизбежное повышение налогового бремени по отношению к тому, кто их производит». «Талья, таким образом, представляет собой своеобразную премию, убивающую предприимчивость» (*prime de découragement*)¹. Конечно, земля, которая одна способна, согласно учению физиократов, дать излишек продукта над потреблением земледельцев—«чистый доход», распределяемый затем между всеми людьми,—должна одна подлежать обложению. Но нужно, чтобы налог поглощал только часть этой чистой прибыли; необходимо его уменьшить, а для этого разложить на все земли, пропорционально их доходности.

Наконец, необходимо лучше распределить земли. Надо увеличить массу продуктов производства и, с этой целью, увеличить число собственников. Огромные домены остаются без обработки, плохо эксплуатируются, изъяты из обращения. Во всем королевстве потребуется разработать большую площадь нови, осушить 1.200.000 арпанов² болот³. Часто это корпоративные имущества; надо их распродать и разделить на мелкие участки. Необходимо произвести отчуждение королевских доменов. И пусть не выдвигается принцип неотчуждаемости: «история и памятники свидетельствуют о том, что домены всегда отчуждались; что если и было запрещено отчуждать их, то это был чисто экономический закон: необходимо было избежать расхищения доменов и предохранить нацию от увеличения налогов». Эти владения обречены на бесплодность; расходы по управлению их поглощают весь доход; если их разделить, производительность их подымется, с них будут вноситься налоги, уменьшатся государственные долги⁴. Ряд публицистов нападает на корпоративную собственность духовенства; они настаивают на том, что имения мертвой руки принадлежат королю и что он должен продать их, чтобы расплатиться с долгами духовенства и государства, увеличить число земле-владельцев и поднять производительность земли.—Что касается общинных земель, то это наименее производительные из всех имуществ: маркиз Мирабо и Бонсерф определенно заявляют об этом. Доказано, говорит последний, что арпан общинной земли, который в теперешнем состоянии не приносит 40 су, мог бы давать 20—30 ливров в руках собственника. Провинциальные собрания думают то же самое; собрание Верхней Гиенны предлагает разбить общинные земли на две части: одна была бы разделена подушно между жителями, другая—пропорционально размеру уплачиваемой

каждым из них тальи¹. Экономисты, сельскохозяйственные общества, провинциальные собрания готовят значительное аграрное движение.

Недостаточно превратить корпоративную собственность в индивидуальную. Надо также разделить имения частных лиц: уничтожить, путем упразднения владений мертвой руки, облагаемые общины (*communautés taissables*², вредные для земледелия³, расчленив крупные фьефы, чтобы увеличить число разветвлений в пределах отдельных родов, урезать значение права первородства, в силу которого кутумы некоторых местностей оставляют почти все старшему в роде. Надо также содействовать обращению имений: запретить бесконечные субституции, упразднить «белое поместье» (*franc-fief*), которое обязывает разночинца, приобретающего фьеф, уплатить в счет несобранного еще годового дохода по 10 су с ливра, чего фактически земля не дает⁴. Тогда тысячи земель, которые не могли до сих пор продаваться, будут пущены в оборот, дадут урожай, выдержат налоги.

Если дробление земли является социальной необходимостью, если—по мнению Бонсерфа, отличающемуся от мнения Кене и Тюрго, мыслящих более теоретически, чем он⁵,—слишком большие владения должны быть разделены с целью увеличить число сельских хозяев, то надо, с другой стороны, избегать и чрезмерного дробления, при котором собственность одного и того же лица рассеивается во все стороны, создавая все более мелкие части. Такое дробление препятствует хорошей обработке, очень мешает огораживанию владений, поддерживает бесплатные пастбища и передвижения по чужому участку. Чтобы покончить со всем этим, надо облегчить возможность обмена участков с обоюдного согласия собственников, что, благодаря законодательству последнего времени, к несчастью, связано с очень большими расходами.

¹ Бонсерф, цит. соч., стр. 42.—Girardot, p. 212.

² Так назывались ведущие свое начало от крепостного права земельные товарищества или родовые общины, представлявшие собой каждую единицу обложения. Они вытесняли постепенно владения мертвой руки благодаря тому, что представляли известные выгоды для феодальных владельцев, и те, поощряя их развитие, допускали, чтобы имущество члена товарищества переходило по смерти его не к сеньеру, как того требовал институт мертвой руки, а к одному из членов общины. Сперва это были родственники умершего, а позднее и дети, т.е. прямые наследники. (Прим. перев.)

³ Доклад Собранию в Берри (1783 г.) II, 105 и сл. (частью приведенный у Girardot, стр. 276 и сл.).

⁴ Бонсерф, цит. соч., стр. 35 и сл.

⁵ Ibid., 46: «Большим злом является объединение нескольких ферм в одну, благодаря чему вытесняется несколько крестьянских семейств, и существование обеспечивается лишь одному из них». Провинц. собр. в Берри, доклад сельскохозяйственной комиссии 30 октября 1783 г., II, 107: «сгарательная обработка земли чаще наблюдается в мелком хозяйстве», и в то же время исчезает безработица. Ср. Quesnay, art. grains. Ed. Onken, 218: «Доходности сельского хозяйства очень способствует концентрация земельных участков в руках богатых фермеров, которые могут их лучше обрабатывать».

¹ Лавуазье, цит. докл. записка, Pigeonneau, 409.

² Мера земли в дореволюционной Франции, равная приблизительно 2/5 десятины. (Прим. ред.)

³ Бонсерф, цит. соч., стр. 29.

⁴ Ibid., p. 34.

Наконец—и это главная мысль в системе физиократов,—надо широко ознакомить всех с принципами новой науки, заставить всех проникнуться верой в естественные законы, неизменные, необходимые, которые сами по себе направлены к благу. Надо реформировать систему нашего образования и сделать его более практическим, более близким к действительности. «Наши народные школы, средние школы и университеты не включили в свой план преподавания ни земледелия, ни коммерческих знаний, ни искусств и даже отвлекают внимание подданных от этих предметов. «Между тем,—говорит Бонсерф,—именно отсюда должны исходить сила, богатство, процветание нации».—«В силу обычного, рокового свойства человеческого ума, наиболее полезное искусство (земледелие) преподается хуже всего»¹. В Комитете народного образования чувствуется практическое настроение, которое проявит себя в Законодательном Собрании и Конвенте.

Итак, пусть правительство сделает землю Франции свободной, разделит ее, предоставит действовать естественным законам, лежащим в основе производства богатств, преподает всем и каждому новые принципы экономики и лучшие способы обработки земли,—тогда в королевстве не будет участка, который не производил бы вдвое больше, и «плодородная почва» Франции, которая, «за исключением нескольких провинций, не производит в настоящее время достаточно продуктов для пропитания своих обитателей»², даст сельскому населению и нации неведомое до тех пор благосостояние, и Франция не будет больше вынуждена обращаться за помощью к иностранным государствам.

IV

Эта систематическая критика земельных порядков, просасывающаяся мало-по-малу неведомыми каналами из трудов экономистов, из прений сельскохозяйственных обществ и провинциальных собраний в самые деревни; сенъериальная реакция, свирепствующая с момента падения Тюрго; растущая нищета деревенского населения и глубокое сознание им своих несчастий,—все это содействует тому, что земельные порядки становятся более невыносимыми, чем когда-либо. Этот режим тем более ненавистен и нестерпим, что крестьянин очень часто является настоящим собственником, признанным в качестве такового еще правом XVIII века, и что повинности, которые от него требуют, представляются ему обязательствами, ни на чем не основанными; наконец, юридически он независим от сенъера во всем, что касается общинного управления. Он—собственник, свободный гражданин в своей общине, а между тем он чувствует себя более,

чем когда-либо, эксплуатируемым и притесняемым. И вот, крестьяне в своих наказах 1789 года, составленных то каким-нибудь видным, образованным человеком, то ими самими, неправильным, но выразительным языком требуют, вслед за Бонсерфом, освобождения и раздела земельных владений.

Свобода земель—таков клич всех земледельцев Франции. Они требуют отмены всех сенъериальных прав. «Это своего рода раны, через которые с болью просачиваются их жизненные соки»¹. Они так от этого страдают, что, обычно столь сдержанные, принимают на этот раз уверенный, а иногда смелый и резкий тон. Если во многих наказах они признают, что сенъериальные права происходят из договоров, то в других они, не колеблясь, заявляют, что «все эти права обязаны своим происхождением только захватам со стороны духовенства и дворянства в период смут, когда они объединились, чтобы ослабить королевскую власть и наложить гнет на народ»². И, чтобы удовлетворить деревенское население, недостаточно полумер. «Феодалный порядок,—говорит наказ третьего сословия Форкалькье,—создал только рабов; ветви этого дерева были срублены, но ствол еще существует, и надо употребить колун и топор, чтобы опрокинуть его окончательно»³. Надо «вырвать зло с корнем. Паллиативы не годятся для нации; железо и огонь должны быть пущены в ход для уничтожения болезней, с того момента, как они определены»⁴. Следовательно, права, касающиеся непосредственно личности и унижающие ее, должны быть отменены. Необходимо уничтожить право мертвой руки; оно держит в рабстве 1.500.000 подданных короля, говорит, очевидно преувеличивая, один сельский священник; таков крик разума, о котором депутат Клерже доводит до сведения Генеральных Штатов; это протест, с которым обращается к ним, тридцать лет спустя после Вольтера, крепостной из Юрских гор⁵.

Что касается шампара, рент, ценза, то они должны быть уничтожены путем выкупа из двадцати или тридцати процентов в случаях, когда сенъер докажет путем предъявления подлинных документов, что они следуют ему по закону⁶. И сенъеры должны будут согласиться на этот выкуп: «Всякое намерение лишить должника возможности освободиться, противоречит естественному праву»⁷. Сардинский король уже разрешил в своих владениях выкуп сенъериальных прав: пусть его величество поступит так же⁸. Некоторые, подобно Бонсерфу, дей-

¹ Третье сословие Мирекура, art. 36. A. P., IV, 8.

² Третье сословие Брюнуа, art. 13. Ibid., IV, 380.

³ A. P., III, 333.

⁴ Comm. de Saint-Quentin et de Cayra (sénéch. Limoux), A. P., III, 584.

⁵ Clerget, Le cri de la raison, 1789.—Protestation d'un serf du Mont-Jura 16 pages, 1789, in-8. Bibl. nat., Lb⁸⁹916.

⁶ Третье сословие Ленса, art. 24. (Loriquet, I, 105).—Chassy (Auxerre), art. 14. Bull. Soc. Yonne, t. XXXVIII, 185.

⁷ Третье сословие Форкалькье, A. P., III, 333.

⁸ Antully (Autun). De Charmasse. 13.

¹ Бонсерф, цит. соч., стр. 62.

² Ibid., p. 1.

ствительно требуют массового выкупа простым и быстрым способом. Но большинство думает только об индивидуальном выкупе, и это приводит к требованию уничтожить круговую поруку в отношении ценза и ренты¹. Во всяком случае, операция будет основана на принципе справедливости; «взаимные интересы сеньеров и плательщиков ценза будут примерены»². Никаких ограничений права собственности. Долой исключительное право охоты, право содержать за счет крестьян голубей: необходимо, чтобы бедные земледельцы могли освободить свои поля от дичи, поедающей их зерна, и чтобы голуби запирались во время посева. Нет деревни, которая бы не жаловалась на голубей и кроликов. Иногда дворянство признает правоту крестьян. В седьмом департаменте Парижа один из его членов даже говорит: «Уничтожьте, сожгите варварский Сборник Законов, касающихся вод и лесов, этот кровавый кодекс, который ставит на одну доску свободу, честь человека и жизнь кролика и, к стыду человечества и вопреки разуму, отдает предпочтение последнему»³. Не должно быть больше неуверенности в праве собственности, непостоянства в договорах⁴. Конец эксплуатации арендатора владельцем; оставлять первому только четверть урожая является «достойным осуждения ростовщичеством, так как арендный договор—это род союза, в котором каждый из обеспечивающихся должен бы иметь половину»⁵. Не надо даровых пастбищ, и пусть будет полная свобода огораживания во всех областях Франции: таково желание, выраженное во многих наказах. Даровое пастбище—это «противозаконный обычай, который вводит стада в чужие поля», препятствует разведению кормовых растений, вообще «идет вразрез с интересами сельского хозяйства и с правом собственности»⁶. Но многие жалуются на огораживание полей, которое король недавно разрешил в Беарне, во Франш-Конте, в герцогствах Лорре и Бар, Труа-Эвеше, Шампани, Бурбонне, в округе Гагено⁷. Жители местностей, богатых пастбищами, как Лоррен и Беарн, враждебно относятся к королевским указам, которые, предлагая владельцам огораживать свои имения, совершенно лишают скот корма. Они указывают все неудобства новых законов, которые уже вошли в силу в некоторых местностях Франции и которых требуют многие другие. Если бы каждый огораживал

¹ Много жалоб на круговую поруку при уплате ренты. Vautorte (Maine). Bellez, IV, 255, art. II.—Courson (Auxerre), Bull. Soc. Yonne, XXVIII, 232, art. 14.

² Comm. des cinq sénéch. de l'Anjou, art. 1. A. P., II, 41.—Ballainvilliers (Paris hors les murs), art. 25. A. P., IV, 339.

³ Chassin, Election et cahiers de Paris, II, 268 (Disc. de Laus de Boissy).

⁴ Третье сословие Essones, A. P., IV, 533;—de Gournay, art. 19, id. 588;—de Rennes, art. 150, V, 546;—du Boulonnais, art. 20 (Loriquet, II, 132);—Paris hors les murs (Chassin, IV, 449).

⁵ La Comelle-sous-Beuvrey (Autun), De Charmasse, p. 37.

⁶ Comps (Draguignan), Mireur, p. 135.

⁷ Edits mars 1769, sept. 1777, 10 févr. 1788. (Isambert, XXII, 486, XXV, 136, XXVIII, 506).

свой участок, то разведение скота было бы невозможно. Изгороди в виде плетня или частокола «вносят смуту, ненависть и рознь в среду жителей, живших прежде в мире между собой; они вызывают тяжбы по поводу прохода скота, который они стесняют, а иногда делают совершенно невозможным; они порождают судебные расследования, когда скотина соседа входит в какую-нибудь из этих изгородей; наконец, известны случаи гибели скотины на изгородях и колах, когда она стремится в огороженное пространство, где она видит свежую траву»¹.

Нищета так велика, а угнетение так сильно, сознание крестьянами своих несчастий так ярко, что они излагают в своих наказах пожелания, направленные прямо против свободы. Дело в том, что свобода представляется им выгодной только для могущественных и богатых. Чтобы помешать захвату ферм, который на севере и западе королевства разоряет массу семейств сельских хозяев, они хотят, чтобы крупному арендатору разрешалось эксплуатировать только одну ферму или, самое большее, две и даже, как говорят артуазцы, чтобы в пределах больших ферм одному разрешалось эксплуатировать не более 300 «мер»² земли³. Для устранения конкуренции сеньеров, которые сами эксплуатируют свои имения, они хотят, чтобы таковым было запрещено заниматься сельским хозяйством: им это «кажется нарушением порядка»; «не следовало бы позволять тем, кто пользуется исключениями и привилегиями дворянства, заниматься делом пахаря и купца. Это в некотором роде нарушение прав бедных земледельцев по профессии, принужденных трудиться, чтобы заработать что-либо для уплаты налогов, которыми они обременены»⁴. Чтобы не лишать работы поденщиков, «желательно запретить каждому частному лицу отводить под пастбище более третьей части его удобной для пашни земли; под пашню должно быть возвращено все, что будет превышать эту треть»⁵. Наконец, чтобы вернуть земледелию полезные для него руки, надо сократить число слуг у богатей или, по крайней мере, установить налог на богатых, повышающийся сообразно количеству прислуги⁶. В поисках за средствами, которые могли бы облегчить их беды, крестьяне прибегают к вмешательству единственной известной им силы, которая до сих пор была всемогущей во имя зла, а теперь станет таковой во имя добра: к государству. Но это скорее паллиативы, а не

¹ Обсуждение вопроса в общине Gère-Belesten. (18 марта 1790 г.), в общине Laruns, Aste et Bion (Basses-Pyrénées) Arch. nat., DXIV, 9. Третье сословие и духовенство Меца: указ об ограждении «препятствует общему благосостоянию провинции, увеличению количества скота и понижению цены на мясо; цена эта чрезмерно возросла со времени издания последнего указа». A. P., III, 760, 770.

² Дореволюционная местная единица измерения земли. (Прим. перев.)

³ Boitron (Alençon), Duval, 36.—Ayette (Artois) art. 20 (Loriquet, I, 178).—Souvigné (Maine) Bellez, IV, 152.

⁴ Bonnefoy (Alençon), Duval, 43.

⁵ Boitron (Alençon), ibid, 78, 96.

⁶ Avigneau (Auxerre) Bull. Soc. Yonne, t. XXXVIII, 123.

действительные меры, которые, кроме того, наносят ущерб первому принципу революции—свободе. Существуют более практические, более общие средства: после освобождения земель—раздел всей корпоративной собственности, которая должна стать собственностью национальной.

Сельское население требует раздела королевских доменов и церковных имуществ—вслед за Бонсерфом и экономистами и по тем же причинам: для уничтожения государственного долга, для увеличения числа собственников. Некоторые общины в окрестностях Парижа требуют с большей настойчивостью раздела коронных имуществ; там население гуще, там преобладают крупные фермы, королевский домен занимает значительную часть земли, в то время как очень многие не имеют собственной земли. Поэтому они хотели бы, чтобы из различных ферм короля было взято 150 арпанов земли и сдано в аренду по участкам в 4—5 арпанов, с целью «оказать прихожанам необходимое содействие и поддержать их существование»¹. Что касается земель мертвой руки, то почти все наказы третьего сословия и сельского населения единодушно требуют распродажи их. Это единодушие исчезает, когда речь заходит об общинных землях. Вслед за агрономами, парижскими и беррийскими научными сельскохозяйственными обществами, некоторыми провинциальными собраниями, как, например, собрание Верхне-Гиеенское², во многих наказах просят раздела «общинных угодий». Это единственное средство для увеличения их ценности, наделения земельной собственностью бедных граждан, устранения источника вечных тягб³. Но старые традиции борются против новых принципов сельской экономики, и многие села противятся разделу общинных земель по тем же причинам, по каким они против уничтожения даровых пастбищ. Парламент Нанси отказался зарегистрировать указ, разрешающий раздел «общинных угодий» в Лотарингии⁴; третье сословие Мирекура, Тионвиля протестует против нововведения, которое повело бы к прекращению разведения скота, единственного источ-

¹ Guyancourt, Thénard, 61.—Buc. id., 71.

² Procès-verbaux de l'Assemblée de la Haute-Guienne, Bibl. nat., Lk¹⁵ 24, t. I, 2-е partie, pp. 248—254: Доклад бюро общественного блага (1 окт. 1780 г.): «Общественное мнение, казалось бы, давно уже требует раздела общинных угодий во Франции, а принципы политической экономии должны осудить все институты, которые содействуют ограничению массы национальных продуктов и задержке прогресса культуры... Бедняк, не имеющий ни крупного, ни мелкого скота, фактически не пользуется своим правом на земельный участок, который для него оказывается еще более бесплодным, чем для общества. Предприимчивые крестьяне захватывают значительную долю общинных угодий, а между тем уплата талли и ренты остается на обязанности всех жителей. Отсюда бесконечное количество тягб, отсюда общий вопль о разделе общинных угодий».

³ Дворянство Dombes, art. 39, A. P., VI, 67;—дворянство Bas-Vivaraix, art. 55, ibid., 182.—Третье сословие Figeac, V, 494; Quercy, V, 493.—Докладная записка члена Мозельской дирекции, 1791. Arch. nat. DXIV, 7.

⁴ Третье сословие Мирекура, A. P., IV, 5, 30.—Adresse à l'Assemblée nationale pour les non-propriétaires, habitants de la campagne en Lorraine par Noël, avocat, p. 6. (Bibl. nat., Lb⁸⁹ 3027).

ника существования Лотарингии. Несколько обществ в верхних долинах Пиренеев враждебно относятся к разделу, а третье сословие в Ренне находится в большой нерешительности¹.

Каковы бы ни были разногласия по этим сравнительно второстепенным вопросам, в общем сельское население королевства, от его северных пределов до южных, требует в 1789 году освобождения и дробления земельных владений. За ним идут все, кто был свидетелем их страданий и сочувствовал им, все те, кто, подобно экономистам, членам сельскохозяйственных обществ или провинциальных собраний, пытался, как мог, помочь им.

Но в Генеральных Штатах, собравшихся в Версали в 1789 году, преобладают адвокаты, судьи, философы; они одни составляют большую часть третьего сословия. А их озабочивает не освобождение и благоденствие деревни; большинство, живя в городе, не знает крестьян и не имеет с ними ни общих взглядов, ни нужд, ни интересов. Они прежде всего озабочены вопросами о поголовном (а не посословном, как прежде) голосовании, затем Конституцией и Декларацией прав, которая является ее необходимой предпосылкой. В своей знаменитой брошюре: «Что такое третье сословие?» Сиейес говорит лишь несколько слов о сеньерском порядке, по поводу патримониальных судов, и то случайно, в простом примечании². В составленных им и оказавших большое влияние на редакторов наказов третьего сословия инструкциях для собраний, бабльей, среди вопросов, которые он советует отложить на позднейшие заседания—после вопроса о выработке Конституции и Декларации прав,—он помещает «феодалные злоупотребления»³. Для Бонсерфа «наиболее важное и самое спешное дело»—это «восстановление земледелия»; для Ламбера—снабжение работой тех, у кого ее нет, помощь несчастным⁴. В глазах большинства экономистов существует лишь одно важнейшее разделение: на собственников и не-собственников⁵; главный вопрос—это вопрос социальный. Для философов прежде всего отмена сословий, провозглашение метафизических принципов, установление политической конституции.

Будут ли желания деревни осуществлены лишь после желаний городов? Совершится ли социальная революция только после политической? Предоставит ли крестьянин Национальному Собранию мирно предаваться теоретическим дискуссиям, ничего ему не приносящим? Такова была главная проблема в 1789 году после того, как собрались Генеральные Штаты и образовалось Национальное Собрание.

¹ Третье сословие Тионвиля, A. P., III, 779, 310. Ср. выше Vallée d'Ossau (Laruns).—Третье сословие Пенна, art. 145, A. P., V, 546. Paroisse de Fosses (Paris hors les murs), art. 18 id., IV, 563.

² Сиейес: «Что такое третье сословие?»

³ Instruction donnée par S. A. S. Mgr. le duc d'Orléans

⁴ Lambert, Précis de vues générales en faveur de ceux qui n'ont rien pour les mettre sous la sauvegarde de la bienfaisance publique, 1789.—Cahier des pauvres. AD.XVIII c. 155.

⁵ Lambert, ibid.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПОРЯДКА:
ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ

Отдел первый

Земельный порядок и Учредительное Собрание

I

I. В июне и июле 1789 года избранники нации думали, что их первой обязанностью было дарование Франции конституции. Таково было желание просвещенных классов. Члены Учредительного Собрания считали эту задачу самой срочной. Но события, которые фактически руководили их политикой, указали им более высокое и неотложное дело: социальное и экономическое возрождение Франции. Какое дело было крестьянину до длительной проверки полномочий и до продолжительных теоретических дискуссий? То, о чем он просил в своих весьма скромных наказах, слишком часто приносимых в жертву общим наказам бальяжа, заключалось в практических реформах, в освобождении его личности и его земли. Сенъериальная реакция, тяготевшая на нем особенно сильно последние лет двадцать; желание стать свободным, все более сильное и волнующее по мере того, как увеличивалось довольство и просвещение; широкий горизонт упований, открытый только что Генеральными Штатами после их ста семидесятипятилетнего молчания, и печаль при виде того, что Собрание, занятое два месяца другими делами, еще не подумало о нем; нетерпение, жажда достигнуть, наконец, цели, быть может, убеждение, что ему не помогут, пока он сам себе не поможет; победа народа в Париже, взятие Бастилии,—все это придало крестьянину смелости, всколыхнуло бешенство в его груди и бросило его после 14 июля на путь революции, принявшей огромные размеры. В пределах своих муниципалитетов он также начинает брать свои Бастилии, овладевает замками, бросается прямо к сенъериальным архивам, овладевает ими и держит наконец в своих руках эти хранилища хартий, памятники рабства, которые сеньеры всегда отказывались предъявить ему, и предает их огню. Для своего освобождения он воскрешает самые мрачные времена средневековья. Анархия дошла до наивысших пределов. Тогда Собрание заволновалось. Четвертого августа, в вечернем засе-

дании под председательством Лешапелле, Тарже докладывает проект постановления о безопасности королевства. «Национальное Собрание», говорит он, «полагая, что волнения и насилия, происшедшие в различных провинциях, в то время, пока оно занято исключительно обеспечением счастья народа, на основе свободной Конституции, распространяют тревогу в умах и самым роковым образом нарушают священные права собственности и безопасности личности... постановляет, что прежние законы сохраняют силу и должны исполняться, пока не будут отменены или изменены властью Собрания,... что все обычные повинности и платежи должны вноситься, как прежде, пока Собрание не отдаст иного распоряжения...»¹. Вера в спасительность политической Конституции; приказание выполнять все прежние повинности в ожидании иного решения Собрания; подтверждение положения о неурочимости законов, которые само Собрание считает временными и, следовательно, несправедливыми,—таков, по мнению третьего сословия, единственно возможный ответ деревням. Несчастному сельскому населению, осмелившемуся после векового рабства надеяться, наконец, на освобождение, юристы отвечают: «Не надо торопиться. Старые законы существуют, пока они не отменены или не изменены; подожди еще»; как будто народ недостаточно долго находился в выжидательном состоянии, полном смирения и покорности. По счастью, привилегированные сословия не рассуждали подобно третьему сословию; они увидели опасность и великодушно отказались от юридической помощи, которую оказывало им третье сословие. Сенъериальный режим был опрокинут восставшими деревнями; оставалось лишь признать совершившийся факт. Крестьянин был слишком возмущен сенъериальной реакцией последних лет; он с чересчур большой стремительностью вырвался из своей вековой покорности, чтобы возможно было вновь сдерживать его или успокоить при помощи предписаний права или иных сдерживающих мероприятий. В этом ночном заседании виконт де Ноайль, герцог д'Эгильон, бретонец Леген де Керангаль по очереди отказываются от своих сенъериальных прав. «Пусть сенъериальная барщина, право мертвой руки и другие виды личной крепостной зависимости будут уничтожены без выкупа», предлагает виконт де Ноайль; что касается других прав, то «выкуп их пусть будет предоставлен сельским обществам»². Они не хотят оказывать сопротивления; они сами чувствуют, что право не совсем-то на их стороне; они находят оправдание восстанию в притеснениях, которые угнетают народ; они признают, что их управляющие слишком часто злоупотребляли слабостью земледельца³. Они почти что

¹ Procès-verbal de l'Assemblée Nationale, tome II, n° 40 bis.—A. P., VII, 334.

² Procès-verbal de l'Assemblée Nationale, II, n° 40 bis., p. 6.—«Journal des Débats», II, 359.

³ Герцог д'Эгильон говорит: «Надо, господа, признать, что это восстание народа, хотя и преступное (ибо всякое насилие преступно), может найти свое

преподают урок третьему сословию. Конституция, всецело овладевшая умами третьего сословия, разве это то, о чем мечтает деревня? Нет, это лишь желание баляжей. «Сельские общества,—воскликает виконт де Ноайль,—видят, что их представители вот уже больше трех месяцев заняты тем, что мы называем и что действительно является государственным делом, но им представляется государственным делом прежде всего то, чего они желают и что они жаждут получить»¹. Затем, после ораторов дворянства, несколько депутатов духовенства, епископы Нанси и Шартра, просят о выкупе десятины и об отмене права охоты; архиепископ Экса Буажелен хочет, чтобы при уничтожении феодализма позаботились о недопущении возможности его возврата². Энтузиазм овладевает Собранием; каждый город, каждая провинция, каждая корпорация отказывается от своих привилегий. Эта борьба великодуший продолжается до двух часов ночи. Старая Франция выносила сама себе приговор: стирались всякие различия, духовное единство нации проявилось с незабываемой силой³.

II. Это согласие и единодушие исчезло, как только понадобилось облечь в законную форму желания, казавшиеся столь прекрасными в их беспорядочном выявлении в ночь на 4 августа. Чтобы облечь в форму декретов предложения одного шестичасового заседания, понадобилось шесть дней⁴. Шестого августа проект постановления вызывает горячие прения. Несколько представителей духовенства уже сожалеют о великодушием отказе от своих десятин⁵. Можно сказать, что решения, принятые под влиянием энтузиазма, были изуродованы с самого начала работ Собрания. Проект постановления гласил, что «натуральные десятины, церковные, светские и феодализированные, могли быть обращены в денежную повинность и выкуплены по желанию плательщиков»⁶. Натуральная контрибуция заменялась денежной. Это не облегчало положения земледельца. Одни, как, напр., Сиейес Дюпон де Немур, Ланжюине, несколько епископов, энергично

защищали проект¹; по их мнению, десятины надо выкупать; несправедливо было бы делать подарок теперешним владельцам имений, которые приобретали их с обязательством платить десятину. «Когда законодатель,—говорит Сиейес,—требует жертв или принимает их при обстоятельствах, подобных нынешним, то эти жертвы не должны идти на пользу богатым...». Другие (де Вилле, Арно, Шассе, Мирабо, Дюпор)² поддерживали то мнение, что выкуп был бы «киллюзорным благодеянием». Десятина не является правом, вытекающим из поземельных отношений, как ценз и рента, платой за уступку земли; это налог, не заслуживающий того же покровительства, как реальные сенъериальные права. И вот тогда несколько сельских священников, в том числе благородный Жалле³, чувствуя, что выкуп десятин оказался бы слишком тягостным для деревни, отказываются от своих десятин в актах, которые Рикар оглашает 11 августа в Собрании⁴; это великодушие увлекает массу духовенства, включая епископов, архиепископов и кардиналов, даже де Жюинье, архиепископа парижского, и кардинала Ларошфуко⁵. Но им кажется необходимым установить различие между церковными десятинами, являющимися добровольными взносами, превращенными в налог, и феодализированными десятинами, перешедшими в руки светских лиц в качестве собственности. В проекте постановления они смешиваются. Окончательный декрет различает их. Десятинны всякого рода, находящиеся во владении мирских и монашеских обществ, уничтожаются; все остальные могут быть выкуплены⁶. Вслед за десятинами, на очереди сенъериальные права. Обсуждается вопрос о реальных правах мертвой руки. В этом пункте редакционная комиссия пошла дальше по пути отречений, чем само дворянство⁷: она упразднила, наряду с персональными, и реальные права. Один депутат из Юрских гор высказывается за сохранение реального права мертвой руки, ссылаясь на то, что оно представляет настоящую собственность; но его просьба заглушается криками Собрания⁸. Тогда Тарже и Дюпор предлагают постановить, что все права мертвой руки, как реальные, так и персональные, а также все денежные взносы, заменяющие их, упраздняются. Мунье не видит в этом логики: как можно уничтожить повинности, заменяющие право мертвой руки, повинности, которые в течение веков были предметом последовательных

оправдание в тех притеснениях, жертвой которых он является. Владельцы фьефов, сенъериальных земельных участков, надо это признать, лишь в очень редких случаях виновны в чрезмерных поборах, на которые жалуются их вассалы; но их управители часто бывают безжалостны в этом отношении». Procès-verbal, II n° 40 bis. p. 7.—«Journal des Débats», II, 360.

¹ Procès verbal, ibid., p. 4.—«Journal des Débats», II, 359.

² «Journal des Débats», id., 363—366.

³ Procès-verbal, II, n° 40 bis целиком.

⁴ С 6 по 11 августа.

⁵ В Парламентских Архивах (А. Р. VIII, 353) встречаемся с таким мнением одного приходского священника: «Те или другие решения не могут приниматься на основании заявлений, сделанных в порыве энтузиазма, на основании предложений частных лиц, которые при этом лично от себя ничего не предлагают». Ни le Procès-verbal, ни le «Journal des Débats», не приводят этой фразы, да она может быть, и не была никогда произнесена.

⁶ Проект постановления, п. 7 (Procès-verbal, II, n° 42).

¹ «Journal des Débats», II, 431 и сл.—Переписка Дюпон де Немюра с Сэем Даге, II, 405.

² «Journal des Débats», II, 420—426.

³ Ibid., 421.

⁴ Ibid., 428.

⁵ Ibid., 429.

⁶ Декреты 4—11 августа 1789 г. п. 5.

⁷ Виконт де Ноайль предложил отменить без выкупа только «сенъериальную барщину, манморт и другие личные повинности». «Journal des Débats», II, 359 (конец).

⁸ Ibid., II, 385.

продаж и покупок? Но Собрание проходит мимо этого возражения, и статья, отредактированная Дюпором, наконец, вотируется¹. Однако, несколько представителей дворянства отмечают, что принятая статья не предусматривает отмены их почетных прав; что было бы справедливо им сохранить их, и большинство Собрания решает, что в дальнейшем этот вопрос должен быть поставлен на обсуждение². Вопрос о голубятнях и о праве охоты встречает не меньшее сопротивление; некоторые опасаются дурных последствий, если каждому собственнику будет предоставлена свобода охоты на своих землях; но, в конце концов, исключительное право охоты и содержания голубятни отменяется для всех, кроме его величества, которому Собрание сохраняет эти удовольствия³. Один депутат третьего сословия хочет, чтобы выкуп бессрочной аренды был воспрещен⁴; другой не находит возможным разрешить выкуп так называемых отпусковых владений (*domaines congéables*)⁵ Нижней Бретани⁶. Деменне не хочет предоставить право выкупать земельные ренты по частям, оставляя лишь право единовременного выкупа их⁷. Это страстное стремление к внесению поправок и исключений испортило бы все дело; но это было только сопротивление слабого меньшинства, расклевывшегося в том, что оно на минуту поддавалось благородным чувствам⁸. Декреты были вотированы. Но при такой спешности Собрание могло только установить общие принципы; кроме того, из предосторожности, желая смягчить переход от старого порядка к новому, оно отсрочило момент вступления их в силу. «Национальное собрание,—гласила первая статья,—уничтожает целиком феодальный режим». Казалось бы, что от него не должно больше оставаться никакого следа; но статья эта загружается затем оговорками и ограничениями. Из сенъериальных

¹ Статья Дюпора сделалась первой статьёй декрета. Она получила в результате слияния двух статей проекта постановления.

² «*Journal des Débats*», II, 386.

³ «*Journal des Débats*», II, 388—391.—В Парламентских Архивах (А. Р., VIII, 355) имеются по этому вопросу различные мнения, которых мы больше нигде не встречали. Так как авторы этой компиляции не указывают своих источников, то мы опустили эти подробности о голубятнях и т. д.

⁴ *Opinion d'un député des communes à la séance du 11 août. AD XVIII c. 157.*

⁵ Одна из основанных на обычном праве форм аренды. *Bail à domaine congéable* является одновременно договором найма земли за определенный оброк и актом покупки зданий, построек и всего, что на поверхности почвы (*édifices et superficies*). При этом собственник удерживал за собой право во всякое время отпустить съемщика, отказать ему в земле, уплатив ему за все улучшения и за то, что находится на поверхности земли. (Прим. перев.)

⁶ *Couppé («Journal des Débats», II, 430).*

⁷ «*Journal des Débats*», *ibid.*

⁸ Некоторые депутаты из духовенства и дворянства заявляют от имени более значительных групп, что они очень далеки от того, чтобы одобрить предложенные меньшинством их собратьев, в частности аббатом Гуттом, аббатом Жалле и др., поправки и возражения. Ср. «*Journal des Débats*», tome II, заседания 6—11 августа, *passim*.

прав только те, которые унижают человеческое достоинство, т.-е. личное крепостное право, реальное и персональное право мертвой руки, отменены целиком; все остальные подлежат выкупу, а до выкупа действительны попрежнему. Впрочем, способы и расценка выкупа еще не установлены; впредь до их установления, надо, наряду с отмененной, но еще не замененной жалованьем духовенству десятиной, выплачивать ценз, шампар, ренты, пошлины с купли-продаж. Противоречие между началом и продолжением первой статьи было только по форме: ни указы Генеральным Штатам, ни указы даже самых скромных и бедных сельских общин, ни члены Национального Собрания вовсе не требовали безвозмездно уничтожения всех сенъериальных прав; Собрание хотело сказать, что оно уничтожает только то, что было в них сенъериального, то, что существовало лишь в силу верховной власти сенъера; в начале статьи имелись в виду такие права, как личная крепостная зависимость и право мертвой руки; вторая же часть статьи говорила лишь о том, что было только формой, облакавшей земельную собственность¹. Но как заставить заинтересованного крестьянина понять истинный смысл этого намерения? Из первой статьи он принимал лишь начало, смысл которого он считал очень ясным, и, доверяя этим словам, согласным с его желаниями, он отказывался платить какие бы то ни было повинности. Начало статьи, понятое таким образом, находилось в разладе с дальнейшим: первая статья, в народном толковании, становилась противоречивой.

III. Но декреты не имели силы закона, и для вступления их в силу необходимо было одобрение короля. Этот второй этап не мог быть пройден без затруднений. Вслед за противодействием в недрах Собрания со стороны упрямых привилегированных, декреты наталкивались на противодействие со стороны короля и двора. Двенадцатого сентября герцог Мортемар, Тарже, Дюпон, Лави требуют, чтобы постановления 4 августа получили санкцию короля, что явится одним из наиболее действительных средств для восстановления спокойствия в королевстве². Дюпон уверяет, что слышал, как в деревне говорили, что не поверят в действительность жертв со стороны привилегированных до тех пор, пока постановление, подписанное только Лешанелье, не будет подписано и королем. В некоторых местностях, говорит Лави, отказались служить молебн, как было приказано в постановлении, под тем предлогом, что декрет еще не окончательный. В Эльзасе, добавляет Рюбель, были пущены листовки, говорившие о том, что выполнение постановлений 4 августа невозможно. Несмотря на предложение аббатов Мори и д'Эймара отсрочить ходатайство о санкции, Собрание постановляет, что «председатель удалится и предстанет пред королем, чтобы

¹ Ср. ниже—система Учредительного Собрания.

² «*Journal des Débats*», III, n° 21, pp. 2—3.

поднести его величеству постановления 4, 6, 7, 8 и 11 августа... дабы указанные декреты были санкционированы»¹. Четырнадцатого сентября, в виду того, что Собрание в работе над Конституцией доходит до обсуждения вопроса о veto короля, Мирабо и Барнав, опасаясь, чтобы декреты 4 августа не были приостановлены отсрочивающим veto, требуют отложить вопросы порядка дня до тех пор, пока король не обнародует декретов. Декреты 4 августа представляют собой конституционные статьи, говорят Мирабо и Барнав, и, если бы король отказал в санкции, добавляет Петитон, то пришлось бы серьезно обсудить, какие меры надо предпринять. Это предложение вызывает сильное сопротивление: де-Вирье, Казалес, Мори, епископ Лангра, де-Фуко, Малюе поддерживают то мнение, что декреты 4 августа суть акты чисто законодательные и что король мог бы и отказать в своем согласии на них². Оппозиция пока еще притаилась.

Людовик XVI не мог дать своей санкции на эти декреты, не впадая в противоречие с самим собой. Разве он не сказал в «Декларации о намерениях короля» от 23 июня: «Всякая собственность, без исключения, будет постоянно уважаться, а под словом собственность его величество понимает именно десятину, ценз, ренты, права и обязанности феодальные и сеньерiales и вообще все права и привилегии, выгодные или почетные, связанные с землями и фьефами или принадлежащие отдельным лицам»³. Он выразил желание, чтобы упразднение права мертвой руки, которое он повелел произвести в его домнах, было распространено на все королевство, но за известное возмещение⁴; наконец, в декларации, в которой он призывал все три сословия «обсуждать совместно дела общей пользы», он позаботился исключить из этой важной категории все то, что, по мнению третьего сословия и французской нации, требовало глубоких перемен, почти все, что составляло самый смысл революции: «древние и конституционные права трех сословий... феодальную и сеньериальную собственность, поземельные права и почетные prerogatives двух первых сословий»⁵. Поэтому он может только восхищаться великодушием привилегированных, но в то же время он его совершенно не одобряет. «Я никогда не соглашусь,—пишет он после 4 августа архиепископу Арля,—ограбить мое духовенство, мое дворянство... я не дам своей санкции декретам, которые бы их ограбили: в противном случае французский народ мог бы когда-нибудь обвинить меня в несправедливости или в слабости. Вы, Ваше Высокопреосвященство, подчиняетесь декретам Провидения, я полагаю,

¹ «Journal des Débats», p. 4.

² Ibid., n° 22, pp. 2 et 3.

³ Déclaration des intentions du Roi, art. 12. Duvergier, I, 31.

⁴ Ibid., p. 32.

⁵ Déclaration du Roi concernant la présente tenue des Etats généraux, art. 7 et 8. Duvergier, I, 29.

что тоже подчиняюсь им тем, что не поддаюсь этому энтузиазму, который овладел всеми сословиями, но не оставляет следа и лишь скользит по моей душе...¹. Король отвечает Собранию 18 сентября², и в этом ответе заключается уже не отказ выслушать просителя, как в письме к де Буажелэну, но целое рассуждение. Уничтожение сеньериальных прав, унижающих человека, справедливо, и он находит свой указ 1779 г. о праве мертвой руки; «но, кроме них, существуют такие личные повинности, которые..., не накладывая никакой печати унижения на человека, приносят существенную пользу владельцам земли; и уничтожить и их без всякого возмещения, не значит ли это зайти слишком далеко?»

Что касается личных повинностей, обращенных в денежные платежи и представляющих настоящую собственность, передаваемую в течение веков, то их еще менее возможно упразднить просто и безговорочно³. Король повторяет аргументацию привилегированных. Как! Право мертвой руки должно быть уничтожено безвозмездно, а будучи обращено в денежную повинность, не подлежит упразднению? Да ведь тот, кто путем этой замены имел счастье улучшить свое положение, оказался бы в лучших условиях, чем тот, кто не смог выйти из рабства! Однако король именно этого-то и требует. Затем, переходя к вопросу о выкупе, «он приглашает Собрание подумать о том, действительно ли уничтожение ценза и права взимать пошлины с продажи ленных владений соответствует благу государства»; наконец, он подсказывает Собранию, на случай, если бы выкуп был окончательно установлен, решение, которого требуют сеньеры и которое может сделать выкуп неосуществимым, а именно: запретить отдельное освобождение от ежегодных повинностей и от пошлин за перемену владельца земли⁴. Собрание видит во всем этом только отговорки; нетерпение начинает овладевать умами. 19 сентября, по предложению Дюпора, Собрание издает декрет, которым поручает председателю «тотчас же отправиться к королю

¹ Lettre de Louis XVI à l'archevêque d'Arles. Buchez et Roux, II, p. 248.

² Procès-verbal de l'Assemblée Nationale, tome IV, n° 78, p. 3.

³ «Наконец, есть личные обязательства, которые уже давно, часто сотни лет тому назад, были обращены в денежные. Мне кажется, что справедливость еще меньше допускает безвозмездное упразднение таких обязательств; они определены путем договоров или основаны на старинных обычаях; они уже издавна превратились в собственность, переходящую из рук в руки, продающуюся и покупаемую; и так как изначальное происхождение этих обязательств часто переплетается с другими правами на владение, то пришлось бы производить очень сложные расследования, чтобы отделить их от других сеньериальных рент.» Ibid., n° 78, pp. 3—4.

⁴ Procès-verbal de l'Assemblée, tome IV, n° 78, p. 5: «...Не следовало бы предоставлять возможности откупаться от ценза, который подтверждает и сохраняет сеньериальные права, если одновременно не производится выкуп случайных повинностей и всех тех, которые вытекают из обязательств по цензу...». Cf. d'Antraigues, Mémoire sur le rachat des droits féodaux, Versailles, 25 août 1789. (AD XVIII c. t. 157)

и умолять его распорядиться о немедленном обнародовании этих постановлений, так как «в народном воображении они уже получили силу»¹. Марат, в своем «Друге народа» от 20 сентября, возбуждает нацию против короля и его министров, которые осмелились отказать в санкции декретов, с целью привлечь на свою сторону дворянство и духовенство². В ответ на новое ходатайство Собрания—новое письмо короля от 20 сентября³: Людовик XVI не спорит; он делает вид, что одобряет действия Собрания; он уже применяет в отношении Собрания политику хитрости и лжи; он строит ему западню, а оно этого не видит. Он не соглашается на обнародование постановлений, что одно могло бы превратить их в законы, подлежащие немедленному исполнению; он повелевает их только опубликовать, что он изображает, как нечто равнозначное. Собрание, усыпленное сладкими речами короля, не замечает этой разницы и по своей доверчивости приветствует это решение. 21 сентября Людовик XVI делает следующую надпись на декретах: «Король повелевает, чтобы вышеуказанные декреты были напечатаны для опубликования их на всем пространстве его королевства»⁴. Это чисто платоническое удовлетворение. Двор помышляет только о контрреволюции. Парижское население, восставшее уже 30 и 31 августа, чтобы воспрепятствовать голосованию в пользу королевского veto, все больше теряет терпение. Вслед за направленными против народа манифестациями, разыгравшимися при дворе, оно вновь восстает 5 октября и идет на Версаль, чтобы вырвать у короля санкцию декретов 4 августа, от которой зависит участь революции, а также, чтобы заставить его убрать войска и перенести двор из Собрания в Париж⁵. Двадцатого октября Собрание узнало, наконец, что декреты действительно напечатаны, как было при-

казано Людовиком XVI 21 сентября, но что они не вышли из королевской типографии, и повелело от себя разослать их «по судам, муниципалитетам и другим административным органам». Одновременно оно вызвало хранителя печати¹. На следующий день является Шампион де Сисе. Он пытается объяснить задержку опубликования и, как ловкий казуист, не колеблясь, переносит ответственность за это на самое Учредительное Собрание: Собрание только 5 октября определило условия, необходимые для установления закона и для того, чтобы он подлежал исполнению; но с этого времени оно не представляло декретов 4 августа на санкцию королю; оно никогда не просило короля направить их в трибуналы и городские управления². Все это плохие оправдания, которые Собрание холодно выслушивает. Оно уверено в победе. Оно сумело использовать в своем декрете от 20 октября повеление короля об их опубликовании для того, чтобы уже от себя отдать приказ о занесении декретов в реестры трибуналов, городских дум и других административных учреждений. Кроме того, король в Париже более под контролем народа. Королевская промульгация является уже простой формальностью, ее отсрочка становится невозможной: король соглашается на нее, наконец, в своей грамоте от 3 ноября. Твердость Собрания, сила общественного мнения заставила его уступить. Но оппозиция сумела в благоприятный момент, когда дело коснулось развития декретов, мирным путем взять реванш.

II

Учредительное Собрание поставило себе целью, как гласила первая статья декрета, «уничтожить целиком феодальный порядок»³. Оно поручило подготовительную работу комитету из тридцати членов, из которых некоторые, как Мерлен и Тронше, были замечательными юристами, знатоками феодальных и доменiallyных институтов. Созданный 12 августа 1789 года «Комитет феодальных прав» конституировался 9 октября⁴. В него вошли, главным образом, депутаты третьего сословия, но духо-

¹ «Journal des Débats», t. II, n° 31, pp. 1 et 2;—Procès-verbal de l'Assemblée, tome IV, n° 79, p. 9;—A. P., IX, pp. 32 et 33. Речь Мирабо.

² Buchez et Roux, t. II, pp. 454 et 455.

³ Письмо короля в Procès-verbal de l'Assemblée, tome IV, n° 80, p. 1. воспроизведенное у Merlin, Questions de droit: слово «féodalité», tome VII, p. 239: «Обнародованию подлежат законы, отредактированные и снабженные всеми формальностями, которые должны им обеспечивать немедленное приведение в исполнение; но, в виду того, что я выразил вам свое одобрение общего характера ваших постановлений и большинства статей в целом; в виду того, что я воздал должное великодушию и чувству патриотизма, которые их продиктовали, я повелю их опубликовать во всем моем королевстве...» Промульгация обеспечивала немедленное исполнение декретов; публикация же требовала рассылки отпечатанных декретов по всем трибуналам и административным органам королевства: это была очень длинная процедура, рассчитанная, по мысли министров, на то, чтобы воспрепятствовать приведению декретов в исполнение.

⁴ Merlin, ouvr. cité.

⁵ Cf. Positions des Mémoires présentés à l'Ecole normale pour le diplôme d'études supérieures d'histoire, Paris, 1897, in-8°: «Etude critique sur les causes des journées des 5 et 6 octobre 1789, par A. Mathiez», pp. 68—74. Этот этюд был напечатан после выхода в свет моей книги в «Revue historique» (июль, 1909 г.).

¹ «Journal de Débats», t. III, n° 72, pp. 3—5;—Merlin, Questions de droit, VII, 239;—Duvergier I, 61.

² «Journal des Débats», III, n° 73, pp. 2—6;—A. P., IX, 473.

³ «В строгом смысле слова,—говорит Мерлен,—термин феодальные права означает только права, которые вытекают из ленного договора; «на практике же это значение все еще продолжают распространять на все права, принадлежащие чаще всего сеньерам...» (доклад Мерлена Комитету феодальных прав 4 сент. 1789 г. ADXVIII c. t. 157). Когда члены Учредительного Собрания хотя бы точными, они употребляют термин «сеньериальные права», под которыми разумеют: 1° права феодальные в собственном смысле слова; 2° некоторые доменiallyные права (ценз и т. д.). Заметим, что доменiallyные права не всегда являются сеньериальными; напр., земельная рента, долгосрочная аренда (canons emphytéotiques): здесь зависимость не феодального порядка, а частноп-правовая (ср. Boullaire, Traité des droits seigneuriaux, pp. 377 и сл.).

⁴ A. P., IX, 391.

венство и дворянство были там тоже представлены; это был сколок с Собрания, где встречалась Франция прошлого с Францией будущего. Собрание, состоявшее из владельцев фьефов и богатых судей или адвокатов, из которых некоторые были, без сомнения, владельцами сеньерий, не могло, несмотря на свои громкие обещания, провозгласить полную отмену старого земельного порядка, хотя бы на основе выкупа. Даже представители третьего сословия должны были удерживать от этого их интересы. Феодальный Комитет, а вслед за ним Собрание должны были притти к важным ограничениям вышеуказанного основного положения.

Задача членов Учредительного Собрания была очень сложной¹: в своем докладе Феодальному Комитету Мерлен вскрыл все ее трудности. «Феодализм» проник во всякого рода поземельные отношения: почти все договоры, имеющие своим объектом землю, приняли сеньеральную форму: многие земельные аренды оказались, подобно простым цензивам², подчиненными праву покупки и продажи ленного владения и, казалось, были связаны с ленной властью сеньера. Чтобы разобраться в этом хаосе, Комитет решил установить отличие законных прав от узурпированных и, уничтожив последние, сохранить первые³. Но провести в жизнь это разграничение, исходившее из очень похвальных намерений, было фактически невозможно. Оно было равносильно желанию внести кажущуюся правильность в чуждые всякой стройности древние установления, медленно вырабатывавшиеся и постепенно изменявшиеся, юридические формулировки которых были довольно хорошо разработаны, но происхождение которых или было неизвестно, или оспаривалось. Комитет начал с химерической затеи. Как внести порядок в то, что как бы бросает вызов идее порядка; гармонию в то, что образовалось без общего плана, по воле обстоятельств? Комитет разделил феодальные и домениальные права на два класса: личные права, налагающие обязательства непосредственно на личность, законные в смутную эпоху средних веков, когда сеньер предоставлял своим вассалам безопасность и работу, но ставшие бесполезными и несправедливыми с того времени, когда сеньеральная система превратилась в безжизненный и вредный организм; реальные права, обязывающие лица только через посредство земли, основывающиеся

¹ Rapport au Comité des droits féodaux (4 сент. 1789 г.). AD XVIII c. t. 157.

² Точного определения цензивы в науке еще нет до сих пор благодаря тому, что даже кутюмы смешивали ее с арендой, тогда как происхождение ее и характер несомненно феодальные, а не просто поземельные. Это не наем земли по договору, а результат комендации сеньеру за небольшую подать. (Прим. перев.)

³ Мерлен. Доклад 8 февраля 1790 г. А. Р., XI, 498—516.—Заметим, что никогда, ни в каком тексте законодателя эпохи революции не употребляются выражений «*féodalité dominante*» и «*féodalité contractante*», которые все современные юристы повторяют вслед за Laferrière'ом в силу того, что не всегда обращаются к первоисточникам.

на самой земле и возникающие в результате уступки ее, прикрытые чаще всего феодальной формой, а в сущности являющиеся настоящими поземельными правами. Это было чисто юридическое различие, которого нельзя было применить к такой богатой, такой сложной и беспорядочной действительности и которого само Собрание не придерживалось всецело¹.

1. Трудности начались сейчас же, как только понадобилось установить эту классификацию. Комитет применил метод исключения: он установил, путем исключения всех остальных, личные права². Он обязывал себя таким образом к исчерпывающему перечислению этих прав; отсюда недовольство народных масс, которые не находили в списке то одного, то другого права, особенно для их провинции или местности. В категорию личных прав он поместил: 1) личную крепостную зависимость и право мертвой руки личное и реальное; 2) натуральные повинности и барщины; 3) печные, мельничные и другие монополии; 4) право феодальной юстиции. Следовательно, в категорию реальных прав входили ежегодные повинности деньгами и натурой, платежи при перемене владельца цензуального участка или лена, бессрочные поземельные ренты, реальная барщина и все права, обычно относимые к разряду личных, но которые по договору могли быть превращаемы в реальные. Комитет положил в основу предположение, будто личные права обязаны своим происхождением вымогательству сеньеров, реальные же—уступке ими земель³. Но каждому ясно, как мало сами члены Учредительного Собрания считались со своей классификацией. Реальное право мертвой руки не было, конечно, личным; это была плата за уступку земли сеньером своим освобожденным рабам; это был, как и реальная барщина, остаток древнего рабства. Почему же это право мертвой руки было отнесено к категории личных в отличие от реальной барщины, которая падала на тех же лиц и происходила от тех же причин? Скажут, по мотивам справедливости; мертвая рука была ненавистна и, кроме того, она почти исчезла фактически с установлением «облагаемых» общин (*communautés taissables*) и являлась только пережитком. Но тогда протестует логика. Отмена реальной мертвой руки должна бы повлечь за собой отмену замещающих ее прав. Однако ничего подобного не происходит.

¹ Барщина была то реальная, то личная; повинности могли быть реальными, и почти все права, отнесенные в класс личных, могли оказаться реальными. Отсюда сложность законов Учредительного Собрания, вынужденного считаться с этой возможностью.

² Что касается прав, упраздненных безвозмездно, «нам казалось достаточным,—отвечает Мерлен Пизону дю Галлан, депутату Дофинэ, предлагавшему перечислить права *aveuage*'а и *aveuage*'а (разновидность шампара; *«aveuage»*—от *«avoine»*, «овес»—уплачивался овсом) в 9 пункте II статьи,—объявить о них в совокупности и назвать лишь некоторые из них в качестве примера».—Собрание одобрило мнение Комитета.—А. Р., t. XII, p. 172.

³ Декрет 15—28 марта 1790 г.—Мерлен. Доклад 8 февр. 1790 г., loc. cit.

Собрание заявляет, что оно лишь развивает августовские декреты 1789 г.; оно даже воспроизводит в своем законе от 15 марта 1790 года первую статью августовских декретов, как будто бы весь декрет был только ее непосредственным и необходимым следствием. Но как из сходных положений могли вытечь противоположные выводы? В августе 1789 года Собрание уничтожило акты, заменяющие реальную мертвую руку. Теперь же оно оставляет в силе все освободительные акты, обратившие реальную или смешанную мертвую руку в земельные повинности и в пошлины за отчуждение; только «права и обязанности, заменяющие чисто личную крепостную зависимость», уничтожаются полностью¹. То, что казалось Собранию столь логичным в августе 1789 года, т.-е. упразднение вместе с реальной мертвой рукой и заменяющих ее прав, уже не представляется ему таковым в марте 1790 года; и сам Мерлен заявляет, несмотря на оппозицию депутатов Франш-Конте, что эти последние права должны быть сохранены за владельцами². Без сомнения, как говорит Тронше, «реальные права мертвой руки, установленные вследствие уступок земельных участков, существовали даже и во Франш-Конте»³. И естественно, что нужно было бы или сохранить реальную мертвую руку, или упразднить вместе с ней все, что ее заменило: таково требование логики. Собрание не принимает ни того, ни другого решения. Робость заставляет его остановиться на компромиссе. В общем, оно упраздняет только права, почти везде уже исчезнувшие, но сохраняет те, которые их заменили и которые были очень распространены. Это не что иное, как юридическое закрепление их путем регистрации. Что касается других личных прав: оброков и личных барщин, баналитетов и других монополий (платы за место на рынке, пошлины на хлеб и т. д.), права суда, то они уничтожаются целиком, как относящиеся к той «доле государственной власти», которая якобы была узурпирована когда-то сеньерами,—что, конечно, неверно в отношении барщин и монополий и очень спорно в отношении суда. Сеньериальные суды, ненавистные для населения всего королевства, исчезают с установлением сильного, вполне независимого и суверенного государства. Частные монополии осуждены на уничтожение: дорожные пошлины, платежи за право прохода по земле помещика, за проезд по мостам уничтожены; они больше не будут взиматься частными лицами, которые могут злоупотреблять этими правами. Содержание мостов и дорог будет передано департаментам и государству, а оплачивать его будут

¹ Декрет 15 марта 1790 г. (Titre II, art. 4 et 5). Члены Учредительного Собрания производят юридический анализ акта освобождения: 1° мейморт (мертвая рука) был упразднен благодаря расторжению договора; 2° новое соглашение вступило в силу вместо прежнего. Этот новый договор не имеет ничего общего со старым, следовательно, он должен быть сохранен.

² Доклад 8 февр. 1790 г., А. Р., XI, 498—516; id., 725.

³ Id., 726.

плательщики налогов. Точно так же пошлины, рыночная и хлебная, не будут больше монополиями владельца рынка; они фактически перейдут к муниципалитету, который и будет нанимать или покупать постройки и взимать с торговцев сборы за пользование ими, согласно установленному им тарифу¹. Место частных лиц, которые могут злоупотреблять своими правами в качестве собственников сельского рынка или моста, ведущего к нему, и безнаказанно учинять всякого рода притеснения, займут политические органы, более или менее крупные коллективы, сообразно сущности и важности предмета обложения: государство, департамент, коммуна. Однако, если сеньер представит документ, который докажет реальное происхождение принадлежащих ему барщин, привилегий и монополий, то он может требовать выкупа у него всех этих прав². Но у сеньера всегда имелись документы и расписки, часто как результат вымогательства при помощи хитрости или насилия, обосновывающие его права, которые были, в сущности, не чем иным, как узурпацией, но по видимости происходили из уступок им своих земельных участков. В случае утраты сеньером подлинных документов, Собрание удовлетворялось двумя соответственными актами признания, подтвержденными фактом непрерывного сорокалетнего владения³. Это значило поставить владельцев в слишком привилегированное положение. Поэтому, чтобы несколько искупить эту чрезмерную благосклонность, чтобы уравновесить чаши весов между держателем и сеньером, Учредительное Собрание обязывало последнего доказать, что он «предоставил общине некоторые выгоды сверх обязательства держать всегда наготове мельницы и печи», или, что он уступил ей право пользования или собственности. В этом вопросе оно было более благосклонно к владельцу монополий, не-сеньеру: ему стоило только предъявить скрепленный подписями договор с каким-нибудь обществом, и права, обусловленные договором, сохранялись за ним и могли быть отчуждены лишь посредством выкупа без всякого рассмотрения дела по существу⁴. Собрание в этом случае считалось не с природой права, а с качеством его обладателя. Сеньер, которому оно не доверяло, оказывался в худших условиях, чем владелец не-сеньер.

Оставалось принять какое-либо решение в отношении захватов, произведенных сеньерами за счет сельских общин. Были ли общинные владения уступлены сеньерами или с глубокой древности принадлежали самим жителям? Важнейший вопрос, которого Учредительное Собрание даже не задало себе. Оно не старалось добраться до отдаленных и неясных источников права, через средние века до Римской Империи. Оно стало на менее общую

¹ Ср. августовские декреты 1789 г.;—декреты от 15 марта 1790 г. (titre II); от 12 авг. 1790 г., гл. III.

² Декрет 15 марта 1790 г. (t. II, art. 24, 27);—А. Р., XI, 765—767; XII, 14.

³ Декрет 15 марта 1790 г. (t. II, art. 29).

⁴ Ibid., t. II, art. 21.

точку зрения. Феодальный Комитет из уважения ко всему предыдущему законодательству предлагал отменить только на будущее так называемый *triage*¹; он оставлял в силе, помимо случаев «триажа», допущенных ординасом 1669 года, все указы и соответственные судебные постановления, разрешавшие и приводившие в исполнение эти захваты. Но Собрание, впервые отклонив предложения своего Комитета, придало постановлению об уничтожении «триажа» обратную силу, следуя горячим призывам Робеспьера и невзирая на мнение Гупиля де Префельна². Из всего прошлого законодательства оно оставило в силе лишь то, что было результатом ординаса 1669 года, но объявляло аннулированными и не имеющими силы все указы и постановления Королевского Совета за тридцать последних лет, разрешавшие «триаж» вне случаев, оговоренных в 1669 году, и отменяло все судебные решения, вынесенные на основании этих указов. Но каким образом сельские общины, лишенные столетие или два тому назад своих прав пользования или прав собственности на общинные угодья, могли снова вступить во владение ими? Учредительное Собрание не имело в виду провести это возвращение в общем масштабе. Оно отменило лишь те постановления Совета и королевские грамоты за тридцать лет, которые выделяли в пользу разных сеньеров Лотарингии, Барруа и Клермонта части имений, которыми владели общины на праве собственности и пользования³. Единого решения относительно всей Франции принято не было. А между тем захват сеньерами прав общинников был общим явлением. Общинам пришлось ждать декрета Законодательного Собрания, чтобы вновь вступить во владение отнятыми у них имениями.

Так Учредительное Собрание старалось смягчить, по возможности, суровость своих мероприятий по отношению к сеньерам даже в деле урегулирования личных прав, которые оно объявило узурпированными, несправедливыми и унижающими; оно представляло арендаторам только то, в чем оно никак не могло им отказать.

II. Самыми важными из доэмиальных прав были реальные права, основанные на уступке какого-либо земельного участка и представляющие собою непосредственную частную собственность помещика или его сеньериальное право, которое владелец сданного в аренду участка оставлял за собой.

Собрание занимается одновременно всеми этими правами, тяготеющими на земле. Оно полагает, совершенно основательно,

¹ Термином «*triage*» обозначалось право сеньера выделить в свое собственное распоряжение треть или даже $\frac{2}{3}$ земельных угодий общины. (Прим. пер.)

² А. Р., t. XII, 16 et 17 (4 mars 1790). «Надо сделать выбор,—сказал Робеспьер,—между ординасом 1669 года и принципами вечной справедливости... Закон будет иметь не обратное действие, а немедленное действие, восстанавливая право на законную собственность. Я требую, чтобы это восстановление было произведено за последние сорок шесть лет». Декрет 15 марта 1790 г. (titre II. art. 30—32).

³ Декрет 15 марта 1790 г. (titre II, art. 32).

что собственность имеет наряду с материальной и нравственную ценность. Уступка земли является, без сомнения, благодеянием: но передача собственности на нее только под условием уплаты вечных, неподлежащих выкупу повинностей, следующих за землей при всяких последующих переуступках ее, создает несомненную опасность, умаляя в глазах собственника ценность его имения и ослабляя в нем любовь к земле и чувство своей безопасности и независимости. Человек по своей воле связывал себя на будущее; физическая сила отдельных лиц, лежащая в основе феодального порядка, поработила землю, равно как и людей. Но люди мало-по-малу сумели освободиться; земля же, инертная сама по себе, осталась в рабстве. Надо было освободить и ее.

С точки зрения юристов, было два рода реальных прав: принадлежавшие сеньерам и не-сеньериальные. В сущности, первые отличались от вторых только юридической формой, прикрывавшей их. Все они представляли собой настоящие поземельные права, простирающиеся из уступки земельного участка или считающиеся таковыми. Вместо того чтобы различать реальные сеньериальные и не-сеньериальные права, Собрание смешивает их. Оно освобождает первые от облекающей их формы. Из сеньериальной формы, в которую они облечены, оно выявляет их поземельную юридическую сущность, которая казалась исчезнувшей под этой формой, подобно стволу дерева под ветвями и листьями. Все реальные права, безразлично—сеньериальные или нет, должны быть рассматриваемы как права, основанные на владении землей.

А. Собрание желало установить право выкупа, по возможности, для всех этих прав. Но, прежде всего, все ли реальные права основывались на уступке земельного участка? Не надо ли было проверить их происхождение и затем объявить подлежащими выкупу лишь те, которые имеют это основание? Собрание провозгласило полное уничтожение сеньериального порядка. Возбуждая народные надежды, оно грубо их обмануло.

Оно исходило из предпосылки законности всех реальных прав и делает невозможным для должника доказательство их захватнического характера. За основание оно принимает феодальное право, т. е. законы, установленные владельцами фьефов, записанные ими в кутюмы, толкуемые юристами и судьями, которые, совместно с землевладельцами, старались скорее расширить повинности, чем уменьшить или ограничить их. Сеньеры Юга, которые были упорными сторонниками римского права, в тех случаях, когда свобода завещания подвергалась нападению, не протестуют в данном случае: при решении сеньериальных вопросов, они охотнее следуют положению обычного права северной Франции, гласящему: «нет земли без сеньера», чем южному правилу, утверждающему, что «нет сеньера без законного титула». В отношении экстраординарных прав, барщины, монополий, сбора с мер и весов и т. д. презумпция неблагоприятна для сеньера;

только документальные доказательства, требуемые обычным правом, могут превратить его вероятные права в действительные. Но права обыкновенные, самые многочисленные и прибыльные: ценз, шампар, пятый сбор, рельеф¹, пошлина с купли-продажи и т. д., предполагаются реальными, т.-е. считаются платой за первоначальную уступку земельного участка и условием таковой; и эта столь благоприятная для сеньера презумпция может отпасть только по представлении держателем доказательств противного². Все реальные права получают оправдание; даже те из них, которые обязаны своим происхождением исключительно насилию, получают выгоды от презумпции, распространяемой на всю массу этих прав. Учредительное Собрание еще более осложняет свои законы, различая вопрос о фактическом владении (*possessoire*) и вопрос о праве собственности на владение (*petitoire*): при первом обязанность привести доказательства противного ложится на должника реальных прав; при последнем должны применяться старые правила обычного права³. Ни в том, ни в другом случае арендатор не может выиграть процесса. Прежде всего, при «поссессории» как предъявить доказательство противного? Разве должник может когда-либо доказать, что он не должен? Нельзя доказать несуществование обязательства; это противно здравому смыслу и невозможно. Если бы он даже и попытался доказать наличие насилия и узурпации, то и в этом случае он ничего бы не выиграл, ибо в отношении насилия доказательства могут быть только морального характера, не писанные, всегда слабые и сомнительные для гражданских судов в вопросах, касающихся договора. Только заимодавец имеет документальное доказательство; он и должен был бы его предъявить; доказательство должно было бы лежать на обязанности того, кто требует уплаты. Напрасно депутат Готье де Биоза, основываясь на обычае Оверни, где ценз являлся часто платой за денежную ссуду, требует, чтобы на собственнике земли (*propriétaire de la «directe»*) лежала обязанность доказать, что повинности имеют своим основанием передачу недвижимости; Тронше высказывается против этого предложения, и Собрание разделяет его точку зрения⁴. Вместо того чтобы придерживаться такого простого и основательного принципа, члены Учредительного Собрания исходят всегда из различия личных и реальных прав и применяют к последним правило, противоположное тому, которому подчиняются первые, а придерживаясь этого чисто-юридического принципа, они приходят к невозможному в действительности положению. Они обещали в 1789 году преобразовать все земельные по-

рядки, основанные на кутюмах, а в данном случае за основания принимают опять-таки кутюмы; они старательно сохраняют именно положения обычного права, всегда стоящие на почве признания, в отношении обладания и захвата, факта, а не права. Старое право давит еще всей своей тяжестью на новое. Должник, не будучи в состоянии, при поссессорном иске, представить доказательства на свою пользу, должен ведь будет признать право своего сеньера и продолжать платить ценз, отвозить на господское гумно, отстоящее иногда на несколько миль от его жилища, часть урожая, покидать свое поле и идти работать в течение нескольких дней в году на господской земле. Если бы он захотел затеять тяжбу, он не был бы счастливее. Закон 15 марта 1790 года гласит, что при петитории¹ «споры о действительности и характере реальных прав будут решаться по доказательствам, предусмотренным статутами, обычным правом и предшествующей судебной практикой». Но этими доказательствами служат либо сорокалетнее обладание правами, либо два свидетельства об их признании². В этих случаях факт обладания считается установленным. Но как быть держателю, когда он отрицает именно законность этого обладания, когда он не признает юридической ценности за этими свидетельствами, насильно вырванными сеньером? Он думал, что теперь может избавиться от старого сеньериального порядка, а новые законы как раз торжественно заключают его снова в его цепи. Наконец, чтобы не сохранить за должником выгод, полученных им силой после 1789 года, путем сожжения архивов и вынужденного отречения сеньера от своих прав, законодатели предоставляют владельцам фьефов, архивы и документы которых сожжены или разграблены, возможность восстановить природу и размер утраченных ими реальных прав³; для этого достаточно доказать при помощи свидетелей, что они владели ими в течение тридцати лет; тем же, которые отказались от части или от всех своих реальных прав из страха или в результате насилия, они предоставляют право ходатайствовать в течение трех лет о признании недействительным их отказа. В своей заботе об интересах сеньера Собрание беспокоится, как бы он не встретил затруднений в предъявлении своих документов. В отношении держателя оно даже не спрашивает себя, возможно ли то представление доказательств, отрицающих права сеньера, которое оно ему вменяет в обязанность. Оно покрывает все акты насилия; оно, по видимому, боится серьезного расследования прошлого. Это метод юристов, при котором очень удобным является принцип давности. Но давала ли когда-либо давность право собствен-

¹ Рельефом называлась пошлина, уплачиваемая землевладельцу вступающим во владение наследником фактического держателя этой земли. (Прим. ред.)

² Декрет 15—28 марта 1790 г. (titre III, art. 2).

³ Id., art. 3.

⁴ А. Р., 8 mars 1790, t. XII, 68.

¹ Относительно разграничения поссессории и петитории ср. декрет 15 марта 1791 г. titre II, art. 2 (possessoire), art. 3 (pétitoire);—cf. Instruction du 15 juin 1791.

² Извлечение из протокола Собрания департамента Basses-Alpes, 29 ноября 1790 г. DXIV, I (Приложение I, 1).

³ Декрет 15 марта 1790 г. (titre III, art. 6).

ности на награбленное? Собрание провозгласило полное уничтожение феодальных порядков, а тут оно объявляет черушными и священными самые противозаконные установления феодального режима. В этом заключалось первое противоречие.

Ему пришлось быть не единственным. Раз положив в основу своей работы старые законы, Учредительное Собрание шло с очевидной необходимостью к постепенному разрушению того идеального порядка, на создание которого оно дало основание надеяться.

Б. После того как была установлена законность реальных прав, оставалось урегулировать вопрос об их выкупе.

И, прежде всего, вопрос о том, все ли реальные права должны подлежать выкупу? Среди договоров, практиковавшихся в старой Франции, были такие, которые передавали полное право собственности на землю или связанное с пользованием вещное, поземельное господство, т.-е. опять-таки собственность, как ее определяла юриспруденция XVIII века; в других договорах предоставлялось лишь простое право пользования землей. Следовательно, надо было установить различие между договорами и разрешить выкуп только тех, которые передавали сземнику право собственности.

1°. Договоры о бессрочной поземельной ренте, конечно, входили в группу тех, на основании которых передавалось право собственности. Поэтому уже 6 августа 1789 года Собрание издает декрет о выкупе этих рент, которые по существу не подлежали выкупу, ибо право собственности на эти земли уже было передано договором. Выкупу по этому декрету уже подлежала не только рента с городских домов, но всякая, связанная с землей. Желание сельского населения осуществлялось. Уплатив двадцатикратную или двадцатипятикратную стоимость годовой ренты, землевладелец мог приобрести право свободного обладания своим полем. Это была настоящая революция в области землевладения. Владелец только для того и отдавал землю в бессрочную аренду, чтобы не отчуждать ее, а тут уничтожали заключенный им договор. Сеньеры, владельцы поземельной ренты, заявляют, что выкуп является несправедливостью, нарушением договоров: «Теперешний колон,—писал граф д'Антрэг,—станет, за очень небольшую плату, владельцем чужой собственности, сданной ему в аренду»¹. Но Собрание не прислушивается к этим заявлениям. Оно хочет нанести удар именно земельной аристократии, а так как третье сословие в этом кровно заинтересовано, а духовенство, еще полное иллюзий, воображает, что сохранит свои владения, дворянство остается изолированным, и его голос не может быть услышан. У крупных землевладельцев сосредоточивалось огромное количество земельных рент; Учредительное

Собрание хочет лишить их права на землю, главного и даже, в его глазах, единственного источника богатств, и передать освобожденную от всяких повинностей землю в руки мелких собственников, в которых оно, таким образом, приобретает материально заинтересованных сторонников этого политического и социального переворота. Мелкий землевладелец будет освобожден от вмешательства посторонних лиц; он будет полным хозяином своего поля; освобождение его собственности повлечет за собой действительное освобождение его личности. Итак, все существующие земельные аренды упраздняются путем выкупа. Это закон, вызванный обстоятельствами¹. Но мало уничтожить земельную аристократию: надо предупредить ее возрождение. Поэтому Учредительное Собрание воспрещает на будущее время договоры, устанавливающие уплату поземельной ренты. Между тем, возможность заключения такого договора была полезна для бедного крестьянина, который не имел других источников существования, кроме своей работы, а при посредстве бессрочной аренды он мог приобрести участок земли, который дал бы ему возможность прокормиться с семьей. Но ведь такой договор порабощает землю, а через ее посредство и личность. Человек не может обязать себя и своих преемников вечно платить за свое право пользования землей. Такого рода договоры фактически восстановили бы—чего очень опасалось Собрание—прежние отношения, при которых одни были низшими, а другие высшими, и косвенно возродили бы сеньеральные порядки. Наконец, в силу сложности правил подобной аренды, она послужила бы, как и в прошлом, источником бесконечных судебных процессов. Собрание решает, что впредь договоры могут заключаться только на девяносто девять лет или, если пожизненные, то, самое большее, на три поколения². Все договоры, которыми передавалось право собственности или вещное господство—договор за шампар, договор за ценз, долгосрочная аренда (эмфитевзис)³. подчинялись тому же правилу. Рента, шампар, ценз, плата, вносимая собственнику за пользование землей на основании эмфитевзиса (canons emphytéotiques), подлежали в одинаковой мере выкупу.

2°. Договоры, по которым право собственности не передавалось, были исключены из числа подлежащих выкупу. Это было вполне справедливо. Как освобождать собственность того, кто

¹ Ср. прения по поводу ст. 530 гражданского Кодекса в Государственном Совете (заседание 15 вентоза XII года), мнение Камбасереса о законах Учредительного Собрания у L o s g é VIII, 87.—Merlin, Répert. jurispr., V° Rente foncière, t. XXVIII, 286 et suiv.

² Декрет 18—29 декабря 1790 г. (titre I, art. I).

³ Эмфитевзисом в римском праве назывался вид бессрочной, вечно-наследственной аренды, предоставлявшей пользователю этим правом—эмфитевту—полномочия гораздо более широкие, чем права обычной аренды, и приближавшиеся по своему объему к праву собственности, но с обязательством уплаты юридическому собственнику чинша (canon. pensio). (Прим. ред.)

еще не является собственником? Но не всегда было легко узнать, передавал ли тот или другой договор право собственности. Старое право было очень сложно и менялось, в зависимости от различных местностей: то, что было верно в одном месте, было неверно в другом; при этих условиях были возможны ошибки, которые в конце концов и произошли.

Законодатели проявили с 1789 года такую благосклонность к выкупу бессрочных договоров, что арендаторы попытались добиться от них распространения выкупа и на различные договоры, не передававшие права собственности. Первыми заявили об этом арендаторы особого вида бессрочной аренды (*locatairie perpetuelle*). 11 августа 1789 года один из депутатов, высказываясь против этих претензий, потребовал исключения из числа договоров, подлежащих выкупу, договор о вечной аренде¹. Он говорил, что это договор, который передает навсегда право пользования, а не собственности на землю. Декретировать выкуп в этом случае значило бы лишить собственности хозяев земли. Но вопрос был не так прост, как выходило по его словам. Договор о бессрочной аренде не представлял собой раз установленного, всюду идентичного контракта. Происходило ли отчуждение по этому договору? «Нет», утверждал тулузский парламент; «да, происходило», — настаивал, в противовес этому, парламент Экса. Тулуза считала, что там, где не было полного права распоряжаться по своему усмотрению или свободы рубить высокоствольный лес, имеется лишь простой урожай. Экс видел в этих ограничениях права собственности, вообще связанных с договором за ренту или за ценз, только условия, созданные для обеспечения или облегчения выплаты ренты². В действительности же имелось сосуществование под одним названием двух очень различных видов договоров в двух французских провинциях. И это разнообразие содержания договоров под одинаковым названием встречалось не только в договоре о бессрочной аренде (*bail à locatairie perpetuelle*). То же происходило с договором о виноградниках (*bail à complant*) в местностях, где занимались разведением их. В Ларошели он передавал право собственности; в Нантской области им предоставлялось только право пользования. Значит, нужно было к каждому роду договора применить особое правило, согласно его юридической природе: разрешить выкуп договора о бессрочной аренде Прованса и договора о винограднике Ларошели, так как они представляли собой договор об отчуждении права собственности; напротив, надо было сохранить юридическую природу договора о бессрочной аренде в Лангедоке и договора о винограднике в провинции Нижней Луары, так как в этих случаях передавалось

только право пользования. Мерлэн и Тронше, не склонные поддерживать бессрочные договоры и по настоянию которых позднее был издан декрет о запрещении их в будущем, поддерживали то положение, что бессрочность является характерным признаком передачи в собственность, и в этом они ошибались. Таким образом они заставили рассматривать все эти бессрочные договоры как сделки, передающие право собственности и, следовательно, объявить их подлежащими выкупу¹. Их заблуждение повлекло за собой ограбление сдатчиков виноградников на Нижней Луаре и тех, кто сдал в бессрочную аренду земли в Лангедоке; так же были ограблены лица, сдававшие в бессрочную аренду небольшие хутора в Ламарше и Лимузене. Право собственности даровалось бесплатно этим съемщикам, а выкуп в дальнейшем позволял им сделать это право собственности свободным и абсолютным.

3°. Ободренные успехом держателей бессрочных аренд Лангедока арендаторы «отпускных владений» попробовали добиться разрешения на выкуп своей ренты и приобрести свои держания в собственности.

Передавал ли право собственности договор об отпускном владении?². Вопрос этот бесконечно затемнялся противоположными заявлениями владельцев и держателей доменов. Этот договор, практиковавшийся только в Нижней Бретани, носил смешанный характер; это была одновременно и продажа и наем: в наем сдавалась на определенный срок, фактически от шести до девяти лет, самая земля; в то же время это была продажа, с правом обратного выкупа, «строений и сооружений», находившихся на поверхности почвы; кроме того, владелец участка, заключавший договор, оставлял навсегда за собой право согнать съемщика по истечении срока договора, или даже во всякое время по своему усмотрению³, если арендатор не обеспечил за собой из предосторожности обладание участком на определенный срок при помощи дополнительного «договорчика». Этот договор не был сенъериального происхождения. Но на бретонской почве, пропитанной феодализмом, арендатор находился в самом рабском повиновении, благодаря вечной угрозе быть согнанным с участка, и землевладельцы сумели мало-помалу ввести и в этот договор сенъериальные злоупотребления, освященные затем обычаями Рогана, Трегье, Корнуаля и Бруе-

¹ Декрет 18—29 дек. 1790 г. (titre I, art. 2): о выкупе бессрочной аренды (*locatairie et culture perpétuelles*).—Декрет 15—28 марта 1790 г. (titre III, art. 2): о выкупе виноградников.

² Ср. обычаи в *Coutumes de Bretagne c Commentaires de Sauvageau*. Ed. 1771, in - 12; см. также *Coutumier général de Bourdot de Richelbourg*.—Julien Furic, sieur de Run. *Commentaire sur l'usage de Cornouailles*, 1644.

³ *Usements de Tréguier*, art. 26; de Rohan, art. 8: «И тот сеньер, которому принадлежит земельный участок и право собственности на указанное держание может отпустить и прогнать держателя, когда ему угодно, возместив ему стои-

¹ *Opinion d'un député des communes dans la séance du 11 août*. ADXVIII c. t. 157.

² *Boutaric, Traité des droits seigneuriaux*, p. 379.—Julien, *Commentaire sur les statuts de Provence*, I, 269. Tronchet, *Rapport*, ADXVIII c. t. 158. A. P., t. XXI, pp. 156—165.

река: монополию господской мельницы, господский суд, многочисленные и легко-растяжимые виды барщины, исключение родственников по боковой линии из числа наследников умершего арендатора, право поземельного юброк при распашке нови, пошлины при каждом отчуждении «строений и сооружений», несмотря на то, что благодаря покупке они уже стали собственностью арендатора. Землевладельцы находили, в лице советников реннского парламента, соучастников в своих захватнических приемах. На основании местных обычаев арендаторам предоставлялось право пользования мягкими породами дерева; парламентские чиновники отняли его у них. Обычай отдавали в их распоряжение фруктовые деревья; парламентским постановлением из числа их были исключены ореховые деревья и каштаны¹. Обусловленная договором рента «не подлежала снижению ни в голодные годы, ни по случаю военных операций на этой местности, ни по случаю наводнений и разлива рек»²; наоборот, откупщики землевладельца³, усиленные, «хвастаясь всегда, что право привешено у них на боку»⁴, по мере надобности увеличивали ее. Чтобы воспользоваться возрастанием цены на земли, сеньеры сдавали их только на короткий срок, обычно на девять лет, а по истечении срока договора повышали ренту. Поэтому-то, измученные этой вековой эксплуатацией, арендаторы, которые в 1675 году были вынуждены взяться за оружие против дворян Корнуайля и сжечь «крестьянский кодекс», т.-е. сборник обычного права, регламентировавший их взаимоотношения с владельцем земли и порабощавший их в пользу последнего⁵, просят в наказах депутатам Генеральных Штатов о пересмотре или уничтожении местных сборников обычаев. Третье сословие сенешальства Ванн⁶ требовало реформировать обычаи, видоизменить условия держания: землевладельцы передавали участок лишь на короткое время и, «пользуясь этим, повышали ренты и плату за возобновление договора», лишали колона леса и фруктовых деревьев, узаконяя еще недавние свои захваты, и тем отбивали у него охоту производить насаждения, распашку нови и обрекали его на заключение в его хижине, размеры и форму которой он не мог изменить без особого разрешения, всегда дорого обходившегося колону. Большинство наказов Ниж-

ней Бретани настаивало на необходимости предоставить колонам право собственности на деревья: это побудило бы их к древо-насаждению, и Бретани не пришлось бы плакаться на недостаток лесов¹. Они просили, чтобы держателям «было предоставлено право использовать растущий на их земле лес для телег и сельскохозяйственных орудий, ремонта построек и других нужд, но не для продажи и не для злоупотреблений»; чтобы им предоставлена была, во избежание пожаров, «возможность крыть черепицей крыши домов и других помещений, крытых дроком или соломой»². Некоторые наказы содержали просьбу, чтобы по крайней мере был восстановлен первоначальный текст и смысл правовых обычаев и исключено то широкое и почти произвольное толкование их, которое производилось юристами³. Но более просвещенное и смелое в своих требованиях третье сословие сенешальств Кемпера, Морлекса и Сен-Бриёка выражало желание, «чтобы землевладелец был лишен права согнать арендатора со сданной ему земли», чтобы договорные ренты были обращены в «ренты цензуальные», с надбавкой к ним четвертой части их стоимости⁴. Это было бы равносильно обращению пользования в собственность и, следовательно, разрешению выкупать ее, невзирая на особенность характера договора отпускнуой аренды. Но такая просьба исходила только от нескольких городов. В общем же, в большей части Нижней Бретани голоса, высказывавшиеся против отпусковых владений, были еще очень умеренны.

Но когда арендаторы этих владений увидели, что Учредительное Собрание допустило выкуп договоров о ренте и об оброке, договоров о бессрочной аренде (*locataire, culture perpétuelle*), то в разгар охватившего Бретань брожения они тоже возымели надежду стать собственниками земли посредством выкупа своих рент. Их возбуждали другие; сами они тоже возбуждали себя. Собрания департаментов и дистриктов и городские управления Нижней Бретани, объединившись в одно собрание в Понтиви в феврале 1790 года, в момент, когда в провинции царил полнейшая анархия, непрерывно требовали уничтожения

¹ Arch. nat., DXIV, 3 et 7. Петиции населения Кот-дю-Нор, Финистера Морбигана; Речь Тронше и доклад Аруу 10 мая 1791 г. (A. P., XXV, 721 et suiv.).

² Julien Furic, *Commentaire sur l'usage de Cornouailles*, p. 27.

³ Сдававшие арендованные ими земли уже от себя субарендаторам (*sous-fermiers*). (Прим. ред.)

⁴ Намек на шпату, т.-е. на право сильного.

⁵ *Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV, publiée par Depping*, tome III, pp. 262 et 272. Письма герцога де Шолы и маркиза Лаварден Кольберу от 9 и 5 июля 1675 г. «Крестьяне требуют квитанции об уплате взносов за арендуемые участки и о числящейся за ними задолженности», p. 272.

⁶ Третье сословие Ванна, ст. 145, A. P., VI, 111. Арендаторы требуют также, чтобы срок договора был продлен по крайней мере до восемнадцати лет.

¹ Общий наказ третьего сословия сенешальства Carhaix, art. 8, A. P., II, 536.—Третье сословие сенешальства Lesneven, art. 66, id., II, 497.—Третье сословие сенешальства Auray, art. 43, id., VI, 115.—Третье сословие сенешальства Tréguier et Lannion, id., IV, 77.

² Наказ жителей Gourin, сенешальства Ploërmel, art. 47, A. P., V, 539.

³ Gourin, art. 47.

⁴ Третье сословие сенешальства Кемпер, ст. 11, A. P., V, 516: «Чтобы рента договорная была обращена в ценз и чтобы землевладелец не имел права согнать арендатора». Третье сословие Сен-Бриёка, ст. 19, id., V, 631: «Будут воспрещены на будущее договорные ренты и будет разрешено обращать ранее обусловленные ренты того же рода в ренты цензуальные с надбавкой 5 на 20...» Наказ сенешальства Морлекса, A. P., IV, 75: «...полная отмена всех местных обычаев относительно отпусковых владений... при условии возмещения, которое будет установлено...»

института отпущных владений¹. В департаментском Совете Финистера, в виду того, что докладчик Вилле приходил к выводу, что выкуп ренты явился бы несправедливостью, Совет не пожелал вынести по этому вопросу окончательного решения и удовлетворился тем, что отослал доклад в Национальное Собрание². Землевладельцы со своей стороны энергично возражали; юристы и сельскохозяйственное общество поддерживали их. Обе стороны посылали чрезвычайные депутации в Учредительное Собрание для защиты интересов их доверителей. Съемщики отпущных владений настаивали на том, что отпущное владение является «фьефом» и что упразднение феодализма по декрету 4 августа 1789 года с необходимостью влечет за собой исчезновение и этого держания. Землевладельцы поддерживали тот взгляд, что если этот договор и усвоил себе черты сеньерального режима со всеми его пороками, то все же эти арендаторы являлись только землепользователями, и что декрет о выкупе обусловленных договором рент означал бы бесцестное ограбление собственников земли. Феодальный Комитет и Собрание, плохо знакомые с этой формой держания Нижней Бретани, забрасывались ежедневно противоположными петициями держателей и собственников; они были в большом затруднении относительно того, как быть с этим грозным столкновением интересов, в котором держатели становились все настойчивее; поэтому они остерегались вынести поспешное решение. Лишь 7 июня 1791 года они, наконец, издали соответствующий декрет, остановившись на компромиссе. Феодальный Комитет сперва помышлял об уничтожении отпущного владения; но его последствием было бы всеобщее расторжение договоров, что роковым образом отразилось бы на земледелии. Поэтому он постарался сохранить этот договор, приведя его к его первоначальному виду, очистив его от феодальных наслоений³. Он упразднил сборники правовых обычаев, в которые вкрались сеньеральные злоупотребления; мельничная монополия, барщина, пошлины с отчуждений, выморочное право, «подчинение юрисдикции землевладельца», собрание по спискам его рент и ценза были упразднены. Но, уничтожив в первой статье декрета все местные обычаи, Комитет косвенно восстанавливал их статьей 7-й и особенно 13-й, в которых говорилось о свободе договоров: результатом этого было предание слабого в руки сильного, подчинение держателя землевладельцу. Право согнать арендатора по истечении срока договора было сохранено; в качестве переходной

меры Комитет отсрочил его осуществление на два или четыре года, в зависимости от того, был ли еще действителен договор или срок его уже истек. Арендатор получал право освободиться от своего договора, потребовав к моменту истечения срока договора, чтобы владелец уплатил ему за возведенные им постройки и подземные сооружения⁴. Это был способ помешать владельцу слишком повышать ренту; если бы последний захотел слишком явно воспользоваться вздорожанием земли, арендатор имел бы возможность сам сойти с участка. Это право до некоторой степени компенсировало его за слабость его позиции в отношении собственника. Проект Комитета вызвал жестокую критику. Как всякий компромисс, он вызвал неудовольствие обеих враждующих сторон. Собственники находили его слишком благоприятным для арендатора: де ла Галисоньер утверждал, что, разрешая держателям улучшать свои постройки и всякие сооружения, законодатель давал им возможность принуждать владельцев уплачивать им суммы, превышающие их расчет, или, в случае отказа, покинуть участок⁵. Арендаторы находили, что ничего не было сделано в их пользу: попрежнему сохранились институт отпущного владения, право сгона, краткосрочность договора; большое возмущение царило в трех департаментах: Кот-дю-Нор, Финистер и Морбиан.

Короллю дю Мустуар энергично отстаивал их интересы: «Этот проект,—говорил он,—далеко не является средством успокоения, даже не паллиативом, а, напротив, служит новыми узами для колонов, подчиняет их власти своеобразного феодализма». Поэтому он просил отсрочить обсуждение этого вопроса до конца легислатуры настоящего Собрания или до начала следующей⁶. «Легко доказать,—говорил он Собранию,—что, пока будет существовать ваше отпущное владение в провинции Бретани, ваша революция никогда не совершится, потому что, для того чтобы получить десять тысяч ливров рент по договорам, вы подчиняете десять тысяч человек власти землевладельца. Эти люди находятся в таком подчинении, что в семье арендатора отец, мать, дети всецело зависят от сеньера»⁴. Но собрание не дало себя поколебать; Комитет постарался «сохранить равновесие между колоном и землевладельцем»⁵; Собрание пошло вслед за ним. Оно поступило разумно, отнесясь с уважением к праву собственности и выполнив желания, высказанные большинством арендаторов в 1789 году⁶.

¹ Декрет 7 июня 1791 г., ст. 11.

² Id., ст. 23.—А. Р., XXVI, 240.

³ А. Р., XXV, 720.

⁴ А. Р., XXVI, 489.

⁵ Выражение Тронше по поводу ст. 5 закона. А. Р., XXVII, 57.

⁶ В виду того, что вопрос об отпущном владении с ясностью обнаруживает различные юридической концепции различных Собраний эпохи революции, мы особенно подробно остановились на нем.

¹ Arch. nat. DXIV, 3. Петиция избирателей, собравшихся в Сен-Бриек в июне 1790 г. для организации департамента Кот-дю-Нор.—Протокол собрания муниципалитетов Бретани и Анжу, состоявшегося в Понтивии в середине февраля 1790 г.—Принципы, установленные во второй докладной записке чрезвычайных уполномоченных на собрание в Понтивии, составленной 5 апр. 1790 г., и т. д.

² Arch. nat. DXIV, 3. Кемпер, 10 дек. 1790 г. Департаментский Совет Финистера Национальному Собранию.

Таким образом, из числа практиковавшихся во Франции договоров все те, которые передавали право собственности, подлежали выкупу; удержались только те, которые предоставляли лишь право пользования участком. Собрание ясно установило это различие; оно применило его к отпускному владению. Но, вследствие своего предубеждения против бессрочных договоров и благодаря юридической ошибке своего Феодального Комитета, оно объявило о выкупе и таких договоров, относительно которых не следовало бы предоставлять этого права.

В. Выкуп позволял держателю присоединить к своему праву владения также и полное право собственности, остававшееся прежде в других руках, и стать свободным и полным собственником. Принцип в высокой степени либеральный, но посмотрим, какова была практика.

Прежде всего, каким путем будет происходить выкуп? Будет ли он общим или индивидуальным? Чрезвычайно важный предварительный вопрос. После августовских декретов 1789 года он обсуждался в двух сочинениях: одно из них принадлежало перу Бонсерфа, хорошо известного как противника сенъериального режима¹. Оба автора одинаково требуют безвозмездного освобождения вассалов государства, которые, в свою очередь, освободят своих собственных вассалов и держателей; так что освобождение первых передалось бы по всем ступеням иерархической лестницы до самых скромных землевладельцев. Уничтожение реальных прав произошло бы, таким образом, в массовых размерах и одним ударом. Средство было простое, смелое и соблазнительное. Но было ли оно справедливым? Вот об этом-то и спрашивал себя Мерлэн 4 сентября 1789 года². Тронше в докладе Феодальному Комитету развил все основания, по которым оно должно было быть отвергнуто. Освободить непосредственных вассалов короны, значило заставить государство сделать подарок в три миллиона ливров в процентах и 60 миллионов в капитале; эта щедрость, при критическом состоянии государственной казны, была очень похожа на расточительность. Если бы хоть все от этого выиграли! Но многие землевладельцы, которые не были вассалами короны, владельцы свободных земель, столь многочисленные на Юге, не получили бы совершенно ничего из этого подарка государства. Затем большое число сеньеров имело мало земли, но много доминиальных прав; они получили бы немного от государства, но зато были бы обязаны, в обмен за этот фиктивный подарок, сделать, в свою очередь, очень крупный—своим держа-

телям. Итак, эта система была слишком проста, чтобы быть справедливой; она не была применима при такой сложности отношений; она серьезно нарушала и права государства и еще более значительные права частных лиц. Выкуп даже не мог произойти коллективно, группами жителей¹, ибо как установить долю взноса каждого, когда одному приходилось платить ценз, другому ренту, третьему шампар; каждая из этих повинностей была очень отлична от другой. Следовательно, выкуп мог быть только индивидуальным: каждый гражданин должен был уплатить стоимость полного права собственности тому, кому оно принадлежало.

Но был ли возможен, по крайней мере, выкуп в такой форме? В большинстве случаев—нет. Работа Учредительного Собрания была чисто теоретической; в применении к действительности она терпела крушение сама собой. Под предлогом справедливости, Собрание установило такой порядок, согласно которому должники не могли выкупать ежегодных повинностей, ценза и шампара, не выкупая одновременно и случайных: пошлин с отчуждений земель². Но для деревенских наследственных участков, где земля почти всегда переходила от отца к сыну и где поэтому не приходилось платить пошлин за отчуждение, выкуп представлялся насмешкой, так как надо было выкупать пошрины, которые никогда, может быть, не пришлось бы и уплачивать. Не лучше ли было для крестьянина продолжать вносить умеренную ежегодную сумму как повинность, чем платить довольно значительные суммы в качестве выкупа предполагаемых и неопределенных повинностей? Намерения Учредительного Собрания были понятны в отношении городских жителей, которые часто передавали свои дома, путем продажи или другим равносильным ей договором, из рук в руки и потому очень часто подлежали обложению случайной пощиной, но для деревенских жителей это представляло лишь препятствие для выкупа. Добавьте к этому, что если на нескольких земельных участках лежала круговая ответственность за взнос ренты, то владелец каждого участка не мог откупаться в отдельности от других³; что если один из них не хотел или не мог освободиться путем выкупа, то тем самым остальные были фактически вынуждены остаться под бременем своих обязательств; что просроченные недоимки (а их было много вследствие неурожая 1788 и 1789 годов) должны были уплачиваться одновременно с цензом и пошлинами за отчуждение⁴,—и вы поймете, насколько законодательство Учредительного Собрания было неблагоприятно для землевладельцев, на которых простирались реальные права сеньеров. Только обязанные поземельной рентой могли произвести выкуп; и то это сделать было легко и выгодно

¹ *Réflexions sur le rachat des droits féodaux. 1789.—Boncerf, Moyens et méthodes pour éteindre les droits féodaux (1789), ADXVIII, c. t. 157.*—Докладная записка Сиейеса о выкупе феодальных повинностей составлена в совершенно ином духе. А. Р., VIII, 499.

² Мерлэн де Дуэ. Доклад 4 сент. 1789 г. ADXVIII c. t. 157: «Некоторым это нанесло бы ущерб потому, что им следовало получить от их чиншиков больше, чем сами они должны были уплатить своим сюзеренам».

¹ Тронше. Второй доклад Феодального Комитета Собранию 28 марта 1790 г. А. Р., XII, 387—401.

² Декрет 3—9 мая 1790 г., ст. 3.

³ *Ib.*, ст. 4.

⁴ *Ib.*, ст. 22.

только тогда, когда она не составляла части ренты, обеспеченной круговой порукой, и не была связана с уплатой случайных пошлин.

Если Собрание так затрудняло выкуп даже после того, как оно вынесло постановление о своем согласии на него, то это служило доказательством того, что оно все еще шло за старым законодательством. Согласно обычному праву пошлыны, которые обязаны были уплачивать со своих имений люди неблагородного происхождения за всякого рода изменения, возникающие в результате продаж или других подобных актов, а также пятая доля, которая в тех же случаях вносилась со фьефов, являлись придатками к цензу или к феодальной присяге на верность. Сеньер отчуждал часть своего владения только под двойным условием ежегодной повинности и единовременных пошлын. Эти два рода прав, созданных одним и тем же актом, были связаны нераздельно; рожденные вместе, они и угаснуть могли только вместе. Принадлежность должна следовать за главной вещью и разделить ее судьбу. Отделение выкупа единовременных пошлын от выкупа ежегодных повинностей было в глазах законодателей юридически невозможным¹. Впрочем, если они требовали во что бы то ни стало одновременного выкупа ежегодных и случайных повинностей, так старательно мотивируя его, то это потому, что они опасались, как бы должник, легко справившись с уплатой за сеньериальные лампар, не заставил долго ждать выкупа пошлын с купли-и. Это была мера предосторожности. Они шли еще дальше недоверчивости: они боялись, что владелец, найдя покуда для своего имущества, отложит его продажу для того, предварительно выкупить случайные повинности и тем уплаты более высокой суммы пошлыны, которая в действительности причиталась бы за данное отчуждение; поэтому они на-«срок, в течение которого изменение во владении, наступившее после выкупа, тоже подлежало оплате пошлыной, так том случае оно считалось результатом акта, предшествовавшего выкупу»²; они постановили, что если в течение двух лет выкупа всех повинностей, в том числе и случайных, владелец продаст или отдаст свой участок, то, несмотря на выкуп, повинности должны уплачиваться³. Феодальный Комитет, в лице Тронше, просил, чтобы этот срок равнялся десяти или, по крайней мере, пяти годам, но Собрание согласилось только на два года; но и этот срок был слишком велик. Что касается выкупа по частям ренты, обеспеченной круговой порукой, то этому решительно препятствовали общие принципы: это означало бы с легким сердцем

разрушить всю отстаиваемую Демуленом римскую теорию об обязательствах делимых и неделимых.

Впрочем, члены Собрания понежому освобождались от своих принципов. Четырнадцатого ноября 1790 года они издали декрет о том, что обладателям земельныч участков, записанных в качестве фьефа или цензивы от земель, вошедших в состав национальных имуществ, разрешалось выкупать отдельно единовременные и ежегодные повинности; государство хотело продать национальные имущества как можно скорее и по наиболее высокой цене, и оно относилось благосклонно к своим держателям, чтобы оживить подписку их на национальные имущества. 13 апреля 1791 года Собрание разрешило владельцам фьефов и держателям выкупать вместе с ежегодными повинностями только часть единовременных¹. Эта услуга не увеличила числа выкупов. В надежде на более благоприятные законы в будущем, никто не решался выкупать единовременных повинностей даже частично.

Таким образом, и идея выкупа, позволявшего держателю при помощи известного капитала получить свое поле в полную собственность и предоставлявшего приобретателю возможность обрабатывать его и располагать им по своему усмотрению, и размер выкупа ежегодных повинностей, справедливо установленный в виде двадцати- или двадцатипятикратного годового взноса, в зависимости от того, была ли повинность денежной или натуральной², и стоимость выкупа случайных повинностей, установленная в размере одного платежа³,—все эти намерения, чрезвычайно благие по отношению к плательщику реальных повинностей, фактически обращались против него. Ибо для него суть дела заключалась, прежде всего, в том, чтобы компенсировать только законные права, а ему приходилось, за невозможностью доказать обратное, оплачивать и те, которые были присвоены незаконно. Затем он имел намерение выкупить только несомненные обязательства, а закон обязывал его уплачивать и за такие сомнительные обязательства, которых он фактически мог и не брать на себя.

Система, созданная Учредительным Собранием, рушится сама собой. Это собрание сеньеров и юристов не очень-то торопится, несмотря на данное обещание, уничтожить окончательно сеньериальный и доминиальный порядок; позаботившись о сохранении наиболее значительных прав, оно простирает свое великодушие до того, что разрешает их выкуп, но тотчас же, путем декрета, устанавливает фактическую невозможность этого выкупа. Однако впредь до этого неосуществленного погашения обязательств никаких перемен не допускается; надо продолжать уплату ренты, шампара и ценза. Только теперь их уже будут платить как по-земельные повинности. По правде сказать, странная реформа!

¹ Декрет 13—20 апр. 1791 г. (titre II, art. 1, 2, 7).

² Tronchet, id. Second rapport du Comité féodal à l'Assemblée nationale. A. P., II, 396: «Большая близость по времени между выкупом и продажей может, пожалуй, рассматриваться, как своего рода доказательство наличия предшествовавшего платежа».

³ Id., art. 24 et suiv.

³ Декрет 3 мая 1790 г., ст. 42.

Юристы упразднили или изменили только словесную форму. Владение оказывается так же неприкосновенным, как если бы оно было собственностью, даже не будучи таковою; захватчик будет мирно наслаждаться обладанием, пока не смогут доказать его узурпацию. Земледелец умоляет, требует реформ или, вернее, юридического закрепления революции, уже происшедшей в его сознании и, как он, по крайней мере, думал, зафиксированной жизнью; законники дают ему вместо этого одни слова. И тогда он почувствовал, что сеньеры опять восторжествовали над ним; с истинной болью он увидал, что юристы, его избранники, перешли на сторону его врагов и, подобно прежним парламентам, замаскировывают при помощи своей лукавой софистики поражение права. Учредительное Собрание стремилось примирить самые противоположные интересы; но ему не удалось сохранить между ними равновесия. Дав сначала многое держателям, а затем все огорав назад, оно достигло лишь того, что вызвало раздражение земледельцев и в то же время не удовлетворило сеньеров.

III

Никогда еще законодательство не вызывало более сильного негодования. Обе стороны, казалось, дали обещание не подчиняться ему.

I. Сеньеры не желают повиноваться. Если в некоторых областях августовские декреты 1789 года несколько сдерживают их враждебные действия по отношению к крестьянам, то столь благоприятный для них декрет 15 марта 1790 года, заставляет их поднять голову и возобновить прежние притеснения¹. Они намереваются сохранить права, уничтоженные безвозмездно. Чтобы самим себе доказать свое могущество, чтобы отомстить крестьянам за их дерзость, они упорно продолжают требовать выполнения уничтоженных повинностей. В Пуату некоторые из них «продолжают еще проявлять свое господство, т.-е. требовать связанные с большими расходами для плательщиков ценза и вассалов скрепленные их подписями декларации, признания, перечисления всех повинностей, которые они платили до сих пор»². В начале 1790 года они пользуются тем, что право отобрания (участка его владельцем у держателя) не уничтожено еще формальным декретом, чтобы применять его чаще, чем когда-либо: всякий раз, как сделка представляется им выгодной, они уступают свои права посторонним лицам, которых они обогащают

¹ Arch. nat., DXIV, 3. Петиция земледельцев Верхнего Марна от 25 марта 1790 г.: «Ваш декрет от 4 августа приостановил проявления враждебного отношения со стороны сеньеров; но как только они познакомились с последним декретом, они возобновили свои притеснения неговорящих крестьян».

² Arch. nat., DXIV, 13. Замечания Буона, депутата Пуату, 3 янв. 1790 г. (Приложение, III, 10.)

за счет своих сельчан¹. Особенную неуступчивость они и их откупщики проявляют в отношении баналитетов². В Гримокуре (Мёз) откупщики графства Саминьи вызывают на суд поселян и требуют от каждого «по два четверика овса в счет монополии господской печи и по живому каллуну в перьях за право водопоя в ручье, протекающем через село»³. В Понтарлье откупщики требуют, в обход совершенно ясного закона от 15 марта 1790 года, повинности за право пользования печью, уступленное сельскому обществу без какого-либо иного обязательства по отношению к сеньеру, кроме поставки дров для хлебопечения⁴. В Бретани «постановления 4 августа являются сигналом для всякого рода феодальных притеснений. Учащаются описи имущества в уплату за просроченную ренту; требуют феодальной барщины, подчинения, унижающего человеческое достоинство...». То и дело крестьяне привлекаются к судебной ответственности за нарушение баналитетов. «Применяют насилие и разбивают жернова ручных мельниц, единственное средство существования для бедняков»⁵. Бретонские землевладельцы заявляют о своем праве требовать от держателей принудительного ремонта мельниц, доставки хлеба на господскую мельницу под тем предлогом, что Собрание еще не издало постановлений, регулирующих договор об отпуском владении⁶. Откупщики требуют от арендаторов взносов, превышающих вдвое взносы по последнему договору. «Это ужасное притеснение, — говорит Директория Морбигана, — предиктовано, очевидно, чувством мести и желанием произвести, если будет возможно, контрреволюцию, подняв восстание наших крестьян своим тиранническим образом действий»⁷. Некоторые сеньеры обязуют своих вассалов производить сбор сеньерпальной ренты, а когда они просят, на основании новых законов, об освобождении их от этой барщины, сеньеры отказываются принимать списки и собранные

¹ Id., DXIV, 11. Петиция Депужа, Беллак, февраль 1790 г. Id. DXIV, 5. Адрес жителей Нерака от 14 декабря 1789 г.: «Счасть первая декрета 4 августа вполне очевидно провозглашает безвозмездное упразднение права взимания пошлин и ценза и права отобрания земли у арендатора; однако герцог Бульонский распространяет их на все свои земельные приобретения. Эти права он хочет удержать за собой. Агенты герцога намерены производить взимание платежей до тех пор, пока сеньер не получит требуемого им возмещения».

² Баналитетами назывались монопольные права сеньеров на содержание общинных хлебопекарен, мельниц, давящих виноградных прессов и проч. (Прим. ред.)

³ Arch. nat., DXIV, 7. Петиция муниципальных должностных лиц и жителей Гримокура (Мёз) в янв. 1790 г. (Приложение, III, 7.)

⁴ Arch. nat. DXIV, 13. 5 juillet 1790. Постановление Феодального Комитета, n° 49

⁵ Речь Лажюинне, Buchez et Roux, Hist. parl., t. IV, 322.

⁶ Arch. nat. DXIV, 7. La paroisse de Caudan (Morbihan) au Comité féodal. Mai, 1790 (Приложение III, 4.)

⁷ Id., DXIV, 7. Администраторы Директории Морбигана в Национальное Собрание, 16 сент. 1790 г. (Приложение, III, 5.)

деньги и требуют их судебным порядком¹. Они упрямо сохраняют свои даже чисто почетные права и, например, поднимают скандалы в храме из-за своей скамьи на церковных хорах². Что касается прав, подлежащих выкупу, то сеньеры стараются затруднить их и без того нелегкий выкуп; они не желают принимать предложения, которые им делаются³. Они упорствуют еще сильнее в тех случаях, когда чувствуют поддержку со стороны декретов. Когда население пытается просить представить документальные основания их прав, они неизменно отвечают: «Каково бы ни было происхождение нашего права, мы им обладаем; платите, или мы разорим вас»⁴. И это не было простой угрозой: они действительно многих разорили. Собрание дало им сильное оружие против держателей.

II. Но особенно много причин для негодования имеется у крестьян. 4-е августа возбудило в них неслыханные надежды; положившись на декреты, многие из них осмелились возобновить тяжбы с сеньерами, проигранные ранее благодаря пристрастию суда. «Полное уничтожение феодального порядка», обещанное и декретированное Собранием только в принципе, казалось им совершившимся фактом. Таково было их толкование первого раздела декретов: они брали из него только начало, обещавшее им полное освобождение; изумительный блеск принципа отодвигал в тень все изъятия и ограничения в их глазах. В своем нетерпении воспользоваться «благосклонностью» новых законов, они отказывались от уплаты каких бы то ни было податей; чтобы убедиться в действительности своих завоеванных прав, они принялись во всякое время ловить рыбу в реках при помощи густых сетей и запрещенных ловушек; каждый крестьянин, каждый бродяга становился охотником: он тоже хотел познать это монаршее удовольствие; по деревьям беспрерывно раздавались ружейные выстрелы; в погоне за зайцем или кроликом охотники наводняли господские владения и поступали с ними так, как прежде сеньеры обращались с их полями. А так как владельцы и Собрание пробовали мешать им пользоваться их мнимыми правами, то это давало повод к новым восстаниям крестьян. Издаются реакционные в этом отношении законы 1790 года, и в деревне недоумевают: что это,

¹ Id., DXIV, 5. Extrait des registres du Directoire de la Loire-Inférieure. 2 août 1790 (Приложение, III, 3).

² Это свидетельствуется многими документами.—Cf. Arch. nat., DXIV, 4 Bagnols (Gard), mars et avril 1790.

³ Arch. nat., DXIV, 5. Письмо Форнье, судебного чиновника из Жьен (Луар) от 15 апреля 1792 г.: «Должников останавливают от выкупа затруднения, которые чинит большинство владельцев этих прав; хотя и сказано, что они могут выкупать свою свободу по цене, указанной в документах или по расценке, устанавливаемой обычным правом, в нашем кантоне они отказываются от выкупа на основе обычного права Берри и Орлеана, которое точно определяет все, что им полагается».

⁴ Arch. nat., DXIV, 7. Петиция в Национальное Собрание граждан и земледельцев дистрикта Тюонвиль. Май 1792 г.

задуманная сеньерами Национального Собрания контрреволюция или измена третьего сословия, их избранных.

Отовсюду несутся вопли отчаяния. Сеньериальный порядок уже опрокинут, но неужели Собрание восстановит его? Неужели оно восстановит презумпцию в пользу работодателя—сеньера, в нарушение общего права? «Увы!—говорят крестьяне,—с насуплением царства свободы от нас стали требовать документов на право пользоваться нашим собственным имуществом»¹. Закон 15 марта «попрокидывает естественное право»². Пусть сеньер представит свои документы, не расписки последнего времени, но старинные основания, на которые можно положиться, и как только он их предъявит, с ним тотчас будет произведен расчет³. Гнетная просьба! Закон против этого, и сеньер ничего не желает слушать. Обязательство одновременного выкупа ценза и случайных пошлин, нераздельность рент, обеспеченной круговой порукой, наконец, чрезмерные выкупные ставки—хотя жалобы по последнему поводу являются менее обоснованными,—все это превращает выкуп в иллюзию. Какой землевладелец станет платить 1.200 ливров и, следовательно, лишаться 60 ливров дохода, чтобы выкупить предполагаемые продажные пошлины с участка, ценз с которого составляет 10—12 ливров?⁴ Так рассуждает крестьянин; поэтому он и не выкупает сеньериальных повинностей. Он предпочитает продолжать платить,—даже до конца 1790 года, как в графстве Пуату,—за право сеньера на шестую часть при каждой продаже или при обмене, на которые он идет⁵. Учредительное Собрание разрешило выкупать отдельно ценз и случайные пошлины, являющиеся обязательствами в отношении национализированных феодальных земель; почему же, спрашивает Совет департамента Кантала⁶, не распространить это правило на обязательства в отношении сеньеров? Разве допустимо существование двух различных масштабов? Значит, с должниками сеньеров будет поступлено более сурово, чем с должниками государства? «Если Национальное Собрание не разрешит нам,—говорят активные гра-

¹ Arch. nat., DXIV, 7. Municipalité de Gising, district de Sarrelouis (12 avril 1792).

² Ibid., DXIV, 8. Municipalité de Filstroff (Moselle), avril 1792 г. См. Приложение: Документы, относящиеся к поземельным правам, I, 9.

³ DXIX, 1. Extrait du procès-verbal de l'Assemblée administrative du département des Basses-Alpes (20 novembre 1790). Ср. Приложение I, 1.—DXIV, 3. Мунципалитет Люланте (Эр-э-Луар), 8 мая 1790 г. «Пусть постановят, чтобы сеньер предъявлял если не полные, то, по крайней мере, старинные документы, а не те, недавнего происхождения, которыми он нас морочит».

⁴ Ibid., DXIX, 10. Адрес Национальному Собранию Об-ва друзей Конституции лесного кантона Уэн, дистрикта Вильфранш (Рон-э-Луар).

⁵ Arch. nat., R¹ 7 (cote 115). Приходо-расходная книга на 1790 г. Апанаж графа д'Артуа. Получение случайных повинностей помечено в конце каждого месяца до 30 сентября 1790 г.

⁶ Arch. nat., DXIV, 2. Извлечение из протокола заседания Совета департамента Кантала (28 ноября 1790 г.)

ждане Лурмарена (Устье Роны)¹,—выкупать утраченные повинности, подобные шампару и другим полевым оброкам, отдельно от случайных повинностей или продажных пошлин, то народ, подчиненный этим ужасным порядкам, не почувствует свободы и через тысячу лет».

Терпение крестьян истощалось. После издания декретов 4 августа они ожидали применения их на практике, но в отношении поземельной ренты декреты были выполнены только в конце 1790 года, так что крестьяне были обязаны платить ее и в 1789 и 1790 годах; а что касается наиболее значительных сеньеральных прав, шампара и ценза, сеньеральной ренты, то выполнение их оказалось невозможным. Недовольство деревни к городу, обнаружившееся в нескольких местностях уже с 1789 года² после королевских указов о созыве Генеральных Штатов в приходских наказах, получило в новых событиях естественную пищу. Города получили свободу, деревни все еще оставались в рабстве. Собрание еще только намеревалось освободить их: у него не было возможности сделать это, так как оно состояло из благородных³. Вот что (сезбоязненно) говорили Учредительному Собранию эти муниципалитеты, прежде такие скромные в своих весьма почтительных наказах: «Вы возвестили своими декретами,—пишет Феодальному Комитету общество земледельцев департамента Ло-э-Гаронн⁴,—что вы уничтожили феодальный порядок; сделали же вы нечто противоположное, и мы доказываем это путем простого расчета, против которого вы ничего не сможете возразить. Мы принуждены будем всегда называть нашими господами тех, кому будем платить повинности, последних же мы никогда не сможем выкупить из-за их чрезмерно высокой оценки, сделанной вами». Затем, под защитой новых законов, сеньеры могли безнаказанно мстить своим держателям, заставить их раскаться в июльских днях 1789 года, в сожжении архивов и замков. Сельская Франция чувствовала, что так долгожданная революция гражданских отношений ускользала от нее; она была уже охвачена страхом, что сеньеральный порядок вернется или сохранится. И от слов она перешла к действиям.

Нищета была очень велика: сельское население пережило два голодных года⁵; чтобы как-нибудь прожить, людям приходилось прибегать к займам; они не платили ни поземельных сборов, ни налогов; в конце 1790 года им приходилось платить

государственные налоги за два года и недоимки поземельной ренты¹. Задолженность была слишком тяжела. И не было никакого законного способа выйти из этого тупика. Сеньеры проявляли полную несговорчивость; законники, с их советами уплатить повинности, которые сами же они признавали незаконными², уподоблялись софистам. Восстание было единственным возможным выходом. Крестьяне взбунтовались повсюду. Это было новое восстание, менее ужасное и менее внезапное, чем июльское 89 года, но более серьезное, более опасное, потому что оно было лучше организовано и грозило превратить анархию в хроническое состояние. Крестьяне отказываются платить; они организуются, чтобы оказать более сильное сопротивление; заключают союзы, обсуждают положение, постановляют, что «никто не будет платить ренту, а кто уплатит, будет повешен»³. Вламываются в господские дома и предаются там всякого рода эксцессам. Повстанческое движение разливается по всей территории. В Бретани гражданская война в разгаре с 1789 года: солдаты бунтуют, население берется за оружие. Орэ, Вани и Энгранд, у которых хлеб имеется в изобилии, препятствуют свободному обращению зерновых хлебов, вопреки постановлению Собрания, и заставляют голодать города Лориан и Нант, а те в свою очередь замышляют наступление на города, не подчиняющиеся декрету; военный губернатор опасается коалиции всей провинции, готовый встать на защиту своих привилегий; и в то время, когда вся эта огромная провинция охвачена огнем восстания, вспыхивает и крестьянский бунт; «разбойники» принимаются грабить и жечь замки⁴. Губернатор очень беспокоится; он пишет 18 сентября 1789 года, что не осмеливается оказать защиту графу де Кер-Салён, бежавшему из Кемпера и укrywшемуся в своих владениях Коркера: «Я думаю, что подвергнул бы опасности», говорит он, «его, себя и провинцию, если бы я поставил отряд солдат для охраны его жилища и его личности. Это фактически не приносящее пользы покровительство играло бы роль набата, заставило бы говорить, что хотят защищать и вооружать аристократов, и подвергло бы крайней опасности замки, оставшиеся без защиты...»⁵. В феврале 1790 года грабежи озабочивают его настолько, что он думает «образовать в центральном пункте провинции значительный военный отряд, который можно было бы немедленно перебрасывать туда, где будут

¹ Arch. nat., DXIV, 3. Письмо Дельпита Собранию, 9 октября 1790 г., Saint-Avit, district de Belvès (Dordogne).

² Ibid., DXIV, 1, Mémoire à consulter et consultation pour la communauté de Gobert, près Digne, 25 avril 1790.

³ Arch. nat., DXIV, 3. Докладная записка Луа, депутата Перигора, провинциям Перигор, Керси, Руэрг, январь 1790. (Приложение, II, 1);—особенно после закона 15 марта 1790 г., ср. послания администрации Директории и генерального прокурора синдика департамента Ло Национальному Собранию от 22 сентября 1790 г. DXIV, 5. (Приложение, II, 2.)

⁴ Arch. nat., KK, 1105.—«Journal militaire de la Bretagne», passim.

⁵ Id., p. 21.

¹ Ibid., DXIV, 2. Адрес активных граждан коммуны Лурмарен (Устье Роны) от 15 декабря 1791 г. Ср. Приложение, I, 2.

² A. Brette, Recueil de documents relatifs à la convocation des États-généraux, tome 1-er, Introd., p. LXIII.—Наказы Безауля (сенешальство Кастр), de la Yonquière, p. 4;—Иолена, id., p. 27.

³ Arch. nat., DXIV, 2. Адрес активных граждан Лурмарена (Bouches du Rhône) от 15 декабря 1791 г. (Приложение, I, 2.)

⁴ Arch. nat., DXIV, 5. Адрес господам членам Комитета феодальных прав от Общества хлебопашцев департамента Ло-э-Гаронн, 30 октября 1790 г.

⁵ В 1788 и 1789 гг.

происходит беспорядки»¹. Между тем, наблюдается такое явление: как только отряды, посланные для рассеяния «разбойников», возвращаются в Ренн, беспорядки возобновляются. «Крестьяне и вассалы Бевра в трех милях от Бэн сжигают феодальные грамоты и располагаются в замке, который угрожают сжечь, если им не выдадут остальных документов, которые будто бы прячут от них. Владелец просит помощи, чтобы господин Жермен, его уполномоченный по сбору платежей, укрывшийся в Ренне, мог спасти небольшое количество оставшихся вещей»². Пюермель и Редон окружены «разбойниками» и взбунтовавшимися крестьянами; губернатор разрешает муниципалитетам этих городов взять ружья в Пор-Луи³. Держатели отпусковых владений волнуются сильнее и сильнее. Мартовские и майские законы 1790 года могли только усилить эти движения в такой феодальной местности, где и сопротивление сеньеров было более сильно и где арендаторы проявляли большую смелость, чем в какой-либо другой. Керси, Руерг, Перигор во власти «бандитов», т.-е. крестьян, уничтожающих архивы. Один дворянин, лет восьмидесяти, пишет Луа, депутат от Перигора, подвергся в своем замке нападению толпы крестьян, которые водрузили виселицу у главного входа, и это на него так подействовало, что он умер⁴. В Керси члены городского управления не осмеливаются читать народу воззвания Директории Ло или не могут их дочитать до конца. В одном муниципалитете священника, прочитавшего воззвание, силой принудили объявить, что оно подложно и не исходит от Директории⁵. Народ всюду сажает «деревья мая», «общий символ восстания»; для тех же, кто будет платить ренту, кто ее будет собирать, для нотариусов, комиссаров, составляющих списки подлежащих обложению, и всех, кто так или иначе имеет отношение к судебным органам с их крючкотворством, он воздвигает виселицы⁶. В департаментах Сены и Марны и Луары серьезные волнения происходят в период сбора урожая 1790 года: приходится прибегнуть к силе. В Этампе то же сопротивление⁷. Напрасно священники пытаются водворить

¹ Id., p. 89. Письмо губернатора военному министру графу де ля Тур дю Пэн от 10 февраля 1790 г. (Приложение, II, 7.)

² Arch. nat., KK 1105, p. 92. Письмо губернатора Брегаши г-ну де Монтъерри от 13 февраля 1790 г. (Приложение, II, 8.)

³ Id., p. 96. Письмо муниципалитету Пюермеля от 17 февраля 1790 г. Он разрешает ему взять сотню ружей в Пор-Луи.

⁴ Цит. письмо, DXIV, 3.

⁵ Цит. письмо, DXIV, 5. Администрация Директории Ло (ср. Приложение, II, 2).

⁶ Cf. «Moniteur» V, 671, 16 sept. 1790 г.—Здесь читаем письмо г. Гиньяра, графа Сен-Приста, одного из королевских министров, адресованное председателю Собрания: «Г. Эспарбес сообщает мне из Кагора, что на границе Дордоньского департамента население не только отказывается платить повинности (десятины и шампар), но ставит виселицы для устрашения тех, которые пожелали бы их уплатить».

⁷ Arch. nat., DXIV, 10. Директория Сен-э-Мари Собранию. 8 сент. 1790 г. (Приложение, II, 3).—DXIV, 12. Она же Собранию 7 августа 1791 г. (Прилог.,

спокойствие; если это удастся им однажды, они не гарантированы от серьезной опасности при следующем сборе урожая¹. Напрасно административные органы, которым поручено исполнение декретов Собрания, вызывают войска; Директория Ло имеет в своем распоряжении только четыреста человек солдат; восстание свирепствует по всему департаменту вплоть до ворот Кагора; как тут восстановить порядок? Собрание и само правительство признают в августе 1790 года, что не хватает военных сил: предлагают организовать национальную гвардию и усилить конную жандармерию². Между тем анархия продолжается. Когда Собранию удастся послать войска в департаменты, соседние с Парижем, как департамент Сены и Марны, то спокойствие водворится на время; причины возмущения остаются, и при сборе урожая на следующий год взимание шампара вызывает новую вспышку. Впрочем, если Директории департаментов или округов, состоящие из буржуа, чувствующих и думающих так же, как и Собрание, остаются верны декретам, то этого нельзя сказать о сельских муниципалитетах: они ставят препятствия умиротворяющим мерам Директорий. Муниципальные служащие, крестьяне, сами стонущие под тяжестью сеньеральных повинностей, используют имеющуюся в их руках общественную власть в интересах освобождения, о котором они мечтают. В Обвилле (округ Мондидье) прокурор коммуны руководит движением³; в Бюси-ле-Руа (Луаре) весь муниципалитет, кроме мэра, восстает против декретов⁴; муниципальные служащие в деревнях Гатини в своем ответе администрации департамента Луары побуждают народ к отказу от уплаты сеньеральных повинностей⁵; в департаменте Ло муниципальные чиновники объявлены «тайными виновниками, участниками или равнодушными свидетелями смуты». Отдельные лица и даже муниципалитеты образуют противоправительственные союзы. Это перманентная анархия⁶.

II, 4).—DXIV, 10. Письмо Фожера, приходского священника из Бланди, близ Этампи (Прилож. II, 5).

¹ Письмо Фожера.—Письмо Маргана, приходского священника Рэншеваль, близ Дуллана, DXIV, 10. (Прилож., II, 6).

² «Moniteur», V, 671. Письмо министра Гиньяра де Сен-Приста.—Речь Мартинно.

³ Arch. nat., DXIV, 10. Письмо Директории Мондидье мэру и муниципальным чиновникам Обвилле; июль 1790 г.

⁴ Arch. nat., DXIV, 5. Письмо мэра из Бюси-ле-Руа председателю Собрания; июль 1790 г.

⁵ Cf. «Moniteur», V, 297, 3 août 1790. Rapport du Comité des recherches.

⁶ Я не говорю о сопротивлении со стороны немецких князей, владевших фьефами в Эльзасе, и затруднениях международного характера, возникших благодаря вопросу о сеньеральных правах между Францией и Империей. Ср. Сорель «Европа и Революция» (гл. II, стр. 77—84, 95—98, франц. изд.), ср. также документы в DXIV, 13.

IV

Чем же отвечает Национальное Собрание на эти серьезные волнения, на эти энергичные и настойчивые требования деревни? Оно остается в плену у своей системы, оно упрямо замыкается в ней. Его первым движением было стремление защищать дело своих рук, если понадобится, даже силой. Толкование, которое оно дает своим декретам, является подтверждением и ухудшением их. Феодальный Комитет, в ответ на отказ нескольких приходов платить десятину и поземельную ренту капитулу Орлеанского собора, постановляет 11 июня 1790 года, что хотя десятины и шампар и были уничтожены декретами 4 августа, но все же они должны вноситься: десятины — «до тех пор, пока их прежние владельцы не начнут получать то, что их заменит», рента — до момента выкупа¹. Затем 18 июня Собрание постановляет, что «никто не может отказываться, под предлогом спорности прав, ни от уплаты обычной десятины, ни от взноса шампара» или других повинностей; что каждый обязан прежде всего расплатиться, сохраняя за собой право вернуть себе впоследствии все, что будет взят незаконно². Согласно обычному праву, всякий спорный момент заставляет откладывать уплату; возможность недействительности обязательства отсрочивает его исполнение. Но Учредительное Собрание боится, что возникнет слишком много спорных случаев, что все взносы будут из-за этого отложены, и под тем предлогом, что десятины и полевые оброки представляют собою собственность, обладание которой должно охраняться, оно вменяет в обязанность их немедленную уплату. 4 августа оно как будто упразднило десятину, но так как оно не знает еще, чем ее заменить, то обязывает прежних должников уплачивать ее. Это может быть истолковано как высшая справедливость, но не есть ли это одновременно и неосторожность? Возвестить декретом с большим шумом огромные реформы, затем отложить их исполнение на неопределенное время, — разве это не значит идти навстречу протестам и народным волнениям? Народные представители вынуждены поддерживать произведение своего юридического творчества путем разъяснений, судебных расследований, серьезных репрессий. Их новым декретам повинуются не больше, чем прежним. Несколько приходов Сены и Марны все еще находятся в сильном брзжении; Собрание издает против них декрет 13 июля; оно грозит в нем привлечь нарушителей декрета 18 июня к обычной судебной ответственности, возбудить судебное преследование даже против халатного отношения муниципальных чиновников; наконец, председатель Собрания хочет просить короля предоставить регулярные войска в распоряжение муниципалитетов для

¹ Arch. nat., DXIV, 13. Décision 18.

² Decret 18—23 juin 1790, art. 2 et 3.

оказания содействия национальной гвардии¹. 3 августа издается подобный же декрет против всех сопротивляющихся уплате повинностей во всем королевстве и, в частности, в Луаре². Феодальный Комитет приглашает органы самоуправления внедрить в сознание населения необходимость спокойствия и повиновения. Но само Собрание своими декретами возбуждает население, вместо того, чтобы успокоить его.

Мало-по-малу, под давлением событий, Комитет идет на некоторые уступки. Еще 15 июня 1790 года³ он постановляет, согласно декрету 15 марта, что представление первоначальных грамот или расписок, свидетельствующих о правах сеньера, лежит на его обязанности только в отношении чрезвычайных прав: баналитетов, реальной барщины и т. д. А 27 октября, в своем разъяснении того же декрета, он постановляет, что, «в сущности, сеньер не должен предъявлять свои грамоты для прямого доказательства своих прав, когда он сохраняет обладание ими, но все же держатель может потребовать их предъявления, чтобы представить или подкрепить свои доказательства противного»⁴. Комитет старается избежать точного толкования декрета 15 марта, и его решение представляется очень запутанным и противоречивым. 2 ноября аналогичное решение: Комитет не сомневается более, «что сеньер обязан предъявить своим бывшим вассалам, держателям и плательщикам оброка все имеющиеся у него документы, устанавливающие, подтверждающие или выясняющие его права на получение оброков, рент, пошлин с купли-продажи и других сеньеральных прав»⁵. Но держатели не могут требовать, чтобы им передавались на руки документы, в уничтожении которых они крайне заинтересованы; они имеют лишь право просить, чтобы сеньер сообщил им их содержание, не передавая их самим, или чтобы вручил их нотариусу, или передал в какую-либо канцелярию, где они могли бы ознакомиться с ними⁶. Комитет преподносит это новшество так, словно оно является возвратом к прежней судебной практике; он не хочет подать вида, что этим самым отступает перед фактом восстания и приспособляет свое толкование к народным требованиям. Но разве те же Учредительное Собрание и сам Комитет не осуждали с марта по октябрь 1790 года держателей, требовавших от своих сеньеров предъявления документов? Следовательно, юридически положение значительно изменилось. Доказательство противного, вменяемое в обязанность должнику, с этого момента делается возможным. Но

¹ Постановление Королевского Совета от 11 июля 1790 г. Декрет 13—16 и 18 июля 1790 г.

² Декрет 3—5 августа 1790 г.

³ Arch. nat., DXIV, 13. Décision 3. Это постановление противоречит общему правосознанию. Cf. Renaudon, p. 586.

⁴ Arch. nat. DXIV, 13. Décision. 2 (Приложение, IV, 1).

⁵ Id., DXIV, 13. 2 novembre 1790 г. Décision 75 (Приложение, IV, 2).

⁶ Id. 24 novembre 1790. Décision 73 (Приложение, IV, 3).

фактически положение держателя остается прежним. Закон 15 марта 1790 года остался в неприкосновенности. Сеньер предъявит свои документы недавнего происхождения, свои расписки, он скажет, что ему всегда платили, ему или его отцу, требуемые им повинности, и этого будет достаточно, чтобы принудить держателя к дальнейшей уплате их. Попрежнему обладание правами неприкосновенно и священо. Попрежнему узурпация остается узаконенной. В сущности, ничто не изменилось, и, чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть знаменитую инструкцию Собрания от 15 июня 1791 года, редактированную самым выдающимся членом Феодалного Комитета—Мерляном де-Дуэ¹. Собрание видит, что его система вызвала повсюду смуту, но оно неспособно отказаться от нее: для него она является идеальным выражением разума и справедливости. Своим упорством оно поддерживало анархию, которая после взятия Бастилии проникла в деревни, оно дало ей разрастись, оно усилило ее, дав ей справедливое основание. Обнародованная им инструкция не была в силах восстановить порядок². Она отражает собой противоречия самой системы. Ведь для успокоения деревни было уже недостаточно предоставить держателям возможность доказывать фиктивность господских прав, разрешить им ознакомление с документами, на которые опираются владельцы. Собрание действительно признало, что право собственности (петиторий) ставится в зависимость не от того, обладал ли собственник правами в последние годы, но от законности этих прав. Оно добавляет, что «закон 15 марта 1790 года именно для того и отсылает к соблюдавшимся до сего времени правилам в отношении доказательств, чтобы можно было установить в каждом отдельном случае законность либо незаконность данного права». Но каковы эти доказательства? «В одном случае факт обладания в течение двадцати, тридцати, сорока лет составляет документальное доказательство для бывшего сеньера; в другом—надо, чтобы это обладание было подтверждено одним или несколькими свидетельствами бывших вассалов»³. Нельзя придумать более противоречивого рассуждения: Собрание доказывает как раз обратное тому, что оно имело в виду доказать. Его внимание обращается не на законность права, а лишь на факт обладания им; пусть это обладание продолжается двадцать, тридцать, сорок лет—безразлично; даже если бы оно было столетним, это не сделало бы права законными. Разве позавчерашний узурпатор имеет больше прав на уважение, чем вчераш-

¹ ADXVIII c. t. 157. «Проект инструкции о правах—шампаре, терраже...», представленный в Национальное Собрание Мерляном.

² Arch. nat., DXIV, 1. Письмо Мишале из Треву, который преподносит Собранию листовку: «Разоблаченная тайна относительно феодальных прав», которая оглашается в Национальном Собрании 1 апреля 1792 г. Она довольно хорошо резюмирует жалобы всех крестьян. Однако никакие инструкции, никакие прокламации не помогали.

³ Инструкция 15 июня 1791 г. Duvergier, III. 31. Colonne 1.

ний? Поэтому «дух неподчинения, жадности, несправедливости», который Собрание силилось уничтожить, продолжал царить повсюду: некоторые административные органы и население деревень отказывались от уплаты феодальных повинностей; во всей сельской Франции назревал огромный протест. Дальнейшее поддержание законов Учредительного Собрания становилось невозможным.

V

О юридической системе, предназначенной для применения на практике, надо судить по ее последствиям. Если система Учредительного Собрания оказалась бесплодной, это значит, что она была ложна в своей основе. Собрание исходило из чисто школьного различия прав личных и прав реальных, различия, совершенно не соответствующего действительности. Во-первых, все эти права, как реальные, так и личные, могут в одинаковой мере происходить как из договора, так и из насилия. С одной стороны, личные права, как «мертвая рука» и барщина, могут иметь своим источником договор, передачу собственности, подобно шампару, цензу и ренте. С другой,—реальные права, как шампар, ренты, ценз, могут происходить из узурпации, как и права на личность. Учредительное Собрание в своем предположении, что реальные права происходят из уступки, пожалования земельного участка, идет против той исторической истины, что в процессе превращения свободной собственности в собственность сеньерпальную и зависимую насилие играло такую же роль, как и договор. Следовательно, Собрание устанавливает между двумя классами прав несуществующее в действительности различие по происхождению. Во-вторых, оно проводит между ними различие по их природе, по их сущности, также фактически не существующее. Оно придает реальным правам юридический характер, которого они не должны бы иметь. В действительности эти права представляют собой плату деньгами или натурой за раздел земли, произведенный ее собственником; это обязательства уплачивать известную сумму денег или определенное количество продуктов; это не столько реальные, вещные права, сколько права заимодавца. Разве между подобными обязательствами и узурпатором, например, не имеется глубокого различия? А между тем, в системе Учредительного Собрания шампар и узурпатор несут один и тот же характер. Дело в том, что Собрание мыслит понятиями юристов старого порядка. Мало-по-малу, под влиянием новых потребностей, понятие реального права расширилось: сталкиваясь с такими правами, как ренты, оброки, представлявшие собой тесное соединение двух очень различных элементов, одного личного, а другого реального, юристы дали им название реальных. Этим пожертвованием личного элемента, входившего в состав этих прав, они предоставляли собственникам рент и оброков более прочные гарантии. Учреди-

тельное Собрание держится тех же принципов. Признание за рентами характера реальных прав влечет за собой недопустимые следствия. Как только они объявлены реальными—хотя бы они и не были вещными,—они допускают обладание ими на праве собственности, или по крайней мере, подобии его—*quasi-собственности*, которую законодатель должен охранять¹. Значит, владелец будет мирно пользоваться своими правами; от него не потребуются никаких доказательств; между тем, тот, на ком лежат эти повинности, должен доказать, что они не являются платой за уступленное владение; а так как у него нет никаких документов, на которые он мог бы опереться, то предоставление ему права доказывать превращается в обман. Вся система Учредительного Собрания это—великолепное здание, построенное на песке, и оно рухнет само собой при попытке воспользоваться им. Это различие двух классов сенъериальных прав, вследствие допущения первоначальной ошибки, на которой оно основывается, становится чрезвычайно трудно проводимым в жизнь даже для тех, кто его задумал: приходится доискиваться происхождения каждого права, чтобы определить его характер, является ли оно реальным или личным, а это происхождение очень отдаленно, различно в зависимости от местности, очень темно и часто спорно. Пытаться это сделать, значит—пускаться в безысходные изыскания и споры, вызывать столкновения крупных феодальных и доманнальных авторитетов, вступить в борьбу с самыми различными системами и, в конце концов, осудить себя на то, что, вслед за общими ошибками, наделаешь и частных. Наконец, столь ценное для Учредительного Собрания различие представляет и опасность. Оно воображает, что проводит точную демаркационную линию между узурпированными и законными правами. Все права, которые тяготеют на личности, говорит оно, являются узурпированными потому, что они противостоят свободе, неотчуждаемой и неприобретаемой, и человеческому достоинству, которое неприкосновенно; но разве те повинности, которые теоретически падают на собственность, не ложатся бременем опять-таки прямо на личность, которая владеет этой собственностью, и разве не следует опасаться того, что вскоре и они будут казаться результатом узурпации точно так же, как и первые? Тем более, что они тяжелы и стеснительны, часто несправедливы, что держатель любит свою землю так же, как и свою личность, и что, требуя свободы для своего имения, он требует и своей собственной свободы.

В действительности было очень трудно произвести ликвидацию феодальных и доманнальных прав, соблюдая при этом спра-

¹ По мнению Потье, не-вещные права (десятина, шампар, рента и т. д.) могут быть *quasi-собственностью*, *Traité de la possession*, n° 38.

Противоположный взгляд Гойе высказан им 14 июня 1792 г. в Законодательном Собрании. «Не-вещное право, в сущности говоря, не может быть предметом какого бы то ни было обладания». *Opinion de Gohier*, p. 18. ADXVIII c. t. 191.

ведливость. Но, может быть, представлялось более рациональным и осторожным, не доискиваясь всегда очень туманного происхождения этих прав, предоставить самим документам, представляемым заинтересованными, провести между тем, что было законно и что незаконно, точную границу, установить которую в порядке законодательном было невозможно. А под документами мы понимаем не обязательно первоначальные грамоты, но достаточно древние акты, восходящие к эпохе записи обычного права, перечисляющие уступленные земельные участки. Пусть не говорят, что сеньеры не могли предъявить таковых: их чиновники достаточно хорошо оберегали архивы, чтобы они могли потеряться; нотариусы должны были сохранить копии списков и свидетельств, не все сенъериальные архивы были сожжены крестьянами в июле 1789 года, а что касается потерянных или сожженных документов, то в Счетных Палатах могли сохраниться вторые экземпляры, могущие их заменить¹. Такая система предусматривалась отчасти некоторыми коммунами или административными органами², хотя она, конечно, не совершенна. Но в сенъериальном хаосе невозможно было вполне разобраться, а эта система, более гибкая, более согласная с действительностью, дала бы Франции возможность избежать увлечений Законодательного Собрания и ограблений, произведенных Национальным Конвентом.

Отдел второй

Земельный порядок и Законодательное Собрание

Граница между различаемыми Учредительным Собранием двумя видами прав не была точно установленной; ее можно было легко передвинуть в ту или другую сторону; было очень легко постепенно лишить содержания категорию прав, подлежащих выкупу, чтобы увеличить за ее счет разряд прав, подлежащих упразднению. Этим обстоятельством и воспользовались Законодательное Собрание и Конвент.

Учредительное Собрание опиралось на законодательство и на юридическую практику эпохи феодализма; захват, лежащий в основе происхождения феодальных прав, узаконенный многовековой давностью и договорами «на совесть» (*de bonne foi—bona fides*), сменявшимися друг друга в течение восьмисот лет, представлялся ему фактом почтенным, который необходимо было

¹ В Счетных Палатах имелись дубликаты сенъериальных документов. Некоторые граждане опасаются, что крестьяне, узнав об этом, постараются их сжечь (письмо Доманьянне, графаминна города Нанта, от 6 февраля 1790 г. DXIV, 5).

² DXIV, 1. Извещение из протокола Административного Собрания Basses-Alpes, 23 ноября 1790 г. (Приложение, I, 1).—DXIV, 7. Петиция общины Вуарвр (Мёз) янв. 1790 г с целью установления различия между двумя классами прав надо вменить в обязанность сеньерам предъявлять свои документы на эти права.

принять ¹. Законодательное Собрание уже не преклоняется с тем же спокойствием перед совершившимися фактами. Узурпированные права, хотя бы просуществовавшие тысячу лет, не становятся от этого более достойными уважения. Будучи порочными с момента своего возникновения, они несут в себе самих свое осуждение. Это суд над сенъериальным порядком от самого момента его образования. Законодательное Собрание уже не рассматривает только фасад здания, но желает исследовать самый его фундамент. «Если бы факт совершения злоупотреблений мог оправдать самое злоупотребление, если бы наличие притеснения узаконивало притеснение, то человеческий род был бы осужден на вечное рабство, и революция была бы преступлением» ². Так говорит юрист-философ Удо, занявший место Мерлена. И в этом новом духе Законодательное Собрание продолжает дело Учредительного.

I. Учредительное Собрание, не желавшее доводить свои положения до их логического конца, когда это оказывалось слишком неблагоприятно для сеньеров, упразднив реальную мертвую руку, оставило в целости акты освобождения от этого права мертвой руки ³. При анализе этих актов, являвшихся, в сущности, договорами о плате взамен права мертвой руки, оно рассматривало их как новые договоры, не имеющие никакой связи с уничтоженной мертвой рукой и потому подлежащие оставлению в силе. «Мелочная уловка», восклицает докладчик Феодального Комитета Законодательного Собрания, «достойная, самое большое, хитроумного диалектика XIV века, а не открыто действующей свободной нации» ⁴. Законодательное Собрание уничтожает этот остаток феодализма декретом от 25 августа 1792 года.

Одновременно оно уничтожает также основанные на ордонансе 1669 года судебные постановления о праве выделения сеньерами в свою пользу треть общинных земель и угодий («триаж») и придает своему закону обратную силу, т.-е. признает, что все доли общинных угодий, которые были присуждены сеньерам, согласно этому ордонансу и под их давлением, принадлежат им не по праву, но являются захватом, и оно отменяет все выделы, произведенные не с 1760 года, как это сделало Учредительное Собрание, но с 1669 года ⁵. Общины могут вновь вступить во владение отнятыми у них угодьями; для этого им достаточно доказать, что они прежде владели ими, и они будут им возвращены, за исключением тех случаев, когда сеньеры представляют

подлинный акт, свидетельствующий о вполне законной покупке ими участка ¹. Что касается пустопорожних и неиспользованных земель, ланд и т. д., то они считаются принадлежащими общинам и должны быть закреплены за ними судебным порядком, если сеньеры не докажут, что они являются их собственностью; в этом случае в качестве доказательства достаточно факта беспрерывного владения ими в течение сорока лет ². Вот что сделано Законодательным Собранием в отношении узурпированных прав.

II. Но особенно нуждались в критике и изменении постановления Учредительного Собрания об упразднении реальных прав. При отмене сенъериального порядка Учредительное Собрание основывалось на сенъериальных принципах, может быть даже на ложном предположении, распространенном Луазо в XVI веке и Булэвилье в XVIII, будто в эпоху вторжения франков в Галлию все галло-римляне были лишены своих имений и свободы; этим Собрание устанавливало презумпцию подчинения всей недвижимости сенъериальным правам. Законодательное Собрание, наоборот, исходит из предположения об ее первоначальной свободе. Никакого ограбления галлов франками не было; сеньеры вовсе не являются потомками франков, а народ не происходит от галлов; уступленные феодалами земельные участки «принадлежали скорее самим общинам, чем сеньерам. Во всяком случае, право на них они могли приобрести только благодаря некогда узурпированному политическому господству» ³. Учредительное Собрание презюмировало законность сенъериальных прав, Законодательное — исходит из предположения захвата их. До сих пор презумпция была в пользу кредитора, сеньера; отныне она будет в пользу должника, держателя. Это нечто совершенно обратное системе Учредительного Собрания Феодальный Комитет Законодательного Собрания, озабоченный тем, что должник не имеет возможности представить доказательств своих прав на землю и потому не торопится выкупать сенъериальные права и что таким образом создается опасность укрепления феодализма навсегда, а также под ежедневным давлением муниципалитетов и департаментских собраний, стремящихся ускорить дело освобождения, задержанное Учредительным Собранием, повернулся, наконец, лицом к крестьянину. Он хотел упразднить все реальные права безвозмездно, за исключением тех случаев, когда кредитор представит доказательство законности своих прав. С апреля 1792 года в Собрании начались прения по докладу Латур-Дюшетиля ⁴.

¹ Письмо Мерлена, председателя уголовного суда Северного департамента одному из членов Законодательного Собрания от 13 июня 1792 г. ADXVIII с. t. 191.

² Мнение, высказанное Удо в 1792 г. ADXVIII с. t. 191.

³ Декрет от 15 марта 1790 г., ст. 4.

⁴ Доклад Реньо-Бокарона от 2 мая 1792 г. ADXVIII с. t. 191.

⁵ Декрет от 28 августа — 14 сент. 1792 г., ст. I. Duvergier, t. IV, p. 441.

¹ Id., ст. 8.

² Декрет от 28 августа 1792 г., ст. 9.

³ Мнение, высказанное Дориаком, депутатом Верхней Гаронны, 11 апреля 1792 г., стр. 5—6, Arch. nat. ADXVIII, с. t. 191.

⁴ Доклад и просьба декрета Латур-Дюшетиля от имени Феодального Комитета 11 апр. 1792 г., Arch. nat. ADXVIII с. t. 191.

Хотя они и носили общий характер, но вначале они выделили вопрос о случайных повинностях. Сохранить их или уничтожить? Феодальный Комитет был сторонником их упразднения во всех случаях, за исключением тех, когда кредитор представит доказательство противного. Меньшинство Собрания желало их сохранить. Обе стороны призывали к себе на помощь памятники истории и мнения юристов-федистов¹. Дёзи утверждал, что случайные повинности представляли собой собственность и являлись платой за уступленные земельные участки; но даже если их происхождение и не так очевидно, как он полагал, их все-таки надо сохранить за теперешними владельцами, как результат приобретения². На это его многочисленные противники³, как то: Комитет, Дорлиак, Луве, Мэй, Гойе, Удо, отвечали ему, что случайные повинности являются поземельными правами, а не земельной собственностью, что постоянным употреблением этого слова «собственность» хотят ввести Собрание в заблуждение; что если пошлины с купли-продажи и представляли иногда плату за уступку недвижимости, то очень часто они являлись плодом насильно вырванного признания этих прав со стороны слабого и невежественного плательщика ценса и держателя. Они говорили, что отмена права владельца на обратное возвращение уступленных им земель логически ведет за собой отмену и случайных пошлин, являющихся платой за отказ сеньера от этого права⁴; что требование документальных доказательств, предъявляемое к кредитору, дает возможность выявить законные права и повредит только захватчикам. К тому же, разве права, уничтоженные Учредительным Собранием, сеньериальные монополии и другие, не были также приобретены за деньги, и неужели следует охранять несправедливые права только потому, что они являлись предметом вековой спекуляции? «Дело не в интересах нескольких лиц, а в решении судьбы целого народа»⁵. Сеньериальный порядок основан на узурпации, и надо его уничтожить. Примирение двух этих сторон было невозможно. Одна из них, ссылаясь постоянно, как это делало Учредительное Собрание, на сеньериальное законодательство, на уважение к благоприобретенной собственности, указывала в проекте Комитета на нарушение договоров, на ограбление собственников. Другая, становясь скорее на практическую, чем на юридическую, точку зрения, принимала во внимание многочисленные захваты

¹ Федистами назывались правоведы, знатоки феодального права. (Прим. ред.)

² Мнение Дёзи из Па-де-Калэ, высказанное им 12 июня 1792 г. ADXVIII, с. t. 191.

³ Мнение Луве из Соммы (12 июня 1792 г.). ADXVIII, с. t. 191; Мнение Гойе, 14 июня, id;—Мнение Удо;—Речь Мэя, цит. выше.

⁴ «Однако,—прибавил Дорлиак,—если документы свидетельствовали одновременно и о праве возвращения земли обратно и о праве на пошлину, то это последнее в каком случае было независимым от первого и должно быть сохранено при упразднении первого».

⁵ Мнение Удо, стр. 5. ADXVIII, с. t. 191.

сеньеров, обнаруженные наказами Генеральным Штатам и петициями, направленными в Феодальный Комитет, расписки, вырванные хитростью или насильем; с другой стороны, она считалась с продолжающимся возбуждением деревни, которая не имела возможности освободиться от феодального гнета; наконец, она видела необходимость уничтожения сеньериальных прав, хотя бы даже в ущерб некоторым правам частных лиц, но зато с соблюдением верховных интересов нации, ибо эти права угнетали крестьянина и держали его в приниженном положении по отношению к бывшему сеньеру, что могло погубить основанный на свободном избрании общественный порядок, установленный революцией. Между тем, некоторые депутаты из среды большинства, согласные с Комитетом в принципе, расходились с ним по вопросу о способах действия. Прежде всего—по вопросу о самой ликвидации случайных прав¹. Дорлиак, требовавший их выкупа, если они опирались на документальные данные, полагал, что предпочтительнее было бы осуществить ее просто одним ударом. Для погашения всех случайных прав он предлагал произвести одну большую операцию от лица нации, вместо декретированной Учредительным Собранием целой нерархической серии платежей цензуального держателя вассалу, вассала—сюзерену, вплоть до ленного сюзерена. Государство собрало бы суммы, которые ему должны были владельцы фьефов, затем суммы, которые плательщики ценса должны были владельцам фьефов, и погашение случайных прав произошло бы путем зачета; если бы первая общая сумма оказалась ниже второй, то государство взяло бы на себя долг по отношению к сеньерам, а в случае обратного соотношения сумм, государство вернуло бы излишек плательщикам ценса в форме уменьшения их постоянных и ежегодных повинностей. В обоих последних случаях государство принесло бы в жертву свои права; такая система не могла быть поэтому принята Законодательным Собранием. Но важнее всего был способ доказательства. Здесь опять-таки Дорлиак, хотя и возлагает, как и Комитет, обязанность доказать свои права на кредитора, но, за неимением первоначального документа, удовлетворяется двумя расписками, правда, подкрепленными фактом достаточно давнего владения, дающего возможность предполагать существование документа. Кутон был еще менее требователен: он требовал от кредитора только три расписки². Дюмолар просил три расписки, свидетельствующие о первоначальном документе и подтверждаемые сорокалетним владением; Карно говорил о столетнем владении. Это означало возвращение к системе Учредительного Собрания³. Но в лице Мэя Комитет встретил горячего защитника своих идей⁴. Не следует освобождать

¹ Мнение Дорлиака. ADXVIII, с. t. 191.

² Речь Кутона, А. Р. XXXIX, 194.

³ А. Р., XXXIX, 210.

⁴ А. Р., XLV, 17 et 18 (9 jun 1792).

сеньеров от обязанности предъявлять доказательства, говорил он. Не удовлетворяйтесь простыми расписками: подобные документы сами являются результатом силы сеньера. Требуйте первоначальные документы. «Скажут, что сеньеры не могли сохранить подлинных документов относительно пожалования им поместья или сдачи им земли в аренду; а как могли общины сохранить доказательства их свободы от ленных повинностей?» «Конечно, бывшие сеньеры будут выражать свое недовольство. Но на что они только не жалуются? Вас оправдают благословения девяносто девяти сотых настоящего и будущих поколений». Увлеченное этим оратором Собрание последовало во всех пунктах за своим Комитетом. Декрет 18 июня 1792 года упраздняет случайные повинности безвозмездно, за исключением случаев, когда кредитор, путем подлинных документов, докажет законность своих прав¹.

Двадцатого и 25 августа два новых декрета применяют то же правило и к реальным правам. «Всякая земельная собственность считается независимой и свободной от каких-либо предъявленных на нее прав»². Это освобождение собственности; это 10-е августа в области земельных отношений. «Все сеньериальные права, как феодальные, так и цензуальные, каковы бы ни были их характер и название, даже те, которые могли быть опущены в прежних законах или в настоящем декрете, ... уничтожаются безвозмездно, если не будет доказано основание, оправдывающее их и заключающееся в изначальной уступке земли, при чем это основание может быть установлено только путем предъявления подлинного акта о пожаловании поместья, акта об уступке земли за ценз или цензуального договора»³. Законодательное Собрание ищет разницу между узурпированными и законными правами уже не в презумпции, а в достоверном, документально подтвержденном факте. Вместо двух категорий сеньериальных прав, теперь остается только одна; каждый предъявляемый документ будет составлять, в некотором роде, оппозицию этой унификации. Нет ничего более справедливого юридически. Но каждый знает, что документы на право собственности часто теряются и исчезают. Возможно, что большое количество первоначальных документов исчезло в пламени во время июльского восстания 1789 года и волнений, которыми встречены были затем декреты 1790 года. Что касается вторых экземпляров документов, сохранившихся в Счетных Палатах, то большей частью это должны были быть лишь акты признания прав, расписки, свидетельствующие о существовании более древних грамот. Каким образом представить подлинный документ XV или XIV века или еще более ранний? Доказательство должно было

часто оказаться невозможным для кредитора. Насколько Учредительное Собрание проявило несправедливость по отношению к должнику, требуя от него доказательств отсутствия у кредитора права требовать взноса повинности, настолько же или почти так же несправедливо оказалось Законодательное Собрание, требуя от кредитора предъявления подлинного документа об уступке. Было ли возможно что-либо среднее? Ясно, что акты признания прав, подтвержденные сорокалетним владением, не были бы достаточны для устранения предположений об узурпации. Можно ли было остановиться на столетнем владении?⁴ Но это все-таки было бы только владением и не создавало никакой уверенности в законности права. Таким образом, законодатели были обречены на несправедливые решения. Средний способ был по существу не более справедлив, чем крайние. Система Учредительного Собрания являлась средством для оказания покровительства сеньерам. Система Законодательного означала объявление им войны и только им одним; ибо не-сеньериальные ренты и повинности, которые являлись обязательствами по отношению к сеньерам, из недоверия к последним упразднялись сами собой; тогда как такие же обязательства частных лиц по отношению к частным же лицам совершенно не затрагивались⁵. Это был первый реакционный акт против дела Учредительного Собрания.

Учредительное Собрание декретировало единовременный выкуп ежегодных и случайных повинностей и принцип солидарности в уплате ценза и рент. Законодательное Собрание разрешает раздельный выкуп ежегодных повинностей и случайных пошлин⁶; оно дает право вносить последние отдельно по частям и предоставляет возможность внести всю сумму в десять приемов в течение двух лет и десяти месяцев⁷; оно уже не относится с недоверием к собственнику, выкупающему случайные права заранее перед предположенной им продажей участка с целью избежать уплаты полностью пошлин за право купли-продажи⁸. Затем оно упраздняет солидарность в уплате ценза, рент и повинностей: «каждый, обязанный их платить, будет свободен в уплате своей доли ренты и не может быть принуждаем к уплате доли своих содолжников»⁹. Наконец, оно устанавливает

¹ Карно-Фелан предлагает поправку, заключающуюся в том, что подлинные документы заменяются столетним владением. — Дюмолар требует, чтобы сеньеру было предоставлено право, взамен предъявления подлинных актов об уступке земли, представить три свидетельства о существовании таковых в подкрепление к сорокалетнему обладанию. — Мэй восклицает: «Принятие этого предложения сделало бы наш декрет призрачным: он оставил бы в силе все сеньериальные злоупотребления». А. Р., XLV, p. 210.

² Декрет от 25 августа 1792 г., ст. 17.

³ Декрет от 20 августа, раздел I, ст. 1. — Дополн. и проект декрета Демаллио, товарища председателя Феодального Комитета. ADAM III, с. t. 191.

⁴ Декрет от 20 августа, раздел I, ст. 6.

⁵ Ibid., ст. 17.

⁶ Ibid., разд. II, ст. 1.

¹ Декрет от 18 июня 1792 г., ст. 1.

² Декрет от 25—28 августа 1792 г., ст. 2.

³ Ibid., ст. 5.

в отношении недоимок ценса, поземельной ренты, повинностей пятилетнюю давность¹; впредь нельзя уже будет, как прежде, вдруг потребовать недоимки, скопившиеся за двадцать девять лет, и сразу разорить несчастного держателя. Земля должна быть освобождена от слишком тяжелых, обременяющих ее платежей. Это один из результатов свободы собственности, провозглашенной революцией. Таким образом, Собрание всячески облегчает должнику возможность освободиться от связывающих его обязательств и настолько же уменьшает гарантии кредитора. Таков второй реакционный акт против законов Учредительного Собрания.

III. Учредительное Собрание, вынужденное высказать свое мнение по вопросу об отпусках владениях, остановилось, в конце концов, на компромиссе, не удовлетворившем сеньеров и раздражившем арендаторов. Законодательное Собрание позаботилось о том, чтобы не забыть об этой форме держания. В своем докладе от имени Феодального Комитета Боган², убежденный защитник арендаторов Нижней Бретани, затемнил, как нарочно, так ясно изложенный в 1791 году Тронше вопрос и, под предлогом, будто следы феодализма вкрались в понятие отпускового владения, извлек из этого случайного и придаточного элемента доказательство в пользу феодального характера всего договора с правом отпуска. Земли, уступленные по этому договору, по его мнению, были не чем иным, как фьефом; следовательно, надо было его уничтожить, как и другие. Правда—и он был прав, настаивая на этом—собственники очень злоупотребляли своей властью и своим ужасным правом сгона. Тем не менее, этот договор не заключал в себе ничего сеньериального, он отнюдь не предполагал, подобно ленному договору, отчуждение земли; следовательно было несправедливо разрешать держателю приобретать путем выкупа землю, на которую он никогда не имел ни малейшего права собственности. Однако Законодательное Собрание последовало за своим Феодальным Комитетом; оно отступило перед сильной обвинительной речью бретонца против бретонского держания; оно пошло навстречу желаниям арендаторов, которые представляли собой очень многочисленную группу. Уловки, ошибки, явно ложное толкование Богана³ не

¹ Декрет от 20 августа, разд. III, ст. 1.

² Доклад Алана Богана (из Финистера) 23 августа 1792 г. А. Р., XLVIII, 640 и сл.

³ Боган (*ibid.*, pp. 643—644) считает, что право отпуска по существу феодально, что вначале арендатор был собственником, которого нельзя было согнать, и лишь позднее мало-по-малу установилось право отпуска. Во всех этих положениях сборника обычаев Трение. То же самое он повторяет еще раз в своем докладе от 25 плюмпоза V года. Между тем, Розмар не утверждает всего того, что ему приписывает Боган; он говорит лишь, что арендатор становится собственником домов и др. наземных построек. — Rozmar, *Traité des domaines congéables à l'usage de Tréguier, dans les Coutumes de Bretagne avec commentaires de Sauvageau*, ed. 1771, in—16, p. 385.

встретили возражений. Вопрос был слишком специальный, а у Законодательного Собрания не было более Мерляна или Тронше, чтобы ясно установить смешанный характер этого договора. Арендаторы отпускных владений получали по декрету 27 августа 1792 года право выкупать договорные ренты. Они становились собственниками земли, хотя должны были оставаться только простыми держателями ее¹. Таков был третий реакционный акт.

Итак, начав уже 18 июня, а затем продолжив 20 и 25 августа, наконец, 27 августа 1792 года, Законодательное Собрание беспощадно опрокидывало систему Учредительного. Под давлением сильной реакции первое проводило декреты, как раз обратные постановлениям последнего. Реакция эта была несправедлива уже в силу своего чрезмерного увлечения; это было уже начало ограбления. Столь важное, с точки зрения Учредительного Собрания, различие между личными и реальными правами осталось только в теории; все права были уничтожены безвозмездно; только реальные права сохранялись, если законность их подтверждалась подлинным документом кредитора. Так как это доказательство было в большинстве случаев совершенно невозможно, то различие, установленное Учредительным Собранием, фактически исчезало; сеньериальный режим уничтожался просто и полностью; не было больше ни кредиторов, ни должников. Должникам возвращали не только долги, но за небольшую сумму им еще давали и самую землю, и это был прецедент, которым не преминул воспользоваться Конвент.

Отдел третий

Земельный порядок и Конвент

Национальный Конвент производит грубую и окончательную ликвидацию сеньериального порядка. Для него весь вопрос заключается в том, чтобы окончательно стереть все прошлое, обратить его как бы в *tabula rasa* и восстановить абсолютную свободу собственности. При Законодательном Собрании существовало, по крайней мере в теории, различие между «поземельными» и «сеньериальными» отношениями; при Конвенте исчезает даже эта видимость. Законодательное Собрание представило кредитору возможность представить подлинный документ об уступке им недвижимости; Конвент отымет у него и это почти неосуществимое право.

I. Своим декретом от 17 июля 1793 года Конвент упраздняет безвозмездно все сеньериальные повинности, даже сохраненные декретом 25 августа 1792 года; из этого полного уничтожения он исключает только чисто поземельные ренты¹. А так как он

¹ Декрет от 27 августа—7 сент. 1792 г., ст. 1.

² Декрет от 17 июля 1793 г., ст. 1, 2.

проводит свои декреты, толкая их самым жестким образом, то в результате получается, что ренты, носящие на себе хотя бы малейшие следы сеньериальности, например, все, которые были учреждены с сопровождением условия о хотя бы незначительном праве на получение пошлин с купли-продажи, и те, которые были связаны с цензом, подпадают под этот закон об уничтожении остатков феодализма. Учредительное Собрание позаботилось отделить элемент поземельный от сеньериального, и, таким образом, фьефы и цензивы, освобожденные им от облекавшей их сеньериальной формы, превратились в аллоды, свободные и независимые земли. Конвент не разделяет этих элементов, и там, где он застает их соединенными, он все целиком обрекает на гибель. Он нарушает, таким образом, законные интересы. Ренты, обусловленные в договоре с сеньерами, признаются им сеньериальными и уничтожаются безвозмездно. Конвент далеко ушел от выкупа Учредительного Собрания. Но нарушаются права не одних сеньеров: и простые смертные, либо из тщеславия, либо в силу обычая, также употребляли эти подвергающиеся гонению Конвента формы и выговаривали себе в своих договорах о ренте умеренный ценз или незначительную пошлину с купли-продажи, которые в их намерениях отнюдь не связывались с представлением о сеньериальном верховенстве; и вот, за то, что они желали поиграть в сеньеров или просто следовали обычаю, они лишаются своей собственности. Законодательное Собрание вступило на путь ограбления частных лиц; но Конвент значительно опередил его в этом отношении. Несправедливость была вопиющая. В первый раз Законодательный Комитет сталкивается с Собранием, указывая ему, что отмена всех этих прав, помимо своей несправедливости, будет благоприятна для людей богатых, но роковым образом отразится на государственных финансах, принесет вред политике революции, наконец, идет вразрез с целью, преследуемой истинными демократами; они желают по возможности уравнивать имущества, а тут создают за счет сеньеров и даже просто частных лиц новый класс богачей. Все эти доводы Комитета не трогают Конвента. Комитет требует, чтобы были сохранены поземельные ренты, каковы бы ни были формы, в которые облечено их содержание, независимо от того, принадлежат ли они обыкновенному гражданину или бывшему сеньеру, ибо в обоих случаях происхождение их одинаково: они вызваны передачей земельного участка; он требует отделить от чисто поземельного элемента элемент сеньериальный и, следовательно, уже уничтоженный, но «после очень горячих прений» Конвент сохраняет в силе свой декрет от 17 июля¹.

Последним сильно задеты сеньеры, многие частные лица, наконец, само государство как владелец национальных имуществ. Поземельные права отменялись потому, что они уподоблялись сеньериальным, или потому, что встречались в одном акте с правами этого рода. Это было самое несправедливое ограбление за все время революции.

Но чтобы уничтожить последние остатки сеньериального порядка и положить конец вековым спорам, ненависти и разорению, к которым они вели, представлялось простое, революционное средство: это уничтожение всех документов, актов признания прав, расписок, архивов и всякого рода магических книг. Конвент действительно издает соответствующий декрет. 17 июля 1793 года он повелевает сжечь все феодальные документы¹. Все эти хартии, которые предписывали угнетение сельского населения, должны быть переданы сеньерами, нотариусами, комиссарами, составителями поземельных списков в трехмесячный срок в канцелярии муниципалитетов. Из них получится значительная гора; каждый должен будет принести свою долю под страхом наказания—заклечения на пять лет. В ожидании пока истечет трехмесячный срок и соберется вся масса материалов, подлежащих сожжению, на десятое августа в каждой коммуне Франции для всех граждан и в присутствии ее Генерального Совета должно быть дано необычайно волнующее представление: будет устроена иллюминация при помощи этих архивов. То, что в 1789 году считалось народным бунтом, стало законным в 1793. Реальные права, которые пощадило Законодательное Собрание, исчезали вместе с подлинными документами, предъявления которых оно требовало. Чтобы окончательно ограбить собственников, раз навсегда уничтожали их документы на право собственности. Но выполнение этого закона представляло затруднения. Элемент поземельный и сеньериальный были тесно связаны в документах. Что же, неужели уничтожить все разом, в том числе и документы на право собственности плательщиков ценза и бывших вассалов? Многие сеньеры одним и тем же актом приобретали доманы и сдавали части их в аренду. Как уничтожить весь акт целиком? Неужели было бы преступлением предъявить в судебном порядке старинный документ, хотя бы и носящий следы феодализма, для доказательства своего права на собственность? ² И этот вопрос ставился Комитету плательщиками цен-

Народные представители, члены Законодательного Комитета своим коллегам—членам Комитета Общественного Спасения: «Ничего не было сделано ни для кого, кроме богачей, в ущерб государственной казне тем, что за бесценок отдавали гражданам земельные участки, обложенные рентой; в то же время были другие права, действительно феодальные, и на этом основании справедливо упраздненные».

¹ Декрет от 17 июля 1793 г., ст. 6.

² Arch. nat., DIII, 359. Замечания Законодательного Комитета по поводу декрета 17 июля 1793: «Ифеодация или договор о цензе являются в руках бывшего сеньера феодальным титулом; но в руках бывшего вассала или плательщика

¹ Arch. nat., DIII, 359. Резюме прений в Законодательном Комитете 7 сентября 1793 г.: «Первым и самым священным принципом законодательства является равенство. Вот это-то равенство прав и сохраняет рента, в каких бы выражениях ни формулировался принцип ее учреждения и независимо от того, в пользу кого шла эта рента—простого ли гражданина, или бывшего сеньера».

за.—Наконец, в нотариальных книгах, на одних и тех же страницах, рядом были записаны сеньеральные документы, уничтоженные законом, и документы чисто поземельные, охраняемые им. Как сжечь первые, не сжигая одновременно вторых? Может быть, следовало удовлетвориться вычеркиванием сеньеральных актов, строчку за строчкой, вместо того, чтобы сжигать их? ¹. Возникал ряд затруднений, которых Конвент не предусмотрел и о которых он нисколько не заботился. Еще до истечения назначенного им трехмесячного срока Законодательный Комитет предлагает ему отсрочить сжигание документов еще на шесть месяцев. 2 октября Конвент в ответ на это предложение переходит к порядку дня. Но 8 плювиоза II года (27 января 1794) он соглашается отложить применение закона: документы, переданные муниципалитетам для сжигания, должны сохраняться там до нового распоряжения ². Он уничтожает только чисто феодальные документы. Но кредиторы поземельных рент, смешанных с ценом или другими сеньеральными правами, оказываются ограбленными. В третий раз он подтверждает свои законы пояснительным декретом от 29 флореаля II года (18 мая 1794): сохраняются только договорные ренты, созданные с самого начала без примеси и без признаков феодализма; Собрание снова подтверждает, что все ренты, «запятнанные хотя бы малейшими следами феодализма», отменяются без вознаграждения ³. Эта же система, с незначительными изменениями в деталях, затем сохраняется и во времена Директории и Консульства. Итак, сеньеральный режим уничтожен до терминологии включительно. Всякие сеньеральные термины изгнаны из нотариальных актов ⁴; всякие ходатайства относительно сеньеральных прав прекращаются ⁵; все сеньеральные документы должны исчезнуть. В конце концов торжествует та система массовой и безвозмездной ликвидации, которую Учредительное Собрание

ценза это лишь документ на право собственности; а ведь такой документ необходим. Может ли закон, не нарушая основ справедливости, требовать, чтобы я предал огню единственный предмет, удостоверяющий, что данная собственность действительно принадлежит мне?»—Национальный комиссар дистрикта Эрне (Майен) доносит в ван-дербере II года о затруднениях, которые встают в связи с применением закона 17 июля.—Дело национального комиссара Лепарра: он запрашивает, является ли преступлением предъявление суду документа, устанавливающего одновременно право сеньеральное и право поземельное. Законодательный Комитет отвечает министру юстиции 21 жерминаля II года: «Когда размышляешь по поводу законов 17 июля, 2 октября 93 и 8 плювиоза II года, то не находишь никаких оправданий статье закона 17 июля, касающейся предъявления документов, подлежащих сожжению, и даже уже переданных муниципалитетам».

¹ Arch. nat., DIII, 359. Генеральный прокурор синдик Изера, 17 сентября 1793 г.—Генеральный прокурор синдик Аллье Законодательному Комитету, 10 сентября.—Нотариусы Гапа (4 сент. 1793 г.) Конвенту.

² Декрет 8 плювиоза II года, ст. 3.

³ Декрет 29 флореаля II года. Duverg. VII, 216.—Постановление Законод. Комитета от 29 флор. III года и критика Мерлана, Répert., VIII, 96.

⁴ Декрет от 8 плювиоза II года, ст. 4, видоизмененная 11 мессидора II года.

⁵ Декрет от 9 брюмера II года (30 окт. 1793 г.).

зачло несправедливой и немедленно отклонило. Государство упраздняет права многих частных лиц, но оно уничтожает также и свои права; оно приносит в дар все, что ему следует как владельцу королевских церковных домов. Это не значит, что Конвент дешево расценивает права государства; но он считает, что если у государства имеются материальные интересы, которые оно должно ревниво оберегать, то у него имеются также и нравственные интересы, которым оно должно подчинять все остальные: освободить личность путем освобождения собственности и сделать из собственников защитников революции, расточающей им свои благодеяния. Таково высшее правило, которому он следует.

II. Конвент применяет свой метод обобщения и к общинным имуществам. «Все общинные земли в целом,—говорит он в своем декрете от 10 июня 1793 года,—известные во всей республике под различными названиями пустошей и пустошей, ланд и т. д., по самой своей природе принадлежат той общине, на территории которой они расположены» ¹. Общины могут требовать их возвращения, и для отказа в этом требовании одного непрерывного сорокалетнего владения уже недостаточно для сеньера; необходимо, чтобы бывший сеньер представил подлинный акт, исходящий не от феодальной власти и свидетельствующий о том, что он законным порядком купил эти земли ². Но сколько сеньеров сможет представить акты, которые бы не исходили от феодальной власти и в которых юристы не отыскивали бы следов феодализма? Конвент, в сущности, щадит только таких владельцев общинных имуществ, которые приобрели их не в силу добровольной продажи, дарения, наследования по закону или по завещанию, но в силу принудительной продажи и в уплату причитающегося им с общин долга или благодаря разделу в течение сорока лет, предшествовавших 4 августа 1789 года ³. Что касается тех, у кого срок владения не достиг к 4 августа 1789 года сорока лет, то им придется для сохранения прав на имущество представить надежный документ о законности владения и доказать, что они, или прежние его владельцы, распахали и повысили ценность приобретенного ими участка ⁴. Таким образом, этот вопрос об общинных владениях, предмет стольких жалоб, петиций и вождедений, оказался урегулированным в пользу коммун.

III. Крестьянин сделался безвозмездно свободным и абсолютным собственником земли. К этому результату его привело, во-первых, все возраставшее, начиная от Учредительного Собрания и до Конвента, стремление освободить землю, распутать хаос старого поземельного порядка при помощи простых едино-

¹ Декрет от 10—11 июня 1793 г., отдел IV, ст. I. Duvergier, V, 47

² Id., отдел IV, ст. 8.

³ Id., отдел IV, ст. 9.

⁴ Id., отдел IV, ст. 10.

образных по всей территории мер, которые отнюдь не воспроизводили бы пестроты и сложности предшествующих установлений; во-вторых, все более разгорающаяся борьба с земельной аристократией, враждебной революции и заключившей союз с иностранными государствами. Это было глубокое преобразование, которому по его радикальности суждено было остаться отличным только для Франции. Европейские государства, уничтожившие в течение XIX столетия сеньериальный режим, более жестокий и притеснительный, чем во Франции, лишь в слабой степени подражали французской революции. Как могли, в самом деле, государства, в которых господствовала земельная аристократия, где крупные землевладельцы захватили политическую власть, как это было в Пруссии¹ и в России, уничтожить сразу и без компенсаций права помещиков? Реформа в Пруссии¹ и в России предоставила крестьянам полное право собственности и освободила их от повинностей и барщин, только значительно урезав их земельные наделы и сократив количественно их движимую собственность². Крестьяне обнищали, преобретя свободную собственность; помещики же, сперва сопротивлявшиеся реформе, извлекли из нее неожиданные выгоды. Гражданская революция в европейских государствах привела не столько к действительному освобождению крестьян, сколько к усилению могущества крупных земельных собственников, которые с этих пор могли применять на своих землях, увеличившихся отчасти за счет крестьянских, современные промышленные способы обработки. Только во Франции реформа была глубока: она немедленно дала благоприятные для крестьян результаты, потому что вместо выкупа всех помещичьих прав,—как это было впоследствии сделано в европейских государствах и как до того постановило Учредительное Собрание,—Законодательное Собрание и Конвент, понимая, что выкуп шел бы вразрез с их намерениями, уничтожили все права безвозмездно и передали чисто законодательным путем полное и свободное право собственности держателям. Это была наиболее радикальная революция, какую пережила Франция за тысячу лет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УНИЧТОЖЕНИЕ СТАРОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПОРЯДКА: ДРОБЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

Однако недостаточно было освободить земельные владения, надо было также разделить их. Освободив индивидуальную собственность, надо было упразднить корпоративную и раздробить ее.

Этого требовала революция в области поземельных отношений. Иначе мелкие собственники были бы стеснены в своем развитии огромными, составлявшими четверть французской территории, навеки неотчуждаемыми земельными владениями, которые могли увеличиваться, но никак не уменьшаться. Что касается той части сельского населения, у которой не было собственности, то как могла бы она избежать нищеты и голода, если бы не произошло раздела этих земель, которого она так страстно добивалась?¹

Интересы государства еще более настойчиво диктовали проведение этой дополнительной реформы. Прежде всего, ему необходимы были средства. За отсутствием денег государственный аппарат переставал работать. Неужели решиться на «отвратительное банкротство» и погубить национальный кредит? Не лучше ли спасти государство какой бы то ни было ценой, хотя бы за счет существующих корпораций? Затем вставал вопрос и о безопасности самого государства. Ибо упразднить корпорации, не отняв у них источника их силы, означало подвергнуть слабое и лишенное средств к существованию государство опасности со стороны этих могущественнейших организаций.

I

Корпоративная собственность обнимала собой коронные domains, земли духовенства, к которым нужно прибавить земли, принадле-

¹ Handwoerterbuch der Staatswissenschaften, v°. Bauernbefreiung, T II.—В Пруссии крестьяне, овладевшие землей на тяжелых условиях (schlechtes Besitztrecht), должны были давать сеньеру треть или половину своих земель и платить ренту деньгами или зерном.

² Автор, кроме того, совершенно упускает из виду выкупные платежи, предоставленные, например, в России за «реформой» 1861 г. Р е д.

¹ Помимо семи докладов Комитета по изучению нищенства ср Précis de vues générales en faveur de ceux qui n'ont rien pour les mettre sous la sauvegarde de la bienfaisance publique, par Lambert, 1789. Cahier des pauvres, того же автора.—Извлеченный из материалов Сельскохозяйственного Общества доклад сделанный 27 мая 1790 г. герцогом Шаро, Бонсерфом и де ла Ну.—De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers, par Boncerf ADXVIII c t 155.

жавшие больницам, приютам и школам; наконец, «коммуны» сельских обществ.

В отношении первой и третьей категории не представлялось никаких затруднений: земли коронные естественно переходили к государству, занявшему место государя; право собственности на «коммуны» признавалось за жителями, входившими в состав сельских обществ. Но как быть с церковными землями, должны ли они оставаться в руках духовенства или перейти к государству? Это был сложный вопрос, решение которого представляло гораздо больше затруднений и которому суждено было повлечь за собой бесконечные споры и распри.

I. Духовенство было самой богатой корпорацией. Кроме церковных десятин, взимаемых с урожая и достигавших суммы в 130 миллионов ежегодно, оно владело значительной недвижимостью, пахотными землями и лесами, составлявшими пятую часть территории Франции и дававшими доход, по крайней мере, равный доходу с десятин¹. Эти богатства, накопленные веками, были объектом нападков со стороны всех новаторов.

Экономисты, эти революционеры еще до наступления революции, и юристы—исконные враги церковной власти, не перестают освещать в печати несправедливое происхождение имуществ духовенства. В своих брошюрах Гюффруа, Розе, Серван, де Серволь, Антуан Леблан² и им подобные доказывают, что все эти богатства имеют своим источником, с одной стороны, «огромные и безрассудные приношения предков в дар идиотизму ложной морали, совершенно противоположной морали Иисуса Христа...», а с другой—«соблазн, насилие, несправедливость и клеветничество, направленные испокон веков на то, чтобы принудить представителей знатных родов отказаться от большей части своих имуществ в пользу каких-нибудь скряг из духовенства или продать их по низкой цене»³. И на приобретенные таким путем богатства

¹ Это наиболее вероятные приблизительные подсчеты. Ср. Талейрана, А. Р., IX, 398 (у него наблюдается тенденция преуменьшать доходы духовенства: 150 миллионов всего, 90 с земельных владений и 80 с десятин);—Снейес оценивает десятины в 120 миллионов валового дохода, 80 миллионов чистого. Комитет по упразднению десятин оценивает их в 133 миллиона и в 100 миллионов чистого дохода; он полагает, что доход с земельных владений составлял 170 миллионов («Moniteur», IV, 83).—Амело в письме на имя председателя Собрания от 2 сентября 1792 г. говорит, что настоящая цена национальных имуществ еще неизвестна, но что они представляют «может быть, полную ипотеку для 3 миллиардов», уже истраченных или которые предстоит истратить до конца года. Arch. nat. DVI, 58 (lasse 2 bis).

² Cf. Robinet. Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution, t. I, p. 197, где он цитирует эти брошюры: Antoine Leblanc, Le clergé dévoué ou l'iniquité retombant sur elle-même;—Guffroy, Tocsin sur la permanence de la garde nationale et sur l'emploi des biens ecclésiastiques à l'acquit des dettes de la nation, 1789. ³ Rozet. Véritable origine des biens ecclésiastiques, chap. XLV, p. 389, Bibl. nat. Lb³⁹, 3.262. —De Cerfvol, Du droit du souverain sur les biens-fonds du clergé (1770), p. 116. «Монарх, представляющий собою нацию, имеет всегда право требовать для нее и даже отнять у какой-либо политической корпорации те соки, которые неумолимые хищники высасывали из всех ее членов».

духовенство хочет заставить смотреть как на нечто священное, как на божью вотчину, прикосновение к которой является похищением на религию. Оно всегда старалось сохранить в тайне свои истинные доходы. Оно никогда не принимало участия в несении государственных повинностей иначе, как путем смехотворных добровольных приношений, да и те оно уплачивало посредством займов, которые погашал король; как будто оно было нищим, долг которого превышает его средства. Высчитав, сколько церковь не доплатила за последнее столетие, философы и экономисты приходят к заключению, что она была причиной государственного дефицита, и что со стороны государства было бы только справедливо отобрать все ее имения¹; это было бы восстановлением прежнего положения—restitution.

Кроме того, доходы с этих узурпированных богатств уже не идут по назначению, указанному канонами. Бедные, причт, самый культ не получают более своей законной доли. Уже с давних пор духовенство пренебрегает своими обязанностями в отношении призреваемых. Крупный получатель десятин отбирает их у крестьянина и оставляет равнодушным к его страданиям; нищета растет в деревнях, а он ничуть не озабочен этим². Городские больницы находятся в плачевном состоянии: доклад, составленный в 1786 году комиссарами Академии Наук, посетившими Отель-Дьё, главную больницу, раскрывает душераздирающую картину³. Духовенство перекладывает свою обязанность содержать сельские церкви на крестьян, и без того перегруженных королевскими налогами, церковными и сенъериальными поборами. В слишком бедных приходах церковь и дом священника остаются без ремонта. Доходы духовенства не идут даже на достойное содержание всех священников: скромный викарий живет на свои жалкие доходы в такой бедности, которая, правда, оставляет равнодушными епископов и аббатов, живущих на церковные доходы, но зато вызывает вопль сострадания у Вольтера и почти слезы у простонародья⁴.

Наконец, эти имения мертвой руки, направленные не по назначению, бесполезны и даже вредны для общества, благодаря вечной неподвижности, неотчуждаемости, на которую они обречены. Тюрго, Дюпон де Немур и некоторые другие громко

¹ Именно это было сказано Дюпон де Немуром 24 сентября 1789 г. Общая сумма платежей, которое духовенство должно было бы сделать, по его мнению, за последние 84 года, составляет 394.040.591 ливр.

² Дворянство Люневилля, А. Р., IV, 86, art. 21: «Принимая во внимание, что мы, к сожалению, имели случай убедиться за время постигшего нас прошлой зимой бедствия в бессердечии некоторых крупных владельцев бенефиций, отказывавших в помощи беднякам, живущим на их землях или на землях, обложенных десятиной, и что эти несчастные получили некоторую поддержку только от приходских священников и светских лиц...»

³ Ср. доклад комиссаров, которым Академией Наук было поручено рассмотрение проекта новой больницы (22 ноября 1786 г.). Robinet, t. I, p. 170.

⁴ Voltaire, Dictionnaire philosophique, II, 303, статья: «Сельский священник».

заявляют об этом. Такова участь всех вкладов на вечность. Полезные вначале, они становятся вскоре, при изменившихся обстоятельствах, бесполезными и даже пагубными. Когда вокруг нас все преобразуется, можно ли смотреть с суеверным уважением на то, что обязано своим существованием и самим смыслом своего бытия очень древним понятиям и исчезнувшим потребностям? И нас вовсе не должны останавливать намерения вкладчиков и интересы известных корпораций. Руководящим принципом является общественная польза. Корпорации существуют только для общества. Мертвые не должны повелевать целую вечность; «если бы все жившие на земле люди имели свои могилы, то пришлось бы сбросить эти бесполезные памятники и перевернуть прах мертвецов, чтобы найти землю для обработки и прокормления живущих»¹.

В 1789 году весь народ думает так же, как экономисты и адвокаты. Повсюду, даже в самых маленьких приходах, он требует погашения государственного долга и увеличения числа мелких собственников, а в качестве средства он предлагает, кроме раздела доменов и общинных владений, продажу в пользу государства церковных земель. Это будет большим счастьем для государства, для деревень, для самого духовенства, которое, избавившись, наконец, от этого бремени морских забот и отдавшись христианскому смирению, значительно поднимет свой авторитет. Это одно из наиболее общих желаний нации². Поэтому уже 6 августа, во время редактирования в Учредительном Собрании декретов 4 августа, Бюзо, а затем 8 августа маркиз де ла Кост и Александр де Ламет требуют отчуждения церковных имуществ в пользу нации³. Однако, с этим пришлось подождать. Сперва попытались спасти кредит, «поставить кредиторов государства под охрану общественного чувства чести», удовлетворить неотложные нужды путем двух частичных займов, которые, однако, не удалось. Денег не было. Пришлось прибегнуть к крайней мере: отчуждению имений духовенства. Но была ли нация собственницей этих имений, имела ли она право их взять? Это-то и нужно было выяснить.

II. При старом порядке духовенство не претендовало на право собственности на церковные имущества; на своих съездах,

повторявшихся каждое пятилетие, в сочинениях своих наиболее авторитетных представителей оно признает за собой только роль администратора и распределителя этих доходов. Его функции заключаются в равномерном распределении дохода с полученных им имуществ на потребности культа, содержание священнослужителей и призрение бедных¹. Эти имущества были даны не в пользу духовенства в целом, как духовной организации, не в пользу составляющих ее членов, но на служение вечному идеалу. Духовенство является только душеприказчиком целого ряда жертвователей, которые его обогатили. Оно играет роль как бы доверенного служителя идеи, вечно осуществляющейся через его посредство.

Но если духовенство не является их собственником, то государство тем менее может им быть. Однако, королевская власть приписывает себе значительные права на церковные имущества, а ее советники логически выводят эти права из юридического определения этой власти. Являясь одновременно представителем политической власти и феодальным сеньером, покровителем и основателем церкви², король, в силу всех этих титулов, постоянно вмешивается в мирскую организацию церкви во Франции. Без его вмешательства не может произойти ни приобретение, ни отчуждение, ни самое управление. Прежде всего король может расширять или ограничивать и даже вовсе отнимать право церкви приобретать имущество, «ибо,—говорит докладчик Ле Вайер де Бутиньи,—государство заинтересовано в том, чтобы церкви не принадлежало слишком много имений в королевстве, чтобы она владела только определенной категорией их и чтобы она приобретала их только определенным путем»³. Затем ему принадлежит высшая власть в администрации церковных имуществ. Ведь он жалует большую часть и наиболее значительные бенефиции королевства или по Болонскому Конкордату, или в качестве учредителя, или в силу регалии, или по случаю какого-либо радостного события—восшествия на престол или принесения присяги. Он может даже, в целях улучшения управления, объединить своей властью бенефиции, являющиеся королевским вкладом, если они не внесены на помин души⁴. Наконец, его согласие требуется каждый раз, когда духовенство желает произвести какое-либо отчуждение имущества, «потому что церковь находится

¹ Тюрго. Статья *Fondation* (*Encyclopédie Daire*, III, 299—309).

² Это пожелание встречается во всех наказах городского третьего сословия, а также в приходских наказах: приход Коломбе (Алясон), Duval, стр. 102: «Духовенство, как белое, так и черное, обладает большим количеством значительных фьефов и реальных и почетных прав, которые не подобают сословию, специально обреченному себя на смирение и нестяжание земных благ; было бы справедливо, чтобы нация отобрала их с тем, чтобы продать и расплатиться сперва с долгами духовенства, а затем и с долгами государства»; Bonnat (Marche) Duval, p. 137, art. 21;—Ville-d'Avray (Versailles), Thénard, p. 16.—Во многих местностях дворянство выражает те же пожелания, что и третье сословие (Auxerre, art. 47. A. P., II, 117;—Montargis, IV, 23;—Gien., III, 404—405).

³ «Journal des Débats», I, 406.

¹ Fleury, *Instit. au droit eccl.*, I, 383. «Эти земли принадлежат церкви и бедным», и нельзя допускать, чтобы владельцы бенефиций отчуждали их с такой легкостью, как они это делают. Докладн. зап. архиепископа Экса от 11 августа 1786 г. Общее собрание духовенства 1785—1786 г. (стр. 966 и сл.).

² Со времени учреждения так наз. «Галликанской» церкви французские короли рассматривали себя как ее учредителей. (Прим. ред.)

³ Le Vayer de Boutigny, *Traité de l'autorité des rois touchant l'administration de l'Eglise* (première édition, Cologne, 1682). Ed. de Londres, 1753. in. 12, p. 380 и все пятое рассуждение второй части. Cf. de Cerfvol (1770: он идет гораздо дальше Ле Вайера, стр. 87, 116 и 121—129.

⁴ Le Vayer, pp. 407 et 408.

под покровительством королей, подобно тому, как малолетний находится под охраной и покровительством своего опекуна»¹. Такова теория XVII века. В XVIII практика заходит еще дальше. По инициативе Машо, король налагает более суровое, чем когда-либо, ограничение на церковные приобретения². Затем, все чаще и чаще, по мере увеличения дефицита, он объединяет бенефиции, переводит в ведение своих экономов очень богатое аббатство, как, например, аббатство Сен-Жермен-де-Пре, и пользуется доходами с них³, упраздняет в 1766 году несколько монашеских орденов, объявленных бесполезными комиссией из монахов, и захватывает управление их имений⁴. Отсюда происходят те громкие жалобы духовенства, которые раздаются на его общих съездах и в его наказах 1789 года. Но финансовые нужды неумолимы. Теоретики становятся смелее; они идут вслед за событиями и стремятся только ускорить их; сознание верховных прав государства соединяется с антицерковными настроениями. И то и другое крепнет и разрастается. Когда читаешь Серволя⁵, чувствуешь, что секуляризация уже осуществилась в области мысли и что при благоприятных обстоятельствах она скоро перейдет в область фактов.

Таким образом, при старом порядке церковные имущества не принадлежат ни духовенству, ни королю. Их настоящим владельцем являются общие учреждения культа и общественного призрения. Как только эти органы будут переданы нации, имущества последуют за ними. Королевская власть никогда не была достаточно сильна, чтобы попытаться произвести эту крупную реформу; но она нанесла, особенно в XVIII веке, значительный удар именам мертвой руки; а то, чего она не смогла сделать, легко совершила, под влиянием философского просвещения и материальной нужды, заместившая ее нация, освобожденная от всяких преград.

¹ Le Vayer, 413.

² Августовский эдикт 1749 г., Isambert, t. XXII, 226 et suiv. Art. 14: «Запрещаем впредь всем людям мертвой руки приобретать, принимать в дар и владеть какими бы то ни было земельными участками, домами, реальными правами... без предварительного получения от нас грамоты на подобное приобретение». Art. 17; «Запрещаем впредь завещать людям мертвой руки имущества, указанные в п. 14».

³ Наказ парижского духовенства (intra muros) 1789 г. именно п. 14, 33 и 34. A. P., V, 264—265.

⁴ Abbé de Pradt, Essai sur la destruction des ordres monastiques, 1845, m. 8°, Bibl. nat., Ld¹⁵1.

⁵ Du droit du souverain sur les biens-fonds du clergé et des moines et de l'usage qu'il peut faire de ces biens pour le bonheur des citoyens, 1770, p. 86: «Неизбежны ссылки на свободную волю вкладчиков; но эта свобода является химерой в глазах тех, кто знает, как велико влияние религии на слабые и предрасположенные к ней умы. Впрочем, надо заметить, что все имущества какого либо государства находятся во власти гражданских законов этого государства; частные лица могут ими только пользоваться и располагать лишь при известных обстоятельствах в своих интересах, в интересах своих потомков и своей родины».

II

Уже в 1789 году эта проблема ставится в Национальном Собрании с большей настойчивостью, чем когда-либо. Влиятельные старые теории, акты королевской власти, право и факты—все естественно приводит к секуляризации церковных имуществ. Но тут духовенство оказывает сопротивление, нация становится смелее, и теоретические рассуждения сменяются открытой борьбой.

Сторонники отчуждения в пользу нации приводят аргументы юридического, исторического и практического характера; некоторые из этих последних, менее солидные или обладающие более внешним правдоподобием, вредили другим и вследствие этого, прения стали грозить затянуться до бесконечности.

Рассмотрим сперва юридические доводы. Повидимому, они представляются им наиболее убедительными. Да иначе и быть не может. Их приводят такие видные адвокаты, как Трейяр, Туре, а ведь Собрание наполовину состоит из судей и юристов. Духовенство не является собственником. Ибо что же такое собственность, как не право пользоваться и распоряжаться? Духовенство может пользоваться, но «его пользование ограничено и видоизменено массой постановлений»; что же касается его права распоряжения, то оно может осуществлять его только в особых случаях, «в силу специального разрешения, с соблюдением очень строгих формальностей». Следовательно, у него нет такой власти, какую имеет каждый собственник в отношении своей вещи¹. Но даже если бы оно являлось собственником, то государство все же имело бы над ним верховные права. Ибо духовенство есть корпорация и, как таковая, существует и обладает имуществом только в силу закона. Корпорация это фикция—только индивид есть реальность. Можно упразднить первую, но нельзя уничтожить вторую. С одной стороны, имеется естественное право, предшествующее гражданскому закону, против которого государство беспомощно; с другой стороны, имеется право, основанное на законе, который государство, создавшее его, всегда вольно упразднить. «По тем же причинам, по которым уничтожение корпорации не есть человекоубийство, отмена права корпорации владеть недвижимостью не будет ограблением»². Итак, нация может законно отнять у церковной корпорации и бытие и имущество.

Затем следуют аргументы исторические. Они наиболее дороги знатокам канонического права, сторонникам прав нации, подобным Талейрану, и именно в настоящее время они представляются наиболее вескими. Церковные имущества были предоставлены не духовенству, не церквям, не отдельным должностным лицам, но

¹ Treilhard, 23 oct. 1789. A. P., IX, 490—491. Парламентские архивы воспроизводят все речи о церковных имуществях, напечатанные по распоряжению Собраний и собранные в ADXVIII с. t. 16—19.

² Thouret, rapp., A. P., IX, 483.

общественным учреждениям в целом: на потребности культа и на содержание его служителей, на призрение бедных. А это все функции общественные. Если государство изъе­млет их из ведения церкви, то оно должно взять и богатства, предназна­ченные для этих целей. Право собственности на церковные иму­щества принадлежит, таким образом, «нации в том смысле, что нация, обязуясь обеспечить функционирование полезных или не­обходимых учреждений, должна дать средства для достойного отправления богослужений, согласно истинному намерению жерт­вователей, даже предписать реализацию вкладов на обществен­ные нужды, если это не представит какого-либо неудобства, а все излишки средств может употребить на иные общепользные цели»¹. «Пусть нация обеспечит каждому должностному лицу приличное существование» и возьмет на себя управление всем остальным, и «все желания жертвователей будут таким образом осуществлены и справедливость будет в полной мере соблюдена»². Это был естественный вывод из канонической теории о происхождении и назначении неотчуждаемых имений мертвой руки. Так ясно сформулированный отенским епископом он должен был иметь ре­шающее влияние³.

Переходим, наконец, к практическим аргументам о тех счастли­вых последствиях, к которым должна привести секуляризация. Церковь, лишенная своих имуществ, вернется к первоначальной чистоте, от которой она никогда не должна бы уклоняться; она преобразуется. Уважение к ней увеличится, и ее нравствен­ный авторитет возрастет. Это лишение явится для нее возро­ждением и спасением. Но одновременно и прежде всего это бу­дет спасением для государства. Необходимость требует отчужде­ния этих имуществ. Нет более высоких интересов, чем интересы нации. Что значат частные интересы ста тысяч индивидов в сравнении с интересами двадцати шести миллионов людей? Все общество переживает возрождение: не будет более этих «анти­общественных» институтов, которые называются корпорациями; страдания бедняков и нищих будут облегчены, земледелие ожи­вится, восстановится государственный кредит. Рядом с этими ве­ликими результатами какое значение могут иметь роскошь и излишки у горсти людей? Само Евангелие против них⁴. К тому же имеются и прецеденты такого рода, по крайней мере, ча­стичные: в случаях крайней нужды король отбирал церковные имения. Разве нация и Собрание обладают меньшей властью⁵?

Большая часть представителей высшего духовенства и неко­торые юристы, вроде Камюса, почтительно относившиеся ко вся­кой мирской собственности, возражали, пользуясь совершенно противоположными аргументами.

Сперва они стараются опровергнуть философские доводы Туре и Трейяра. Зачем различать корпорации и личности? И те и другие существуют и обладают собственностью только в силу закона, по воле общества. Различение Туре было бы справедливо только тогда, если бы право собственности составляло естествен­ное право; но Камюс, воспринявший революционную теорию Руссо и Мирабо, утверждает, что оно представляет собой право обще­ственное. Следовательно, корпорации и отдельные личности явля­ются собственниками на одном и том же основании. Они «при­надлежат в этом отношении к одному и тому же классу, и если бы нация была вправе лишить корпорации их собственности на том основании, что собственность создается законом, то она могла бы в равной степени и по тем же причинам отбирать ее и у от­дельных лиц». Но ведь все согласились охранять права личности (в этом пункте Камюс расходится с Мирабо); следовательно, не­льзя иначе поступить и в отношении корпораций. «Одинаково несправедливо лишать корпорацию права на существование и на собственность без справедливого основания, как и отнимать жизнь или права у личности без справедливых же причин»¹. Камюс уподобляет корпорацию личности с точки зрения права. Другие, как, например, де-Бетизи, епископ Юзеса², проводят дальше это уподобление и настаивают на реальности корпора­ций: духовенство представляет собой такую же реальность, как и нация. Но этот метафизический аргумент, древний, как сам Платон, не мог произвести большого впечатления. Несомненно, однако, что благодаря Камюсу философские рассуждения Туре и Трейяра показали слишком надуманными, противоречащими революционной теории о происхождении индивидуальной собствен­ности и искусно изобретенными для данного момента.

Исторические аргументы Талейрана были много солиднее; они давали больше оснований для полемики с противником. Кто являет­ся собственником церковных имуществ? Не духовенство как корпорация: это признается всеми. Мори, Камюс, де-Монлозье говорят, что собственниками являются отдельные церкви и учре­ждения, на имя которых были сделаны вклады³. У них имеются соответствующие документы, жалованные грамоты: таковы факты. Законами дозволено церквям приобретать, ими санкционированы

¹ Мнение, высказанное Талейраном, Arch. nat., ADXVIII c. t. 16, pièce 20.

² 10 октября 1789 г., А. Р., IX, 398.—Chassé, ibid., 495.

³ Талейран очень содействовал секуляризации церковных имуществ. Cf. Du­gand-Maillane, Hist. apolog. du Comité eccl.

⁴ Мнение Дюпон де Немюра, дек. 1789 г., Arch. nat., ADXVIII c. t. 17.—Thouret, А. Р., IX, 485.—Все их аргументы имеются уже у де Сервюта (1770), стр. 121 и сл.

⁵ Barnave, А. Р., IX, 424, — Garat jeune, ibid., 518; — Мнение Талейрана Arch. nat. ADXVIII c. t. 16, pièce 20, p. 9.

¹ А. Р., IX, 416.—Ср. Мирабо, ibid., 607. Он не делает того различия, которое устанавливает Туре. Собственность есть «имущество, приобретенное на основании законов». Следовательно, нация является собственницей церковных имуществ.

² А. Р., IX, 487. «Всякая корпорация в государстве представляет собой фи­зическое существо, политический индивид».

³ А. Р., IX, 415 и сл.

эти специальные вклады: такова юридическая сторона дела. Действительность и право говорят за то, что необходимо сохранить за ними принадлежащие им в течение тринадцати веков владения. Как можно не считаться с документами, с ясным роцезъявленным жертвователей, наконец, фактом владения, коренящимся в глубине веков? Без сомнения, дарения производились с известным обязательством, а именно—призывать бедных; все ораторы духовенства признают это. Но, по их мнению, имущества эти не были даны для поддержания общего и вечного служения бедным; они давались такой-то церкви, такому-то аббатству, определенному учреждению, обозначенному в документе. В акте дарения «все было индивидуально»¹. Эти ораторы не желают более считаться с задачей, для которой был сделан вклад, и являющейся его конечной целью. Они хотят видеть только пергамент, который и толкуют буквально. Дело в том, что прежняя каноническая теория логически приводила к мысли о необходимости передать их имущество нации; они могут пытаться удержать его, только видоизменяя эту теорию, что они и делают. Они не считаются с ее духом и цепляются только за букву.

Наконец—и это одно из их главных средств борьбы,—они нападают на проект Комитетов с точки зрения последствий, которые он, по их мнению, должен иметь. Духовенство хочет ограбить в пользу спекулянтов, восклицает Мори. И это ограбление будет роковым прецедентом, который узаконит «всякие возмущения народа в пользу аграрного закона»². Даже среди депутатов, допускающих секуляризацию в принципе, некоторые, как Малуэ и Грегуар³, изображают огромные трудности полного отчуждения церковных имуществ: оно причинило бы вред и беднякам и нации и лишило бы сельских священников и деревенских викариев тех нескольких десятин земли, которые необходимы в интересах морального возрождения духовенства. Комитеты утверждают, что высшие государственные интересы должны стоять выше всех других. Но разве надо руководствоваться только принципом полезности? Справедлив этот проект или нет?—вот в чем вопрос⁴. И, по мнению ораторов высшего духовенства, нет сомнения в том, что он нарушает предшествующие договоры, заключенные

¹ Maury, 13 octobre 1789 A. P., IX, 428: «Эти дарения совершались отнюдь не в пользу нации, которая, как и само духовенство, как больницы, общины, является единственным моральным порядком, и даже не для отправления общественного культа. Все имело чисто индивидуальный характер в акте между жертвователем и определенной церковью, получившей дарение». Cf. *Question sur la propriété des biens-fonds ecclésiastiques en France*, Arch. nat., ADXVIII c. t. 16, pièce 11 (164 pp.).

² Maury, цит. место, стр. 429.

³ Malouet, *ibid.*, IX, 434—437.—Грегуар желает, чтобы, в интересах сохранения добрых нравов, в интересах сельского хозяйства, а также бедных приходские священники были наделены землею. См. дальнейшее развитие его идей 11 апреля 1790 г.—«*Moniteur*», IV, 93.

⁴ Камюс: «Эта операция будет полезна для государства; но будет ли она справедлива?»

под охраной прежних законов. Он направлен прямо против справедливости.

После этих продолжительных прений, в которых многие депутаты могли участвовать только путем выступлений в печати, Учредительное Собрание вотирует 2 ноября обращение церковных имуществ в национальные¹. Но даже когда вопрос был в принципе решен, сопротивление не прекратилось, и прения вновь перенеслись на почву могущих быть последствий. Декрет подвергается ложному толкованию. Те, которые сожалеют о церковных имуществах, дают понять, что секуляризация была вотирована огромным большинством в 222 голоса из 914, имеющих право голосовать, только потому, что при обсуждении были неразрывно связаны два пункта. Из них один отдавал имения духовенства нации, а другой предоставлял сельским священникам содержание в 1.200 ливров минимум, не считая квартиры; таким образом, сельские священники, поставленные проектом Комитета перед необходимостью выбора между общими интересами духовенства и их собственными, голосовали за весь декрет целиком². Другие ораторы добавляют еще, что декрет не превращает церковные имущества в собственность нации, но лишь отдает их в ее «распоряжение», т. е. (ловко заключают они) нация не может отчуждать эти имущества, но имеет право только распределять с них доходы³. Иные пытаются ограничить права государства и оставить управление имениями духовенству. Церковники склонны допустить разговоры о том, что нации принадлежит право собственности на эти имущества, с тем условием, чтобы они попрежнему находились в их руках. Наконец, высшее духовенство пускает слух, что Собрание отменит свои декреты, что оно не допустит отчуждения приходских земель,—а все это, конечно, задерживает продажу имуществ⁴. В ответ на это сопротивление, опирающееся на софистические толкования, революционеры энергично заявляют, что надо «стереть самое понятие о духовенстве как о какой-то особой корпорации», а так как «это понятие необходимо должно существовать, пока будут существовать вла-

¹ Duvergier, I, 64.

² Второго ноября 1789 г. церковные имущества переданы в распоряжение нации с обязательством несения расходов по отправлению культа, содержания его служителей и призрения бедных. 568 голосов было за, 346 против при 40 воздержавшихся, т. е. большинство в 222 голоса из 914 участвовавших в голосовании («*Journal des Debats*», tome IV, p. 5).

³ Примечания к декрету 2 ноября 1789 г. Arch. nat., ADXVIII c. t. 17, pièce I. См. примеч. на стр. 4: «Некоторые, голосовавшие за декрет, сказали, что они были бы иного мнения, если бы в предлагаемом проекте было сказано, что право собственности на церковные имущества принадлежит нации». Большое количество брошюр за и против духовенства находится в ADXVIII c. t. 16 et 17.

⁴ Письмо Пломона, приходского священника и мэра Эмери-Аллона, близ Ама (Сомма), 19 января 1791 г. Комитет по церковным делам отвечает, что Национальное Собрание не принимало никакого решения, отменяющего предыдущие декреты, и что эти слухи распространяются врагами государства. Arch. nat., DXIX, 27 (n° 417).

денны, называемые церковными», то надо без колебания взять на себя управление этими имениями¹. Церковный Комитет, желая пощадить обе стороны, останавливается на «среднем плане» и через посредство Ланжюинне объявляет, что разумнее и экономнее оставить управление имуществами в руках духовенства, чем передать его дистриктам². Но такое положение извратило бы самый смысл реформы. Как доверить духовенству выполнение целого ряда мероприятий, которых оно не одобряло? Поэтому, по настоянию Трейяра, который 11 апреля 1790 года воспроизводит свою прежнюю аргументацию³, перевес получает, наконец, необходимое по существу решение вопроса. Самое главное—это осторожно совершить переход, отнестись с уважением к индивидуальным правам, пощадить индивидуальную собственность и узурфрукт владеющих этими правами в настоящий момент; если «право собственности поставить в зависимость не от законов, действовавших в то время, когда оно приобреталось, а от позднейших, а также от положений, принимаемых последующими законодательствами, то это поколеблет самый принцип собственности»⁴. Этой осторожности Собрание и придерживается в своем декрете. Оно объявляет продажу национальных имуществ на 400 миллионов и, в ожидании новых отчуждений, поручает управление церковными имуществами администрации департаментов и дистриктов⁵; затем оно приступает к проведению мероприятий для ликвидации прошлого.

Духовенство продолжает с еще большей горячностью вести кампанию против продажи его имуществ, начатую еще с ноября 1789 года. Целый ряд брошюр с выразительными заглавиями: «Французский народ, ты обманут», «Арестуйте мошенников», сеет тревогу среди сельского населения. Имена мертвой руки—это-де собственность бедных. Их хотят

¹ Мнение, принадлежащее Трейяру (18 декабря 1789 г.), *ibid.*, t. 17, pièce 12, et *motion du même*.

² Rapport du Comité ecclésiastique contenant l'examen de la motion de Treillard, par Lanjuinais, 1790, *ibid.*, t. 17, pièce 14: «Что касается других приводимых вам мотивов в пользу необходимости стереть самое представление о духовенстве, как особой корпорации, будто это представление связано с существованием владений, которые стали бы называться церковными, поддерживали бы надежду на упрочение клерикального режима с его злоупотреблениями и подготовили бы скрытую оппозицию проводимым нами декретам, то ваш Комитет не усмотрел в этих возражениях ничего, кроме софизмов и злоупотребления мыслью и словом». Расходы по управлению поглощали бы значительную долю дохода.

³ ADXVIII c. t. 17, pièce 24.

⁴ Réflexions de M. le marquis de Condorcet sur l'usufruit des bénéficiers, *ibid.*, pièce 7.—Principes et opinion de Dupont de Nemours, *ibid.*, pièce 16, in fine.

⁵ Отчуждение на 400 миллионов национальных имуществ (домениальных и церковных), декрет 19 декабря 1789 г., ст. 10 (Duvergier I, 86); декрет 17 марта 1790 г. (*ibid.*, 144), декрет 14 мая 1790 г. (*ibid.*, 201).—Управление церковными имуществами «поручено администрации департамента и дистрикта и их директорам», 14 и 20 апреля 1790 г., ст. 1 (*ibid.*, p. 178).—Относительно управления национальными имуществами ср. речь Талейрана от 13 июня 1790 г., «Moniteur» IV, 623.

отдать капиталистам, спекулянтам. Что будет тогда с несчастными? Никто больше не придет к ним на помощь. «Французская революция наносит гораздо больший вред самому бедному классу общества, чем классу богачей и собственников». Один депутат, представитель духовенства от Эльзаса, говорит населению этой провинции: «Благодаря продаже церковных имуществ вы будете доведенны до нищенского состояния; евреи приобретут имения, которые вы обрабатываете»¹. Духовенство заранее вносит тревогу в среду покупателей национальных доманов; оно внушает крестьянину, арендатору, бедняку, какое ограбление грозит ему, какой бешеный ажиотаж тут разыграется, как будут скупать земли с целью наживы отчасти евреи, главным образом—богачи; оно вызывает опасение у людей боязливых относительно того, насколько обеспечено законом приобретение таких имуществ. В то же время оно возбуждает общественное мнение в пользу поддержания привилегий католической апостольской и римской религии; оно осложняет вопрос о церковных имуществами вопросом о единстве государственного культа. Но все это противодействие оказывается тщетным.

III

Таким образом, корпоративная собственность была упразднена в принципе. Учредительное Собрание уничтожило главные корпоративные доманы: имения духовенства, епархиальных семинарий, коронные и удельные. Оставались земли фабричные и имения учреждений, основанных в пределах приходских церквей², школ и других учебных заведений, приютов, больниц и богаделен. Мало-по-малу с 1792 по 1793 год все эти имущества объявляются национальными. Революционеры хотят всюду уничтожить корпоративную собственность. Законодательное Собрание и Конвент отнимают имения средних школ³, а Конвент, заменяя больницы общественной помощью на дому, издает декрет о продаже имуществ приютов и больниц⁴. Наконец, еще в период деятельности

¹ Требования белого и черного духовенства сенешальства Велз (от 3 декабря 1789 г.) *Bibl. nat.* Lb⁹⁹ 2617.—Peuple français, vous êtes trompé, Lb⁹⁹ 2911, p. p. 15—16, 21—23.—«Moniteur», folio: t. II, 418, речь епископа из Наяси: «Вот в чем вся сущность предлагаемой вам системы: разорить, как можно скорее, галликавскую церковь, чтобы обогатить капиталистов и спекулянтов»; — *ibid.*, t. II, 534, 566; — *ibid.*, t. II, 1206 — 1207 (17 окт. 1790 г.). Духовенство Эльзаса внушает мысль, что на его имущества не распространяется действие декрета от 2 ноября 1789 г.—Ср. декрет от 17 окт. 1790 г.

² Декрет от 28 октября 1790 г., ст. 1. (Duvergier I, 487). Однако, Комитет по вопросу о нищенстве считал необходимой продажу больниц: «Это отчуждение связано с общей системой Конституции»; третий доклад 10—14. ADXVIII c. 153.

³ Декрет от 18 августа 1792 г., ст. II; декрет 8 и 10 марта 1793 г.

⁴ Декреты 19 марта 1793 г., ст. 5; — 28 июля 1793 г.; — 29 флореаля II г. Но 9 фрюктидора III года (26 августа 1795) продажа имуществ богаделен отсрочена; — 24 жерминаля IV года (17 апреля 1796 г.) ст. 5, декреты приостановлены; наконец, 16 вандемьера V г. (7 окт. 1795), ст. 5—богадельням возвращают все их земли и rents.

Законсательного Собрания, и в особенности Конвента, большое количество индивидуальных имуществ вливается в массу национальных: это имущества врагов революционной Франции, эмигрантов и осужденных за политические преступления.

В 1790 году республика располагала уже значительной частью французских земельных владений, ценность которых достигала трех миллиардов ливров¹. Каким путем произвести отчуждение этих имуществ?

I. Нация ставила себе две главных задачи: упорядочение финансов с целью поднятия государственного кредита и «благодетельное увеличение числа земельных собственников, особенно среди деревенских жителей»². Декрет 14 мая, изданный по докладу д'Ажье³ от имени Комитета Отчуждений, вполне отвечает этой двойной цели. Он особенно благоприятен для покупателей сельских угодий (пахотных земель, лугов, виноградников) прежде всего тем, что предписывает дробление участков: необходимо, гласит декрет, насколько возможно, делить крупные владения и предпочитать продажу мелкими участками всякий раз, как за них в общем будет предлагаться сумма, равная сумме, предложенной за все имение целиком⁴. Кроме того, декретом предоставлены разные льготы по выплате за покупку земли: достаточно выплатить в первые две недели после аукциона 12 % ее стоимости; приобретающему предоставляется двадцатилетний срок для выплаты остальной суммы путем ежегодных взносов⁵. «Всякий земледелец, который пожелает приобрести маленькую собственность, сможет осуществить это желание при помощи небольшой ссуды, которую ему легко будет получить, если он известен в своей округе, как честный человек; затем он должен расплатиться в течение нескольких лет за свою покупку из дохода с урожая и от вложенного в землю его труда»⁶. С другой стороны, система продажи с торгов и льготы, предоставляемые покупателям, могут только увеличить их число и поднять цену на землю и тем самым пополнить кассу чрезвычайных расходов. Отдельные лица и государство получают одинаковую выгоду от этого закона.

Но не следует ли оставить часть национальных имуществ для бедных? Это предложение поступает от де-Сернона, от Ларошфуко-

Лианкура¹. Этого требовал Бонсерф в 1789 году; это было желанием королевского общества земледелия, изложенным в докладе от 27 мая 1790 года герцогом Дешаро, Бонсерфом и Де-ла-Ну. «Первыми кредиторами нации являются руки, требующие работы, и земля, которая ждет рук»². «Забота о пропитании бедняка представляется для государства не менее важной, чем забота о сохранении собственности богача»³. Необходимо, чтобы бедняк стал собственником, надо уничтожить нищенство, дать работу всем безработным чернорабочим; недопустимо, «чтобы на территории империи трудолюбивый и полезный человек был неуверен в своем существовании»⁴. «Поэтому, в целях разумной политики, следовало бы раздать бесплатно, по указанию департаментов, часть пустошей и болотистых земель честным бедным семьям и даже помочь им устроиться там, снабдив припасами на целый год и содействуя возведению необходимых для жилья построек»⁵. Надо создать мелкие фермы и способствовать росту числа земледельцев-собственников; мелкие хозяйства должны существовать наряду с крупными; «в природе ведь наряду с дубом имеются и кустарники и другие мелкие растения»⁶. И Комитетом по борьбе с нищенством, и сельскохозяйственным обществом руководили филантропические чувства; но, вместе с тем, также и сознание того, что оставлять долее без работы массы рабочих, собравшихся в больших городах, было бы опасно.

Но Национальное Собрание, считая, что общество обязано предоставить беднякам скорее работу, чем землю, не следует этим предупреждениям и желаниям. Оно полагает, что достаточно сделало для сельского населения. И, без сомнения, оно было бы достойно только похвалы, если бы оно осталось верно своему декрету 14 мая. Но система, благоприятная для «благодетельного роста числа мелких собственников», просуществовала недолго.

II. Два больших идейных течения вступают в борьбу между собой: с одной стороны, филантропические чувства, вызванные

¹ Предложение Ларошфуко, «Moniteur», IV, 623. — Четвертый доклад Комитета по борьбе с нищенством, представленный Ларошфуко (июль 1790 г.), А. Р., XXVIII, 440: «Национальное Собрание... имеет возможность нанести сильный удар нищете путем увеличения числа земельных собственников... От пятнадцати до двадцати миллионов арпанов, находящихся в числе национальных имуществ, гибнут без пользы, представляя собой либо бесплодные ланды, либо тонкие болота. Если бы для обработки этих земель привлекались неимущие и в уплату за часть положенного труда получали известную долю мелиорированных ими земель, они были бы навсегда обеспечены от нищеты...».

² B o n c e r f, De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers, 1789, réimpr. 1790, ADXVIII c. t. 155 (pièce 15).

³ Извлечение из протоколов сельскохозяйственного общества. Доклад, представленный 27 мая 1790 г. герцогом Дешаро, Бонсерфом и Де-ла-Ну. Ibid., pièce 8.

⁴ Наказ бедняков (Cahiers des pauvres) de Lambert, inspect. des apprentis des maisons de l'Hôpital général, p. 4. ADXVIII c. t. 155.

⁵ B o n c e r f, De la nécessité..., p. 32.

⁶ Доклад 27 мая 1790 г. в сельскохозяйственном обществе, стр. 5, 6, 8.

¹ Cf. Amelot, Arch. nat., DVI, 58, цит. выше.

² Декрет 14—17 мая 1790 г. Мотивировка декрета.

³ Доклад Делла д'Ажье, ADXVIII c. t. 18.

⁴ Декрет от 14 мая, раздел III, ст. 6. — Инструкция от 12—20 августа 1790 г., гл. V, 3: «Необходимо всемерно рекомендовать директориям облегчать приобретение мелких участков, и, в виду того, что это является одной из главных целей всей операции, все меры должны быть направлены на ее осуществление...» (Duvergier, I, 351).

⁵ Ibid., раздел III, ст. 5. Покупщики мельниц, заводов платят в течение двух недель после аукциона 30 %; покупщики домов — 20 %; сельских земельных участков — 12 %.

⁶ Ларошфуко. Доклад от имени Комитета Отчуждений, ADXVIII c. t. 18.

в душе таких добросердечных людей и общественных деятелей, как Ларошфуко-Ланкур, обнищанием деревни, нищенством и голодом; с другой стороны, неотвязная мысль финансистов, которые видят только нужды фиска и интересы государственного казначейства, и суровые принципы физикратов, которые, во имя новой науки о богатстве народов, провозглашают, что крупные имения производительнее мелких и что крайнее дробление земель было бы опасно для общества.

Уже с июня 1790 года некоторые депутаты высказываются за пересмотр декрета 14 мая и предлагают назначить более короткие сроки для распродажи за приобретаемую землю. Ларошфуко, этот чувствительный филантроп, протестует против таких изменений: «Сохраните для наименее обеспеченных граждан»,—говорит он своим коллегам, «предложенную вами возможность стать собственниками и не жертвуйте этим крупным политическим соображением перед соблазном собрать несколько ранее плату за эти имущества»¹. Декрет от 25, 26, 29 июня и 9 июля оставляет без изменения декрет 14 мая. Но предложения, стремящиеся изменить его, умножаются и в Собрании, и в клубах. В Обществе друзей конституции де-Польверель говорит, что «нация, у которой два миллиарда долгу и у которой для его погашения нет другого средства как продажа ее имущества», не в состоянии «предоставить покупающим эти имущества пятнадцатилетний срок для уплаты их стоимости»². В Национальном Собрании Пентевиль-Сернон отстаивает мнение, что укрепление финансов, о котором совсем не говорят, является важнейшим вопросом; что «крупный недостаток этой операции заключается в том, что упорядочение финансов рассматривалось, как ее следствие, как простой результат, между тем как оно должно считаться ее принципом, и в особенности, средством»³. Другие предлагают предоставить долговым обязательствам государства или ассигнатам преимущества перед деньгами. Ларошфуко опять поддерживает интересы мелких собственников. 10 сентября, от имени Комитета Отчуждений, он отклоняет привилегию, которую некоторые хотели бы предоставить государственным кредиторам; он ссылается на то, что она «была бы невыгодна для деревенских жителей, которых Собрание хочет и должно поддержать в их стремлении стать собственниками, ме-

жду тем, им бы стоило большого труда понять, почему их деньги ниже их номинальной стоимости»¹. По его мнению, в противоположность приведенному выше взгляду Пентевиль-Сернона, отчуждение национальных имуществ имеет главной целью не погашение долга, но раздел земли между возможно большим числом собственников. «Чем быстрее произойдет эта распродажа,—говорит он членам Собрания,—тем скорее, без сомнения, даст себя чувствовать облегчение; но как бы настоятелен ни был этот мотив, вы не должны пожертвовать для него другими»². Он бы охотно остался на почве майского декрета. Но он принужден считаться с происшедшей за последние месяцы переменой во взглядах. Предложения, которые он вносит от имени Комитетов финансов и отчуждений, не соответствуют его желаниям и не вполне гармонируют с изложенными им общими соображениями. Льгота по платежам, заключающаяся в рассрочке на двенадцать лет, будет предоставлена только тем, кто приобретает участок до 15 мая 1791 года; последующие покупатели должны будут выплатить полную стоимость в четыре с половиной года, а в течение первого года две пятых ее. Во избежание полной реакции, Комитеты предлагают компромисс. Собрание не вполне удовлетворено; оно готово пойти назад еще дальше³. Декрет, который оно издает 3 ноября 1790 года, совершенно изменяет все условия продажи. Дроблением имений он уже не благосклонен: «Под отдельной долей, подлежащей исчислению или оценке, подразумевается вся совокупность предметов, составляющих ферму или хутор или эксплуатиремых одним лицом»⁴, каковы бы ни были размеры фермы или

¹ Доклад 10 сент. 1790 г., стр. 11. ADXVIII c. t. 18.

² Доклад от имени Комитетов—финансового и отчуждений—в ноябре 1790 г. ADXVIII c. t. 18, pièce 32, page 4. «Продажа национальных имуществ необходима для освобождения государства от огромного долга, под бременем которого оно стонет; но даже если бы вам не требовалось расплатиться с долгами, вы бы все-таки постановили отчуждение этих домов, потому что раздел их на отдельные имения сделает их более доходными, и потому, что эта полезная операция превратит многих граждан в собственников».

³ 1. Собрание устанавливает различие, которого не делает Ларошфуко, между сельскими имуществами (срок в четыре с половиной года) и остальными (два года и десять месяцев). 2. Оно не дробит крупные имения, как этого требовал Ларошфуко.

⁴ Декрет 3—17 ноября 1790 г., ст. 14. Ст. 14 декрета касается исчисления или оценки продажной доли. Ст. 19 оставляет в силе ст. 6 декрета 14 мая: «В продажу с аукциона пускаются одновременно и целое имение, и части его, входящие в состав оцененного целого; и если в момент окончания аукциона общая сумма, назначенная за части имения, будет равна сумме за всю массу его, то имения будут предпочтительно присуждаться покупателям по частям». Казалось бы, что 3 ноября имеется та же тенденция, что и 14 мая 1790 г., к благоприятствованию дробления национальных имуществ. Но в декрете от 14 мая не содержится ничего, подобного ст. 14 декрета 3 ноября; кроме того (и это особенно важно), необходимо выяснить, как следует понимать и согласовать эти две статьи; вот это-то и объясняет само Собрание в объемистом декрете в форме инструкции от 3—10 июля 1791 г. (Duverg., III, 86 et 87), проливающим свет на все это столь сложное законодательство. «Примущество, предоставленное покупателям отдельных частей, не дает им права злоупотреблять благотейниями или на них

¹ Цит. доклад.—Ср. речь Талейрана. Распродажа национальных имуществ имеет главной целью освобождение государства. «Имущество должника принадлежит его кредиторам: кредиторы имеют право при распродаже национальных имуществ требовать известную часть их стоимости, пропорциональную данной взаимной сумме». Таким образом, деревни будут заселены богатыми земледельцами.—Талейран не говорит об увеличении числа мелких собственников («Monit.», IV, 623).

² Мнение де-Польвереля, высказанное им 25 июня 1790 г. La Société des Jacobins (recueil de documents par Aulard, 1899, in—8), Aulard, t. I, p. 171.—Он говорит о пятнадцатилетнем сроке; это преувеличение—декретом предоставлялся двенадцатилетний срок.

³ Observations sur la vente des biens nationaux, par Pinteville-Cernon. AD XVIII c. t. 18, pièce 26.

хутора; и это правило подлежит «общему неуклонному и точному исполнению». При распродаже земли по частям, участники аукциона распределяли между собой предметы и цену, назначая одним ценные части имения за умеренную плату, а несостоятельным—предметы, не имеющие ценности, по преувеличенной стоимости. Государство старается устранить этих мелких покупателей и отдать предпочтение покупателю всего имения в целом. Кроме того, этот декрет уже не представляет тех льгот по платежу, которые были установлены декретом 14 мая. За сельские угодья теперь надо выплатить полностью уже не в течение двенадцати лет, а в четыре с половиной года, и покупатель должен выплатить в течение месяца после приобретения вместо 12 % — 20 % стоимости участка¹. По остальным категориям имуществ вся сумма должна быть внесена в два года и десять месяцев². Благоприятными условиями прежнего декрета можно пользоваться только до 15 мая 1791 года³. Таким образом система совершенно преобразована. Пока еще стараются замаскировать, как только возможно, такую радикальную перемену: Национальное Собрание все еще воспроизводит мотивы декрета 14 мая; оно объявляет, что «постоянно озабочено желанием увеличить число собственников»; в своей инструкции от 3 июля 1791 года оно осмеливается даже сказать, что «не переставало стремиться» к этой цели «во всех своих распоряжениях»⁴. Оно действительно издало декрет 9 июля 1790 года⁵ и, кроме того, декрет 2 сентября 1792 года⁶ о том, что сельские имущества должны дробиться на мелкие доли, поскольку это допускается природой самих предметов; но это простой совет административным органам, который не может стать выше «общего, настоящего и точного предписания» о нераздельности ферм, хуторов, как бы велики они ни были. Точно так же, как и при ликвидации сенъериальных прав, провозглашаются прекрасные принципы, которые исчезают, когда их начинают развивать в деталях.

Филантропические чувства уступили место фискальным соображениям и физиократической доктрине. Но каковы будут последствия нового декрета? Мелкие земледельцы могут приобретать земли на льготных условиях только до 15 мая 1791 года,

право получить предпочтение перед покупателями целой доли на вполне равных основаниях (за ту же цену); это делается в целях повышения предлагаемой суммы и для обеспечения платежей».—«Присуждение во всяком случае является необходимо единым, нераздельным; покупатели по частям все в совокупности имеют общий документ...». Впрочем, надо прочесть всю эту инструкцию. На мой взгляд, из нее следует, что дроблению не оказывается такой поддержки, как об этом заявляет Собрание в начале § II.

¹ Ibid., art. 3.

² Ibid., art. 4.

³ Ibid., art. 2.

⁴ Декрет 3—10 июля 1791 г., § II.—Проект инструкции был представлен от имени Комитета отчуждений Бутвием. ADXVIII c. t. 19, рiсе 13.

⁵ Декрет 9—25 июля 1791 г., ст. 6. Duverg., I, 275.

⁶ Декрет 2—6 сент. 1792 г., ст. 11.

а предупреждены об этом они были только в ноябре 1790 г. Достаточно ли этих шести месяцев, чтобы они могли стать собственниками? ¹. Никким образом. Прежде всего, многие департаменты и дистрикты были организованы довольно поздно, так что продажа имуществ началась только в конце 1790 или в начале 1791 года². Затем в первый момент, когда капиталисты в пылу жадности набросились на бюро по распродаже земли с публичных торгов, как могли крестьяне, особенно в окрестностях городов, вести индивидуальную борьбу против этих богачей? Однако, первый закон Собрания они еще могли широко использовать.—Но уже с мая 1791 года мелкие земледельцы встречают для себя всюду только неблагоприятные условия. Они бы хотели приобрести небольшой участок; им нужен довольно продолжительный срок для взноса всей суммы. Каким же образом удастся им выдержать конкуренцию с крупными капиталистами, которые могут купить сразу целую ферму и уплатить наличными или в течение первого года почти треть ее стоимости и совершенно освободиться от долга в четыре с половиной года? ³. Если крестьянин желает участвовать в торгах ради нескольких арпанов, он очень часто наталкивается на целую ферму, которую больше не желают делить. В дальнейшем мы увидим, как путем объединений и товариществ они сумели обойти трудности, которые создавало для них законодательство. Лишь вначале наблюдалось дробление имений, но, уже начиная с 1791 года, их продают часто крупными массами лицам, которые обязуются расплатиться в короткий срок и быстро наполнить государственную кассу. Но извлекло ли государство из этой новой системы все выгоды, которые оно от нее ожидало? Очевидно, нет, ибо появились разные злоупотребления: то несостоятельные люди предложат купить участок по цене, не соответствующей истинной его стоимости, а затем не платят, то спекулянты скупят самые крупные участки, чтобы затем раздробить их и перепродать по относительно высокой цене⁴. В обоих случаях это было ущербом для кассы чрезвычайных расходов.

¹ Ларошфуко ошибался, когда говорил в своем ноябрьском докладе: «Одного года будет достаточно для проведения большого числа покупных операций».

² Arch. nat., Q² 193. Départements des Landes.—В Лане продажа началась в январе 1791 г. (Лучинский, цит. соч., стр. 82, фр. изд.).

³ Я говорю здесь только о сельских земельных имуществях. В течение первого года требовалось уплатить $\frac{2}{10} + \frac{1}{10} = \frac{3}{10}$ всей суммы и в четыре с половиной года окончательно освободиться от платежей.

⁴ Ларошфуко говорил в своем июньском докладе в 1790 г.: «Льготы, которые вы предоставите, увеличат число покупателей, будут содействовать повышению цен на национальные имущества, а те, кому вы в деревнях будете продавать мелкими участками, поторопятся расплатиться и чаще будут досрочно ликвидировать свои обязательства, чем крупные капиталисты; последние, участвуя своими капиталами в иных спекуляциях, будут всегда так устраниваться, чтобы капиталы эти освобождались только к назначенным срокам расплаты за купленную землю». Но его не послушали.—Относительно неоплатных должников см. декрет от 3 июля 1791 г., § I.

III. Между тем, раздаются все более и более резкие жалобы со стороны мелких земледельцев, батраков, поденщиков, сельских ремесленников и других полунищих. Они также требуют себе доли из этой огромной массы земель, выброшенной разом на рынок, из которой Собрание не пожелало им ничего уделить. В окрестностях Парижа, где много безработных рабочих и ремесленников, где жажда обладания землей сильнее, может быть, чем где бы то ни было, крестьяне требуют раздела в их пользу доменов короны и коммунальных земель. Собрание пыгается успокоить их. 12 августа 1790 года оно предлагает администрации департаментов внести законодательные предположения о самом справедливом способе распределения, продажи или раздачи в аренду коммунальных имуществ, ибо как раз в этот момент оно стремится «увеличить количество мелких ферм и облегчить дробление крупных владений»¹. Но тщетно бедняки ждали этих законов. Многие муниципалитеты в окрестностях Парижа устраивают специальные собрания и требуют земли для бедных². Наконец, Законодательное Собрание, действующее радикальное Учредительное, издает 14 августа 1792 года декрет об обязательном распределении общинных угодий между всеми жителями каждой общины³; но способ раздела декретом не установлен, и даже комитет сельского хозяйства, которому поручена эта работа, «считает, что раздел может совершиться только в отдаленном будущем». Вначале и Конвент постановляет, что пока «обрабатываемые общинные земли будут обрабатываться и засеваться, как прежде»⁴. 10 июня 1793 года он, наконец, издает декрет о фактативном разделе; последний должен производиться по числу жителей всех возрастов обоих полов, поселившихся в общине за год до обнародования декрета 14 августа 1792 года; на ту долю общинной земли, которая досталась каждому гражданину, не может быть наложен арест за долги частного характера в течение десяти лет⁵. Конвент, повидимому, хочет считаться с противоположными желаниями, выраженными по этому вопросу в наказах Генеральным Штатам 1789 года и заключающимися в том, чтобы каждая община получила право производить или не производить раздела, в зависимости от своих соображений и экономических потребностей. Вслед за общинными землями наступила очередь имений эмигрантов. 14 августа 1792 года, в тот самый день, когда Законодательное Собрание издает декрет о разделе общинных угодий, оно вместе с тем

¹ Декрет от 12 августа 1790 г., гл. VI.—Доклад Эрто-Ламервиля 29 августа 1790 г., A. P. XXVIII, 411: «Общинные угодья обречены на бесплодие или, по крайней мере, на очень слабую урожайность. В обязанности Национального Собрания входит забота обо всем, что может содействовать увеличению количества предметов продовольствия».

² Minzès, Die Nationalgüterveräußerung., стр. 70—72.

³ Декрет от 14 августа 1792 г., Duvergier, IV, 361.

⁴ Декрет 11—13 окт. 1792 г., Duvergier, V, 25.

⁵ Декрет 10 июня 1793 г., отдел II и III.

постановляет, что, «в видах увеличения числа мелких собственников», эмигрантские земли «будут разделены на мелкие участки в 2, 3, 4 десятины, не более, и переданы с торгов в частное владение на основе договора о денежной ренте»¹. Правда, «те, которые смогут уплатить всю сумму наличностью, получат земли, сколько пожелают»: государство оказывает им предпочтение. Между тем, крестьяне и бедняки, уставшие ждать понапрасну благоприятных новых законов, восстают и захватным порядком овладевают теми невозделанными землями, которые им обещали, но не дают. В нескольких общинах версальского дистрикта волнения принимают серьезный характер². Конвент пытается успокоить эти движения. 3 июня 1793 года он постановляет, что «в общинах, где не окажется общинных земель, подлежащих разделу, и где окажутся имения, принадлежащие эмигрантам, от этих имений будет отрезана часть, достаточная для наделения по одному арпану главы каждой семьи, у которой не имеется земельной собственности этого размера, на основе уплаты ренты»³. Но это только обещание. 13 сентября Конвент берет его обратно. Он постановляет, что «не имеющие собственности главы семьи, не зачисленные в налоговые списки и живущие в общинах, где нет общинных земель, получают право покупать в пределах до пятисот ливров каждый эмигрантские имения, с уплатой в течение двадцати лет равными взносами и без процентов»⁴. Защитники отечества «смогут приобретать в пределах суммы, поставленной в свидетельстве о награде, которое будет им выдаваться по числу проделанных ими кампаний»⁵. Это уже не отдача земель в наем; уже нет речи о договоре за ренту, это простая покупка за деньги. Затем Конвент видоизменяет знаменитый декрет 3 ноября 1790 года. Он декретирует 22 ноября 1793 года, что даже цельные фермы будут дробиться, если они поддаются делению⁶; но он попрежнему сохраняет условия расплаты, неблагоприятные для мелких земледельцев. Он не распространяет на все национальные имущества правила, установленные им в отношении эмигрантских имений.

До некоторой степени народ, казалось, получил удовлетворение. В некоторых общинах, именно на Севере, производился раздел общинных земель. Защитникам отечества была предоставлена часть эмигрантских имений, безземельным в неимущих общинах была дана возможность приобрести клочок земли. Между тем, богатые капиталисты и спекулянты приобретали за умеренную цену значительные владения. Народ требовал себе большего. 22 фрюктидора II года (8 сентября 1794 г.) Фейо, депутат Вандеи, всту-

¹ Декрет 14 августа 1792 г., Duvergier, IV, 361.

² Minzès, pp. 77 et suiv.

³ Декрет от 3 июня 1793 г., отд. VI, ст. 2, Duvergier, VI, 53.

⁴ Декрет от 13 сент. 1793 г., ст. 2, Duverg., VI, 206.

⁵ Ibid. ст. 5.

⁶ Декрет 2 фримера II года (22 ноября 1793 г. Duvergier, VI, 369.

пается за интересы бедняков; он требует отмены губительного для них законодательства. «Учредительное Собрание», говорит он, «могло провозгласить и не осуществить свободу и создать законы, выгодные лишь отдельным лицам, друзьям конституции 1789 года; но Национальный Конвент... может работать только на благо всех: я хочу сказать—большинства»¹. Несчастные не извлекли из отчуждения национальных имуществ никакого облегчения своей нищеты. Одни только собственники, капиталисты получили от него выгоды. Виною этому способ продажи—аукцион, на котором вытесняют «санкюлоты». И он предлагает отменить аукционную продажу и распределить все имущества между бедными, неимущими гражданами или мелкими собственниками, с обязательством ежегодного взноса двадцатой части капитальной стоимости имения, согласно произведенной расценке. Но Лозо, депутат Нижней Шаранты, указывает на опасности, которые возникли бы в результате упразднения торгов². Этот способ продажи, который дает возможность извлекать полностью стоимость национальных имуществ, необходим, так как республике требуются большие суммы для внутреннего укрепления и для борьбы с европейской коалицией. Кроме того, превращение всех граждан в землевладельцев представляет опасность с социальной точки зрения. И он вновь приводит аргументацию, часто приводимую управлением налогами³. «В республике с двадцати-четыре-миллионным населением невозможно, чтобы все были земледельцами»; торговля и промышленность также требуют приложения рук; необходимо разделение труда. Мнение, высказанное Фейо, не имело большого успеха. Правда, 12 прериаля III года (31 мая 1795 г.) торги были упразднены, но взамен их вводилось требование расплаты в трехмесячный срок. Затем торги были скоро восстановлены⁴. Законодательство попрежнему благоприятствует капиталистам. Во времена Директории, под предлогом устранения спекулянтов, бедняки все больше и больше устраняются. Условия покупки изменяются несколько раз, но всегда с той целью, чтобы возможно скорее наполнить государственную кассу: правительство Директории накануне финансового краха. 6 флореаля IV года (25 апреля 1796 г.) требуется уже уплата половины стоимости покупки в течение десяти дней после составления акта о продаже⁵; с 13 термидора IV года (31 июля 1796 г.) надо вносить три четверти в течение первого месяца с момента заключения сделки, а остальное в следующие пятнадцать месяцев⁶. Нако-

¹ ADXVIII c. t. 285, ридсе 11.

² ADXVIII c. t. 285, ридсе 12.

³ Относительно управления налогами см. Minzès, стр. 75—76.

⁴ Декрет 12 прериаля III года, ст. 1: «Каждый гражданин может приобрести без торгов желательное ему и подлежащее продаже национальное имущество через посредство директории дистрикта, в котором оно расположено». Отмена этого распоряжения последовала 19 прериаля III года (7 июня 1795 г.).

⁵ Duverg., IX, 98.

⁶ Декрет 13 термидора IV года, ст. 12 и 5.

нец, с 16 брюмера V года (6 ноября 1796 г.) требуется десятичная часть наличными в звонкой монете, затем—пять десятых, из которых половина через 10 дней и половина через шесть месяцев, а остальные четыре десятых через четыре года¹.

Таким образом, в развитии законодательства следует различать три периода: 1) Период 1790 года, результаты которого продолжаются до 15 мая 1791 г.: происходит дробление на мелкие участки, покупателям сельских угодий предоставляется рассрочка на двенадцать лет. Побеждают филантропические чувства. 2) Период, начинающийся декретом 3 ноября 1790 года и продолжающийся до декрета 22 ноября 1793 г. В это время цельные имения не дробятся и сроки платежей довольно коротки: четыре с половиной года для сельских угодий, два года и десять месяцев для остальных. Фискальные нужды преобладают над желанием увеличить число мелких собственников. 3) Период, начиная с 22 ноября 1793 года, и даже с 1792-го; с момента отчуждения имений эмигрантов, в законодательстве происходит перемена, благоприятная для увеличения числа мелких владельцев: церковные и эмигрантские имения делятся, поскольку это возможно, на мелкие доли. И если в отношении церковных имуществ условия платежа не изменяются, то земледельцам предоставляются очень благоприятные условия для покупки эмигрантских имений; правительству желательно ускорить отчуждение этих земель и увеличить число новых владельцев, чтобы тем воспрепятствовать врагам отечества когда-либо получить их обратно.

Таково было законодательство о национальных имуществax в различные моменты революции. А вот каковы его результаты.

IV

Если бы приведению в жизнь этого законодательства не препятствовали некоторые обстоятельства, если бы была возможность спокойного развития вытекающих из него естественных следствий, то сельское население было бы в состоянии легко приобретать земли только в 1790 и в первой части 1791 года. Затем, в период с 1791 по конец 1793 года оно было бы незаслуженно лишено всех национальных владений, кроме эмигрантских, и только с 1793 г. получило бы опять некоторые шансы на покупку земли. Но крестьяне боролись с препятствиями, которые чинились им законодательством, особенно когда оно становилось явно неблагоприятным для них.

Как только началась распродажа имуществ, т. е. в конце 1790 или в январе 1791 года, после декрета 3 ноября 1790 г., благоприятного для богатых покупателей, крестьяне, сумевшие в 1789 году так хорошо сплотиться для борьбы с сеньерияльными притесне-

¹ Декрет 16 брюмера V года, ст. 11.

ниями, объединялись теперь, чтобы у них не отняли те части национального имущества, на которые распространялись их вожделения. Городские жители и немногочисленные деревенские буржуа имели перед ними то преимущество, которое дает движимая собственность. Неогнанты, промышленники, чиновники—все обладали капиталами, позволявшими им индивидуально приобретать лучшие участки, крупные фермы, прежние аббатства. Но и крестьяне в 1791 году также обладали некоторыми капиталами: нищета 1789 года сменилась для многих, если не для всех, известным довольством. Они сразу были освобождены от массы очень обременительных повинностей, как-то: сенъериальных, десятины, даже поземельного налога, а возрастание цен на продукты окончательно вывело их из положения, в котором они перед этим находились. Арендаторы, земледельцы, сельские ремесленники хотели использовать свои сбережения для приобретения нескольких арпанов земли, чтобы стать, наконец, землевладельцами или округлить небольшое поле, которым они уже владели. Они чувствовали, что каждый из них, будучи предоставлен самому себе, не сможет ничего сделать против городского капиталиста; они стали объединяться, образовывать небольшие группы по пять, шесть, иногда десять человек для покупки земли, находящейся в пределах только их селения¹. Сельская земля—для сельчан, такова была мысль, заставлявшая их действовать в этом направлении. Это было одновременно и в интересах каждого в отдельности и в интересах всего общества; село тогда образовало бы маленькую демократию, свободную от всякого влияния сверху. Эти ассоциации хлебопашцев, батраков, ремесленников, образовавшиеся самопроизвольно, развились особенно в местностях, смежных с большими городами, где борьба между буржуазией и сельским населением была более острой, чем где бы то ни было. Они были многочисленны на севере Франции: в Па-де-Кале, Сомме, особенно в Эне (Aisne)². Это давало крестьянам возможность приобрести целую ферму, когда ее не хотели делить; вся ассоциация участвовала в аукционе, а затем составлявшие ее члены распределяли между собой приобретенное таким путем имение. Конечно, это делалось не с целью захвата значительных домов; как могли батраки, ремесленники, хлебопашцы, еще недавно доведенные до нужды, почти до нищеты, достигнув некоторого довольства, думать о покупке очень значительных участков? Это делалось с целью не допустить чужака, горожанина, человека постороннего селу, купить землю или луг, которые, казалось, должны были принадлежать им потому, что были расположены в их округе. Благодаря этим объединениям, крестьяне могли приобретать национальные имущества в 1792 и 1793 годах. Но

¹ Лучицкий, стр. 114.

² Ibid., 115—120. В Эне эти объединения более многочисленны, чем где-либо: в них входят по 20, 30, 40, иногда по 60 и по 100 членов (стр. 116—117).

Конвент упразднил эти ассоциации 24 апреля 1793 года¹; новый закон приостановил их деятельность почти в тот самый момент, когда, в силу декрета 22 ноября, принципы, положенные в основу отчуждения, подвергались значительному изменению и когда дробление на мелкие участки должно было снова стать законом. Что касается эмигрантских имений, то крестьяне предпочитали приобретать именно их в некоторых местностях, как, например, в Кот д'Оре², где не было возможности приобрести много церковных земель: деление на мелкие части и условия расплаты в пятнадцатилетний срок, естественно, привлекали их.

С своей стороны, капиталисты и спекулянты развивают поразительную деятельность. Появляется и растет с каждым днем ажиотаж. Перед зданием директорий, руководящих продажами, часто происходят беспорядки. Богатые стараются устранить остальных граждан, препятствуют торгам, чтобы получить имения по более низким ценам. Спекулянты Периге приобретают великопешное аббатство Воклера за 560.000 франков, тогда как за него рассчитывали получить 12 миллионов³. И это не единственный пример. Во времена Конвента и особенно Директории национальные имущества падают в цене. Спекулянты подрывают доверие к национальным деньгам и почти даром скупают национальные имущества, особенно после закона 28 вентоза IV года, требующего быстрой расплаты, в тот момент, когда территориальные мандаты⁴ идут только за 5 или 6% их номинальной стоимости⁵. Иногда спекуляцию поддерживают даже те административные органы, которым поручено доносить о ней и бороться с ней. Некоторые директории несочувственно относятся к дроблению имений, хотя бы факультативному. Даже когда дробление предписывается законом, они не желают его производить: из явно различных имений они составляют одну продажную единицу; они опускают необходимые указания в объявлениях о торгах и

¹ Декрет от 24 апреля 1793 г., ст. 22: «Объединение всех жителей какой-либо общины или значительного числа их, с целью покупки предназначенных к продаже имений и распределения или дробления их между упомянутыми жителями, будет считаться злонамеренным и караться как таковое».

² Лучицкий, Rev. histor., septembre 1895, t. LIX, p. 83.

³ Arch. nat., Q² 192. Réquisitoire du procureur général syndic du département de la Dordogne.—DVI, 58 (n° 10, suppl.) Rapport d'Amelot au comité de l'extraordinaire des finances. Директория Эра жалуетесь, что имения часто продаются неплатежеспособным спекулянтам, покупающим лишь для того, чтобы перепродать; что по некоторым имениям уже трижды происходили бешеные торги и в конце концов они пошли за гораздо более низкую цену, чем та, которая давалась в первый раз.

⁴ Новый тип бумажных денег, введенных 18 марта 1796 г. с целью внести единообразие и устойчивость в денежное обращение; обеспечивались национальными имуществами; ассигнаты обменивались на них в соотношении 30 асс. на 1 мандат. Успеха не имели и уже в день первой эмиссии котировались по 18 франков за 100, а по окончании всей эмиссии на сумму 2 миллиарда 400 миллионов, курс их упал до 5% номин. стоимости. (Прим. перев.)

⁵ Arch. nat. Q² 191. Le commissaire du directoire exécutif près l'administration centrale du département des Côtes-du-Nord du ministre de l'intérieur.

убавляют действительные размеры участка. В обход закона они не пускают в продажу значительных церковных имений. Наконец, административные лица этих директорий скупают сами, при посредстве подставных лиц, по дешевой цене национальные имущества и работают заодно со спекулянтами ¹.

Однако, правительству иногда доносят о случаях спекуляции. Некоторые административные органы, верные своим обязанностям, и исполнительная власть борются сообща с ажиотажем. Они пытаются нанести удар преступным ассоциациям, заставляющим государство нести огромные потери. Они аннулируют ряд состоявшихся торгов ². Они сговариваются между собой, чтобы отсрочить отчуждение некоторых имений и тем вырвать их из рук банды, готовой завладеть ими. Не лучше ли превратить их в общественные учреждения или фабрики? Так полагает Амело, управляющий кассой чрезвычайных расходов ³. Администрация некоторых департаментов, исполнительный орган, принимает это предложение. В 1792 году Лебрен, в письме к своему коллеге, министру внутренних дел, выражает опасение, как бы цена на аббатство Ориши Сент-Бенуат (округ Сен-Кантен), стоящее более 1.500.000 ливров, не была снижена шайкой скупщиков до 50.000, и просит, чтобы государство сохранило это аббатство

¹ Arch. nat., Q² 190 (Aisne). Rapport au roi par le commissaire près la caisse de l'extraordinaire. Административный чиновник дистрикта Шато-Тьерри Поан, производивший торги на имения аббатства Вал-Кретен, состоявшие из дома и двух ферм, составил из них одну продажную единицу вместо трех. В объявлении о продаже было опущено много объектов; наконец, одна ферма сошла за 100 арпанов, тогда как в ней имелось 140. Все эти факты установлены; Амело требует, чтобы продажа была объявлена недействительной на том основании, что она могла бы дать гораздо большую выручку. Q² 191 Creuse, Mémoire dénonciatif de la Société des amis de la constitution. 10 марта 1791 года директория дистрикта Эво присуждает проданные с торгов имущества явно неплатежеспособному Варенну; говорят о том, что это подставное лицо прокурора синдика дистрикта. В число проданных предметов вошли некоторые крупные ценности, о которых нигде не было объявлено, которые не значились ни в афишах, ни в протоколах торгов.—Объявление Исполнительного Совета о кассации состоявшихся торгов.—ADXVIII c. t. 285 (pièce 55): доклад Лозо о поступке директории Мозельского департамента, приостановившей исполнение закона и воспрепятствовавшей продаже аббатства Вадгасс.

² Arch. nat., Q² 190 (Aisne).—6 ноября 1792 г. временный Исполнительный Совет восстанавливает право братьев Мерлье участвовать в торгах и аннулирует продажи, совершенные в период с 8 сентября по 6 ноября (братья Мерлье были исключены из состава участников в результате скандала, затеянного ими на одном из собраний по случаю аукциона).—22 марта 1793 г. Исполнительный Совет берет обратно свое объявление от 6 ноября 1792 г. Проданные имущества «были поделены между очень большим числом лиц, которые приобрели их от участников в торгах по их действительной стоимости»; перекупившие лица приобрели их *bona fide* и произвели затраты на мелиорацию их. «Если бы такое большое количество продаж было аннулировано, то всякий покупатель национальных имуществ считал бы себя лишь временным собственником их, у которого каждую минуту могут все отобрать»; это погубило бы национальный кредит.

³ Arch. nat., Q² 194. Lettre d'Amelot aux administrateurs du Pas-de-Calais (30 octobre 1792).

в своем ведении и обратило его в кавалерийские казармы ¹. Администрация директории Па-де-Кале предлагает не пускать с торгов церковных имений, которые пойдут за бесценок, между тем как они могли бы оказать большие услуги государству или промышленности ². Но и бдительность директорий, и прокламации Исполнительного Совета оказываются бессильными в этой борьбе. Беспрепятственно случаи ажиотажа обнаруживаются и клеймятся и в Конвенте, и в Совете Пятисот, и в Совете Старейшин. Тогда правительство приостанавливает распродажу имуществ. С 30 брюмера IV года (21 ноября 1795) по 1 прерияля приостанавливается всякое их отчуждение ³. Но это средство применяется слишком непродолжительное время, чтобы оказать какое-либо действие. Его предлагают возобновить. 30 флореаля V года в Совете Пятисот Ноай, изложив в своем предложении к порядку дня случаи огромных злоупотреблений, происходящих при продаже даже национальных имуществ, и указав на орду спекулянтов, обрушившуюся на завоеванную Бельгию, требует, чтобы отчуждение национальных имуществ в Бельгии было отсрочено ⁴. Несколько раз подобные предложения поступают и от других депутатов, с целью положить предел обнаруженным ими злоупотреблениям ⁵. Но государство более, чем когда либо, нуждается в деньгах; как тут остановить отчуждение? В силу этого Совет Старейшин отклоняет 28 нивоза VI года (17 января 1798 года) резолюцию, имеющую целью отложить продажу ⁶. Наконец, только 29 фрюктидора (15 сентября 1798 года), по предложению финансовой Комиссии Совета Пятисот, принимается закон о приостановке на три месяца продажи сельских угодий ⁷. Но финансовые потребности заставляют отменить этот закон уже

¹ Arch. nat., Q² 190. Lettre de Lebrun, ministre des Affaires étrangères au ministre de l'Intérieur, en lui adressant une note transmise par un citoyen de Saint-Quentin.

² Arch. nat., Q² 194. Extrait des registres aux arrêtés du Conseil d'administration du département du Pas-de-Calais, 23 novembre, 1792. Lettre des administrateurs provisoires du directoire du département au ministre de l'Intérieur, 26 novembre 1792.

³ Duvergier, X, 10.

⁴ «Moniteur», in folio, t. XVI, p. 977.

⁵ Ламарк в Совете Пятисот, 22 жерминаля VI года, «Moniteur» folio, t. XVIII, 811.—Доклад Тальена о злоупотреблениях и о неплатежеспособности многих покупателей, *ibid.*, XVIII, 824.

⁶ Duvergier, X, 212.

⁷ Доклад Крассу. Он предлагает трехмесячную отсрочку: «За это время звонкая монета снова окажется у земледельцев, администрация успеет ликвидировать старые продажи и оживить поступление налогов, и тогда продажа национальных имуществ возобновится с большей выгодой для государственного казначейства». 27 фрюктидора VI года, «Moniteur», fol., XVIII, 1438-1439.—Декрет 29 фрюктидора VI года, Duvergier, X, 424. (Ср. мотивировку: остаются незавершенными более шестидесяти тысяч сделок по продажам, совершенным до 28 вентоза IV года, и более одиннадцати тысяч по продажам, имевшим место после этого срока. Ср. Крассу: Операции по ликвидации произведены приблизительно лишь на одну треть).

через месяц: 26 вандемьера VII года (17 октября 1798) проходит декрет об отчуждении национальных имуществ на сумму 127 миллионов¹. Масса сделок о продаже еще должна быть завершена, государственное обложение тяжело, звонкой монеты в обращении мало, и отчуждение продолжается. Это было лучшим способом понизить цену на имущества, тогда как государство должно бы стараться поднять ее насколько возможно выше. Когда предлагают приостановить продажу, Совет Старейшин высказывается против этого². Директория, ведущая борьбу с Англией и Австрией, постоянно пужается в деньгах и принуждена извлекать их из продажи национальных имуществ. Самая разнузданная спекуляция является естественным следствием революционной системы.

Таким образом, наиболее значительные из национальных имуществ захватываются богачами, промышленниками, негоциантами, депутатами, чиновниками. Спекулянты покупают крупные участки, чтобы перепродать их уже в раздробленном виде крестьянам и произвести таким путем прибыльную операцию³. Буржуазия приобретает имения в окрестностях городов и, благодаря близости выгодных рынков, получает более значительный доход, чем другие. Влияние городов сказывается на территории более или менее крупного района, в зависимости от численного состава и богатства их населения. Париж оказывает огромное влияние на продажу национальных имуществ в соседних департаментах: в департаменте Сены и Уазы национальные имущества покупаются, главным образом, буржуазией парижской, версальской и буржуазией маленьких городов этого департамента⁴. Повсюду во Франции городам удается отнять у деревень земли, находящиеся вокруг этих городов. Даже маленькие городские поселения действуют на манер больших городов, только на более ограниченной территории: например, жители Тараскона заведуют национальными имуществами в окружающих его селениях⁵. Зато, благодаря своим объединениям, благодаря перепродажам, совершаемым спекулянтами, и приобретению эмигрантских имений, сельское население смогло удержать господство над землей в отдаленных от города селениях.

Распределение имений между буржуазией и крестьянством было очень различно, в зависимости от их местонахождения и происхождения. Обобщенного вывода относительно всей Фран-

ции сделать еще невозможно. В Кот д'Оре церковные имущества приобретались гораздо больше буржуазией, чем крестьянами; в дистрикте Лап эти домены попали в большей своей части в руки крестьян. Эмигрантские имения в Кот д'Оре пошли, главным образом, крестьянам; в Ланне они разделились приблизительно поровну между обеими соперничающими группами¹. На Севере крестьянские ассоциации были более многочисленны и более деятельны, чем где бы то ни было. Возможно, что и в других районах, так же как и в Кот д'Оре, с 1791 по 1793 год церковные имущества приобретались чаще всего горожанами; здесь крестьяне могли компенсировать себя за счет имений эмигрантов².

Революция, без сомнения, увеличила число земельных собственников во Франции; она увеличила также размеры собственности тех, кто ею уже обладал. Какое количество граждан привлекла она к землевладению? Это невозможно указать даже приблизительно. Мы не знаем вполне точно, какое количество собственников было до 1789 года³, и мы не можем еще установить, какое влияние имела распродажа национальных имуществ на увеличение числа собственников по всей Франции. Но если у нас нет точной статистики, то мы зато можем установить значение происшедшей перемены.

До революции земля принадлежит наполовину привилегированному и наполовину третьему сословию; в среде же третьего сословия сельское население обладает гораздо большим количеством земли, чем буржуазия; в общем, может быть, на одну треть⁴. После революции буржуазия, приобретавшая очень часто столько же и даже больше, чем крестьяне, отчасти возместила эту количественную разницу, которая существовала между нею и сельским населением. У крестьян земли попрежнему больше; но земля, принадлежащая им, очень раздроблена и продолжает беспрестанно дробиться благодаря законам о наследовании. Небольшое число буржуа приобрело крупные имения, которые не всегда дробятся в силу порядка наследования; ибо, помимо земель, они обладают иногда и значительными капиталами. В Ланне 4.787 человек крестьян покупают с 1790 по 1792 год 23.200 арпанов церковных имений; тогда как всего только 171 горожанин приобретает 18.000 арпанов⁵. С одной стороны,

¹ Duvergier, X, 434.

² Декрет 18 термидора VII г. (5 августа 1799 г.). Duvergier, XI, 314.

³ Мы знаем вполне точно, на основании материалов Комитета Отчуждений (Arch. nat., Q², 190-196), что спекулянты перепродавали национальные имущества мелкими участками.

⁴ Работа Минца приводит к этому существенному выводу.

⁵ Лучицкий И., стр. 125 и сл., и карта на стр. 132. В дистрикте Тараскона буржуазия приобретает 7771¹/₁₆ сальмеи (578 гектаров), крестьяне 661¹/₄ (493 гектара). В самом Тарасконе и по соседству от него буржуазия покупает почти все: 884 сальмеи против 44.

¹ Лучицкий И., стр. 94 (Laonnais); — «Rev. histor.» septembre 1895, pp. 83-84.

² В период революции и империи было продано эмигрантских имений на 987.819.967 франков 96 сент. (Мотивировка к закону о возмещении эмигрантов, приведенная де Мартиньяком в заседании палаты депутатов 3 января 1825 г., «Moniteur» folio, t. LXXI, pp. 14 et suiv.).

³ О попытках произвести подсчет ср. Лучицкого. Он критикует опыт Жимеля, который насчитывает 4.800.000 собственников в 1789 г. («Bull. soc. sav.» 1890). См. нашу критику самого Лучицкого в «Rev. histor.», март 1898 г.

⁴ Это кажется наиболее правдоподобным, согласно Артуру Юнгу, наказам Генеральных Штатов, статистике Лучицкого.

⁵ Лучицкий И., стр. 82 и сл.

имеет место деление земли на мелкие доли; с другой—концентрация ее в руках небольшого числа лиц.

Отсюда два важных для социальной истории Франции XIX столетия последствия.

Мелкий земледелец, мелкий арендатор, батрак и сельский ремесленник в общем смогли приобрести только маленькие участки земли. Получилось бесконечное число мелких землевладельцев, и лишь в виде исключения в селах имеются собственники, обладающие имением, соответствующим их работоспособности, их потребностям и потребностям многочисленной семьи. Многие могли бы обрабатывать поля в пять и в десять раз больших размеров, чем те, которые достались им при разделе. Земли все-таки нехватило для всех рабочих рук.

Горожане, ставшие землевладельцами в селениях, соседних с городами, образовали высший класс, ставший на место прежних привилегированных: класс крупной буржуазии. Владея крупными имениями, или, по крайней мере, более крупными, чем имения самых богатых крестьян, буржуа принуждены обрабатывать их при помощи поденных рабочих, мелких фермеров и арендаторов; эти последние составляют низший класс, который живет только благодаря буржуазии и потому подпадает под ее господство. Социальное и политическое влияние, которое связано с земельной собственностью и с капиталом, превращают буржуазию в бесспорную владычицу Франции.

Таким образом, и после революции сохранились крупные земельные собственники. Представителям города слишком часто предоставлялась земля, хотя они и не могли эксплуатировать ее сами; жителям же деревни, живущим только землей и для земли, была предоставлена недостаточно большая часть ее. Так была создана новая земельная аристократия, соперница мелкого землевладения. Это шло вразрез с принципами революции. Но жадность нового правящего класса, потребности государства и обстоятельства, при которых развивалась революция, оказались сильнее принципов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НОВЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Отдел первый

Право собственности.

1

После уничтожения старого земельного порядка надлежало организовать новый. Упразднение сеньеральной и корпоративной собственности уже показывает, каким он перестал быть и, следовательно, каким он отныне должен быть. За редкими исключениями, должна существовать только частная собственность; владельцем каждой собственности будет только одно лицо. Право собственности должно быть, поскольку это допустимо природой вещей, свободным и абсолютным. Независимость земли—высший принцип. Революционеры делают из него все выводы и таким путем заставляют отпасть все ограничения, которые при старом режиме ставили предел власти хозяина над своим имуществом. Сперва они устанавливают юридическую свободу, право пользоваться и распоряжаться им¹, с необходимой оговоркой относительно соблюдения общих интересов. Затем экономическую свободу: землевладелец может свободно обрабатывать свое имение, выбирать по своему желанию культуру, работать на своей земле когда и как ему угодно, не считаясь с тиранической мелочностью постановлений, с необходимостью щадить дичь для удовольствий сеньера или его королевского величества; завести количество скота сообразно своим потребностям; собирать урожай во всякое время и всякими орудиями; при этом никакая власть не может приостанавливать его работу или вмешиваться в нее. Наконец, он может располагать своим урожаем, вывозить его куда угодно, согласно своим интересам и своим желаниям². Нет больше специальных поместий для охоты³. Даровое пастбище, которое вначале имело, конечно, целью «облегчение положения бедных колонов», «слишком явно превратилось в выгодное предприятие для крупных арендаторов и служит пово-

¹ Декрет 5—12 июня 1791 г., ст. 1 и Сельскохозяйственный Кодекс. 28 сент.—6 окт. 1791 г., ст. 1. Duvergier, III, 340.

² Декреты от 5 июня и 28 сент. 1791 г., ст. 2.

³ Декреты 4 августа ст. 2.

дом для опустошений, наносящих ущерб мелким землевладельцам, у которых могут быть только небольшие стада»¹, поэтому даровое пастбище и прогоны для стад упраздняются или, по крайней мере, частным лицам предоставляется возможность выкупить эти права², если они основаны на документальных данных, ограничить их или вовсе избавиться от них путем огораживания своих полей³. Законодательное Собрание даже вовсе безвозмездно упраздняет все эти обычаи, которые подрывают в принципе право собственности⁴. Так совершается необходимая реформа, прежде проводившаяся путем королевских указов в некоторых восточных провинциях и которую требовали если и не все местности, изобилующие пастбищами, то, по крайней мере, просвещенные группы нации, агрономы и сельскохозяйственные общества. Благодаря тому, что право огораживания предоставляется каждому владельцу земли, как следствие самого права собственности⁵, на французской территории создается все большее и большее количество мелких независимых и огороженных владений, куда никто не смеет проникнуть без согласия хозяина. Независимость земли требует также свободы рек и ручьев: следовательно, «никто не может считать себя исключительным владельцем судоходных вод или сплавных рек и рек»⁶, и всякий прибрежный житель может черпать из них воду для орошения своих полей.

Одновременно с провозглашением всех прав, совокупность которых образует право собственности, революционные законодатели устанавливают наказания для тех, кто передвигает или снимает пограничные столбики⁷ или причиняет своими стадами опустошения в чужих полях⁸. Они стараются заставить уважать собственность и нарушение торжественно провозглашенного ими принципа допускают только временно и в виду общего положения страны. Они охраняют созданную ими личную собственность, тем более что она еще неустойчива, угрожаема в настоящем и будущем; Конвент издает даже декрет, грозящий смертной казнью тому, кто предложит «аграрный закон» или что-либо, могущее нарушить принцип земельной собственности⁹.

Укрепив таким образом право собственности, революционеры распространяют его на некоторые предметы, на которые оно не

могло распространяться при старом порядке. Кому должны принадлежать наносные земли, острова, рыба, дичь, клады, реки и земли, намываемые и наносимые морем, и т. п. не имеющие хозяина предметы? Феодальное владичество уничтожено, налицо имеются только индивиды, равные между собой, и такие социальные группы, как государство или община. Они распределяют эти предметы между собой, согласно их характеру и полезности. Государству и общине принадлежит все, что имеет общее значение: судоходные реки, морские наносы и отложения, дороги, проселки и т. д.¹.

К кому же отойдут наносные земли—аллювии и острова, образующиеся по течению рек? Прежнее право предоставляло их королю и сеньерам с высшей юрисдикцией, в зависимости от того, образуются ли они на судоходных или не судоходных реках; оно предоставляло им даже прежние русла рек². Но это влекло за собой дополнительные налоги. Феодальный деспотизм извлекал выгоды из этих прав. Король заставлял выписывать острова и речные отмели, чтобы утверждать их собственников во владении, обязуя их вносить прибавочный оброк, равный годовому доходу, если они имели какие-либо документы на право собственности, и двухгодовому, если они не предъявляли никаких документов—что случалось чаще всего³. А сеньеры подражали королю в жадности. Эти законы не представляли ничего исключительного для Франции; во всех государствах они были более или менее сходны: государи и сеньеры имели право собственности на реки, а следовательно, на острова и наносные земли, которые на них образовывались⁴. В конце XVIII века распространение римского права, согласно которому наносные земли и острова предоставляются прибрежным владельцам, влекло за собой первоначально ограничение, а затем и упразднение прежнего законодательства. Так, напр., парламент в Бордо, вопреки общей судебной практике, постановляет, что если река после изменения русла возвращается в него снова, то справедливо требует, чтобы заливавшийся ею участок был возвращен прежним собственникам⁵. Король принужден согласиться с этим и сделать исключение в пользу Гиенны в 1786 году. Благодаря настойчивости бордосского парламента, он издает постановление, невыгодное для него самого⁶. Уступка, сделанная Гиенне, становится предметом зависти других провинций. В 1789 году

¹ Эрто-Ламервиль, доклад 28 августа 1790 г. А. Р., XXVIII, 411.

² Декрет от 28 сентября 1791 г., раздел IV, ст. 8. Duvergier, III, 432.

³ Ibid, art. 5 et 11.

⁴ Декрет от 25—28 августа 1792 г., ст. 5. Duvergier, IV, 418.

⁵ Декрет от 28 сентября 1791 г., раздел IV, ст. 4: «Право огораживать и разгораживать свои наследственные владения вытекает из права собственности и не может быть оспариваемо в отношении какого бы то ни было собственника». Duvergier, III, 432.

⁶ Декрет от 28 сент. 1791 г., разд. I, ст. 4 (Duvergier, III, 430).

⁷ Декрет от 28 сент. 1791 г., разд. II, ст. 32.

⁸ Ibid., ст. 12 и сл., ст. 24 и сл.

⁹ Декрет от 18 марта 1793 г.

¹ Ср. Домениальный Кодекс (23 ноября 1790). — Проект Гражданского Кодекса, кн. II, гл. I. — Доклад Мерлена, ADXVIII c. t. 325. pièce 44.

² Boutaric, 467—473; Posquet de Livonière, éd. 1768, chap. IV, p. 432; — Loisel, éd. Laboulave, 232—233, 236.

³ Edit décembre 1693, Isambert XX, 203; Déclar. avril 1668 et avril 1683.

⁴ Ср., напр., голландское законодательство, Grotius, I, 417.

⁵ Boutaric, p. 473.

⁶ Lettre patentes du 28 juillet 1786. Isambert, XXVIII, 215—218 (ср. особенно конец). Ремонтранс духовенства, 15 июня 1788 г. (p. 8 de la brochure citée; ou А. Р. I, 374, col. 1).

нация просит, чтобы аллювии «принадлежали прибрежным жителям на таких же беспорных основаниях, как и их смежные владения»¹. Что касается островов и островков, находящихся посреди судоходных рек, «образовавшихся и увеличившихся благодаря насаждениям, которые делаются из жадности», то они мешают судоходству, делают течение более быстрым и влекут за собой разрушение прибрежных владений; их не следует более уступать кому-либо, а необходимо уничтожить². Революционеры возвращаются, согласно желаниям народа, к положениям римского законодательства³. В своих проектах Кодекса они предлагают, чтобы наносные земли и острова, образующиеся по течению рек, становились всегда собственностью прибрежных жителей, чтобы «прежние русла рек принадлежали владельцам земель, образовавших новое русло, в качестве возмещения за потерю»⁴. Это случайное приобретение может компенсировать владельца за понесенные убытки. Так как реки не являлись больше феодальной собственностью, то это было естественным решением вопроса.

Кому же должны принадлежать дичь, а также рыба, находимые кланды? В ночь на 4 августа исключительное право охоты владельцев фьефа было отменено⁵. Оставалось два возможных решения: общая свобода охоты или же право одного владельца охотиться на своей земле. Законодательный Комитет, в лице Мерлена, считает, что право охоты вытекает из права собственности и требует, чтобы оно было предоставлено только владельцам⁶. Робеспьер обрушивается на эту статью в проекте Комитета, так как она нарушает самые священные права свободы: охота должна допускаться свободно на чужой земле после сбора урожая⁷. Комитет стоит, таким образом, на страже интересов собственности, а Робеспьер на страже свободы. Ничего нет удивительного, что свобода охоты приносится в жертву Собранием, состоящим из собственников, напуганных ежедневными покушениями на собственность. Национальное Собрание избирает среднее решение между прежним узким, исключительным, тиранническим законодательством и тем, которое рекомендует Робеспьер; это этап на пути к свободе, которая в один прекрасный день должна восторжествовать. Ни в каком случае постороннее лицо не может проникнуть на непринадлежащий ему участок: рой пчел

¹ Город Нант, ст. 118. А. Р., IV, 98. Третье сословие Форсалкье, id., III, 333. Сенешальство Ним, дворянство, id., IV, 239: «Необходимо распространить на прибрежных и островных жителей берегов Роны и других судоходных рек Лагедо распоряжения, уже проведенные в отношении провинции Гиенны». Третье сословие, id., 243.

² Дворянство Ажана, А. Р., I, 683; — третье сословие Ажана, I, 689.

³ Доклад Мерлена, уже цитиров.

⁴ Проект Гражданского Кодекса, кн. II, разд. III, ст. 9-14.

⁵ Декрет 4 августа, ст. 3.

⁶ А. Р., XIII, 157 (20 апр. 1790).

⁷ А. Р., XIII, 166.

принадлежит собственнику земли, на которой он осел, как только прежний владелец роя перестал его преследовать¹. Это — абсолютное уважение к праву собственности, общее всем Национальным Собраниям: Конвент мыслит в этом отношении так же, как Учредительное Собрание. В 1793 году Законодательный Комитет возвращается к идеям, высказанным Робеспьером в 1791 г. В своем проекте Гражданского Кодекса он предлагает установить свободу охоты. Дичь будет принадлежать тому, кто ее поймает или убьет, но охотник должен будет вознаградить владельца земли, на которой он ее поймал, за причиненные убытки². Конвент, однако, опасается злоупотреблений, которые вызвала бы эта свобода, и отклоняет предложения Комитета: охотник не может проникать на чужую территорию за убитой им дичью³. Конвент постановляет даже, что собственник дерева не может собирать на чужой земле упавшие с его дерева плоды⁴. Дичь, плоды принадлежат владельцу земли, на которую они упали. Это уже чрезмерное уважение к праву собственности.

II

В принципе каждой личности принадлежит абсолютное право на ее недвижимость. Но так как право собственности есть право, установленное обществом, то общество, которое его создает и обеспечивает, может его ограничивать ради общих интересов или ради интересов соседних владельцев. Отсюда целый ряд ограничений, существующих во всех законодательствах. Но революционеры, благодаря своей концепции государства, зашли в этом отношении дальше, чем другие.

Прежде всего, государство может экспроприировать имущество лица в случаях общественной необходимости. Но эта экспроприация не должна больше сопровождаться произволом. Когда-то король брал землю без всякого возмещения за нее; иногда даже случалось, что прежние владельцы были обязаны платить повинности за земли, которые у них были отняты⁵.

¹ Декрет от 28 сентября 1791 г., раздел III, ст. 5.

² Проект Гражданского Кодекса, кн. II, гл. I, ст. 9. — По римскому праву не представляется существенным, если дичь убита на чужом участке. *Institutes*, De R. D., 12-16.

³ Протокол Конвента от 7 сентября 1793 г.: «Ст. 9-я отвергается по двум соображениям: во-первых, она дает повод думать, что она отменяет закон, запрещающий охотиться на чужой земле, что вовсе не является намерением Национального Конвента; во вторых, в интересах самого общества следует ограничить право землевладельца ловить и убивать находящуюся на его территории дичь; поэтому Собрание ставит на голосование и принимает переход к повестке дня».

⁴ Протокол от 12 сентября. Это предложение одного из членов Конвента; оно «принципиально принимается и отсылается в Законодательный Комитет для помещения его в Сельскохозяйственный Кодекс».

⁵ Духовенство Немюра, А. Р., IV, 107, 12° et 25°. — Belle-Ile-en-Mer, id., VI, 116, требует «возмещения или расплаты за те части территории, которые взяты

Отныне, согласно народному желанию, экспроприация может иметь место «только в том случае, когда этого требует законно установленная явная общественная необходимость и при условии справедливого и предварительного возмещения»¹. Даже осуществляя свое право, государство должно уважать право индивида. В таких случаях устанавливается компромисс между двумя сторонами, противоположные интересы которых одинаково справедливы и заслуживают уважения.

Наряду с этим общим ограничением права собственности, существуют другие, более специальные, установленные в интересах соседей, например,—поземельные сервитуты или ограничения, имеющие в виду общую пользу и касающиеся известных предметов и некоторых родов почвы. Революционное законодательство о поземельных сервитутах заимствовано как из римских законов, так и из парижского кутюма; но оно устраняет все, что в прежнем праве стесняло собственность, не принося реальной пользы соседям². Что же касается специальных ограничений, имеющих целью соблюдение интересов общества, то они гораздо более оригинальны.

Нация, очевидно, заинтересована в увеличении народного богатства, в увеличении производительности почвы. «Общество не может допустить существования охраняемой законами собственности без того, чтобы оно молчаливо не предъявляло к ней требования ее обрабатывать. Обработка земли—это непоколебимый фундамент общественного договора: это его физический, моральный и политический базис»³. Следовательно, государство может обязать собственника целины или болота разработать ее или осушить его, а в случае его отказа, заставить произвести эту необходимую операцию. Таким образом, обширная территория будет обработана, Франция будет освобождена от подати, которую ей приходится уплачивать, закупая хлеб за границей; произойдет оздоровление деревни, бедные жители боль-

для сооружения батарей и окопов и собственники которых несут еще за них повинности, хотя и лишены их». Jours-Pont-Chartrain (Paris hors les murs), id., IV, 621: «Я сказал, что собственность ставится ни во что, и действительно, сплошь и рядом не задумываются перерезать самую плодородную равнину, прокладывая дорогу то будто бы для короля, который тут не проезжает, то будто для соединения двух городов, а на самом деле для соединения с замком, в котором живет большей частью какой-нибудь притеснитель».

¹ Декларация прав, ст. 17.

² Проект Гражданского Кодекса, кн. II, гл. II.—Мотивировка Мерлена AD XVIII с. t. 325. Статьи точно определяющие расстояние между посадками, живой изгородью, деревьями, рвами, взяты, говорит Мерлен, из римского права; «они оказались слишком мудрыми, чтобы можно было их не сохранить».—Статья, воспрещающая рыть колодезь, ставить цистерну или уборную ближе, чем на расстоянии 2 метров от соседнего владения, взята из парижского кутюма.—Старые законы не позволяли выводить стены и постройки иначе как на определенном расстоянии от соседнего владения; они допускали, чтобы собственник силой принуждал своего соседа продать ему стену в общее владение. «Это было стеснением и даже нарушением права собственности».

³ Эро-Ламервиль; доклад 29 августа 1790 г., А. Р., XXVIII, 412.

ших городов получают работу, в которой они нуждаются. Без сомнения, это дело щекотливое; «применяя право верховенства нации на индивидуальную собственность, следует соблюдать справедливость и осторожность»¹. Но прибегать к таким мерам требует необходимость; королевские указы, пытавшиеся, путем освобождения от десятины, побуждать к осушению болот и к обработке нови², не дали больших результатов. Поэтому государство предлагает владельцам болот осушить их; если они отказываются сделать это сами, государство передает это дело такому лицу или обществу, которое предложит наиболее выгодные условия и экспроприрует болото у владельца по его теперешней стоимости, как болотистой почвы, уплачивая деньгами или частью осушенного участка³.

Общество заинтересовано не только в повышении производительности земли, но и в сохранении урожая. Оно должно стараться предохранить все, что производит земля, от всякой порчи, которую могли бы причинить люди. Поэтому государство не удовлетворяется отменой свободы охоты; оно ограничивает даже самих собственников земли в пользовании этим правом. В переходный период от старых законов к новым можно опасаться, что землевладельцы будут злоупотреблять своими правами во вред себе и обществу. Учредительное Собрание различает поля огороженные от неогороженных. Владелец неогороженного участка может охотиться только без огнестрельного оружия и без охотничьих собак. Ибо, во-первых, он повредит своему урожаю, а «для общества важно, чтобы никто не употреблял во зло свою собственность, особенно если она такого свойства, что является необходимой для сохранения самого общества»⁴; во-вторых, он неизбежно был бы принужден преследовать дичь и на соседних полях, где произвел бы новые опустошения. И только собственники обнесенных стенами или живой изгородью участков и собственники лесов могут свободно охотиться всеми способами⁵. Но это тщетные запрещения: владельцы не преминут охотиться даже в открытых полях и так, как это им заблагорассудится; те же, у кого нет собственности, также хотят охотиться наравне с другими и попадают в королевские леса и в чужие

¹ Эро-Ламервиль, 7 февраля 1790 г. Ibid, XI, 490.

² Déclar. 1764, Isambert, XXII, 403; — 13 августа 1766, ibid., XXII, 461.

³ Декрет от 1 мая 1790 г., инструкция 12—20 августа 1790 и особенно декрет от 26 декабря 1790 г.—5 января 1791 г. (Duvergier, I, 188, 351, II, 143). См. декрет от 23 ноября 1790 г., раздел III, ст. 5 и сл. относительно обложения осушенных болот и т. д.

⁴ Доклад Мерлена, А. Р., XIII, 157.—Ср. наказ третьего сословия Немюра, отредактированный Дюпоном, id., IV, 200: «Следовало бы запретить охоту тем, кто не имеет земли, так как в этом случае у него нет лица, которая бы опустошала чужие имения». Декрет 28 апреля 1790 г., Duvergier, I, 184; см. мотивировку и ст. 1.

⁵ Декрет от 28 апреля 1790 г., ст. 13.

имения¹. Закон об охоте не был очень либерален; но это было то, что требовалось обстоятельствами.

Наконец, право государства простирается на острова и островки: республика может их уничтожить, если этого требует удобство навигации². Это право в еще большей степени принадлежит государству в отношении рудных залежей, находящихся в земле. К кому должны отходить эти залежи? Первому, открывшему их, собственнику земли или нации? Так как первое положение не нашло сторонников в Учредительном Собрании, хотя и принадлежало Тюрго, то завязалась борьба между двумя остальными. Комитеты, которым было поручено приготовление декрета, различают поверхность земли и ее недра; и по примеру и старых, и современных законов, устанавливают тот принцип, что рудники представляют собственность нации. «Они не имели частных хозяев и оставались целиком в руках общества, и общество всегда было вправе ими распоряжаться»³. Этого требуют общие интересы: необходимо, чтобы разработка рудников увеличилась, чтобы Франция сделалась независимой от иностранного рынка⁴. Итак, государство будет сдавать недра как собственность, отличную от поверхности земли; оно не будет предоставлять землевладельцу безграничной свободы их эксплуатации; опыт показал, насколько опасна эта система. Государство будет давать концессию только тем гражданам, которые имеют необходимые для эксплуатации капиталы. Конечно, владельцы поверхности земли не устраняются совершенно: при равных средствах им будет отдаваться предпочтение перед всеми остальными. Но если у них нет достаточных средств, государство сдаст недра гражданину или обществу, которым и будет предоставлено право раскапывать их поля при условии хорошего вознаграждения владельцев земли.

Комитеты делают исключение только в отношении поверхностно лежащих железных руд, которые могут разрабатываться на 10, 15, 20, самое большее на 30 футов в глубину легким способом, доступным каждому землевладельцу.—Эта система, предложенная Реньо д'Эперси, вызвала горячие возражения⁵. Сен-Мартен, Дюпон де Немур, даже Эрто-Ламервиль полагали,

¹ Ср. декрет 17—27 мая 1790 г. (Duvergier I, 207): «Муниципалитеты должны воспрещать всем и каждому охотиться и уничтожать какую бы то ни было породу дичи в королевских лесах, в парках, прилегающих к королевским домам и вообще на чужой земле».

² Проект Гражданского Кодекса, кн. II, разд. III, ст. 14.

³ Доклад Реньо д'Эперси от имени Соединенных Комитетов сельского хозяйства и торговли, Комитета по выработке конституции, финансового, налогового и домашнего. А. Р. XXIV, 226.

⁴ Ibid, XXIV, 224.

⁵ Ср. ирения, ibid., XXIV, 237—253, 409—411; Saint-Martin, p. 237: «Утверждать, что священные права собственности, истинное основание гражданского общества, касаются лишь поверхности земли, значит извращать самую их сущность и исповедывать учение тираннов».

что это явилось бы слишком серьезным посягательством на право собственности; интересы нации не допускают возможности заходить так далеко. По их мнению, так же как и по мнению землевладельцев Фореза¹, недра должны принадлежать владельцу поверхности почвы. «Национальное Собрание должно будет признать, что нет ни одного землевладельца, которому не пришлось бы опасаться того, как бы у него под ногами не оказались какие-нибудь залежи, которые будут у него безвозмездно отняты, и как бы его не стали преследовать посторонние земле концессионеры»². Так говорил Эрто-Ламервиль; без сомнения, он несколько преувеличивал: Комитеты предоставляли возмещение владельцу поверхности; но его возражение не было лишено силы. Зачем, под предлогом национальных интересов, экспроприировать мелких собственников в пользу каких-то жадных, богатых предпринимателей? Зачем предоставлять им возможность составить себе огромное состояние за счет законных владельцев? Но Мирабо³, защитник принципа, установленного Комитетами, заявил, что залежи недр находятся в распоряжении нации лишь в том смысле, что она может их сдавать, что она, в сущности, не является собственником их, и путем этого, более кажущегося, чем действительного, смягчения увлек в конце концов за собой Собрание. За исключением некоторых изменений в деталях проект Комитетов был принят в целом 12 июля 1791 года⁴.

Отдел второй

Отношения землевладельца к третьим лицам

I

Создав таким образом с необходимыми ограничениями, независимость собственности, революционеры желают обеспечить и ее устойчивость.

I. Все договоры, имеющие своим предметом передачу собственности, должны быть устойчивы. Здесь законодатель многое заимствует у римлян потому, что в Риме «простые коммерческие отношения, те, которые не были связаны с исключительной принадлежностью их одному классу индивидов, в достаточной степени приближались к справедливости»⁵. Собственник имеет

¹ Духовенство Фореза: «Упразднить концессии с исключительным правом угольных разработок». А. Р. III, 382, col. 2; третье сословие Фореза, 6° id., 385.—Дворянство Риома, id., V, 566.

² А. Р. XXIV, p. 245.

³ Ibid., 247—253, 411. Своим вмешательством в обсуждение закона о недрах Мирабо хотел прежде всего оказать услугу Ламарку, своему кредитору и другу.

⁴ Декрет 12—28 июля 1791 г., Duvergier, III, 121.

⁵ Доклад Камбасереса о первом проекте, стр. 9.

право располагать своей вещью, отчуждать по возмездной сделке, продать ее кому угодно и без чьего бы то ни было права вмешаться и отобрать проданный предмет. Следовательно, нет больше права выкупа, поворота или отобрания (*retrait*), ни сеньериального, которое уничтожено вместе с феодализмом, ни родового. Последнее позволяло родственникам выкупать у посторонних лиц всякое отчужденное родовое имущество, понижало до некоторой степени его ценность, порождало бесконечное число судебных процессов; оно могло бы помешать отчуждению и национальных имуществ¹. Наконец, теперь должно отпасть и право отобрания по договору, т. е. продажи с обусловленным правом выкупа²; не должно быть неуверенности в праве собственности, даже в продолжение одного года, ибо приобретатель, не чувствуя себя окончательно полным собственником, не решится принимать меры к увеличению ценности земли. Для достижения той же цели следует отменить право расторжения договора по причине убыточности сделки³. Зная по опыту неудобство этих расторжений, законодатель предлагает в проекте Кодекса 1793 г. полную отмену этого права; для удовлетворения потребностей момента он не колеблется уклониться от римского законодательства и судебной практики, основанной на обычном праве. С того момента как лицо становится граждански правоспособным, т. е. с двадцати одного года, оно не может требовать реституция⁴ по причине убыточности сделки. Надо положить конец массе судебных процессов, порождаемых падением ценности бумажных денег, и воспретить продавцам расторжение сделок, совершенных в течение революции. Такова цель декрета 13 фрюктидора III года. Наконец, чтобы как можно более сократить период, в течение которого право на данную собственность является сомнительным, давность ограничена двадцатью годами, вместо прежних тридцати лет⁵. Таким образом, все проданные имущества уже не будут находиться в состоянии как бы бесхозяйных в продолжение того или иного срока. Отныне можно ясно установить, кто именно является окончательным бесспорным собственником.

Чтобы обеспечить на деле уважение к договорам, необходимо допускать на суде только солидные доказательства. Древнейшие законы обнаруживают слишком большую тенденцию создавать тяжелые условия для должника; нужно стремиться к исправлению их. Хорошее законодательство должно всегда допускать возможность того, что должник уже освободился от обязательства. Поэтому прежде всего отменяется присяга на суде, «созданная в

¹ Доклад Мерлена, 17 июля 1790 г., А. Р., XVII, 166.—Декрет 19—23 июля.

² Проект Кодекса, кн. III, разд. III, ст. 11.

³ Проект Кодекса, кн. III, разд. I, ст. 15: «Закон не допускает расторжения договора по причине убыточности даже в отношении недвижимости». — Декрет 13 фрюктидора III года.

⁴ Возвращение прежнему владельцу. (Прим. перев.)

⁵ Доклад Жениссё, ADXVIII с. t. 325, риде 45.

качестве дополнения к договорам, но служившая, вместо подкрепления правоты, почти всегда поводом к ложным клятвам»¹. Необходимы письменные доказательства, за исключением особых случаев; даже проект письменного доказательства (*commencement de preuve par écrit*) не может служить препятствием к освобождению: «закон не знает не полудоказательств, ни полуистин»². Наконец, должник не будет впредь подвергаться тюремному заключению: физическое принуждение за гражданские обязательства отменено; «не разрешается даже обуславливать это в договоре»³. Все отношения основываются на справедливости, на прочности договоров и собственности.

II. Итак, собственник может свободно продать свою землю. Но, если он не хочет отчуждать ее, не может ли он без всяких стеснений, без укоров совести занять некоторую сумму под проценты для поднятия ее ценности? Препятствием служило запрещение займов под проценты. Церковь всегда запрещала ссуды под проценты, а королевские ордонансы санкционировали это запрещение. Без сомнения, это строгое правило часто обходилось, так как оно противоречило потребностям торговли; приходилось устанавливать исключения, были придуманы способы вроде договорных рент (*rente constituée*). Парламенты и юристы, придерживающиеся традиции, как, напр., Дома и Потье, одобряли это запрещение канонического права. Но с XVI века смелые юристы, протестанты, а позднее философы и экономисты, начиная с Дю-Мулэна и Кальвина до Монтескье и Тюрго, выступили против этого запрещения, как противоречащего современным потребностям⁴. Поэтому просвещенные элементы нации в наказах 1789 года требовали свободы ссуды под проценты⁵. Этого требовало развитие кредита. С другой стороны, нужно было также подорвать церковное влияние. Уже 3 октября 1789 года Учредительное Собрание издает декрет о том, что ссуда под проценты узаконяется и что высота процента будет определена законом⁶. Экономисты полагали тогда, что нужно фиксировать максимальный размер процента в интересах гражданского оборота, и он был установлен в пять процентов⁷. Одновременно

¹ Доклад Камбасереса. — Проект Кодекса, кн. III, разд. I, ст. 65.

² Проект Кодекса, кн. III, разд. I, ст. 67.

³ Декрет 9—12 марта 1793 г.—Исключение сделано лишь в отношении ответчиков государства, 30 марта — 3 апреля 1793 г. — Ср. первый проект Кодекса, кн. III, разд. XI, ст. 7 и 8.

⁴ Cf. Trop long, *Droit civil expliqué*, tome XIV, предисловие, очень полно излагающее историю ссуды под проценты. — Ср. Монтескье, «О духе законов», кн. XXIV, гл. 19.

⁵ Третье сословие Парижа (*intra muros*), А. Р., V, 304, ст. 52; Плермея, V, 384, ст. 71; Седана, V, 727 и т. д.—Дворянство Перпиньяна, V, 371 и т. д.—Даже духовенство в некоторых областях: духовенство Доля, III, 152, ст. 14; — Безаксона, II, 336, ст. 44; — Родеза, V, 554, ст. 9.

⁶ Декрет 3—12 октября 1789 г.

⁷ Первый Проект Кодекса, кн. III, разд. VII, ст. 12.—Такую высоту процента требовали наказания 1789 г.

становились бесполезными и вышли из употребления необходимые в прежней системе договорные ренты.

III. Чтобы возможно было облегчить получение займа, надо предложить кредитору известное ручательство, обеспечение. Лучшей гарантией является ипотека. В момент, когда масса граждан делается землевладельцами, необходимо облегчить им получение кредита правильной организацией ипотечной системы.

Единообразного законодательства о залоге недвижимости не существовало¹. В древнем праве конкурировали две системы: римская, которая допускала тайные и общие (генеральные) ипотеки², и французская, признававшая только гласные и специальные ипотеки. Римская система почти везде одержала верх, за исключением севера, северо-востока и Бретани. Короли пробовали установить единообразные законы об ипотеках для всего королевства. Сперва они хотели ввести гласность ипотеки; но эти попытки не удалась: дворянство не хотело решиться на то, чтобы состояние его имущества стало известно³. Затем в 1771 году королевская власть вернулась к своему проекту, несколько ограничив его; но эдикт не предоставлял кредитору необходимого обеспечения⁴. Провинции, где применялось залоговое право и где ипотека была гласной, протестовали; Фландрский парламент отказался зарегистрировать указ. Эти законы не удовлетворяли почти никого. В 1789 году почти всюду раздаются требования отмены или изменения указа 1771 года⁵. Некоторые наказания требуют для всей Франции гласности ипотеки⁶ и даже ограничения генеральных ипотеки путем упразднения всякого залога будущего имущества⁷.

Под давлением общественного мнения Учредительное Собрание поняло необходимость издания общего закона об ипотеках, который бы увеличивал кредит землевладельцев и давал им те же преимущества, как и спекулянтам и негодьянтам. Оно получило от гражданина Манжена 4 января 1791 года новый проект законов об ипотеках, который переслало Комитетам налогов, юсти-

¹ Guichard, *Législation hypothécaire*, t. I.—Merlin, *Rép.*, v° *Hypothèque* t. XIII et XIV.—Dalloz, *Rép.*, v° *Privilèges*, t. XXXVII.—L. S a y. *Dict. d'Econ. pol.*, *Prêt hypoth.*, t. II, 568.

² Генеральной ипотекой в римском праве назывался залог всего имущества должника, включая даже то, которое им может быть приобретено в будущем (Прим. ред.)

³ Эдикты 1581, 1606 г.г. Ср. особенно март 1673, Isambert XIX, 73—Guichard, *Législation hypothécaire*, tome I.

⁴ Июньский эдикт 1771 г., Isambert, XXII, 530.

⁵ Даже на юге Франции: «Отмены июньского эдикта 1771 г. об учреждении в провинции залоговой конторы, так как это противоречит ее привилегиям». Lapelissarié, *sénéch. de Castres* (La Jonquière, p. 22).

⁶ Все три сословия балляжа Фенестранж (Лотарингия), А. Р., V, 712, требуют возвращения к эдикту 1673 г. и к гласности.

⁷ Третье сословие Парижа (*intra muros*), id., V, 297.

ции, торговли и земледелия для отзыва¹. Комитет налогов и Комитет по выработке конституции действительно представили проект декрета, который устанавливал гласность и, правда, не полную еще, специализацию ипотеки². Но Собрание не успело его обсудить. Законодательное Собрание вернулось к этому проекту; один из его членов, Верие, доложил проект Собранию; однако, Собрание разошлось, не передав его для напечатания. Конвент положил в основу своей работы план Манжена и Верие. Комитеты финансов, законодательства и общественного спасения, которым было поручено выработать кодекс об ипотеках, пригласили на свои совещания самого гражданина Манжена. Этот Кодекс был декретирован 9 мессидора III года (27 июня 1795).

Конвент рассматривает ипотечную систему как гражданский и фискальный институт. Он считает его средством для обеспечения кредиторам солидной гарантии на имущества их должников, а также средством для поднятия кредита отдельных граждан и государства. Это одновременно ипотечная система и седулярная система (*régime cédulaire*).

Конвент устанавливает гласность ипотеки без всяких ограничений: не будет больше молчаливой ипотеки, как, например, ипотека замужней женщины или подопечного³. Всякая ипотека может вытекать только из записи законно удостоверенных или публично совершенных актов в книгах хранителя ипотеки⁴. Но если ипотека перестала уже быть тайной, то этим она еще не сделалась специальной. О введении принципа специализации, который, ограничивая реальное обязательство определенной недвижимостью, делает права кредитора более достоверными и не наносит ущерба общему кредиту должника, еще и не помышляют. Ипотека обеспечивается всей наличной и будущей недвижимостью должника, расположенной в том округе, где производится запись; она распространяется нераздельно на все земли⁵.

В чем ипотечный Кодекс Конвента наиболее оригинален, так это в учреждении седулярной системы (*système cédulaire*). Всякий владелец недвижимости, могущей быть заложенной⁶, может взять на самого себя ипотеку в пределах трех четвертей стоимости его имений путем выдачи обязательств (*cédules*), имеющих хождение подобно векселям⁷. С целью дать возможность землевладельцам

¹ Nouveau plan d'hypothèques par Mengin, 80 pp. ADXVIII c. t. 113, pièce 22.—Précis très succinct de ce plan (pièce 21).

² Ср. этот проект, *ibid*, pièce 17. Здесь под специальностью (ст. X) разумеется невозможность для заимодавца приобретать ипотеку на одну и ту же сумму на недвижимость, расположенную в нескольких дистриктах, или на недвижимость реальную и фиктивную, или на недвижимость и движимость.

³ Декрет от 9 мессидора III г., ст. 17.

⁴ *Id.*, ст. 19.

⁵ *Id.*, ст. 26, 8 и 10.

⁶ Перечисление имуществ, могущих быть заложенными, *ibid.*, ст. 5.

⁷ Декрет 9 мессидора III г., ст. 36 и 37.—Доклад Намеля от 21 флореаля II г. «*Moniteur*», XX, 462.—Доклад Жоанно от 16 флореаля III г.; *id.*, XXIV, 396.

получать ссуду для обработки земли, Конвент мобилизует земли; он превращает их в ценности, которые обращаются подобно бумажным деньгам. Всякий земельный собственник в самой отдаленной местности приобретает кредит, пропорциональный своему имуществу; у него оказываются средства для установления кредита, которые до сих пор были в распоряжении лишь спекулянтов.—Но в такую смутную эпоху не следовало ли опасаться, что владельцы имений будут слишком часто прибегать к этому легкому способу займа и косвенным образом отчуждать свои имущества? Не значило ли это, что их приглашают лишиться себя земли в пользу ипотечного банка, который дает ссуды под седулы? Затем, если разрешить выдавать обязательства на национальные имущества, не будет ли это заменой одних ценных бумаг другими, изобретением новых ассигнатов, которые также быстро обесценятся и погубят национальный кредит, вместо того, чтобы поднять его? На систему ипотек следовало смотреть не как на простую финансовую операцию, а расценивать ее как некоторую совокупность гражданских законов. Таковы были возражения, которые не преминули противопоставить комитетам и докладчиком Рамелю и Жоанно некоторые депутаты Конвента, как Байлан и Рузе¹. Несмотря на возражения, седулярная система восторжествовала. Но это нововведение могло оказаться опасным; Конвент, без сомнения, почувствовал это. Он не решился пуститься на такое смелое предприятие, результаты которого не были обеспечены; он не обнародовал ипотечного Кодекса. Все осталось лишь в области теории.

II

Таковы средства, которые дадут возможность землевладельцу достать необходимый капитал. Но если он не хочет сам эксплуатировать свою землю, ему нет надобности прибегать к их помощи. Не совершая никакой продажи или займа, он может сдать свое имение в аренду. На этот случай законодатель должен установить между собственником и арендатором справедливые отношения, сообразно интересам сторон и потребностям земледелия.

I. Падение старого поземельного порядка изменило отношения между людьми, возникающие в силу землевладения. Отныне договоры не могут больше наносить ущерба свободе земли или личности. Свои услуги можно предоставить в наем только на время; нельзя сдать землю в вечную аренду за повинности, не подлежащие никогда выкупу. Ничто не должно больше навсегда связывать взаимно обе стороны. Это в общих интересах. Землевладелец будет действительно хозяином своих имений, если его

право передать их по договору будет ограничено и если свобода располагать ими не будет связана им самим; арендатор, в свою очередь, будет истинно свободен только в том случае, если он сможет всегда освободиться от принятых им на себя обязательств или переменить участок. Законодатель ясно видит опасность вечных договоров и даже договоров на долгий срок, которые имеют тенденцию, с одной стороны, ослаблять право собственности владельца и превращать простое пользование арендатора в право, близкое к праву собственности, с другой стороны, налагает на землю вечные обязательства и превращает держателя в личность юридически низшую. Эти соображения приводят законодателя к тому, что он, прежде всего, уничтожает вечные, не допускающие выкупа договоры, устанавливает недопустимость договоров на более долгий срок, чем на девяносто девять лет, или на срок трех человеческих жизней¹, затем предлагает сохранить вечные поземельные ренты лишь при условии выкупа их через двадцать лет² и даже, идя дальше в том же направлении, он предлагает сократить сроки договоров до двадцати пяти лет³. Таким образом, в будущем фактически, если не юридически, уничтожаются поземельные ренты: если сам законодатель предлагает прибегать к выкупу, то какой же собственник не предпочтет продажу окончательную и немедленную продаже, ожидаемой в будущем? Конвент воспроизводит прежние правила поземельных рент: плательщик ренты не является личным должником, он может, путем оставления участка, избежать уплаты ренты, ставшей для него слишком обременительной. Строго говоря, эти правила делаются все более и более бесполезными. В большинстве случаев договоры будут впредь очень краткосрочны. Начать с того, что многие имения, например, принадлежащие замужним женщинам и подопечным, могут быть сданы самое большее на девять лет; это правило обычного права остается без изменений⁴. Государство соглашается только на очень краткосрочные договоры относительно национальных имуществ, так как оно, прежде всего, хочет их продать: договоры о правах на нетелесные вещи (*droits incorporels*) заключаются на девять лет, договоры о других национальных имуществ,—на три, шесть, девять лет⁵. Если договоры на срок менее шести лет не могут быть расторгнуты, в случае продажи участка, то договоры на срок выше шести лет, при отсутствии специальной оговорки, могут быть расторгнуты, если купивший имение примет на себя обязанность сам обрабатывать участок⁶. Условие, заимствованное у древнего права, вполне благоприятное для собственника и повышающее ценность не-

¹ Декрет 18—29 декабря 1790 г., ст. I.

² Первый проект Кодекса, кн. II, разд. II, ст. 75.

³ Третий проект Гражданского Кодекса, ст. 877.

⁴ Парижский Кутюм ст. 227.

⁵ Декрет 28 октября 1790 г., разд. II, ст. 13 (*Duvergier*, I, 491).

⁶ Декрет от 28 сентября 1791 г., отд. II, ст. 2 и 3.

¹ «Monit.», XXIV, 623. В эпоху Директории возражения **выдвигаются** с гораздо большей энергией.

движимости. Наконец, из недоверия к арендатору, который мог бы, в силу каких-либо спешных работ, продлить пользование имением после истечения срока договора и до прибытия нового арендатора, упраздняется практиковавшееся так называемое молчаливое согласие на продолжение аренды, т. е. продление ее вследствие молчания владельца: «не полагается никакого предупреждения для оставления участка; самое наступление срока напоминает об этом», а если арендатор продлит срок своего пользования, то «этот факт не превращается для него в право»¹. На арендатора падают последствия действия непредвиденного случая; он освобождается от уплаты аренды только в случае потери, по крайней мере, двух третей урожая².—Это значило не считаться с желаниями сельского населения и агрономов, с потребностями сельского хозяйства. В договоре, имеющем объектом эксплуатацию земли, сдающий участок держит берущего его в своей власти при помощи самого срока, на который тот соглашается, и повышения аренды, на которое вынуждает его продолжительность договора. Срок аренды не безразличен и для владельца, но для арендатора он является вопросом, имеющим большое жизненное значение. Неравноценность выгод, получаемых обеими сторонами, делает договор неравным. Вместо того, чтобы уменьшить естественное неравенство положения арендатора по отношению к владельцу, революционеры странным образом увеличивают его.

II. Но все это имеет значение лишь в отношении будущего. А пока надо ликвидировать переходное положение: здесь законодатель опять на стороне собственника. Несколько вопросов требуют его вмешательства: прежде всего уже заключенные договоры на имущества, ставшие национальными.

Если нации потребовалось произвести отчуждение своих имуществ, то необходимо, чтобы она продала их с наибольшей для себя выгодой. Договоры, заключенные на эти имущества, понижают их ценность. Чтобы избежать этого обесценения, революционеры стремятся расторгнуть существующие договоры. Но законодательство по этому вопросу изменяется вместе со сменой собраний. Учредительное Собрание уважает приобретенные права. Подлинные договоры, заключенные до ноября 1789 года, должны исполняться. Полностью уничтожаются только договоры, не облеченные в необходимую форму, генеральные договоры, которые не были бы выгодны арендаторам при условии эксплуатации участка

¹ Ibid., отх. II, ст. 4.—Первый проект Кодекса, кн. III, разд. IV, ст. 20 и 21.—Здесь получает общий характер частная мера, принятая при старом режиме против арендаторов генералитетов Суассона, Амьена и Шалона (декларация короля от 20 июля 1764 г.). Ср. Renauldon. *Traité des droits seigneuriaux*, pp. 676—677.

² Первый проект Кодекса, кн. III, разд. IV, ст. 15.—Основанием для расторжения договора является потеря не менее четверти арендованного имущества, ст. 19.

ими самими или при посредстве колонов, или же, наконец, сделки, не сопровождаемые подлинными договорами о суб-аренде, заключенными до 2 ноября 1789 года¹. Конвент предоставляет всякому, приобретающему национальные имущества, право расторгать прежние договоры. Расторжение допустимо во всех случаях, различие существует только в способах. Конвент различает три категории договоров. Во-первых, те, которые не были заявлены, представлены и подписаны согласно законам 1790 года: они уничтожаются, невзирая ни на какие противоположные постановления суда окружного или кассационного², а уничтожение частного договора о суб-аренде за невыполнение формальностей влечет аннулирование общего договора³. Во-вторых, неподлинные договоры или те, дата которых недостоверна и не установлена — они не встречают поддержки; покупатель национальных имуществ может согнать арендатора до сбора урожая, вернув ему расходы, по запашке и посеву, но не предоставляя ему возможности воспользоваться плодами его труда⁴. Наконец, подлинные договоры, заключенные уже не до 2 ноября 1789 года, но 9 февраля 1792: покупатель опять-таки может расторгнуть такой договор, но только по истечении года, и арендатор имеет право на возмещение в сумме, равной четверти арендной платы, которую оставалось выплатить до конца договорного срока⁵. Интересы государства и новых владельцев совпадают: арендаторы приносятся им в жертву. Это законы, обусловленные обстоятельствами, изданные специально по поводу национальных имуществ. В борьбе с врагами революции возвращались к старинному римскому законодательству. «Существовало опасение, что экспроприация их все еще не полная и что они смогут все-таки извлечь из страны новые денежные ресурсы, если будут сохранены их прежние отношения с арендаторами по их выбору. Тысячи и тысячи политических соображений диктовали необходимость радикальных перемещений как прежних владельцев, так и прежних арендаторов»⁶.

III. Революционные законодатели не перестают проявлять свою заботу о земледельце; они позаботились издать декрет о том, что отмена десятины имеет целью только его выгоду; они стараются обеспечить ему настоящее и будущее. Несмотря на все это, обстоятельства оказываются сильнее их. Продукты с каждым днем поднимаются в цене на ассигнаты; вследствие обесценения бумажных денег, арендаторы получают возможность уплатить свою аренду, продав одного кабана или быка. Землевладельцы не

¹ Декрет от 14 мая 1790 г., ст. 9.—Декрет 28 окт. 1790 г., разд. II.

² Декрет 15 фримера II г. (5 дек. 1793 г.), ст. 12 и 13.

³ Декрет 15 фримера II г., ст. 14.

⁴ Ibid., ст. 9 и 11.

⁵ Декрет от 25 июля 1793 г., отд. IV, ст. 34, Duvergier, VI, 55.—Декрет от 15 фримера II г., ст. 6 и 3.

⁶ См. в материалах Законодательного Комитета *Projet de rapport à faire par le représentant du peuple sur la loi Emptorem et Aede*, Arch. nat., DIII, 366.

могут удовлетворить своих потребностей на получаемые ими ассигнаты. Поэтому они требуют расторжения их договоров или замены их договорами об исполном колонате или платой продуктами по ценам 1789 или 1790 года. «Казалось бы справедливым не доводить владельцев до нищенского состояния для того, чтобы обогатить их арендаторов, самых жестоких врагов революции», вот что говорят они и что повторяют за ними некоторые администраторы окружных советов¹. Конвент приходит им на помощь. Он старается смягчить остроту положения, которую вызывает в общественной экономике обесценение ассигнат. Конечно, он не может совершенно упразднить вполне правильные по форме договоры, ни резко изменить все условия расплаты. Он останавливается на компромиссе и издает декрет о том, что владельцы будут впредь получать половину арендной платы натурой². Владельцы мелких имений (*métairies*) тоже жалуются на своих фермеров. От последних требовалось только возвратить к концу договора предоставленный им скот натурой или стоимость его деньгами по расценке, указанной в договоре. А они, пользуясь дороговизной скота, продают своих быков. Комитет Общественного Спасения желает прекратить эти продажи, наносящие ущерб собственнику и земледелию. Он воспрещает фермерам впредь продавать полученный ими скот без согласия его владельца; по истечении срока договора всякий хуторянин обязан возвратить скот в прежнем виде и не имеет права пользоваться оговоркой в договоре, предоставлявшей ему возможность уплатить хозяину стоимость взятого скота³. Таким образом, государство вмешивается в частные договоры, уже заключенные, с целью изменения их содержания. Оно не перестает охранять собственников от наносящих им ущерб последствий экономического кризиса.

Между тем, в борьбе, которая завязывается между арендаторами и владельцами, последние злоупотребляют своими правами. Покупщики национальных имуществ выгоняют арендаторов накануне сбора урожая, захватывают его и ограничиваются упла-

¹ Arch. nat., DIII, 87. Администрация директории дистрикта Вир Законодательному Комитету (23 прериаля III года): «Землевладелец, сдавший свою землю в аренду за 1.200 ливров, может приобрести за эту сумму только около 2 квинталов зернового хлеба. Каким образом обеспечить себе все необходимое? Арендатор этой земли уплачивает 1.200 франков, отдав кабана, а из остального извлекает более 20.000 франков дохода. Словом, его доходы неисчислимы, благодаря высокой цене всех продуктов питания». DIII, 87. Петиция землевладельцев, которые требуют расторжения арендных договоров;—id., 90, 6-me liasse: петиция Амило из Тулузы. Благодаря вздорожанию продуктов, землевладелец не может уже обеспечить себя всем необходимым, как бывало прежде, за 800 франков, полученных за сдачную в аренду землю.

² Декрет от 2 термидора III года (20 июля 1795), ст. 10: «Эта плата натурой выразится в таком количестве зернового хлеба, какое можно было приобрести в 1790 г. на половину всей суммы аренды». Duvergier, VIII, 237.—Разъяснительный декрет 3 брюмера IV г., (25 октября 1795 г.), id., 433.

³ Постановление Комитета Общественного Спасения (июль, 1794 г.). «Gazette de Drouet», t. X, p. 358.

той им расходов по запашке и посеву. Тогда Конвент приходит на помощь земледельцам; он аннулирует 1 мессидора II года (19 июня 1794 г.) все судебные постановления, основанные на законе 15 фримера, в результате которых арендаторы лишились предстоящего урожая, а также все соглашения между покупателями и арендаторами, заключенные на этих основаниях¹. Но это только отдельные распоряжения, имеющие целью удержать в известных границах заботливость государства в отношении землевладельцев.

Отдел третий

Система наследственного права

Сделав все возможное для укрепления права собственности, революционеры затем ослабляют его своими законами в области наследственного права. Личность действительно имеет право пользоваться и распоряжаться своим имуществом; но это право, по своей сущности, пожизненное и не должно никогда вредить семье и обществу. Над личностью имеются группы—естественная и искусственная, семья и государство, которые не должны принижаться в жертву и в интересах которых законодатель должен установить правила передачи имущества по наследству.

I

Во Франции действовали одновременно две значительные системы наследственного права, базирующиеся на двух противоположных принципах: система римского законодательства и система обычного права. В первой, проникнутой в высшей степени индивидуализмом, владелец имеет широкие права распоряжения своим имуществом; здесь его воля создает наследников, а если свобода завещания и испытывает некоторые ограничения, то только в делах предупреждения крайних злоупотреблений, к которым она могла бы повести. Дети должны получить свою законную долю, треть или половину отцовского состояния; остальной частью отец может располагать по своему усмотрению, отдать или завещать родственникам или посторонним лицам или использовать ее для оказания преимущества тому или другому из своих детей. В обычном праве, сохраняющем следы своего германского происхождения, только закон определяет наследников. Здесь нет индивидуального произвола; повелевает точная и неизбежная воля закона. Дело в том, что для обычного права индивидуум—ничто, семья—все; семья, от которой индивид чаще всего получает наибольшую часть своего состояния, является истинной и веч-

¹ 1-er messidor an II. Duvergier VII, 239.—«Gazette de Drouet», t. XI, 309 и сл.

ной собственницей, и ей-то и надо оказывать покровительство в лице ее самой и в лице каждого из ее членов против того, кому предоставлено только пожизненное управление. Поэтому, в противоположность писаному праву, которое, в силу своего благосклонного отношения к завещанию, обнаруживает тенденцию к установлению все большего неравенства и к концентрации имуществ, обычное право в общем стремится к равенству и делению родового имущества в пределах семейной группы. И эта двоякая забота порождает в обычном праве сложные правила, которых не знает писаное право. В самом деле, для чего тут устанавливать различие в имуществе, когда индивидуальная воля суверенна? А там, наоборот, устанавливается столько различий с целью воспрепятствовать свободному действию индивидуума. Римская система всегда обобщает, смотрит на вещи абстрактно и просто, поэтому она принимает наследство за единую массу, подчиняющуюся одним и тем же правилам. Система обычного права видит частности, любит схватывать вещи в их естественной реальности; и вот она создает несколько видов наследств: недвижимость родовая, недвижимость благоприобретенная и движимость—вот три различные массы, три разные группы в пределах одного наследства, из которых каждая подчиняется своим специальным правилам. Обычное право считает, что родовые имущества, полученные от предков, должны оставаться почти целиком семье, а, взамен этого, индивид может более свободно распоряжаться недвижимостью, благоприобретенной им самим или купленной на свои сбережения, и, наконец, движимостью, которая вообще не обладает большой ценностью. Оно увеличивает количество правил, покровительствующих семье, особенно детям: в их пользу, помимо четырех пятых родовых недвижимых имуществ, распределяющихся между всеми родственниками, оно добавляет обязательную долю римского права в размере половины имений умершего; затем оно воспрещает создавать какое-либо преимущество одному из наследников за счет других. Таким образом, с одной стороны—семейное право, с другой—индивидуальное; здесь—отражение древней общности имуществ в семье; там—сознание свободно развивающейся индивидуальной власти¹.

Рядом с этими двумя, противоположными по духу и по тенденциям, системами, из которых каждая господствовала в одной из половин Франции, возникает из феодализма третья, распространенная по всей территории, но применяемая только в отношении меньшинства—владельцев благородных земель; таким образом, законодательство о наследственном праве еще больше усложняется. В этой третьей системе, как и в обычном праве, наследо-

вание основано на законе; но, как и в римском, в ней обнаруживается тенденция к установлению неравенства долей и концентрации имуществ: неравенство проистекает не из воли наследодателя, а из закона. Происхождение этой системы объясняется военными и политическими условиями средневековья; наличие этих условий уже исчезло, а неравенство продолжает поддерживаться и укрепляться благодаря гордости дворянства. Если дочери исключены из права наследования и если старший из мужчин получает все или почти все родовое владение, то теперь это вовсе не имеет целью несение дорого стоящей военной службы в пользу своего сюзерена, это делается для того, чтобы придать роду неведомые прежде блеск и пышность. И если в дворянских семьях и даже в семьях богатых буржуа с каждым днем увеличивается неравенство наследственных долей, благодаря субституциям, институту договоров, и происходит концентрация в руках одного представителя рода всего состояния его предков, то лишь для того, чтобы дать возможность роду в лице его главы блистать всем своим блеском при пышном королевском дворе или в городе, до глупости подражающем двору. Старшие в роде все более и более обогащаются, проникаются гордостью, упиваются наслаждениями, расточают состояние направо и налево и тем поддерживают «великолепие рода» и наряду с этим младшие члены и благородные или благородно воспитанные дочери беднеют с каждым днем и принуждены работать; сыновья ищут приключений на суше и на море, вступают на военную службу в королевскую армию или флот или же при поддержке своих старших братьев и благодаря милости короля они вступают в какой-нибудь могущественный религиозный орден, получают богатую бенефицию, епископство или аббатство, где мирно и счастливо протекают их дни.

Впрочем, эти три наследственные системы не могут избежать взаимного воздействия. Каждая из них заимствует из другой институты, которые больше всего подходят к ее общему духу и тенденциям. Все они видоизменяются также под влиянием прав, во всяком случае в пользу высших классов общества; так что на практике постепенно устанавливаются две противоположные системы институтов, одна для высших классов, другая для деревенского населения и для мелкой буржуазии. С одной стороны, неравенство, опирающееся на волю наследодателя или на закон; с другой—совершенное или почти полное равенство между наследниками одной и той же степени.

Как установить законодательное единство при наличии таких различных систем, из которых каждая еще дифференцируется почти до бесконечности, сообразно областям и даже селениям? ¹

¹ Очень точное изложение старого наследственного права имеется у Argou, tome I-er.—Относительно писаного права см. особенно Новеллу 118 Юстиниана—*Coutumes de Toulouse*, éd. Tardif, art. 123.—Относительно обычного права—*Coutume de Paris*, titres XIII, XIV et XV,—*Coutume d'Orléans*, tit. XV, XVI et XVII и Комментарий Потье.

¹ Ср. Osserain (Soule), Lagrèze, p. 16: «Два соседних дома в одной и той же общине не имеют ничего сходного между собой в порядке наследования; в данной общине также наблюдается это странное необъяснимое явление...».

Которая из них будет служить основой для нового права? Конечно, та, которая лучше всего отвечает революционным принципам и той цели, которую ставят себе законодатели.

А намерения революционеров заключаются в том, чтобы укрепить юридическое равенство путем известного фактического уравнения; в том, чтобы помешать концентрации богатств, раздробить состояния, сделать так, чтобы никто не имел много, но все имели достаточно, установить всюду золотую середину, согласно демократическому идеалу. Ибо в интересы общества входит: создать независимое существование каждого индивида, наделить его собственностью, способной одновременно освободить его от посторонней опеки и связать его прочными узами с государством. В основе этого имущественного дробления будет лежать самое строгое равенство, во-первых, потому, что равенство полезно для общества и неравенство было бы для него, очевидно, опасно, а во-вторых, потому, что оно справедливо и согласно с природой. Таким образом, и естественное и позитивное право одинаково стремятся к его установлению и поддержанию.

Из различных систем, стоящих перед юристами революции, феодальная и римская дают простор для развития неравенств, основанных на законе или на воле наследодателя; только система обычного права допускает равенство в разделении наследства. С другой стороны, феодальная и обычно-правовая системы очень сложны; одна римская проста. Следовательно, в отношении содержания новым идеям больше всего соответствует порядок обычного права, а в отношении формы—порядок писаного права. Исключение обеих систем—феодальной и римской, и сохранение обычно-правовой с освобождением этой последней от присущей ей сложности, сообщением ей римской простоты и с некоторым даже усилением ее тенденций под влиянием революционных принципов—таковы были достижения революции в области наследственного права.

II

Начнем с работы по исключению норм римского и феодального права. Она была продолжительна. Дело не обошлось без противодействий и установления переходных форм.

Уничтожение остатков феодализма, провозглашенное в принципе в ночь на 4 августа 1789 года, повлекло за собой уничтожение наследственного порядка, вытекавшего из феодальной практики. Но, как известно, следствия августовских декретов заставили себя ждать довольно долго. Только 15 марта 1790 года была упразднена система феодального наследственного права, и то еще не полностью, ибо осторожное и консервативное Национальное Собрание желало пощадить некоторые частные интересы. Всякое неравенство, вытекающее из благородного характера владения или благородного же происхождения лица, отменяется этим де-

кретом: нет больше права, вытекающего из происхождения по мужской линии, права старшинства. Но ряд браков был заключен в расчете на эти права; не следует грубо отнимать надежду у тех, кто питал ее на законном основании; поэтому лица, состоящие в браке, или вдовы с детьми не пострадают от этой отмены; в пользу них сделано исключение¹. Между тем, введенное феодализмом в некоторые кутумы узаконенное неравенство относительно раздела неблагоприятных земель по наследству между неблагоприятными—все еще сохраняется. Национальное Собрание понимает, что необходимо немедленно устранить это явление, в интересах ускорения продажи национальных имуществ, и оно поручает Комитету по выработке конституции и Комитету отчуждений представить ему соответствующий доклад. 21 ноября 1790 года Мерлен де Дуэ, во имя естественного права, справедливости политических принципов французского правительства, клеймит несправедливые постановления северных и северо-западных кутумов, устанавливающих настоящее право старшинства для неблагоприятных на земли неблагоприятного происхождения. Зачем сохранять в некоторых местностях наследственное право, противоположное праву остальной части королевства, и тем препятствовать столь желанному и необходимому единству законодательства?² Но представители местностей, где господствует оспариваемое обычное право, особенно депутаты Нормандии и Беарна, энергично протестуют против деления наследства поровну в случае отсутствия завещания, что хотели бы установить Мерлен и Комитеты. Неравенство долей, которое признается ими несправедливым, вызывается, по мнению сторонников обычного права, практическими и справедливыми соображениями. Оно гармонирует с обычаями земледельческого района, где дочери, выйдя замуж и получив приданое, покидают отцовский дом, между тем как сыновья продолжают работать с отцом. Следовательно, дочери не могут участвовать в наследстве; в противном случае они лишились бы сыновей продукта их труда, и справедливость, на которую претендуют Комитеты, превратилась бы в возмутительную несправедливость³. Ламбер де Фронdevиль утверждает, что, согласно нормандскому закону, «определяющему наследство каждого в зависимости от

¹ Декрет от 15 марта 1790 г., ст. II.

² Доклад Мерлена, А. Р., XX, 598 и сл.—Жители Артуа требовали отмены права старшинства для разночинцев. Третье сословие бальяжа Лан, ст. 16. Logiquet, I, 104. Третье сословие Арраса, ст. 31, *ibid.*, 160.

³ В Нормандии дочери, получившие приданое, по закону исключаются из числа наследников, если отец с матерью не привлекают их к участию в разделе. Дочери, как бы они ни были многочисленны в семье, не могут никогда получить более третьей части имущества (Cout. de Norm., art. 254 et 249). Их наделяют преимущественно деньгами, движимостью или недвижимостью, расположенной в городах или крупных посадах (ст. 270), большую же часть земли и всякие постройки в полях оставляют детям мужского пола (ст. 271). В случае смерти отца и матери дочери попадают в некоторую зависимость от своего старшего брата (ст. 264 и 265).

рода занятий, к которому он призван природой», земля после отца должна принадлежать сыновьям потому, что «они держали в своих руках тот плуг, благодаря которому земля стала плодородной». Ашар де Бонвулар, нормандский депутат, также заявляет, что проект декрета ведет к полному уничтожению нормандского обычного права, а, между тем, он лично вовсе не имеет «полномочий, чтобы обсуждать такую перемену», и он добавляет, что «все присутствующие в Собрании нормандцы отказываются от обсуждения этого вопроса». Однако, Гуиль де Префельн, Турэ, Пуре-Рокери—тоже нормандские депутаты—не признают мудрости данного обычая Нормандии и уверяют, что их доверители встретят без возражений закон о равенстве¹. Несколько депутатов провинций с писаным правом идут заодно с оппозиционно настроенными нормандцами и хотят помешать Собранию издать декрет о равенстве наследственных долей в случае отсутствия завещания, хотя это равенство и являлось общим правилом писаного права. Но они опасаются за свободу завещания, которую Мирабо поставил под вопрос. Казалес поддерживает принцип неравенства по закону потому, что он сторонник неравенства и по воле завещателя. Он не без основания опасается, что если принцип равенства будет однажды установлен при делении наследства, то Собрание будет его поддерживать при помощи строгих законов и ставить препятствия актам человеческой воли, вносящим элемент произвола. Он чувствует, что этот декрет, имеющий своей ближайшей целью только применение по всей Франции римского правила о делении наследства поровну, в случае отсутствия завещания, является предвестником гибели самого писаного права. Поэтому он старается при помощи всякого рода исторических и экономических аргументов доказать необходимость неравного деления наследства². Несмотря на эту оппозицию, декрет принимается 8 апреля 1791 года. Всякое неравенство по закону исчезает: «Все наследники одной степени родства наследуют в равных долях определяемое им законом имущество»³. Впрочем, исключения из декрета 15 марта 1790 года сохраняются в пользу лиц, состоящих в браке, или вдов с детьми⁴. Затем депутаты провинций, где часто практиковался институт договоров о наследстве, добиваются постановления о том, что новый закон не препятствует «институту договоров или другим, обусловленным законом оговоркам либо в брачном договоре, либо в статьях о браке, в тех провинциях, где последние имели силу договора»⁵.

¹ А. Р., XXIV, 46.

² Казалес, А. Р., XXIV, 570 и сл. (5 апр. 1791 г.).

³ Декрет от 8—15 апреля 1791 г., ст. I.

⁴ Ibid., ст. 5.

⁵ Ibid., ст. 4.—А. Р., XXIV, 498. «Дарнода (в Беарне) желает, чтобы после слов «брачный договор» были добавлены слова «статьи о браке», в виду того, что в некоторых департаментах и, в частности, в бывшей провинции Беарн эти статьи имели одинаковое значение с договорами». См. поправку Рамель-Ногаре.

Каждая местность из оппозиции старается по возможности сократить свои потери, вытекающие из декрета; если им не удалось помешать установлению принципа, то они хотят, по крайней мере, смягчить его следствия при помощи переходных постановлений и они ревниво следят за малейшими терминологическими деталями декрета.

Неравенство по закону уничтожено, но воля наследодателя может всегда свести на-нет роль закона; реформа необходимо требует дополнения. Вслед за феодальной системой остается исключить римскую. Уже с 1789 года по вопросу о равенстве наследств и об отмене свободы завещания по прямой линии в Собрание поступают письменные заявления или делаются устные предложения в обществах и клубах. Выражается желание уничтожить варварский закон римского Кодекса, который делит жителей юга на два класса: грабителей и ограбленных, особенно потому, что, в силу новых законов, последние будут лишены всех политических прав¹. Мирабо первый предлагает упразднить институт завещания. Уже 21 ноября 1790 года, после доклада Мерлена о неравенстве по закону, он добивается от Собрания постановления о том, что «Комитету по выработке конституции и Комитету отчуждения вменяется в обязанность незамедлительно представить доклад конституционного характера о неравенстве, происходящем по воле наследодателя»². И сам он в своей знаменитой речи, произнести которую ему помешала смерть, показывает все недостатки римского наследственного права и требует его отмены³. Тогда революционеры входят в рассмотрение самой сущности права завещания. Естественно ли оно или возникло в силу договора? Предшествует ли оно гражданским и политическим установлениям и образованию общества или создано позднее. Если предшествует, то тем самым оно выше общества, оно становится над государством, которое, конечно, может ограничить его в пользу семьи, но никак не уничтожить. Если же оно создано обществом, то оно на справедливом основании может быть сведено на-нет или почти на-нет. Отсюда две противоположные

¹ Adresse des cadets du tiers-état de Provence et d'autres pays de droit écrit au roi (1789), ADXVIII c. t. 164: «Тщетно факел философии освещает все цивилизованные народы... Провансалец воздает языческие почти своему святому божеству—римским законам. Что делает он даже в настоящий момент? Он хранит тупое молчание среди несущихся отовсюду всеобщих кликов. В наказах всех трех сословий нет ни одного слова, ни единого словечка об отмене неравенства семейных разделов» (стр. 28). «Итак, население Прованса неизбежно делится на два класса: грабителей и ограбленных, которые образуют значительное большинство. Последние, не имея никакой собственности и на этом основании не платя никаких налогов и влача жалкое необеспеченное существование, вычеркнуты из списка граждан» (стр. 29).—Motion sur l'abrogation des testaments en ligne, lue à la Société de 1789 par Jean Pezous, dépr. du Tarn, 19 nov. 1790, ADVIII c. 165.

² Ср. декрет, явившийся результатом уже цитированного доклада Мерлена.

³ Эта знаменитая речь имеется в ADXIII c. t. 164; в «Moniteur», VIII, 34;—в А. Р., XXIV,—в l'Hist. parl. de Buchez et Roux, IX, 288.

теории, которые разбили на две группы видных юристов того времени и вступили в борьбу между собой в Национальном Собрании. Для одних принцип собственности есть право естественное, которое государство не должно нарушать. А во что превратится принцип собственности без вытекающего из него права распоряжаться ею?—В простой узурпации. «Нет ни одного собственника, который не сделался бы врагом конституции¹, если он будет лишен права завещания». Так думают ораторы юга—Казалес, Мужен ди Рокфор и Сен-Мартен. Другие, воспроизводя аргументы Пуффендорфа, утверждают, что собственность есть создание общества и что государство в праве регулировать по своему усмотрению передачу ее по наследству. Ведь, согласно естественному закону, право собственности ограничено пределами человеческой жизни. Нет ничего проще, как сделать его отныне пожизненным. Мирабо, Тронше, Дюпон де Немур, Петийон, Робеспьер, Ланжюинэ, Бюзю²—все они полагают, что индивид не может повелевать после своей смерти и что его «права, касающиеся собственности, не могут простираются за пределы срока его существования»³. Но теории недостаточны: для защиты или опровержения права завещания к философским доктринам присоединяются основания практического характера. Одни говорят, что было бы опасно всюду заменить законом человеческую волю, которая одна может приспосабливаться к бесконечной пестроте обстоятельств. Неравенство наследств очень полезно: оно развивает дух предприимчивости у младших сыновей, оно позволяет земледелию процветать в некоторых областях, где производительность крупного землевладения гораздо выше мелкого. Оно также необходимо для семьи: упраздните завещание—и вы погубите отцовскую власть, сыновнее почтение, все чувства повиновения и любви, которые составляют основу семьи⁴. По мнению других—Мирабо, Тронше, Петийона и им подобных—человеческая воля способна только причинять большие несчастья семье и обществу. Неравенство долей наследства—это гибель конституции и государства; концентрация имуществ, которая из него проистекает, стремится к восстановлению правового неравенства,

особенно в обществе, где полигические права связаны с богатством¹. Право завещания было бы перманентной опасностью для патриотов. Нация должна оказывать покровительство своим друзьям. В социальной борьбе, которая вот-вот начнется, это—ужасное оружие, и его надо вырвать из рук отцов. Многие из них еще сохраняют привязанность к старым порядкам, поэтому надо заранее лишить их возможности воспользоваться этим отвратительным орудием мести против детей, виновных в их глазах в любви и преданности конституции и Национальному Собранию. Право завещания, вредное для государства, не менее вредно и для семьи. Прежде всего, власть отца для своего поддержания не нуждается в подобном средстве. «Кто уважает отца только потому, что надеется получить более крупную долю в его наследстве, тот очень близок к тому, чтобы с нетерпением ожидать момента его получения, а следовательно,—к чувству ненависти к своему отцу»². Повиновение детей своим родителям должно быть естественно, бескорыстно, вызываться и беспрестанно поддерживаться любовью и почтением, которые они должны питать к ним. Не нужно права завещания, превращающего сыновей и дочерей в рабов и интриганов и вносящего в семью дурные, низкие чувства. Без права завещания авторитет отца будет так же крепок, но более этичен: он будет очищен и возрожден. Семья не будет больше знать ненависти и зависти; братья и сестры, отныне равные, не будут разъединены заботой о личной выгоде и останутся связанными на всю свою жизнь нежными узами любви.

Между тем как оппозиция—депутаты юга, как, напр., Казалес и Сен-Мартен, требуют сохранения римских законов и свободы завещания, юристы из местностей Франции с обычным правом и свободомыслящие южане хотят значительно сократить ту часть имущества, которую можно будет свободно завещать по прямой линии; Мирабо сводит ее к десятой, Тронше к четвертой части³. Комитет по выработке конституции и Комитет отчуждений предлагают, устами Лешанелье, проект декрета, который позволяет родителям распоряжаться одной частью, полагающейся детям, но ни в коем случае не превосходящей четверти имущества. Этот проект ограничивает субституции первой степенью род-

¹ Казалес, цит. речь, в конце.—Сен-Мартен (AD XVIII c. t. 164, —Moniteur, VIII, 43): «Разве это не было бы нарушением основного и самого священного из прав—права собственности? Законодатель должен всемерно остерегаться такого шага. Всякий привязан к своей собственности и заботится об удобрении своего поля лишь постольку, поскольку он уверен в том, что может располагать им по своему усмотрению». —Mougins dit Roquefort, AD XVIII c. t. 164, A. P., XXIV, 616.

² Тронше, A. P., XXIV, 564;—Дюпон де Немур, *ibid.*, 554; Петийон, *id.*, 612;—Робеспьер, *id.*, 562;—Ланжюинэ, *id.*, 599;—Бюзю, *id.*, 602.

³ Мирабо, цит. речь.

⁴ Казалес, A. P., XXIV, 575: „Только при помощи права завещания отец может управлять своей семьей, добиваясь от детей почтительного и бережного отношения к себе до самой дряхлой старости; напрасно в этом отношении надеяться на их добродетель“.

¹ Петийон, A. P., XXIV, 612. «Если родители будут властны лишать своих детей наследства—ибо сведение к законной доле есть действительно беспричинное лишение наследства,—если вы оставите за ними это право, вы сохраните за ними власть делать граждан активными или не активными, избираемыми или не избираемыми. Вы лишаете бесчисленное количество граждан их политических прав».

² Робеспьер, 5 апр. 1791 г., A. P., XXIV, 562.

³ Правда, Тронше увеличивает признаваемую обычным правом законную долю детей (до $\frac{3}{4}$ вместо $\frac{1}{2}$), но оставляет в силе различие имуществ по их происхождению: половину родовых он сохраняет за родственниками до степени дяди и племянника. Он недостаточно освобождается от влияния обычного права. A. P., XXIV, 564 et suiv.

ства, сводит их к умеренным размерам и уничтожает всякие основания для лишения наследства и всякий договор об отказе от предстоящего наследства¹. Но этот компромисс между римским правом и новыми принципами не удовлетворяет ни одну из сторон. Упорствующим романистам он кажется слишком смелым, а юристам-новаторам—слишком умеренным или неполным. Сам Лешапелле, докладчик Комитетов, из опасения, чтобы отцы не стали отдавать находящуюся в их распоряжении долю лишь одному из своих детей, а также чтобы дворяне не восстановили косвенно права майората, требует его отклонения. Один депутат хотел бы, по крайней мере, отмены субституций, но Собрание откладывает проект целиком². Реформа еще не созрела.

Законодательное Собрание и Конвент продолжают борьбу против римского права. 25 августа 1792 года Законодательное Собрание декретирует в принципе, что субституции больше не разрешаются, и поручает своему Законодательному Комитету изучение вопроса в деталях³. Конвент тотчас же после своего созыва требует от своего Законодательного Комитета представить в кратчайший срок проект декрета о субституциях, а 19 октября Лаплэн выступает с докладом⁴, в результате которого Конвент издает декрет 25 октября. Этот проект уничтожает субституции, которые «на протяжении нескольких поколений дают возможность скоплять в руках привилегированных лиц состояния, могущие явиться угрозой общественной свободе⁵. Те субституции, которые еще не открыты в момент обнародования декрета и в силу которых лица, призванные к наследованию, имеют только надежду, простое ожидание недостоверного и условного права»⁶, объявляются уничтоженными и не имевшими места. Те же, которые уже вошли в силу, сохраняются, но могут простирались только на лиц, уже получивших наследство⁷, но не на следующие поколения. Наконец, уничтожив последние следы феодализма в наследственном праве, отменив исключения, сделанные в пользу состоящих в браке или вдов с детьми⁸, Конвент раздельно окончательно с римским правом, отменяя право завещания по прямой линии. 7 марта 1793 года, по предложению Мэйя и Жансонне, он декретирует, что «право распоряжаться своими имуществами на случай смерти, либо в виде сделки между живыми, либо в форме дарения по договору по прямой линии,

отменяется, и, следовательно, все потомки по нисходящей линии будут иметь равную долю в имуществе родственников по восходящей линии»¹. Этот закон, обусловленный обстоятельствами революции, направлен против отцов, обнаруживавших ненависть к революции и лишавших наследства тех из своих детей, которые были преданы новому порядку. Некоторые хотели бы пойти еще дальше и уничтожить, как предлагал Бюзо, право завещать по боковой линии так же, как и по прямой, или, как предлагали Камбон, Приер и Кадруа, дать декрету обратную силу до 14 июля 1789 года. «Надо, говорит один член Конвента, нанести аристократам удар даже в их могиллах, объявив аннулированными их завещания, составленные под влиянием ненависти к революции»; никакие протесты не должны выслушиваться; «интересы революции требуют устранения всяких поправок к закону», ибо «аристократия вот уже три года пытается, используя все способы, парализовать усилия республиканцев»². Римское право формально осуждено на гибель, и уже чувствуется, что, благодаря разыгравшимся страстям, революционеры пойдут далеко в реакции против прошлого.

III

Когда обе системы, феодальная и римская, были мало-помалу исключены, осталась система обычного права. Революционеры принимают ее за основание, но при этом ничуть не поступаются своей свободой. Они ее видоизменяют, упрощают, позволяют себе превзойти ее, освобождают ее от различных влияний, римского и феодального, которые она испытала на протяжении веков, и преобразуют ее согласно своему идеалу. Они не следуют рабски за какой-либо предшествующей системой. Они идут туда, куда влекут их принципы революции, потребности момента и их политические чувства.

I. Все новое законодательство о наследственном праве исходит из той философской теории, что собственность есть создание общества и что государство имеет право регулировать передачу ее по наследству по своему усмотрению так, чтобы индивид не мог изменить ее более или менее существенно. Уже обычное наследственное право основано на том юридическом принципе, что только закон дает права на наследство. Революционеры усваивают это общее правило, но значительно расширяют его при помощи философской доктрины о происхождении собственности. Их наследственное право в гораздо большей степени, чем обычное право, сохраняет имущество для семьи и охраняет законных наследников. Это в высшей степени семейственное право.

¹ Декрет от 5 марта 1793 г., содержащий поручение Комитету представить в трехдневный срок проект закона о равенстве в семейных разделах (Duvergier, V, 229); Декрет от 7 марта, id. 232.

² «Moniteur», XV, 659.

¹ A. P., XXIV, 506, art. 13,3 et 4,9 et 10,1 du projet.

² 6 апреля 1791, A. P., XXIV, 599—602.

³ Duvergier, IV, 422.—Projet de décret présenté au nom de la partie systématique du Comité de législation, par J. B. Lesueur.—Projet de décret sur l'abolition des substitutions par Verriou (AD XVIII c. t. 191).

⁴ Доклад Лаплэна, AD XVIII c. t. 326.

⁵ Декрет от 25 октября—14 ноября 1792 г., ст. I (Duvergier, V, 57).

⁶ Ср. Лаплэн.—Декрет от 25 октября, ст. 2.

⁷ Декрет от 25 окт., ст. 3.

⁸ Декрет от 4 января 1793 г. Duvergier, V, 129.

Во-первых, право посмертного распоряжения имуществом почти совершенно отменено. Идеалом было бы его полное уничтожение. Но принципы иногда должны быть гибкими; практика с трудом мирится с абсолютами¹. Вследствие этого предоставляется право распоряжаться одной десятой частью своих имуществ, если имеется потомство по прямой линии, и одной шестой, если остаются наследники только по боковой линии². Состояние принадлежит не столько личности, сколько семье, т. е. всем родственникам, как бы они ни были отдалены. Индивиду в действительности принадлежит в качестве полной собственности, с абсолютным правом пользования, злоупотребления и распоряжения, только шестая или десятая часть того, что он имеет; и опять-таки эту часть он не может использовать для уничтожения «святого равенства» между наследниками³: так что, если он не оставит ее своим наследникам, что было бы лучше всего, то он по необходимости отдаст ее другим лицам, а это все-таки будет способствовать разделению богатств. Члены Конвента заставляют индивидуальную волю уступать перед общей волей, выражением которой является закон. Первая погрешима, капризна, одержима страстями, и они ей не доверяют; последняя постоянна, «всегда равна себе и справедлива» и творит общее дело революции⁴. Они как будто возвращаются к праву примитивных обществ, к греческому, к досолоновскому или же к древнегерманскому законодательству, так как ни тому, ни другому институт завещания не известен, и оба они знают только категорические правила, не допускающие проявления человеческой воли⁵. Одним росчерком пера Конвент сводит на-нет результаты долгой юридической эволюции и возвращается к источникам права; но руководит им не влечения к археологии, а дух философии и, в особенности, политическая необходимость.

¹ Камбасерес. Доклад о первом проекте: «...Будет ли это правило носить такой абсолютный характер, что глава семьи не будет никогда в праве распорядиться хотя бы частью своего наследства? Комитет этого не думает; он полагал, что такое обязательство шло бы слишком вразрез с нашими привычками, не повышая нашего морального уровня и не принося пользы обществу».

² Первый проект Гражданского Кодекса, кн. II, разд. III, ст. 26.—Декрет от 5 брюмера II года, ст. 11.—Декрет от 17 нивоза II г., ст. 16.

³ Проект Кодекса, кн. II, разд. III, ст. 24. Декрет 5 марта 1793 г. Duvergier, V, 229.—Декрет от 7—11 марта, ib. 232.—Декрет от 17 нивоза II года, ст. 16, которая распространяет это правило на родственников по боковой линии, согласно требованию нескольких членов в марте 1793 г.

⁴ Берлие, «Moniteur», XIX, 697: «воля закона, всегда равная себе и справедливая, поставлена на место человеческой воли, слишком часто произвольной и безразличной при такого рода раздачах».

⁵ В примитивных обществах, говорит Тронше, завещание не допускается речь от 4 апреля 1791 г., А. Р., XXIV, 566). Однако, он не хочет, чтобы за ними следовали в этом вопросе: «Народ-законодатель должен при создании законов считаться не столько с тем, практиковалось ли уже намеченное мероприятие, сколько с тем, разумно ли его проведение».—Berlier, Rapport sur l'exécution de la loi du 5 brumaire ADXVIII c. t. 326: «Законы Солона исключали завещание при наследовании по прямой линии, но допускали его по боковой».

Итак, индивид теперь уже не может «повелевать после своей смерти»; но не следует ли опасаться, что еще при жизни он наложит путы на будущее при помощи сделок «между живыми»? Конечно, он имеет право продавать и обменивать свои имущества, но в своей щедрости он может и ограбить своих родственников, лишит их части своего состояния, и в этом надо ему воспрепятствовать. Правда, его право отдавать по завещанию сведено к десятой или шестой доле его имущества; но так как лучше, чтобы и эта часть отходила все-таки к семье, то законодатель изобретает целую серию способов, чтобы обязать его не пользоваться своим правом.

Во-первых, в подражание кутюмам, все без исключения¹ дарения объявляются безвозвратными. Не должно быть неуверенности в обладании имуществом. Даритель должен немедленно и навсегда передать дарение, а это не может не вызвать его на размышления перед совершением этого акта. Во-вторых, дарения подчинены строгим формальностям: эти акты не должны содержать ни одного невыполнимого, противного законам и правам пункта, зависящего от произвола дарителя или стесняющего гражданскую и политическую свободу одаренного лица. Далее, они должны быть засвидетельствованы у нотариуса², должны всегда содержать оценку объекта дарения, быть опубликованы и выставлены нотариусом в общественных местах, в районе жительства дарителя и расположения его имуществ³. Наконец, и это главное, законодатель фиксирует максимум, выше которого не могут идти ни даритель, ни одаренное лицо. Само собой разумеется, что даритель не может располагать больше чем десятой или шестой частью своего состояния и что эта часть не может идти на увеличение доли какого-либо наследника; супруги не могут дарить друг другу ничего сверх скромного узурфрукта, определенного законом. Кроме всего этого, если доля, остающаяся в распоряжении наследодателя, не переходит семье, она должна быть разделена: надо остерегаться создания новых богатей. В проекте Кодекса 1793 года члены Законодательного Комитета Конвента определяют максимальное дарение в размере ежегодного дохода в 1.000 квинталов пшеницы, декрет 17 нивоза II года—в 10.000 ливров деньгами⁴. Если же одаренное лицо обладает уже состоянием такого размера, оно вообще не может ничего получить: его состояние

¹ Проект кодекса, кн. II, разд. III, ст. 37: «Ни одно свое волеизъявление завещатель не может взять назад, ни по мотивам неожиданного рождения нового ребенка или неблагодарности наследника, ни ссылаясь на имевшее место наущение или обманное присвоение наследства».

² Декреты от 5—12 сентября 1791 г.;—5 брюмера II г., ст. 1;—17 нивоза II года, ст. 12.

³ Проект кодекса, кн. II, разд. III, ст. 32 и 33.

⁴ Проект кодекса, кн. II, разд. III, § 3, ст. 24.—Декрет от 17 нивоза II г., ст. 34.—Hentz в своем *Exposé des motifs sur les donations* (ADXVIII c. t. 326) выражает надежду на то, что впоследствии можно будет сократить этот максимум дохода до 500 квинталов зерна.

считается достаточным и не должно увеличиваться благодаря дарению; бесполезно и опасно увеличивать богатство богачей. Чтобы наказать эти «паразитические создания, почти всегда скупые и эгоистичные», пренебрегающие обязанностями, которые возлагают на них «общество, человечество и природа», они запрещают дарение чего-либо холостякам старше 21 года, имеющим доход, превышающий стоимость 50 квинталов пшеницы, за исключением тех случаев, когда они имеют усыновленных детей или поддерживают старого родственника или бедного старика¹; впрочем, декрет 17 нивоза II года уже не воспроизводит этого сурового предписания.

Крайне суровое ограничение права завещания и дарения, нагромождение всякого рода запретов в прямых интересах семьи и в видах высшей общественной пользы—вот в чем состоит наследственная система Конвента.

II. Таким образом, охрана семьи обеспечена; остается урегулировать распределение наследственных имуществ между составляющими ее членами.

Прежде всего, наследство рассматривается как единая масса; революционеры не различают ни характера, ни происхождения имуществ; для них не существует более движимости, приобретенного и родового имущества². Вместо сложности обычного права вводится простота римских норм, единственно подобающая законам, препятствующая развитию крючкотворства или, по крайней мере, ограничивающая возможность наживаться от кляуз.

Затем в отношении приобретения наследства вводится установленный законом порядок. А этот порядок основан не на предполагаемой воле умершего, но диктуется велениями природы, политическими законами и интересами домашнего очага³.

Веления же природы заключаются в том, чтобы именно дети получали все имущества их отца и матери. Природа, интересы общества и домашнего очага—все предписывает абсолютное равенство между детьми. Это равенство поддерживается и упрочивается тремя способами, которые не оставляют места индивидуальной воле. На первом месте стоит запрещение оказывать преимущество одному из наследников за счет других: согласно самой чистой

традиции обычно права¹, «закон хочет, чтобы они все получали равные доли в одном и том же наследстве»², чтобы сохранить между ними узы любви, которые должны соединять их на всем жизненном пути. На втором месте, вопреки римскому праву и большинству обычаев, следует лишение наследника дарения (*le rapport des donations*) даже в том случае, когда он отказывается от своей доли в наследстве дарителя³: он не может воспользоваться полученным даром, ибо, если бы последний превысил долю его братьев и сестер, то строгое равенство было бы тем самым все-таки нарушено. Наконец, третий способ, это представительство, справедливая фикция, которая ставит представителя на место умершего и которую революционеры устанавливают по прямой линии до бесконечности⁴. Кроме того, признаваемые незаконнорожденные дети, если они не являются плодом прелюбодеяния или кровосмешения, получают те же права на наследство, как и законные⁵. Все это—меры, обеспечивающие абсолютное равенство и имеющие целью раздробить, насколько возможно, богатства, уничтожить аристократию, поддержать и укрепить демократию.

Вслед за наследниками по нисходящей линии идут наследники по восходящей и боковой. Но к этому общему порядку, указанному природой, принятому всеми законодательными системами, революционные законодатели прибавляют значительные нововведения, опять-таки предназначенные для большего раздробления состояний и для повышения их производительности. Законодательный Комитет старается внести изменения в традиционное право. В проекте Гражданского Кодекса, который Дюран-Майян докладывает в Комитете 8 июля 1793 года, к наследованию призываются, вслед за нисходящими, родственники по восходящей линии, затем братья и сестры. Кроме того, родственники ближайшие не должны исключать родственников следующих степеней. Все родственники обоого пола третьей и четвертой степени конкурируют между собой, первые на две трети, вторые на остальную треть. Родственники четвертой и шестой степени тоже конкурируют вместе, при чем первые на половину наследства. Наконец, родственники пятой, шестой и седьмой степени—дальнейшие уже не имеют прав на наследство—делят наследство между собой⁶. Комитет не принял этой системы: если у нее было большое достоинство, заключающееся в том, что она проводила дробление состояния, то у нее было также и важное

¹ Проект кодекса, *ibid.*, ст. 24, цит. выше.—Hentz, *Exposé de motifs*... «Вполне справедливо отстранить их от пользования известными благами, связанными с существованием общества потому, что они сами устранились от самой почетной и самой интересной из общественных функций. Закон об усыновлении лишает их благовидного предлога и права жаловаться на то, что дарение в их пользу запрещается, если они обеспечены необходимым».

² Декрет от 17 нивоза II года, ст. 62.

³ Гарран в *Exposé des motifs sur les successions* (ADXVIII c. t. 326) говорит: «В предлагаемой системе наследственного права политические интересы оказались согласованными с велениями природы». Камбасерес, Доклад о втором проекте кодекса: «Наш кодекс о порядке наследования согласован с нашими политическими законами и основан на требованиях природы: его основной принцип—кровное родство».

⁴ Ср. Парижский кутюм, ст. 303, Орлеанский, 273 и особенно кутюмы Турани, Мэна и др., проводящие идею полнейшего равенства.

⁵ Проект кодекса, кн. II, разд. III, § 3, ст. 24.—Декрет от 7—11 марта 1793 г.

⁶ Проект кодекса, кн. II, разд. III, ст. 94. Декрет 17 нивоза II года, ст. 9.

⁷ О незаконнорожденных детях см. книгу II, гл. IV, отд. 3 настоящей работы.

⁸ Дюран-Майян, *Plan de Code civil uniforme pour toute la République française*, ADXVIII c. t. 324.

неудобство—она осложняла законодательство, и, без сомнения, по этой причине она и была отвергнута.

При отсутствии нисходящих все наследство делится на две равные части: одна для родственников со стороны отца, другая для родственников со стороны матери; в случае надобности, каждая из этих частей может в свою очередь быть разделена пополам. Революционное право заимствует у римского эту полинейную систему, как бы расщепляющую наследство (*le système de la fente*)¹, и добавляет к ней вторичное расщепление его (*la refente*). Оно относится безразлично к происхождению имуществ, но в этом случае в систему проникает несправедливость. Для соблюдения справедливости нужно было бы, чтобы имущества, оставленные умершими, происходили поровну от отца и от матери. А это случается редко. Чаще всего при этом одна линия обогащается за счет другой. Это—необходимое следствие полинейной системы и отсутствия разделения наследства с точки зрения его происхождения. Избегая сложности обычного права, законодатели допустили несправедливость. Правда, что при этом все же достигается дробление имуществ и обогащение бедной линии за счет богатой, а это опять-таки входит в принципы революционных законодателей, и такая компенсация может их только радовать.

Как будет происходить раздел между каждой линией? Здесь Конвент следует системе, которая не основана на римском исчислении степеней родства². Он, повидимому, возвращается к источникам обычного права и странным образом приближается к германскому порядку исчисления родства по классам (*parantèles*). Существенным в этом порядке является не степень родства с умершим; здесь надо отыскать, каким восходящим родственником умершего является тот, от которого идут данные нисходящие. Отсюда целая серия нисходящих рядов, идущих от отца, деда, прадеда умершего и т. д., и вот эти-то ряды или классы (*parentèles*) последовательно и призываются к наследованию. Они наследуют преимущественно перед восходящими родственниками умершего³. Таким образом, братья и сестры исключают отца и мать⁴. Нисходящие от деда, т. е. дяди и тетки, двоюродные братья и сестры, исключают самого деда, и так далее, ибо законодатель настолько благоприятствует семейному началу, что не обозначает—на каком классе надо остановиться. Наследства не должны больше переходить к восходящим, когда имеются нисходящие; это своеобразное расширение правила, сохранившегося в отношении родовых имуществ в самых древних кутумах, но не имевшего практического применения в общем обычном праве⁵.

Это—превосходное средство для проведения дальнейшего деления имуществ, а также для того, чтобы предоставить молодым людям не более или менее отдаленную надежду на имущество, а действительную собственность в настоящую минуту и снабдить их капиталом, который даст им возможность развить свои способности. Республика, идущая навстречу стремлениям молодого поколения, может рассчитывать на его благодарность. В пределах каждого наследственного ряда или класса представительство имеет место до бесконечности: только когда вымер весь ряд нисходящих отца, наследство может перейти к нисходящим деда и самому деду и т. д.¹. Родственники по боковой линии наследуют не поголовно, а поколенно. Это бесконечное представительство в комбинации с полинейным расщеплением и вторичным расщеплением наследства приводит к невообразимому дроблению состояний. Все способствует поддержанию равенства между родственниками по боковой линии с такой же строгостью, как и среди нисходящих умершего. Нет больше неравенства, происходящего по воле наследодателя: находящаяся в его распоряжении часть не может быть дана кому-либо одному из наследников². Нет неравенства и по закону: представительство существует до бесконечности; привилегия двойной связи уничтожена: полнородные братья и сестры не исключают более из наследства единоутробных и единокровных братьев и сестер; последние имеют равное с полнородными право в половине, выделенный в их линию³.

После всех родственников, даже самых отдаленных—здесь закон не устанавливает предела,—идет супруг, переживший умершего⁴. Это правило введено в согласии с римским и обычным правом, но в новом законодательстве оно наносит особенный ущерб остающейся в живых супруге, лишенной отныне ее вдовой доли наследства или ее прибавки к приданому⁵. Это произошло потому, что в системе Конвента право наследования связано с кровным родством; возможно также, что он предпочитает одному лицу многочисленных боковых родственников, которые разделят наследство на мелкие доли.

Наконец, в случае отсутствия родственников и супруга, наследство переходит к государству⁶. Это последнее установило законы наследования в интересах общества, но оно предоставляло

¹ Ibid., ст. 77. Закон 17 нивоза формулирует это следующим образом: «Нисходящие от ближайших к умершему нисходящих исключают тех, кто происходит от более далеких нисходящих той же линии».—Garran, Exposé des motifs: «Ясно, что при этой системе равномерное распределение богатства становится гораздо более вероятным, чем при системе уравнивания капиталов».

² Ibid., ст. 16.

³ Ibid., ст. 89.—Декрет от 22 вентоза II года (12 марта 1794 г.), 51-й вопрос.

⁴ Декрет от 22 ноября—1 декабря 1790 г., ст. 4.—Проект кодекса, кн. II, разд. III, ст. 76.

⁵ Отмена вдовой доли следует из ст. 61 декрета от 17 нивоза II года.

⁶ Декрет от 22 ноября 1790 г., ст. 3.

¹ Декрет 17 нивоза II года, ст. 83 и следующие.

² Декрет 17 нивоза II года, ст. 69—90.

³ Ibid., ст. 76.

⁴ Ibid., ст. 69, 72.

⁵ Нормандский кутум, ст. 241, сохраняет старое право. Парижский кутум, ст. 312, 313, 315: это правило утратило свое прежнее значение.

имущества тем, кого сама природа призвала получить их. Однако, некоторые члены Конвента подумывали о том, чтобы предоставить государству, «первому хозяину всех имуществ», право получения части наследств в качестве сонаследника и создателя собственности. Такое предложение Дюран-Майян вносит в Законодательный Комитет 8 июля 1793 года: в случае передачи наследства родственникам четвертой степени, государство будет брать одну двенадцатую; при вступлении в наследство родственников до седьмой степени оно будет взимать десятую часть; далее, оно разделит его пополам с пережившим супругом, а за отсутствием его, оно возьмет его целиком¹. Но члены Комитета отвергают этот проект; может быть, они опасаются, что такие мероприятия покажутся безвозмездной экспроприацией, разрушением собственности, объявленной неприкосновенной; может быть, они думают, что если государство вправе требовать вознаграждения за оказываемую им защиту и вынуждать признание его высоких прав, то оно не должно делать этого в такой грубой форме. В дальнейшем к идее Дюран-Майяна не возвращаются; никогда государство не согласится так грабить наследников.

III. Бесконечное дробление состояний в законодательстве революции о порядке наследования было орудием борьбы против богатых. Однако, система эта установилась только в 1794 году. Но неужели она начнет применяться только со дня обнародования различных составляющих ее законов? Неужели это демократическое общество, враждебное прошлому, с нетерпением ожидающее, чтобы новое законодательство немедленно, безотлагательно изменило распределение богатств, предоставит исполненному несправедливости старому праву регулировать недавно открывшиеся наследства? Потерпит ли оно и лишение наследства контрреволюционерами-отцами своих сыновей-патриотов, и исключение дочерей из права наследования своим родителям, и дарения или значительные завещательные отказы (легаты) богатых богатым? Может ли оно примириться с многочисленными несправедливостями, совершенными за эти годы, когда «каждое мнение, высказанное в пользу равенства наследственных долей, было для отцов семейств предупреждением, чтобы они так распоряжались своими имуществами, чтобы, по возможности, парализовать действие будущего закона»². Это было бы изменой общественным интересам; надо всегда и всюду бороться с аристократией, какие бы формы она ни принимала, будет ли это аристократия родовая или аристократия капитала. Члены Законодательного Комитета предлагают в приложении к своему проекту кодекса придать обратную силу законам о наследовании и дарении и довести ее действие до 14 июля 1789 года. Напрасно несколько членов Конвента высказываются против такой меры, которую Декларация прав человека

признает преступной,—большинство Собрания, увлеченное ненавистью к прошлому, может быть, даже под влиянием некоторых депутатов, непосредственно заинтересованных в обратной силе этих законов, постановляет, что статьи приложения будут выделены из Кодекса и обнародованы вместе с постановлениями о наследствах и дарениях¹. Таким образом законы 5 и 12 брюмера и 17 нивоза II года о наследовании² приобрели обратную силу вплоть до 14 июля 1789 года.

Все, что произошло после 14 июля 1789 года, аннулировано без нарушения прав, приобретенных третьими лицами. Все, предшествующее этой дате, сохраняется, за исключением договоров, тоже объявленных аннулированными, если заключавший их еще жив или умер только после 14 июля 1789 года. Таков общий принцип. А вот важнейшие случаи его применения.

Все наследства, открывшиеся с 14 июля 1789 года, подчиняются правилу соблюдения строгого равенства между наследниками³. Следовательно, происходит отобрание полученных дарений даже у наследников, отказавшихся от наследства,—аннулирование распоряжений, наносящих ущерб наследникам, за исключением распоряжений, касающихся предоставления выгод супругам друг другу и дарений по брачному договору в их пользу от бездетных дарителей⁴; наконец, создается бесконечное представительство по прямой линии и по боковой. Незаконнорожденные, признанные их отцами, участвуют в наследствах своих родителей, открытых с 1789 года, на тех же правах, как и законные⁵. Бывшие монахи и монахини призываются к приобретению наследств, доставшихся им с 1789 года⁶.

Дарения универсальные, совершенные с 1789 года, сокращаются до размеров доли, которой завещатель вправе распоряжаться, т. е. до десятой или шестой части имущества, но если одаренные имеют детей, то они, кроме того, имеют право удерживать по четверти этой доли на ребенка⁷. Частичные дарения (легаты), состоявшиеся после 14 июля 1789 года, объявлены аннулированными⁸, но только не в том случае, когда легатарий или одаренное лицо бедны. Надо нанести удар богатым, и только им. Поэтому Конвент своим декретом 5 фримера II года (25 ноября 1793 г.) оставляет в силе «дарения, пенсии и завещания малосостоятельным слугам, оставленные с 14 июля 1789 года». Он сохраняет также все приобретения этого рода лицам, состояние которых не превышает 10.000 ливров или, при наличии

¹ A.-C. Guichard, Dissertation sur le régime actuel des successions, Paris, nivôse an V, in-8.

² 25 октября и 2 ноября 1793 г.—6 января 1794 г.

³ Декреты 5 брюмера II г. ст. 9;—17 нивоза, ст. 9.

⁴ Декрет 17 нивоза, ст. 13, п. 15.

⁵ Декрет от 12 брюмера II г. (2 ноября 1793 г.).

⁶ Декреты 5 брюмера II г., ст. 4—8; декрет 17 нивоза, ст. 3—7.

⁷ Декрет 17 нивоза, ст. 17 и 20.

⁸ Ibid., ст. 1.

¹ Дюран-Майян, Plan du Code civil, titre VII, section II.

² Слова Клода Глейзали (14 флореаля II г.). ADXVIII c. t. 326.

у них детей, по 5.000 ливров на каждого, сверх 10.000 ¹. Но как быть, если прямой наследник имеет по меньшей мере 200.000 ливров? Не следовало ли бы тогда оставить завещанное или дарованное тому, кто его получил? Конвент отсылает этот вопрос на решение своего Законодательного Комитета. Комитет колеблется между двумя противоположными решениями: с одной стороны, необходимо нанести удар крупным состояниям и лишить богатых прямых наследников выгод, связанных с обратным действием законов; с другой—необходимо уважать непреходящие естественные права, главное основание всякой наследственной системы. В этом столкновении социальных интересов и естественных прав последние, по мнению Комитета, должны одержать верх: без них невозможен прочный и правильный наследственный порядок; противоположный принцип повлек бы за собой массу расследований об имущественном положении членов каждой семьи, бесконечный ряд судебных процессов, значительные потери для нации, представительницы большого числа лиц, имущество которых она конфисковала ². Однако, Конвент не соглашается полностью аннулировать в пользу богатых наследников все распоряжения наследодателей с 1789 года: при наследствах, чистая стоимость которых превышает 200.000 ливров, дарения и легаты в пределах одной шестой доли наследства будут иметь силу, какова бы ни была состоятельность легатария или одаренного лица ³, «ибо в этих случаях закон видит в прямых наследниках только лиц, вдруг разбогатевших и с этого момента менее достойных покровительства» ⁴.

Так революционные законодатели комбинируют и примиряют естественные права и общественные интересы, доктрину и жизнь.

IV. Эта наследственная система, идущая вразрез с привилегиями и интересами многих провинций и отдельных граждан, делается объектом беспрестанных нападков. Абсолютное равенство между наследниками, почти полное запрещение права распоряжаться своим имуществом, вторичное открытие наследств, открывшихся и уже разделенных пять лет тому назад,—все это в высшей степени возбуждает страсти. В каждом семействе разыгрывается борьба: с одной стороны, группируются отцы и старшие сыновья, с другой—младшие сыновья и дочери, и все эти семейные конфликты, особенно частые в провинциях с писаным правом и в Нормандии, заканчиваются обращением в Конвент. В Нормандии братья кричат о несправедливости: их замужние сестры, надежденные приданым, получив отцовское наследство, отнимут у них землю, которую они одни обработали и сделали плодородной: равенство в правах на наследство будет для них чудовищной

несправедливостью ¹. На Юге отцы сокрушаются о своем праве завещания, основе их семейного авторитета ², а старшие сыновья, принужденные делиться поровну со своими братьями и сестрами, негодуют на то, что новое законодательство похищает у них вековые права. Младшие сыновья на Юге и сестры в Нормандии приветствуют Конвент, благодарят его за то, что он, наконец, восстановил их естественные права, и выражают надежду на то, что справедливое и разумное дело не будет погублено. Особенно возбуждает одну сторону против другой обратная сила наследственных законов. Младшие сыновья и дочери говорят: эти законы в сущности не имеют обратной силы; все в революции должно вступить в силу с 14 июля 1789 года, даты воцарения естественного права. Это—чудовищный софизм, возражают старшие сыновья, отцы и братья в Нормандии: декреты II года имеют обратную силу, а это является преступлением даже по выражению Декларации прав; а тем временем, во избежание предъявления к ним требований, основанных на новом законодательстве, они производят ряд действительных или фиктивных продаж. С обеих сторон в течение двух лет не прекращаются интриги, чтобы добиться от Конвента то отмены, то сохранения и даже расширения обратного действия этих законов ³. Но Собрание не хочет ни идти дальше этого, ни возвращаться назад: оно твердо поддерживает дело своих рук; оно защищает его путем нескольких разъяснительных декретов, в которых отвечает на массу вопросов, извлеченных из бесчисленных петиций, направляемых ему со всех концов Франции ⁴. По его мнению, законы II года, в сущности, не ретроактивны «потому, что они только развили принципы, провозглашенные уже 14 июля 1789 года великим народом, восстановившим свои права» ⁵. Взять обратно эти законы, говорит Клод Глейзаль 14 флореаля II года (3 мая 1794 г.) ⁶, значило бы вынести обвинительный приговор делу революции; Конвент держится того же мнения. Неважно, что у некоторых депутатов, сторонников обратной силы этих законов, имелись свои корыстные

¹ Вьейар, бывший член Учредительного Собрания, сборщик податей дистрикта Сен-Ло, *Mémoire à l'appui de la pétition présentée à la Convention nationale le 24 mai 1793*. Он отстаивает права лиц мужского пола.—Лассере, член примирительного бюро в Кане, *Réponse au mémoire de Vieillard*. (AD XVIII c. t. 326, pièces 25 et 26).

² Петиция одного из отцов (*Pétition d'un père*), Фигаполя, земледельца из Сен-Фрагона, дистрикта Сен-Годенс, от 26 марта 1793 г., Arch. nat. DIII, 87: «Право завещания внушало детям почтительное отношение и уважение к отцу и матери; оно делало их более послушными, сдержанными в отношении как родителей, так и родины...»

³ См. брошюры, собранные в AD XVIII c. t. 326.

⁴ Декреты 22 вентоза II года (12 марта 1794 г.), отвечающие на шестьдесят вопросов,—декреты 9 фрюктидора II г. (26 августа 1794 г.), отвечающие на 36 вопросов,—декрет первого дня санкюлоттидов II года (17 сент. 1794 г.), отвечающий на семь вопросов по поводу незаконнорожденных детей.

⁵ Декрет от 22 вентоза II года—на четвертый вопрос (*Du vergier*, VII, 118).

⁶ Мнение, высказанное Глейзалем, AD XVIII, c. t. 326.

¹ Декреты 5—7 фримера II г.;—17 нивоза, ст. 34.

² Заседание Конвента 17 нивоза II года. «*Gazette de Drouet*», IX, 236.

³ Декрет 17 нивоза, ст. 41.

⁴ Berlier, Rapport présenté au nom du Comité de législation sur l'exécution de la loi du 5 brumaire (AD XVIII c. t. 326), pp. 43 et suiv.

виды, что некоторые из них вотировали за это предложение только для получения крупных наследств. Новые законы согласуются с общими интересами и со справедливостью. И вот почему ретроактивные декреты сохраняют свою неприкосновенность, несмотря ни на какие интриги, ни на какие реакционные попытки, пока остается в силе система террора.

Такова система наследственного права, отражающая идеи и потребности революции, начиная от Учредительного Собрания и до Конвента. Построенная на развалинах феодализма и писаного права, она возвращается к самой чистой традиции обычного права, а благодаря одушевляющим ее новым идеям, она приобретает характер очень оригинального, очень смелого творения, прекрасно согласованного с преследуемой целью. Она исходит из практических соображений в неменьшей степени, чем из теоретических построений; здесь доктрины как бы призваны служить интересам общества, или, скорее, это сами интересы, обобщенные и превращенные в права. Ни одно законодательство не носит большего отпечатка условий момента; препятствия, созданные различными системами древнего права, сопротивление многочисленного меньшинства, отвергавшего всякое нововведение, придали ему тот суровый и категорический характер, который только борьба может сообщить законам. Это право является орудием дробления и уравнивания состояний, средством освобождения личности при посредстве собственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция перенесла на народ суверенитет монарха; точно так же она переместила поземельную собственность от духовенства и дворянства старого режима к буржуазии и крестьянству нового. В сфере социальной она заключалась, главным образом, в освобождении и дроблении земель.

Земли были крепостными, она их сделала свободными. Она освободила их от всех сенъериальных и даже некоторых не-сенъериальных повинностей без всякого возмещения; путем длительной эволюции она дошла до того, что, в ущерб справедливости, стала поддерживать новых собственников за счет бывших. Она освободила землю от десятины без выкупа: это было на пользу только землевладельцам и нарушало интересы простых земледельцев, арендаторов, батраков, которые должны были без всякой компенсации взамен десятины взять на себя расходы по культу¹. Возврат к прежнему рабству был устранен навсегда. Нет больше реальных вечных и невыкупаемых прав, подобных поземельным рентам; права, оставленные в силе, гораздо менее многочисленные и сведенные к узупфрукту, ипотеке и некоторым поземельным службам, уже не могут быть вечными и ложатся только на земли, не обязывая их владельцев к несению повинностей.

До революции половина земель находилась во владении двухсот, трехсот тысяч лиц из числа почти двадцати шести миллионов, составлявших нацию². По крайней мере, четверть их принадлежала корпорациям: духовенству, короне, сельским обществам. Масса имений была исключена из обращения и тем препятствовала увеличению числа собственников и успехам земледелия. Революция объявила нацию собственником почти всех этих корпо-

¹ Арендатор должен платить землевладельцу ту сумму, которую составляла десятина. Декрет 11 марта—10 апреля 1791 г., ст. 1.—Ср. *Les officiers municipaux de la ville et cité de Cambrai à l'Assemblée nationale*, Arch. nat., XIX, 27 (n° 407): «Только собственник участка окажется награжденным этим правом, не испытывая связанного с ним бремени; а земледелец извлечет из него тем меньше выгоды, что собственник повысит аренду соответственно размеру снятой с земли десятины. Следовательно, десятиной жертвуют не в пользу арендаторов, но исключительно в пользу землевладельцев».

² В виду того, что для старой Франции отсутствует сколько-нибудь серьезная статистика, эти числа являются весьма приблизительными, основанными на предположениях современников.

ративных имений и раздробила их¹. Для обеспечения дробления состояний, для усиления этого дробления революционеры создали такой наследственный порядок, который стал могучим орудием социальной нивелировки, благодаря установлению абсолютного равенства между наследниками, почти полному запрещению завещаний, воспрещению дарения богачам. Ведь равенство по закону было бы пустым звуком, если бы продолжало существовать резкое фактическое неравенство.

Разорение высших классов старого общества пошло на пользу буржуазии и крестьянству.

Уничтожение домениального порядка было особенно выгодно крестьянам, у которых было гораздо больше земли, чем у буржуа. Сельские землевладельцы оказались вдруг освобожденными от всех сеньориальных повинностей; вопреки законам, они освобождают себя сами от уплаты десятины и налогов в 1789 и 1790 годах. Артур Юнг оценивает эти благодеяния революции в 800 миллионов ливров². Наконец, они извлекают выгоду из роста цен на продукты. Простые арендаторы, несмотря на то, что землевладельцы вскоре принуждены требовать от них более высокую аренду, все же оказываются в прекрасном положении благодаря росту цен и могут приобретать национальные имущества. Это внезапно наступившее благополучие содействовало быстрому поднятию сельского хозяйства и улучшению положения сельского населения.

Распределение национальных имуществ было выгодно буржуазии и крестьянам, но в гораздо большей степени первой, особенно если принять во внимание, что ее представители приобретают наилучшие расположенные имения и что, в сравнении с компактной массой крестьян, их во всей Франции только горсточка. Что касается общинных угодий, то их раздел был произ-

веден только в некоторых общинах и дал очень различные результаты, в зависимости от местности и обстоятельств¹.

Освобождение и дробление земель составляет несчастье для всякого рода промышленности, оно направляет деятельность всего населения на сельское хозяйство. Отсюда ясно, какое важное значение приобрела земельная собственность в эпоху революции. Она стала основой всей социальной экономики и одновременно фундаментом политического строя. Революционные законодатели оказывают ей сильную поддержку, окружают ее уважением, стараются придать ей необходимую устойчивость. Эту новую собственность, созданную на развалинах сеньориального порядка, на уничтожении собственности корпораций и врагов отечества, они защищают всей своей властью от нападений со стороны ограбленных и от appetitов неимущих. Государство обеспечивает землевладельцам права, которые оно признает за ними; в период Конвента оно им обеспечивает безопасность, оно сообщает им часть силы, которую доверило ему общество. В свою очередь, землевладельцы, которые в нем нуждаются, оказывают ему свою поддержку. Они становятся в ряды защитников его внутри государства и в армиях этой революции, которая, кроме гражданского равенства и гражданской свободы, принесла им благо более материальное и более ценное: собственность, которая является той же свободой, но более осязаемой. Государство опирается на новых землевладельцев, а они на государство. В случае ослабления сил государства и новые классы собственников, буржуазия и крестьянство, неминуемо должны притти в беспокойство и трепет за приобретенные имения, опасаясь ограбления и полного или частичного возврата старого режима; они все больше и больше будут испытывать потребность в очень сильной власти, способной их успокоить и защитить от опасности. Так революция в области поземельных отношений изменила самые общественные настроения.

¹ Революционные законодатели вполне ясно отдают себе отчет в произведенной ими перемене. Ср. Реньо де Сен-Жан-д'Анжели (речь, произнесенная в Законодательном Корпусе 4 жерминаля VIII года), А. Р., 2° série, I, 510: «Неоспоримым фактом является уменьшение числа крупных землевладельцев и значительное увеличение числа мелких». «Одним из следствий революции было превращение большего числа французов, простых пролетариев, с трудом обрабатывающих землю богача, в мелких собственников, счастливых своей посредственностью»... Точные сведения можно найти в некоторых статистических материалах префектов. Ср. данные департамента Севера (Nord), сообщенные префектом Дьедонне, 1804, 3 vol., in—8, Bibl. nat. Lk⁴ 655. Округ Дуэ. Имеются крупные фермы. «До революции они были гораздо значительнее и по количеству и по размерам. Продажа национальных имуществ мелкими участками произвела сокращение их». Т. I, p. 486.—Округ Камбра, *ibid*. «До революции две трети территории этого округа принадлежали церковным корпорациям, и фермы были вообще очень крупных размеров. Вполне обычным явлением были имения от 212 до 248 гектаров... В настоящее время их размеры колеблются между 20, 25 и 100 гектарами. Первые больше всего».

² Young, trad. Lesage, II, 440.

¹ Dieudonné, Statistique, t. I, 299 et suiv. Хорошие результаты в округе Авен. Раздел общинных угодий на мелкие участки сделал их производительными.—В округах Камбра, Дуэ, Лиль мелиорация не была произведена повсеместно. Часть болот была оставлена без внимания, и в 1804 г. они еще под водой.

КНИГА ВТОРАЯ ЛИЦА И СЕМЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ О ЛИЦАХ ВООБЩЕ

Освободить личность при посредстве собственности было недостаточно; надо было освободить ее еще от всякого неравенства, связанного с социальным положением или с религией, а также от тесной зависимости от церковной власти; затем, устранив это вековое влияние и вернув личности ее ценность и достоинство, надо было дать ей возможность пользоваться свободой и равенством в тех группах, которые люди образуют естественным путем и имя которым—семья.

I

При старом порядке отдельные лица были неравны в правах в силу якобы естественных причин или причин, носящих условный характер. Пол, национальность, социальное положение, религия, самая профессия создают целый ряд неравенств по закону среди населения французской территории. Жители ее отличаются друг от друга не только своим имущественным положением и правами, но и самые законы вносят сюда значительное неравенство.

I. Прежде всего, якобы естественное неравенство,—неравенство между полами. Женщина считается ниже мужчины. Правда, пожизненная опека над женщиной, присущая первобытному обществу, уже давно не существует. Но известная недееспособность, проистекающая из различия полов, все еще сохраняется: женщина не может выступать в качестве свидетеля в актах гражданского состояния. Несмотря на отмену сенатус-консульта Веллейяна указом 1606 года, она все еще не может принимать на себя обязательств в чужом интересе в провинциях с писаным правом и в Нормандии, особенно в пределах ведения Тулузского и Руанского Парламентов¹. Ее правоспособность, конечно, тоже ограничена: она не получает одинаковой с братьями доли в наследстве своих родителей, она остается под властью своего мужа; но эта неспособность проистекает не только от слабости пола, но также, и особенно, в силу специальных причин, как, например, тенденции к сохранению имущества в пределах

семьи и единства в управлении хозяйством. Эти причины поражают права дочери, супруги, но не женщины, как таковой. Неравенство, происходящее от различия пола, представляет собой уже только следы прежнего неравенства, осужденные на исчезновение.

II. Неравенства, вытекающие из причин условного характера, очень многообразны.

1°. На первом месте стоит важное ограничение правоспособности в связи с национальностью. Иноземец, т. е. чужой, пришелец в королевстве, не может ни завещать, ни получать по завещаниям, ни передать свое наследство родителям: он может оставить его только своим детям, рожденным во Франции. Правда, этот принцип мало-по-малу подтачивается актами о натурализации, которые предоставляют иностранцам права, равные правам французов, путем целого ряда изъятий, установленных в пользу иностранцев, ведущих во Франции коммерческие дела или распахку и осушение земель¹, и, наконец, в результате ряда договоров с иностранными государствами. Но в общем гражданские права остаются исключительной привилегией французов, подобно системе античных обществ. Эта привилегия исчезает совершенно с революцией.

2°. На втором месте—неравенство как результат социального положения. Оно проистекает из поземельного порядка, затем из деления лиц на три сословия: духовенство, дворянство, третье сословие. Самые глубокие различия в правах—это вытекающие из поземельного строя. Юридически они касаются личности только через посредство земли, фактически же они прикрепляют ее, в большей или меньшей степени, наравне с землями. Деление французов на три сословия порождает скорее неравенство в фискальном и политическом отношении, чем в гражданском. Существует только несколько особенностей в нормах гражданского права, которые применяются к дворянам: опека над наследником лена (*garde noble*) отличается от опеки над несовершеннолетним из буржуазной среды тем, что там опекуну предоставляется больший простор; переживший супруг дворянского рода имеет право на добавочную часть наследства по брачному договору, которым не пользуются простолюдины; наконец, в некоторых кутумах дворянские наследства регулируются иначе, чем недворянские². Духовные лица гораздо больше отличаются от остальных. Если они, как корпорация, пользуются значительными социальными и политическими привилегиями, то, как индивиды, духовные лица не участвуют в гражданской жизни; их профессия связана с своего рода гражданской смертью: они не могут ни вступать в брак, ни получать по завещанию, ни наследовать своим родителям, ни завещать. Если они не пользовались своим иму-

¹ Gide. Cond. priv. de la femme, éd. 1867, 460—463.

¹ Déclar. 13 août, 1766, art. 4. Isambert, XXII, 461.

² Argou, Instit. au dr., fr., t. I, p. 10.

ществом до принятия духовного сана, т. е. до двадцати одного года или до восемнадцати лет, то их ближайшие родственники наследуют им, как после естественной их смерти¹. Наконец, не говоря уже ни о личном крепостном праве, существующем в горах Юры и ведущем свое происхождение не от сеньерального режима, но от римского рабства, ни о реальной мертвой руке, которая прикрепляет держателя к земле и лишает его права передачи ее,—в некоторых местностях, как, напр., Беарн и Эльзас, имеются две категории лиц: соседи и не-соседи в Беарне, буржуа и поселенцы в Эльзасе, которые обладают неодинаковыми муниципальными гражданскими правами. Не-соседи и поселенцы исключены из собраний общины, лишены права пользования ее пастбищами; «только при условии уплаты чрезмерных повинностей им разрешается пасти корову». Дело в том, что в этих общинах Беарна и Эльзаса звание соседа и буржуа приобреталось только за деньги; буржуа и соседи составляли привилегированные корпорации, доходы которых они делили между собой².

30. На третьем месте—деление лиц на почве религии, которая создает в гражданской жизни привилегии для католиков и стесняет не-католиков, т. е. протестантов и евреев, или даже вовсе исключает их из нее.

Со времен Людовика XIV все законодательство покоится на фикции, будто в королевстве имеются только католики. Следовательно, все подданные короля должны обращаться к католическому священнику для регистрации своих браков и рождения своих детей, так как книги актов гражданского состояния ведутся ими; для всех брак должен быть одновременно таинством и договором, навеки нерасторжимым союзом; все должны воспитываться в католической религии. Протестанты, сохраняющие веру своих предков, цепляющиеся за свои верования с пылом преследуемых и мучеников, оказываются, таким образом, лишенными гражданского состояния; их браки недействительны; их дети—незаконны и лишены всякого права на наследство; король заставляет воспитывать их в его религии потому, что только

¹ Argou, t. I, 18.

² Беарн. Докладная записка, представленная Бутэ, который передал ее председателю Собраний. 1790 г., Arch. nat., DXIV, 9. «В наказе общины Беарна ничего не говорится о не-соседях. Эти несчастные не принимали участия в составлении этого наказа, и он редактировался их угнетателями». Между тем, приход Обертэн требовал от каждой общины, чтобы в выборах депутатов участвовали «все главы семейств, соседей и не-соседей, не делая, однако, из этого никаких дальнейших выводов относительно участия в управлении и распределении доходов». Bull. Soc. Lett. et Arts de Pau, XVI, 320.—Belfort. Arch. nat., DXIV, 9 (Appendice, V). Лишь немногие наказания высказываются в пользу не-соседей; и то это делается с большими оговорками. Ср. Aubertin (Béarn) Bull. Soc. Pau, XVI, 320. Каждая община будет избирать депутатов в местные штаты, и «в выборах этих депутатов будут участвовать все главы семейств, соседей и не-соседей, не делая из этого никаких дальнейших выводов относительно участия в управлении и распределении доходов».

он может им заменить отца. Развод, дозволенный в некоторых случаях протестантской религией, воспрещен для них законами. Для них не существует ни личной свободы, ни отцовской власти, ни собственности. Даже эльзасские протестанты, охраняемые Вестфальскими трактатами, и те подчинены притеснительному и тираническому режиму, установленному королевскими актами, зарегистрированными в Верховном Совете Эльзаса¹. Впрочем, эдикт 1787 года возвращает им их гражданское состояние², хотя отправление религиозных обрядов им не разрешено: католическая религия все еще остается господствующей. Но этот эдикт может оказать свое влияние только на будущее и не может исправить всех несправедливостей, накопившихся за целое столетие. Еще не все парламенты зарегистрировали его в 1789 году. Три миллиона протестантов еще не стали гражданами.

Евреи находились в лучшем положении, особенно евреи на юге Франции. Португальские, испанские, авиньонские евреи, живущие в Байонне, в Бордо, в Авиньоне и в Конта-Венессэн, уже с очень давних пор пользуются большой терпимостью. Но евреи, живущие в Париже³ и в Эльзасе, считаются стоящими почти наравне с рабами. Они обязаны уплачивать за себя, как за скотину, сбор при входе в город; они подчинены повинностям по сбору дорожных пошлин, пошлин за покровительство, за прием, за жительство. Евреи Меца платят 20.000 ливров в год герцогу Бранка за право жительства, покровительства и терпимости⁴. Другие платят такого же рода повинности сеньерам и городам, имеющим право их принимать. Это одно из следствий рабства, до сих пор тяготеющего на них, как в средние века. Принимаются меры предосторожности против их размножения: король повелевает «строжайше запретить всякому еврею и еврейке, живущим в Эльзасе, заключать в будущем какие бы то ни было браки без его специального разрешения... под страхом немедленного изгнания из провинции»⁵. Дабы помешать им захватить земли в Эльзасе, король воспрещает им приобретение каких бы то ни было путем каких-либо земель и объявляет недействительной всякую продажу недвижимого имущества евреям⁶. Они могут арендовать земли, но с условием эксплуатировать их лично, без помощи христианских слуг⁷. Их систематически отстраняют от земледелия, чтобы ограничить их деятельность пределами коммерции

¹ Адрес жителей городов Страсбурга, Кольмара, Ландау и Мюнстера в Эльзасе, придерживающихся аусбургского исповедания. Адрес граждан баронии Фенестранжа, Arch. nat., ADXVII, 48.

² Ноябрьский эдикт 1787 г., Isambert, XXVIII, 472.

³ О парижских евреях в XVIII веке см. L. Kahn, Paris, 1894, in-21. Bibl. nat. Ld 183/24

⁴ Mémoire pour les Juifs de Metz, Arch. nat. ADXVII, 49.

⁵ Lettres patentes (10 juillet 1784), art. 6. Isambert, XXVII, 440.

⁶ Ibid., art. 10.

⁷ Ibid., art. 8.

и банкового дела ¹, т. е. ростовщичества. Затем, когда однажды выяснилось, что они кредитовали эльзасских крестьян на сумму более 10 миллионов ливров, суды уменьшили эти долги и предоставили должникам возможность расплатиться по частям в течение нескольких лет ². Однако, благодаря успехам философии, под влиянием которой была уничтожена личная мертвая рука в королевских доменах и возвращены к гражданскому состоянию протестанты, в 1784 году евреи были объявлены свободными «от дорожной подушной пошлины, пошлин за переход и переезд, кутюма и других повинностей этого рода, касающихся только их личности» ³. Это была только декларация: она не применялась в Эльзасе, но это уже симптом приближающегося изменения в положении евреев.

Наконец, среди самих католиков католическая церковь выделяет некоторых лиц, занимающихся ремеслом, которое считается позорным, как, напр., ремесло актеров. Им может быть отказано в брачном благословении, а так как это необходимое условие для заключения брака, признанное таковым законами церкви и государства, то они не могут заключать законного брачного союза. Церковь смотрела на театр как на школу разврата, способную скорее возбуждать страсти, чем очищать их; проклятие, произнесенное над комедией, падало и на актеров. Без сомнения, священники часто обходили это затруднение, допуская актеров вступать в брак под видом музыкантов. Но, не говоря уже о народных предрассудках, церковное запрещение все-таки существовало, и церковь вызывала его время от времени к жизни, чтобы показать, что она ни от чего не отказалась в установленном ею порядке.

II

Революция, основывающаяся на равенстве и свободе, уничтожает все эти различия между лицами. Это желание нация выразила еще в 1789 году, допустив некоторые исключения в отношении известных категорий лиц.

I. Женщина является жертвой деспотизма мужчины. Против нее еще действуют предрассудки, но философы уже выносят им свой приговор. Еще в 1787 году Кондорсе пишет, что «между двумя полами нет разницы, которая не была бы результатом воспитания». В некоторых брошюрах, написанных женщинами,

¹ Ibid., art. 9.—Apologie des Juifs par Zalkind-Hourwitz, juif polonais Paris, 1789. ADXVII, 49.

² Поставление Кольмара в 1787 г.: долговые обязательства в 1.200 ливров и выше подлежат оплате в десять сроков в течение одного года (Доклад, сделанный 27 февр. 1790 г., в заседании Общества друзей конституции, стр. 14, ADXVII, 49).—Должники христиане предъявляли фальшивые расписки (Ср. Lettres-patentes, 27 mai, 1780, art. 4). По этому вопросу ср. Lemañ, L'entrée des Israélites dans la Société française, Paris, 1886, in-8, Bibl. nat., Ld 183/18B.

³ Январский эдикт 1784 г., Isambert, XXVII, 360.

выставляется требование отмены привилегий мужскому полу ¹. В некоторых областях Франции, как, напр., в Ниверне, третье сословие просит, чтобы сестер и их детей не исключали больше из права наследования, ибо «предпочтение мужскому полу противоречит естественному праву» ². И революционным законодательством женщина действительно восстановлена в своих правах. В частной жизни она может принимать на себя обязательства в чужом интересе, выступать не только как участница, но и в качестве свидетельницы в гражданских актах ³. В семье у нее те же права, что и у мужчины: нет более исключения из наследства, ни принудительного отказа от него. Редакторы проекта Гражданского Кодекса 1793 и 1794 года обходят молчанием этот пункт, но они готовы предоставить ей право опеки и право участия в семейном совете. Однако, политических прав женщина все-таки не имеет.

II.—¹⁰. Особое право иноземцев, которое существует еще в принципе, подвергается нападкам со стороны просвещенных классов в 1789 году, особенно в окрестностях Парижа. Версальское третье сословие требует, чтобы оно «было уничтожено по отношению ко всем народам мира» ⁴. Учредительное Собрание уничтожает его 6 августа 1790 года ⁵. Оно предоставляет иностранцам право передавать имущество по наследству. Оно не забывается о том, поступят ли другие государства так же; оно не требует взаимности. Оно увлечено своей мечтой о братстве народов.

²⁰. Все различия, порождаемые социальным положением, принципиально исчезают в ночь на 4 августа 1789 года. Поместный порядок объявлен существующим только временно. Сословия уничтожаются. Две важные причины неравенства устранены, и всякое социальное неравенство постепенно исчезает. Благодаря падению старого феодального порядка, восстанавливается свобода личности и свобода земли: нет больше ни крепостных мертвой руки, ни рабов. Вследствие уничтожения сословий, нет больше гражданских привилегий для дворян: наследственное право одинаково для всех французов. Монашество возрождается для гражданской жизни: монахи могут отказаться от своего обета, покинуть монастырь, вступить в брак, и, если не при Учредительном Собрании, то при Конвенте, им разрешается наследовать своим родителям, даже если наследство открылось 14 июля 1789 года, разрешается завещать наравне с остальными

¹ Chassin, II, 596—597.

² A. P., V, 641, art. 94.

³ Декрет от 20 сент. 1792 г., разд. III, ст. 1.

⁴ Третье сословие Версаля, ст. 47: «...Всякий иностранец будет пользоваться всеми правами французского гражданина по истечении трех лет пребывания его в королевстве». A. P., V, 182.—Commune de Clichy-la-Garenne, art. 19, ibid., IV, 447;—paroisse de Montgeron, art. 32; ibid., IV, 728.

⁵ Duvergier, I, 318.

гражданами¹. Все священники могут жениться: принудительное безбрачие противно природе и свободе, а ни один гражданин не должен быть лишен своих естественных прав². Наконец, нет больше привилегий при разделе общинных имуществ или при пользовании ими. Все, живущие в коммуне, имеют на них одинаковое право³.

30. Гражданское неравенство, как следствие принадлежности ко всякой другой религии, кроме католической, уничтожается не без известных трудностей. Приходится преодолевать сопротивление, бороться с предрассудками.

В 1789 году нация обнаруживает сильную привязанность к католической религии. Все указы Генеральным Штатам, указы третьего сословия, наравне с наказами духовенства и дворянства, требуют, чтобы римско-католическая апостольская религия была попрежнему единой господствующей религией. Но не все делают из этого принципа одинаковые выводы. Одни доходят до крайности и отказывают не-католикам в праве публично совершать богослужения и даже в гражданском состоянии. Почти все духовенство⁴ и даже кое-где третье сословие⁵ держится этого мнения; в провинции Франш-Конте, бывшем испанском владении, католическая нетерпимость заставляет все три сословия умолять короля не требовать от Безансонского Парламента регистрации эдикта 1787 года. Другие, не отказываясь от монархическо-католической идеи о единой господствующей церкви, хотят расширения эдикта 1787 года⁶ и требуют, чтобы вместе с гражданским состоянием протестантам были предоставлены свобода отправления их культа и все гражданские права, возвращены их имущества и дано право вступать в брак с католиками⁷. Несмотря на общий принцип, который они сперва устанавливают, они стремятся к терпимости по отношению ко

всем культам и не видят более в религии основания для гражданского и политического неравенства.

По отношению к евреям, не тем, которые мирно живут в Байоне и Бордо и даже являются выборщиками в избирательных собраниях 1789 года, но к евреям Эльзаса и Лотарингии, обнаруживается общая ненависть и нетерпимость. И не только религия лежит в основе этой ненависти, но и старинные предрассудки в отношении этой чуждой расы; особенно же вызывает эту ненависть жадность и ростовщичество этой нации банкиров и коммерсантов. Ростовщичество евреев—«один из самых страшных бичей деревенского населения»¹, таков вопль всех сословий Лотарингии и Эльзаса. «Еврей,—говорит духовенство Кольмара,—главная и первая причина народной нищеты, утраты всякой энергии, нравственного падения класса, известного когда-то своей хваленной германской доблестью»². Для борьбы с опасностью ростовщичества королевской властью сделано еще слишком мало: эдикт 1784 года недостаточен; «теперь уже настало время принять окончательное и суровое решение»³. Две меры необходимы. Во-первых, надо приказывать, чтобы евреи предоставляли христианам Эльзаса кредит из пяти процентов только с капитала⁴. Затем, чтобы уничтожить монополию евреев в денежных ссудах, надо, избавившись от старого канонического предрассудка, разрешить церковным корпорациям давать их капиталы в ссуду из 3%⁵. Таким путем у евреев будет отнята возможность ростовщичества; иначе говоря, они будут лишены средств к существованию. Кроме того, надо теперь более, чем когда-либо, «парализовать в самой ее основе» «их удивительную способность быстрого размножения»; а для этого препятствовать им в приобретении недвижимости, не давать права жительства в известных городах, как, напр., в Тионвиле⁶, чинить им всякие препятствия в заключении браков и разрешать жениться только старшему сыну в каждой еврейской семье⁷. Все желали бы их изгнания из местностей, которые они населяют, и рассеяния по всему королевству или в колониях⁸.

Итак, общественное мнение далеко не всюду благоприятно для вступления протестантов и особенно евреев в гражданскую и политическую жизнь общества. Но лучшие элементы нации не так настроены; подрывая влияние католического духовенства, которое является центром противодействия, нация избавит в близ-

¹ 20 февраля 1790 г. объявляется, что монахи и монахини не имеют права наследования.—Декрет от 8 октября 1790 г., разд. II, ст. 21.—Декреты 5 брюмера II г., ст. 4.—Декрет 17 нивоза II г., ст. 3—5.

² Ср. ниже, глава III.

³ Декрет от 10 июня 1793 г., отд. I ст. 1.

⁴ Ремонтранс духовенства в 1788 г., Bibl. nat., Ld 5/601: «Ах, Ваше Величество, каким неиссякаемым источником огорчений для церкви и соблазна для ее чад послужит снисходительность нового законодательства, пролагающая, вопреки воле Вашего Величества, путь ко всеобщей веротерпимости». — Духовенство Кольмара и Шлештадта. А. Р., III, 5, 18°: оно требует такого истолкования эдикта 1787 г., при котором протестанты «не могли бы пользоваться духом терпимости, продиктованным этим эдиктом, как оружием в борьбе за судебские должности». — Духовенство Ниверне и Донзюа, ст. 1. (Labot, p. 321).

⁵ Третье сословие Оксерра, А. Р., II, 108, ст. 1;—Труа, id., VI, 81, ст. 38—39.

⁶ Третье сословие Безансона, II, id., 338, ст. 1. Духовенство, id., 333, 1°.

⁷ Третье сословие Монтаржи, id., IV, 30;—Монпелье, id., 55;—Нерака, 234;—Берри, II, 324 и т. д. Париж за укрепленными стенами, Chassin, IV, 443, и указатель к т. IV, отправляющий к целому ряду наказов из окрестностей Парижа, составленных в том же духе.

¹ Дворянство Нанси, А. Р., IV, 83.

² Духовенство Кольмара и Шлештадта, id., III, 5.

³ Дворянство объединенных дистриктов Кольмара и Шлештадта, id., III, 8.

⁴ Город Страсбург, ст. 16.—Третье сословие Гагено и Виссембурга, ст. 40, id., III, 418.

⁵ Третье сословие Гагено, ст. 56, III, 419; духовенство Кольмара, 14°, III, 5; дворянство, ст. 15, III, 8; третье сословие, 36, III, 11.

⁶ Третье сословие Тионвилля, 28°, III, 778.

⁷ Духовенство Кольмара, 15°;—третье сословие Гагено, ст. 39.

⁸ Тионвильская корпорация торговцев галантерейным и бакалейным товаром, 44°: «Чтобы их расселили по всему королевству и в колониях, а главное, изгнали из всех сел, городов и посадов французского Люксембурга...» III, 782.

ком будущем протестантов и евреев от угнетающего их векового ига.

Протестанты не пользуются даже теми гражданскими правами, которые даровал им король. 24 декабря 1789 года Учредительное Собрание декретирует допущение не-католиков к административным, гражданским и военным должностям¹. Однако, когда отец Жерль приглашает Собрание декретировать, что католическая религия должна навсегда остаться национальной религией, затем, когда Собрание 13 апреля 1790 года постановляет, что «расходы по католическому культу будут поставлены на первое место в государственном бюджете»², протестанты испытывают сильное беспокойство. Они опасаются возврата к прошлому и требуют, наряду с правом открыто отправлять свое богослужение, и допущения их к общественным должностям, хотя Собрание вовсе не намерено отнимать у них этого права³. Учредительное Собрание продолжает расточать им свои благодеяния. 10 июля оно возвращает им все имущества, конфискованные с 1685 года и находящиеся еще в руках откупщиков управления государственными монополиями. Но некоторые из этих земельных владений были отчуждены, и беспокоить тех, кто их приобрел и кто владеет ими уже тридцать лет, представляется невозможным⁴. В каждом окружном суде будет отпечатан общий список имуществ, конфискованных с 1685 года, и наследникам лиц, подвергшихся религиозным гонениям и бежавшим из Франции, предоставляется трехлетний срок с 20 сентября 1792 года для их обратного истребования⁵. Все эти декреты касались только протестантов. Поэтому со стороны евреев раздаются жалобы.

В Учредительном Собрании они имеют блестящих защитников их прав: Мирабо, который написал в 1787 и 1788 годах похвальное слово в честь Моисея Мендельсона и небольшое сочинение о реформе в политических правах евреев⁶; аббата Грегуара, приходского священника Эмбермениля в Лотарингии, который только что напечатал в Меце Исследование о физическом, моральном и политическом возрождении евреев⁷. С августа 1789 года евреи Парижа, Эльзаса и Лотарингии посылают адреса Национальному Собранию⁸. Они просят его решительно высказаться по вопросу об их участии, уничтожить все произвольные сборы, которые

¹ Duvergier, I, 105.

² Ibid., I, 171, и заседание 12 апреля.

³ Соображения барона де Ратсамгаузена (Opinion du baron de Rathsamhausen), депутата бальяжа Гагенау и Виссенберга, представленные Национальному Собранию в подкрепление к докладной записке протестантских городских общин Эльзаса (21 мая 1790 г.). Arch. nat. ADXVII, 48.

⁴ Duvergier, I, 279.—Баррер, Доклад 9 декабря 1790 г., ADXVII, 48.

⁵ Декреты от 20 сентября 1792 г.; 17 июля 1793 г.

⁶ Bibl. nat. Ld¹⁸⁴/23 et Ld¹⁸⁴/24.

⁷ Ibid., Ld¹⁸⁴/25.

⁸ Все, что касается евреев, находится в Национальной Библиотеке в серии Ld¹⁸⁴.—В Нац. Архиве в ADXVIII с. 161 et ADXVII, 49.

им приходится уплачивать, все ограничения, препятствующие их свободе, даровать им звание французских граждан, оставляя им при этом свободу в области вероисповедания, их общества и их синдиков. Между тем, в Сюндго дома их подвергаются разгрому в августе 1789 года; они принуждены спасаться бегством полуголыми и сотнями скрываться в Базеле. Городское население бросается в канцелярии, подобно тому как крестьяне—в дворянские замки, чтобы уничтожить долговые документы¹. Собрание «поручает 28 сентября своему президенту написать должностным лицам Эльзаса, что евреи находятся под охраной закона»². Но спокойствие восстанавливается с трудом, и Собрание вынуждено спустя полгода, 16 апреля 1790 года, снова поставить евреев Эльзаса под охрану закона, воспретить всякие покушения на их безопасность и имущество³. В декабре 1789 года, когда Брюне до Латюк предлагает объявить, что не-католики должны быть допущены ко всем общественным должностям⁴, Клермон-Тоннер, Робеспьер, Дюпор изъявляют желание, чтобы декрет носил общий характер и включал и евреев⁵. «Государственные законы не должны стеснять религии индивида; религия не может влиять на чисто социальный закон»⁶. Все население французской территории должно иметь одинаковые гражданские и политические права, независимо от исповедания той или иной религии. Но ораторы духовенства, аббат Мори, Лафар и некоторые ораторы третьего сословия, как, напр., Рюбелль, отказываются дать звание гражданина людям, которые образуют во Франции нечто вроде особой нации. И Собрание издает декрет 24 декабря о допущении не-католиков к государственной службе, «ничего не предпринимая относительно евреев; оно воздерживается от решения вопроса об их положении». Это явная отсрочка его. Евреи Бордо, Байоны и Авиньона встревожены: декрет как будто лишает их прав, которыми они обладают уже в силу специальных королевских грамот⁷; тогда Собрание издает 28 января 1790 года декрет о том, что «все евреи, известные во Франции под именем португальских, испанских и авиньонских, будут продолжать пользоваться правами, которыми пользовались до сих пор и которые были им дарованы королевскими грамотами; это значит, что они будут пользоваться правами активных граждан, если, впрочем, будут удовлетворять всем условиям, устанавливае-

¹ Доклад, заслушанный в заседании Общества друзей конституции 27 февраля 1790 г., стр. 9. Arch. nat., ADXVII, 49.

² Duvergier, I, 51; «Moniteur», I, 526;—A. P., IX, 201.

³ Duvergier, I, 172.

⁴ 21 декабря 1789 г., «Moniteur», II, 439.

⁵ «Moniteur», II, 455 и сл.

⁶ A. P., X, 755, col. 1.

⁷ Alarmes des Juifs de Bordeaux à la suite du décret sur les non-catholiques qui ne préjuge rien à l'égard des Juifs, 1790 ADXVII, 49.

мым декретами Национального Собрания»¹. Тогда евреи Парижа и Востока продолжают осаждают Национальное Собрание своими ходатайствами и петициями. Для получения благоприятного для них голосования в Собрании они оказывают воздействие на все шестьдесят округов Парижа, затем на собрание парижской коммуны, которая на основании благоприятного им мнения пятидесяти трех округов составляет 24 февраля 1790 года адрес Собранию. Зачем, говорится в адресе, устанавливать различие между евреями Юга и евреями Эльзаса и Лотарингии? Все должны обладать равными правами. Религиозные разногласия не должны больше устанавливать различия между индивидами. Итак, все евреи должны получить права гражданства, и не только в интересах евреев, но и в интересах самой Франции². Собрание продолжает заниматься вопросом о положении евреев. 20 июля оно уничтожает все феодальные права относительно жительства, защиты и терпимости и т. п. повинности, которым евреи были подчинены³. Наконец, 27 сентября 1791 года, дав Франции обещанную конституцию, оно «берет обратно всякие отсрочки, оговорки и исключения, вставленные в предшествующие декреты относительно лиц еврейского происхождения, которые принесут гражданскую присягу», в знак отказа от прежнего положения⁴. Они не образуют больше отдельной нации, а «сливаются в общем праве всех французов». Благодаря своему великодушию, любви к равенству, Учредительное Собрание смогло выполнить это слияние различных частей нации, над которым оно работало с 4 августа.

Однако, еще остается уничтожить неравенство по закону в отношении актеров и побороть предрассудки, влияние которых сказывается на этой категории лиц. Частные наказания, составленные в Париже в 1789 году, негодуют на предрассудок, порочащий профессию актера, и требуют, чтобы их уравнивали с прочими гражданами⁵. Революционные законодатели делают с своей стороны все, чтобы нанести удар этому предрассудку, поскольку человеческая воля может видоизменить нравы и чувства: собрание парижской коммуны чествует в январе 1790 года де Болье, актера театра Палэ Рояль, и приглашает его занять место среди его членов⁶. Затем, благодаря секуляризации законодательства, актеры получают возможность пользоваться законами о гражданском состоянии наравне со всеми французскими гражданами. Теперь уже ни один священник не может отказать актеру в брачном благословении, т. е. в возможности заключить прочный брачный союз.

Революция уничтожила всякое неравенство, основанное на предрассудках и заблуждениях, разъединявшее людей, и тем спаяла все население Франции в единое целое.

¹ Duvergier, I, 113.

² См. серию документов, содержащихся в ADXVIII c. 161.

³ Duvergier, I, 297.

⁴ Ibid. III, 428.

⁵ Chassin, III, 221 и 222; II, 486, 41°.

⁶ См. добавление к речи Годара в Парижской Коммуне 28 января 1790 г. ADVIII c. t. 161.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ

От семейных отношений зависит все законодательство о семье. Эти отношения свидетельствуются известными актами; отсюда вытекает важное значение этих актов и необходимость их заботливого составления и сохранения, чтобы им можно было довериться при всех жизненных обстоятельствах. Кто имеет право свидетельствовать гражданское состояние лиц? Государство, или вне его стоящая власть? Вот тот вопрос, который был поставлен революцией. Духовенство было на протяжении веков абсолютным хозяином в области гражданского состояния лиц, революционеры сочли нужным лишить его этой власти и предоставить ее государству.

I

Вопрос этот был поставлен еще при существовании монархии, но он тогда не мог быть решен радикальным образом. Королевская власть, союзница церкви и папы, не могла помышлять об изъятии из ведения духовенства свидетельствования актов о крещении, браке и о смерти. Она признала за ним это право и извлекла выгоду из этого векового обычая¹. Но она желала установить серьезный контроль, чтобы достичь точного и единообразного свидетельствования и полной сохранности актов гражданского состояния. Король пробует всевозможные средства. Сперва он повелевает передать метрические книги судьям или секретарям королевских судебных канцелярий², затем он создает новых чиновников, секретарей—хранителей метрических записей³; затем, когда эти новые функции в большинстве случаев все-таки были приобретены и захвачены лицами духовного звания, он создает контролеров метрических записей⁴, затем контролеров метрических записей⁵, наконец, все продолжая увеличивать штат чиновников,—особых секретарей-хранителей (greffiers-gardes conservateurs alternatifs)⁶. Но духовенство каждый раз противится исполнению ординасов и эдиктов; на его съездах в 1585, 1635,

¹ Ординас 1539, Isambert, XII, 610.

² Ординас 1579, id., XIV, 423.

³ Октябрьский эдикт 1691 г.; Isambert, XX, 141.

⁴ Июньский эдикт 1705 г., ibid, 466.

⁵ Октябрьский эдикт 1708 г., ibid, 490.

⁶ Эдикт 21 августа 1709 г., Arch. nat. ADII, 12.

1670, 1710 годах раздаются громкие жалобы¹, даже тогда, когда оно делает вид, что покоряется, оно все же продолжает действовать по своему усмотрению. Тогда король упраздняет все созданные им должности и повелевает передать все книги судьям или секретарям канцелярий, как это было прежде². Дальнейшее законодательство королевской власти не достигает цели. Тщетно в 1667 году и вторично в 1736 году отдается повеление придать общий характер обычаю, которому следуют в некоторых местностях, и вменить в обязанность духовенству держать две аутентичных книги, обе с подписями сторон³, а также делить каждую книгу на две части, из которых одна должна быть посвящена актам о смерти⁴. Ордонансы, декларации и эдикты короля, постановления Парламента, повеления и наставления гражданского наместника остаются часто мертвой буквой⁵. Небрежность со стороны духовенства не прекращается. Приходские священники оказываются виновными в регистрации лживых заявлений, которые серьезно нарушают интересы отдельных лиц. Они даже добавляют к актам замечания о личных качествах детей⁶. Регулярной передачи актов в королевскую канцелярию не производится. Наконец, в некоторых местностях метрические записи за несколько лет иногда совсем пропадали⁷. Акты гражданского состояния плохо составляются, и сохранность их не обеспечена. Церковь боялась вмешательства светской власти; она опасалась, что от контроля эта власть перейдет к самому составлению актов; и это действительно произошло в 1787 году в отношении не-католиков. Но королевская власть не чувствовала себя ни достаточно свободной, ни достаточно сильной для проведения секуляризации гражданского состояния. Церковь вела записи в течение нескольких веков; это было традиционное право, нарушить которое монархия божественного происхождения не могла и помыслить. Только революция могла предпринять секуляризацию гражданского состояния.

¹ Протоколы съездов духовенства 1585 г., т. I, 365;—1635, т. II, 749;—1670, т. V, 78;—1710, т. VI, 1120.

² Июльский эдикт 1710 г., декабрьский эдикт 1716 г.: «Упраздняем должности секретарей-хранителей и контролеров книг регистрации крещений, браков и погребений, созданные октябрьским эдиктом 1691 г. и июньским 1705 г., во всех городах нашего королевства, где имеется королевская юстиция, дюшесперия и другие виды суда».

³ Декларация от 9 апреля 1736 г. *Isambert*, XXI, 405.

⁴ Постановление Королевского Совета от 12 июля 1746 г. *ADII*, 12.

⁵ Кроме цитированных королевских актов, см. Постановления Парламента от 7 марта и 24 ноября 1778 г. Ордонанс лейтенанта по гражданским делам от 7 дек. 1669 г. и 4 августа 1706 года; приговоры лейтенанта по гражданским делам от 27 июля 1731 года и 30 марта 1775 г., *Arch. nat. ADII*, 12.

⁶ Декларация (от 12 мая 1782 г.), воспрещающая такие заметки. *Isambert*, XXVII, 190.

⁷ Приходский священник Сен-Фора в Анжу с 1738 по 1762 г. просто не вел регистрацию актов гражданского состояния. Извлечение из протоколов Парламента от 26 мая 1772 г. *Arch. nat.*, *ADII* 12.—Бельгард, «Затерянные метрические книги 1771—1785 г.», *Arch. nat.*, *ADIII*, 87.

В 1789 году нация еще не думает об этой крупной реформе. Только несколько наказов требуют точного исполнения королевских ордонансов и деклараций, «ради спокойствия и безопасности семьи и ради обеспечения наследств, которые не раз терялись, благодаря несоблюдению и невыполнению законов»...¹. Другие желают отмены специальных разрешений на заключение брака (*dispenses de mariage*), которые устраняют некоторые препятствия для богатых, но сохраняют их для бедных², или, по крайней мере, чтобы эти разрешения выдавались уже не Римом, но епископами и, по мере возможности, бесплатно³. Это все только отдельные пожелания: нет еще общей теории. Желание освободиться от ига Рима несомненно, но еще нет стремления к полной секуляризации.

II

Это не значит, что идея секуляризации не распространилась среди передовой части буржуазии. Учредительное Собрание хотело освободить личность от власти католической церкви, воздать кесарево кесарю, а божие—богу, прекратить смешение светского и духовного, которое было создано церковью и заботливо поддерживалось христианским миром, вопреки учению Христа, просто силою вещей. Оно желало, согласно философской доктрине, разделить в каждом человеке христианина от гражданина, применить к первому законы церкви, а к последнему—законы государства и только государства. Но границы между ними были часто неопределены, и самые королевские ордонансы часто только увеличивали и узаконивали это смешение и путаницу. Это было сложное и щекотливое, но необходимое дело. Учредительное Собрание, не колеблясь, взялось за него.

Из всех гражданских актов самым важным является брак. Остальные—не что иное, как факты, которые требуется заверить; только брак представляет собой действительно юридический акт, и, как таковой, подчиняется очень сложному законодательному регулированию. Нельзя было отнять у церкви права удостоверить заключение брака, не изменив полностью самого института брака. Нельзя было изменить форму, оставив прежнее содержание.

Следовательно, надо было прежде всего рассмотреть законы о браке, обдумать и обсудить их общие принципы.

Каноническое право смотрит на брак как на таинство, как на символ союза Христа с церковью, вечного, нерасторжимого союза, установленного богом, отличающегося постоянством, совер-

¹ Приход Мольеров (Париж за крепостными стенами), *Art.* 18, *A. P.*, IV, 718.

² Третье сословие Парижа, дистрикта Тэатэн, ст. 27, *A. P.*, V, 316. Третье сословие Амьена передает право разрешения на брак государству, *id.*, I, 745.

³ Это наиболее единодушно высказываемое желание.

шенством, присущим всякому деянию божества¹. Из этого основного характера таинства вытекают главные правила, применяемые церковью в отношении брака. Отсюда также эта претензия церкви на якобы одной ей принадлежащее право определять препятствия, уничтожающие брак, и регулировать брачные союзы сообразно своим собственным законам: она устанавливает необходимость для вступления в брак четырнадцатилетнего возраста для мужчин и двенадцатилетнего для женщин², требует простого согласия сторон³, отсутствия всякой родственной связи в пределах четвертой канонической степени⁴, присутствия приходского священника и двух свидетелей⁵. Правда, королевская власть в дополнение к каноническому праву добавляет новые препятствия, уничтожающие брак, а именно—требует согласия родителей на брак детей до тридцати лет для мужчин и до двадцати пяти—для женщин; но она старается также поддержать и церковные правила, направленные против опасностей протестантской религии и галликанизма, и придать брачным союзам необходимую гласность. Обе соперничающие между собой власти здесь оказывают взаимную поддержку друг другу⁶. Брак остается по существу таинством. Он торжественно совершается священником в присутствии двух свидетелей и заверяется им в его книгах. И венчание и регистрация возможны только для тех, кто удовлетворяет всем требованиям канонического права.

Между тем, с XVI века религиозные реформаторы и мыслители рассматривали брак уже только как человеческое установление. Лютер думал, что он «есть нечто внешнее, как всякое другое мирское дело»⁷; Кальвин,—что он «не может быть таинством в большей мере, чем земледелие, архитектура или ремесло цирюль-

¹ Тридентский собор, Sessio XXIV: «Учение о таинстве брака» («Doctrina de sacramento matrimonii», Ed. Lyon 1675, p. 193).—Канон I: «Если кто скажет, что брак не есть истину и действительно одно из семи евангельских таинств, установленных Господом Христом, но придуман людьми, церковью, тот не сподобится благодати и да будет он предан анафеме».—Канон VII.

² Этот возраст установлен Юстинианом и принят церковью, Декреталии Григория IX, IV, ч. 10.

³ Тридентский собор, Sess. XXIV, cap. I, в начале. Pothier, Contrat de mariage, I, n° 321.

⁴ Латеранский собор (1215 г.) Ср. Потье, ibid., I, n° 146.

⁵ Тридентский собор, Sess. XXIV, cap. I. После троекратно оглашения: «... приступают к совершению брака перед лицом Церкви, где священник говорит: сочтем вас браком во имя Отца и Сына и Святого Духа».

⁶ Ср. мартовский эдикт 1697 г.: «В виду того, что священные соборы установили, как один из важнейших моментов для торжественности таинства брака, присутствие священника того прихода, к которому принадлежит вступающие в брак, наши предшественники короли разрешили посредством нескольких ординасов выполнение столь мудрого правила...» Декларация от 15 июня 1697 г.: «Вступившие в брак в присутствии не своего, а чужого священника, должны будут явиться к своему архиепископу или епископу для получения прощения согласно установленным правилам священных канонов и наших ординасов...» Arch. nat., ADII, 20.

⁷ Luther, De la vie matrimoniale, éd. allemande de Württemberg, t. VI, 6. «...une chose, extérieure, mondaine, comme tout autre métier corporel».

ника»¹. Янсенисты, галликаны, философы, юристы, начиная с Жана де Лонуа и Жербе до Потье и Дюран-Майяна, все считают его простым гражданским договором². Они пользуются различием, которое церковь принуждена была установить, и, придавая ему совсем другое значение и смысл, они приходят к выводу, что существенный элемент брака—это договор, а таинство—лишь форма, облекающая договор, как основу, которая предшествует самому таинству. Они пользуются также римскими правилами: «Брак создается соглашением, а не сожитием»³. Философия, которая стремится освободить индивидуум и государство от векового ига церкви, а также протестантизм и галликанизм, помышляющие только о разрыве всяких связей с Римом и церковным правом, преобразуют сущность брака и его форму. Этого требует независимость государства и свобода вероисповедания.

III

1. Двенадцатого августа 1789 года⁴ Учредительное Собрание создало Комитет по церковным делам, в задачу которого входило изменить совместно с Комитетом по выработке конституции законы о гражданском состоянии лиц. 20 августа оно назначило пятнадцать членов, которые должны были войти в его состав⁵. Этот Комитет немедленно занялся вопросом о браке.

Уже 4 августа Учредительное Собрание, отвечая желаниям целой массы наказов, постановило, что впредь прихожане епархий должны будут обращаться к своим епископам за разрешением на брак, которое будет выдаваться бесплатно⁶. Комитет по церковным делам или, по крайней мере, самые смелые из его членов хотели продолжить начатое дело и отменить всякие разрешения на брак, даже епископские, оставив только разрешение со стороны государства. Затем, идя все дальше, Дюран-Майян предложил 23 декабря Комитету сговориться с церковью относительно установления правил, касающихся брака. Но церковники не хотели идти ни на какое соглашение⁷. Они чувствовали опасность ответа на такое предложение; кроме того, они были очень недовольны реформами Собрания, особенно секуляризацией имений «мертвой руки». Комитет продолжал свое дело и решил сам составить законы о браке без содействия церковной власти.

¹ Inst. chrét., liv. IV, chap. XIX, 34.

² В XVII веке Жан де Лонуа (Jean de Launoy), доктор Сорбонны, Pouvoir du roi en ce qui concerne le mariage;—Pothier, Contrat de mariage t. I, в начале; Portalis, Consultation sur la validité du mariage des protestants (1770).

³ Потье в своем «Contrat de mariage», I, стр. 5, цитирует это правило Ульпиана. Дюран-Майян также, Rapport, A. P., XXVI, 166.

⁴ Duvergier, I, 43.

⁵ Durand-Maillane. Hist. apol. p. 2.

⁶ Декреты 4 августа, ст. 12.

⁷ Hist. apol. du Com. eccl., 280—283.

Но имело ли государство право издавать самостоятельно законы о браке? Иначе говоря, является ли брак простым договором, подчиненным, в качестве такового, гражданской власти, или же он представляет собой таинство и, следовательно, входит в компетенцию церковной власти? Все тот же щекотливый вопрос о границах между духовным и светским началами.

Комитет по церковным делам и Национальное Собрание без колебаний ринулись в область теологии. Таким ораторам, как Дюран-Майян, Камюс, Трейяр, церковь должна была противопоставить свою доктрину. Но в ожидании результатов теоретического обсуждения вопроса, она, недовольная всеми декретами, изданными Учредительным Собранием—секуляризацией церковных имуществ и гражданской конституцией духовенства,—более чем когда-либо ревниво защищала свое каноническое право и свой угрожаемый авторитет. Она продолжала распространять на всех верующих запрещения и проводить в жизнь установленные ею препятствия в отношении брака; она задерживала и вовсе не допускала большого количества союзов. Приходский священник Сен-Сюльписа отказал в благословении Тальма,—артисту французского театра—и, таким образом, восстановил запрещение, которое церковь обычно умела обходить, разрешая актерам заключать браки под именем музыкантов¹. Вследствие возрастающей строгости канонических правил, многие семьи принуждены были жить в конкубинате. Отсюда многочисленные жалобы, доходившие до Национального Собрания. Необходимо было немедленно принять соответствующее решение.

Поэтому Комитет по церковным делам приготовил проект декрета о разрешениях на брак и о препятствиях к нему. В заседании 31 декабря 1790 года председатель Национального Собрания сообщил, что проект Комитета поставлен на повестку следующего заседания. Петийон, Буш возражали, указывая, что «эти вопросы слишком тонки, щекотливы, и обсуждение их представляет опасность», что лишь немногие члены знакомы с ними и что имеются более настоятельные предметы для обсуждения; вследствие этого они требовали отложить их до следующей легислатуры. Собрание высказалось за их отсрочку на неопределенное время².

II. Но отсрочка не могла устранить раз навсегда практических затруднений, возникавших ежедневно и становившихся все серьезнее и многочисленнее. Неожиданные последствия гражданской конституции духовенства вынудили Собрание вновь рассмотреть этот вопрос. Неприсягнувшее духовенство употребляло все свое влияние на верующих с целью помешать их вступлению в брак и крещению их детей в присутствии присягнувших священников. Правоверные католики отказывались обращаться к конституцион-

ным приходским священникам. Таким образом, значительное меньшинство ставило себя вне закона, лишало себя гражданских и политических прав. Муниципалитет Парижа обратил на это внимание Собрания и просил 10 мая 1791 года разрешения представить ему петицию. Несколько депутатов хотело опять-таки отклонить петицию и самый вопрос. Но Собрание в этот день только что декларировало, что право петиции принадлежит каждому. Поэтому Бальи, мэр Парижа, был допущен дать объяснения в заседании 14 мая. Он заявил, что по донесениям полиции секции Фонтэн де-Гренель католики заставляют неприсягнувших священников тайно крестить своих детей и лишают их таким образом гражданского состояния. Он указал на необходимость разграничения сферы религии и светского законодательства в государстве, где существует несколько религий и где была провозглашена свобода вероисповедания. Он ходатайствовал об издании декрета, который секуляризировал бы гражданское состояние и поручил бы свидетельствование рождений, браков и смерти чиновникам, которые производили бы его в форме, не зависящей от религиозных убеждений и согласующейся со всеми вероисповеданиями. Ланжюинэ, член Комитета по церковным делам, поддержал Бальи и добавил, что закон этот в ближайшем будущем станет необходимым и что Комитет по церковным делам, подготовивший его уже полгода тому назад, ждал только повеления Собрания, чтобы предложить его на его усмотрение. Тщетно Гомбер выставляет прежние аргументы, что у Собрания имеются более настоятельные предметы для обсуждения; что умы еще недостаточно созрели для такой важной реформы; что отсрочка до следующей легислатуры является единственно приемлемой мерой. Собрание все же решает, что доклад Комитетов будет поставлен на повестку дня в заседании 17 мая³.

В назначенный день Дюран-Майян и Ланжюинэ докладывают свои проекты от имени Комитета по церковным делам².

В институте брака надо различать два элемента: договор и таинство. Первый составляет содержание брака—это существенный момент, второе—является его формой и поэтому второстепенно. Сущность брака заключается в известном соглашении: церковь, в лице своих выдающихся авторитетных канонистов, сама признала этот важный принцип. Правда, на Тридентском Соборе она изменила свое законодательство и установила необходимость церковного благословения. Но эта новая форма брака противоречит традиции шестнадцати веков; надо наконец вернуться к прежним формам. Отделение таинства от договора представляется необходимым в настоящий момент. «Таинство требует постановлений, которые не обязательны для договора»³. Не встре-

¹ А. Р., XXVI, 77—79

² Доклад Ланжюинэ (июнь 1791 г.) ADXVIII c. t. 160.—Его же речь (17 мая 1791 г.), А. Р., XXVI, 159.—Доклад Дюран-Майяна, ibid, 166

³ Ланжюинэ, доклад, стр. 9.

¹ Петиция господина Тальма (12 июля 1790 г.) и доклад Дюран-Майяна по этому делу, ADXVIII c. t. 160.—А. Р., XXVI, 186.

² А. Р., XXI, 745.

чается возражений против того, чтобы священники отказывали в таинстве католикам, которые не точно исполняют предписания религии, не приобщаются на Пасху, или актерам, профессию которых они считают вводящей в соблазн; но они не должны препятствовать заключению договора, пользуясь этим средством. Важнейшие права человека и гражданина не должны более зависеть от чисто религиозных постановлений. Этого требует свобода совести.

Если брак является договором, то только государство вправе устанавливать для него правила. Всякие соглашения входят в область гражданского права и, следовательно, регулируются государством. Неужели брак, гражданский договор, может составлять исключение? Сама история говорит против претензий церкви. Юридически право регулировать брак всегда принадлежало государству; если после римских императоров, благодаря слабости гражданской власти, церковь смогла завладеть брачным законодательством, то это лишь узурпация, и приобретение ею на основании давности прав, принадлежащих государству, недопустимо. Впрочем, королевская власть, уже с XVI века вернула себе принадлежащие ей по праву прерогативы, и если церковное благословение стало необходимым условием брака, то не только в силу постановлений Тридентского Собора, но и потому, что королевская власть утвердила эти правила своими указами и своими ордонамсами. Следовательно, гражданская власть, создавшая это новое препятствие, уничтожающее брак, может его устранить, когда ей будет угодно. Она не связана никакой догмой церкви: она остается свободной и суверенной в вопросе чисто формального характера. Что касается нации, то она обладает не меньшей властью, чем король. Ей надлежит только следовать доктринам монархии. «Ей придется лишь искренно и точно осуществить на практике разграничение, уже столько раз намечавшееся в теории, не проведенной в жизнь, но прекрасно сформулированной лучшими писателями и самыми ордонамсами королей»¹. Надо осуществить путем законодательства то, что уже созрело в общественном сознании, отделить светское начало от духовного и вернуться к древней традиции церкви, затемненной вследствие захватнической политики церковной власти и слабости или терпимости гражданской.

Представители церкви яростно напали на доклад Дюран-Майяна. Они вознегодовали, они содрогнулись, когда увидели, что «светские люди, адвокаты, юристы, даже военные, разные Т..., М..., С..., D..., de M... и другие теологи вчерашнего дня, превратившиеся вдруг в докторов богословия и «Отцов Церкви», предписывают им законы, уничтожающие их вековую власть»². Комитет по церковным делам подверг рассмотрению, критике и

разрушению теории церкви; он воспользовался оружием богословия; затем, обращаясь к природе, как к высшему источнику права, он осмелился сказать устами своего докладчика: «Когда имеешь за собой разум и естественное право, должен отказаться от авторитетов»¹. Но церковь ничего не желает слышать о естественном праве. Подобно сеньерам, которым грозила утрата сеньериальных прав, она основывается на факте обладания, на традиции. Ей всегда принадлежало право регулировать брак, устанавливать условия, необходимые с ее точки зрения для святости союзов; гражданская власть признала за ней это право и утвердила постановления ее соборов. Для аннулирования условий, установленных обеими властями, необходимо участие как той, так и другой. В качестве христиан и граждан индивиды обязаны повиноваться церкви и государству; и государство не может освободить христиан от подчинения законам церкви. Иначе это значило бы смешать католическую религию с протестантскими сектами, это значило бы толкать верующего на неверие². Новое законодательство не только нарушает старинные права церкви, но оно, кроме того, основано на чудовищной ошибке: оно делает из брака просто гражданский договор. Оно губит самый догмат. Без сомнения, сущность брака заключается—Тридентский Собор признал это вслед за выдающимися канонистами средних веков—в гражданском договоре, а не в таинстве. Несомненно также, что в некоторых случаях договор может и должен быть отделен от таинства: один из оппонентов охотно соглашается на это³. Но вообще-то оба элемента тесно переплетены и слиты: «Иисус Христос, возводя брак на степень таинства, не предоставил нам свободы отделять их один от другого»⁴. Они связаны вместе по воле бога, и человек не может их разъединять. Напрасно будут говорить, что только Тридентский Собор ввел в каноническое право церковное благословение брака как необходимое условие; что это лишь элемент обрядности, доступный изменению во всякое время; что вообще постановления этого Собора не были приняты во Франции. Еще до Тридентского Собора брак был таинством; он был им от самого основания церкви, не нуждаясь во внешнем выявлении этого факта при посредстве религиозного обряда, и в этом заключается догмат, связывающий всех верующих, и его нельзя устранить, «не внося раскола и не применяя силы и даже насилия»⁵; наконец, если решения Собора и не

¹ A. P., XXVI, 166, col. 2.

² Examen du rapport sur le projet de décret concernant les mariages, par Samary, curé et député de Carcassonne, ADXVIII c. t. 160, pp. 8—10, 16.—Lettre à M. Durand de Maillane, ibid.: «Нельзя освобождать вступающих в брак от необходимости идти в церковь, иначе правительство должно быть признано разоблаченным покровителем самого полного атеизма» (p. 18).—Ouvrez encore les yeux... ibid. pp. 11—12, 28—29.

³ Samary, p. 4.

⁴ Ibid.

⁵ Ouvrez encore les yeux... pp. 29, 11.

¹ Durand-Maillane. Défense du rapport, A. P., XXVI, 180, col. I.

² Ouvrez encore les yeux sur les nouvelles erreurs du Comité ecclésiastique (par un des membres de l'Assemblée), p. 3. ADXVIII c. 160.

были в целом одобрены королевской властью, то все же некоторые из его постановлений о браке перешли в королевские ордонансы и эдикты.

Юристы противопоставляли духовенству учение первых времен существования церкви. Для уничтожения законодательства Тридентского Собора, они восходили к началу христианства; они осуждали настоящее при помощи отдаленного прошлого, к которому они возвращались. Духовенство, столь склонное к тонким разграничительным толкованиям, не хотело вовсе разграничивать различные периоды в истории церкви; для него догматы оставались неизменными в продолжение восемнадцати веков. Одна сторона настаивала на неизменности церковного учения, другая старалась доказать, что в нем происходили перемены. Одна основывалась на фактическом обладании, другая—на естественном праве. Никакое соглашение, никакой компромисс не были возможны между теми, которые желали во имя традиции навсегда сохранить смешение светского и духовного начала, и теми, которые хотели положить ему конец во имя разума.

Дюран-Майян представил Собранию проект декрета¹. Он устанавливал в нем, что брак является гражданским договором и указывал правила, которые должны его регулировать. Он оставлял церкви свободу устанавливать препятствия для брака, но только имеющие моральную силу. Он делал церковное благословение факультативным и, проявляя замечательную терпимость, которой не суждено было найти подражателей, предлагал, чтобы венчание происходило по желанию сторон до и после составления акта о браке в муниципалитете².

Учредительному Собранию не суждено было принять этот проект. Оппозиция оказалась сильнее. Секуляризация гражданского состояния опять была отсрочена. Мартино не хочет, чтобы ради самое большее двух-трех миллионов лиц менялась форма свидетельствования браков, рождений и смерти, которой следуют около двадцати трех, двадцати пяти миллионов людей. Он удовлетворился бы реформой указа 1787 года, приспособив его к обстоятельствам: католики, являющиеся сторонниками неprisяжных священников, подчинились бы закону, изданному для протестантов³, они могли бы являться уже не к приходскому священнику, а к королевскому судье для регистрации актов гражданского состояния. Но это значило отказаться от единообразия законов. Рюбель заявляет, что несвоевременно лишать присягнувшее конституции духовенство всегда принадлежавших священникам функций в тот момент, когда раздаются такие нападки на гражданскую конституцию духовенства. Надо подождать, чтобы положение но-

вых священников укрепились, и не способствовать интригам неprisяжников⁴. Мужен де Рокфор считает, что секуляризация—это преждевременный принцип, а Гомбер «в качестве деревенского жителя видит в декрете серьезные ошибки и просит, чтобы вопрос этот был отложен и рассматривался после создания Конституции»⁵. Учредительное Собрание отсрочивает секуляризацию актов гражданского состояния (19 мая 1791 г.). Итак, сопротивление духовенства, невозможность принять решение, когда с обеих сторон ссылаются на авторитеты канонического права, боязнь слишком далеко углубиться в очень сложные и очень щекотливые споры и опасения религиозных волнений, высказывавшиеся некоторыми депутатами,—все эти причины заставили дважды, 31 декабря 1790 года и 19 мая 1791 года, отсрочить секуляризацию гражданского состояния.

Однако, имевшие место прения не были бесполезны. Они заставили признать, что брак должен рассматриваться законом только как гражданский договор. И Конституция 3 сентября 1791 года торжественно это провозгласила⁶. Правда, это был лишь философский принцип. Но его необходимые следствия были выведены из него в свое время.

III. Neprisяжное духовенство продолжало оказывать сопротивление, особенно в Вандее. Епископ Люсона предлагал неprisягнувшим конституции священникам продолжать вести регистрацию актов о крещении, о браке и о погребении католиков их приходов и хранить метрические книги в двух экземплярах, из которых один оставался бы у них на руках, а другой ежегодно передавался бы какому-нибудь доверенному лицу. Он предлагал им ведать выдачей разрешений на брак и вести регистрацию этих актов⁷. Священники Вандеи распространяли рукописные листки, в которых рекомендовали верующим не обращаться к конституционным священникам за совершением таинства. «Те, кто имел бы дерзость венчаться у самозванцев, не будут состоять в браке. Они навлекут божеское проклятие на себя и своих детей: их дети будут действительно незаконнорожденными, ибо бог не признает их союза, а уж лучше, чтобы брак не был браком в глазах людей, чем перед богом»⁸. «Галлуа и Жансонне, комиссары, посланные согласно декрету от 16 июля 1791 года в департаменты Вандеи и Де-Сэвр довели все эти факты до сведения Законодательного Собрания (9 октября 1791 года). В то же время министр юстиции Дюпор писал Собранию, что необходимость издания закона о гражданском состоянии дает себя чувствовать все в большей

¹ Ibid., 237. Предлагаемые меры будут благоприятны для неprisяжных священников. «Зачем давать укрепляться возникающей секте?»

² Ibid.

³ Конституция, 3 сентября 1791 г., разд. II, ст. 7.

⁴ Доклад Галлуа и Жансонне (9 окт. 1791 г.), А. Р., XXXIV, 141.—Ср. Письмо епископа Люссона от 30 мая 1791 г., pp. 142—143.

⁵ Ibid., 143—144.

¹ А. Р., XXVI, 172.—Suite et défense du rapport, ibid. 178.

² Projet de décret, tit. II, art. 10: «Вступающим в брак будет предоставлена свобода регистрировать брак в муниципалитете лишь после получения церковного благословения».

³ Martineau (19 mai 1791). А. Р. XXVI, 160.

1. большей степени. В Париже отцы семейств заявляли о рождении у них ребенка мировому судье, которому не было предоставлено права вести книги гражданского состояния, так что большое число рождений оказывалось незаписанным ни в какие официальные книги¹. Собрание назначило этот вопрос к слушанию после того как будут организованы Комитеты (10 октября 1791 года), а 3 ноября оно приняло предложение Баэра о том, чтобы Законодательный Комитет сделал через неделю доклад о гражданском состоянии².

Доклад был прочитан в Собрании только 15 февраля 1792 года³. Мюрэр представил проект декрета, сходный в своих общих положениях с проектом Дюран-Майяна. Только он располагал статьи уже ~~да~~ в порядке, необходимом для прений, но согласно логическому развитию идей. Брак уже не стоял отдельно и на первом месте. Он занял подобающее ему место в актах гражданского состояния, подлежащих секуляризации. Сперва провозглашался великий принцип секуляризации; затем шли вытекавшие из него следствия. Прения начались в Собрании 17 марта; Франсуа де-Нёшато утверждает, как и Гомбер, что французский народ недостаточно зрел для восприятия этой реформы, особенно в деревнях; что неприсягнувшие священники не преминут возбудить по этому поводу новые религиозные волнения, доказав крестьянам, что самозванцы отбрасывают два положения католической религии: союз с папой и таинство брака. Не следует ослаблять позиции конституционного духовенства изъятием из его ведения актов о гражданском состоянии. Надо удовлетвориться компромиссом, временной мерой; пусть гражданам, которые не пожелают прибегать к посредству католического священника, будет предоставлена возможность обращаться к гражданским должностным лицам, как это делают протестанты⁴. Это было возобновлением предложений Мартино Учредительному Собранию. Гюадэ отвечает, что настоящий момент—самый благоприятный для проведения секуляризации. Не надо ждать, говорит он, чтобы новое духовенство окрепло: оно тоже помешало бы тогда проведению столь желанной реформы. Наконец, Мюрэр выясняет собранию, что закон не опасен. Он представляет собой лишь необходимое следствие свободы вероисповедания. Гражданское состояние многих граждан в Париже и в департаментах, а особенно в Кальвадо и Нижнем Рейне, подвергнуто сомнению. Реформа не усилит религиозных волнений, напротив, она их прекратит⁵. Собрание,

¹ Письмо Дюпора (10 окт. 1791 г.). А. Р. XXXIV, 165.

² Ibid.

³ Доклад и проект декрета, ADXVIII c. t. 192.—А. Р., XL, 76.

⁴ А. Р., XL, 68.

⁵ А. Р., XL, 75—76. Cf. »Gaz. de Drouet», V, 272 et suiv., août 1792. Некоторые родители не хотят крестить своих детей; могут ли они требовать, чтобы их рождение было засвидетельствовано внесением в официальные списки, и могут ли приходские священники, хранящие эти списки, отказать в записи под предлогом, что метрические книги предназначены лишь для крещения детей?—**Ответ королевского комиссара** гласит: «Нет, священники не имеют права отказать в регистрации».

увлеченное Мюрэром и Гюадэ, постановляет почти единогласно, что нет оснований отсрочивать вопрос. С этих пор члены Законодательного Собрания почти все согласны относительно самого принципа.

Но возникает вопрос, кому доверить ведение книг гражданского состояния. Законодательный Комитет указывал на муниципалитеты. Это предложение не всеми принимается. Многие полагают, что большинство муниципалитетов деревни слишком невежественно и что они будут противиться возложению на них этих обязанностей. Одни предпочитают поручить это мировым судьям¹, другие—нотариусам², Гойе—инспекторам народных училищ³; некоторые, зная, что, почти никто из граждан сельских общин не умеет писать, предлагают приходских священников, которых можно было бы ограничить чисто гражданскими функциями в этом деле⁴. Ни одно из этих предложений не могло быть принято. Мировой судья имеется только в главном городе кантона. Нотариусы не стали бы выполнять бесплатно эти новые функции: это обошлось бы казне в три миллиона. Что касается приходских священников, то поручить им осуществление реформы—значило бы провалить ее. Тщетно закон гласил бы, что государство «пользуется священником только как гражданином» в муниципалитетах; факт оказался бы сильнее, и народ думал бы, что ничего здесь не изменилось. Наконец, было решено доверить ведение книг гражданского состояния муниципалитетам. Это было самое естественное решение: община—это колыбель для граждан.

Эти прения, имевшие место в мае и июне месяцах 1792 года, не привели тогда к изданию декрета. Причиной этой задержки были внутренние и внешние события: все возраставшее сопротивление привилегированных, война с Австрией и Пруссией. Но после 10 августа, перед тем как разойтись, Законодательное Собрание вспомнило обо всех вопросах, которые оно обсудило, о принципах, которые оно приняло, и как раз накануне замены его Конвентом, 20 сентября 1792 года, оно издало декрет о секуляризации актов гражданского состояния и брака. Смещение светского и духовного начала было уничтожено. Средневековье исчезало. Философия торжествовала.

IV. Государство обеспечивает гражданам порядок и сохранность актов и книг гражданского состояния.

Акты составляются муниципалитетами: акты о браке—по заявлению сторон, до венчания в церкви, о рождении—по заявлению отца или акушера, акты о смерти—по заявлению двух близких родственников или соседей⁵. Чтобы солить сопротивление

¹ Мнение, высказанное Навье и Адамом, ADXVIII, c. t. 192.

² Проект Жолливэ, *ibid*.

³ Мнение Гойе, ср. ст. 6 его проекта, *ibid*.

⁴ Эро де Сешель, А. Р., XL, 79—80.

⁵ Декрет о гражданском состоянии 20—25 сентября 1792 г., раздел I, ст. 1;—разд. III, ст. 1—3; разд. IV, отд. 4, ст. 5; разд. V, ст. 1.

ние граждан, которые пожелали бы продолжать обращаться к священникам, Конвент декретирует 19 декабря 1792 года, что заявления о рождении и смерти должны быть сделаны в трехдневный срок, под страхом тюремного заключения на два месяца, а в случае рецидива—на шесть месяцев¹. Для составления актов о рождении и браке при заявлении должно присутствовать два или четыре свидетеля: эти свидетели, без различия пола, должны быть не моложе двадцати одного года². Законодатель справедливо полагает, что свидетельство женщины имеет одинаковую ценность как и свидетельство мужчины.

Муниципалитеты регистрируют рождения, браки и смерти в трех книгах в двойном числе экземпляров, а не в одном экземпляре, как требовалось ординасом 1736 года³. А для обеспечения точного ведения книг, административной власти поручается постоянный контроль. Президенты директорий дистрикта нумеруют их, проинструктуют, делают в них отметку и отсылают их муниципалитетам, а затем получают второй экземпляр и проверяют, хорошо ли составляются акты; наконец, хранение дублетов поручается директорам департамента⁴.

Следовательно, законодатель 1792 года принимает гораздо большие меры предосторожности, чем королевская власть. Он не довольствуется секуляризацией гражданского состояния: он хочет также сделать установление его более достоверным и дать всем гражданам эту необходимую гарантию их гражданских прав.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Б Р А К

I

При старом порядке брак регулируется двумя законодательствами: оба согласуются в том, что рассматривают его одновременно как таинство и как договор. Революционеры смотрят на него уже только как на договор; они лишают его всякого духовного элемента. Но затем перед ними стоит задача сделать этот договор более простым и свободным и приблизить его, насколько позволяет это природа вещей, к другим договорам, которые могут развиваться только при условии свободы.

Церковное право, не взирая на его препятствия, уничтожающие брак, старается облегчить браки в целях поддержания добрых нравов и воздержания. Оно разрешает вступать в брак двенадцати или четырнадцати лет, в зависимости от пола, даже без согласия родителей.

В чем церковное право снисходительно и либерально, в том гражданское право королевской эпохи сурово и строго. Чтобы воспрепятствовать заключению тайных, неравных и скандальных союзов, король не удовлетворяется оглашением помолвленных, он требует согласия родителей до тридцати лет для мужчин и до двадцати пяти—для женщин, даже если они вдовы, под страхом лишения наследства, аннулирования брака и даже смерти¹. Церковь имеет в виду только религию и нравственность. Государство, кроме того, считает с чисто светскими интересами. Король, глава аристократического общества, хочет сохранить социальный строй в том виде, как он существует, в интересах избранной части общества, теснящейся вокруг него. Он вводит в брак понятия приличия, которые превращают его скорее в союз

¹ Ср. ординас 1639 г.;— постановление Королевского Совета (13 дек. 1681 г.)—Декларацию 22 ноября 1730 г.—Парламентское постановление (13 марта 1663 г.), которое говорит, что несовершеннолетняя вдова не может выйти замуж без согласия своего отца.—Приговор, вынесенный 18 дек. 1666 г. (в Латурнели, и аннулирующий брак несовершеннолетнего сына, заключенный без разрешения отца.—Приговор Парламента (от 18 июля 1724 г.), в силу которого он присуждает к пяти годам каторги Клода Апарюи, будто бы воспользовавшегося подставной матерью для получения разрешения на брак.—Приговор Парламента (от 20 апреля 1758), по которому художник Луи Брюйер де Майяк осужден на похищение за похищение с целью соблазна несовершеннолетней. Arch. nat., ADII, 20.

¹ Декрет от 19—24 декабря 1792 г., ст. 1.

² Декрет от 20 сентября, разд. III, ст. 1; разд. IV, отд. 4, ст. 4.

³ Декрет от 20 сентября, разд. II, стр. 1—2.

⁴ Id., разд. II, ст. 2, 9, 10—12.

двух фамилий, чем двух лиц. Дело в том, что монархия зиждется на понятии чести; и в жертву именно этой семейной чести и опирающемуся на нее величю государства приносится отдельная личность.

Необходимо восстановить личность ее в правах, освободить ее от деспотической власти отца и короля. Надо установить новое законодательство на новых основаниях. Идея договора—краеугольный камень этого здания. Революционеры уподобляют брак обыкновенным договорам, следовательно, право должно идти навстречу этим союзам в той же мере, как и договорам. Отсюда—отсутствие принуждения, очень широкая свобода.

Итак, законодатель старается обставить брак возможно меньшими условностями. И прежде всего отменяются все установленные церковью препятствия к браку: предшествующее обручение с другим лицом¹, свойство и родство до четвертой степени по каноническому исчислению, т. е. между внуками, происходящими от двоюродных братьев и сестер; а следовательно, упраздняются всякие дорогие стоящие ходатайства о разрешении на вступление в брак, в которых часто нуждается деревня, где все жители всегда несколько сродни друг другу²; наконец, упраздняются также монашеские обеты, ибо государство не считается больше с интересами касты, но с интересами личности и общества³. Устраняются также препятствия, установленные королевской властью; согласие родителей до тридцати лет и принадлежность вступающих в брак к одной религии не являются более необходимыми условиями.

Каноническому праву революционеры противопоставляют римское, а в борьбе против монархического права они опираются на естественное. Они не воспрещают брака ни между двоюродными братьями и сестрами, ни между дядей и племянницей, теткой и племянником. Он запрещен только между братом и сестрой, между родственниками и свойственниками по прямой линии, между усыновляющим и усыновленным⁴. Согласие родителей не является более необходимым после двадцати одного года⁵. Наконец, мужчины могут вступать в брак пятнадцати лет, женщины—тринадцати⁶. Это положение сильно приближается к положению канонического права. Революционеры упраздняют все стеснительные формальности: они требуют одного оглашения—за неделю до за-

¹ Доклад Дюран-Майяна, А. Р., XXVI, 168.

² Руперу (Алансон), Duvall, 318: препятствия, «стеснительные для деревенского населения, где родня бывает так многочисленна, что брак по выбору сопряжен с большими трудностями, а получение особого разрешения обходится очень дорого».

³ Цит. доклад Дюран-Майяна.

⁴ Декрет от 20 сентября 1792 года, разд. IV, ст. 11.

⁵ Id., ст. 2—3.—От совершеннолетних желательнее представлять одобрения брака отцом и матерью (Проект кодекса 1793 г. кн. I, разд. II, ст. 3).

⁶ Декрет от 20 сент. 1792 г., разд. IV, ст. I.

ключения брака¹. Нет более пустых препятствий, бесцельно оттягивающих вступление в брачный союз: отныне допускаются только серьезные возражения, идущие со стороны отцов, матерей или опекунов, или, если они исходят от других лиц, то они должны мотивироваться причинами, влекущими за собой непризнание брака²; основательность этих возражений должна быть подвергнута рассмотрению в весьма короткий срок³. Но все же известный формализм сохраняется, хотя и доводится до минимума. Дело Тридентского Собора уцелело. Брак не является совершенным, если на-лицо имеется одно только согласие сторон. Для заключения брака необходимо выполнение торжественных формальностей. Даже лишенный религиозного характера, брак все еще остается торжественным и обставленным формальностями договором.

II

Проводя идею договора до конца, со всеми ее последствиями, революционные законодатели разрешают браки священникам и, более того, они допускают для них развод.

I. Реформаторы и философы XVIII века, аббат Сен-Пьер, Монтескье, Дидро восставали против безбрачия духовенства⁴. Они говорили, что это—лишь вопрос внешней дисциплины, который церковь может изменить, что это установление, которое ни в какой мере не касается религии и которое вредно для общества. «Если бы 40.000 священников Франции имели 80.000 детей,—писал аббат Сен-Пьер,—то эти дети были бы бесспорно лучше других воспитаны, и государство в лице их приобрело бы лишних подданных и порядочных людей, а церковь—верующих»⁵. В 1789 г. многие наказы Генеральным Штатам ходатайствовали о допущении брака для священников. «Мы считаем этот вопрос очень существенным,—говорится в одном наказе Версальского бальяжа,—для избежания скандалов, которые, к несчастью, вызывают некоторые священники, часто нарушая святость брачного союза»⁶. Начиная с 1789 года, и особенно в 1790 и 1791 году, когда Учредительное Собрание обсуждало вопрос о природе брака, а затем разрешило его, признав его чисто гражданским договором,

¹ Id., разд. IV, отд. 2 ст. 3.

² Id., отд. 3, ст. 1—2, 9.

³ Ibid., ст. 7 (в первой инстанции в течение трех дней и по апелляции в недельный срок).

⁴ Монтескье: О духе законов, кн. XXIII, гл. 21 и кн. XXV, гл. 4.—Дидро: Oeuvres complètes éd. Garnier, t. XIV, pp. 54—59.

⁵ Цитирую по Дидро, ibid., p. 55.

⁶ Наказ Бюа-д'Арси (Thénard, p. 68).—Chalais, sénéc. de Saintes, A. P., V, 677.—District des Théatins à Paris, art. 25, id. V, 316.—Châteaouble (Draguignan), Migeur, p. 117.—Наказ Беллока (Беарн), 520, A. P., II, 275. «Чтобы монахи не могли больше выставлять требований против свободы брака, потому что, если бы и можно было обойти законы природы, то уже физически совершенно невозможно без отчаянных мучений навеки расстаться с потребностями, которыми она нас наделяла».

в массе брошюр раздавалось требование этой реформы церковного благочиния¹. Авторы этих брошюр возвращались к аргументации философов. Безбрачие противно природе, оно может иметь только пагубные последствия для организма; оно будоражит воображение и чувства². Оно вредно для общества, которое лишается полезных граждан и в которое оно постоянно вносит смуту и скандалы; наконец, это лишь вопрос благочиния, по поводу которого церковь меняла свои постановления и который нация может решить тоже как найдет нужным, без участия церковной власти³. Несмотря на сопротивление прежнего духовенства⁴, эта форма требовалась ежедневно многими верующими и священниками. В Париже уже в 1790 году аббат де Курнан внес предложение в пользу браков священников в общем собрании округа Сент-Этьен-дю-Мон. «Слишком долго,—говорил он,—ссылались на мнимый закон церкви для поддержания обычая, явно противного намерению и самым священным чувствам природы»⁵. Это—естественное право, которого никакой закон не может лишить человека, а «Бог не может запрещать того, что установлено природой». Некоторые священники женились в 1791 году. Учредительное Собрание постановило, что монахи, которые выйдут замуж, будут лишены своего содержания, но затем 10 сентября 1791 года оно декретировало полное сохранение за ними их пенсий. 19 октября Делонэ д'Анже поддержал в Законодательном Собрании петицию администраторов департаментов Мэны и Луары, просивших Собрание сохранить содержание бывшему бенефициарию, который только что женился. «Нация не стремится,—говорит он,—обречь на безбрачие целый класс граждан, т. е. осудить его на состояние которое отвергает природа, и которое не обусловлено никаким законом». Епископ Иль-э-Вилэна, Леко, протестовал, находил, что это—«крупная ошибка», что это «неполитичное предложение» может лишь раздуть «пламя, пожиравшее монархию».

¹ Эти брошюры собраны в ADXVIII c. tome 37. Фоше, повидимому, против этой реформы в 1789 г.—Fauchet, De la religion nationale, 89, 1789 (ср. Chassin, t. IV, p. 414): «Безбрачие духовенства—закон дисциплинарного порядка: правда, что в латинской церкви оно существует с первых веков; что оно всегда санкционировалось; что это закон, имеющий очень большое значение, и что нельзя, следовательно, легкомысленно решать вопрос об его изменении».

² Les funestes effets de la vertu de chasteté dans les prêtres, ou mémoire de M. Blanchet, curé de Cours près la Réole... («Роковые последствия добродетели целомудрия священников, или докладная записка Бланше, священника из Кура, близ Реоли, с замечаниями медицинского характера, с приложением адреса Нац. Собранию от 17 июля 1790 года»).

³ См. особенно Les prêtres devenus citoyens ou abolition du célibat religieux, 1789, 72 pp. («Священники, ставшие гражданами, или отмена безбрачия духовенства»).

⁴ Тьебо (Thiebaut), священник из Сент-Круа, депутат из Меде в 1790 г. Seconde adresse à l'Ass. nat. sur le célibat religieux.

⁵ Réponse d'un curé de campagne à la motion scandaleuse d'un prêtre faite dans l'assemblée générale du district de Saint-Etienne-du-Mont. Paris, 1790.—Juste remontrance à une motion faite pour le mariage des prêtres, 1790.

Но так как закона, противного поданной петиции не существовало, то «Собрание перешло к порядку дня»¹. Тогда многие священники, в уверенности, что они отныне не будут лишены своего содержания, вступили в брак. Некоторые епископы отказывали им в церковном посвящении², иногда даже отрешали их от должности и возбуждали против них сельское население. Тогда Конвент издал ряд декретов в защиту женатых священников. Он аннулировал все постановления об отрешении от должности за вступление в брак³ и издал декрет, по которому епископы, препятствующие прямо или косвенно бракам священников, будут высланы или смещены⁴. Всякий женившийся священник сохраняет свое содержание; если его беспокоят жители коммуны, где он служит, он может переселиться куда угодно, а содержание ему будет выплачиваться за счет преследовавшей его коммуны⁵. Наконец, Конвент предоставлял католическим священникам, женившимся или помолвка которых была оглашена, исключительные и ценные в разгар террора привилегии: даже не принесшие установленной гражданской конституцией духовенства присяги не «подлежали ни изгнанию, ни заключению»⁶.

II. Новое понимание брака естественно влекло за собой развод. Это было еще более важное нововведение, так как интересовало всех граждан, а не отдельную группу.

В 1789 году о разводе говорилось только в немногих наказах третьего сословия⁷, иногда о нем просили крестьяне, которым это желание было внушено каким-нибудь высокопоставленным лицом, вроде герцога Орлеанского в Дофинэ и Провансе⁸. Духовенство уже чувствовало опасность, оно боялось влияния философии, и в некоторых из своих наказов оно заклиняло Генеральные Штаты отвергнуть всякие ходатайства в пользу развода⁹. Оно не ошиблось. С 1789 года масса книг и брошюр пыталась

¹ «Moniteur», folio, t. V, p. 1221.

² Декрет от 17—21 декабря 1792 г. (Duvergier, V, 107). Епископ Сены и Уазы отказал в посвящении своему викарию на том основании, что он был женат.

³ Декрет от 12 августа 1793 г., ст. 1 (Duvergier, VI, 97).

⁴ Декрет от 19—29 июля 1793 г. (Duvergier, VI, 37).

⁵ Декреты от 19—27 июля 1793 г. (Duvergier, VI, 37) и 17 сент. 1793 г. (ibid., 214).

⁶ Декрет 25—30 брюмера II года (ibid., 351—352).

⁷ Третье сословие Парижа, дистрикта Тэатэн, ст. 26. А. Р., V, 316: «Развод будет дозволен, ибо нерасторжимость договора не мирится с непостоянством человеческого характера».

⁸ Шалодубль (сенешальство Драгиньяна) требует, чтобы в общий наказ третьего сословия была помещена инструкция, данная герцогом Орлеанским его уполномоченным. А ст. 12-я этой инструкции гласит: «Надо требовать установления развода, как единственного средства избежать несчастий и скандалов, связанных с неудачными браками и физическим разлучением супругов». Migeur, 116. Instruction donnée par S. A. S. Mgr. le duc d'Orléans... art. 12, p. 6.

⁹ Духовенство Оранжа, А. Р., IV, 267: «Если бы в заседании Генеральных Штатов было предложено провести закон, разрешающий развод, то мы поручаем нашему депутату выступить против установления такого закона, как противоречащего божественному праву и добрым нравам».—Духовенство Суля, ст. 42 ib. V, 775.

возбудить общественное мнение и подготовить его к этой важной реформе. По просьбе герцога Орлеанского, Мартини написал Философский, богословский и политический трактат о законе по поводу расторжения брака¹; д'Антрагг, Энне Бушотт требовали развода именно в интересах сохранения добрых нравов². Петиции, составленные из выдержек из Монтэня, Шаррона, Монтескье и Вольтера³, направлялись в Национальное Собрание. Законность развода старались доказать ссылками на Священное Писание, как это делал Лэнге⁴; или, подобно Бушотту, устанавливали «единодушие разума и веры» в восстановлении этого института. Ответы на все эти сочинения и памфлеты не заставили себя ждать. Аббат Ша-де-Растиньяк доказывал «единодушие разума и веры в борьбе с установлением развода», а аббат Барюель опровергал сочинение Энне. Обе стороны восходили к изначальным моментам, боролись при помощи аргументов, черпаемых ими из истории; начинали с того, что опирались на авторитеты церковные или философские, а кончали призывом к разуму и природе.

III. Несколько причин привело к установлению развода.

Во-первых, он логически вытекает из теории, которая смотрит на брак как на гражданский договор. Духовенство это хорошо понимаю, когда противилось всей своей властью этой доктрине: если брак—договор, то он может быть расторгнут: то, что создано волей, может быть волей же уничтожено⁵. Никакой договор не вечен: нельзя взять на себя обязательство на всю жизнь; это значило бы отказаться от своей свободы, а свобода неотчуждаема. По мнению Законодательного Собрания и Конвента, проникнутых духом философии, склонных менее к расчленению явлений, имеющих внутреннюю связь, чем к их смешению и применению к ним одинаковых правил, понятие договора влечет за собой подчинение брака положениям, регулирующим договоры. На это могут возразить, что брак является договором особого рода, что по совести его нельзя сравнивать с продажей или арендой и что, следовательно, к нему должны применяться правила сообразно не столько с его юридической, сколько с его реальной природой, а также с его общественным значением. Без сомнения, в глазах законодателя брак не спускается на степень аренды или продажи, и вот почему для заключения брачного договора необходимо требуются соответствующие возрастные условия, согласие сторон, а в некоторых случаях и родителей и т. д.

¹ Сочинение в 147 стр., июль 1789 г., ADXVIII, с. 163.

² Observations du comte d'Antraigues, 1789.—Observations de Bouchotte, 1790, 1791, ADXVIII с. 162.—Hennot, Du divorce, 148 pp., 1789, ADXVIII с. 163.

³ В 1791 г., ibid.

⁴ Linguet, Légitimité du divorce prouvée par les Saintes Ecritures, 1789 ADXVIII с. 163; см. библиографию о разводе.

⁵ Леонар Робэн от имени Законодательного Комитета (13 сентября 1792 г.), «Moniteur», XIII, 640, «Journal des Débats», XII, 241, 338.—Sedillez, «Moniteur», XIII, 693.

Но уподобление брака договору в целях установления развода покоится не только на идее права. Развод оправдывается социальными потребностями. Его требует не только теория. Практика также нуждается в разводе как в благотворном институте. Именно на эту общественную точку зрения любят становиться революционеры в своем требовании развода¹.

Этот институт необходим для счастья супругов и общества. Следует ли навеки сохранять неудачный союз, который стал в тягость обоим супругам, который делает им жизнь ненавистной, и не только им, а, может быть, также и их детям? Прежнее законодательство допускает только физическое разлучение: чтобы не преступать предписаний церкви, оно юридически сохраняет фактически порванную брачную связь и препятствует супругам, все еще связанным помимо их воли железной цепью, заключить новый союз, в котором они могли бы найти счастье и дать жизнь новым существам; это законодательство, под предлогом заботы о морали, порождает скандалы, прелюбодеяния, подвергает опасности спокойствие соседних семейств и увеличивает, а не уменьшает распутство. Так преобразуем же это бесцельное разлучение в развод; освободим супругов от этих ненавистных пут и предоставим им свободу образовывать новые союзы, отвечающие их собственным интересам и интересам общества. Мы ничуть не ослабим супружескую связь: молодые, любящие друг друга супруги и не подумают разводиться; они мысленно будут заключать договор на всю свою жизнь, но если они отдавались мимолетной страсти, которая быстро сменилась разочарованием, то закон, более предусмотрительный, чем они, даст им возможность освободиться от своей клятвы. Развод расторгнет несчастные браки, заключенные легкомысленно неопытными и неосторожными супругами. И он расторгнет только такие браки. Удачные браки сохраняются и продолжатся до конца жизни супругов. Развод будет в некотором роде пробным камнем, который отделит счастливые союзы от несчастных. Человек имеет право на счастье: если оно ему не далось однажды, предоставим ему по крайней мере возможность хоть когда-нибудь достигнуть его.

Во-вторых, развод необходим для освобождения женщины от деспотизма мужа. Ей также надо вернуть «свободу, для которой нерасторжимая связь была бы гибелью». Отныне у нее будет оружие для борьбы против ревнивой и чрезмерной власти мужа. Она не будет больше принуждена только страдать и плакать в молчании; она сможет говорить и действовать.

В-третьих, свобода совести и культа также требует развода. Зачем обязывать протестанта или еврея подчиняться закону, который не предписывается его религией?² Зачем подчинять не

¹ Кроме цитированных уже Робэна, Седийе, ср. Обер-Дюбайе, «Moniteur», XIII, 578, и все вышеуказанные брошюры, наполняющие два тома: ADXVIII с. 162 и 163.

² Bouchotte, Observations sur l'accord de la raison et de la foi pour le rétablissement du divorce, chap II (ADXVIII с. 112).

исполняющего обрядов католика церковному закону, которого он не признает? Пусть католики, робкая совесть которых не приемлет опасных в их глазах нововведений, сохраняют несчастную связь или удовлетворяются физическим разлучением. Но пусть другим гражданам будет предоставлена свобода избавиться от обычая, которого не признает ни их религия, ни их совесть. Никого не станут притеснять, каждый будет свободен пользоваться или не пользоваться преимуществами этого закона.

В общем, если развод нужен ради счастья супругов, семьи и государства, то он ни в коем случае не противоречит и религии. Церковь не всегда была ему враждебна. Депутаты Учредительного и Законодательного Собрания любят заявлять об этом громкогласно. Судя по евангелию от Матфея, который так верно передает речи Иисуса, разве Христос не допускал развода на основании прелюбодеяния?.. Следовательно, развод не противоречит учению основателя церкви, но лишь доктрине, которая была провозглашена изменившейся церковью, когда последняя стала сильнее светской власти, а затем под влиянием угроз со стороны диссидентских сект изобрела теории, в начале ей несвойственные¹.

IV. Таковы основания в пользу развода, приводимые Законодательным Комитетом. Но даже после провозглашения Учредительным Собранием взгляда гражданского права на брак только как на договор, развод встретил известное противодействие. Некоторые, как, например, Дюмоляр пытались указать Законодательному Собранию, что этот вопрос находится вне его компетенции. «Непостижимо,—говорил этот депутат в феврале 1792 года,—как можно требовать, чтобы на повестку дня был поставлен вопрос о разводе. Если бы мы были на церковном соборе, то это было бы неудивительно, но мы, слава богу, находимся в Национальном Собрании»². Однако, большинство Собрания желало секуляризировать гражданское состояние и затем, без колебания, вывести все следствия из этой реформы. Таким образом, допущение развода в принципе стало неизбежным.

¹ Д'Антраг: «Доказав, что церковь некогда разрешала развод, мы установили, что она считала его законным. Установив, что она разрешает его в Польше, мы доказали, что она и в настоящее время считает его таковым». *Observ.*, p. 9. Эссе в кн. 1-й доказывает, что нерасторжимость брака не является догматом. Соответствующий канон Тридентского Собора составлен в робких и туманных выражениях. Бушот, цит. соч., гл. IV: «Постановление Тридентского Собора, на котором зиждется система противников развода, не может быть рассматриваемо как настоящий закон...» *«Dernières observations»*, p. 115. «Вы отбросите то, что было придумано для увеличения власти Рима, вы будете проповедывать только то, что преподано Иисусом Христом». Стр. 116: «Вы, которых вооружают против развода, говоря, что бог его отвергает, тогда как он его одобряет; что апостолы его отменили, тогда как они его разрешили; что церковь всегда запрещала его, тогда как она относилась к нему терпимо и преподавала его в течение двенадцати веков и потом его не осудила,—читайте и судите».

² *Moniteur réimpr.*, XI, 404.

Выработка закона вызвала серьезные прения. Законодательный Комитет предлагал принять три категории оснований для развода: 1) установленные законом поводы; 2) обоюдное согласие супругов; 3) простое несходство характеров, о котором заявит один из супругов. Седийе¹ возражает против третьего пункта проекта Комитета. Он не хочет, чтобы развод считался законным на основании простого несходства характеров. Это было бы отвержением одного супруга другим, менее опасным для мужей, чем для жен, которые, утратив значительную часть свое красоты, с трудом нашли бы другого мужа. Это был бы институт, идущий вразрез с той целью, которая здесь преследуется, т. е. со стремлением улучшить положение женщины. Если развода требует один из супругов, то он должен указать мотивы, которые его на это толкают, говорят Седийе и Мэй: «необходимы такие законы, которые не ставили бы брак в зависимость от каприза или непостоянства»², и он предлагает организацию жюри по делам о разводах для рассмотрения мотивов. Кроме того, Комитет в своем проекте допускал вмешательство семьи, обязывал супругов являться на семейный суд, который затушил бы скандал и своими разумными действиями и силой своей привязанности к супругам мог бы содействовать их примирению. Несколько членов Собрания восстали против такого вмешательства семьи, за которое Комитет очень стоял. Тюрию не желает семейного трибунала. Он не согласен также на жюри. Он «вовсе не хочет, чтобы от лица, возбудившего вопрос о разводе, требовалось указание причин и объяснение мотивов; не надо допускать семью к обсуждению этого вопроса, всегда неприятного и часто порочащего доброе имя супругов; надо, чтобы дети сохранили чистое представление о своих родителях»³.

V. Эти возражения не помешали успеху проекта Комитета. Собрание вотировало его в том виде, как он был представлен. Декрет 20 сентября 1792 года допускает три рода причин для развода: во-первых определенные законом поводы; их—семь: 1) безумие, помешательство—тихое или буйное; 2) присуждение к телесному или порочащему наказанию; 3) преступление, жестокое обращение или серьезное оскорбление супруга; 4) явное уклонение от норм нравственности; 5) оставление жены мужем или обратно; 6) безвестное отсутствие одного из них в течение пяти лет; 7) эмиграция. Затем, так как оглашение определенной причины, дающей основание для развода, не является необходимым

¹ Прения между Робэном, докладчиком Комитета и Седийе 13 сентября 1792 г. (*«Journal des Débats»*, XII, 241, 388 и 339). Письмо Седийе Законодательному Комитету от 26 сентября 1792 г., *Arch. nat.*, D III, 361 (см. Приложение). Докладчик одобряет проект Комитета. *«Journal des Débats»*, *ibid.*

² Mailhe, *«Journal des Débats»*, *ibid.*

³ Thuriot, *«Journal des Débats»*, *ibid.*—D'Antraigues, *Observations*, p. 47; он тоже не желает домашнего трибунала: «Такой институт хорош только у народов, у которых нравы чисты. Он снял бы с нас последнюю узду, которая заменяет нам нравственность—боязнь огласки».

и даже носило бы характер скандала, то революционеры допускают обоюдное согласие. Всякий договор может быть аннулирован с согласия обеих сторон; точно так же обстоит дело и с браком. Наконец, чтобы вполне облегчить супругам расторжение несчастного союза, чтобы устранить тираннию одного из супругов, революционеры добавляют в качестве аргумента за развод несходство характеров¹. Эту чрезмерную легкость развода они пытаются умерить путем процедуры, иногда очень долгой, способной навести на размышление инициатора развода и привести супругов к возможному примирению. Когда развода требует только один из супругов из-за несоответствия характеров, то требуется три последовательных собрания родителей или друзей: через месяц, через три и через шесть месяцев после первого их созыва, затем новый промежуток в шесть месяцев до постановления о разводе, так что в общей сложности все установленные отсрочки составляют по крайней мере год². Если развода требуют оба супруга, он должен быть разрешен немедленно. К чему долгие препятствовать их свободе? Поэтому вслед за семейным собранием из шести родственников или друзей, уже через два месяца при отсутствии детей и через четыре—в противном случае, они могут добиться постановления о разводе от чиновника по делам о гражданском состоянии³. Наконец, в случае ходатайства о разводе по определенному законом поводу—а определенных поводов семь, и некоторые из них очень общего характера и очень понятны,—уже нет места ни для какой отсрочки с целью испытания. Если семейные посредники не достигнут немедленного примирения сторон, или если мотивы установлены судебным порядком, чиновник по делам о гражданском состоянии должен вынести постановление о разводе, не входя в рассмотрение причин⁴. Таким образом, срок, требующийся для развода, становится все более и более коротким, в зависимости от характера развода: то он составляет год, то два месяца, наконец, даже менее одного дня. Если один из супругов хочет развестись немедленно, возможно, что он найдет причину, которая покажется достаточно основательной семейному трибуналу, составленному из расторопных родственников, и которая даст ему возможность избежать всякой испытательной отсрочки. Если ему отказано в этом пути и если другой из супругов противится разводу, он все равно достигнет своей цели, лишь бы у него хватило терпения и лишь бы он согласился предстать перед тремя собраниями родственников и выждать год. В самом деле, это не слишком дорогая плата за свободу. А не страдает ли брак от этой чрезмерной доступности развода, особенно в больших городах, как Париж, где такая эпидемия разводов может увеличить

разврат? Ведь последствия развода производят большие потрясения в жизни детей и супругов.

Но, во-первых, каждый из супругов вновь обретает свободу и может опять вступить в брак¹. Женщина, вследствие своей физической природы, в связи со своей важнейшей функцией, может выйти опять замуж только через год. Законодатель 1792 года, влюбленный в равенство, устанавливает тот же срок и для мужчин: муж точно так же может жениться только по истечении этого срока, за исключением случаев развода по определенному законом поводу. Впрочем, разведенные супруги могут вновь вступить в брак, или друг с другом, или даже, в виду молчания об этом закона, и с лицом, участвовавшим в прелюбодеянии². Развод влечет за собой раздел имущества, расторжение общности или товарищества в отношении благоприобретенных имущества. Если развод был получен мужем не по причине безумия или помешательства жены, а по другому поводу, влекущему личную ответственность, то виновная жена лишается всех прав и преимуществ в области общих имущества или в товариществе относительно благоприобретенных. Дарения по поводу брака и за время жизни в браке считаются недействительными³. Правда,, Законодательный Комитет предложил в своем проекте 1793 года, в случае наличия одностороннего преимущества, делать исключение из этого положения в пользу супруга, не ищущего развода⁴; но Конвент отверг это исключение и объявил, что всякие договоры об односторонних или обоюдных преимуществах между супругами уничтожаются разводом⁵. Что касается детей, то, несмотря на предложение об отобрании их у супругов и передаче их под охрану государства, законодатели 1792 года, поручают их заботам разведенных отца и матери, при чем правила, которым при этом следуют, варьируются в зависимости от характера развода. Если развод имеет место по взаимному согласию или по несходству характеров, то девочки передаются матери, мальчики старше семи лет—отцу⁶. Если развод происходит на основании определенного законом повода, то вопрос решается семейным собранием⁷. Дети сохраняют все свои права: право на алименты и на наследство; они не должны быть жертвами акта, в котором не участвуют и за который не ответственны.

Сделав развод таким легким и соблазнительным, революционеры устанавливают его в качестве единственного способа разлучения супругов⁸. Отныне не существует более института раз-

¹ Декрет от 20 сентября 1792 г., § III, ст. 1.

² Id., § III, ст. 2—3.

³ Id., ст. 4—6.

⁴ Проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. III, ст. 19.

⁵ Протоколы Конвента, 24 августа 1793 г.

⁶ Декрет от 20 сентября, § IV, ст. 1.

⁷ Id., ст. 2.

⁸ Id., § I, ст. 7.—Ср. заявление депутата Госсэна (ADXVIII с. 162): он требует упразднения института разлучения от стола и ложа. «Надо отменить принудительное безбрачие, на которое осуждаются разлученные супруги».

¹ Декрет от 20 сентября 1792 г. о разводе, § 1, ст. 1—4.

² Декрет от 20 сентября 1792 г., § II, ст. 8—14.

³ Id., § II, ст. 1—7.

⁴ Id., § III, ст. 15—20.

лучения от стола и ложа: оно не имеет больше смысла и осуждено законодателем, который в своей борьбе против церкви хочет принудить граждан принять одно из крайних решений, а не останавливаться на компромиссе, на который могла бы пойти их робкая совесть: или продолжайте жизнь, как супруги, терпя все мучения, или получайте развод и полную свободу.

VI. Таков декрет 20 сентября 1792 года. Но в 1793 законодатель хочет пойти еще дальше в этом направлении. Система стремится дойти до своих крайних пределов. Конвент идет дальше своего Законодательного Комитета, который в проекте Гражданского Кодекса только воспроизводит декрет 1792 года. Он считает перечисление мотивов для развода излишним, потому что каждый из супругов может добиться развода без указания мотивов, просто на основании своего желания, а, кроме того, и безнравственным, ибо ссылка на заранее определенные в законе поводы может обесчестить супруга, который поддался лишь минутной слабости, предать его проступок гласности и воспрепятствовать заключению им нового брака. И, по настоянию Пулен-Гранпре, Тюрио и Лакруа, он отбрасывает систему определенных законом поводов¹. Под предлогом забот о нравственности, брачная связь все больше и больше ослабляется: раз допущен развод в силу простого несходства характеров,—это уже имеет роковое значение. Устранив перечисление мотивов, доходят до того, что признают установленные в 1792 году оторочки слишком продолжительными, противоречащими добрым нравам, способными затянуть скандал и предоставить повод тому, кто управляет общим имуществом, довести его до разорения². Упростив систему поводов для развода, Конвент старается упростить и связанную с ним процедуру. В ожидании Гражданского Кодекса упрощаются или сокращаются сроки, установленные для разведенных супругов, желающих вновь вступить в брак: муж может тотчас же заключить новый союз, а жена через десять месяцев. Это положение (8 нивоза II года), в противоположность декрету 1792 года, устанавливает неравенство между супругами. Затем, так как отмена законных мотивов еще не была обнаружена, то декрет 4 флореаля II года (28 апреля 1794) внес некоторые изменения в эту систему, а именно: достаточно отсутствия одного из супругов или оставления им другого в течение шести месяцев, при чем это должно быть подтверждено подлинным актом или быть очевидным для общества, чтобы оставленный получил немедленно развод³. «Жены защитников отечества и должностных лиц, посланных куда-либо для служения республике», могут широко использовать эту новую свободу; однако, «все меры к урегу-

лированию их прав будут иметь лишь временный характер, до возвращения их мужей»¹.

Итак, в вопросе о разводе обнаруживается тенденция решать его даже в силу простого желания со стороны одного из супругов или по обоюдному согласию и осуществлять его в возможно более короткий срок. Страсть к личной свободе, «для которой нерасторжимость супружеской связи была бы гибельной», юридические теории, которые основывают все общественные отношения на договорах и на всегда изменчивой воле человека, ослабили узы брака; однако, это было сделано отнюдь не с целью систематического разложения нравов нации, в чем невежественные или фанатичные католики хотели бы всех уверить, но, наоборот, с целью улучшения их путем расторжения несчастных союзов и прекращения талящихся в обществе скандалов, вызванных светским компромиссом физического разлучения. Правда, резолюционеры впали в опасную крайность, благодаря увлекавшему их порыву, благодаря упорному сопротивлению сторонников старого режима и вечной борьбе, которую им приходилось выдерживать ради торжества нового права. Они пошли дальше, чем позволяла теория договора и чем этого требовала охрана добрых нравов и забота о счастье личности. Исходя из желания затушевать скандалы, уничтожить деспотизм в браке, они мало-по-малу чрезмерно облегчили развод. Поэтому в больших городах, особенно в Париже, декреты 1792 и 1794 г. открыли новые перспективы для массы супругов. Некоторые даже не дожидались закона 1792 года, чтобы развестись²; а как только этот закон был обнаружен, огромное число супругов пожелало им воспользоваться. Многие жены эмигрантов потребовали развода, чтобы вернуть себе свою долю общих с мужем имуществ, секвестрованных нацией³. Многие воспользовались отсутствием своих мужей, находящихся в армии⁴. А когда после декрета 4 флореаля II года и падения якобинцев, широко разнуздались страсти, освободившиеся от всяких сдержек, то революционные законы только усилили поток разврата, затопивший города и в особенности Париж⁵. По счастью, деревни не были поражены этой эпидемией.

¹ *ib.*, ст. 4.

² Декрет 4 флореаля II года (ст. 8) санкционирует разводы, состоявшиеся в силу того принципа, что брак представляет собой лишь гражданский договор, и засвидетельствованные подлинными заявлениями еще до издания декрета 20 сентября 1792 г.

³ Эти случаи были так многочисленны, что министр Ролан обращается в ноябре 1792 г. в Законодательный Комитет с просьбой не распространять действие закона на жен эмигрантов. Arch. nat., DIII, 361.

⁴ Письмо Воилерме. Arch. nat., DIII, 361. (Приложение). Подобные примеры приводятся в докладах Совета Старейших и Совета Пятисот.

⁵ С 1 января 1793 г. по 17 июня 1795 г. произошло 5.987 разводов в Париже. Cp. Maurice d'Auteville, *Le divorce pendant la Révolution*, «Revue de la Révolution», 1883, 2-е vol., pp. 206, 473.—Décade, 28 июня 1796 г.

⁶ «Об этом свидетельствуют трибуналы», говорит Порталис, F e n e t, IX, 257.

¹ «Moniteur», XVII, 532—533, август 1793 г. Декрет, который отбрасывает перечисление мотивов, не был отделен от Кодекса и, следовательно, не вступил в силу.

² Удо, 27 жерминаля II г., ADXVIII c. t. 325, рiсе 26.

³ Декрет от 4—9 флореаля II года, ст. 1 и 2.

ком будущем протестантов и евреев от угнетающего их векового ига.

Протестанты не пользуются даже теми гражданскими правами, которые даровал им король. 24 декабря 1789 года Учредительное Собрание декретирует допущение не-католиков к административным, гражданским и военным должностям¹. Однако, когда отец Жерль приглашает Собрание декретировать, что католическая религия должна навсегда остаться национальной религией, затем, когда Собрание 13 апреля 1790 года постановляет, что «расходы по католическому культу будут поставлены на первое место в государственном бюджете»², протестанты испытывают сильное беспокойство. Они опасаются возврата к прошлому и требуют, наряду с правом открыто отправлять свое богослужение, и допущения их к общественным должностям, хотя Собрание вовсе не намерено отнимать у них этого права³. Учредительное Собрание продолжает расточать им свои благодеяния. 10 июля оно возвращает им все имущества, конфискованные с 1685 года и находящиеся еще в руках откупщиков управления государственными монополиями. Но некоторые из этих земельных владений были отчуждены, и беспокоить тех, кто их приобрел и кто владеет ими уже тридцать лет, представляется невозможным⁴. В каждом окружном суде будет отпечатан общий список имуществ, конфискованных с 1685 года, и наследникам лиц, подвергшихся религиозным гонениям и бежавшим из Франции, предоставляется трехлетний срок с 20 сентября 1792 года для их обратного истребования⁵. Все эти декреты касались только протестантов. Поэтому со стороны евреев раздаются жалобы.

В Учредительном Собрании они имеют блестящих защитников их прав: Мирабо, который написал в 1787 и 1788 годах похвальное слово в честь Моисея Мендельсона и небольшое сочинение о реформе в политических правах евреев⁶; аббата Грегуара, приходского священника Эмбермениля в Лотарингии, который только что напечатал в Меце Исследование о физическом, моральном и политическом возрождении евреев⁷. С августа 1789 года евреи Парижа, Эльзаса и Лотарингии посылают адреса Национальному Собранию⁸. Они просят его решительно высказаться по вопросу об их участии, уничтожить все произвольные сборы, которые

¹ Duvergier, I, 105.

² Ibid., I, 171, и заседание 12 апреля.

³ Соображения барона де Ратсамгаузена (Opinion du baron de Rathsamhausen), депутата бальяжа Гагенау и Виссенберга, представленные Национальному Собранию в подкрепление к докладной записке протестантских городских общин Эльзаса (21 мая 1790 г.). Arch. nat. ADXVII, 48.

⁴ Duvergier, I, 279.—Баррер, Доклад 9 декабря 1790 г., ADXVII, 48.

⁵ Декреты от 20 сентября 1792 г.; 17 июля 1793 г.

⁶ Bibl. nat. Ld¹⁸⁴/23 et Ld¹⁸⁴/24.

⁷ Ibid., Ld¹⁸⁴/25.

⁸ Все, что касается евреев, находится в Национальной Библиотеке в серии Ld¹⁸⁴.—В Нац. Архиве в ADXVIII с. 161 et ADXVII, 49.

им приходится уплачивать, все ограничения, препятствующие их свободе, даровать им звание французских граждан, оставляя им при этом свободу в области вероисповедания, их общества и их синдиков. Между тем, в Сюндго дома их подвергаются разгрому в августе 1789 года; они принуждены спасаться бегством полуголыми и сотнями скрываться в Базеле. Городское население бросается в канцелярии, подобно тому как крестьяне—в дворянские замки, чтобы уничтожить долговые документы¹. Собрание «поручает 28 сентября своему президенту написать должностным лицам Эльзаса, что евреи находятся под охраной закона»². Но спокойствие восстанавливается с трудом, и Собрание вынуждено спустя полгода, 16 апреля 1790 года, снова поставить евреев Эльзаса под охрану закона, воспретить всякие покушения на их безопасность и имущество³. В декабре 1789 года, когда Брюне до Латюк предлагает объявить, что не-католики должны быть допущены ко всем общественным должностям⁴, Клермон-Тоннер, Робеспьер, Дюпор изъявляют желание, чтобы декрет носил общий характер и включал и евреев⁵. «Государственные законы не должны стеснять религии индивида; религия не может влиять на чисто социальный закон»⁶. Все население французской территории должно иметь одинаковые гражданские и политические права, независимо от исповедания той или иной религии. Но ораторы духовенства, аббат Мори, Лафар и некоторые ораторы третьего сословия, как, напр., Рюбелль, отказываются дать звание гражданина людям, которые образуют во Франции нечто вроде особой нации. И Собрание издает декрет 24 декабря о допущении не-католиков к государственной службе, «ничего не предпринимая относительно евреев; оно воздерживается от решения вопроса об их положении». Это явная отсрочка его. Евреи Бордо, Байоны и Авиньона встревожены: декрет как будто лишает их прав, которыми они обладают уже в силу специальных королевских грамот⁷; тогда Собрание издает 28 января 1790 года декрет о том, что «все евреи, известные во Франции под именем португальских, испанских и авиньонских, будут продолжать пользоваться правами, которыми пользовались до сих пор и которые были им дарованы королевскими грамотами; это значит, что они будут пользоваться правами активных граждан, если, впрочем, будут удовлетворять всем условиям, устанавливае-

¹ Доклад, заслушанный в заседании Общества друзей конституции 27 февраля 1790 г., стр. 9. Arch. nat., ADXVII, 49.

² Duvergier, I, 51; «Moniteur», I, 526;—A. P., IX, 201.

³ Duvergier, I, 172.

⁴ 21 декабря 1789 г., «Moniteur», II, 439.

⁵ «Moniteur», II, 455 и сл.

⁶ A. P., X, 755, col. 1.

⁷ Alarmes des Juifs de Bordeaux à la suite du décret sur les non-catholiques qui ne préjuge rien à l'égard des Juifs, 1790 ADXVII, 49.

мым декретами Национального Собрания»¹. Тогда евреи Парижа и Востока продолжают осаждать Национальное Собрание своими ходатайствами и петициями. Для получения благоприятного для них голосования в Собрании они оказывают воздействие на все шестьдесят округов Парижа, затем на собрание парижской коммуны, которая на основании благоприятного им мнения пятидесяти трех округов составляет 24 февраля 1790 года адрес Собранию. Зачем, говорится в адресе, устанавливать различие между евреями Юга и евреями Эльзаса и Лотарингии? Все должны обладать равными правами. Религиозные разногласия не должны больше устанавливать различия между индивидами. Итак, все евреи должны получить права гражданства, и не только в интересах евреев, но и в интересах самой Франции². Собрание продолжает заниматься вопросом о положении евреев. 20 июля оно уничтожает все феодальные права относительно жительства, защиты и терпимости и т. п. повинности, которым евреи были подчинены³. Наконец, 27 сентября 1791 года, дав Франции обещанную конституцию, оно «берет обратно всякие отсрочки, оговорки и исключения, вставленные в предшествующие декреты относительно лиц еврейского происхождения, которые принесут гражданскую присягу», в знак отказа от прежнего положения⁴. Они не образуют больше отдельной нации, а «сливаются в общем праве всех французов». Благодаря своему великодушию, любви к равенству, Учредительное Собрание смогло выполнить это слияние различных частей нации, над которым оно работало с 4 августа.

Однако, еще остается уничтожить неравенство по закону в отношении актеров и побороть предрассудки, влияние которых сказывается на этой категории лиц. Частные наказания, составленные в Париже в 1789 году, негодуют на предрассудок, порочащий профессию актера, и требуют, чтобы их уравнивали с прочими гражданами⁵. Революционные законодатели делают с своей стороны все, чтобы нанести удар этому предрассудку, поскольку человеческая воля может видоизменить нравы и чувства: собрание парижской коммуны чествует в январе 1790 года де Болье, актера театра Палэ Рояль, и приглашает его занять место среди его членов⁶. Затем, благодаря секуляризации законодательства, актеры получают возможность пользоваться законами о гражданском состоянии наравне со всеми французскими гражданами. Теперь уже ни один священник не может отказать актеру в брачном благословении, т. е. в возможности заключить прочный брачный союз.

Революция уничтожила всякое неравенство, основанное на предрассудках и заблуждениях, разъединявшее людей, и тем спаяла все население Франции в единое целое.

¹ Duvergier, I, 113.

² См. серию документов, содержащихся в ADXVIII с. 161.

³ Duvergier, I, 297.

⁴ Ibid. III, 428.

⁵ Chassin, III, 221 и 222; II, 486, 41°.

⁶ См. добавление к речи Годара в Парижской Коммуне 28 января 1790 г. ADVIII с. t. 161.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРАЖДАНСКОЕ СОСТОЯНИЕ

От семейных отношений зависит все законодательство о семье. Эти отношения свидетельствуются известными актами; отсюда вытекает важное значение этих актов и необходимость их заботливого составления и сохранения, чтобы им можно было довериться при всех жизненных обстоятельствах. Кто имеет право свидетельствовать гражданское состояние лиц? Государство, или вне его стоящая власть? Вот тот вопрос, который был поставлен революцией. Духовенство было на протяжении веков абсолютным хозяином в области гражданского состояния лиц, революционеры сочли нужным лишить его этой власти и предоставить ее государству.

I

Вопрос этот был поставлен еще при существовании монархии, но он тогда не мог быть решен радикальным образом. Королевская власть, союзница церкви и папы, не могла помышлять об изъятии из ведения духовенства свидетельствования актов о крещении, браке и о смерти. Она признала за ним это право и извлекла выгоду из этого векового обычая¹. Но она желала установить серьезный контроль, чтобы достичь точного и единообразного свидетельствования и полной сохранности актов гражданского состояния. Король пробует всевозможные средства. Сперва он повелевает передать метрические книги судьям или секретарям королевских судебных канцелярий², затем он создает новых чиновников, секретарей—хранителей метрических записей³; затем, когда эти новые функции в большинстве случаев все-таки были приобретены и захвачены лицами духовного звания, он создает контролеров метрических записей⁴, затем контролеров метрических записей⁵, наконец, все продолжая увеличивать штат чиновников,—особых секретарей-хранителей (greffiers-gardes conservateurs alternatifs)⁶. Но духовенство каждый раз противится исполнению ординасов и эдиктов; на его съездах в 1585, 1635,

¹ Ординас 1539, Isambert, XII, 610.

² Ординас 1579, id., XIV, 423.

³ Октябрьский эдикт 1691 г.; Isambert, XX, 141.

⁴ Июньский эдикт 1705 г., ibid, 466.

⁵ Октябрьский эдикт 1708 г., ibid, 490.

⁶ Эдикт 21 августа 1709 г., Arch. nat. ADII, 12.

1670, 1710 годах раздаются громкие жалобы¹, даже тогда, когда оно делает вид, что покоряется, оно все же продолжает действовать по своему усмотрению. Тогда король упраздняет все созданные им должности и повелевает передать все книги судьям или секретарям канцелярий, как это было прежде². Дальнейшее законодательство королевской власти не достигает цели. Тщетно в 1667 году и вторично в 1736 году отдается повеление придать общий характер обычаю, которому следуют в некоторых местностях, и вменить в обязанность духовенству держать две аутентичных книги, обе с подписями сторон³, а также делить каждую книгу на две части, из которых одна должна быть посвящена актам о смерти⁴. Ордонансы, декларации и эдикты короля, постановления Парламента, повеления и наставления гражданского наместника остаются часто мертвой буквой⁵. Небрежность со стороны духовенства не прекращается. Приходские священники оказываются виновными в регистрации лживых заявлений, которые серьезно нарушают интересы отдельных лиц. Они даже добавляют к актам замечания о личных качествах детей⁶. Регулярной передачи актов в королевскую канцелярию не производится. Наконец, в некоторых местностях метрические записи за несколько лет иногда совсем пропадали⁷. Акты гражданского состояния плохо составляются, и сохранность их не обеспечена. Церковь боялась вмешательства светской власти; она опасалась, что от контроля эта власть перейдет к самому составлению актов; и это действительно произошло в 1787 году в отношении не-католиков. Но королевская власть не чувствовала себя ни достаточно свободной, ни достаточно сильной для проведения секуляризации гражданского состояния. Церковь вела записи в течение нескольких веков; это было традиционное право, нарушить которое монархия божественного происхождения не могла и помыслить. Только революция могла предпринять секуляризацию гражданского состояния.

¹ Протоколы съездов духовенства 1585 г., т. I, 365;—1635, т. II, 749;—1670, т. V, 78;—1710, т. VI, 1120.

² Июльский эдикт 1710 г., декабрьский эдикт 1716 г.: «Упраздняем должности секретарей-хранителей и контролеров книг регистрации крещений, браков и погребений, созданные октябрьским эдиктом 1691 г. и июньским 1705 г., во всех городах нашего королевства, где имеется королевская юстиция, дюшесперия и другие виды суда».

³ Декларация от 9 апреля 1736 г. *Isambert*, XXI, 405.

⁴ Постановление Королевского Совета от 12 июля 1746 г. *ADII*, 12.

⁵ Кроме цитированных королевских актов, см. Постановления Парламента от 7 марта и 24 ноября 1778 г. Ордонанс лейтенанта по гражданским делам от 7 дек. 1669 г. и 4 августа 1706 года; приговоры лейтенанта по гражданским делам от 27 июля 1731 года и 30 марта 1775 г., *Arch. nat. ADII*, 12.

⁶ Декларация (от 12 мая 1782 г.), воспрещающая такие заметки. *Isambert*, XXVII, 190.

⁷ Приходский священник Сен-Фора в Анжу с 1738 по 1762 г. просто не вел регистрацию актов гражданского состояния. Извлечение из протоколов Парламента от 26 мая 1772 г. *Arch. nat. ADII* 12.—Бельгард, «Затерянные метрические книги 1771—1785 г.», *Arch. nat. ADIII*, 87.

В 1789 году нация еще не думает об этой крупной реформе. Только несколько наказов требуют точного исполнения королевских ордонансов и деклараций, «ради спокойствия и безопасности семьи и ради обеспечения наследств, которые не раз терялись, благодаря несоблюдению и невыполнению законов»...¹. Другие желают отмены специальных разрешений на заключение брака (*dispenses de mariage*), которые устраняют некоторые препятствия для богатых, но сохраняют их для бедных², или, по крайней мере, чтобы эти разрешения выдавались уже не Римом, но епископами и, по мере возможности, бесплатно³. Это все только отдельные пожелания: нет еще общей теории. Желание освободиться от ига Рима несомненно, но еще нет стремления к полной секуляризации.

II

Это не значит, что идея секуляризации не распространилась среди передовой части буржуазии. Учредительное Собрание хотело освободить личность от власти католической церкви, воздать кесарево кесарю, а божие—богу, прекратить смешение светского и духовного, которое было создано церковью и заботливо поддерживалось христианским миром, вопреки учению Христа, просто силою вещей. Оно желало, согласно философской доктрине, разделить в каждом человеке христианина от гражданина, применить к первому законы церкви, а к последнему—законы государства и только государства. Но границы между ними были часто неопределены, и самые королевские ордонансы часто только увеличивали и узаконивали это смешение и путаницу. Это было сложное и щекотливое, но необходимое дело. Учредительное Собрание, не колеблясь, взялось за него.

Из всех гражданских актов самым важным является брак. Остальные—не что иное, как факты, которые требуется заверить; только брак представляет собой действительно юридический акт, и, как таковой, подчиняется очень сложному законодательному регулированию. Нельзя было отнять у церкви права удостоверить заключение брака, не изменив полностью самого института брака. Нельзя было изменить форму, оставив прежнее содержание.

Следовательно, надо было прежде всего рассмотреть законы о браке, обдумать и обсудить их общие принципы.

Каноническое право смотрит на брак как на таинство, как на символ союза Христа с церковью, вечного, нерасторжимого союза, установленного богом, отличающегося постоянством, совер-

¹ Приход Мольеров (Париж за крепостными стенами), *Art.* 18, *A. P.*, IV, 718.

² Третье сословие Парижа, дистрикта Тэатэн, ст. 27, *A. P.*, V, 316. Третье сословие Амьена передает право разрешения на брак государству, *id.*, I, 745.

³ Это наиболее единодушно высказываемое желание.

шенством, присущим всякому деянию божества¹. Из этого основного характера таинства вытекают главные правила, применяемые церковью в отношении брака. Отсюда также эта претензия церкви на якобы одной ей принадлежащее право определять препятствия, уничтожающие брак, и регулировать брачные союзы сообразно своим собственным законам: она устанавливает необходимость для вступления в брак четырнадцатилетнего возраста для мужчин и двенадцатилетнего для женщин², требует простого согласия сторон³, отсутствия всякой родственной связи в пределах четвертой канонической степени⁴, присутствия приходского священника и двух свидетелей⁵. Правда, королевская власть в дополнение к каноническому праву добавляет новые препятствия, уничтожающие брак, а именно—требует согласия родителей на брак детей до тридцати лет для мужчин и до двадцати пяти—для женщин; но она старается также поддержать и церковные правила, направленные против опасностей протестантской религии и галликанизма, и придать брачным союзам необходимую гласность. Обе соперничающие между собой власти здесь оказывают взаимную поддержку друг другу⁶. Брак остается по существу таинством. Он торжественно совершается священником в присутствии двух свидетелей и заверяется им в его книгах. И венчание и регистрация возможны только для тех, кто удовлетворяет всем требованиям канонического права.

Между тем, с XVI века религиозные реформаторы и мыслители рассматривали брак уже только как человеческое установление. Лютер думал, что он «есть нечто внешнее, как всякое другое мирское дело»⁷; Кальвин,—что он «не может быть таинством в большей мере, чем земледелие, архитектура или ремесло цирюль-

¹ Тридентский собор, Sessio XXIV: «Учение о таинстве брака» («Doctrina de sacramento matrimonii», Ed. Lyon 1675, p. 193).—Канон I: «Если кто скажет, что брак не есть истину и действительно одно из семи евангельских таинств, установленных Господом Христом, но придуман людьми, церковью, тот не сподобится благодати и да будет он предан анафеме».—Канон VII.

² Этот возраст установлен Юстинианом и принят церковью, Декреталии Григория IX, IV, ч. 10.

³ Тридентский собор, Sess. XXIV, cap. I, в начале. Pothier, Contrat de mariage, I, n° 321.

⁴ Латеранский собор (1215 г.) Ср. Потье, ibid., I, n° 146.

⁵ Тридентский собор, Sess. XXIV, cap. I. После троекратно оглашения: «... приступают к совершению брака перед лицом Церкви, где священник говорит: сочтем вас браком во имя Отца и Сына и Святого Духа».

⁶ Ср. мартовский эдикт 1697 г.: «В виду того, что священные соборы установили, как один из важнейших моментов для торжественности таинства брака, присутствие священника того прихода, к которому принадлежит вступающие в брак, наши предшественники короли разрешили посредством нескольких ординансов выполнение столь мудрого правила...» Декларация от 15 июня 1697 г.: «Вступившие в брак в присутствии не своего, а чужого священника, должны будут явиться к своему архиепископу или епископу для получения прощения согласно установленным правилам священных канонов и наших ординансов...» Arch. nat., ADII, 20.

⁷ Luther, De la vie matrimoniale, éd. allemande de Württemberg, t. VI, 6. «...une chose, extérieure, mondaine, comme tout autre métier corporel».

ника»¹. Янсенисты, галликане, философы, юристы, начиная с Жана де Лонуа и Жербе до Потье и Дюран-Майяна, все считают его простым гражданским договором². Они пользуются различием, которое церковь принуждена была установить, и, придавая ему совсем другое значение и смысл, они приходят к выводу, что существенный элемент брака—это договор, а таинство—лишь форма, облекающая договор, как основу, которая предшествует самому таинству. Они пользуются также римскими правилами: «Брак создается соглашением, а не сожителем»³. Философия, которая стремится освободить индивидуум и государство от векового ига церкви, а также протестантизм и галликанизм, помышляющие только о разрыве всяких связей с Римом и церковным правом, преобразуют сущность брака и его форму. Этого требует независимость государства и свобода вероисповедания.

III

1. Двенадцатого августа 1789 года⁴ Учредительное Собрание создало Комитет по церковным делам, в задачу которого входило изменить совместно с Комитетом по выработке конституции законы о гражданском состоянии лиц. 20 августа оно назначило пятнадцать членов, которые должны были войти в его состав⁵. Этот Комитет немедленно занялся вопросом о браке.

Уже 4 августа Учредительное Собрание, отвечая желаниям целой массы наказов, постановило, что впредь прихожане епархий должны будут обращаться к своим епископам за разрешением на брак, которое будет выдаваться бесплатно⁶. Комитет по церковным делам или, по крайней мере, самые смелые из его членов хотели продолжить начатое дело и отменить всякие разрешения на брак, даже епископские, оставив только разрешение со стороны государства. Затем, идя все дальше, Дюран-Майян предложил 23 декабря Комитету сговориться с церковью относительно установления правил, касающихся брака. Но церковники не хотели идти ни на какое соглашение⁷. Они чувствовали опасность ответа на такое предложение; кроме того, они были очень недовольны реформами Собрания, особенно секуляризацией имений «мертвой руки». Комитет продолжал свое дело и решил сам составить законы о браке без содействия церковной власти.

¹ Inst. chrét., liv. IV, chap. XIX, 34.

² В XVII веке Жан де Лонуа (Jean de Launoy), доктор Сорбонны, Pouvoir du roi en ce qui concerne le mariage;—Pothier, Contrat de mariage t. I, в начале; Portalis, Consultation sur la validité du mariage des protestants (1770).

³ Потье в своем «Contrat de mariage», I, стр. 5, цитирует это правило Ульпиана. Дюран-Майян также, Rapport, A. P., XXVI, 166.

⁴ Duvergier, I, 43.

⁵ Durand-Maillane. Hist. apol. p. 2.

⁶ Декреты 4 августа, ст. 12.

⁷ Hist. apol. du Com. eccl., 280—283.

Но имело ли государство право издавать самостоятельно законы о браке? Иначе говоря, является ли брак простым договором, подчиненным, в качестве такового, гражданской власти, или же он представляет собой таинство и, следовательно, входит в компетенцию церковной власти? Все тот же щекотливый вопрос о границах между духовным и светским началами.

Комитет по церковным делам и Национальное Собрание без колебаний ринулись в область теологии. Таким ораторам, как Дюран-Майян, Камюс, Трейяр, церковь должна была противопоставить свою доктрину. Но в ожидании результатов теоретического обсуждения вопроса, она, недовольная всеми декретами, изданными Учредительным Собранием—секуляризацией церковных имуществ и гражданской конституцией духовенства,—более чем когда-либо ревниво защищала свое каноническое право и свой угрожаемый авторитет. Она продолжала распространять на всех верующих запрещения и проводить в жизнь установленные ею препятствия в отношении брака; она задерживала и вовсе не допускала большого количества союзов. Приходский священник Сен-Сюльписа отказал в благословении Тальма,—артисту французского театра—и, таким образом, восстановил запрещение, которое церковь обычно умела обходить, разрешая актерам заключать браки под именем музыкантов¹. Вследствие возрастающей строгости канонических правил, многие семьи принуждены были жить в конкубинате. Отсюда многочисленные жалобы, доходившие до Национального Собрания. Необходимо было немедленно принять соответствующее решение.

Поэтому Комитет по церковным делам приготовил проект декрета о разрешениях на брак и о препятствиях к нему. В заседании 31 декабря 1790 года председатель Национального Собрания сообщил, что проект Комитета поставлен на повестку следующего заседания. Петийон, Буш возражали, указывая, что «эти вопросы слишком тонки, щекотливы, и обсуждение их представляет опасность», что лишь немногие члены знакомы с ними и что имеются более настоятельные предметы для обсуждения; вследствие этого они требовали отложить их до следующей легислатуры. Собрание высказалось за их отсрочку на неопределенное время².

II. Но отсрочка не могла устранить раз навсегда практических затруднений, возникавших ежедневно и становившихся все серьезнее и многочисленнее. Неожиданные последствия гражданской конституции духовенства вынудили Собрание вновь рассмотреть этот вопрос. Неприсягнувшее духовенство употребляло все свое влияние на верующих с целью помешать их вступлению в брак и крещению их детей в присутствии присягнувших священников. Правоверные католики отказывались обращаться к конституцион-

ным приходским священникам. Таким образом, значительное меньшинство ставило себя вне закона, лишало себя гражданских и политических прав. Муниципалитет Парижа обратил на это внимание Собрания и просил 10 мая 1791 года разрешения представить ему петицию. Несколько депутатов хотело опять-таки отклонить петицию и самый вопрос. Но Собрание в этот день только что декларировало, что право петиции принадлежит каждому. Поэтому Бальи, мэр Парижа, был допущен дать объяснения в заседании 14 мая. Он заявил, что по донесениям полиции секции Фонтэн де-Гренель католики заставляют неприсягнувших священников тайно крестить своих детей и лишают их таким образом гражданского состояния. Он указал на необходимость разграничения сферы религии и светского законодательства в государстве, где существует несколько религий и где была провозглашена свобода вероисповедания. Он ходатайствовал об издании декрета, который секуляризировал бы гражданское состояние и поручил бы свидетельствование рождений, браков и смерти чиновникам, которые производили бы его в форме, не зависящей от религиозных убеждений и согласующейся со всеми вероисповеданиями. Ланжюинэ, член Комитета по церковным делам, поддержал Бальи и добавил, что закон этот в ближайшем будущем станет необходимым и что Комитет по церковным делам, подготовивший его уже полгода тому назад, ждал только повеления Собрания, чтобы предложить его на его усмотрение. Тщетно Гомбер выставляет прежние аргументы, что у Собрания имеются более настоятельные предметы для обсуждения; что умы еще недостаточно созрели для такой важной реформы; что отсрочка до следующей легислатуры является единственно приемлемой мерой. Собрание все же решает, что доклад Комитетов будет поставлен на повестку дня в заседании 17 мая³.

В назначенный день Дюран-Майян и Ланжюинэ докладывают свои проекты от имени Комитета по церковным делам².

В институте брака надо различать два элемента: договор и таинство. Первый составляет содержание брака—это существенный момент, второе—является его формой и поэтому второстепенно. Сущность брака заключается в известном соглашении: церковь, в лице своих выдающихся авторитетных канонистов, сама признала этот важный принцип. Правда, на Тридентском Соборе она изменила свое законодательство и установила необходимость церковного благословения. Но эта новая форма брака противоречит традиции шестнадцати веков; надо наконец вернуться к прежним формам. Отделение таинства от договора представляется необходимым в настоящий момент. «Таинство требует постановлений, которые не обязательны для договора»³. Не встре-

¹ А. Р., XXVI, 77—79.

² Петиция господина Тальма (12 июля 1790 г.) и доклад Дюран-Майяна по этому делу, ADXVIII c. t. 160.—А. Р., XXVI, 186.

³ А. Р., XXI, 745.

² Доклад Ланжюинэ (июнь 1791 г.) ADXVIII c. t. 160.—Его же речь (17 мая 1791 г.), А. Р., XXVI, 159.—Доклад Дюран-Майяна, ibid, 166.

³ Ланжюинэ, доклад, стр. 9.

чается возражений против того, чтобы священники отказывали в таинстве католикам, которые не точно исполняют предписания религии, не приобщаются на Пасху, или актерам, профессию которых они считают вводящей в соблазн; но они не должны препятствовать заключению договора, пользуясь этим средством. Важнейшие права человека и гражданина не должны более зависеть от чисто религиозных постановлений. Этого требует свобода совести.

Если брак является договором, то только государство вправе устанавливать для него правила. Всякие соглашения входят в область гражданского права и, следовательно, регулируются государством. Неужели брак, гражданский договор, может составлять исключение? Сама история говорит против претензий церкви. Юридически право регулировать брак всегда принадлежало государству; если после римских императоров, благодаря слабости гражданской власти, церковь смогла завладеть брачным законодательством, то это лишь узурпация, и приобретение ею на основании давности прав, принадлежащих государству, недопустимо. Впрочем, королевская власть, уже с XVI века вернула себе принадлежащие ей по праву прерогативы, и если церковное благословение стало необходимым условием брака, то не только в силу постановлений Тридентского Собора, но и потому, что королевская власть утвердила эти правила своими указами и своими ордонамсами. Следовательно, гражданская власть, создавшая это новое препятствие, уничтожающее брак, может его устранить, когда ей будет угодно. Она не связана никакой догмой церкви: она остается свободной и суверенной в вопросе чисто формального характера. Что касается нации, то она обладает не меньшей властью, чем король. Ей надлежит только следовать доктринам монархии. «Ей придется лишь искренно и точно осуществить на практике разграничение, уже столько раз намечавшееся в теории, не проведенной в жизнь, но прекрасно сформулированной лучшими писателями и самыми ордонамсами королей»¹. Надо осуществить путем законодательства то, что уже созрело в общественном сознании, отделить светское начало от духовного и вернуться к древней традиции церкви, затемненной вследствие захватнической политики церковной власти и слабости или терпимости гражданской.

Представители церкви яростно напали на доклад Дюран-Майяна. Они вознегодовали, они содрогнулись, когда увидели, что «светские люди, адвокаты, юристы, даже военные, разные Т..., М..., С..., D..., de M... и другие теологи вчерашнего дня, предписывавшие вдруг в докторов богословия и «Отцов Церкви», предписывают им законы, уничтожающие их вековую власть»². Комитет по церковным делам подверг рассмотрению, критике и

разрушению теории церкви; он воспользовался оружием богословия; затем, обращаясь к природе, как к высшему источнику права, он осмелился сказать устами своего докладчика: «Когда имеешь за собой разум и естественное право, должен отказаться от авторитетов»¹. Но церковь ничего не желает слышать о естественном праве. Подобно сеньерам, которым грозила утрата сеньериальных прав, она основывается на факте обладания, на традиции. Ей всегда принадлежало право регулировать брак, устанавливать условия, необходимые с ее точки зрения для святости союзов; гражданская власть признала за ней это право и утвердила постановления ее соборов. Для аннулирования условий, установленных обеими властями, необходимо участие как той, так и другой. В качестве христиан и граждан индивиды обязаны повиноваться церкви и государству; и государство не может освободить христиан от подчинения законам церкви. Иначе это значило бы смешать католическую религию с протестантскими сектами, это значило бы толкать верующего на неверие². Новое законодательство не только нарушает старинные права церкви, но оно, кроме того, основано на чудовищной ошибке: оно делает из брака просто гражданский договор. Оно губит самый догмат. Без сомнения, сущность брака заключается—Тридентский Собор признал это вслед за выдающимися канонистами средних веков—в гражданском договоре, а не в таинстве. Несомненно также, что в некоторых случаях договор может и должен быть отделен от таинства: один из оппонентов охотно соглашается на это³. Но вообще-то оба элемента тесно переплетены и слиты: «Иисус Христос, возводя брак на степень таинства, не предоставил нам свободы отделять их один от другого»⁴. Они связаны вместе по воле бога, и человек не может их разъединять. Напрасно будут говорить, что только Тридентский Собор ввел в каноническое право церковное благословение брака как необходимое условие; что это лишь элемент обрядности, доступный изменению во всякое время; что вообще постановления этого Собора не были приняты во Франции. Еще до Тридентского Собора брак был таинством; он был им от самого основания церкви, не нуждаясь во внешнем выявлении этого факта при посредстве религиозного обряда, и в этом заключается догмат, связывающий всех верующих, и его нельзя устранить, «не внося раскола и не применяя силы и даже насилия»⁵; наконец, если решения Собора и не

¹ A. P., XXVI, 166, col. 2.

² Examen du rapport sur le projet de décret concernant les mariages, par Samary, curé et député de Carcassonne, ADXVIII c. t. 160, pp. 8—10, 16.—Lettre à M. Durand de Maillane, ibid.: «Нельзя освобождать вступающих в брак от необходимости идти в церковь, иначе правительство должно быть признано разоблаченным покровителем самого полного атеизма» (p. 18).—Ouvrez encore les yeux... ibid. pp. 11—12, 28—29.

³ Samary, p. 4.

⁴ Ibid.

⁵ Ouvrez encore les yeux... pp. 29, 11.

¹ Durand-Maillane. Défense du rapport, A. P., XXVI, 180, col. I.

² Ouvrez encore les yeux sur les nouvelles erreurs du Comité ecclésiastique (par un des membres de l'Assemblée), p. 3. ADXVIII c. 160.

были в целом одобрены королевской властью, то все же некоторые из его постановлений о браке перешли в королевские ордонансы и эдикты.

Юристы противопоставляли духовенству учение первых времен существования церкви. Для уничтожения законодательства Тридентского Собора, они восходили к началу христианства; они осуждали настоящее при помощи отдаленного прошлого, к которому они возвращались. Духовенство, столь склонное к тонким разграничительным толкованиям, не хотело вовсе разграничивать различные периоды в истории церкви; для него догматы оставались неизменными в продолжение восемнадцати веков. Одна сторона настаивала на неизменности церковного учения, другая старалась доказать, что в нем происходили перемены. Одна основывалась на фактическом обладании, другая—на естественном праве. Никакое соглашение, никакой компромисс не были возможны между теми, которые желали во имя традиции навсегда сохранить смешение светского и духовного начала, и теми, которые хотели положить ему конец во имя разума.

Дюран-Майян представил Собранию проект декрета¹. Он устанавливал в нем, что брак является гражданским договором и указывал правила, которые должны его регулировать. Он оставлял церкви свободу устанавливать препятствия для брака, но только имеющие моральную силу. Он делал церковное благословение факультативным и, проявляя замечательную терпимость, которой не суждено было найти подражателей, предлагал, чтобы венчание происходило по желанию сторон до и после составления акта о браке в муниципалитете².

Учредительному Собранию не суждено было принять этот проект. Оппозиция оказалась сильнее. Секуляризация гражданского состояния опять была отсрочена. Мартино не хочет, чтобы ради самого большого двух-трех миллионов лиц менялась форма свидетельства браков, рождений и смерти, которой следуют около двадцати трех, двадцати пяти миллионов людей. Он удовлетворился бы реформой указа 1787 года, приспособив его к обстоятельствам: католики, являющиеся сторонниками неprisяжных священников, подчинились бы закону, изданному для протестантов³, они могли бы являться уже не к приходскому священнику, а к королевскому судье для регистрации актов гражданского состояния. Но это значило отказаться от единообразия законов. Рюбель заявляет, что несвоевременно лишать присягнувшее конституции духовенство всегда принадлежавших священникам функций в тот момент, когда раздаются такие нападки на гражданскую конституцию духовенства. Надо подождать, чтобы положение но-

вых священников укрепились, и не способствовать интригам неprisяжников⁴. Мужен де Рокфор считает, что секуляризация—это преждевременный принцип, а Гомбер «в качестве деревенского жителя видит в декрете серьезные ошибки и просит, чтобы вопрос этот был отложен и рассматривался после создания Конституции»⁵. Учредительное Собрание отсрочивает секуляризацию актов гражданского состояния (19 мая 1791 г.). Итак, сопротивление духовенства, невозможность принять решение, когда с обеих сторон ссылаются на авторитеты канонического права, боязнь слишком далеко углубиться в очень сложные и очень щекотливые споры и опасения религиозных волнений, высказывавшиеся некоторыми депутатами,—все эти причины заставили дважды, 31 декабря 1790 года и 19 мая 1791 года, отсрочить секуляризацию гражданского состояния.

Однако, имевшие место прения не были бесполезны. Они заставили признать, что брак должен рассматриваться законом только как гражданский договор. И Конституция 3 сентября 1791 года торжественно это провозгласила⁶. Правда, это был лишь философский принцип. Но его необходимые следствия были выведены из него в свое время.

III. Неприсяжное духовенство продолжало оказывать сопротивление, особенно в Вандее. Епископ Люсона предлагал неprisягнувшим конституции священникам продолжать вести регистрацию актов о крещении, о браке и о погребении католиков их приходов и хранить метрические книги в двух экземплярах, из которых один оставался бы у них на руках, а другой ежегодно передавался бы какому-нибудь доверенному лицу. Он предлагал им ведать выдачей разрешений на брак и вести регистрацию этих актов⁷. Священники Вандеи распространяли рукописные листки, в которых рекомендовали верующим не обращаться к конституционным священникам за совершением таинства. «Те, кто имел бы дерзость венчаться у самозванцев, не будут состоять в браке. Они навлекут божеское проклятие на себя и своих детей: их дети будут действительно незаконнорожденными, ибо бог не признает их союза, а уж лучше, чтобы брак не был браком в глазах людей, чем перед богом»⁸. «Галлуа и Жансонне, комиссары, посланные согласно декрету от 16 июля 1791 года в департаменты Вандеи и Де-Сэвр довели все эти факты до сведения Законодательного Собрания (9 октября 1791 года). В то же время министр юстиции Дюпор писал Собранию, что необходимость издания закона о гражданском состоянии дает себя чувствовать все в большей

¹ Ibid., 237. Предлагаемые меры будут благоприятны для неprisяжных священников. «Зачем давать укрепляться возникающей секте?»

² Ibid.

³ Конституция, 3 сентября 1791 г., разд. II, ст. 7.

⁴ Projet de décret, tit. II, art. 10: «Вступающим в брак будет предоставлена свобода регистрировать брак в муниципалитете лишь после получения церковного благословения».

⁵ Martineau (19 mai 1791). A. P. XXVI, 160.

⁶ Доклад Галлуа и Жансонне (9 окт. 1791 г.), A. P., XXXIV, 141.—Ср. Письмо епископа Люссона от 30 мая 1791 г., pp. 142—143.

⁷ Ibid., 143—144.

1. большей степени. В Париже отцы семейств заявляли о рождении у них ребенка мировому судье, которому не было предоставлено права вести книги гражданского состояния, так что большое число рождений оказывалось незаписанным ни в какие официальные книги¹. Собрание назначило этот вопрос к слушанию после того как будут организованы Комитеты (10 октября 1791 года), а 3 ноября оно приняло предложение Баэра о том, чтобы Законодательный Комитет сделал через неделю доклад о гражданском состоянии².

Доклад был прочитан в Собрании только 15 февраля 1792 года³. Мюрэр представил проект декрета, сходный в своих общих положениях с проектом Дюран-Майяна. Только он располагал статьи уже ~~да~~ в порядке, необходимом для прений, но согласно логическому развитию идей. Брак уже не стоял отдельно и на первом месте. Он занял подобающее ему место в актах гражданского состояния, подлежащих секуляризации. Сперва провозглашался великий принцип секуляризации; затем шли вытекавшие из него следствия. Прения начались в Собрании 17 марта; Франсуа де-Нёшато утверждает, как и Гомбер, что французский народ недостаточно зрел для восприятия этой реформы, особенно в деревнях; что неприсягнувшие священники не преминут возбудить по этому поводу новые религиозные волнения, доказав крестьянам, что самозванцы отбрасывают два положения католической религии: союз с папой и таинство брака. Не следует ослаблять позиции конституционного духовенства изъятием из его ведения актов о гражданском состоянии. Надо удовлетвориться компромиссом, временной мерой; пусть гражданам, которые не пожелают прибегать к посредству католического священника, будет предоставлена возможность обращаться к гражданским должностным лицам, как это делают протестанты⁴. Это было возобновлением предложений Мартино Учредительному Собранию. Гюадэ отвечает, что настоящий момент—самый благоприятный для проведения секуляризации. Не надо ждать, говорит он, чтобы новое духовенство окрепло: оно тоже помешало бы тогда проведению столь желанной реформы. Наконец, Мюрэр выясняет собранию, что закон не опасен. Он представляет собой лишь необходимое следствие свободы вероисповедания. Гражданское состояние многих граждан в Париже и в департаментах, а особенно в Кальвадо и Нижнем Рейне, подвергнуто сомнению. Реформа не усилит религиозных волнений, напротив, она их прекратит⁵. Собрание,

¹ Письмо Дюпора (10 окт. 1791 г.). А. Р. XXXIV, 165.

² Ibid.

³ Доклад и проект декрета, ADXVIII c. t. 192.—А. Р., XL, 76.

⁴ А. Р., XL, 68.

⁵ А. Р., XL, 75—76. Cf. »Gaz. de Drouet», V, 272 et suiv., août 1792. Некоторые родители не хотят крестить своих детей; могут ли они требовать, чтобы их рождение было засвидетельствовано внесением в официальные списки, и могут ли приходские священники, хранящие эти списки, отказать в записи под предлогом, что метрические книги предназначены лишь для крещения детей?—**Ответ королевского комиссара** гласит: «Нет, священники не имеют права отказать в регистрации».

увлеченное Мюрэром и Гюадэ, постановляет почти единогласно, что нет оснований отсрочивать вопрос. С этих пор члены Законодательного Собрания почти все согласны относительно самого принципа.

Но возникает вопрос, кому доверить ведение книг гражданского состояния. Законодательный Комитет указывал на муниципалитеты. Это предложение не всеми принимается. Многие полагают, что большинство муниципалитетов деревни слишком невежественно и что они будут противиться возложению на них этих обязанностей. Одни предпочитают поручить это мировым судьям¹, другие—нотариусам², Гойе—инспекторам народных училищ³; некоторые, зная, что, почти никто из граждан сельских общин не умеет писать, предлагают приходских священников, которых можно было бы ограничить чисто гражданскими функциями в этом деле⁴. Ни одно из этих предложений не могло быть принято. Мировой судья имеется только в главном городе кантона. Нотариусы не стали бы выполнять бесплатно эти новые функции: это обошлось бы казне в три миллиона. Что касается приходских священников, то поручить им осуществление реформы—значило бы провалить ее. Тщетно закон гласил бы, что государство «пользуется священником только как гражданином» в муниципалитетах; факт оказался бы сильнее, и народ думал бы, что ничего здесь не изменилось. Наконец, было решено доверить ведение книг гражданского состояния муниципалитетам. Это было самое естественное решение: община—это колыбель для граждан.

Эти прения, имевшие место в мае и июне месяцах 1792 года, не привели тогда к изданию декрета. Причиной этой задержки были внутренние и внешние события: все возраставшее сопротивление привилегированных, война с Австрией и Пруссией. Но после 10 августа, перед тем как разойтись, Законодательное Собрание вспомнило обо всех вопросах, которые оно обсудило, о принципах, которые оно приняло, и как раз накануне замены его Конвентом, 20 сентября 1792 года, оно издало декрет о секуляризации актов гражданского состояния и брака. Смещение светского и духовного начала было уничтожено. Средневековье исчезало. Философия торжествовала.

IV. Государство обеспечивает гражданам порядок и сохранность актов и книг гражданского состояния.

Акты составляются муниципалитетами: акты о браке—по заявлению сторон, до венчания в церкви, о рождении—по заявлению отца или акушера, акты о смерти—по заявлению двух близких родственников или соседей⁵. Чтобы солить сопротивление

¹ Мнение, высказанное Навье и Адамом, ADXVIII, c. t. 192.

² Проект Жолливэ, ibid.

³ Мнение Гойе, ср. ст. 6 его проекта, ibid.

⁴ Эро де Сешель, А. Р., XL, 79—80.

⁵ Декрет о гражданском состоянии 20—25 сентября 1792 г., раздел I, ст. 1;—разд. III, ст. 1—3; разд. IV, отд. 4, ст. 5; разд. V, ст. 1.

ние граждан, которые пожелали бы продолжать обращаться к священникам, Конвент декретирует 19 декабря 1792 года, что заявления о рождении и смерти должны быть сделаны в трехдневный срок, под страхом тюремного заключения на два месяца, а в случае рецидива—на шесть месяцев¹. Для составления актов о рождении и браке при заявлении должно присутствовать два или четыре свидетеля: эти свидетели, без различия пола, должны быть не моложе двадцати одного года². Законодатель справедливо полагает, что свидетельство женщины имеет одинаковую ценность как и свидетельство мужчины.

Муниципалитеты регистрируют рождения, браки и смерти в трех книгах в двойном числе экземпляров, а не в одном экземпляре, как требовалось ординасом 1736 года³. А для обеспечения точного ведения книг, административной власти поручается постоянный контроль. Президенты директорий дистрикта нумеруют их, проинструктуют, делают в них отметку и отсылают их муниципалитетам, а затем получают второй экземпляр и проверяют, хорошо ли составляются акты; наконец, хранение дублетов поручается директорам департамента⁴.

Следовательно, законодатель 1792 года принимает гораздо большие меры предосторожности, чем королевская власть. Он не довольствуется секуляризацией гражданского состояния: он хочет также сделать установление его более достоверным и дать всем гражданам эту необходимую гарантию их гражданских прав.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Б Р А К

I

При старом порядке брак регулируется двумя законодательствами: оба согласуются в том, что рассматривают его одновременно как таинство и как договор. Революционеры смотрят на него уже только как на договор; они лишают его всякого духовного элемента. Но затем перед ними стоит задача сделать этот договор более простым и свободным и приблизить его, насколько позволяет это природа вещей, к другим договорам, которые могут развиваться только при условии свободы.

Церковное право, не взирая на его препятствия, уничтожающие брак, старается облегчить браки в целях поддержания добрых нравов и воздержания. Оно разрешает вступать в брак двенадцати или четырнадцати лет, в зависимости от пола, даже без согласия родителей.

В чем церковное право снисходительно и либерально, в том гражданское право королевской эпохи сурово и строго. Чтобы воспрепятствовать заключению тайных, неравных и скандальных союзов, король не удовлетворяется оглашением помолвленных, он требует согласия родителей до тридцати лет для мужчин и до двадцати пяти—для женщин, даже если они вдовы, под страхом лишения наследства, аннулирования брака и даже смерти¹. Церковь имеет в виду только религию и нравственность. Государство, кроме того, считает с чисто светскими интересами. Король, глава аристократического общества, хочет сохранить социальный строй в том виде, как он существует, в интересах избранной части общества, теснящейся вокруг него. Он вводит в брак понятия приличия, которые превращают его скорее в союз

¹ Ср. ординас 1639 г.;— постановление Королевского Совета (13 дек. 1681 г.)—Декларацию 22 ноября 1730 г.—Парламентское постановление (13 марта 1663 г.), которое говорит, что несовершеннолетняя вдова не может выйти замуж без согласия своего отца.—Приговор, вынесенный 18 дек. 1666 г. (в Латурнели, и аннулирующий брак несовершеннолетнего сына, заключенный без разрешения отца.—Приговор Парламента (от 18 июля 1724 г.), в силу которого он присуждает к пяти годам каторги Клода Апарюи, будто бы воспользовавшегося подставной матерью для получения разрешения на брак.—Приговор Парламента (от 20 апреля 1758), по которому художник Луи Брюйер де Майяк осужден на похищение за похищение с целью соблазна несовершеннолетней. Arch. nat., ADII, 20.

¹ Декрет от 19—24 декабря 1792 г., ст. 1.

² Декрет от 20 сентября, разд. III, ст. 1; разд. IV, отд. 4, ст. 4.

³ Декрет от 20 сентября, разд. II, стр. 1—2.

⁴ Id., разд. II, ст. 2, 9, 10—12.

двух фамилий, чем двух лиц. Дело в том, что монархия зиждется на понятии чести; и в жертву именно этой семейной чести и опирающемуся на нее величю государства приносится отдельная личность.

Необходимо восстановить личность ее в правах, освободить ее от деспотической власти отца и короля. Надо установить новое законодательство на новых основаниях. Идея договора—краеугольный камень этого здания. Революционеры уподобляют брак обыкновенным договорам, следовательно, право должно идти навстречу этим союзам в той же мере, как и договорам. Отсюда—отсутствие принуждения, очень широкая свобода.

Итак, законодатель старается обставить брак возможно меньшими условностями. И прежде всего отменяются все установленные церковью препятствия к браку: предшествующее обручение с другим лицом¹, свойство и родство до четвертой степени по каноническому исчислению, т. е. между внуками, происходящими от двоюродных братьев и сестер; а следовательно, упраздняются всякие дорогие стоящие ходатайства о разрешении на вступление в брак, в которых часто нуждается деревня, где все жители всегда несколько сродни друг другу²; наконец, упраздняются также монашеские обеты, ибо государство не считается больше с интересами касты, но с интересами личности и общества³. Устраняются также препятствия, установленные королевской властью; согласие родителей до тридцати лет и принадлежность вступающих в брак к одной религии не являются более необходимыми условиями.

Каноническому праву революционеры противопоставляют римское, а в борьбе против монархического права они опираются на естественное. Они не воспрепятствуют браку ни между двоюродными братьями и сестрами, ни между дядей и племянницей, теткой и племянником. Он запрещен только между братом и сестрой, между родственниками и свойственниками по прямой линии, между усыновляющим и усыновленным⁴. Согласие родителей не является более необходимым после двадцати одного года⁵. Наконец, мужчины могут вступать в брак пятнадцати лет, женщины—тринадцати⁶. Это положение сильно приближается к положению канонического права. Революционеры упраздняют все стеснительные формальности: они требуют одного оглашения—за неделю до за-

¹ Доклад Дюран-Майяна, А. Р., XXVI, 168.

² Руперу (Алансон), Duvall, 318: препятствия, «стеснительные для деревенского населения, где родня бывает так многочисленна, что брак по выбору сопряжен с большими трудностями, а получение особого разрешения обходится очень дорого».

³ Цит. доклад Дюран-Майяна.

⁴ Декрет от 20 сентября 1792 года, разд. IV, ст. 11.

⁵ Id., ст. 2—3.—От совершеннолетних желательнее представлять одобрения брака отцом и матерью (Проект кодекса 1793 г. кн. I, разд. II, ст. 3).

⁶ Декрет от 20 сент. 1792 г., разд. IV, ст. I.

ключения брака¹. Нет более пустых препятствий, бесцельно оттягивающих вступление в брачный союз: отныне допускаются только серьезные возражения, идущие со стороны отцов, матерей или опекунов, или, если они исходят от других лиц, то они должны мотивироваться причинами, влекущими за собой непризнание брака²; основательность этих возражений должна быть подвергнута рассмотрению в весьма короткий срок³. Но все же известный формализм сохраняется, хотя и доводится до минимума. Дело Тридентского Собора уцелело. Брак не является совершенным, если на-лицо имеется одно только согласие сторон. Для заключения брака необходимо выполнение торжественных формальностей. Даже лишенный религиозного характера, брак все еще остается торжественным и обставленным формальностями договором.

II

Проводя идею договора до конца, со всеми ее последствиями, революционные законодатели разрешают браки священникам и, более того, они допускают для них развод.

I. Реформаторы и философы XVIII века, аббат Сен-Пьер, Монтескье, Дидро восставали против безбрачия духовенства⁴. Они говорили, что это—лишь вопрос внешней дисциплины, который церковь может изменить, что это установление, которое ни в какой мере не касается религии и которое вредно для общества. «Если бы 40.000 священников Франции имели 80.000 детей,—писал аббат Сен-Пьер,—то эти дети были бы бесспорно лучше других воспитаны, и государство в лице их приобрело бы лишних подданных и порядочных людей, а церковь—верующих»⁵. В 1789 г. многие наказы Генеральным Штатам ходатайствовали о допущении брака для священников. «Мы считаем этот вопрос очень существенным,—говорится в одном наказе Версальского бальяжа,—для избежания скандалов, которые, к несчастью, вызывают некоторые священники, часто нарушая святость брачного союза»⁶. Начиная с 1789 года, и особенно в 1790 и 1791 году, когда Учредительное Собрание обсуждало вопрос о природе брака, а затем разрешило его, признав его чисто гражданским договором,

¹ Id., разд. IV, отд. 2 ст. 3.

² Id., отд. 3, ст. 1—2, 9.

³ Ibid., ст. 7 (в первой инстанции в течение трех дней и по апелляции в недельный срок).

⁴ Монтескье: О духе законов, кн. XXIII, гл. 21 и кн. XXV, гл. 4.—Дидро: Oeuvres complètes éd. Garnier, t. XIV, pp. 54—59.

⁵ Цитирую по Дидро, ibid., p. 55.

⁶ Наказ Бюа-д'Арси (Thénard, p. 68).—Chalais, sénéc. de Santes, A. P., V, 677.—District des Théatins à Paris, art. 25, id. V, 316.—Châteaouble (Draguignan), Mireur, p. 117.—Наказ Беллока (Беарн), 520, A. P., II, 275. «Чтобы монахи не могли больше выставлять требований против свободы брака, потому что, если бы и можно было обойти законы природы, то уже физически совершенно невозможно без отчаянных мучений навеки расстаться с потребностями, которыми она нас наделяла».

в массе брошюр раздавалось требование этой реформы церковного благочиния¹. Авторы этих брошюр возвращались к аргументации философов. Безбрачие противно природе, оно может иметь только пагубные последствия для организма; оно будоражит воображение и чувства². Оно вредно для общества, которое лишается полезных граждан и в которое оно постоянно вносит смуту и скандалы; наконец, это лишь вопрос благочиния, по поводу которого церковь меняла свои постановления и который нация может решить тоже как найдет нужным, без участия церковной власти³. Несмотря на сопротивление прежнего духовенства⁴, эта форма требовалась ежедневно многими верующими и священниками. В Париже уже в 1790 году аббат де Курнан внес предложение в пользу браков священников в общем собрании округа Сент-Этьен-дю-Мон. «Слишком долго,—говорил он,—ссылались на мнимый закон церкви для поддержания обычая, явно противного намерению и самым священным чувствам природы»⁵. Это—естественное право, которого никакой закон не может лишить человека, а «Бог не может запрещать того, что установлено природой». Некоторые священники женились в 1791 году. Учредительное Собрание постановило, что монахи, которые выйдут замуж, будут лишены своего содержания, но затем 10 сентября 1791 года оно декретировало полное сохранение за ними их пенсий. 19 октября Делонэ д'Анже поддержал в Законодательном Собрании петицию администраторов департаментов Мэны и Луары, просивших Собрание сохранить содержание бывшему бенефициарию, который только что женился. «Нация не стремится,—говорит он,—обресть на безбрачие целый класс граждан, т. е. осудить его на состояние которое отвергает природа, и которое не обусловлено никаким законом». Епископ Иль-э-Вилэна, Леко, протестовал, находил, что это—«крупная ошибка», что это «неполитичное предложение» может лишь раздуть «пламя, пожиравшее монархию».

¹ Эти брошюры собраны в ADXVIII c. tome 37. Фоше, повидимому, против этой реформы в 1789 г.—Fauchet, De la religion nationale, 89, 1789 (ср. Chassin, t. IV, p. 414): «Безбрачие духовенства—закон дисциплинарного порядка: правда, что в латинской церкви оно существует с первых веков; что оно всегда санкционировалось; что это закон, имеющий очень большое значение, и что нельзя, следовательно, легкомысленно решать вопрос об его изменении».

² Les funestes effets de la vertu de chasteté dans les prêtres, ou mémoire de M. Blanchet, curé de Cours près la Réole... («Роковые последствия добродетели целомудрия священников, или докладная записка Бланше, священника из Кура, близ Реоли, с замечаниями медицинского характера, с приложением адреса Нац. Собранию от 17 июля 1790 года»).

³ См. особенно Les prêtres devenus citoyens ou abolition du célibat religieux, 1789, 72 pp. («Священники, ставшие гражданами, или отмена безбрачия духовенства»).

⁴ Тьебо (Thiebaut), священник из Сент-Круа, депутат из Меде в 1790 г. Seconde adresse à l'Ass. nat. sur le célibat religieux.

⁵ Réponse d'un curé de campagne à la motion scandaleuse d'un prêtre faite dans l'assemblée générale du district de Saint-Etienne-du-Mont. Paris, 1790.—Juste remontrance à une motion faite pour le mariage des prêtres, 1790.

Но так как закона, противного поданной петиции не существовало, то «Собрание перешло к порядку дня»¹. Тогда многие священники, в уверенности, что они отныне не будут лишены своего содержания, вступили в брак. Некоторые епископы отказывали им в церковном посвящении², иногда даже отрешали их от должности и возбуждали против них сельское население. Тогда Конвент издал ряд декретов в защиту женатых священников. Он аннулировал все постановления об отрешении от должности за вступление в брак³ и издал декрет, по которому епископы, препятствующие прямо или косвенно бракам священников, будут высланы или смещены⁴. Всякий женившийся священник сохраняет свое содержание; если его беспокоят жители коммуны, где он служит, он может переселиться куда угодно, а содержание ему будет выплачиваться за счет преследовавшей его коммуны⁵. Наконец, Конвент предоставлял католическим священникам, женившимся или помолвка которых была оглашена, исключительные и ценные в разгар террора привилегии: даже не принесшие установленной гражданской конституцией духовенства присяги не «подлежали ни изгнанию, ни заключению»⁶.

II. Новое понимание брака естественно влекло за собой развод. Это было еще более важное нововведение, так как интересовало всех граждан, а не отдельную группу.

В 1789 году о разводе говорилось только в немногих наказах третьего сословия⁷, иногда о нем просили крестьяне, которым это желание было внушено каким-нибудь высокопоставленным лицом, вроде герцога Орлеанского в Дофинэ и Провансе⁸. Духовенство уже чувствовало опасность, оно боялось влияния философии, и в некоторых из своих наказов оно заклиняло Генеральные Штаты отвергнуть всякие ходатайства в пользу развода⁹. Оно не ошиблось. С 1789 года масса книг и брошюр пыталась

¹ «Moniteur», folio, t. V, p. 1221.

² Декрет от 17—21 декабря 1792 г. (Duvergier, V, 107). Епископ Сены и Уазы отказал в посвящении своему викарию на том основании, что он был женат.

³ Декрет от 12 августа 1793 г., ст. 1 (Duvergier, VI, 97).

⁴ Декрет от 19—29 июля 1793 г. (Duvergier, VI, 37).

⁵ Декреты от 19—27 июля 1793 г. (Duvergier, VI, 37) и 17 сент. 1793 г. (ibid., 214).

⁶ Декрет 25—30 брюмера II года (ibid., 351—352).

⁷ Третье сословие Парижа, дистрикта Тэатэн, ст. 26. А. Р., V, 316: «Развод будет дозволен, ибо нерасторжимость договора не мирится с непостоянством человеческого характера».

⁸ Шалодубль (сенешальство Драгиньяна) требует, чтобы в общий наказ третьего сословия была помещена инструкция, данная герцогом Орлеанским его уполномоченным. А ст. 12-я этой инструкции гласит: «Надо требовать установления развода, как единственного средства избежать несчастий и скандалов, связанных с неудачными браками и физическим разлучением супругов». Migeur, 116. Instruction donnée par S. A. S. Mgr. le duc d'Orléans... art. 12, p. 6.

⁹ Духовенство Оранжа, А. Р., IV, 267: «Если бы в заседании Генеральных Штатов было предложено провести закон, разрешающий развод, то мы поручаем нашему депутату выступить против установления такого закона, как противоречащего божественному праву и добрым нравам».—Духовенство Суля, ст. 42 ib. V, 775.

возбудить общественное мнение и подготовить его к этой важной реформе. По просьбе герцога Орлеанского, Мартини написал Философский, богословский и политический трактат о законе по поводу расторжения брака¹; д'Антраг, Энне Бушотт требовали развода именно в интересах сохранения добрых нравов². Петиции, составленные из выдержек из Монтэня, Шаррона, Монтескье и Вольтера³, направлялись в Национальное Собрание. Законность развода старались доказать ссылками на Священное Писание, как это делал Лэнге⁴; или, подобно Бушотту, устанавливали «единодушие разума и веры» в восстановлении этого института. Ответы на все эти сочинения и памфлеты не заставили себя ждать. Аббат Ша-де-Растиньяк доказывал «единодушие разума и веры в борьбе с установлением развода», а аббат Барюель опровергал сочинение Энне. Обе стороны восходили к изначальным моментам, боролись при помощи аргументов, черпаемых ими из истории; начинали с того, что опирались на авторитеты церковные или философские, а кончали призывом к разуму и природе.

III. Несколько причин привело к установлению развода.

Во-первых, он логически вытекает из теории, которая смотрит на брак как на гражданский договор. Духовенство это хорошо понимаю, когда противилось всей своей властью этой доктрине: если брак—договор, то он может быть расторгнут: то, что создано волей, может быть волей же уничтожено⁵. Никакой договор не вечен: нельзя взять на себя обязательство на всю жизнь; это значило бы отказаться от своей свободы, а свобода неотчуждаема. По мнению Законодательного Собрания и Конвента, проникнутых духом философии, склонных менее к расчленению явлений, имеющих внутреннюю связь, чем к их смешению и применению к ним одинаковых правил, понятие договора влечет за собой подчинение брака положениям, регулирующим договоры. На это могут возразить, что брак является договором особого рода, что по совести его нельзя сравнивать с продажей или арендой и что, следовательно, к нему должны применяться правила сообразно не столько с его юридической, сколько с его реальной природой, а также с его общественным значением. Без сомнения, в глазах законодателя брак не спускается на степень аренды или продажи, и вот почему для заключения брачного договора необходимо требуются соответствующие возрастные условия, согласие сторон, а в некоторых случаях и родителей и т. д.

¹ Сочинение в 147 стр., июнь 1789 г., ADXVIII, с. 163.

² Observations du comte d'Antraigues, 1789.—Observations de Bouchotte, 1790, 1791, ADXVIII с. 162.—Hennot, Du divorce, 148 pp., 1789, ADXVIII с. 163.

³ В 1791 г., ibid.

⁴ Linguet, Légitimité du divorce prouvée par les Saintes Ecritures, 1789 ADXVIII с. 163; см. библиографию о разводе.

⁵ Леонар Робэн от имени Законодательного Комитета (13 сентября 1792 г.), «Moniteur», XIII, 640, «Journal des Débats», XII, 241, 338.—Sedillez, «Moniteur», XIII, 693.

Но уподобление брака договору в целях установления развода покоится не только на идее права. Развод оправдывается социальными потребностями. Его требует не только теория. Практика также нуждается в разводе как в благотворном институте.

Именно на эту общественную точку зрения любят становиться революционеры в своем требовании развода¹.

Этот институт необходим для счастья супругов и общества. Следует ли навеки сохранять неудачный союз, который стал в тягость обоим супругам, который делает им жизнь ненавистной, и не только им, а, может быть, также и их детям? Прежнее законодательство допускает только физическое разлучение: чтобы не преступать предписаний церкви, оно юридически сохраняет фактически порванную брачную связь и препятствует супругам, все еще связанным помимо их воли железной цепью, заключить новый союз, в котором они могли бы найти счастье и дать жизнь новым существам; это законодательство, под предлогом заботы о морали, порождает скандалы, прелюбодеяния, подвергает опасности спокойствие соседних семейств и увеличивает, а не уменьшает распутство. Так преобразуем же это бесцельное разлучение в развод; освободим супругов от этих ненавистных пут и предоставим им свободу образовывать новые союзы, отвечающие их собственным интересам и интересам общества. Мы ничуть не ослабим супружескую связь: молодые, любящие друг друга супруги и не подумают разводиться; они мысленно будут заключать договор на всю свою жизнь, но если они отдавались мимолетной страсти, которая быстро сменилась разочарованием, то закон, более предусмотрительный, чем они, даст им возможность освободиться от своей клятвы. Развод расторгнет несчастные браки, заключенные легкомысленно неопытными и неосторожными супругами. И он расторгнет только такие браки. Удачные браки сохраняются и продолжятся до конца жизни супругов. Развод будет в некотором роде пробным камнем, который отделит счастливые союзы от несчастных. Человек имеет право на счастье: если оно ему не далось однажды, предоставим ему по крайней мере возможность хоть когда-нибудь достигнуть его.

Во-вторых, развод необходим для освобождения женщины от деспотизма мужа. Ей также надо вернуть «свободу, для которой нерасторжимая связь была бы гибелью». Отныне у нее будет оружие для борьбы против ревнивой и чрезмерной власти мужа. Она не будет больше принуждена только страдать и плакать в молчании; она сможет говорить и действовать.

В-третьих, свобода совести и культа также требует развода. Зачем обязывать протестанта или еврея подчиняться закону, который не предписывается его религией? ² Зачем подчинять не

¹ Кроме цитированных уже Робэна, Седийе, ср. Обер-Дюбайе, «Moniteur», XIII, 578, и все вышеуказанные брошюры, наполняющие два тома: ADXVIII с. 162 и 163.

² Bouchotte, Observations sur l'accord de la raison et de la foi pour le rétablissement du divorce, chap II (ADXVIII с. 112).

исполняющего обрядов католика церковному закону, которого он не признает? Пусть католики, робкая совесть которых не приемлет опасных в их глазах нововведений, сохраняют несчастную связь или удовлетворяются физическим разлучением. Но пусть другим гражданам будет предоставлена свобода избавиться от обычая, которого не признает ни их религия, ни их совесть. Никого не станут притеснять, каждый будет свободен пользоваться или не пользоваться преимуществами этого закона.

В общем, если развод нужен ради счастья супругов, семьи и государства, то он ни в коем случае не противоречит и религии. Церковь не всегда была ему враждебна. Депутаты Учредительного и Законодательного Собрания любят заявлять об этом громкогласно. Судя по евангелию от Матфея, который так верно передает речи Иисуса, разве Христос не допускал развода на основании прелюбодеяния?.. Следовательно, развод не противоречит учению основателя церкви, но лишь доктрине, которая была провозглашена изменившейся церковью, когда последняя стала сильнее светской власти, а затем под влиянием угроз со стороны диссидентских сект изобрела теории, в начале ей несвойственные¹.

IV. Таковы основания в пользу развода, приводимые Законодательным Комитетом. Но даже после провозглашения Учредительным Собранием взгляда гражданского права на брак только как на договор, развод встретил известное противодействие. Некоторые, как, например, Дюмоляр пытались указать Законодательному Собранию, что этот вопрос находится вне его компетенции. «Непостижимо,—говорил этот депутат в феврале 1792 года,—как можно требовать, чтобы на повестку дня был поставлен вопрос о разводе. Если бы мы были на церковном соборе, то это было бы неудивительно, но мы, слава богу, находимся в Национальном Собрании»². Однако, большинство Собрания желало секуляризировать гражданское состояние и затем, без колебания, вывести все следствия из этой реформы. Таким образом, допущение развода в принципе стало неизбежным.

¹ Д'Антраг: «Доказав, что церковь некогда разрешала развод, мы установили, что она считала его законным. Установив, что она разрешает его в Польше, мы доказали, что она и в настоящее время считает его таковым». *Observ.*, p. 9. Эссе в кн. 1-й доказывает, что нерасторжимость брака не является догматом. Соответствующий канон Тридентского Собора составлен в робких и туманных выражениях. Бушот, цит. соч., гл. IV: «Постановление Тридентского Собора, на котором зиждется система противников развода, не может быть рассматриваемо как настоящий закон...» *«Dernières observations»*, p. 115. «Вы отбросите то, что было придумано для увеличения власти Рима, вы будете проповедывать только то, что преподано Иисусом Христом». Стр. 116: «Вы, которых вооружают против развода, говоря, что бог его отвергает, тогда как он его одобряет; что апостолы его отменили, тогда как они его разрешили; что церковь всегда запрещала его, тогда как она относилась к нему терпимо и преподавала его в течение двенадцати веков и потом его не осудила,—читайте и судите».

² *Moniteur réimpr.*, XI, 404.

Выработка закона вызвала серьезные прения. Законодательный Комитет предлагал принять три категории оснований для развода: 1) установленные законом поводы; 2) обоюдное согласие супругов; 3) простое несходство характеров, о котором заявит один из супругов. Седийе¹ возражает против третьего пункта проекта Комитета. Он не хочет, чтобы развод считался законным на основании простого несходства характеров. Это было бы отвержением одного супруга другим, менее опасным для мужей, чем для жен, которые, утратив значительную часть свое красоты, с трудом нашли бы другого мужа. Это был бы институт, идущий вразрез с той целью, которая здесь преследуется, т. е. со стремлением улучшить положение женщины. Если развода требует один из супругов, то он должен указать мотивы, которые его на это толкают, говорят Седийе и Мэй: «необходимы такие законы, которые не ставили бы брак в зависимость от каприза или непостоянства»², и он предлагает организацию жюри по делам о разводах для рассмотрения мотивов. Кроме того, Комитет в своем проекте допускал вмешательство семьи, обязывал супругов являться на семейный суд, который затушил бы скандал и своими разумными действиями и силой своей привязанности к супругам мог бы содействовать их примирению. Несколько членов Собрания восстали против такого вмешательства семьи, за которое Комитет очень стоял. Тюрио не желает семейного трибунала. Он не согласен также на жюри. Он «вовсе не хочет, чтобы от лица, возбудившего вопрос о разводе, требовалось указание причин и объяснение мотивов; не надо допускать семью к обсуждению этого вопроса, всегда неприятного и часто порочащего доброе имя супругов; надо, чтобы дети сохранили чистое представление о своих родителях»³.

V. Эти возражения не помешали успеху проекта Комитета. Собрание вотировало его в том виде, как он был представлен. Декрет 20 сентября 1792 года допускает три рода причин для развода: во-первых определенные законом поводы; их—семь: 1) безумие, помешательство—тихое или буйное; 2) присуждение к телесному или порочащему наказанию; 3) преступление, жестокое обращение или серьезное оскорбление супруга; 4) явное уклонение от норм нравственности; 5) оставление жены мужем или обратно; 6) безвестное отсутствие одного из них в течение пяти лет; 7) эмиграция. Затем, так как оглашение определенной причины, дающей основание для развода, не является необходимым

¹ Прения между Робэном, докладчиком Комитета и Седийе 13 сентября 1792 г. (*«Journal des Débats»*, XII, 241, 388 и 339). Письмо Седийе Законодательному Комитету от 26 сентября 1792 г., *Arch. nat.*, D III, 361 (см. Приложение). Докладчик одобряет проект Комитета. *«Journal des Débats»*, *ibid.*

² Mailhe, *«Journal des Débats»*, *ibid.*

³ Thuriot, *«Journal des Débats»*, *ibid.*—D'Antraigues, *Observations*, p. 47; он тоже не желает домашнего трибунала: «Такой институт хорош только у народов, у которых нравы чисты. Он снял бы с нас последнюю узду, которая заменяет нам нравственность—боязнь огласки».

и даже носило бы характер скандала, то революционеры допускают обоюдное согласие. Всякий договор может быть аннулирован с согласия обеих сторон; точно так же обстоит дело и с браком. Наконец, чтобы вполне облегчить супругам расторжение несчастного союза, чтобы устранить тираннию одного из супругов, революционеры добавляют в качестве аргумента за развод несходство характеров¹. Эту чрезмерную легкость развода они пытаются умерить путем процедуры, иногда очень долгой, способной навести на размышление инициатора развода и привести супругов к возможному примирению. Когда развода требует только один из супругов из-за несоответствия характеров, то требуется три последовательных собрания родителей или друзей: через месяц, через три и через шесть месяцев после первого их созыва, затем новый промежуток в шесть месяцев до постановления о разводе, так что в общей сложности все установленные отсрочки составляют по крайней мере год². Если развода требуют оба супруга, он должен быть разрешен немедленно. К чему долгие препятствовать их свободе? Поэтому вслед за семейным собранием из шести родственников или друзей, уже через два месяца при отсутствии детей и через четыре—в противном случае, они могут добиться постановления о разводе от чиновника по делам о гражданском состоянии³. Наконец, в случае ходатайства о разводе по определенному законом поводу—а определенных поводов семь, и некоторые из них очень общего характера и очень понятны,—уже нет места ни для какой отсрочки с целью испытания. Если семейные посредники не достигнут немедленного примирения сторон, или если мотивы установлены судебным порядком, чиновник по делам о гражданском состоянии должен вынести постановление о разводе, не входя в рассмотрение причин⁴. Таким образом, срок, требующийся для развода, становится все более и более коротким, в зависимости от характера развода: то он составляет под, то два месяца, наконец, даже менее одного дня. Если один из супругов хочет развестись немедленно, возможно, что он найдет причину, которая покажется достаточно основательной семейному трибуналу, составленному из расторопных родственников, и которая даст ему возможность избежать всякой испытательной отсрочки. Если ему отказано в этом пути и если другой из супругов противится разводу, он все равно достигнет своей цели, лишь бы у него хватило терпения и лишь бы он согласился предстать перед тремя собраниями родственников и выждать год. В самом деле, это не слишком дорогая плата за свободу. А не страдает ли брак от этой чрезмерной доступности развода, особенно в больших городах, как Париж, где такая эпидемия разводов может увеличить

разврат? Ведь последствия развода производят большие потрясения в жизни детей и супругов.

Но, во-первых, каждый из супругов вновь обретает свободу и может опять вступить в брак¹. Женщина, вследствие своей физической природы, в связи со своей важнейшей функцией, может выйти опять замуж только через год. Законодатель 1792 года, влюбленный в равенство, устанавливает тот же срок и для мужчин: муж точно так же может жениться только по истечении этого срока, за исключением случаев развода по определенному законом поводу. Впрочем, разведенные супруги могут вновь вступить в брак, или друг с другом, или даже, в виду молчания об этом закона, и с лицом, участвовавшим в прелюбодеянии². Развод влечет за собой раздел имущества, расторжение общности или товарищества в отношении благоприобретенных имущества. Если развод был получен мужем не по причине безумия или помешательства жены, а по другому поводу, влекущему личную ответственность, то виновная жена лишается всех прав и преимуществ в области общих имущества или в товариществе относительно благоприобретенных. Дарения по поводу брака и за время жизни в браке считаются недействительными³. Правда, Законодательный Комитет предложил в своем проекте 1793 года, в случае наличия одностороннего преимущества, делать исключение из этого положения в пользу супруга, не ищущего развода⁴; но Конвент отверг это исключение и объявил, что всякие договоры об односторонних или обоюдных преимуществах между супругами уничтожаются разводом⁵. Что касается детей, то, несмотря на предложение об отобрании их у супругов и передаче их под охрану государства, законодатели 1792 года, поручают их заботам разведенных отца и матери, при чем правила, которым при этом следуют, варьируются в зависимости от характера развода. Если развод имеет место по взаимному согласию или по несходству характеров, то девочки передаются матери, мальчики старше семи лет—отцу⁶. Если развод происходит на основании определенного законом повода, то вопрос решается семейным собранием⁷. Дети сохраняют все свои права: право на алименты и на наследство; они не должны быть жертвами акта, в котором не участвуют и за который не ответственны.

Сделав развод таким легким и соблазнительным, революционеры устанавливают его в качестве единственного способа разлучения супругов⁸. Отныне не существует более института раз-

¹ Декрет от 20 сентября 1792 г., § III, ст. 1.

² Id., § III, ст. 2—3.

³ Id., ст. 4—6.

⁴ Проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. III, ст. 19.

⁵ Протоколы Конвента, 24 августа 1793 г.

⁶ Декрет от 20 сентября, § IV, ст. 1.

⁷ Id., ст. 2.

⁸ Id., § I, ст. 7.—Ср. заявление депутата Госсена (ADXVIII с. 162): он требует упразднения института разлучения от стола и ложа. «Надо отменить принудительное безбрачие, на которое осуждаются разлученные супруги».

¹ Декрет от 20 сентября 1792 г. о разводе, § 1, ст. 1—4.

² Декрет от 20 сентября 1792 г., § II, ст. 8—14.

³ Id., § II, ст. 1—7.

⁴ Id., § III, ст. 15—20.

лучения от стола и ложа: оно не имеет больше смысла и осуждено законодателем, который в своей борьбе против церкви хочет принудить граждан принять одно из крайних решений, а не останавливаться на компромиссе, на который могла бы пойти их робкая совесть: или продолжайте жизнь, как супруги, терпя все мучения, или получайте развод и полную свободу.

VI. Таков декрет 20 сентября 1792 года. Но в 1793 законодатель хочет пойти еще дальше в этом направлении. Система стремится дойти до своих крайних пределов. Конвент идет дальше своего Законодательного Комитета, который в проекте Гражданского Кодекса только воспроизводит декрет 1792 года. Он считает перечисление мотивов для развода излишним, потому что каждый из супругов может добиться развода без указания мотивов, просто на основании своего желания, а, кроме того, и безнравственным, ибо ссылка на заранее определенные в законе поводы может обесчестить супруга, который поддался лишь минутной слабости, предать его проступок гласности и воспрепятствовать заключению им нового брака. И, по настоянию Пулен-Гранпре, Тюрио и Лакруа, он отбрасывает систему определенных законом поводов¹. Под предлогом забот о нравственности, брачная связь все больше и больше ослабляется: раз допущен развод в силу простого несходства характеров,—это уже имеет роковое значение. Устранив перечисление мотивов, доходят до того, что признают установленные в 1792 году оторочки слишком продолжительными, противоречащими добрым нравам, способными затянуть скандал и предоставить повод тому, кто управляет общим имуществом, довести его до разорения². Упростив систему поводов для развода, Конвент старается упростить и связанную с ним процедуру. В ожидании Гражданского Кодекса упрощаются или сокращаются сроки, установленные для разведенных супругов, желающих вновь вступить в брак: муж может тотчас же заключить новый союз, а жена через десять месяцев. Это положение (8 нивоза II года), в противоположность декрету 1792 года, устанавливает неравенство между супругами. Затем, так как отмена законных мотивов еще не была обнаружена, то декрет 4 флореаля II года (28 апреля 1794) внес некоторые изменения в эту систему, а именно: достаточно отсутствия одного из супругов или оставления им другого в течение шести месяцев, при чем это должно быть подтверждено подлинным актом или быть очевидным для общества, чтобы оставленный получил немедленно развод³. «Жены защитников отечества и должностных лиц, посланных куда-либо для служения республике», могут широко использовать эту новую свободу; однако, «все меры к урегу-

лированию их прав будут иметь лишь временный характер, до возвращения их мужей»¹.

Итак, в вопросе о разводе обнаруживается тенденция решать его даже в силу простого желания со стороны одного из супругов или по обоюдному согласию и осуществлять его в возможно более короткий срок. Страсть к личной свободе, «для которой нерасторжимость супружеской связи была бы гибельной», юридические теории, которые основывают все общественные отношения на договорах и на всегда изменчивой воле человека, ослабили узы брака; однако, это было сделано отнюдь не с целью систематического разложения нравов нации, в чем невежественные или фанатичные католики хотели бы всех уверить, но, наоборот, с целью улучшения их путем расторжения несчастных союзов и прекращения талящихся в обществе скандалов, вызванных светским компромиссом физического разлучения. Правда, резолюционеры впали в опасную крайность, благодаря увлекавшему их порыву, благодаря упорному сопротивлению сторонников старого режима и вечной борьбе, которую им приходилось выдерживать ради торжества нового права. Они пошли дальше, чем позволяла теория договора и чем этого требовала охрана добрых нравов и забота о счастье личности. Исходя из желания затушевывать скандалы, уничтожить деспотизм в браке, они мало-по-малу чрезмерно облегчили развод. Поэтому в больших городах, особенно в Париже, декреты 1792 и 1794 г. открыли новые перспективы для массы супругов. Некоторые даже не дожидались закона 1792 года, чтобы развестись²; а как только этот закон был обнаружен, огромное число супругов пожелало им воспользоваться. Многие жены эмигрантов потребовали развода, чтобы вернуть себе свою долю общих с мужем имуществ, секвестрованных нацией³. Многие воспользовались отсутствием своих мужей, находящихся в армии⁴. А когда после декрета 4 флореаля II года и падения якобинцев, широко разгулялись страсти, освободившиеся от всяких сдержек, то революционные законы только усилили поток разврата, затопивший города и в особенности Париж⁵. По счастью, деревни не были поражены этой эпидемией.

¹ *ib.*, ст. 4.

² Декрет 4 флореаля II года (ст. 8) санкционирует разводы, состоявшиеся в силу того принципа, что брак представляет собой лишь гражданский договор, и засвидетельствованные подлинными заявлениями еще до издания декрета 20 сентября 1792 г.

³ Эти случаи были так многочисленны, что министр Ролан обращается в ноябре 1792 г. в Законодательный Комитет с просьбой не распространять действие закона на жен эмигрантов. Arch. nat., DIII, 361.

⁴ Письмо Воилерме. Arch. nat., DIII, 361. (Приложение). Подобные примеры приводятся в докладах Совета Старейших и Совета Пятисот.

⁵ С 1 января 1793 г. по 17 июня 1795 г. произошло 5.987 разводов в Париже. Cp. Maurice d'Auteville, *Le divorce pendant la Révolution*, «Revue de la Révolution», 1883, 2-е vol., pp. 206, 473.—Décade, 28 июня 1796 г.

⁶ «Об этом свидетельствуют трибуналы», говорит Порталис, F e n e t, IX, 257.

¹ «Moniteur», XVII, 532—533, август 1793 г. Декрет, который отбрасывает перечисление мотивов, не был отделен от Кодекса и, следовательно, не вступил в силу.

² Удо, 27 жерминаля II г., ADXVIII c. t. 325, рiсе 26.

³ Декрет от 4—9 флореаля II года, ст. 1 и 2.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМЬЯ

Семья оказалась гораздо менее преобразованной революцией, чем собственность. Но если в этой области революция произвела меньше реформ, чем породила проектов, если время не позволило ей осуществить все ее намерения, то зато она впервые заложила для Франции, управлявшейся различными юридическими системами, основы единообразного и гармоничного семейного права, проникнутого новыми принципами свободы и равенства.

Отдел первый

Отношения между супругами

Семья создается браком. Она всегда будет тем, что из нее сделают супруги. Чтобы преобразовать ее, надо сперва изменить отношения между мужем и женой.

Основной вопрос заключался в том, отменят ли революционеры полностью старое законодательство, чтобы создать новое брачное право, согласно разуму и философии.

I

Отношения между супругами регулировались очень различными системами, две из которых были абсолютно противоположны друг другу.—В областях с писаным правом интересы супругов совершенно разделены; здесь не существует института общих имуществ. Жена остается чуждой делам мужа: если она ничего не теряет, то она никогда ничего и не приобретает. Ее имущества, составляющие приданое, неотчуждаемы, и ни в коем случае она не может ни дать обязательства в пользу своего мужа, ни отказаться для него от ипотеки, которая гарантирует ее приданое. Это система, предназначенная для сохранения состояний: неотчуждаемость детальных имуществ жены препятствует их свободному обращению, а ипотека ограничивает мужа в свободном распоряжении его собственным имуществом. Это неподвижность, возведенная в принцип ¹.

¹ Сжатое изложение вопроса см. у Argou, t. II, стр. 73 и сл.

В землях обычного права, за исключением Нормандии, единство интересов супругов укрепляет союз сердец. Хотя каждый из супругов сохраняет право собственности на свои имущества, но они сообща владеют состоянием, которое беспрепятственно возрастает, благодаря их работе и сбережениям; это—пайщики, из которых каждый, несмотря на неравные права, играет полезную роль в домашнем хозяйстве; это сотрудничество придает семейной жизни большую прочность и обеспечивает ее благополучие ¹.

Но в правовом отношении повсюду, как на севере, так и на юге Франции, жена стоит ниже мужа. На юге она находится под patria potestas своего отца или мужа; на севере она находится под властью мужа и не может принимать на себя обязательств без разрешения своего супруга. Она всегда является подчиненной; и как бы его ни мотивировали, это подчинение считается необходимым.

Такое законодательство, казалось, вызывало необходимость значительных реформ. Оно было в противоречии с законодательным единством, провозглашенным революционерами, и с новыми принципами свободы и равенства.

Прежде всего, ради единства законодательства необходимо было пожертвовать одной из двух противоположных систем. Но это была реформа, которую было легче осознать, чем осуществить. Местности, где развилось особое брачное право, Юг, где царил римское дotalное право, местности обычного права, управляемые принципом общности, Нормандия, которая исключала порядок общности и допускала только дotalный порядок ², юго-западная часть, где практиковалась общность приобретенных имуществ ³,—все эти отдельные местности обнаруживали непреодолимую привязанность к своему вековому законодательству. Кроме того, различные матримониальные порядки оказывали свое воздействие не только на своей первоначальной территории; очень рано они стали распространяться и за ее пределы, и в одной и той же области, в зависимости от состоятельности и социального положения супругов, в брачном договоре обуславливался или порядок общности, или дotalности; повсюду, кроме Нормандии, эти договоры были свободны. Как же обосновать единство брачного права, не лишая половины Франции ее традиционного законодательства и не нарушая повсюду свободы договоров?

Кроме того, принципы революции требовали больше свободы и равенства в отношениях между супругами. Ни одна система,

¹ См. особенно «Парижский Кутюм» (Coutume de Paris, tit. X et XI);—Coutume d'Orléans, tit. X et XII; Резюме у Argout, II.

² «Нормандский Кутюм», ст. 389. Однако, общность имуществ была совершенно изгнана только в отношении земель благородного происхождения (ст. 331 и 332).

³ В Кутюмах Байоны и Лабура установлена общность приобретенных имуществ. В Бордо очень распространена общность владения приобретенным по договору имуществом.

даже система общности, не соответствовала новым идеям. Но тогда,—если предположить, что система общности осуществит правовое единство,—как видоизменить этот порядок в направлении большей свободы, установить полное равенство между супругами, не повредив необходимому единству управления в семье?

II

Законодательный Комитет решает все эти вопросы сплеча. Никаких примиряющих положений: предлагаемые им законы абсолютны.

Сперва он создает единство путем отмены института приданого. Но, прекрасно чувствуя сопротивление, которое вызовет это мероприятие, он не говорит категорически: «Учреждение приданого воспрещается», но: «Если приданое учреждается, оно не гарантируется ипотекой»¹. Это косвенный способ уничтожения института приданого. Гарантия неотчуждения исчезла, а с ней неотчуждаемость приданого превращалась в неимеющую юридической силы оговорку, от которой женщина, несомненно, откажется в пользу реорганизованной общности имущества. Таким образом устранялись препятствия для свободного обращения имущества, эти—своего рода—субституции, которые лишают имущества подвижности; отменялась имущественная раздельность супругов. Всюду устанавливалась общность, которая делает жену совладелицей мужа и улучшает ее положение.

Затем Комитет преобразует слишком стеснительный и слишком сложный порядок общих имуществ. Система, господствовавшая в провинциях обычного права, предоставляет верховенство и значительную власть мужу, исключительно главе над общими имуществами. Дав мужу огромные права над общим состоянием, которым он один может пользоваться и распоряжаться бесконтрольно, обычно-правовое законодательство все больше и больше осложнялось, под давлением необходимости и под влиянием римских традиций, введением ограничений в это всемогущество мужа; отсюда многочисленные гарантии в пользу жены, как-то: награды, рассчитанные таким образом, чтобы избежать всякого приращения и улучшения собственных имуществ супругов, т. е. имущества мужа, за счет общих, отделение имуществ, отказ от общности, ипотека на имущество мужа, вдовья часть из значительной доли—трети или половины—собственных имуществ мужа². Законодательный Комитет хочет устранить самый принцип и источник этой сложности, т. е. верховенство мужа, и соединить, таким образом, простоту дотального порядка с преимуществами общности. В результате этой реформы никто уже не будет считаться исключительной главой брачного союза; во избежание расточения мужем

общего имущества, для предупреждения «нескромных обязательств, которые часто губят состояния обоих супругов и ведут к семейным раздорам, горю и нищете»¹, муж и жена будут сообща управлять общим состоянием. Ни один из них не может брать обязательств на свое собственное имущество без согласия другого супруга². Это будет идеальное сотрудничество. Тесное единение в области материальных интересов, обоюдное участие в управлении общим имуществом, постоянный обмен взглядов и советов необходимость согласованности действий в распоряжении собственными имуществами сделают более тесным союз сердец, укрепят брак и семью. Равенство будет регулировать все отношения между супругами. Они будут равны в правах на развод; каждый из них сможет расторгнуть брак, ссылаясь на несходство характеров. Женщине всегда будет доступно это средство избежать тираннии мужа. Правда, разведенная жена, уже утратившая часть своей привлекательности, оказывается в гораздо более неблагоприятном положении, чем мужчина, но устранить это неравенство законодатель уже совершенно бессиль.

Связав интересы супругов, Комитет, в подражание обычному праву, старается их разделить; следует избегать того, чтобы супруги производили значительные дарения друг другу за счет своих законных наследников. Необходимо воспрепятствовать скоплению состояния в руках одного наследника, чтобы сохранить его для членов семьи; иначе оно попадет к ним в крохотных долях. Поэтому супруги смогут отныне дарить друг другу в собственность не более десятой части своих имуществ, а если они имеют детей, то предоставлять не более десятой в пользование³. Прежние дарения должны быть сокращены до одной шестой имущества дарителя и сведены по значению к узурфрукту⁴. Положение, приблизительно сходное с обычноправовой традицией, которая, ради сохранения имуществ для семьи, абсолютно запрещала дарения между супругами⁵.

Есть, однако, один случай, когда семья может и даже должна быть принесена более или менее в жертву супругам. Если переживший супруг впадает в бедность, необходимо ему помочь. Прежнее законодательство не давало вообще никаких прав пережившему супругу. Только вдовам, и то для того, чтобы дать им возможность удержать прежнее положение в обществе, кутюмы предоставляли так называемую вдовью часть, т. е. пользование

¹ Доклад Камбасереса, предпосланный первому проекту Кодекса.

² Первый проект Кодекса, кн. I, разд. IV, ст. 11 и 12: «Супруги имеют равные права на управление своими именными».—«Никакой акт, влекущий за собой продажу, заклад, материальное обязательство или ипотеку на имущество одного или другого супруга, не действителен при отсутствии согласия на него обоих».—Такова была предшествующая практика, принявшая теперь форму закона. Ср. Viollet. Précis de l'histoire du droit français, 668—670.

³ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. III, ст. 3.

⁴ Ibid., кн. II, разд. III, дополнит. статья.

⁵ Парижский Кутюм, ст. 282.

¹ Первый проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. III, ст. 8.

² Парижский Кутюм, разд. X и XI.

частью недвижимости умершего супруга. В местностях писаного права прибавка к приданому играла ту же роль, что и вдовья часть наследства, хотя жена, сохраняя свое имущество в отдельности, была всегда уверена в возвращении ей ее приданого и собственного имущества¹. Члены Комитета Конвента упраздняют все эти институты, которые парализуют имущество мужа наложением молчаливой ипотеки и способствуют неподвижности состояний². Но и они также стараются обеспечить судьбу вдовы и даже—это их удачное нововведение—судьбу пережившего мужа. Переживший супруг, женщина или мужчина, может всегда впасть внезапно в нищету. Поэтому Комитет предлагает и уждающемуся пережившему супругу, признанному таковым семейным советом, давать целиком или в части имущество умершего³. Это, в сущности, наследственное право, по которому открытые наследства и его размер зависят от имущественного положения пережившего супруга.

Вообще, предлагаемые Комитетом законы имеют философский и абсолютный характер; они не считаются ни с пестротой законодательных систем, распространившихся и перемешавшихся по всей территории ни с практической необходимостью оставления единого главы брачного союза, воля которого обеспечивает правильное управление домашним хозяйством. Принципы единства, свободы и равенства доведены до своих последних возможностей. Но вполне искренни эти юристы, которые в другое время были так умеренны, и не хотят ли они, предлагая проект Гражданского Кодекса Конвенту, пойти в некотором роде навстречу самым крайним стремлениям этого собрания, которое им представляется более утопически и радикально настроенным, чем это было в действительности? Не старались ли они заранее избежать всякого обвинения в слишком большой умеренности, в «модерантизме» или, может быть, искупить медлительность или колебания в своем поведении? Этого нельзя утверждать с достоверностью.

III

Конвент не решается следовать за ними по пути, который они ему указывают. Завязывается борьба между философами и юристами, но победа оказывается на стороне традиции.

Философы желают, подобно Комитету, действительно единого и гармоничного законодательства. Они отвергают дотальный порядок, являющийся вечной помехой для супругов, и допускают только общность имуществ. Считая, что женщина обладает оди-

наковой правоспособностью с мужчиной, что «в свободной стране» было бы ужасно «держать ее долее в рабстве», они уничтожают власть мужа, «создание деспотических правительств» и требуют общего управления общими имуществами. Надо «восстановить женщины в их естественных правах», думают Кутон, Дантон, Демулан и некоторые другие. Этого требуют революционные принципы, и это сделает женщин союзницами в борьбе со старым порядком, друзьями демократической республики¹.

Юристы отвергают систему Комитета². Допуская единство в законах о наследстве, они отказываются от установления единства в законах о браке. Они хотят отнестись с уважением к свободе договоров. И общность имуществ, и дотальный порядок имеют каждый свои преимущества и свои неудобства. Каждая система соответствует различным условиям. Препятствовать тому, чтобы учреждение приданого влекло за собой свое необходимое следствие—ипотеку, значит воспрепятствовать ряду браков между лицами, неодинаково богатыми, особенно в такое время, когда легкость развода может вызвать страх перед общностью имущества у более состоятельного супруга; это значит ставить препятствия этому союзу бедности и богатства, этому наилучшему способу распределения имуществ, высшей цели революционных законодателей. Затем, преобразование системы общности представляется им химеричным. «Женщина вообще неспособна управлять чем-либо, мужчина обладает естественным превосходством над ней»³; общее управление породит только беспорядок и несогласия, нравственное порабощение и разложение мужчины и справедливое геноцид иностранцев по отношению к французам во всякого рода договорах⁴. Следовательно, лучшим исходом является сохранение свободы брачных договоров, затем сохранение традиционной общности владения при условии необходимого верховенства мужа, уравнивающегося гарантиями в отношении жены.

Под влиянием юристов Конвент колебался и отложил на три дня обсуждение спорных статей. Однако, он уже не возвращается к нему. Он не боится отступить; он, очевидно, находит предложения Комитета слишком непрактичными и слишком смелыми. Он не соглашается также с идеями своего Комитета относительно дарений между супругами. Он издает декрет о том, что супруги могут производить друг другу всякие дарения, которые они найдут нужными. Если у них имеются дети, то преимущества будут ограничены пользованием половиной имущества, имеющегося в день смерти; если тот или другой из супругов вновь вступил в брак, имея детей от первого супруга, то они смогут предоставить друг

¹ Относительно вдовьей части см. Парижский Кутон, ст. 11;—о прибавке к приданому см. Argou, t. II, стр. 116 и след. В виду того, что наследственные права женщины в ее семье были меньше прав мужчины, вдовья часть и прибавка к приданому представляли собой необходимую компенсацию.

² Декрет от 17 нивоза II года, ст. 61, примеч. Duvergier, t. VI, стр. 408.

³ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. III, ст. 25 и 26.

¹ Ср. выступления Лакруа, Дантона, Гарнье, Камиля Демулана, Кутона 23 августа 1793 г. «Moniteur», XVII, 487. — Procès-verbal de la Convention, 23 août.

² Ср. речи Мерлена, Тюрио, Майя и особенно «Женисье», «Moniteur», ibid.

³ Мерлен, «Moniteur», ibid.

⁴ Тюрио, «Moniteur», ibid.

другу только доход, равный доходу с доли одного ребенка ¹. Далее, Конвент, расходясь с мнением Комитета, постановляет, что переживший супруг, впавший в нужду, будет иметь право не на долю в наследстве, но лишь на простую пенсию для пропитания, назначаемую семейным советом в соответствии с его состоянием ². Конвент соглашается на то, в чем Комитет отказывал, и отказывает в том, что тот давал.

Все предложения Комитета отклонены. Конвент не делает уступок чему-то химерическому; он расстается с абсолютными и философскими идеями. Он чувствует, что Гражданский Кодекс не должен быть делом эфемерным, носящим отпечаток настроений. Он относится с уважением к свободе брачных договоров и к принципу верховенства мужа. Правовые традиции торжествуют. Абсолютное равенство в супружеских отношениях исчезло, как сон, а провозглашенное Учредительным Собранием единство гражданского права впервые оказывается нарушенным. Старое право еще слишком тяготеет над новым.

Отдел второй

Отношения между родителями и детьми

I

Деторождение является главной функцией брака. Произведение на свет потомства создает для родителей и для детей права и обязанности. Их открывает им естественный закон. Но в то время как взаимные обязанности родителей и детей кажутся очевидными и непререкаемыми, их права могут быть понимаемы различно, даже противоположно, соответственно состоянию прав и идей. И это явление как раз и наблюдалось в дореволюционной Франции.

В местностях писаного права сын находится под абсолютной властью отца и на неопределенный срок. Эта *patria potestas* распространяется на лица и на имущества приблизительно в той же мере, как и в праве Юстиниана. Для сына, даже женатого, имеющего детей и облеченного самым высоким званием, полная независимость не может существовать иначе как в силу эмансипации, полученной от отца. Его собственные дети находятся не под его властью, но под властью его отца. Он не может ни завещать, ни совершать займы, ни принимать на себя какие бы то ни было имеющие юридическую силу обязательства. Он не владеет ничем на праве полной собственности, за исключением того, что он приобрел личным трудом; управление и пользование имуществами, доставшимися ему иным путем, принадлежат его отцу. Боязнь ока-

заться обделенным в отцовском наследстве, или даже в некоторых определенных случаях совершенно лишенным его, отдаст его всецело во власть отца и окончательно губит его свободу.

В обычном праве, напротив, «отцовская власть не имеет места». Нет абсолютного авторитета на неограниченный срок. Власть в домашнем быту принадлежит одновременно отцу и матери: мягкость последней умеряет строгость первого. Эта власть прекращается вместе с потребностью в ней со стороны детей в двадцать или двадцать пять лет, в зависимости от кутюма, или со вступлением в брак, который всегда эмансипирует. Родители даже не пользуются имуществом своих детей. Дело в том, что, по воззрениям обычного права, их власть существует не в их личных интересах. Она является только «своего рода естественной опекой» ¹. Гуманное, чисто христианское представление, вполне гармонирующее с правами Иль-де-Франса и берегов Луары, где рано зародился дух общности, — главная черта характера французской расы.

Но на писаное право и на обычное наслонилось еще новое, третье законодательство. Короли, думая, что «естественное почтение детей к своим родителям связано с законным повиновением подданных своему суверену» ², и желая теоретически обосновать свою собственную власть на отцовской власти римлян ³, преобразовали семейное право при посредстве своих ордонансов; они установили для всей Франции строгие, тираннические, жестокие правила, которые представляли собой странную противоположность национальным правам. Королевские парламенты применяли их с варварской точностью. Право родителей применять исправительные меры было расширено, особенно в Париже, где наблюдается известная тенденция к большей свободе прав. Отцы и матери, «ремесленники и бедные жители города и предместьев Парижа», имеют право сажать в тюрьму своих детей до двадцатипятилетнего возраста ⁴. Достаточно лишь грубо обойтись с отцом или матерью, даже в минуту гнева, или проявить распущенность или леность, предаваться разгулу или хотя бы «вызывать явное опасение» в этом направлении, чтобы быть заключенным по просьбе родителей в Бисетрскую или Сальпетриерскую тюрьму, где приходится «неимомерно много работать и нести самую тяжелую работу», какую только позволяют силы; это настоящее предвосхищение каторги. Родители широко пользуются этой возможностью; некоторые даже злоупотребляют ею до такой степени, что добиваются заключения в тюрьму своих детей, тридцати лет и старше, вступивших во вторичный брак, и даже священников, под предло-

¹ Procès-verbal de la Convention, 22 et 24 août.—Декрет от 5 брюмера II г. (26 окт. 1795 г.), ст. 2.

² Прения по поводу ст. 25 и 26, Procès-verbal de la Convention, 24 août, 1793.

¹ Fleury, Instit. au dr. fr., t. I, p. 226; Serres, Instit. au dr. fr., p. 20.—Pothier, Comment. de la Cout. d'Orléans, t. IX, p. 26.

² Декларация 26 ноября 1639, Isambert, XVI, 520.

³ Кроме ордонансов, см. теоретиков, как напр., Боссюэт — «Политика, основанная на Свящ. Писании», *passim*.

⁴ Королевское постановление от 20 апреля 1684 г., Isambert, XIX, 442.

гом неповиновения власти отца. Тогда парламенты вмешиваются, чтобы ограничить власть домовладык и ввести ее в законные границы¹. Когда же, наоборот, родители, испуганные варварскими наказаниями, которые по их жалобам должны быть применены к детям, хотят их простить и избавить от наказания, парламенты отказываются отпустить свою добычу: сыновья, осмелившиеся поднять руку на своего отца или мать, присуждаются к десяти и двадцати годам каторжных работ или даже на вечную каторгу². Чтобы заставить исполнять в точности ордонансы о согласии родителей на брак, короли изобретают систему жестоких наказаний. Если дети вступают в брак без согласия своих родителей, то не только их брак считается недействительным, но они еще подвергаются лишению наследства и даже, вследствие фикции похищения с целью ооблещения, смертной казни³. Таким образом, по повелению короля, беспорядочный образ жизни или внушение опасений такого рода, неповиновение своим родителям, особенно вступление в брак без их согласия, и желание, вопреки их воле, для удовлетворения истинной любви внести в порядочное общество беспорядок и скандалы, всегда вызываемые неравным браком,—рассматриваются не просто как проступки, но чаще всего как преступления, достойные тюрьмы, каторги, лишения наследства и смерти. Добавьте к этому, что королевская власть, в лице ее агентов, вплоть до начальника уголовной полиции Парижа (*lieutenant criminel*) и министров, ежеминутно вмешивается по просьбе родителей и сулит провинившимся Бисетр или Сальпетриер; что приходские священники тоже участвуют в наблюдении за нравственностью детей и в их исправлении,—и вы поймете, какое бремя принуждения тяготеет над сыновьями и дочерьми⁴. Всякая организованная власть—король, парламенты, министры, священники—оказывают свое содействие власти семейной. Родители являются должностными лицами, перед которыми дети дрожат от страха⁵.

¹ Приговор парижского парламента от 9 марта 1673 г., утвержденный 27 октября 1696 г., *Arch. nat., ADII*, 29.—«Суд постановляет... что только отцам будет предоставлено право требовать заключения их детей в тюрьму Вильнев-Сюр-Граву до двадцатипятилетнего возраста, лишь бы они не были женаты вторым браком; а в последнем случае нельзя сажать своих детей в тюрьму с целью исправления без согласия на то начальника полиции, который, если найдет нужным, посоветуется с некоторыми близкими родственниками...» Ср. мотивировку: «С некоторого времени нет того предельного возраста, который бы охранял от этих домашних приговоров, и в тюрьмах оказывались лица свыше тридцати лет и даже священники, заключенные под предлогом отеческого исправления».

² *Merlin. Répertoire*, v°. *Puissance paternelle*, t. XXVI, p. 42—43.

³ Ордонанс или эдикт 1556 г. (ст. 41) и 1639 г., цитир. в III главе.

⁴ Доклады начальника полиции д'Аржансона (*Rapports du lieutenant de police d'Argenson*, Paris 1891, n. 12).—Функ-Брентано (*Funk-Brentano, Les lettres de cachet, «Rev. des deux Mondes», 15 octobre 1892, t. CXIII*).

⁵ *Drouet, «Gazette des tribunaux», VI, 1*. Один несовершеннолетний сын, наделавши долгов, был подвергнут неограниченному интердикту. См. мемуары, в частности Шатобриана (*Chateaubriand, Mémoires d'outre tombe*), какой страх он испытывает в присутствии отца.

Итак, до 1789 г. отношения между родителями и детьми регулируются либо писанным правом, либо королевскими ордонансами в духе римского права, вопреки обычному праву и невзирая на общую мягкость нравов.

Это законодательство было слишком несвойственно правам и понятиям XVIII века. Оно могло удовлетворять только суровых юристов, вроде Дагессо, президента парламента Буйе или адвоката Дюверье¹. Философы видели в этом законодательстве только тиранию, которая подлежала уничтожению. Впрочем, эту реформу было нетрудно провести: традиция обычного права, преисполненная кротости и гуманности, еще сохранилась частично, несмотря на ордонансы; нужно было только окончательно восстановить ее, уничтожив все, что ее извратило. Это и было делом революции.

II

Руководящей идеей для революционеров было создание из семьи союза, основанного, подобно политическому союзу, на принципе свободы и равенства; однако, этот союз должен быть независимым от государства, и в этом отношении он является единственным в своем роде привилегированным союзом, ибо только он образует естественную ассоциацию.

Государство должно вмешиваться возможно меньше в дела семьи. Оно, наоборот, должно стараться предоставить законодательным путем семье полную независимость, в которой она так нуждается.

Семья образует корпорацию, самостоятельно решающую свои дела. Если между членами семьи, супругами, детьми и их близкими возникнут какие-либо недоразумения, то они будут разбираться не общественным судом, с его жадной армией прокуроров и адвокатов, которых он тянет за собой, но семейным трибуналом, составленным из четырех наиболее близких родственников, друзей или соседей². Этот примирительный трибунал—своего рода мировой суд, образованный в недрах самой семьи для решения спорных вопросов и во избежание публичных судебных процессов. Суд служит только последней апелляционной инстанцией. Это будет справедливый, скорый и дешевый третейский суд, который, согласно утверждениям третьего сословия Парижа, обеспечивает «домашнее спокойствие и поддержание добрых нравов»;

¹ *Merlin, Répert.*, v°. *Puissance paternelle*, t. XXVI, p. 44. Речь защитника Дюверье, адвоката парижского парламента, в 1785 г.; он опирается на слова Дагессо.—*Bouhier, Cout. de Bourgogne*, *ouvr. cité*.

² Декрет от 16—24 августа 1790 г., разд. X, *Duvergier*, t. I, p. 372. Каждая из тяжущихся сторон называет двух арбитров из числа своих родственников. Сторона, считающая себя оскорбленной решением посредников, может апеллировать к трибуналу дистрикта, который выносит окончательный приговор, ст. 13—14.—«Выражения семейный трибунал, «семейный совет», «семейное собрание»—равнозначущи.—Ср. *Drouet, «Gazette des tribunaux», t. II, pp. 200 et suiv.: décisions du conseil de justice*.

«благодаря его посредничеству будет устранена возможность споров и взаимной ненависти между близкими»¹. Семья превратится как бы в маленькую республику, которая постоянно стремится устранять всякие основания для нарушения мира, а в случае нарушения восстанавливать его под своей ответственностью и без вмешательства государственной власти, за исключением серьезных случаев и при подаче апелляционной жалобы

Точно также во всем, что касается надзора за детьми, этой главной цели семьи, государство будет проявлять свою деятельность лишь в той мере, в какой она строго необходима в интересах общества. Но пределы государственной власти изменчивы и условны, и попытка определить их естественно вызывает горячие прения. И они действительно имели место в Конвенте². Мишель Лепеллетье и Робеспьер предложили отбирать детей у родителей с семи-восьмилетнего возраста, заставить их жить в школе, вдалеке от семьи, овладеть их нежной душой с тем, чтобы всем им вместе привить новые идеи и сделать из них самых горячих защитников этих идей. Это значило разрушить семейные привязанности в тот момент, когда они начинают делаться сознательнее и прочнее, и лишить домашний очаг того, что составляет его силу, его радость, его прелесть. Грегуар и Леонар Бурдон протестовали против этого во имя естественных законов и даже интересов общества, ибо «любовь к отечеству имеет своим источником семейный быт»³. Конвент установил бесплатное и обязательное обучение в школе первой ступени⁴. Но отверг это совместное воспитание по спартанскому образцу. В этот период диктаторских и деспотических законов здесь, в сфере частных отношений, в деле организации семьи восторжествовала свобода.

Итак, родители выполняют свои естественные функции, пользуясь широкой независимостью. Преобразованная государством семья подлежит лишь в очень ограниченной мере общественному контролю.

Но прежде требуется совершить это преобразование. Семейная тирания должна исчезнуть. Подобно тому как это было в обычном праве, отцовская власть отныне не существует более. Власть в семье принадлежит уже не одному отцу, как в писаном праве, но, согласно природе и древним традициям

обычного права, матери и отцу совместно¹. Родители должны кормить и воспитывать своих детей. Так как обучение свободно, они могут посылать их в школы, которые они предпочитают; но они обязаны, под страхом строгих наказаний, предоставить детям образование, которое «после хлеба составляет первую потребность человека»². «Особенно важно, чтобы они научили их сами, или при помощи других, как учил Руссо своего Эмиля, какому-нибудь земледельческому ремеслу или техническому искусству; если же они этого не сделают, то «они обязаны обеспечить детям пропитание на всю жизнь»³. Это будет более надежное приданое, чем какое-либо другое; оно обеспечит детей «от ударов судьбы и от мук честолюбия» и позволит им «вновь явить миру редкое зрелище: земледельческий народ, богатый, но не утопающий в роскоши, довольный тем, что он имеет, и великий благодаря своему труду»⁴.

Чтобы заставить детей уважать авторитет родителей, основанный на справедливости, последние могут их наказывать. Но способы наказаний, которые закон оставляет в их распоряжении, уже не так многообразны и не так суровы. Во-первых, отменяется наказание путем лишения наследства⁵. законодатель относится с недоверием к отцам, которые вообще слишком привязаны к старым установлениям, и уничтожает это чрезмерное право; такая угроза могла бы только поработить детей, а ее применение нарушило бы принцип равенства в наследственном праве. Не допускаются также даже самые незначительные отступления от закона в распределении имущества между детьми: все должны быть равны между собой, чтобы после периода раздоров воцарились мир и любовь. Во-вторых, изгоняется всякий произвол в применении исправительных мер. Это право не принадлежит более исключительно отцу и матери; они делают его с семейным собранием, составленным из восьми или, по крайней мере, шести ближайших родственников или друзей и соседей⁶. Вот к этому-то «семейному трибуналу» родители или опекуны, желающие покарать своих детей или опекаемых, должны обращаться со своими жалобами. Собрание может в наиболее серьезных случаях вынести постановление о заключении кого-либо из детей моложе двадцати лет в исправительный дом на срок не более года. Но это постановление подлежит исполнению только с утверждения пред-

¹ Chassin, IV, 446.

² Сочинение Мишеля Лепеллетье, доложенное Робеспьером 13 июля 1793 г., «Moniteur», XVII, 134 и сл.—Речь Грегуара, id., XVII, 35².—22 октября 1793 г. Конвент декретирует предложение Бурдона, id., XVIII, 173.—Лепеллетье предлагает брать детей у родителей с пятилетнего возраста. Декрет 29 фримера II года, устанавливающий лишь бесплатное и обязательное обучение, устанавливается из шести восьмилетнем возрасте.

³ Речь Грегуара, «Moniteur», XVII, 360.

⁴ Декрет 29 фримера II года (19 декабря 1793 г.), Duvergier, t. VI, 428.

¹ В 1793 г. уже не говорится больше «отец», но «отец и мать». В декрете 20 сентября 1792 г. «достоаточно согласия отца» на брак детей, разд. IV, ст. 4. В проекте Кодекса 1793 г. требуется согласие отца и матери.

² Слова Дантона во время прений по вопросу о коллективном воспитании детей. Декрет 29 фримера II года.

³ Проект Кодекса, кн. I, разд. V, ст. 2.

⁴ Камбасерес, Доклад, предпосланный проекту Кодекса.

⁵ Декрет разъяснительный, 9 фрюктидора II года (26 августа 1794 г.). 23-й вопрос. Duvergier, VII, 318.

⁶ Декрет 16—24 августа 1790 г., разд. X, ст. 15. Duvergier, I, 373.

седателя окружного суда¹, Итак, гарантией против отцовского деспотизма являются: распределение власти между отцом и матерью, вмешательство семьи, а затем и судебной власти.

Родители имеют право противиться браку своих детей, но только пока им не исполнится двадцать один год². Действительно, молодые люди, которые по новым законам могут вступать в брак с пятнадцати и тринадцати лет, еще слишком неопытны, чтобы они могли самостоятельно и сознательно брать на себя обязательства путем такого важного акта. Наконец, одновременно с охраной и защитой детей родителям принадлежит право пользования и управления их имуществом до тех пор, пока их сыновья и дочери не будут в состоянии сами распоряжаться своим состоянием в силу наступления совершеннолетия, эмансипации или вступления в брак³. Если кто-либо из детей теряет своих отца и мать до того, как ему исполнится двадцать один год, то родительские права, хотя бы отчасти, переходят по наследству к семейному совету. А совет этот в 1793 году уже не состоит, как в 1792 г. из пяти ближайших родственников несовершеннолетнего: законодатель не доверяет этим родственникам, которые могут быть претендентами на наследство, руководствоваться только своими интересами и отказать в согласии на брак несовершеннолетнего. Если несовершеннолетний хочет жениться, то он должен испросить необходимое разрешение у совета, состоящего из двух родственников, являющихся наследниками, двух других, не являющихся наследниками, и одного представителя государственной власти. Но если этот совет не даст согласия через месяц, а несовершеннолетний будет настаивать на своем намерении, то отказ может основываться только на двух важных причинах, которые в большинстве случаев фактически не будут иметь места: явная нравственная распущенность лица, с которым несовершеннолетний хочет вступить в брак, или опороченность этого лица по суду⁴. Если такой сирота — расточитель, совет не может наложить на него запрещения, ибо «это основание (расточительность) оставило бы слишком много места для произвола: напр., семейный совет, составленный из аристократов, постарался бы наказать горячего патриота, страстно преданного свободе и счастью своего отечества, признавая за

расточительность жертвы, которые ему посчастливилось бы принести на благо общества»¹.

Всеми этими правами родители пользуются только в интересах детей. Как только последние перестают нуждаться в защите, власть родителей прекращается, и дети, достигнув совершеннолетия, могут сами осуществлять свои права². Отецеская власть писаного права уничтожена. Законодательное Собрание устанавливает совершеннолетие не в двадцать пять лет, как предлагал Мюрер от имени Законодательного Комитета, а в двадцать один год, согласно предложению Дюкастеля³. Приблизительно в этом возрасте человек признавался совершеннолетним наиболее либеральными кутюмами. Законодательное Собрание не могло отставать от Парижского кутюма⁴. В отличие от монархического законодательства⁵, революционеры признают только одно совершеннолетие: полное гражданское совершеннолетие в двадцать один год; сыновья и дочери могут осуществлять все свои гражданские права, вступать в брак без согласия своих родителей, обязываться без последующей реституции по причине убыточности⁶. И эта полная гражданская правоспособность совпадает с политической правоспособностью: в двадцать один год каждый становится одновременно человеком и гражданином; благодаря браку, который эмансипирует, гражданское совершеннолетие может наступить даже раньше установленного законом возраста. Однако, и с достижением совершеннолетия дети обязаны почитать и уважать своих родителей; поэтому, по проекту Кодекса 1793 года, они должны до вступления в брак испросить одобрения родителей; но «если они не получают его в трехдневный срок, то они считаются оправданными фактом своей просьбы,

¹ Безар (Bezar d. Exposé des motifs qui ont déterminé les bases adoptées pour les tutelles, etc. ADXVIII c. t. 325).—Первый проект Кодекса, кн. I, разд. IX, ст. 2, содержит только три повода для наложения запрещения: безумие, бешенство, слабоумие.

² Декрет от 20 сентября 1792 г., разд. IV, ст. 2; от 28 августа 1792 г.—Ланжюина, Доклад и проект декрета, разъясняющего ст. 2 разд. IV закона 20 сентября 1792 г., устанавливающего совершеннолетие в 21 год (от имени Законодательного Комитета Конвента) ADXVIII, c. t. 325.—Разъяснительный декрет 31 янв.—1 февр 1793 г. Duvergier, t. V, p. 166.

³ Мюрер был сторонником совершеннолетия в 25 лет, но предлагал предоставлять гражданам, достигшим 21 года, право вступать в брак без согласия родителей. Это было положение, как раз обратное прежнему законодательству — Дюкастель, Вуазэн требуют одного совершеннолетия в 21 год. «Moniteur», XIII, 438; см. наказ Вуавра (Мэн), Bellez, IV, 336: «Чтобы кутюмы, допускающие совершеннолетие детей только с двадцатипятилетнего возраста, были реформированы с тем, чтобы всякий, достигший двадцати одного года, мог пользоваться и располагать своей недвижимостью».

⁴ Кутюмы Парижа, Орлеана, Анжу, Мэна определяют совершеннолетие в 21 год.

⁵ В старом законодательстве имелось 1° совершеннолетие обычного права и 2° совершеннолетие, установленное ордонансом (в 25 лет).

⁶ Первый проект Кодекса, кн. III, разд. I, ст. 15: «Закон не допускает реституции только по причине убыточности даже в отношении недвижимости».

¹ Id., ст. 16 и 17.

² Декрет 20 сент. 1792 г., разд. IV, отл. I, ст. 2—3.—Первый проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. II, ст. 6.

³ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. VIII, ст. 14 устанавливает эмансипацию с шестнадцатилетнего возраста, — брак эмансипирует по праву, разд. V, ст. 8.—С шестнадцатилетнего возраста устанавливается полная гражданская дееспособность, разд. V, ст. 9.—Во Втором проекте Кодекса (1794 г.) — уже с восемнадцати лет, а не с шестнадцати.—Родители пользуются имуществом до совершеннолетия детей: это как бы возмещение за те заботы, которыми они окружали детей до этого времени.

⁴ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. II, ст. 11—13.—Декрет 7 сент. 1793 г.

которой в этом случае бывает достаточно»¹. Это обязательство может показаться слишком легко выполнимым, но в тот момент оно отвечало потребностям жизни, которая шла более ускоренным темпом: гражданин, призываемый на защиту границ государства от неприятеля и желающий жениться, не должен был наталкиваться на непреодолимые в короткий срок препятствия для своего брака.

Итак, нет более исключительной отцовской власти, абсолютной и неопределенной по своей продолжительности. Прежнее писаное право упразднено. Повсюду установлены пределы и ограничения с целью обеспечить свободу и равенство.

III

Значит ли это, что эти реформы действительно представляют нечто новое? Ничуть. Совершеннолетие, наступление его в двадцать один год, власть матери наряду с властью отца—все это традиции обычного права. Семейный трибунал или принудительный третейский суд—тоже весьма древний институт, который встречается в совершенно организованном виде в провансальском статуте 1491 года, откуда его и заимствовало Учредительное Собрание², и который тщетно пытались ввести, хотя бы частично, королевские ордонансы XVI века³. Семейный совет ограничивающий принадлежащее отцу и матери право наказания, имеющий полномочия в установлении опеки над членом семьи, в объявлении отделения имущества жены, в назначении опекуна над несовершеннолетним, потерявшим родителей, дедов и бабок, в указании нотариуса, у которого будут продаваться имения, принадлежавшие кому-либо нераздельно с несовершеннолетними,⁴—все это только расширение, правда, очень значительное, компетенции тех советов родственников, которые знала практика двух последних веков перед революцией⁵.

¹ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. II, ст. 4—5.

² Merlin, Répert., t. II, p. 48 (V^o Arbitrage). Здесь Мерлен говорит, что Учредительное Собрание следовало за статутом Прованса 1469 и 1491 г.—Ср. статут 1491 г. у Julien, Nouv. Comm. sur les statuts de Provence, t. I, p. 352. «Будут подлежать третейскому суду родители, свояков и свургов сеньеры и их люди и подданные, университеты и частные лица... ради общей пользы страны, чтобы ограничить предосудительную привычку к тяжбам, от которой происходит большая вражда и которая вызывает издержки со стороны нескольких добровольных защитников».

³ Ср. Мерлен, *ibid.*, стр. 47. Ордон. августовск. 1560 г.; ордон. Moulins, ст. 83; орд. январск. 1629 г., ст. 152. Neugus отмечает, что эти ордонансы не исполняются и что судьи лишь с трудом соглашаются потребовать, чтобы стороны сговорились о посредниках для решения их тяжб.—В Провансе обычай внес ограничения в третейский суд родственников. Julien, t. I, p. 355.

⁴ Декрет от 7 мессидора II года (25 июня 1794 г.) Duvergier, VII, 246.

⁵ В старом праве опекуны назначаются судьями с согласия родственников и друзей несовершеннолетних.—Для вступления в брак нужно согласие опекуна, основанное на мнении собрания родственников, выраженном в присутствии судьи, назначившего опекуна; ст. 12 февральской декларации 1743 г. Isambert, XXII, 159.

Но если семейное право революции образовалось только из элементов предшествующих эпох, то оно все же остается очень оригинальным благодаря гармоничному сочетанию этих элементов и проникающему его духу философии. Отныне семья основана на свободе и скреплена любовью. Это уже не суровая и тиранническая общественная ячейка, отнимающая у индивида его инициативу и его волю, но это также и не узкий кружок, состоящий из отца и матери семейства с их детьми; это собрание всех близких родственников, особенно дедов и бабок¹, и даже, в случае надобности, друзей. Революционные законодатели стремятся уничтожить древнюю семью, всецело зависящую от отца, и установить вместо нее такую семью, в которой власть поделена между отцом и матерью, и в которой обе главы контролируются довольно многочисленным собранием, решающим судьбу каждого члена семьи и все споры между ними. Уничтожая и запрещая на будущее всякие искусственные ассоциации, считая их опасными для государства, они расширяют и укрепляют единственную естественную ассоциацию—семью. Они хотят создать семейный союз, который, сохраняя за каждым членом его свободу и его ответственность, искоренил бы индивидуальный эгоизм, объединил родственников на почве любви и общих интересов и вызвал бы расцвет семейных добродетелей, которые способствуют развитию гражданской доблести и солидарности в условиях свободы. Такой институт представляется неожиданным в юридической системе революционеров, ибо вообще семейный союз слабеет по мере укрепления государства. Он явно химеричен, лишен прочного фундамента. Революционеры сделали, несомненно, смелую, но утопическую попытку превратить семейную власть из монархической, какой она была прежде, в коллективную, подобно политической, создать из семьи маленькую республику, в которой каждый из родственников пользуется равными правами, и восстановить древние институты, вроде семейного трибунала, умаляющего юрисдикцию государства. Подобные союзы могли быть жизненными на севере Франции в эпоху, когда ближайшие родственники жили вместе или рядом друг с другом, когда дух солидарности, который всасывался, можно сказать, с молоком матери, ежедневно возрастал благодаря соседству и взаимной поддержке. Но в конце XVIII века, когда разбросанные в разные стороны члены семьи жили часто в полной взаимной отчужденности или даже становились соперниками друг для друга, уже нельзя было рассчитывать на их активное сотрудничество в общем для них вопросе. Для многих новый трибунал с его многообразными функциями должен был казаться источником тяжелой принудительной повинности. Ведь прочная солидарность семьи является преимуществом обществ

¹ В отношении опеки дедушки и бабушки имеют привилегии. Они являются «естественными опекунами» и не нуждаются в согласии родственников. Первый проект Кодекса, кн. I, разд. VIII, ст. 2—4.

относительно мало культурных или классов, тесно связанных с землей.

Впрочем, революционеры не обманывали себя относительно того, насколько действительны будут их законы. Они отлично сознавали, что для преобразования семьи, так же, как и для реформирования государства, надо прежде всего преобразовать самого человека; надо сперва очистить и омолодить источник наших мыслей и действий, чтобы могли воцариться свобода и справедливость. Они стремятся увеличить роль воспитания, внедрить в сознание молодых людей, наряду с понятием гражданской свободы, также чувство сыновнего долга и оживить его путем организации конкурсов на национальную премию¹. Но это только неясный проект, и предлагаемые средства, повидимому, не соответствуют величии цели. Да и вообще, какая государственная власть была когда либо в состоянии путем принуждения или убеждения произвести эту моральную реформу, от которой всецело зависит все значение и вся сила общественных установлений?

Отдел третий

Введение в семью новых членов

Семья, хотя и организованная на более широких началах, остается все же замкнутой ячейкой, пополняемой лишь путем законных рождений. Революционные законодатели раздвигают ее рамки для новых элементов, призванных реформировать ее в интересах общества.

Они действительно заинтересованы в увеличении населения и дроблении состояний. В момент, когда защита родины поглощает тысячи молодых и сильных граждан страны, цвет нации, когда земледелие более, чем когда либо, нуждается в рабочих руках, необходимо принять меры, чтобы не погибнуть, подобно античной Греции, от недостатка мужчин. В государстве, где некоторые классы имеют почти все, а другие ничего, необходимо, чтобы богатства были возможно более раздроблены и как можно лучше распределены. Все, что способствует достижению этой цели, естественно согласуется с системой революционных законодателей. Поэтому они стараются расширить семью введением в нее лиц, до тех пор оставшихся ей вполне чуждыми, и предоставить большему числу людей возможность принести пользу республике

¹ Берлие, «Речь и проект закона об отношениях, которые должны существовать между детьми и родителями взамен прав, известных под именем произвола отеческой власти», ADXVIII с. t. 325.—См. конец: «Способы заменить установлениями нравственного порядка самые широкие полномочия отеческой власти»: «Но, предоставив достигшему совершеннолетия право заключения договоров и даже вступления в брак независимо от согласия отца и матери, вы должны сделать так, чтобы он имел право действовать во всех случаях своей жизни только в согласии с ними». «Этого результата вы достигнете путем наград от имени нации...»

и увеличить в ней количество детей. В их распоряжении имеются два способа: во-первых, усыновление, которое они заимствуют из римских законов; затем возможно более полная ассимиляция незаконнорожденных детей с законными, которой они не встречают ни в одном законодательстве, но которую подсаживают им их философские принципы и их социальные теории.

I

Конвент считает, что усыновление должно быть полезным для республиканского строя институтом, и с этой целью он устанавливает его. Все согласны с тем, чтобы сделать из него орудие для разделения имуществ. Но по вопросу о главных положениях, которые надо облечь в форму декрета, члены Законодательного Комитета не приходят к соглашению. 4 июня 1793 года Комитет в лице Азема представляет Конвенту проект по этому вопросу¹. Неимеющий детей имеет право усыновить кого-нибудь; для этого он может избрать даже совершеннолетнего, с условием, чтобы между ними была разница в возрасте в пятнадцать лет, но усыновляемым может быть только ребенок из бедной семьи «батраков, ремесленников или еще кого-либо из неимущего класса». Усыновление является средством распространить на бедных блага богатых, которые не имеют детей, но желали бы их иметь.

Два месяца спустя, когда Комитет представляет Конвенту проект гражданского Кодекса, эта система уже оказывается измененной. Это уже не проект Азема, но проект Берлие и Удо, и Берлие получен доклад о нем². Право усыновления принадлежит уже не исключительно лицам бездетным, но и отцам семейств³, и если они будут им пользоваться, то это будет благодеянием для общества. Ибо усыновление ведет к дроблению имуществ, а это и должно быть его главной целью; кроме того, дети, зная, что их отец может приобрести других детей этим искусственным способом, станут лучше, а если и не станут, «то обществу нечего опасаться того, что к ним присоединят несколько отпрысков бедных семейств»⁴. Усыновляющие уже не обязываются ограничиваться в выборе детей только неимущими классами. Но есть основание опасаться, что многие богатые люди будут усыновлять лишь одного ребенка с целью получить единственного наследника и тем избежать дробления своего состояния между законными наследниками; поэтому права усыновленного на наследство усыновляющего ограничиваются капиталом, который дает годовой доход не более чем в 300 квинталов пшеницы⁵. Усыновление,

¹ Michel A z é m a, Rapport et projet de décret (4 juin 1793). ADXVIII с., t. 325.

² Берлие, Об усыновлении.—Удо, О принципах законодательства о браке и об усыновлении.—Берлие, Краткое изложение мотивов, определивших основные положения об усыновлении в проекте гражданского кодекса, ADXVIII с., t. 325.

³ Первый проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. VII, ст. 3.

⁴ Berlier, Exposé sommaire des motifs, p. 2.

⁵ Первый проект Гражданского Кодекса, кн. I, разд. VII ст. 19.

имеющее целью дробление имуществ, не должно содействовать их концентрации. Наконец, усыновлять можно только недостижных зрелости: это мера предосторожности против совершеннолетних, которые могли бы обмануть доверие стариков и ограбить семью¹. Итак, все сводится к одной цели—«достичь, не вызывая сильной ломки, дробления крупных состояний» для блага демократического государства².

Институт усыновления может быть построен как на юридическом, так и на политическом основании. Усыновление, организованное на юридических началах, имеет своей задачей дополнить дело природы, которой оно и следует; в этом случае только бездетные могут приобретать детей этим путем; усыновленные должны быть всегда достаточно молоды, чтобы они могли считать своих приемных родителей за родных, привязаться к ним и проникнуться к ним истинной любовью; иных основных условий здесь быть не может. При организации же на политических основаниях усыновление регулируется положениями, как раз обратными тому, что предписывается самой природой этого института,—произвольно установленными правилами; ограничивающими свободу в виду особых интересов. Законодательный Комитет и Конвент организуют усыновление, основывая его не на юридических понятиях, но согласно своим политическим и социальным соображениям.

II

Еще больше видоизменяет строй семьи включение в нее детей, рожденных вне брака.

Закон и нравы считали незаконнорожденных как бы отверженными. Для них не существовало семьи. Они не могли ни на что претендовать со стороны своего отца и даже, обычно, со стороны матери. Даже если отец их признавал своими, они оставались в приниженном положении, из которого могли выйти только по вступлении в брак виновников их рождения. Правда, отыскание отца судебным порядком разрешалось, но оно имело целью только получение средств на покрытие расходов матери, связанных с беременностью и рождением и на пропитание ребенка. Незаконнорожденные не имели прав на наследство и сами ничего не передавали по наследству: их имущество, подобно пустующим землям и выкинутым морем предметам, переходило в обладание сеньеров или короля³.

¹ Id., ст. 4.

² Камбасерес, Доклад, предпосланный первому проекту гражданского кодекса: «Вам принадлежит слава восстановления этого прекрасного института, естественно связанного с конституцией республики, ибо он без всяких потрясений приводит к разделу крупных состояний».

³ Gu y o t, Répertoire, т. II, v° Bâtards: id., т. VIII, р. 338. О действиях, вызванных беременностью девушек.—Хорошее резюме у A r g o u, Instit. au droit français, т. I, рр. 76—82.

Влияние философии и постепенное смягчение нравов сказались и в этом вопросе, и старое законодательство подверглось сильным нападкам. Если одни отвергали установление отцовства, как процесс, не обеспечивающий достоверности, связанный со скандалом и могущий подорвать уважение к почтенным людям, ставшим жертвой интриг бессовестных женщин, то другие, впрочем, очень немногие, предлагали, подобно Робеспьеру¹, улучшить положение незаконнорожденных, в то же время не предоставляя им семейных прав, и вообще согласовать правовые нормы с уровнем нравственных понятий.

Некоторые наказания 1789 года выражали желание, чтобы традиционная суровость в этом вопросе была смягчена, чтобы имущество незаконнорожденных не рассматривалось больше как бесхозяйное и годное только для увеличения королевских или сеньеральных владений и чтобы, по примеру практики иностранных государств, в частности Имперских Владений, им было предоставлено «гражданское и политическое бытие», «так как французская нация не должна уступать в гуманности никакой другой»².

Эти пожелания не высказывались достаточно единодушно, чтобы они могли привлечь внимание Учредительного Собрания, которому предстояло уничтожить для возрождения Франции столько институтов политического и социального неравенства. Но за пределами Собрания раздался голос в пользу незаконнорожденных. Удивленный молчанием Учредительного Собрания, Пёше³ напомнил, что имеется еще одна общественная группа, которую надо освободить. Он составил проект закона о внебрачных детях. Внебрачный ребенок должен иметь все семейные права в отношении матери и даже отца, если он желает его признать. Если, может быть, трудно примирить покой домашнего очага с уравнением законных и незаконных детей женатого человека, то вполне легко устранить различие между законными и внебрачными матерями и предоставить каждому человеку одинаковые права, независимо от гражданского положения женщины, которая произвела его на свет. Это необходимо с точки зрения гуманности и желательно в интересах дробления имуществ. Лешапелль⁴ огласил в представле-

¹ Робеспьер, Речь произнесенная в Аппарской Академии 27 апреля 1786 г. Ср. H a m e l, Hist. de Robespierre, t. I-er, pp. 58 et 59.

² Третье сословие Третье и Ланжюна, А. Р., IV, 76;—третье сословие Дияна, id., III, 149;—Сенеш. Сен-Бриек, id., V, 632 требуют, чтобы имения незаконнорожденных не переходили больше к сеньерам, а передавались приходским фабрикам или благотворительным учреждениям на нужды бедных.—Община Аллена и Варнега в Провансе, А. Р., VI, 242 et 441, art. 14.

³ Ср. две статьи Пёше, «Moniteur» V, 20 et VII, 200 (2 juillet 1790 et 24 janvier 1791).

⁴ А. Р., XXIV, 497, ст. 15. «Права законных детей будут неоспоримы, если будут оформлены их гражданские права или когда будет установлено, что их отец и мать жили фактически на положении мужа и жены, и в этом случае от детей не требуется представления доказательств брака родителей. Но тем, которые фактически не пользуются положением законных детей, будет разрешено приобрести права законных, путем представления доказательств или документов о фактическом браке их отца и матери». Мартиньо: «Мужчина и женщина през-

ном им от имени Комитета проекте статью, которая стремилась ни больше, ни меньше, как к предоставлению новых прав незаконнорожденным и к разрешению им отыскивать судом виновников их рождения. Но это предложение подверглось жестокой критике и провалилось вместе со всем проектом. В Законодательном Собрании 25 марта 1792 года г-жа Гранвиль, подобно Пеше, просит в своей петиции об издании закона, который разрешал бы незаконнорожденным детям получать наследство от матери и причислять универсальные легаты¹. Затем один из членов Законодательного Комитета, Леонар Робэн, предлагает предоставить им в наследстве их отца и матери право на половину того, что они получили бы, если бы были законными детьми, в то время как детям, происшедшим от прелюбодеяния кого-либо из супругов, давать только алименты². Законодательное Собрание, занятое секуляризацией гражданского состояния, не имеет времени для рассмотрения этого вопроса. Лишь Конвент освобождает, наконец, эту многочисленную, всюду растущую категорию лиц от тирании предрассудков и материальных расчетов. 7 марта 1793 г. он поручает своему Законодательному Комитету представить ему проект декрета о внебрачных детях³. 4 июня Камбасерес представляет соответствующий доклад. Он ходатайствует о том, чтобы эти дети наследовали своим родителям, если последние их признают. Этого требуют природа и «обязанности отцовства». Но не следует уравнивать внебрачных и законных детей, надо уважать «институт брака и оказывать ему преимущества». Кроме того, справедливость требует установить некоторое различие между самими незаконнорожденными, в зависимости от того, родились ли они до или после законных: родившиеся прежде получают половину доли законного ребенка; родившиеся после — получают только треть. Если же незаконные дети конкурируют с восходящими наследниками, они получают половину наследства. Таким образом, «проявляя подобное внимание, щепетильность и добросовестность в этом вопросе, законодатель окружит брак своего рода почетной гвардией». Здесь философское начало умирится правовым. Камбасерес сохраняет демаркационную линию между законной семьей и естественным продолжением рода⁴. Но его коллеги по Законодательному

Комитету, особенно Берлие¹, хотят пойти дальше, и Камбасерес в конце концов следует за ними. 4 июня Конвент декретирует в принципе, что незаконнорожденные дети являются наследниками после своих отца и матери². Проект Кодекса, представленный 9 августа 1793 года, содержит статьи, регулирующие впредь положение незаконнорожденных детей, и статьи приложения, имеющие целью предоставить им пользование благами нового закона с 1789 года. Система Комитета изменилась: здесь уже нет демаркационной линии между законными и внебрачными детьми, это уже полное их уравнивание; а Камбасерес, такой умеренный 4 июня, доходит до того, что в новом докладе заявляет: если бы он должен был изложить только свое личное мнение, он бы добавил, что «все дети без различия», даже происшедшие от адюльтера и кровосмешения, «имеют право на наследство тех, кто дал им жизнь»³.

Дети, рожденные вне брака, имеют одинаковые с законными детьми наследственные права. Законодательный Комитет и Конвент провозглашают полное их уравнивание в правах. Но вот каковы условия, на которых они ими пользуются. Во-первых, надо, чтобы незаконнорожденные дети не были плодом ни адюльтера, ни кровосмешения. Вопреки Камбасересу, который охотно предоставил бы им пользоваться благами закона, Законодательный Комитет полагает, что «это недопустимо при наличии уважения к нравственности, верности в браке и общественным требованиям приличия»⁴; и он постановляет, что дитя прелюбодеяния, зачатое в момент, когда отец был связан браком, может быть признано только в том случае, если по расторжении этого союза отец женится на матери до рождения ребенка⁵; это предложение ставило условием расторжение первого брака и заключение нового в очень короткий промежуток времени между зачатием и рождением и фактически равнялось отказу в признании, если только отец не прибегнет к разводу для узаконения ребенка. Конвент, найдя его слишком неясным, или, быть может, слишком строгим, вернул его в Комитет для пересмотра⁶. Во-вторых, необходимо, помимо признания этих детей матерью, также публичное признание их отцом в присутствии должностного лица⁷; и это признание должно быть

яют в Париж и поселяются в нем на положении мужа и жены; соседи, не зная их, полагают, что они состоят в браке; но если через год или полгода мужчина умрет и оставит жену беременной, думаете ли вы, что ребенок, родившийся от этого сожителства, имеет право требовать наследство отца?».—«Это было бы равносильно подрыванию всех основ общества. Я настаиваю на том, что вы не вправе декретировать эту статью».

¹ «Moniteur», XI, 727.

² ADXVIII c., t. 192.

³ Duvergier, V, 232. В законодательном Комитете уже обсуждался этот вопрос; 2 и 23 марта 1793 года Камбасерес сделал в Комитете доклад о внебрачных детях. 23 марта Берлие произнес там же речь и представил проект декрета. Arch. nat. DIII, 380.

⁴ Доклад (4 июня 1793 г.). Bibl. nat. Le³⁸ 272.

¹ Мнение Берлие, Bibl. nat. Le³⁸ 274.

² Duvergier, V, 389.

³ Камбасерес, Новый доклад о статьях приложения, ADXVIII c. 325, pièce 6.

⁴ Камбасерес, цит. Новый доклад.

⁵ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. IV. ст. 9.—Замечания Удо по поводу ст. 9 раздела IV, ADXVIII c. 325.

⁶ Procès-verbal de la Convention, 24 août 1793. Двое из депутатов требовали, чтобы ребенок, родившийся от адюльтера, мог быть признан даже после его рождения или узаконен последующим браком.—Петиции в пользу детей адюльтера: два письма на имя Камбасереса (июнь 1793 г.). Arch. nat., DIII, 380: (Приложение).—Речь Плабо, «Moniteur», XVII, 737.

⁷ Первый проект Кодекса, кн. I, разд. IV, ст. 8.

добровольным; дети не имеют никаких законных способов добиться его; отыскание отцовства воспрещается¹, за исключением уже начавшихся процессов² и в тех случаях, когда по прежнему праву оно допускалось. Ибо, по мнению законодателя, было бы слишком легко создать презумпцию отцовства, которого фактически не было, и тем посеять в семье раздор, вызвать скандал и лишить наследников части их родовых имуществ. Таким образом, чтобы внебрачный ребенок мог воспользоваться благами нового закона, надо, чтоб он не был плодом адюльтера и был признан отцом и матерью. Следовательно, права, которые Кодекс предоставляет незаконнорожденным детям, он тут же берет частично назад. Но в виду того, что Гражданский Кодекс хотя и был декретирован, но не вошел в силу, а между тем необходимо было немедленно урегулировать положение внебрачных детей, родители которых уж умерли, статьи приложения были отделены от Кодекса и, по внесении некоторых изменений, приняли форму декрета 12 брюмера II года (2 ноября 1793).

Этим декретом устанавливались две различные категории внебрачных детей: те, отцы и матери которых умерли в промежутке между 14 июля 1789 года и 2 ноября 1793, и те, родители которых умрут после 2 ноября 1793 года.

В отношении первых закон имеет обратную силу: он дает им право на наследства, открывшиеся с 14 июля 1789 года и положение которых большей частью было уже урегулировано³. Но тут прежде всего надо попытаться по возможности успокоить волнение, которое вызовут в семьях их требования. Отсюда ряд переходных мер. Закон запрещает внебрачным детям пересматривать уже произведенные разделы и разрешает получить только причитающуюся им часть в имеющихся еще свободных долях⁴. Он разрешает родственникам по боковой линии, которые уже приобрели наследства, удержать из них шестую часть, за вычетом всех расходов, без ущерба для благоприобретенных прав третьих лиц и прав кредиторов под залог недвижимости⁵. Затем, так как

¹ Ibid., кн. I, разд. IV, ст. 12.

² Декрет от 4 плювиоза II года (23 января 1794 г.) Duvergier, VII, 15: «Конвент переходит к порядку дня, мотивируя это тем, что закон не имеет обратной силы».

³ Некоторые находили, что обратное действие этого закона простирается еще недостаточно далеко. См. Procès-verbal de la Convention, заседание 24 августа 1793 г. Один из членов высказывается за то, чтобы срок 14 июля 1789 г., установленный этой статьей, был отодвинут еще на 30 лет назад. Ср. различные петиции: «Если у вас хватило справедливости довести действие закона до этого момента, то не диктует ли вам сама природа, что, углубляясь в более отдаленные времена, вы обеспечите существование большому числу лиц, находящихся уже в зрелом возрасте и могущих основать полезные для республики учреждения?» Петиция внебрачных детей из Лаграва (Верхней Гаронны) 10 сент. 1793 г. Arch. nat., DIII, 88.

⁴ Декрет от 12 брюмера II года (2 ноября 1793 г.), ст. 3, 5, 6, Duvergier, t. VI, 331.

⁵ Id., ст. 4 и 7.

эти внебрачные дети уже не могут надеяться на признание их отцом, им разрешается заменить его доказательством «воих гражданских прав «при помощи публичных или частных записей отца или ссылки на непрерывные заботы его в качестве отца об их содержании и воспитании»¹. Это переходная мера, чрезвычайно благоприятная для детей, рожденных вне брака. Здесь Конвент следует прежней судебной практике и достигает гораздо более значительных результатов: доказательство отцовства связывается уже не только с предоставлением алиментов, но и с обеспечением полностью наследственных прав.

В отношении незаконнорожденных детей, которые будут конкурировать в наследовании после 12 брюмера II года, закон отсылает к положению будущего Гражданского Кодекса². Но так как этот Кодекс не обнаружится ни при Конвенте, ни при Директории, то лишь Кодекс эпохи консульства устанавливает права этих детей. А он гораздо менее благоприятен для них, чем декрет Конвента для их предшественников. Получился странный и неожиданный результат. Внебрачные дети, потерявшие своих родителей между 1789 и 1793 годами, оказываются в гораздо лучшем положении, чем те, которые их потеряли после 1793 года. Установление прав первых было отсрочено только на несколько месяцев: от 4 июня до 2 ноября 1793 года; они воспользовались законом, получившим обратную силу на четыре года назад, правами, равными правам законных детей, или пятью шестыми наследств, причитавшихся родственникам по боковой линии, наконец—просто возможностью установить свои гражданские права. Вторые же прождали уже не пять месяцев, а десять лет: они получают уже только третью часть доли законного ребенка, если они конкурируют с законными детьми, и три четверти наследства, если конкурируют с боковыми родственниками; они не могут ни доказать своих гражданских прав, ни возбудить дело об установлении отцовства; от них требуется добровольное признание их отцом, и при том налицо должен быть подлинный акт этого признания³.

Другая странность заключается в следующем: закон 12 брюмера представляет внебрачным детям право наследовать отцу и матери и родственникам по боковой линии, но не деду и бабке; кроме того, он разрешает им наследовать их боковым родствен-

¹ Id., ст. 8.

² Декрет от 12 брюмера II года, ст. 10.

³ Трибуналы предоставили внебрачным детям наследство их деда. Кассация 4 фримера III г., 12 плювиоза VIII г., «Journal du Palais», I, 79, 586.—Другие отдали наследство таким внебрачным детям, отцы которых умерли после 12 брюмера II г. и удовлетворились при этом простым доказательством наличия у них гражданских прав; трибунал Эры и Дуары нашел достаточным доказательством письмо, написанное неким Банесом девице Лепеньё, в котором он называл ее «добрым другом» и рекомендовал «заботиться о том, что она носила». Кассировано 24 прерияля VII г., «Journal du Palais», I, 411;—4 плювиоза VIII г., id., I, 582.

никам в будущем, а отцу и матери только за годы, протекшие с 14 июля 1789 года. Отсюда непоследовательность, которая переходит в судебную практику. Незаконнорожденный ребенок не может никогда получить наследство ни от бабушки или дедушки, ни от отца, умершего после 12 брюмера II года; но он может получить наследство дяди, умершего после этой даты. Эти странности сбивают с толку гражданские суды, поэтому они очень свободно интерпретируют закон и выносят свои решения в противоречии с брюмерским декретом; но кассационный трибунал кассирует их без колебаний и заставляет точно применять закон Конвента¹.

Как бы то ни было, мы должны считаться не столько с тем, что члены Конвента сделали, сколько с тем, что они хотели сделать, не с результатом, но с принципами, которыми они руководствовались. Они хотели по возможности сгладить все социальные различия, связанные с законом и с предрассудками, а ведь самыми деспотичными были законы и предрассудки, тяготевшие над незаконнорожденными². Не стремились ли они поднять значение конкубината и умалить роль брака? Нисколько. Но они прежде всего считали, что внебрачный ребенок не должен быть невинной жертвой акта, которого он не совершал; во-вторых—что обязанности отца всегда одинаковы; если отец признал ребенка своим, он берет на себя и заботу о его прокормлении, воспитании, оставляет ему в наследство такую же часть своего имущества, как и ребенку, рожденному в браке. Прежнее законодательство не давало внебрачным детям никаких прав на наследство, но разрешало им искать судебным порядком виновников их рождения. Можно было представить себе законодательство, которое давало бы им одновременно наследственные права, равные правам законных детей, и разрешение доказать свое происхождение. Революционное законодательство избирает среднее решение. Оно изменяет прежнее законодательство, регулируя оба важнейших вопроса в обратном направлении. Оно предоставляет внебрачным детям одинаковые с законными детьми наследственные права, но запрещает им установление отцовства судебным порядком. В результате остаются все-таки две различные группы с неравными правами: 1-я группа законных и внебрачных, но признаваемых детей; 2-я группа непризнанных внебрачных детей и детей адюльтера и кровосмешения. Таким образом уменьшается только количество лишенных наследства, благодаря выделению тех, кто попал в группу привилегированных. Здесь дух философии сдерживался и умерялся юридическими началами.

¹ Из дальнейшего будет видно, какие затруднения были сопряжены с брюмерским законом и отсрочкой обнародования Гражданского Кодекса.

² Речь Шабо 20 сентября 1793 г. «*Moniteur*», XVII, 727; доклады Камбасереса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(1795—1804)

В период с 1789 по 1795 год гражданское право одушевлено великими философскими принципами революции: свободой и в особенности равенством. Начиная с 1795 года дух философии все более и более уступает юридическим началам, проникнутым уважением к традиции, склонным к установлению отличий и исключений. Обнаруживается стремление вернуться к прежним законам, чтобы восстановить авторитет в семье и власть в государстве, даже в ущерб равенству, а иногда даже, чтобы реставрировать остатки старого поземельного порядка и воскресить некоторые права государства, до сего отвергаемые. Постепенно на смену свободе, равенству, великодушию государства в отношении отдельных лиц—идут власть, неравенство, интересы фиска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТМЕНА ОБРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ

Революционное право ввело практику обратного действия закона. Деятели революции оставляют почву позитивного права и следуют естественному. Первое не знает ретроактивности закона; второе, в силу своей неотъемлемости от человека, может иметь такое далекое обратное действие, как только того пожелают. Да и вообще, что такое революция, как не огромный результат ретроактивности? По мнению Конвента, новое законодательство было идейно создано с 14 июля 1789 года; если фактически соответствующие законы не были изданы в этот же день, то виной этому надо считать неизбежную медлительность всякого человеческого творчества. Законодатель восполняет этот пробел, эту задержку путем придания законам обратной силы. Но такое объяснение нельзя было долго поддерживать. Разве принцип обратного действия законов не противоречит всякому законодательству вообще? Разве прежние законы не должны сохранять свою силу до того самого дня, когда они будут отменены новыми? Поэтому, как только революционное правительство было свергнуто, возникло всеобщее и растущее возбуждение в пользу отмены всех ретроактивных законов. После 9 термидора II года полился целый поток брошюр и петиций. С одной стороны, отцы и старшие сыновья; с другой—младшие сыновья и дочери.

Первые апеллируют к принципам. «Общество не может управляться только позитивным правом, а не естественным». «Подвергать гражданина наказанию за то, что он действовал сообразно положительному закону под предлогом, что он должен был знать о его противоречии принципам природы, это значит наказывать его за то, что он действовал как гражданин, это значит уничтожать цель и подрывать силу всякого законодательства вообще, это равносильно покушению на самое существование общества»¹. Нет, возражают младшие сыновья и дочери, нет ничего несправедливого в этой ретроактивности. Разве не все революционные законы имеют обратное действие? «Возрождение народа, нации и придание законам обратной силы,—это настолько связанные между собой понятия, что одно не могло бы ни существовать, ни быть понятым без другого»². В революционную эпоху ретроактивность законов не является более преступлением, но «мудрым и справедливым актом». Взять обратно законы о наследстве—значит восстановить во Франции две справедливости, погубить главное дело революции. Это равносильно порождению реституций и созданию взамен одной ретроактивности другой, произвольной по тенденции. «Нет, законодатели,—восклицают младшие сыновья,—вы справедливы и вы не сделаете ничего бесчеловечного. Когда все говорит в пользу младших сыновей: природа, идея справедливости, чувства благодарности, и когда к этим мотивам присоединяются еще наши победы, наши завоевания, страдания, труды, пролитая кровь, вы не откажетесь внять такому хору голосов»³.

Между тем, члены Конвента, заботясь о поддержании в целостности дела революции, противодействовали отмене ретроактивных законов. 5 флореаля III года (24 апреля 1795 г.) Мерлен де Дуэ выяснил подробно причины и побуждения, вызвавшие закон нивоза и открыл Собранию, что мысль об обратном действии этого закона до 14 июля 1789 года была внушена Эро де Сешелем, который должен был нажить на этом восемьдесят тысяч ливров; что Камбасерес и Тюрио были против этого закона и что Комитету стоило большого труда найти кого-либо из своих членов, который бы согласился изменить и исправить первоначальную редакцию декрета 5 брюмера⁴. Эта речь произвела, конечно, сильное впечатление, и в тот же день Национальный Конвент издал декрет о приостановлении всех вчиненных исков или процессов, начатых на основании обратного действия закона 17 нивоза о наследствах»⁵. Вопрос был вновь передан в Законода-

¹ ADXIII c. t. 326, pièce 36.

² Le dernier cri des cadets, id., pièce 30.

³ ADXVIII c. t. 326, pièce 33.

⁴ «Moniteur», XXIV, 307.—Этим членом Комитета был Берлине. О деле Эро см. «Journal des Débats» (5 flor. an III) n° 942. Против мнения Мерлена выступил Бертэн д'Ангийи, член уголовного трибунала департамента Парижа, ADXVIII c. 326, pièce 33, в конце.

⁵ Duvergier, VIII, 117.

тельный Комитет. 2 мессидора III года (20 июня 1795 г.) докладчик Ланжюинэ заклеил от имени Комитета ретроактивность законов о наследстве¹. Он назвал законы брюмера и нивоза с их обратной силой «настоящими аграрными законами, первым опытом в широко задуманной тираними системе». «Утверждают,—добавил он,—что это есть возврат к единственному праву; но если бы ради этого туманного выражения: «возврат к естественному праву»—было дозволено опрокинуть все положительное законодательство, которое регулировало до сих пор всякого рода соглашения между членами общества, определяло наследственный порядок, устанавливало взаимоотношения граждан, то кого из нас не привел бы в ужас тот хаос, в который нам предстояло бы ввергнуться?» «Говорят о естественном праве, не принимая во внимание, что естественный порядок устанавливается людьми»². Камбасерес утверждал тогда, что обратная сила закона «не применима, когда дело идет о первоначальном праве, о праве, которым мы обладаем от природы». Ланжюинэ, вооружившись истинно-революционной доктриной, признающей собственность и наследственный порядок результатом положительного общественного творчества³, умело опровергнул его положение, обнаружил противоречие авторов декретов II года с самими собой и ярко вскрыл отсутствие последовательности в системе, которая, основываясь на законе, оправдывала обратную силу закона возвратом к естественному праву. Что касается трудностей, которые должна была породить отмена закона нивоза, то об этом Ланжюинэ мало заботился. Прежде всего надо было исправить совершенную несправедливость⁴. На эту столь горячую речь взялся ответить Виллетар⁵. Зачем обездоливать младших сыновей-патриотов в пользу богатых старших братьев? Взять обратно ретроактивные законы—значит окрылить надежды контрреволюционеров. Конвент не должен возвращаться к тому, что уже было им сделано. «Идя в обратном по отношению к свободе направлении, вы превратите,—говорил он,—раздробленные законом 17 нивоза имущества в колоссальные состояния, безусловно бесполезные для свободы, а может быть, даже опасные для нее. Вы ограбите друзей вашего правительства, его защитников с тем, чтобы обогатить людей, некоторая часть которых—надо это признать—находилась в рядах его врагов, и возможно, что вы обратитесь имеющиеся у вас средства для достижения успеха в орудия для оказания вам сопротивления»⁶. «Эти столь благоприятные для нас законы вам стараются представить односторонними; вас заставляют смотреть на них, как на попытку провести аграрный закон.

¹ ADXIII c. 326, pièce 19.

² Ibid., pp. 5—8.

³ ADXVIII c. 326, p. 9.

⁴ Ibid., p. 14.

⁵ Ibid., pièce 21 (заседание 14 термидора III года—1 августа 1795 года).

⁶ Ibid., p. 10.

Но всем известно, что Конвент никогда не думал произвести аграрную революцию и раздел имуществ поровну между всеми. Это—химера, пугало, которым любят играть противники законов Конвента». Собрание было окружено интригами нормандских адвокатов, готовых на все, чтоб добиться отмены ретроактивных законов. К их усилиям присоединялись усилия контрреволюционеров, которым хотелось лишить устойчивости все законы и уверить нацию, что она не может рассчитывать на продолжительное существование дарованных ей законов¹. Несколько раз Конвент переходил к порядку дня, но, наконец, он сдался. 9 фрюктидора III года (26 августа 1795 г.) он издал, согласно докладу своего Законодательного Комитета, декрет, гласящий, что законы 5 и 17 нивоза II года имеют силу только с момента их обнародования². Но эти законы уже многократно проводились в жизнь. Декрет 9 фрюктидора в свою очередь имел ретроактивный характер. В виду того, что на основе декрета нивоза были совершены сделки, и отдельные лица были лишены своих имуществ, то декрет 9 вандемьера IV года (25 сентября 1795 г.) должен был урегулировать создавшееся положение. Согласно этому декрету лица, восстановленные в своих правах, должны принять обратно свои имущества в том состоянии, в каком они их найдут и не могут требовать никакого возмещения убытков³. Невозможно было идти дальше, не нарушив всех сделок, совершенных с третьими лицами. Таким образом декрет 9 фрюктидора поневоле пришлось ограничить. Таким путем был устранен из законодательства революционный принцип обратного действия законов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ 1795—1804 гг.

Отдел первый

Реакция против земельного законодательства революции

В результате революции собственность потерпела значительное потрясение; было совершенно ясно, что социальный смысл 1789 года заключается именно в революции в области поземельных отношений. В своем стремлении к справедливости революционное движение смело некоторые права, которые следовало пощадить, допустило в некоторых случаях смешение разных явлений, о котором пришлось пожалеть: сеньеральные институты были так сложны, что даже наиболее образованные и умеренные юристы, вроде Мерлена и Тронше, совершили ряд ошибок. Затем Законодательное Собрание и Конвент, желая уничтожить последние следы феодализма, дошли до того, что упразднили даже бесспорные права и заставили реальность отступить перед вероятностью. Но после 1795 г., когда стали подвергать анализу революционные законы и постарались обнаружить все их недостатки, то пожелали немедленно отменить все то, что обязано было своим существованием ошибкам и «подлой тирании террористов». Советом Старейшин, Советом Пятисот и Директорией руководило не столько чувство справедливости, сколько интересы государства. Правительство, более чем когда-либо, нуждалось в деньгах. Развивается фискальный характер управления; нравственные соображения государства исчезают перед материальными интересами его, неотложными и неумолимыми: все мельчает—и характеры, и политические нравы, все, кроме влияния Франции на весь мир. Государство живет благодаря финансовой изворотливости: оно продолжает добывать деньги при помощи продажи национальных имуществ, но покупателей становится меньше, и они хуже расплачиваются; этот источник доходов постепенно иссякает. Поэтому правительство производит подсчет всему тому, что оно могло потерять благодаря законам Учредительного и Законодательного Собраний и Конвента. Оно вычисляет все суммы, которые должны были к нему поступить,—сто двадцать миллионов от договорных рент и четыреста от поземельных рент, и оно требует всего этого, не заботясь о правах, приобретенных другими на это имущество.

¹ Из числа брошюр, собранных в ADXVIII с. 326, см. № 46, письмо парижского гражданина гражданину Руана, подписанное Angot (20 нивоза III г.).

² Duvergier, VIII, 304.

³ Duvergier, VIII, 354.

Во-первых, в период с 1789 до 1793 года революционные законодатели включили в группу договоров, подлежащих выкупу, те договоры, которыми не передавалось право собственности, а именно некоторые бессрочные договоры, представлявшие сьемщику только простое право пользования, вроде договора о винограднике, практиковавшегося в районе Нижней Лауры, и договора о бессрочной аренде в Лангедоке, а также договор на срок об отпуском владении, который несколько не влек за собой отчуждения земли. Это была первая несправедливость, которую необходимо было исправить.

Начать с отпуского владения. Закон 27 августа 1792 года передал право собственности на землю колону за определенную ренту. Затем, как будто этой несправедливости оказалось недостаточно, Конвент отменил безвозмездно эту ренту во всех случаях, когда в договоре заключался малейший признак феодальности, что влекло за собой простое и полное погашение обязательств большинства земледельцев Нижней Бретани. Директория, по обыкновению, в поисках денег направляет отношение в Совет Пятисот, предлагая ему «пересмотреть законы, разорившие значительное число отцов семейств и причинившие республике убыток, определяемый в сто двадцать миллионов в валюте 1790 года»; в дополнение к этому она прилагает докладную записку министра финансов¹. Вслед за тем упомянутые законы подвергаются обсуждению в обоих Советах. Лемере, докладчик в Совете Пятисот, ясно устанавливает, как это было сделано в свое время и Тронше в Учредительном Собрании, двойкий характер договора об отпуском владении, т. е. что он заключает в себе продажу на известный срок построек и отдачу в наем земли. Докладчик приходит к заключению, что в нем не содержится никаких феодальных элементов; в противном случае «можно всюду усматривать феодальность и при помощи этого замечательного открытия расторгнуть всякое соглашение»². Держателям отпусковых владений удалось в 1792 году присвоить себе землю на условии взноса простой ренты; затем закон 1793 года освободил многих из них от уплаты этой ренты, а что касается обязанных вносить ее, то «они дождались момента, когда падение ассигнаций дало им возможность получить большое количество их за безделицу; продав один квинтал пшеницы, они получали сумму, достаточную для выкупа ренты, равной четырем квинталам». Таким путем им удалось очень легко освободиться от своих обязательств. Боган не мог оставаться равнодушным к такой настойчивой критике закона 1792 года, который был его детищем. Он решил выступить

¹ Отношение Исполнительной Директории Совету Пятисот (15 мессидора IV г.) и препровожденная при нем Докладная записка министра финансов, Arch. nat., ADIV, 18. Договоры и аренды, t. 89. n° 18.

² Лемере, Доклад от 23 фримера V года, ADXVIII c. t. 391.

на защиту декрета Законодательного Собрания в форме настоящего трактата, в котором он очертил всю историю отпуского владения, все возрастающие вымогательства и злоупотребления сеньеров, вскрыл феодальный деспотизм, проявляющийся в договоре, который и по существу является вполне феодальным¹. Но Совет Пятисот, а вслед за ним и Совет Старейшин, заслушав десятков ораторов и своего докладчика Тронше², не задумался вернуться к законодательству Учредительного Собрания. Декретом 9 брюмера VI года (30 октября 1797 года) упразднился декрет Законодательного Собрания³. Совет Пятисот хотел пойти еще дальше: он объявил аннулированными все судебные решения, вынесенные в соответствии с декретом 1792 года. Это было равносильно введению обратной силы закона, со всеми вытекающими отсюда неудобствами. Надо было позаботиться об охране интересов третьих лиц, купивших землю у колонов, и Совет Старейшин понял это и отклонил решение Совета Пятисот (5 августа 1798 года)⁴. Но судебная практика была лишена единообразия: то суды аннулировали выкуны, произведенные колонами после декрета 1792 года⁵, считая закон VI года имеющим обратное действие, то, полагая, что новый закон не касался ранее произведенных выкупов, они сохраняли в силе результаты этих операций⁶. Держатели отпусковых владений энергично протестовали против декрета 9 брюмера VI года⁷. Совет Пятисот отклонил всякие возражения против него, а Директорией были приняты меры с целью ускорить вынесение судами решений в затянувшихся процессах⁸.

Кроме отпусковых договоров на срок, прения вызывают и договоры бессрочные, относительно которых законодатели 1789—1793 гг. установили, руководясь спорной и опротестованной доктриной, что они передают сьемщику право собственности. Два рода бессрочных договоров вызвали разногласия: договор о виноградниках и договор о бессрочной аренде (*bail à complant et bail à locatairie perpétuelle*).

¹ В заседании Совета Пятисот 25 плювиоза V года Боган подвергся жестокому нападкам. См. его ответ на них: *Bohan, Opinion*, 208 pp., ADXVIII c. t. 391.

² Тронше, Доклад (12 вандемьера VI г.) 74 стр., ADXVIII c. t. 451, и в том же томе речи всех ораторов в Совете Старейшин.

³ *Duvergier*, X, 106.

⁴ Декрет 18 термидора VI г. *Duvergier*, X, 382.

⁵ *Dalloz*, Repert. de Jurispr., tome XXX, pp. 530—531, v° Dom. cong., n° 6.

⁶ *Dalloz*, *ibid.*, v° Dom. cong., n° 5. Кассац. 16 июля 1828 г.: «Принимая во внимание, что закон 9 брюмера VI года отменяет без всякого объяснения и, следовательно, только на будущее закон от 27 августа 1792 г., и поскольку он не выносит никакого постановления о выкупах, произведенных согласно ст. 11 упомянутого закона, он сохраняет все последствия этих выкупов...»

⁷ Заседание 12 вентоза VII года, см. след. постановление.

⁸ Постановление Директории от 13 жерминаля VII г. (2 апр. 1799 г.). *Duvergier*, XI, 196.

Учредительное Собрание и Конвент, считая, что договор о бессрочной аренде заключал в себе передачу сьемщику права собственности на землю, и издав декрет о том, что повинности их подлежат выкупу, тем самым передали колону арендуемую им недвижимость в полную собственность. Но действительно ли этот договор передавал право собственности? Тронше утверждал это положение, а докладчик и почти все ораторы Совета Пятисот отрицали его. Демолэн и Пелэ де ла Лозер¹ поддерживали то мнение, что в этом договоре не было момента отчуждения и что Учредительное Собрание и Конвент совершили «массовую, беспримерную в истории экспроприацию»², разрешив арендаторам выкуп аренды. Поэтому Демолэн представил проект постановления, которое отменяло декрет 2 прериаля II года, а также статью 2-ю декрета 18 декабря 1790 года, хотя прямо оно о ней и не говорило. Но тут встречалось два затруднения. Во-первых, в Совете Пятисот выставлялись те же общие соображения, как и в Учредительном Собрании, их теория согласовалась с судебной практикой Лангедока, но противоречила практике Прованса. Законодатели не различали разницы договоров в этих местностях; следовательно, они совершали такую же громадную несправедливость, но в обратном направлении. Если они не хотели согласиться на два различных решения вопроса—одно для Лангедока и другое для Прованса, так как по общему признанию бессрочная барщина не могла существовать в системе республиканских законов, то у них оставалось два возможных решения: выкуп повинности, или отнятие земли у колона; надо было отобрать землю или у владельца, заключающего договор, или у держателя. В обоих случаях необходимо было—в отношении только сьемщиков Лангедока³—совершить несправедливость, и надо было избрать меньшую. Члены Учредительного Собрания и Конвента были настроены в пользу сьемщика, Собрания эпохи Директории стали на сторону владельца земли. Они ограбили бессрочного держателя Прованса наравне с держателем Лангедока. Они отобрали у него клочок земли, который обрабатывали он сам и его предки в течение веков и который принадлежал ему, как он, по крайней мере, думал, на правах собственности: теперь держатель оказывался простым арендатором, и арендодатель мог в один прекрасный день заменить его другим. Меоль и Сен-Мартэн⁴ стали в резкую оппозицию к проекту такого постановления. Они опирались на авторитет Тронше. Они доказывали, подобно ему, что «вечный узурфрукт—это варварское понятие»⁵, что нельзя представить себе права соб-

¹ Демолэн, Доклад 24 брюмера V г.—Пелэ, Мнение (12 нивоза V г.). Пелэ опирается на Бутарика: «В сущности, говорит Бутарик, это рассечение права пользования пополам...» ADXVIII c. t. 391.

² Pelet, Оришон, р. 7.

³ В отношении сьемщиков провансальских выкуп был необходим: альтернатива была бы в этом случае несправедлива потому, что они были собственниками.

⁴ Меоль, Речи; Сен-Мартэн, Мнение (12 нивоза V года), ADXVIII c. t. 391.

⁵ Известное выражение Тронше, приведенное Сен-Мартэном

ственности отделенным бессрочно от права пользования, наконец, что нет такого решения вопроса, которое не было бы сопряжено с неудобствами, и поэтому лучше держаться первого решения, которое начало уже проводиться в жизнь¹. Не взирая на эти разумные доводы, Совет Пятисот, увлеченный реакцией против предшествующего законодательства, упразднил декрет 2 прериаля II года о договорах о бессрочной аренде². Избегая одной ошибки, впади в другую.

С законами относительно договора о виноградниках дело обстоит иначе. Революционное Собрание не устанавливало никакого различия между договорами о виноградниках в различных местностях; они признали за этими договорами единообразный характер: по их мнению ими передавалось полное право собственности. Если это представление соответствовало праву и обычаям Ларошели и Шаранта, то оно противоречило практике Нантской области. В районе Нижней Луары государство было собственником виноградников; оно было заинтересовано в том, чтобы этот договор толковался лишь как простая передача права пользования. Центральное Управление департамента Нижней Луары объявило продажу виноградников, уступленных по договору этого рода. Покупщики были встревожены, так как арендаторы заявляли, что им принадлежит право собственности на виноградники. Тогда администрация и большое число владельцев виноградников обратились в Законодательный Корпус и представили засвидетельствованные акты, которые доказывали, что в этом департаменте договор о винограднике никогда не передавал права собственности на него арендатору. Докладчик комиссии Совета Пятисот указал на это Собранию в первый дополнительный день VI года³. Настало 18 брюмера, а декрет все еще не был издан. По докладу министра финансов, Государственный Совет высказал мнение о бесполезности предлагать Законодательному Корпусу закон по этому поводу: было очевидно, что этот договор, передающий право собственности в Ларошели, не передавал его в Нантской области; что касается области Нижней Луары, то там не арендатор, а арен-

¹ Сен-Мартэн, Оришон, р. 5. «Говорят, что законодатель не вправе вносить изменение в существующие договоры; в обычных условиях жизни—да, это верно; но это не верно, когда законодатель бывает призван сокрушить данный режим и заменить его как раз противоположным ему... Бессрочная аренда нетерпима с точки зрения принципов вашего нового законодательства; следовательно, изменение договоров, устанавливающих бессрочную ренту, неизбежно... Поневоле приходится наносить ущерб чьим-либо интересам. Законодатель остается лишь сделать выбор между двумя путями, из которых каждый представляет известные неудобства. Один из них более благоприятен для сьемщика, чем для арендодателя, другой—более благоприятен для последнего. Учредительное Собрание и Конвент оказали предпочтение арендатору. В настоящее время, когда система нарушена, когда противоположные законы были проведены в жизнь, вам предлагается стать на сторону арендодателя».

² Революция 17 термидора V года.—Декрет 9 брюмера VI г. ст. I.

³ Булэ-Пати из деп. Нижней Луары. Доклад его Bibl. nat. Le 43, 2335. Резюме этого доклада см. Merlin, Répert, v° Vigne, t. XXXVI, p. 155.

додатель обязан уплатить и действительно уплачивает поземельный налог, и этот характерный признак держания подкрепляется старинными договорами XVII и XVIII веков¹. Следовательно, нанный арендодатель снова вступил в свои права собственности, которых он был лишен, и государство, ставшее на место эмигрантов и духовных лиц, было восстановлено в правах.

II

Во-вторых, установив, что ренты по договорам, передающим право собственности, подлежат выкупу, революционные деятели постановили, что если только на них имеется хотя бы малейший след феодальности, то они уничтожаются. Интересы целого ряда владельцев поземельных рент, а особенно государства, серьезно пострадали при этом. Такова была вторая несправедливость, которую надо было исправить.

Отношение, в котором Директория предлагала Совету Пятисот пересмотреть законы, касающиеся отпущного владения, косвенно затрагивало вопрос и о поземельных рентах и закон 17 июля 1793 года². Совет Пятисот поручил финансовой комиссии представить ему об этом доклад. 18 вентоза V года Трейяр сообщил своим коллегам, что поземельные ренты, причитающиеся пации и получающиеся с прежних доманов церковных или эмигрантских имений, составляют более 20 миллионов дохода, или 400 миллионов капитала. И он предложил проект постановления, имеющего целью отмену законов Конвента от 17 июля и 2 октября 1793 года, в силу которых поземельные ренты, носящие малейшие признаки сеньериальности, оказывались отмененными безвозмездно³. Следовательно, Трейяр признавал, что предшествующие законы были несправедливы и что нужно их отменить. В термидоре следующего года новая финансовая комиссия занялась этим вопросом, и доклад был поручен Озёну⁴. На этот раз была принята уже иная система. Озён предлагает не отменить законы, а устранить ложное толкование их, которое допускалось до того времени⁵. Он пола-

гает, что Конвент не задавался целью нанести удар праву собственности, и он хочет, по его словам, лишь «представить способ проведения закона Конвента в жизнь». Это мнение, повидимому, возобладавало в Совете Пятисот и в Директории, несмотря на другую точку зрения Дюшена, ясно выраженную в его речи¹. Большинство стремилось вернуться к прошлому потихоньку, не говоря об этом слишком много, делая вид, будто правительство думает только очистить законодательство от ошибочного толкования. Но сторонники законов Конвента громко говорили о том, что происходит возврат к феодальному порядку, о смуте, которая вносится в деревню², между тем как другие, находя недостаточным проект Комиссии, требовали просто изъять закон 1793 года и все разъяснительные декреты и вернуться к декрету Законодательного Собрания от 25 августа 1792 года³. Совет Пятисот продолжал колебаться между тремя решениями. Прения возобновились 18 фрюктидора. Озён вновь изложил свою систему⁴. Совет передал вопрос в специальную комиссию, но тут наступило 18 брюмера. Правительство консульства не замедлило представить Законодательному Корпусу через посредство Ренье проект закона по этому вопросу⁵. Но трибуны были солидарны с резолюцией; Трибунал был прибежищем самых горячих защитников свободы и равенства. Как мог он благосклонно отнестись к проекту, который был способен только внести смуту в среду землевладельцев требованием от каждого плательщика поземельной ренты, уничтоженной семь лет назад, уплаты выкупа за нее на две трети звонкой монетой и на одну треть консолидированной государственной рентой? Тем более, что этот проект представлял собой шаг назад по сравнению с декретом Законодательного Собрания тем, что разрешал доказывать наличие этих обязательств путем представления или основного документа (*titre constitutif*), или двух сходных по содержанию актов признания (*reconnaisances*), либо актов о владении, либо документов, извлеченных из официальных книг. 26 вентоза VIII года в Трибунате имели место замечательные прения⁶. Трибуны говорили на языке разума, который деспот в один прекрасный день назвал «идеологией». Почти все ораторы

¹ Мнение Государственного Совета (от 4 термидора VIII г., 23 июля 1800 г.), *Duvergier*, XII, 260.

² См. также отношение от 4 термидора V г. (22 июля 1797 г.) «*Moniteur*», fol., t. XVII, p. 1239. Директория исчерпала уже почти все средства. «Ресурсы, которые можно извлечь из запреданных доманов, из нефеодальных земельных рент, еще не тронуты».

³ Проект резолюции комиссии финансов (18 вентоза, V г.), *AD XVIII c. t. 451*.

⁴ Доклад Озёна (14 термид. V г.) *AD XVIII c. t. 451*.—«*Moniteur*» fol., t. XVII, p. 1272 дает его, но не полностью.—Капитал, который составляло причитающиеся государству ренты, равняется 400 миллионам. $\frac{4}{5}$ его будут уплачены до 1 пивоза путем внесения в книгу государственного долга (*le grand livre*), а остальная пятая часть будет покрыта обязательствами, погашаемыми в монете (*en numéraire*) в два срока, через каждые шесть месяцев.

⁵ Озён нападает на трибуналы. Одни из них неправильно судили эти дела. «Другие лучше понимали дух закона, они сумели отличить феодальный элемент, который только и был действительно уничтожен, от чисто поземельного».

¹ В Совете Пятисот, ср. *Duprat*, *Opinion* (15 термид. V г.);—14 жерминаля V г.—Фабр де Лод уже поддерживал это мнение. *AD XVIII c. t. 451*. См. *Message du Directoire et rapport du Ministre des finances* (15 therm. an V). «*Moniteur*», fol., t. XVII, p. 1275: «Совет Пятисот провозгласил ту истину, что они (земельные ренты, а не феодальные) считались как бы погашенными лишь благодаря ложному истолкованию июльского закона 1793 г.».

² *Gay-Vernon*, *Motion d'ordre* (21 fructidor an V), *AD XVIII c. t. 451*.

³ *Duchesne*, *Opinion* (15 therm. an V), *ibid*.

⁴ 11 прернала VI г. «*Moniteur*» fol., t. XIX, p. 1019: «Востребуем земельные ренты... В некоторых департаментах они вносятся. Никакой закон их не отменял. Неужели мы будем считать их погашенными на том основании, что в некоторых департаментах, напр., От-Вьен, освободили себя от взноса их?»

⁵ Проект декрета (18 вентоза VIII г.) A. P., 2 série, t. I, 328. История вопроса, изложенная докладчиком Трибунала Дюшеном, *ibid*, 374.

⁶ *Ib.d.*, 434—448.

энергично восстали против проекта правительства. «Слишком часто,—говорил Симеон,—трудятся над обвинительным актом французской революции, этой необходимой, великой революции, несмотря на все связанные с ней несчастья, и без которой мы бы не создали и не сохранили республики»¹. Поэтому не следует вечно разрушать созданное ею дело. К ее справедливой миссии могли примешиваться несправедливые акты, но бывает несправедливость, «которая, раз она уже совершена, должна быть предана полностью забвению, потому что исправление ее причинило бы еще большее зло»². Принять проект, допускающий устное доказательство и акты признания, значит превратить всех заинтересованных граждан в сутяжников, «а общество в период этой гражданской борьбы было бы похоже скорее на разлагающееся государство, чем на правительство, восстанавливающее справедливость»³. Трибунал отклонил проект 59 голосами из 88⁴, а на следующий день (27 вентоза VIII года) консулы объявили Законодательному Корпусу, что они постановили взять обратно внесенный ими проект о поземельных рентах⁵. Правительство возвращалось к своему проекту в 1803, затем в 1805 году. Но Государственный Совет каждый раз высказывался против чаяний исполнительной власти⁶ и тем закрепил судебную практику, которая и прежде часто смягчала действие закона Конвента⁷. Таким образом, последовательные попытки эпохи директории, консульства и империи выступить против законодательства Конвента потерпели позорное крушение. Раз факт передачи права собственности состоялся, он не может быть взят назад как простой декрет. Бывают интересы и права, которые слишком значительны, чтобы какое-нибудь правительство могло покушаться на них безнаказанно.

III

Уже в эпоху директории замечается стремление пойти дальше и восстановить вечные невыкупаемые договоры, т. е. один из самых характерных видов договоров старого земельного порядка. 12 пивоза V года Пелэ де ла Лозер поддерживает перед Советом Пяти-сот то мнение, что необходимо было бы восстановить договоры о бессрочной аренде (*locatairie perpétuelle*), упраздненные Учре-

¹ Ibid., 438.

² Жилле из департ. Сены и Уазы, id. 441;—Пеньер, 435.

³ Пеньер, id. 435;—Симеон, 437.

⁴ A. P., 2-е série, t. I, 466.

⁵ Ibid., 447.

⁶ Мнение Государственного Совета, 30 плювиоза XI г. (19 февр. 1803) и 13 мессидора XIII г. (2 июля 1805 г.), Duvergier XIV, 118, XV, 265.

⁷ Некоторые приговоры апелляционных трибуналов и кассационного трибунала сохранили поземельные ренты, установленные теми же актами (*titres*), какие устанавливали ценз и другие сеньерiales права. J o h a n e t, Dissert. sur les rentes foncières, p. 55.—Arrêt Cass. 29 therm. an IV.—Arrêt Paris, 19 frim. an XI (Duvergier, VI. 26, note, colonne 2).

дительным Собранием. Они полезны для земледелия, и арендатор вовсе не является рабом, как это некоторые воображают: «он пользуется большей свободой и большими привилегиями, чем арендатор на срок». Он может «в полной мере развивать свою предприимчивость; он применяет наиболее желательные для него способы обработки»¹. Но это предложение случайно проскользнуло в прения по другому вопросу. Мысль о возвращении к прежним бессрочным договорам одевается в плоть и в кровь только в эпоху консульства. Юристы, представители Юга, стараются обеспечить ей победу. Уже в марте 1801 года Малевиль, член Кассационного Трибунала, один из редакторов проекта Гражданского Кодекса послал первому консулу докладную записку относительно договоров о поземельной ренте². Бонапарт придавал большое значение всем вопросам, касающимся земледелия и землевладения. Он передал проект в комиссию, составленную из государственных советников Трейяра, Жюливе и Дефермона. Но Государственный Совет отказался восстановить бессрочные договоры. В своем проекте мотивировки он говорит, что «это решение сообразуется с желанием нации». «Воскресить эти ренты,—говорит он,—значит внести смуту в общество». Первый консул велел поместить это мнение в Бюллетень законов без одобрения, выбросив из него слова: «сообразуется с желанием нации», которые предreshали вопрос, по которому он, конечно, еще не имел определенного мнения³. В заседании Государственного Совета 15 вентоза XII года (28 января 1804 г.), Камбасерес обратил его внимание на то, что имеется один вопрос, обсудить который необходимо до предстоящего в ближайшем будущем обнародования Гражданского Кодекса. Это вопрос о поземельных рентах. Прения открылись и были очень продолжительны⁴. Одни, как Пелэ де ла Лозер и Малевиль, настаивали на полезности бессрочных договоров. По их словам, земледельцы, не имеющие капиталов, необходимых для приобретения земли в собственность, смогут получить ее в пользование. С другой стороны, многие земледельцы, которые не могут жить на своей земле, только того и ждуг, чтобы сдать их, как прежде бывало, в аренду. В южных департаментах, где денег в обращении меньше, где этот договор был так распространен до 1789 года, где «договор на девяносто лет не может дать достаточного обеспечения, чтобы можно было предпринять насаждения виноградников и оливковых деревьев, соорудить оросительные каналы и устроить террасы», договоры о поземельной ренте оживят земледелие и будут способствовать благоденствию сельского населения⁵.—Другие, как Тронше, Пор-

¹ Pelet, Opinion (ADXVIII c. t. 391).

² Napoléon, Correspondance t. VII, p. 76. Письмо Малевиллю.

³ Thibaudeau, Mém. sur le Consulat, pp. 176—177. Ср. Locré VIII, 90: мнение Бонапарта.

⁴ Locré VIII, 79.

⁵ Ibid. 81, 84.

талис, Реньо и некоторые другие, утверждали, что бессрочные догсооры не являются больше необходимыми с тех пор, как большая часть французской территории стала обрабатываться; что договоры на двадцать семь лет, а тем более на девяносто, вполне достаточны и что не следует сохранять договор, сложный характер которого является источником вечных судебных процессов¹. Они добавляли, что бессрочные обязательства покажутся невыносимыми: «воображение, обеспокоенное, подавленное перспективой этой вечности, смотрит на сервитут или на бесконечное обязательство, как на зло, которое не может быть возмещено никаким благом»². Особенно Реньо и Крете указывали на социальную опасность этого восстановления поземельной ренты. Во избежание убытков, происходящих от колебаний в ценности денег, землевладелец будет требовать ренту натурой; «он создаст себе новое преобладание в деревне, в которой ему будет принадлежать земля». «И нация опять окажется разделенной на два класса», как в средние века: классы богатых бездельников, которые мирно и «не трудясь будут пользоваться плодами земли, и рабов, осужденных на самые тяжелые работы для того, чтобы уплачивать налоги и поземельную ренту, не будучи в состоянии заработать своим потом и кровью пропитание для своей семьи»³. Камбасерес пробовал доказать, что отмена бессрочных поземельных рент была в 1790 году временной мерой, вызванной обстоятельствами, как и многие другие, и что «принципиально этот вопрос не обсуждался в Учредительном Собрании»⁴. Этот консул отрекался от революционного законодательства. Но выступил первый консул и доказал, что земельные ренты не принесут никакой пользы государству⁵, и мнение Бонапарта, Порталиса и Тронше одержало верх: принципы революции вышли неприкосновенными из этих прений; законодатели, очевидно, «считали, что, уклоняясь от революционной традиции, они вызовут общее недовольство, не достигнув взамен его никакой пользы для государства»⁶. Арендный договор был сохранен, но арендаторам предоставлялось право выкупить ренту по истечении, самое большее, тридцати лет; принцип освобождения земли восторжествовал.

IV

Наконец, в довершение реакции против революции была сделана попытка потревожить даже приобретателей национальных имуществ. Директория встревожила их, сама того не желая, в

силу своей слабости и неумения заставить уважать собственность и внушить доверие. А после 18 брюмера министр финансов издает вдруг постановление о том, что платежи за приобретенные национальные имущества, произведенные в ассигнатах, после закона 8 вентоза IV года будут зачитываться в одну тридцатую их номинальной стоимости. Тотчас же посыпались протесты. Реньо предложил в заседании Государственного Совета объявить эти взносы окончательными. Камбасерес возразил, что «принести эту жертву, значит расточать общественное достояние». Но в конце концов вносить тревогу в среду покупателей было так же нежелательно, как не считаться с совершившимся фактом и может быть перенести иски казны на третьих лиц¹. Правительство издало соответствующее постановление и в виду распространения слухов о том, что оно собирается установить особый налог на приобретателей национальных имуществ, поспешило объявить в Конституции 22 фримера и разъяснить в «Монитёре», что первым долгом французского народа является сохранение в неприкосновенности всех имуществ, приобретенных в период революции².

Из всего этого реакционного движения дело революции вышло победителем. Все серьезные покушения на него только упрочили и утвердили окончательно основы нового земельного порядка. Лишь некоторые второстепенные, спорные сами по себе и, кроме того, затемненные юристами виды держания, вроде отпускового владения, бессрочной аренды и договора о виноградниках, в некоторых местностях испытывали на себе эту реакцию. Аренда—главная и самая распространенная форма держания—попрежнему регулировалась законодательством Конвента; судебная практика была согласована с законами 1793 года. Владельцы национальных имуществ получили уверенность за свое будущее: правительство обеспечивало им их права на собственность и в их лице приобретало огромную моральную силу.

Да и как могло быть иначе, когда само правительство вышло из революции? Поколебать новый земельный порядок, значило погубить самую революцию и подготовить реставрацию старого социального и политического строя. Сила правительства брюмера заключалась в этом страхе перед возвратом к старому порядку вещей. Он объединил вокруг Бонапарта всех патристически настроенных граждан и всех обладателей собственности. Как у народов древности, страх создал бога, спасителя.

¹ Thibaudeau, Mémoires sur le Consulat, 175.

² Конституция 22 фримера VIII г., ст. 94: «От имени французской нации объявляется, что, каково бы ни было происхождение национальных имуществ, законно заключенная покупка их не может быть расторгнута и законный приобретатель не может быть лишен своего владения...» Правительство увеличивает предоставленный приобретателям срок для взноса облигаций (18 плювиоза VIII г.).

¹ Loaré VIII, 83 (Tronchet); 89—90 (Bigot); 93 (Portalis).

² Portalis. Exposé de motifs, ibid., 98.

³ Ibid., 88 (Cretet); 92 (Regnaud).

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., 90.

⁶ Portalis.

Передача собственности по возмездной сделке (*à titre onéreux*)

Если законодатель не имел успеха в своих реакционных полномочиях в области поземельных отношений, то он зато постарался изменить правила, касающиеся передачи собственности.

I

Революционные Собрания стремились придать договору характер акта большой значительности; они, иногда в ущерб справедливости, сохранили его абсолютную устойчивость; они легко покончили с целым рядом затруднений, возникших под влиянием обстоятельств. Все такого рода законоположения, на которых лежала явная печать момента, теперь уничтожены. Передача собственности по возмездной сделке попрежнему свободна; но она обставлена большими гарантиями. Уничтожение договора по причине убыточности продажи восстановлено. Неурядица, созданная бумажными деньгами, связанная с возрастанием цен, способствовала преобразованию старинного права; как только это основание перестало существовать, отмена уничтожения договора исчезает в 1797 году¹. Поэтому, «если убыток продавца простирается более чем на семь двенадцатых действительной ценности недвижимости, он имеет право требовать аннулирования сделки»². Тридцатилетняя давность также восстановлена³. Революционные Собрания отбросили всякие доказательства, которые устанавливали истину только наполовину, и отменили присягу. Кодекс эпохи консульства восстанавливает ее. Присяга может приноситься лицом, которое не имеет даже проекта письменного доказательства (*compensément de preuve*), а также дополнять другие доказательства⁴. Наконец, уже в 1797 г. в обоих Советах наблюдается желание взять назад закон Конвента, упразднивший арест за долги. Один экономист энергично выступает на защиту свободы: это Дюпон де Немур, но его не слушают⁵. Дюран-Майян и Порталис допускают принцип принуждения, но предлагают различать отдельные случаи и соглашались на долговой арест только в коммерческих делах⁶. Все прочие ораторы, как Жан Дебри и Деграв, докладчики комиссии Совета Пятисот и Совета Старейшин, требуют полной отмены закона Конвента. Зачем задаваться вопросом, допускает ли наше публичное или государственное право физическое принуждение? Это—«слишком абстрактный», «слишком

метафизический» вопрос. Надо сообразоваться с опытом, принимать «испытанные просвещенными нациями» решения¹. Надо отменить закон, созданный обстоятельствами в «интересах заговорщиков»², направленный исключительно на «ограбление собственников», на проведение «аграрного закона» и «анархического Кодекса 1793 года»³. Таким образом, 24 вентоза V года (14 марта 1797 г.)⁴ восстановлен в принципе арест за долги гражданского и коммерческого характера; затем это положение разработано в декрете 15 жерминаля VI года и введено в Гражданский Кодекс консульства.

II

У землевладельца имеются прежние способы пользования кредитом: процентная ссуда и ипотека. Но и здесь новое право воздействует на право революции в духе реакции, либо не дает ему развиваться.

Ссуда под проценты сохраняется, но законодатель 1803 г. не может освободиться от предрассудка физиократов: вопреки желанию некоторых ораторов Государственного Совета принимается, согласно мнению Малевилля и Тронше, решение установить предельный размер процента, сперва в виде пени за неисполнение договоров, а затем с целью воспреещения ростовых процентов⁵.

Что касается ипотеки, то в этом вопросе реакция против законодательства Конвента сказывается все сильнее и сильнее. Прежде всего, в правление Директории упраздняется седулярная система и сохраняется только ипотечная система, в которую вносят некоторые усовершенствования. Совет Пятисот не пожелал ни полностью отменить, ни целиком принять ипотечный Кодекс Конвента: он отклонил оба эти следовавшие друг за другом предложения своих комиссий и принял среднее решение. Но реформа была все-таки отсрочена⁶. Только 11 брюмера VII года декрет был наконец votирован. Им устанавливалась гласность ипотек и всех актов о передаче собственности. Гласность ипотек делает бесполезным принцип их общности: на будущее время устраняется наблюдавшееся до того явление, что самая ничтожная задолженность ложится бременем на все имущество должника. Гласность и специальность—таковы основы этой ипотечной системы⁷. Это был тот же Кодекс III года за вычетом седулярной системы и

¹ Декрет 3 жерминаля V г. (23 марта 1797 г.), Duvergier, IX, 376.

² Гражданский Кодекс 1804 г. ст. 167.—Fenet, XIII, 48.

³ Ibid., ст. 2262.

⁴ Ibid., ст. 1360.—Fenet, XIII, 308.

⁵ Дюпон в Совете Старейшин 24 вентоза V г., ADXVIII с. 395.

⁶ Совет Старейшин 20 и 24 вентоза, ibid.

¹ Деграв (в Совете Старейшин) 18 вентоза, ibid.

² Жан Дебри (Совет Пятисот) 3 вентоза, ibid.

³ Перре (Совет Старейшин), 20 вентоза, ibid.

⁴ Duvergier, IX, 370.

⁵ Fenet, XIV, 434 (Tronchet) et 436 (Maleville); см. все прения и речь Gall, ibid., 453—454.

⁶ Продолжительные прения, доклады, речи наполняют три тома ADXVIII с. 377, 484 и 485. Ср. особенно доклад Реаля: его можно найти, помимо ADXVIII с., в «Monteur», fol. XVI, 412.

⁷ Закон 11 брюмера VII г. (1 ноября 1798 г.) Duvergier, XI, 16.

усовершенствованный в остальной своей части. На этом следовало бы и остановиться. Но гражданский Кодекс консульства принимает какую-то бессвязную систему. Он допускает гласность ипотек, актов о передаче на основе безвозмездности, разрешающих ипотеку и дозволенные субституции¹. Но зато уже отсутствует гласность в договорах, передающих собственность на основе возмездной сделки. Дважды этот вопрос вставал в Государственном Совете во время прений по поводу Кодекса²; соглашение не было достигнуто, и он был отложен; наконец, его просто положили под сукно. Наряду с таким крупным пробелом, который значительно ослаблял обеспечение кредита, какую ценность могут представлять реформы деталей, хотя бы, даже реформа, устраняющая некоторые ограничения правоспособности женщин и несовершеннолетних³.

III

Отношения между землевладельцем и арендатором остаются приблизительно такими же, как и в революционном праве. Однако, некоторые положения этой реформы более благоприятны для арендатора, зато другие для него менее благоприятны. Во-первых, нет более права расторжения договора: Учредительное Собрание, установив различие между договорами на срок менее шести лет и более продолжительными, произвело реформу только наполовину. Кодекс консульства довершает ее⁴. Во-вторых, восстановление найма по молчаливому согласию⁵. Тщетно Тронше доказывает, что молчаливый договор обращается всегда против собственника и идет на пользу недобросовестному арендатору; эти аргументы, которые оказали такое сильное влияние на Учредительное Собрание, не производят впечатления на Государственный Совет, и Камбасерес без труда добивается принятия института молчаливого возобновления договора, указав, что его слишком трудно устранить из законодательства, допускающего неписаные договоры⁶. Нет более недоверия к крестьянину: правительство чувствует потребность опереться на земледельческие массы, которые образуют прочный фундамент нации и ее истинную силу. Наконец, закон не говорит уже о том, что последствия простого случая всегда падают на арендатора, но лишь о том, что они могут на него ложиться. Но наряду с этими положениями, благоприятствующими арендатору, имеются статьи и более неблагоприятные для него. Кодекс 1793 г. предоставлял съемщику за поземельную

ренту право оставить участок; Кодекс консульства отнимает у него это право. Съемщик в этом случае становится лично обязанным, что ухудшает его положение¹. Кроме того, разрешается обусловить в договоре арест за долги по отношению к съемщику, что является возвращением к королевскому ордонансу 1667 г.; в ст. 2062 говорится: «в виду того что владелец в большинстве случаев находится вдали от участка, это будет для него способом обеспечить себя от вероломства арендатора². Но эти второстепенные реформы не имели бы значения, если бы Кодекс 1804 года шел навстречу долгосрочным договорам. К несчастью он об этом совершенно не заботится. В прениях Государственного Совета не выявляется никакой связной системы. То правительство, повидимому, желает восстановления вечных договоров о поземельной ренте, то оно придерживается в большем количестве случаев прежней системы договоров на девять лет, не желая доводить их до восемнадцати, как того требовала масса наказов 1789 года. Оно само хорошенько не знает, какого течения ему держаться. В конце концов побеждает старое течение. Система Учредительного Собрания остается без перемен и без поправок.

Отдел третий

Наследственный порядок

I

С особенной силой реакция сказывается в области наследственного права. Законодатель расстается мало-по-малу с общими и философскими принципами, которые он преподносил в качестве точного выражения начал справедливости. Уже не так часто раздается призыв к естественному праву, как к идеалу, с которым должны сообразоваться положительные законы. Вновь появляется близкое сердцу юриста различие отдельных случаев, реальных казусов. Но в этом движении назад есть свои этапы.

В третьем проекте Кодекса, в котором переплетаются философское и юридическое начала, еще сохраняется абсолютное равенство между нисходящими. Но в боковой линии его уже нет: родственник по боковой линии обязан вносить свое имущество в наследственную массу³ только в том случае, если он принимает участие в наследовании. Если же он отказывается ст

¹ Гражданский Кодекс, 939, 1053.

² При обсуждении статей 1140 и 1583.

³ Относительно ипотеки в Кодексе ср. Treilhard, *Exposé des motifs*, Fenet, XV, 448 et suiv.

⁴ Гражданский Кодекс, ст. 1742 и 1743. Речь трибуна Жюбера, Fenet, XIV, 352—353.

⁵ Гражд. Кодекс, 1774.

⁶ Тронше (Fenet, XIV, 240—242), Камбасерес, id, 244.

¹ Гражданский Кодекс, ст. 529, которая причисляет к движимостям все ренты с частных лиц и с государства.

² Гражданский Кодекс, ст. 2062.—Fenet, XV, 164.

³ Rapporteur или «conférré» римского права. Этот институт, называемый колляцией (collatio), имел целью достижение возможно большего равенства в положении сонаследников и принуждал эманципированного сына вносить приобретенное им собственное имущество, дочь—приданое и одаренного—полученное им дарение в общую массу подлежащего разделу наследства. (Прим. ред.).

него, уже не требуется этого внесения¹. Незаконнорожденные дети уже не все на общем основании приравниваются к законным. Внебрачный ребенок, признанный до заключения брака, получает долю законного; признанный же только после заключения брака получает лишь половину этой доли². Это компромисс между фило-софскими идеями и прежними юридическими принципами. Наконец, в этом третьем проекте часть, которой наследодатель может распоряжаться по своей воле, остается прежней в случае наличия наследников по прямой линии, но увеличивается, если наследование происходит по боковой, а именно: не имеющий нисходящих наследников может располагать половиной своих имуществ в дарственных между живыми и третьей частью при дарении на случай смерти³. Эта разница в размерах доли указывает все же на продолжающуюся некоторую неблагосклонность к передаче собственности на случай смерти. Дарения между живыми уже не встречают препятствий в таких строгих правилах как прежде. Тот, кто владеет на праве собственности каким-либо имуществом, равным по стоимости 150.000 мириаграммов пшеницы, не может принимать дарений. Вместо дохода в один миллион килограммов пшеницы, теперь допускается доход в полтора миллиона⁴. Размер наследственной доли увеличен на одну треть: явный показатель того, что борьба противоречий уже начинает затихать. Если Камбасерес и комиссия не увеличивают в еще большей степени долю, которой разрешал распоряжаться закон 1793 года, то это без сомнения лишь с той целью, чтобы не итти чересчур вразрез с предшествующими законами и не придавать обнаруживающейся повсюду общественной реакции слишком стремительного характера. Но, в виду того что третий проект не был обнародован, на практике продолжают применяться законы Конвента. Советы Директории поддерживают наследственное право Конвента, и когда Совету Пятисот представляют проект, в котором предоставляются большие завещательные права военным, то это исключение отклоняется им⁵.

II

В 1800 году делается новый, на этот раз решительный шаг в этом направлении. Проект Кодекса Жакмино увеличивает долю имуществ, которой можно располагать по своему усмотрению. Во-первых, уже нет ограничений при наследовании по боковой линии пределами четвертой степени. Во-вторых, эта доля составляет четвертую часть имуществ, если есть наследники по нисходящей линии, и половину, если имеются восходящие, братья и сестры или их нисходящие; наконец, она равна трем четвертям, если

¹ Третий проект Кодекса, ст. 645.

² Третий проект, ст. 604 и 605. Вступит. речь, стр. 8.

³ *Ib.*, ст. 543.

⁴ *Ib.*, ст. 548.

⁵ Scailhé, Rapport (I-er messidor an VI), Bibl. nat., Le⁴³ 2065.

имеются только дяди и двоюродные братья и сестры¹. Индивид вновь получает широкие завещательные права. Но это был лишь проект, он должен был получить силу закона, и правительство консульства добилось этого. Дебаты в Трибунате и в Законодательном Корпусе по поводу этого закона показывают, насколько изменилось настроение общества.

Все революционные законодатели, начиная с Учредительного Собрания и кончая Конвентом, рассматривали право собственности, а следовательно, и право завещания, как нечто созданное обществом. К 1800 году эта доктрина совершенно изменяется. Если еще многочисленны сторонники истинной революционной теории, то защитники учения о естественном происхождении собственности и завещания преобладают. Если Андриё думает, что собственность заслуживает уважения, охраняется и существует только благодаря обществу, то Булэ де ла Мёрт и Дювейрие полагают, что право собственности существовало до образования общества, что право располагать своим имуществом есть также естественное право, и они добавляют, не считаясь с историей, на которую они будто бы опираются, что всем обществам древности было известно завещание². Противоположные теории борются между собой. Уступить в этой борьбе суждено было доктрине Руссо, Учредительного Собрания и Конвента.

Все революционные деятели, начиная с членов Учредительного Собрания и кончая членами Конвента, стремились уничтожить деспотизм отцов и ввести их власть в законные рамки путем различных установлений, особенно путем абсолютного равенства всех детей в наследственных правах и почти полного запрещения завещания. К 1800 году взгляды совершенно меняются. Большинство членов Законодательного Корпуса и Трибуната желают восстановить погранный авторитет отцов.

Но у революционных принципов имеются еще красноречивые защитники. По этому вопросу возникает конфликт. Принять проект декрета, которым разрешалось бы передавать долю имуществ, находящуюся в распоряжении отца, лишь одному из детей, это значит, говорят одни, восстанавливать право старшинства, если не на законном основании, то на основании усмотрения, и дать отцам в руки опасное оружие: они слишком ясно обнаружили свое враждебное отношение к принципам революции, чтобы можно было разрешить им вознаградить себя за ограничение их власти в прошлом. Зачем все еще оставаться под влиянием римского права с его абсолютной отцовской властью, с его слишком широкой свободой завещания³? Авторитет отца должен покоиться не столько

¹ Jacqueminot, Projet de Code, titre des donations, art. 16.

² А. Р. 2-е série, t. I, 335, 439 et suiv. Заседания Трибунала 19 и 26 вентоза VIII года.

³ Андриё: «Мы усвоили эти идеи, благоприятствующие завещанию, которые постоянно встречаются в римском праве, потому что мы, может быть, слишком много изучали его в нашей молодости». А. Р., 2-е série, I, 474. Ср. всю речь. Андриё напоминает о знаменитой речи Мирабо.

на страхе и на расчете, сколько на любви и самопожертвовании. Другие возражают, что власть отца и без того слишком мало признавалась; законодатель должен окружить ее ореолом доверия, уважения и силы¹. «Всегда хотят видеть в отцах врагов республики, приносящих сыновей республиканцев в жертву своей ненависти, и никогда не хотят видеть отцов-патриотов, наказывающих сознательно и разумно детей, противящихся, если не законам республики, то республиканскому духу»². Проект получил большинство голосов в Трибунате—53 из 88³; затем он свободно прошел через голосование в Законодательном Корпусе 4 жерминаля VIII года (25 марта 1800 г.)⁴. Новый закон увеличил размер доли, предоставленной свободному усмотрению наследодателя. Равняясь четвертой части имущества, когда завещатель имеет не больше троих детей, она затем последовательно уменьшается с возрастанием числа детей, постоянно находясь в соответствии с долей каждого наследника. Таким образом, если у завещателя имеется много нисходящих, его право завещания сводится почти к нулю. Но в большинстве случаев он может располагать четвертой или пятой частью своего состояния. Это уже не фиксированная в размере десятой части доля, как это установлено Конвентом. Кроме того, отец может оказать преимущество одному из своих наследников, оставив ему одному всю ту часть имущества, которую закон оставляет в его распоряжении⁵. Это — глубокая реакция против самих принципов революции, против идей и чувств всех революционных борцов, начиная с Учредительного Собрания и кончая Конвентом и даже обоими Советами Директории. Во Франции начиналась новая эра, отступлениешло за пределы философских теорий, признанных и освященных в 1789 г. Победленное было римское право возвращалось к своему вековому преобладанию. Но этого было еще слишком мало. Гражданский Кодекс консульства должен был пойти дальше в этом направлении.

III

Принципом наследственного порядка становится уже не закон, а человеческая воля. Без сомнения, наряду с юристами, утверждающими, что право собственности и право завещания имеют естественное происхождение⁶, имеются и другие, как, например,

¹ Boulay de la Meurthe, конец цит. речи; ср. еще речь в Законодательном Корпусе, 508 и сл.

² А. Р., 2-е série, t. I, 432—434. Duvergier: «Возвратим отцам то почетное место в недрах семьи, которое уготовано им самой природой и сохранилось за ними в течение веков: восстановим их право карать бунт, непочтение, лень...»

³ Ibid., 505.

⁴ Принят 213 голосами из 266; ibid., p. 513.

⁵ Закон 4 жерминаля VIII г., Duvergier, XII, 186.

⁶ Порталис (Fenet, XI, 113—115): «Принципы права заключаются в нас самих; они не являются следствием человеческого соглашения или положительного законодательства... Он критикует теории Руссо.

Шабо и сам Малевиль¹, которые, подобно Руссо, членам Учредительного Собрания и Конвента придерживаются того взгляда, что собственность и наследственное право являются институтами общественного происхождения. Но эти философские принципы теперь представляются лишь пережитком революционных идей, не имеющими никакого влияния на законодательство. Это лишь декларации, предназначенные, может быть, для того, чтобы замаскировать глубокую реакцию против права революции. К тому же это очень общие и очень гибкие принципы: если закон создает собственность, то, следовательно, он и должен регулировать ее в интересах общества. Но этот общественный интерес может быть понят различным образом. Он изменяется вместе с эпохой, вместе с правительствами. Консульство хочет восстановить повсюду власть авторитета. Воля главы семьи не должна быть ослаблена, именно она делается основой наследственного порядка.

Индивид вновь обретает в широкой мере право располагать своим имуществом. Во-первых, ограничение свободы завещания существует только в пользу нисходящих и восходящих. Братья и сестры уже не являются наследниками, ограничивающими право завещания: это значило бы «слишком ограничивать пользование правом собственности»; «предоставление большего простора праву распоряжения имуществом ведет отнюдь не к ослаблению семейных связей, наоборот, оно способствует их укреплению, увеличивая уважение и осторожность в отношениях между родственниками, развивающиеся в результате расширения этого права»². Во-вторых, доля, которой наследодатель вправе располагать, увеличена. Она изменяется не сообразно имуществу распоряжающегося, как того требовал Бонапарт, но сообразно числу ограничивающих свободу завещателя наследников, однако, никогда не спускаясь ниже одной четверти имущества³. Эту часть можно передать одному из наследников⁴ или даже одному из родителей с обязательством вернуть ее родившимся или могущим родиться от него детям⁵. Всякий наследник, получающий дарение, может, отказавшись от наследства, удержать полученное им дарение при условии, чтобы доля, причитающаяся другим наследникам, не была тем задета⁶. Вследствие такого положения бремя долгов умершего падает лишь на сонаследников одаренного и влечет за собой значительное имущественное неравенство. Преимущественная доля, старшинство, устанавливаемое не законом, а волеизъявлением завещателя, субституции в пользу родственников первой степени—

¹ Шабо (Fenet, XII, 161—162): «Гражданское общество—единственный действительный источник права собственности...» «Передача имущества по наследству основана не на естественном праве, но на гражданском», Малевиль, ibid., 309.

² Гражданский Кодекс, ст. 916. Fenet, XII, 410.

³ Ibid., ст. 913, 915.

⁴ Ibid., ст. 919.

⁵ Гражданский Кодекс, ст. 1048—1049.

⁶ Ibid., ст. 845.

все эти уничтоженные революцией институты восстанавливаются Кодексом эпохи консульства сперва для того, чтобы укрепить авторитет отца, чем очень озабочены Бонапарт, Камбасерес и редакторы Кодекса, а затем, чтобы предотвратить крайнее дробление наследств, которое в стране, где «мало звонкой монеты и ничтожное количество движимых богатств» повлекло бы за собой «разорение земледелия и вымирание родов»¹. Индивидуализм, деспотизм главы семьи—все, что революция хотела искоренить в интересах духа общественности, вновь восстает в 1804 г.

Наследственный порядок целиком основан на предполагаемой воле умершего, на таком порядке, который считается установленным его чувством привязанности. Разве это не значит, что интересы общества будут всегда принесены в жертву узам крови, ближайшей степени родства? Сперва идут нисходящие: раздел наследства между ними происходит на основе равенства, но человеческая воля может ввести до известной степени и неравенство. Затем идут восходящие: они всегда исключают братьев и сестер на половину или на четверть наследства,² вопреки революционному праву, которое признавало необходимость оставлять имущество умершего тем, которые могут, прилагая к нему свои молодые силы, свою энергию, извлечь из него плоды. Затем идут родственники по боковой линии. Камбасерес хотел бы упразднить правило расщепления наследств, установленное законом нивоза «в целях имущественного дробления», воспрепятствовать обогащению одной линии за счет другой, поддерживать мир и сохранить имущества в отдельных родах. И он предлагает восстановить правило обычного права: *paterna paternis*³, применение которого можно было бы ограничить «достаточно близкими степенями родства, чтобы происхождение имуществ не вызывало никакого сомнения». Биго-Преаменё поддерживает мнение Камбасереса⁴. Но Берлие показывает, как трудно было бы применить на практике такое сложное правило. Если одна линия обогащается иногда за счет другой, то чаще всего бывает, что общее их состояние составляет из приблизительно равных частей от обеих линий; наконец, система расщепления имеет по его мнению то преимущество, что она подверглась девятилетнему испытанию и была одобрена почти всеми трибуналами⁵. Порталис восстает против правила, противоречащего праву собственности, правила, которое оставляет собственность не за личностью, а за семьей⁶. И система расщепления наследства одерживает верх. Устанавливается положение в духе закона нивоза, но без его крайностей, так как

отсутствует дальнейшее расщепление, бесколичественное представительство в боковой линии¹. Крайнее дробление состояний уже не преследуется, как цель. Наконец, вслед за наследниками двенадцатой степени², вопреки обычному и революционному праву—Кодекс консульства устанавливает следующие степени в правах на наследство: внебрачные признанные дети и переживший супруг. Первые получают на наследства своих отца и матери права, которые изменяются в зависимости от того, с какими наследниками они конкурируют³. Что касается пережившего супруга, то он принесен в жертву; он уже не получает указной части, которую еще оставлял ему третий проект Камбасереса, и может впасть в нищету⁴.

Наследственный порядок консульства исходит из трех предшествующих законодательных систем: римской, обычно-правовой и революционной. Римское влияние сперва, повидимому, преобладало: здесь все основано на человеческой воле, и порядок наследования является в сущности предполагаемым завещанием. Но затем Кодекс, в сравнении с правом Юстиниана, сильно сокращает долю, которой может свободно распоряжаться наследодатель; он предоставляет внебрачному наследнику право вступать во владение наравне с наследником законным; он следует наследственному порядку обычного права для двух первых линий наследников, а кроме того, и для позднейшей линии. Воздействие римского права умеряется влиянием обычного и революционного. Отсюда одновременное применение противоположных правил, заимствованных у различных систем. Наследственный порядок эпохи консульства лишен собственной физиономии. Он старается не жертвовать ни индивидуумом в пользу семьи, ни семьей в пользу индивида. Он благоприятствует одновременно сохранению и обращению имуществ. Это—компромисс, а не оригинальная, однородная система, в которой следствия стройно и логично вытекают из основного принципа.

¹ Малевиля (Fenet, XII, 310).

² Гражданск. Кодекс, 748.

³ Т. е. имущество отца должно переходить в родовую линию отца. (Прим. ред.).

⁴ Fenet, XII, 12.

⁵ Ibid, 15.

⁶ Ibid, 16.

¹ Гражданский Кодекс, ст. 742.

² Ibid., ст. 755.

³ Ср. гл. III, Семья.

⁴ Третий проект Кодекса, ст. 322.—Гражданский Кодекс, ст. 768.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЕМЬЯ

Революция внесла в семейное право дух свободы, равенства и любви, который, хотя и не произвел полного потрясения в строе семьи, но в достаточной мере преобразовал ее, вызвав к ней страстную критику: этому семейному праву ставили в упрек, будто оно понизило престиж брака, благоприятствовало незаконному сожителю (конкубинату), упразднило авторитет отца; что оно глубоко «безнравственно», «опасно» для общественного спокойствия и «вообще для общества»¹. Поэтому уже с 1795 г. наблюдается стремление вернуться назад; сперва оно проявляется с некоторой осторожностью, затем, в 1804 году, безудержно и беспощадно.

Отдел первый

Замкнутость законной семьи

Революционные законодатели ввели в семью, в качестве новых членов, усыновленных детей и признанных родителями внебрачных. Брак, законная семья потеряли свое достоинство, свои привилегии. Их-то и пожелали теперь вернуть им.

I

Во-первых, усыновление было сделано чрезвычайно доступным. Оно покоилось на основаниях политического характера. Оно позволяло родителям отнять у своих законных детей в пользу усыновленных посторонних часть родительского достояния, на которое первые считали себя вправе рассчитывать. Новое общество отвергало подобный институт. Уже по проекту Кодекса 1796 г. усыновление невозможно для отца семейства, хотя усыновленными попрежнему могут быть только недостигшие возмужалости; усыновление разрешается только бездетным гражданам². И чем дальше, тем больше законодатель лишает усыновление того социального характера, который был придан ему Конвентом. В 1804 году «усыновление разрешается только в целях утешения

усыновителя, который должен быть бездетным, и, кроме того, за пределами возраста, в котором общество рекомендует вступление в брак»³, т. е. за пятьдесят лет. Что касается усыновляемого, то его усыновление может состояться только по достижении им такого возраста, когда он может вполне сознательно дать согласие на это изменение его гражданского состояния и его прав, т. е. по достижении им совершеннолетия⁴. Усыновленный не вносит раздор в новую семью—Гражданский Кодекс подражает в этом прусскому⁵. Усыновленный не исключается из своей прежней семьи, как это было в Риме⁶. Усыновление уже не является орудием для дробления имущества, как при Конвенте, но гражданским институтом, который в известных и вполне определенных и ограниченных случаях составляет удачное дополнение природы.

II

Что еще сильнее озабочивает законодателя, так это положение детей, рожденных вне брака.

Прежде всего, оставить ли в силе обратное действие закона 12 брюмера II года? Законодатель решает отменить его уже 3 вандемьера IV года (25 сентября 1795 года); декрет брюмера должен применяться только с того числа, которым он помечен. Но колебания Конвента в этом вопросе заставили его взять свой декрет обратно, для нового его обсуждения (26 вандемьера)⁷. Одни находили, что обратное действие вполне законно и что невозможно аннулировать судебные постановления, которые вошли в законную силу. Издание декрета об отмене ретроактивности этого закона равносильно в сущности установлению новой ретроактивности⁸. Другие не отступали перед следствиями, вытекающими из этой отмены; они предлагали пойти на компромисс. До 1789 года незаконнорожденные имели право на алименты; для внебрачных детей, получивших наследства от своих отцов и матерей, умерших между 1789 и 1793 годом, алименты сведены до размеров дохода с третьей части наследства⁹. Но каким числом ограничить действие нового закона? Представлялось возможным остановиться на трех датах, ибо три декрета—4 июня 1793 года, 12 брюмера II года и 3 вандемьера IV года—указывали три различных даты: 4 июня 1793, 14 июля 1789 и 12 брюмера II года. Если только отказаться от обратного действия закона, то можно было бы колебаться только между первой и последней.

¹ Берлие (Exposé des motifs, Feneet, X, 420). Гражданский Кодекс, 343.

² Гражданский Кодекс, 346.

³ Цит. выше Берлие.—Гражд. Кодекс, 350.

⁴ Гражданский Кодекс, 348—349.

⁵ Duvergier, VIII, 404.

⁶ Совет Пятисот: Рну, 24 прериаля IV г., ADXVIII c. t. 365.

⁷ Совет Пятисот: Демосэн 18 вентоза и 6 флореаля IV г.—Бюлетень, 22 флореаля и 17 прериаля IV года.—Дюмолар, 24 прериаля IV года.—Совет Старейшин: Мюрар, 7 термидора IV года, ibid., t. 365.

¹ Камбасерес: Речь, 3 плювиоза V года (ADXVIII c. 394).

² Третий проект Кодекса (IV г., ст. 141).

Остановились на 4 июня 1793 года. Действительно, в этот именно день появились на свет естественные права внебрачных детей. Таким образом новый закон 15 термидора IV года (2 августа 1796 года) обязывал незаконнорожденных детей вернуть все, что они получили по наследству от своих отцов и матерей, открывшимся в период с 14 июля 1789 г. по 4 июня 1793 года, и оставить за собой лишь доход с третьей части этих наследств¹. Это была настоящая ретроактивность. Затем этот закон предоставлял право получать наследства от своих родственников по боковой линии только тем незаконнорожденным детям, которые потеряли своих отцов после 4 июня 1793 года². Это была опять ретроактивность. В обоих Советах возникли новые прения. Одни считали, что внебрачные дети могут наследовать по боковой линии только через представительство своего отца и матери и что, следовательно, при условии, чтобы их родители умерли лишь после 4 июня 1793 года, т. е. после того дня, когда дети приобрели право наследовать им.³ Другие отвечали на эту апологию закона 15 термидора, что наследование по боковой линии происходит не на основании представительства отца или матери, но на основании личного права, что новый закон отнимает у внебрачных детей наследственные права, которые были за ними формально признаны, и что он, таким образом, вызывает к жизни обратное действие закона⁴. Сторонники этой точки зрения добились уничтожения этого обратного действия 2 вентоза VI года (20 февраля 1798 года): внебрачные дети получили право приобретать по боковой линии наследства, открывшиеся в период с 12 брюмера II года до 15 термидора IV г., хотя бы их отцы умерли и до 4 июня 1793 года⁵. Так были ликвидированы права внебрачных детей в прошлом.

Но как решить этот вопрос на будущее? По какому пути следовать в столкновении интересов и принципов? Внебрачные дети находили, что Конвент еще недостаточно сделал для них. Они жаловались на то, что в большинстве случаев они лишены возможности доказать свое происхождение (*possession d'état*), так как их отцы жившие до 1793 года в обществе, в котором существовало предубеждение против внебрачных детей, не оставили официальных или частных документов, которые они, дети, могли бы представить⁶. Отцы жаловались на серьезные раздоры, которые эти втершиеся лица вносят в их законную семью⁷.

¹ Декрет от 15 термидора IV года, ст. 1 и 3; Duvergier, IX, 153.

² Ibid., ст. 4.

³ Совет Пятисот: Пасторе, 24 нивоза V г.—Нюг, 21 флореаля V г. ADXVIII c. t. 365.

⁴ Совет Пятисот: Кардоннель, того же числа;—Симеон, 19 брюмера V г., ibid.

⁵ Duvergier, X, 237.

⁶ Адрес Конвенту ADXVIII c. t. 325, рёсе 19.

⁷ Адрес Конвенту от имени бесчисленных отцов и матерей, обремененных семей, из которых некоторые находят накануне разорения благодаря детям, рожденным вне брака, ibid., рёсе 18.

Надо было считаться с обоими противоположными мнениями, из которых оба заслуживали уважения: сохранить то, что своим происхождением было обязано естественному праву и что возникло благодаря брачному союзу. Это и постарался выполнить Законодательный Комитет в своем проекте Кодекса¹. Он возвращается к принципу, установленному им в 1793 году: иск об установлении происхождения от определенного отца, в случае отсутствия с его стороны признания ребенка, воспрещается². Ибо если бы отцовство могло быть устанавливаемо иначе, чем на основании брачного союза, то разве нельзя было бы сказать, что самый брак уничтожен? Но, с другой стороны, надо следовать велениям природы и исправлять несправедливость судьбы, стараясь приравнять незаконнорожденных детей к законным. Однако, считаясь с противоположными мнениями, Комитет вводит различие в среду внебрачных детей. Если они были признаны до заключения брака, то они имеют те же права, как и рожденные в браке; если же они признаны по вступлении в брак, то они получают уже только половинную долю законного ребенка, ибо «их внезапное появление не должно вызывать слишком значительного уменьшения доли тех, кто его не ожидал»³. Полное уравнение было отвергнуто. В еще большей степени отрицательно отнеслась к нему комиссия Совета Пятисот, состоявшая из Камбасереса, Безара, Удо, Фавара и докладчика Симеона. Эта комиссия сохраняет запрещение исков об отцовстве. Конечно, докладчик не скрывает от себя последствий, которые отсюда проистекают. «Мужчины, не знающие другого чувства, кроме чувства физического наслаждения, лишенного всякого морального содержания, распутные люди будут безнаказанно сеять по свету человеческие существа, которым они навяжут бремя жизни и даже не соображают облегчить его оказанием им необходимой помощи». Но «эта суровость все-таки справедлива, раз установлен принцип, что вне брака нет иного достоверного доказательства отцовства, кроме признания самого человека, который хочет изведать это чувство и выполнить эти обязанности»⁴. Затем комиссия значительно уре-

¹ Камбасерес, Вступительная речь к третьему проекту Кодекса, стр. 8 и 9.

² Третий проект Кодекса, ст. 134.

³ Третий проект Кодекса, ст. 604—605. Камбасерес, Вступительная речь, стр. 8.

⁴ Симеон, Доклад 18 мессидора V г., стр. 30. ADXVIII c. t. 453, рёсе 22.

ственных законов, святость брака, узы семьи»¹. Нельзя считаться только с природой. Действительно, она не устанавливает никаких различий в рождении индивидуумов. Но общественные и нравственные принципы, благодаря которым мы так высоко поднимаемся над уровнем животного, лишают нас возможности не считаться с обстоятельствами рождения»². Следовательно, равенство, установленное Конвентом, не может быть сохранено. Обеспечение внебрачных детей не сводится к вопросу об алиментах, ибо это было бы равносильно возврату к суровому революционному праву. Они все-таки сохраняют наследственные права. Они могут наследовать своему отцу, матери, деду и бабушке и родственникам по боковой линии. Но ни в одном из этих случаев они не имеют равных прав с законными детьми³. Этот проект не подвергался голосованию. Но он явно свидетельствует о постепенном изменении правовых воззрений.

Между тем, Гражданский Кодекс не был обнародован. Эта задержка вызвала серьезные затруднения. Как урегулировать положение внебрачных детей, отцы которых умерли после 12 брюмера II года или умрут до обнародования Кодекса? Применять ли к ним предполагаемые правила будущего Кодекса или правила закона брюмера? Шекотливый вопрос, от разрешения которого некоторые трибуналы воздержались, прося Директорию, чтобы он так или иначе был разрешен Законодательным Корпусом⁴. Тогда прения возобновились, и закон 12 брюмера был истолкован двояко. Две следовавшие друг за другом комиссии Совета Пятисот, опираясь на интерпретацию брюмерского декрета Камбасереса и Законодательного Комитета и в согласии с министром юстиции, Мерленом, требуют формального признания ребенка отцом в присутствии должностного лица. Нельзя разрешать внебрачным детям доказывать свое происхождение через посредство исков, ибо отцы их были еще живы, когда был издан этот закон, и могли бы их признать, если бы хотели этого⁵. Оппозиция возражает, что декрет брюмера не требует на будущее признания со стороны отца; что он довольствуется отсылкой к Гражданскому Кодексу; что пока удостоверение о происхождении должно быть единственным руководящим началом и что нельзя регулировать наследства, открывшиеся после 12 брюмера II года при помощи сомни-

тельных законов будущего Кодекса¹. Совет Пятисот согласился с этим мнением. Он вотировал резолюцию 16 флореаля VI года, представленную ему третьей комиссией². Внебрачные дети, отцы которых умерли после 12 брюмера II года, а также те, у которых отцы умерли бы до издания Гражданского Кодекса, должны лишь доказать свое происхождение, согласно установленным брюмерским декретами способом. Но Совет Старейшин отверг эту резолюцию (12 и 13 термидора VI года)³. После 12 брюмера признание ребенка отцом уже сделалось необходимым.

Наконец, Гражданский Кодекс эпохи консульства определил окончательно положение внебрачных детей. Вместо уравнивания с законными детьми, здесь устанавливается полнейшее разделение этих двух категорий⁴. Внебрачные дети уже не являются наследниками, они только кредиторы, имеющие право на получение алиментов⁵. Правда, Жолливе требовал, чтобы к ним переходило все наследство, когда имеются только родственники шестой степени⁶; но это было бы равносильно дарованию им титула наследников, в котором решено было им отказать. Даже проект комиссии не был принят целиком⁷; Кодекс был еще менее либерален. Внебрачные дети должны были получать по наследству от своих отца и матери треть, половину или три четверти того, что они получили бы, если бы они были законными детьми, в зависимости от того, конкурировали ли они с нисходящими, восходящими или братьями и сестрами, или, наконец, с наследниками по боковой линии⁸. Они вовсе не наследовали ни деду, ни бабушке, ни родственникам по боковой линии.

При таком умалении прав внебрачных детей получают ли они какую-нибудь компенсацию? Камбасерес хотел, чтобы им была предоставлена возможность принудить отца признать их; чтобы наряду с добровольным признанием имело место и принудительное признание в некоторых исключительных случаях: в случае изнасилования и похищения⁹. Но Бонапарт восстал против этого.

¹ Демолэн, Риу, Мнения, *ibid.*—ср. Бей (Beys), стр. 11: «Требовать, чтобы внебрачные дети допускались к уже открывшимся наследствам лишь по представлении ими доказательств, не требующихся никаким законом в настоящее время, но которые когда-нибудь будут требоваться этим Кодексом, это значит действительно придавать Гражданскому Кодексу обратное действие...»

² Демолэн, Доклад и проект резолюции (9 флореаля VI года), *ibid.*—(Аноним) «Замечания по поводу резолюции 16 флореаля с изложением истории вопроса» (против резолюции).

³ Duvergier, X, 379—380.

⁴ «Надо провести между законными и внебрачными детьми полнейшее разграничение», Буа (Fenet, X, 131).

⁵ Гражданский Кодекс, 756.

⁶ Fenet, XII, 29.

⁷ Проект комиссии предоставлял незаконнорожденным три четверти наследства, если они конкурировали с родственниками по боковой линии, даже (братьями и сестрами).

⁸ Гражданский Кодекс, 757.

⁹ Fenet, X, 73.

¹ *Ibid.*, p. 2.

² *Ibid.*, p. 21.

³ Симеон, Доклад, стр. 24 и сл. Наследование отцу или матери: конкурируя с законными детьми, получают $\frac{1}{3}$; $\frac{1}{4}$ —если они были признаны после того, как у отца с матерью появились законные дети. Конкурируя с родственниками по боковой линии— $\frac{1}{2}$. Наследование деду: $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$, если имеются законные нисходящие; если их нет, то $\frac{1}{2}$ и т. д.

⁴ Duvergier, IX, 361 (12 вент. V года, 2 марта 1797 г.).

⁵ Симеон, Доклад 18 мессид. V г.; Фавар (13 плув. VI г.), ADXVIII с. 453, pages 22 et 23.—cf. Bergher, Opinion, *ibid.*

«Общество не заинтересовано в том, чтобы незаконнорожденные были признаваемы»¹, — жестоко заявил он. Удовлетворились тем, что разрешили иск об отцовстве в случае, если похищение совпадет с моментом зачатия ребенка; и то Кодекс не говорит, что похититель будет признан отцом ребенка, но лишь может быть признан таковым².

Незаконнорожденные дети теряют то положение, на которое революция дала им основание надеяться. Кодекс 1804 года смотрит на них как на существа низшего порядка; если законы, регулирующие их положение, и не таковы уже, какими они были до 1789 года, то все-таки они направлены все к той же цели: унижить их. Внебрачные дети попрежнему образуют общественную группу, лишенную наследственных прав и еще подлежащую освобождению.

Таким образом, вторжение в законную семью новых членов устранено. Усыновленные дети и признанные отцом внебрачные не могут причинить ей серьезного вреда.

Отдел второй

Власть отца

Вернув законной семье ее прерогативы, законодатель хочет преобразовать эту привилегированную семью путем восстановления власти отца.

I

В 1796 году в среде законодателей еще господствует философское направление, и революционные институты сохраняются в целости до 1800 года, за исключением семейных трибуналов³. Но затем взгляды совершенно меняются. Новое правительство, вышедшее из анархии эпохи Директории, хочет повсюду восстановить власть. В этом его поддерживают Законодательный Корпус и большинство Трибуната, которые и возвращают отцу свободу завещания и право оказывать преимущества тому или другому из своих детей⁴. Правительство руководит общественным мнением. В 1801 году Французский Институт⁵ объявляет конкурс на сочинение по следующему вопросу: «Каковы должны быть в хорошо организованной республике объем и пределы власти отца

семейства?». Достаточно прочитать одну из конкурсных речей, чтобы почувствовать всю силу реакции. «В виду того что характер французов» побуждает их «отклоняться от кодекса нравственности» не столько «из любви к пороку», сколько «из любви к перемене», надо «ограничить их суровыми законами и принудить к исполнению этого кодекса». Надо восстановить чувство покорности и способность повиноваться. Есть ли для этого более действительный способ, чем восстановление власти отца? «Отцовство становится священной функцией; неповиновение отцу — святотатством. Власть отца должна быть так же сильна, как силен страх перед Верховным Существом». И власть, и государство выиграют от этого, ибо «хорошо организованная власть отца является самой мощной опорой не только для общественной нравственности, но и для самого правительства»¹. Разве это уже не настроение редакторов Кодекса? Революционные законодатели не доверяли отцам, юристы Консульты относятся с недоверием только к детям. Отец не может злоупотребить своей властью. «Разве его власть не умеряется его нежностью? Природа в такой мере наделила отцов и матерей желанием, чтобы их дети благоденствовали, что сами дети едва ли испытывают его в той же мере. Поэтому закон вполне может положиться на природу»². Надо «воскресить этот своего рода культ, который сыновнее благочестие воздает достоинству и величию, запечатленным самой природой на тех, кто на земле является для нас прообразом и даже служителями Творца»³. Римские понятия перемешиваются с христианскими; это одновременно и Юстиниан и Боссюэт. Поэтому Кодекс 1804 г. возвращается к прежнему законодательству. Он берет за образец монархическое право, устраняя из него слишком жестокие положения, противоречащие мнениям и правам новой Франции.

Революционные законодатели, при всем своем уважении к справедливому авторитету родителей, ограничили его посредством участия семьи и установили семейный трибунал. Советы Пятисот и Старейшин считают, что эти семейные трибуналы не достигли цели, которую ставил себе законодатель, и передают обычному суду дела, подлежащие прежде их ведению⁴. Редакторы Кодекса 1804 года, обсуждая снова этот вопрос, хотя и упразднить контроль семейного трибунала. Один Берлие отвергает отцовский деспотизм

¹ Ibid., 76 — 77.

² Гражданский Кодекс, 340.

³ Декрет 9 вентоза IV года (18 февр. 1796 г.). См. новейшую интересную работу по истории семейных трибуналов: Marc Ferret. Les tribunaux de famille dans le district de Montpellier, 1790—an IV, Montpellier, 1926. (Примеч. перев.).

⁴ Закон 4 жерминаля VIII г. cf. supra.

⁵ Высшее научное учреждение Франции, которое включало все ее Академии. Учреждено в 1795 г. сперва в составе, приблизительно соответствующем теперешним Академии Наук, Академии Моральных Наук и Академии Надписей и Литературы. Впоследствии называлось то Национальным Институтом Франции, то Императорским Институтом и т. д. (Прим. перев.).

¹ Речь, произнесенная на конкурсе Французского Национального Института IX г., 32 pp., m-8°. Bibl. Fac. de droit de Paris, 30.646.

² Порталис (Fenet, IX, 144).

³ Порталис (Fenet, IX, 148). — Малеви: авторитет отца необходим для «сохранения добрых нравов и для поддержания общественного спокойствия». Fenet, X, 486.

⁴ Удо. Проект резолюции, предложенной Совету Пятисот (14 плов. V г.) ADXVIII с. 395. — Декрет 9 вентоза IV г. (28 февраля 1796 г.), Duvergier IX, 61.

и призывает к революционному законодательству¹. Остальные, во главе с Камбасересом, отклоняют участие семьи, ибо «слишком часто ненависть и личная выгода разделяют тех, кто связан кровными узами»²; в известных определенных случаях они предпочитают вмешательство гражданского суда.

Итак, отец является владыкой: вся власть сосредоточена в его руках. В случае, если это потребует, мать отходит на второй план: высшее решение принадлежит отцу³. Это действительно «отцовская власть» — *puissance paternelle*. Вопреки защитникам обычного права, это выражение введено в Кодекс сторонниками римского права⁴. Но эта власть уже не *patria potestas* писаного права.

II

Отец облечен властью, если не доходящей до жестокости, то, по крайней мере, связанной с произволом и тиранией.

Правда, он не имеет больше права лишать своих детей наследства. В своих замечаниях по поводу проекта комиссии Кассационный Трибунал дерзнул потребовать, чтобы право лишения наследства было сохранено в четырех случаях, между прочим, в случае заключения брака в возрасте от двадцати одного до двадцати пяти лет без согласия родителей⁵. Но такой закон шел вразрез с нравами Франции, вышедшей из революции; это было слишком резко-реакционно по отношению к законодательству, применявшемуся в течение десяти лет; наконец, он падал всей тяжестью на потомство виновного⁶ и потому был слишком несправедлив, чтобы его могла предложить законодательная секция Государственного Совета. Секция удовлетворилась в своем проекте допущением простого распоряжения (*disposition officieuse*): отец и мать⁷ могут, в случае явно развратного поведения детей; ограничить их простым узурфом с их наследственной доли в пользу родившихся и могущих родиться от них детей⁸. Когда

¹ Берлине «полагает, что деспотизм не является более желательным в семье, чем в государстве. С целью умерить эту власть, надо апеллировать к семейному совету. Он ссылается на закон 24 августа 1790 г.», Fenet, X, 493—494.

² Камбасерес, Fenet, X, 495.

³ Гражд. Кодекс, 373, 148, в конце: «В случае разногласия, достаточно согласия отца (на брак)».

⁴ Булэ, Тронше и Берлине критикуют этот термин, Малевиль его отстаивает. Fenet, X, 485—487.

⁵ Fenet, II, 511: «Повидимому, право лишения наследства всегда принадлежало отцу, и, быть может, никогда не было такой необходимости, как теперь, в сохранении за ним этого права, при условии введения самой власти отца в разумные границы».

⁶ Биго-Преамеи, Fenet, XII, 561: «Наказание виновного ребенка простилось и на его невинное потомство».

⁷ Fenet, X, 480: «В случае, если наследник предается рассеянной жизни, отец и мать могут простым распоряжением завещать родившимся и имеющим родиться потомкам его полное право собственности на его часть наследства, его самого ограничить узурфом в отношении этой части».

Это принято в новой редакции. Ibid., p. 502.

этот раздел Кодекса об отцовской власти был представлен в Законодательный Корпус, глава о простом распоряжении была из него исключена, с целью помещения ее в дарения¹. Но когда спустя два года, в 1803 году, обсуждался раздел о дарениях, этот институт был опущен, так как «следы его были найдены в римских законах» и он представлял почти все те же неудобства, что и лишение наследства, нарушая священное право законной доли и налагая на отца запрещение, которое могло ему причинить непоправимый вред в глазах правительства и сограждан². Его заменили подобным же правом распоряжения, но уже касающимся только доли, находящейся в распоряжении завещателя (*quotité* или *portion disponible*): законная доля наследника по крови осталась неприкосновенной, а субституированные имущества могли быть даны только детям, рожденным или могущим родиться от одаренного³. Взамен права лишения наследства, отец получает установленное Кодексом право свободного завещания. Это способ награждения, который «дает детям надежду и одновременно заставляет их бояться»⁴. Затем отцу предоставлено право наказания. Но тут законодатель различает детей по возрасту и по положению. Если они не достигли шестнадцати лет, и не имеют родового имущества или какой-либо профессии, отец может поместить их в исправительный дом⁵, и председатель суда может только придать как бы законную форму простому исполнению воли отца; судья не может отказать в этом случае и тем «создать между отцом и сыном процесс, проигрыш которого не может не скомпрометировать авторитета первого»⁶. Если дети достигли возраста от шестнадцати лет до двадцати одного года, то отец может только требовать заключения их в тюрьму самое большее на шесть месяцев, и председатель суда может отказать в распоряжении об аресте или сократить срок требуемого наказания⁷; ибо в возрасте, когда у ребенка развиваются страсти, можно опасаться, что отец будет чрезмерно суров. Но теперь в это вмешивается уже не семья, а судебная власть.

Если дети желают вступить в брак, они должны получить согласие родителей или, по крайней мере, отца, пока они не достигнут — сыновья двадцати пяти лет, а дочери двадцати одного года⁸. В этом вопросе, помимо того, что дети встречаются с некоторыми упраздненными в 1792 году препятствиями к браку⁹, они стеснены возрастом: вступление в брак разрешается с восем-

¹ Fenet, X, 508, примечание.

² Биго-Преамеи (Fenet, XII, 561—563).

³ Гражд. Кодекс, ст. 1048.

⁴ Ibid., 913, 1048.—Порталис (Fenet, XII, 258).

⁵ Ibid., 376, 382.

⁶ Реаль (Fenet, X, 519).

⁷ Гражд. Кодекс, см. 377.

⁸ Ibid., 148.

Запрещение браков между дядей и племянницей, теткой и племянником, невесткой и зятем, если нет особого разрешения. Гражд. Кодекс, 162—164.

надцати и с пятнадцати лет. Таким образом Кодекс устанавливает для брака специальное совершеннолетие. Затем в возрасте от двадцати до тридцати лет для сыновей и от двадцати одного года до двадцати пяти лет для дочерей необходимы три почти-тельных ходатайства о согласии на брак, каждое с промежутком в один месяц; после тридцати и двадцати пяти лет все еще необходимо одно почтительное ходатайство¹. «Нарушены были все основы почитания родителей» — теперь идет работа по их восстановлению. За неимением отца и матери, согласие должны давать дед и бабушка: их авторитет тоже поддерживается, так как «после крупных политических потрясений общественный порядок может быть упрочен только путем удвоенных мер предосторожности для сохранения порядка в недрах семьи»².

Наконец отцам предоставляется право пользования имуществом детей. Обычное право не давало им его³. Писаное право предоставляло им эти имущества в полную собственность. Кодекс 1804 года устанавливает компромисс между двумя этими законодательствами: родители пользуются имуществом своих детей до тех пор, пока последние не достигнут восемнадцатилетнего возраста⁴, — положение, которое не слишком задерживает эмансипацию и не ставит ей препятствий. Но даже воспользовавшись этим узурфом, родители не обязаны давать приданое своим детям: иски о приданом дочерей в областях писаного права упразднены⁵. Установить их в областях обычного права, никогда не допускавших таких исков, невозможно; принятие их только ослабило бы и без того подорванную власть отца. В случае отсутствия отца или матери у несовершеннолетних детей, опека предоставляется пережившему супругу; матери может принадлежать лишь ограниченное право опеки, так как отец имеет право давать ей специальные советы⁶. Переживший отец или мать могут передать избранному им лицу право опеки актом изъявления последней воли или заявлением в присутствии мирового судьи⁷; опека, установленная в завещании, предпочитается всякой другой. Затем идет опека по закону, которую закон поручает восходящим родственникам и прежде всего восходящим мужчинам отцовской линии⁸, «потому, что дух семьи поистине сохраняется только в этой линии»⁹. На последнем месте стоит опека по назначению. Она устанавливается семейным советом, дополненным уже не долж-

ностным лицом, двумя родственниками из числа наследников и двумя, не-наследниками, как это было установлено законом 1793 года, удержавшимся при Директории¹, — но мировым судьей и шестью ближайшими родственниками из обеих линий². Этот совет пользуется правом неограниченно и вполне самостоятельно решать вопрос о браке несовершеннолетних³, вмешивается беспрестанно сообща с судебной властью в действия опекуна и может даже лишить его прав опеки⁴. Таким образом законодатель 1804 года дает отцу и матери право избрания опекуна без вмешательства родственников и представителя суда; он отклоняется от духа обычного права, отдает предпочтение опеке по завещанию и строго следует порядку римского права⁵.

Итак, на смену власти, разделяемой с родственниками, идет независимая и безраздельная власть отца. Не упраздняя всецело обычно-правовой традиции, дух римского права побеждает ее. Семья организуется по образцу государства: «действовать представляется одному». Семейная власть prepares пути для власти государственной.

Отдел третий

Гражданское положение женщины

Женщина должна быть равной мужчине — таков принцип, который революционеры провозглашают и который они стараются провести во всех областях права, чтобы уничтожить вековое неравенство, разделяющее оба пола. Женщина восстановлена в своих естественных правах; она, повидимому, равна мужчине во всем, что входит в круг частно-правовых интересов.

I

Но вот наступает реакция в области права. Если основной принцип еще сохраняется, то исключения из него уже появляются в третьем проекте Кодекса, в законе 15 жерминаля VI года и, наконец, особенно в Кодексе консульства. Женщина не может ни входить в состав семейного совета, ни быть опекуной⁶. Она не может быть подвергнута аресту за долги, но эта привилегия

¹ Гражд. Кодекс, 152—153.

² Жилле, трибун. (Fenet, IX, 241).

³ Argou, Instit. au dr. fr., I, 26. — Лишь переживший из родителей, в качестве опекуна малолетнего, пользуется узурфом с имущества последнего как компенсацией за эти обязанности.

⁴ Гражд. Кодекс, ст. 384.

⁵ Fenet, IX, 176.

⁶ Гражд. Кодекс, ст. 391.

⁷ Ib., 397—398.

⁸ Ib., 402.

⁹ Малеви, Речь в Государств. Совете, I, стр. 419.

¹ Гользар требовал отмены декрета от 7 сентября 1793 г. и возвращения к законодательству 1792 г. (Сов. Пятисот, 17 термидора V года, «Moniteur», fol., t. XVII, 1278). — Резолюция отклоняется Советом Старейшин, ibid., t. XVII, 2-e partie, p. 14. Доклады Гользара и Мюрэра, а также мнение по этому вопросу Ренье собраны в ADXVIII c., t. 453.

² Гражд. Кодекс, 407.

³ Гражд. Кодекс, 160.

⁴ Ibid., 446.

⁵ Maleville, t. I, pp. 419 et suiv.

⁶ Третий проект Кодекса, ст. 193 (исключение допускается только для матери или бабушки), Гражд. Кодекс, ст. 442, 3°.

может только подорвать ее кредит ¹; наконец, она не может быть свидетельницей при составлении нотариальных актов ². Она может в качестве акушерки ³ заявить о рождении ребенка, но не может быть свидетельницей заявляющего о рождении. Другая странность: она не может выступать в качестве свидетеля в акте гражданского состояния, но она вполне может быть свидетельницей в нотариальном акте, предназначенном заменить утраченный акт ⁴. Законодатель эпохи консульства совершенно не считается с революционными законами, нравами французов, с обновлением чувств и понятий; он вводит в право такие виды неправопособности, которые подошли бы только античному обществу или варварским обществам, стремящимся заточить женщину в доме. Такова участь незамужней женщины: в принципе она остается правоспособной; фактически же правоспособность часто оказывается уничтоженной.

II

Если свободная женщина в принципе правоспособна, то замужняя находится в совершенно ином положении. Революционеры мечтали о брачном законодательстве, основанном на равенстве полов и единообразном для всей Франции. Это была химерическая затея, идущая в разрез с юридическими традициями и вековыми привычками областей с писаным правом. Поэтому оба эти принципа—принципы равенства и единообразия,—которые послужили основой Законодательному Комитету 1793 года, должны были исчезнуть под влиянием реакции в области права. Даже Конвент не мог положить их в основу своего законодательства.

Равенство полов в браке является для законодателя уже только утопией. Законодательный Комитет, который провозгласил его в 1793 году, отвергает его в 1796 в третьем проекте Кодекса. Камбасерес признает, что совместное управление супругами своим имуществом «справедливо подверглось критике». «Общее управление постоянно встречало бы препятствия, а разногласия по поводу мельчайших подробностей его привело бы вскоре к расторжению брака». Он отступает перед очевидностью. Надо предохранить брак от всяких поводов к внутреннему разладу в нем и расторжению его. «Хотя равенство и должно служить регулятором во всем, что касается организации общества, но поддерживать естественный порядок не значит уклоняться от этого регулятора» ⁵. А естественный порядок—это верховенство мужа

¹ Декрет 15 жерминаля VI г. (4 апр. 1798), разд. I, ст. 5.—Доклад Россе из Верхнего Рейна. Совет старейшин, 24 вентоза VI г., ADXVIII с. 454: «Эти распоряжения освящают почтительное отношение к слабому полу, который борется с нашим против неравенства в деловых отношениях».—Гражд. Кодекс, ст. 2066.

² Гражд. Кодекс, ст. 37.

³ Ibid., ст. 56.

⁴ Ibid., ст. 71.

⁵ Камбасерес, Вступит. речь к третьему проекту, стр. 9.

в интересах общего хозяйства. Редакторы Кодекса эпохи Консульства идут еще дальше и откровенно возвращаются к римским идеям.

Природа наделила мужчину и женщину различной организацией. Мужчина сильнее: «его организм не требует подчинения такому количеству потребностей и обеспечивает более независимости для использования его времени и развития способностей». Женщина страдает известной физической и умственной слабостью: она нуждается в покровительстве. Отсюда вытекает для нее необходимость повиноваться мужу, который берет на себя обязательство охранять ее. Главенство мужа основано не только на необходимости правильно организовать хозяйство, но и на слабости женского организма ¹. Это одновременно взгляды и римские и обычного права, но первые преобладают и придают юридической системе консульства ее истинную физиономию. Гражданский Кодекс устанавливает не только зависимое положение женщины, но и ее гражданскую неправопособность.

Прежде всего, жена обязана повиноваться мужу ². Кодекс 1804 года провозглашает этот принцип, между тем как революционные Кодексы ничего подобного не говорили. Дело в том, что Бонапарт хочет подействовать на подвижной и фривольный ум женщины при помощи сильных и торжественных выражений. По его мнению, женщина—это слабое существо, которое надо держать под своим началом, которому никогда нельзя предоставить власти «Она должна знать, что, выходя из-под опеки семьи, она переходит под опеку своего мужа. Гражданский чиновник совершает брак без всякой торжественности. Это слишком сухо. Надо добавить немного морали» ³. Совершая брак, должностное лицо, ведающее актами гражданского состояния, посвятит женщину в ее новые обязанности. Женщина должна также следовать за своим мужем повсюду, где бы он ни поселился, даже за границу ⁴. Она никоим образом не участвует в управлении общим имуществом ⁵. Следовательно, она должна предоставить мужу распоряжаться им, даже расточить его, не имея возможности воспрепятствовать этому иначе, как при помощи крайних и обычно слишком запоздалых мер, вроде разделения имуществ. Она приносит вклад в общую имущественную массу и не имеет никакого права на управление им и на контроль; следовательно, она не настоящий пайщик, ибо в роли пайщика она выступает только при расторжении товарищества. В действительности муж всегда «владыка и хозяин общих имуществ». Это—обычно-правовая традиция во всей ее чистоте. Жена не может совершать ни одного важного акта, являться на суд, отчуждать или закладывать свое родовое имущество,

¹ Порталис (Fenet, IX, 178).

² Гражд. Кодекс, ст. 213.

³ Thibaudeau, *Memoires sur le Consulat*, p. 433.

⁴ Гражд. Кодекс, ст. 214.

⁵ Ibid., ст. 1421.

обязываться в чужом интересе, без согласия своего мужа¹. И это согласие не должно быть общим и раз навсегда предоставлять ей право совершать определенные гражданские акты: необходимо специальное сопутствующее или предшествующее акту разрешение². Кто отныне решится на сделку с замужней женщиной, не приняв строжайших мер предосторожности? Всякая инициатива, всякое проявление воли с ее стороны являются парализованными: оказывая ей покровительство, законодатель лишает ее существеннейших гражданских прав. Все дело в том, что по его представлению это существо слабое, капризное, неопытное: как доверить ей свои денежные интересы? В этом Кодекс идет дальше традиции обычного права, которое оставляло женщине хоть гражданскую правоспособность; он следует римской традиции, которая лишала женщину всякой правоспособности³. Замужняя женщина в системе эпохи консульства не является полноправным членом товарищества и не имеет гражданской правоспособности.

Затем идет работа над укреплением связей между супругами, которые революция резко ослабила. Проект Кодекса IV года восстанавливает систему установленных законом поводов к расторжению брака, которую Конвент декретировал в 1793 году как одно из положений подготовлявшегося Гражданского Кодекса⁴. Проект лишает несовершеннолетних супругов права расторгнуть брак по взаимному согласию или по причине несходства характеров⁵; но назначаемые им сроки для развода очень коротки⁶. 2 августа 1795 года Конвент приостанавливает действие законов 8 нивоза и 4 флореаля II года, в силу которых супругам предоставлялась возможность особенно легко расторгать брак и вновь его заключать⁷. Затем с 1795 до 1797 года в обоих Советах делаются попытки изменить великий декрет 20 сент. 1792 года и упразднить развод по причине несходства характеров. Но это оказывается невозможным. Тогда стараются, по крайней мере, провести декрет об отсрочке всех ходатайств о разводе по причине несходства характеров впредь до обсуждения Гражданского Кодекса, представленного Камбасересом. Несмотря на усилия Фавара, Симеона и Порталиса, революционные законы остаются неприкосновенными; и эти очень долгие дебаты кончаются лишь декретом первого дополнительного дня V года, который устанавливает промежуток в шесть месяцев после составления трех

актов о невозможности примирения, требуемых законом 1792 года¹. Это просто-на-просто оставление в силе декрета 20 сентября 1792 года, вплоть до сохранения определенных им формальностей.—Но в Кодексе 1804 года замечается уже сильная реакция. Во-первых, он уже упраздняет развод на основании несходства характеров: подобный институт противоречит теории договоров, так как последние никогда не могут быть расторгнуты по воле одной из сторон; кроме того, он представляет опасность для правильной организации семьи². После очень долгих споров между сторонниками и противниками развода по обоюдному согласию³, этот способ расторжения брака был пощажён новым законом на том основании, что он дает возможность избежать огласки и скандала, связанных с системой определенных законом поводов, и лучше ограждает фамильную честь. Но Кодекс ограничивает возможность его применения и старается сделать эти случаи как можно более редкими: этот способ развода может иметь место уже только по истечении не менее двух и не более двадцати лет с момента вступления в брак; муж не должен быть моложе двадцати пяти лет, а жена моложе двадцати одного года и старше сорока пяти лет⁴; развод должен происходить с согласия отца и матери или других живых восходящих родственников⁵; промежутки между заявлениями должны быть более года, а взаимное согласие на расторжение брака должно быть выражено четыре раза в течение года⁶, наконец, разведенные супруги могут вступить вторично в брак лишь по прошествии трех лет после развода⁷, и дети их имеют право на половину их имуществ⁸. Что касается развода по установленным законом поводам, то Кодекс сокращает их число; декрет 1792 года допускал семь оснований, Кодекс допускает лишь три: прелюбодеяние и распутство, нанесение серьезного оскорбления или жестокое обращение, признание к позорному наказанию⁹. Семейные советы были всегда слишком пристрастны, слишком снисходительны и несговорчивы; они представляли собой лишь «услужливую группу доверенных

¹ Декрет 1-го дополнит. дня V г. (17 сент. 1797 г.), Duvergier, X, 60. За отсрочку: Фавар, Симеон, Дюпра, Баккаль, Порталис; против: Лекуант-Пюраво, Фолькон.—Фавар подвергает жестокой критике закон 20 сентября 1792 г.: «Он был принят без широкого обсуждения, без глубокого размышления, которых он требовал; это акт, совершенный во время предсмертной агонии», ADXVIII с. t. 365.—Порталис, Доклад (1 допол. день V г.) «Moniteur», fol., t. XVII, 2-e partie, p. 8.

² Один только Берлие является сторонником развода по несходству характеров. Против—Бонапарт. (Fenet, IX, 288).

³ Против развода по взаимному согласию: Булэ, Порталис, Тронше.—За: Бонапарт, Камбасерес, Берлие (Fenet, IX, 283—302).

⁴ Гражд. Кодекс, ст. 275—277.

⁵ Ibid., ст. 278.

⁶ Ibid., ст. 289.

⁷ Ibid., ст. 297.

⁸ Ibid., ст. 305.

⁹ Гражд. Кодекс, ст. 299—303.

¹ Гражд. Кодекс, ст. 215, 217.

² Ibid., ст. 223.

³ Согласно обычному праву женщина не может оспаривать совершенный ею акт, если он получил позднее одобрение мужа, или если муж умолчал о нем, или уже умер. В римском праве как раз обратное. Cf. Gide, Condition privée de la femme, éd. 1867, pp. 476—478.

⁴ Третий проект, ст. 328.

⁵ Ibid., ст. 331.

⁶ Ibid., ст. 343, 347, 348, 352 (по меньшей мере четыре месяца для развода по взаимному согласию или по несходству характеров).

⁷ Декрет 15 термидора III г.

людей, всегда готовую тайно сговориться с супругами против законов»: в вопросах развода они теперь будут заменены трибуналами¹. Наконец, из уважения к цепетильности католиков, считающихся с церковными законами, восстанавливается разлучение супругов от стола и ложа²: новый режим, режим Конкордата и Гражданского Кодекса, старается умиротворить умы и привлечь всех на свою сторону. Таким путем думают вернуть браку подбаюющее ему достоинство.

Все это было бы, если не прекрасно, то по крайней мере понятно, если бы муж и жена были равны в законах о разводе. Но здесь с неслыханной суровостью и жестокостью проявляется взгляд на женщину, как на существо низшее, скажу даже, как на рабыню. И эти ретроградные положения мотивируются законодателем при помощи спокойных и холодных рассуждений, которые дают понять всю силу реакции.

Одна из статей Кодекса гласит, что супруги обязуются взаимно к соблюдению верности³. Неверность должна бы одинаково вменяться в вину обоим. В действительности происходит далеко не так. «Неверность жены,—пишет Порталис,—предполагает большую нравственную испорченность и имеет более опасные последствия, чем неверность мужа; поэтому муж всегда судился за нее менее строго, чем жена»⁴. Надо путем суровых наказаний воспрепятствовать женщине вводить постороннего мужчину в законную семью. И, опираясь на прежние законодательства, авторитет которых он принимает, законодатель 1804 года вводит в Гражданский Кодекс, вышедший из революции, «это почетное и полезное различие» между супругами, которое в сущности является жестокой тиранией и явной несправедливостью. Супруги неравны в отношении права требовать развода. Муж может требовать его на основании прелюбодеяния жены: жена может его требовать лишь в случае содержания наложницы в семейном доме⁵. Если женщина уличена в прелюбодеянии, она присуждается по требованию прокурорского надзора к заключению в исправительном доме на срок от трех месяцев до двух лет⁶. Если же муж уличен не просто в прелюбодеянии, но в содержании наложницы в своем семейном доме, он карается только штрафом от 100 до 2.000 фран-

¹ «Вступительные речи редакторов проекта 1800 г.», *Loisg*, I, 288.

² Гражд. Кодекс, ст. 306. Свобода вероисповедания требует развода, а также разлучения супругов. Примером послужила особенно Пруссия. Порталис, *Fenet*, IX, 335.

³ Гражданск. Кодекс, ст. 212.

⁴ *Fenet*, IX, 178. Порталис добавляет: «Все нации, умудренные на этот счет опытом и особым инстинктом, согласны в том, что более привлекательный пол должен быть для счастья человечества и более добродетельным». «Женщины плохо поняли бы свои истинные интересы, если бы они усматривали в кажущейся строгости по отношению к ним лишь суровый деспотизм, а не почетное и полезное отличие».

ков¹. Наконец, если муж, застав свою жену и ее сообщника на месте преступления в семейном доме, имел несчастье совершить убийство, это убийство прощительно, гласит закон². Итак,—тюрьма для неверной жены и штраф для мужа, изменяющего жене в ее доме. Убийство жены оправдывается, а убийство мужа женой карается. Да и вообще может ли преступление формально оправдываться законами? Это законодательство заимствовано у римского права, сохранившегося в старой Франции: муж мог заточить жену в монастырь или посадить ее в тюрьму и добиться прекращения этого наказания, когда ему вздумается взять жену обратно³. Кодексом 1804 года это право мужа наказывать жену восстанавливается: он может добиться присуждения неверной ему жены к тюремному заключению и он всегда властен приостановить исполнение произнесенного над ней приговора⁴.

С точки зрения философа одинаковые преступления должны влечь за собой и одинаковые наказания. С точки зрения юриста, уважающего традицию, преступления наказываются пропорционально порождаемым ими результатам.

Таким путем, переходя от несправедливости к несправедливости, Кодекс эпохи консульства достигает превращения женщины в рабу мужчины, с которым революция почти уравнила ее. Ее уделом становятся изощренные требования соблюдения достоинства, собственное унижение и молчание; удел мужчины—тиранническая верховная власть, грубость и даже жестокость.

III

Разделавшись так с революционным принципом равенства полов в браке, законодатель окончательно отказывается от создания единообразного для всей Франции брачного права.

Законодательный Комитет уже в 1793 году натолкнулся на очень крупные затруднения. Он попытался упразднить систему приданого и сообщить, наконец, брачному законодательству недостававшее ему единство. Но Конвент отсрочил этот проект. В 1796 году Комитет отказывается от своих прежних предложений. Он устанавливает в своем третьем проекте Кодекса систему общности имущества для супругов, которые не обуславливают договором иной системы; он провозглашает принцип свободных договоров между мужем и женой. Между тем, в виду молчания в проекте Комиссии VIII года по поводу системы приданого,

¹ Уголовн. Кодекс, ст. 339.

² *Ibid.*, ст. 324.

³ *Novelles*, CXXXIV, X: «Прелюбодейная жена... подлежит заключению в монастырь. И, если в течение двух лет муж пожелает ее снова взять... даем ему власть это сделать». *Guillot*, *Répert.* V, 93.—*Fenet*, IX, 313: Тронше говорит, что склонность к установлению такого различия между мужчиной и женщиной заимствована из римских законов.

трибуналы юга, опасаясь, как бы у них не отняли их брачного законодательства, не перестают протестовать против юридического единства, которое могло бы осуществиться лишь за счет их вековых традиций. Судебная Палата Монпелье говорила, что это «яблоко раздора, которое Север Франции хочет бросить Югу». Появлялись сочинения, в которых прилагалось «гораздо больше стараний к обнаружению несправедливости и варварства отвергаемой системы, чем к доказательству разумных свойств и преимуществ противоположной системы»¹. Надо было успокоить все эти взволнованные умы. Вот почему Кодекс XII года не удовлетворяется, подобно проекту IV года, провозглашением свободы договоров; он хочет сказать больше того, и он, не колеблясь, излагает правила системы приданого и соединения благоприобретенных имуществ, которых придерживалось население Юга и района Бордо. Несомненно, редакторы Кодекса отдают предпочтение традиционной общности имуществ, режиму, основанному на доверии к мужу, соответствующему христианскому представлению о браке и принципу главенства мужа. Но законодатели без особого труда отказываются от единообразия, с которым революционеры Комитета Конвента не могли расстаться без сожаления. «Если единообразие пленяет разум,—заявляет Симеон,—то снисхождение к правам и обычаям дает удовлетворение сердцу»; он доходит до утверждения, что «для государства безразлично, будут ли супруги держиваться в своих имущественных отношениях принципа общности или института приданого»², лишь бы продолжали заключаться браки». Это рассуждение было бы понятно в эпоху монархической Франции, когда все гражданские институты были различны в различных областях, но в революционной Франции, во всем уравненной и сведенной к единству, это было не более как оправданием, в котором проглядывает досада. Ибо, если государству безразлично, какой брачно-имущественный порядок выберут супруги, то почему же ему не безразлично, какой наследственный порядок изберут граждане? Если продолжать это рассуждение, то не будет ли нанесен серьезный ущерб единству Франции? Это был компромисс. Однако, крайним сторонникам писаного права он показался недостаточным, ибо преобладание предоставлялось все же системе общности имущества³, распро-

¹ Трибун Дювейрие. F e n e t, XIII, 697—698.

² Трибун Симеон. F e n e t, XIII, 805—806.—Дювейрие, id. 691. «Первой истиной, которую единодушно восприняли и усвоили все, кто был занят выработкой этого закона, было сознание, что необходимость или—что почти то же самое—политический такт требуют, чтобы в области соглашений, наиболее тесно связанных с частными интересами..., ни у одного француза не были насильно вырваны его старинные и любимые обычаи с целью надеть на него ярмо нового непривычного и, следовательно, несвоевременного законодательства».

³ Трибун Низас. Мнение (9 февр. 1804 г.): «Он хотел бы, чтобы институт

странявшейся на все случаи, когда брак не сопровождался договором. Эта система видоизменяла даже институт приданого в интересах принципа главенства мужа, подчиняя ему отныне и остальное имущество жены, не входящее в состав приданого (biens paraphernaux)¹. «Таким образом, система общих супружеских имуществ и система приданого мирно поделили между собой сферу брачно-имущественного права республики»². Свобода является великим принципом этого права: свобода заключения договора, а также свобода в вопросе дарения между супругами, ибо с 1796 года, Законодательный Комитет отказался от своих ограничений 1793 года³, а Кодекс 1804 года пошел по тому же пути⁴.

Итак, верх одержали традиции, а именно, традиция провинциальной свободы, в силу которой различные местности целой половины Франции сохранили путем специального договора с государем право управляться собственными законами, затем традиция римская, которая превращала замужнюю женщину не только в подчиненное мужу лицо, подобно тому как это было в обычном праве, но и в лишенную правоспособности, настоящую подопечную. В то же время устанавливалась почти полная противоположность в положении свободной женщины и замужней, что отличает современное право от всех предшествующих законодательств. Но если законодательное единство было утрачено навсегда, то положение замужней женщины не было навсегда принижено: суровость закона естественно умерялась благодаря смягчению нравов и духу общественности, который является одной из отличительных черт нашей расы.

Революция старалась освободить всех членов семьи, на которых прежде право смотрело как на существа низшего порядка: законного ребенка, внебрачного ребенка и жену; Кодекс 1804 года вновь низводит их на прежнее положение, из которого они были почти совсем вышли. Принцип свободы сменился принципом власти.

столько мнений, сколько голов. Отсюда следует, что когда законом устанавливается известный режим имущественной общности, то этот режим отличается, по крайней мере, от 99 из 100 систем, имеющих своих сторонников, и вдобавок идет еще против настроения всех 100 сторонников дотального режима. Почему же вы не избрали систему приданого, если вам непременно нужно было общее право при отсутствии договора?...» F e n e t, XIII, 733.—Так же высказывается трибун Альбисон, id., 789 сл.

¹ Гражд. Кодекс, ст. 1576. Женщина не может без согласия мужа распоряжаться своим имуществом, не входящим в состав приданого.

² Трибун Дювейрие, F e n e t, XIII, 699.

³ Камбасерес, *Важные дела*, стр. 19.—Третий проект, ст. 318—319.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(1789—1804)

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РЕВОЛЮЦИИ
И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

I

В 1789 году народные представители стремились установить единообразные гражданские законы. Эта задача, которую короли тщетно пытались осуществить, была очень трудна; на этом пути встречались всякого рода препятствия: личные привилегии, привязанность отдельных провинций и областей к своим местным обычаям и особым уставам. Единство гражданского права требовало социальной и политической революции: установления равенства всех перед законом, слияния всех провинций и областей Франции в единое национальное целое. Учредительное Собрание осуществило эту огромную задачу в принципе уже в 1789 году. Но это было лишь необходимым условием для создания единства, вступлением к желанному Гражданскому Кодексу, без которого невозможно было обойтись.

Начиная с 1789 г., по 1795 г. деятели революции неустанно стремятся к достижению единообразия гражданского права, а в 1793 году—даже внутреннего единства его. Новое право—чем дальше, тем больше—проникается философскими началами; все сильнее обнаруживается стремление к законодательному единству, равенству и свободе. Эти идеи с каждым днем приобретают все большую и большую силу потому, что это не отвлеченные идеи, но потребности, страсти, они еще сильнее разгораются и жаждут удовлетворения оттого, что старое здание еще частично устояло, а воображение масс уже пленено образом нового. От 1789 до 1795 года новое право борется со старым, философское начало в конце концов берет верх над началом юридическим. Но это движение вперед совершается не без задержек.

I. В период деятельности Учредительного Собрания философское начало постоянно умеряется юридическим. В 1789 году члены Учредительного Собрания устремляются на путь реформ со всем жаром и великодушными иллюзиями молодости; начиная с 1790 года, опыт и традиция вступают в свои права. В пылу борьбы члены Учредительного Собрания хотят уже в ночь на 4 августа провозгласить...

ществующими корпорациями, вернуть личности и государству их независимость; теория естественных прав человека побуждает их уничтожить всякие препятствия для установления свободы личности. Но в дальнейшем противоречие интересов, юридические навыки, желание, чтобы все их постановления согласовались с самой строгой справедливостью, толкают их на компромиссы. Сперва их замыслы носят, повидимому, общий и философский характер, они без колебаний идут на крупные социальные реформы, но затем, под давлением обстоятельств, под влиянием уважения к старой юридической практике, они робеют, смущаются и не дают уж ничего, кроме отдельных частичных постановлений, ослабленных рядом оговорок и исключений, в явном противоречии с первоначальными решениями. Их декреты 1790 и 1791 года являются реакцией против декретов 1789 года, а так как они издаются иногда с промежутком лишь в несколько месяцев и сохраняют первоначальную мотивировку, то противоречивость их еще сильнее бросается в глаза. Национальное Собрание заявляет, что окончательно уничтожает феодальный порядок: это акт философского порядка; затем, на деле, оно лишь частично уничтожает его; оно устанавливает в сенъериальных правах различия скорее юридического, чем реального, характера и издает ряд законов, правда, строго логических, согласующихся с положениями старой юриспруденции, но идущих вразрез с потребностями нации и совершенно невыполнимых: отсюда всеобщее возбуждение сельского населения, которое пришлось подавлять. Собрание желает, по его словам, увеличить число мелких земельных собственников и 14 мая 1790 года издает декрет, отвечающий его филантропическим намерениям, а 3 ноября другой, совершенно противоположный ему, при чем мотивы остаются прежними. Кажется, что члены Учредительного Собрания испугались разрушений, провозглашенных ими, и пытаются умирить беду. Иногда же они остаются в нерешительности; избегая компромиссных решений вопросов, они отсрочивают их до бесконечности. Объявив национальной собственностью церковные имущества, осмелившись своей властью установить отношения между церковью и государством и принудить католическое духовенство принять гражданскую конституцию, они дрожат при мысли об изъятии из ведения своего духовенства актов гражданского состояния граждан; они ограничиваются внесением в конституцию принципа, согласно которому брак является лишь гражданским договором, и не хотят сделать из него необходимых выводов. Провозгласив во всеуслышание через посредство своих наиболее авторитетных ораторов, как Тронше и Мирабо, что собственностью—это институт, созданный обществом, они отсрочивают введение полного равенства лиц при наследовании, отказываются ограничить свободу завещаний, помешать созданию неравенства по воле отдельных завещателей. На этих легистах, бывших советниках или адвокатах высших или президиальных

рожного метода юристов, живших при старом порядке; они боятся слишком резких преобразований и хотят смягчить переход от прежнего состояния к новому.

II. В период Законодательного Собрания компромиссы, колебания и неуверенность постепенно исчезают. Такие обстоятельства, как борьба с королевской властью и война с Европой, вынуждают идти вперед смелее. Уничтожается поземельная аристократия, имения врагов отечества конфискуются, к созданию благополучия новых классов подходят прямо, открыто, без той осторожности и попятных движений, которым легко поддавалось Учредительное Собрание. Теперь уже не боятся выводить следствия из установленных принципов. Это философское настроение проникает собой все прения, но еще не все препятствия устранены; если и есть смелые законодатели, вроде Мэя и Боана, то зато есть и робкие, как Франсуа де Нёшато. Правда, представляющие затруднения вопросы уже не откладываются, но и не видно, чтобы спешили возобновить прения по предметам щекотливым и чреватым последствиями, и до 10 августа с трудом проходит один важный декрет о сенъериальном порядке. Но 10 августа уничтожает всякие колебания; в промежуток в полтора месяца между 10 августа и 20 сентября 1792 года Законодательное Собрание издает ряд декретов по гражданскому праву. 14 августа оно издает распоряжение о разделе «общинных владений» и эмигрантских имений; 20, 25 и 27 августа оно упраздняет безвозмездно все сенъериальные права, которые не будут подкреплены предъявлением сенъерами подлинных актов об уступке ими земли; оно разрешает даже простым арендаторам, вроде колонов отпускных владений, выкупить участки, никогда не принадлежавшие им на праве собственности. Оно, наконец, выполняет обещания 1789 года и осуществляет желания сельского населения. Перед тем как разойтись, 20 сентября 1792 года, оно издает два важных декрета, которые совершенно преобразуют правовое положение личности. Оно смело делает необходимые выводы из принципов, установленных Учредительным Собранием, проводит секуляризацию гражданского состояния и допускает развод. Оно уничтожает каноническое и монархическое законодательство, которое превращало человека в раба. Освободив земли, Законодательное Собрание освобождает и личность. Достоинство человеческой личности возрастает; устраняются всякие оговорки и разграничения; новые принципы повелевают, старые не оказывают больше никакого влияния; логика легистов продолжал работать так же неуклонно, но теперь лишь в определенном направлении.

III. С Конвентом наступает полное торжество философского начала, принципов свободы и равенства.

В силу общественных и политических условий государственная власть по необходимости становится гораздо более сильной, чем когда-либо. Ее провозглашают даже источником права; она является

ресов личности; дух общественности должен господствовать над эгоистическими стремлениями частных лиц и маленькими группами. Но государство употребляет всю власть, которой оно облечено, не для порабощения, а, напротив, для освобождения личности. Каждый гражданин сам по себе слишком слаб; он может получить свободу не в результате своих личных усилий, которые слишком часто оставались бы бесплодными, но благодаря соединенной силе всех заинтересованных в одном и том же гражданах, т. е. благодаря государству. Довершить уничтожение поземельной аристократии, раздробить крупные состояния, свести имущественное положение всех и каждого к золотой середине, не стремясь в то же время к полной нивеллировке,—таков идеал деятелей Конвента.

В целях достижения счастья личности государство не должно слишком увеличивать количество законов. Закон всегда является ограничением естественной свободы, а именно ей и нужно обеспечить господство. Гражданский кодекс должен быть простым и ясным, как простые законы природы. Надо свести его к небольшому числу статей, логически вытекающих из общих принципов нового демократического общества. Каждый будет тогда знать, каким законам он подчиняется; он будет избавлен от сетей бесконечного обмана и путаницы в которые попадет благодаря изобретательности судейского крючкотворства. Конвент идет дальше, чем его Законодательный Комитет. Он находит представленный Комитетом проект Кодекса все еще слишком длинным и сложным; он желает, чтобы Кодекс носил более философский характер. Он поручает Законодательному Комитету упростить свой проект и дает новому комитету из шести членов, назначенных Комитетом Общественного Спасения, задание составить другой проект. Однако, новый Кодекс оказывается уже непригодным для регулирования многообразной действительности и сводится почти исключительно к определениям и принципам. Это уже не гражданский кодекс, но общая теория гражданских законов.

Кроме того, Конвенту необходимо действовать, не проявляя слабости. Недопустимы никакие оговорки, исключения в пользу тех, кто заключал договоры на основании прежних законов и не мог предполагать, что они будут изменены. Осторожность, проявленная Учредительным Собранием, опасна; интересы нескольких индивидов не могут стоять выше общих интересов. Допуская исключение за исключением, можно внести в право вредную сложность и путаницу. Надо держаться определенных принципов и смело выводить из них все следствия. Надо полностью освободить личность в обществе и в семье. Вот почему Конвент решительно уничтожает без всякого вознаграждения все сенъериальные права, в ущерб бывшим собственникам и самому государству, и упраздняет даже поземельные права, если только они связаны с сенъериальными. С этой же целью он освобождает ребенка и женщину от деспотизма отца и мужа, уравнивает в правах внебрачных и законных детей, препятствует неравенству наследственных долей,

абсолютно запрещая завещания в пользу одного из наследников. По этой же причине Законодательный Комитет, действуя в данном случае смелее Конвента, предлагает систему совместного управления супругами своим имуществом. И Конвент стремится осуществить как можно скорее это освобождение личности. Он хочет видеть немедленно действие своих законов на наследственный порядок, достигнуть полного преобразования общества при помощи более правильного распределения богатств. А это принуждает его ввести в законодательство революционный принцип обратного действия законов, не смотря на его анти-традиционный и анти-правовой характер. Это прямое следствие теории естественных прав, — с одной стороны, а с другой — «государственного» толкования права, представления о всемогуществе государства, являющегося творцом собственности.

Наконец, государство не может удовлетворяться внесенным единообразием в гражданские законы, оно должно обнародовать действительно однородный Гражданский Кодекс, гармоничный во всех своих частях, проникнутый истинным внутренним единством, и Законодательный Комитет под председательством Камбасереса делает эту смелую попытку. Он считает, что в Кодексе не должно быть места компромиссу между противоположными юридическими системами; раз во всей Франции устанавливается один и тот же наследственный порядок, то следует внести одинаковый порядок и в отношении брака. Но Конвент отступает перед таким категорическим предложением и откладывает его.

Итак, с 1789 по 1795 год государство все энергичнее работает над освобождением личности и обеспечением ей счастья, свободы и равенства, т. е. естественных прав. Философия торжествует. «Великое здание гражданского законодательства... построено не на зыбучем песке систем, а на прочном фундаменте естественных прав и на девственной почве республики».

IV. Означает ли это, что даже в 1793 году философское начало окончательно порывает со всякими традициями права, что гражданские законы Конвента выходят из прений и из проектов юристов лишенными всякой связи с прошлым? Нисколько. Конечно, новое право устраняет из гражданского законодательства феодальное право, изгоняет каноническое, воздействует на римское право, отвергая устанавливаемую им отцовскую власть, свободу завещания, институт приданого, но заимствуя, впрочем, его понимание собственности, как абсолютного права на вещь, и его общие положения о договорах. Но, отвергая традицию римского права, оно беспрестанно возвращается к обычному праву. Кутюмы — вот тот материал, который использовали члены Конвента для осуществления единства в гражданском праве, к которому они стремились.

Этот возврат к обычному праву объясняется очень просто. Во-первых, это национальное право. Римское законодательство представлялось участникам революции законодательством чуждым,

слишком долго державшим Францию в рабстве. Кутюмы возникли на почве самой Франции; обращаться к ним — значит черпать из самого чистого национального источника. Во-вторых, это обычное право согласуется и с великими принципами нового общества. Римские законы, по словам Мирабо, это законы «народа, которому были неведомы истинные принципы гражданского законодательства, который был больше занят господством во вне, чем внесением равенства и счастья в свои домашние очаги»¹. Обычное право, наоборот, проникнуто принципом равенства, власть там всегда умереннее и мягче. Отцу отнюдь не предоставлена абсолютная власть на неограниченный срок; его дети могут сами осуществлять свои права в возрасте от двадцати или двадцати пяти лет и получают всегда почти равные, а иногда строго равные доли в наследствах простолудинов, согласно некоторым кутюмам долины Луары.

Однако, возврат к обычному праву не мог быть полным. Ибо это право отличается некоторыми тонкостями и известной сложностью, неприемлемыми для революционера, и законодатель никогда не поддается господству правовой традиции, но подчиняет ее всегда своему общественному идеалу. Поэтому, если он обращается вновь к обычному праву в качестве основания для своей работы, то он без колебаний преобразовывает его. Он освобождает его от содержащихся в нем тонкостей и присущей ему сложности; например, для того, чтобы установить порядок передачи имущества по наследству, он не считает больше с их природой и происхождения. За образец он всегда берет кутюмы, отличающиеся наибольшей смелостью и не Парижские кутюмы, которые, повидимому, отражают в себе общее, обычное право, но эгалитарные правовые обычаи провинций Турэн и Анжу, предоставляющие каждому ребенку абсолютно равную с другими долю в наследстве, или кутюмы Реймса, допускающие в боковой линии представительство до бесконечности. Революционные законодатели хотят навязать всей Франции порядок общности имущества супругов. Они доводят до крайности некоторые начала обычного права, они еще больше охраняют интересы рода путем почти полной отмены завещания. Наконец, они предлагают радикальные преобразования. правда, не проводят их все в жизнь: совместное управление супругами своими имуществами, право для женщины выступать свидетельницей в актах гражданского состояния, мобилизацию земель при помощи седулярной системы. Таким образом, революционное право является одновременно и традиционным, поскольку оно заимствует свои элементы главным образом у обычного права, и оригинальным, поскольку оно преобразует уже имеющийся материал, одухотворяет его посредством философских принципов, видоизменяет согласно новому политическому и социальному идеалу и придает ему не внешнее только, но глубоко проникающее его единство.

¹ Речь по вопросу о наследствах (2 апреля 1791 г.).

То, в чем заключалась оригинальность революционного права, в том виде, каким его создали три первых Национальных Собрания, в то же время делало его и чрезвычайно непрочным. Существование и сохранение этого законодательства было тесно связано с революцией в целом, с теми новыми идеями, которые приобрели такое могущество в период с 1789 по 1794 год; но с 1795 года они начинают изменяться. В эпоху Конвента стремились к тому, чтобы ограничиться небольшим количеством гражданских законов; на первый план выдвигали принципы, не допуская в них никаких ограничений. С 1795 года по 1804 год уже чувствуется потребность дать решение для всех случаев жизненной практики и не сводить Гражданский Кодекс к минимуму правил. В третьем проекте, представленном в IV году, имеется больше статей, чем в обоих первых; в четвертом и пятом их еще больше. Кроме того, в принципы вносятся оговорки и исключения; чем дальше, тем больше разрушается абсолютное равенство, устанавливаются компромиссы между старыми и новыми принципами, возвращаются к методу осторожного продвижения вперед, к которому вообще склонны юристы. Это—реакция юридического начала против начала философского. Но в этом попятном движении можно ясно различить два характерных этапа: период термидорианского Конвента и Директории и период консульства.

I. С 1795 по 1800 год еще нет резкой реакции. Пока лишь сглаживаются крайности, к которым приводило философское начало; законодатели остаются целиком верны юридической традиции едва ли больше, чем в одном или двух вопросах гражданского законодательства.

После термидора Конвент отменяет обратное действие своих законов о наследстве и упраздняет этот революционный принцип, который уже породил такие страстные прения и столько негодующих жалоб. Затем Законодательный Комитет, председателем которого все еще состоит Камбасерес, уже не проявляет такого философского уклона в своем проекте Кодекса IV года, представленном Совету Пятисот. Он расстается, правда, не без сожаления, с внутренним единством права и подчиняется требованиям свободы брачных договоров и разнообразию институтов в области имущественных отношений супругов. Затем он отказывается от прежней строгости в правилах, установленных Конвентом; он допускает толкование их. Тот самый Камбасерес, который в 1793 году сожалел, как он говорил, что не мог приравнять детей прелюбодения и кровосмешения к законным, теперь предлагает провести демаркационную линию даже между внебрачными детьми, признанными после вступления в брак виновников их рождения и признанными после вступления в брак, не говоря уже о детях прелюбодения и кровосмешения. Он же значительно увеличивает размер наследственной доли, которой наследодатель может рас-

полагать по своему усмотрению. Совет Пятисот отказывается от седулярной системы, которая, мобилизуя земли, могла бы в период народных волнений стать источником серьезных бедствий. Он хотел бы даже взять обратно законы, упраздняющие прежний поземельный порядок, чтобы государство могло вновь вступить в права, от которых оно слишком великодушно отказывалось в пользу новых землевладельцев. Но в общем, если исключить декрет, который отменяет грабительский закон 1792 года об отпуском владении, и декрет, который, к несчастью, восстанавливает арест на гражданские и коммерческие долги, то это скорее пока покушение на реакцию, чем систематическая и ясно выраженная реакция.

II. В период с 1800 по 1804 год господство юридического начала становится вновь все заметнее и заметнее. В 1800 году наблюдается желание усилить отцовскую власть, увеличить размер доли, которой может располагать наследодатель, разрешить отцу создавать преимущества для того или иного из его наследников и тем «исправлять несправедливость природы». Революционные теории подвергаются критике, их считают «пустыми софизмами, опровергнутыми очевидностью»; устанавливается положение, что право собственности не ограничено жизнью человека, и к этому добавляется, при помощи заимствованных из истории и ложно истолкованных аргументов, что право завещания является столь же древним, как и установление института собственности. Это движение назад идет дальше принципов, провозглашенных Учредительным Собранием. Римская традиция восстанавливает временно утраченное ею влияние. В то же время некоторые юристы высказываются в том смысле, что издание гражданского кодекса—слишком крупное предприятие, чтобы оно могло быть разом осуществлено, что оно «сопряжено с большими трудностями даже и для маленького, только нарождающегося народа, а для нации, существующей уже ряд веков и отпочковающейся большим разнообразием привычек, нравов и обычаев, оно кажется невыполнимым». «Желать вдруг изменить законы такого народа и резко подчинить его единообразной системе—это бессмыслица, за которой слишком часто шли в течение революции. Не таков ход природы»¹. Раздаются нападки на революцию за ее идеи и за ее стремление к законодательному единству.

Однако, эта великая идея единообразия гражданских законов, на которую нападали в Трибунате, не исчезла. Как раз в это время Жакмино представляет свой проект кодекса в Законодательную Комиссию Совета Пятисот. Его вдохновляет традиция. Он укрепляет отцовскую власть, восстанавливает специальное совершеннолетие для брака в двадцать пять лет, увеличивает долю, которой наследодатель может располагать, и отменяет наследование по боковой линии далее четвертой степени. Это уже компромисс между обычным и римским правом.

Затем правительство консульства поручает четырем юрисгам—Тронше, Порталису, Малевичю и Гуго-Преамёне—подготовить проект кодекса. Эти редакторы приносят в гражданское законодательство новое начало. Они ставят в упрек революционному праву его философский характер. «Законодатель изолировал бы свои установления от всего, что может сделать их жизненными, если бы он не соблюдал заботливо естественных отношений, которые всегда более или менее связывают настоящее с прошлым и будущее с настоящим». «Никогда ни один народ не задавался опасным предприятием внезапно оторваться от всего, что дало ему культуру, и переделать заново все свое бытие». Надо вернуться к традиции. «Новые теории являются положениями лишь нескольких индивидуумов; старые же положения—это разум целых веков»¹.

Из революционного права эти редакторы принимают только то, чего они не могут отбросить: секуляризацию брака и развод; они воспроизводят законы о секуляризации, лишь несколько изменяя их². Все остальное представляет компромисс между римским и обычным правом. Редакторы сами говорят, что они совершали «делку» между этими двумя законодательствами «всякий раз, когда было возможно примирить их положения или видоизменить одни при помощи других, не разрушая единства системы и не нарушая ее общего характера»³. Но в этом смешении и в этом противоположении правил, заимствованных у двух столь различных и часто противоположных законодательств, единство системы рискует совершенно исчезнуть.

Этот компромисс был встречен несочувственно. Северные провинции не могли допустить неравенства, устанавливаемого по завещанию, ни вообще расширения прав наследодателя; южные провинции жаловались на отмену прав дочери на иск о приданом, в особенности же на то, что законодатель умалчивал об институте приданого, прямо не исключая, но и не регулируя его и тем допуская его лишь как исключение⁴. Проекту ставили в упрек, «что он не отражает никакой крупной концепции», что он только компромисс, разрушающий всякое единство гражданского законодательства⁵. Трибунат оказал прямое сопротивление; он воспользовался первым случаем для выражения своего недовольства и вынудил Законодательный Корпус отбросить первый титул проекта об обнародовании законов. Философское начало, хотя и ослабленное и смягченное, давало последнюю битву юридическому началу, принимающему все более победоносный характер.

¹ Вступительная речь к проекту Комиссии, *Лосгё*, I, 271—272.

² Брак в пятнадцать и тринадцать лет, как в 1792 г.—разд. V, стр. 4,—воспрещается только между законными или внебрачными братом и сестрой, разд. V, ст. 18: это воспроизведение закона 1792 г.—Однако, развод допускается лишь по установленным законами поводам, разд. VI.

³ Вступительная речь к проекту, *Лосгё*, I, 271.

⁴ Апелляционный трибунал в Монпелье, *Fenet*, IV, 493 и сл.

⁵ Порталис, Изложение мотивов, 3 фримара, X г. (24 ноября 1801 г.), *Fenet*, VI, 37—42.

Между тем римская традиция с каждым днем все сильнее овладевала умами большинства. Сопротивление Трибуната было сломлено путем официозных сообщений правительства¹. С 1902 по 1804 год в Государственном Совете и в Трибунате происходили прения по поводу проекта, но уже с 1800 года во взглядах общества произошла заметная перемена, и проект кодекса приобрел характер, еще более приближающий его к традиционному праву.

Во время обсуждений проекта в Государственном Совете, происходивших часто под председательством Первого Консула, самые различные влияния вступали в борьбу между собой. Революционное право имеет только одного решительного сторонника: Берлие, докладчика закона 17 нивоза II года. В такой момент, когда никто не говорит о революционных законах, когда, наоборот, стараются заставить позабыть о них, он осмеливается о них напомнить и предлагает принять их². Они, по его мнению, справедливо ограничивают власть отца и мужа, препятствуют проявлению их деспотизма и водворяют поистине царство равенства, вводя свободу развода и устанавливая мудро-организованный семейный совет, своего рода домашний трибунал. Берлие и Тронше являются защитниками традиции обычного права. По мнению Берлие, равно как и революционных законодателей, в нем заключается истинный национальный источник права³. Тронше также чувствует необходимость сохранить великие принципы обычного права, упростив и переработав их; он охотно допускает достаточно сильный авторитет в семье, но отказывается называть его отцовской властью⁴. Впрочем, он согласен внести в законодательство строгий и инквизиторский дух, что собственно сближает его с романистами: он не возражал бы против лишения наследства в известных, определенных случаях⁵, и он готов принять строгие меры против «тех, кто гордится ложным званием супруга и называет свое сожительство почтенным именем брака»⁶. Римская традиция—на вершине могущества. Симпатии государственных деятелей, Камбасереса и Бонапарта, на стороне римского права потому, что оно основано на физической силе личности, на принципе власти в семье и в государстве. Камбасерес-консул отрекается от идей Камбасереса-члена Конвента и возвращается к осторожности и умеренности прежнего советника счетной палаты в Эксе⁷. Бонапарт подходит ко всем вопросам с единственной

¹ Каждый свой проект законодательное отделение Государственного Совета сообщало соответствующему отделу Трибуната, вместе обсуждало предполагаемые изменения и приходило к соглашению. (Прим. перев.)

² *Fenet*, X, 487, 493—494;—*id.*, IX, 25;—*id.*, XII, 15.

³ См. особенно систему общности имущества, *Fenet*, XIII, 666.

⁴ *Fenet*, X, 485—486.

⁵ *Ibid.* X, 483: Тронше устраняет только одно из четырех оснований для лишения наследства.

⁶ *Ibid.*, IX, 92, 195.

⁷ Не в Эксе, а в Монпелье. (Прим. перев.)

заботой о непосредственных интересах государства, главой которого он является. Он грубо утверждает, что мужчине принадлежит право собственности на женщину, что последняя должна быть в абсолютном повиновении у мужа; он поддерживает старые предубеждения: «Общество,—говорит он,—относительно не заинтересовано в признании незаконных детей»; он хочет, чтобы отец умел заставить бояться себя, чтобы он был облечен настоящей судебной властью, жестокой и строгой, которая готовила бы общество к его, Наполеона, власти. Юристы-романтисты еще резче проводят взгляды консулов. Малевиль и Бигу-Преаменё держатся исключительно за писаное право, право тех провинций, откуда они родом. Они не допускают преобладающего влияния обычного права в брачных институтах, они желают восстановления отцовской власти на прочных основаниях. Тронше, утверждающему, что обычное право есть «право большинства французов» и что не следует менять привычки большинства, они возражают, что со времени присоединения Бельгии и Савойи в большей части Франции господствует именно писаное право¹. Они хотели бы, чтобы институт приданого стал институтом общего права в провинциях писаного права точно так же, как порядок общности имущества супругов стал господствующим в провинциях обычного права. Они желали бы навязать всей Франции установления писаного права, предоставить родителям право пользоваться имуществом их детей по возможности дольше, т. е. до совершеннолетия последних, поощрять браки путем допущения исков дочерей о приданом². Над всеми этими юристами и государственными людьми, все-таки склонными к некоторой исключительности, более или менее отстаивающими ту или другую систему законодательства, возмущается Порталис, сторонник умеренности³, всегда стремящийся ослабить слишком сильные личные влияния, которые повредили бы единообразию гражданского права. Ему удается смягчить или даже устранить все то, что в предложениях Бонапарта или Тронше носит слишком авторитарный или инквизиторский характер,—то, что во мнениях Малевиль и Бигу слишком запечатлено римским влиянием, что является слишком революционным во взглядах Берлие и иногда слишком сложным во взглядах Камбасереса⁴. Он, родившийся в провинции писаного права, чувствует, что надо прежде всего создать нечто практическое, предназначенное не раз-

¹ Fenet, IX, 60—61.

² Малевиль (*Analyse raisonnée...* I, 374—375, 394): «Этот мелочный характер статьи, ограничивающей для отца и матери время пользования имуществом детей до 18-летнего возраста последних и создающей ответственность родителей перед детьми в течение короткого трехлетнего промежутка, остающегося до совершеннолетия детей...» Fenet, IX, 59—61.

³ Порталис, Речь 24 ноября 1801 г.: «Умеренность—вот подобающее законодателю настроение; благо политическое, как и благо социальное, находится всегда между двумя крайностями». Locré, I, 327. Это идея Монтескье.

⁴ Камбасерес хотел восстановить правило *paterna paternis* обычного права. Порталис противится этому, как и Берлие. Fenet, XII, 12, 15—16.

делять, а соединить, слить в единое отечество все области Франции; он—эклектик, ибо он обладает в высшей мере качеством юриста, который не уничтожает элементы прошлого, но примиряет их с настоящим и всегда считается с историей, своего рода «экспериментальной физикой законов»¹.

Из этого комбинирования предшествующих законодательств получается гражданское право, которое происходит из революции, поскольку оно освящает великие принципы свободы и равенства, но которое в то же время представляет собой реакцию против нее, благодаря существенным ограничениям, внесенным в эти принципы. Это продукт Конвента, видоизмененный при посредстве римского влияния, которое в эпоху консульства всюду обнаруживает тенденцию к преобладанию. Это—философское начало, побежденное юридическим. Революционному законодательству ставилось в вину желание вдруг, без всякой постепенности, осуществить полное единство права; о нем говорили, что оно испровергло власть отцов, разрушило семью, нанесло удар праву собственности². Кодекс 1804 года шадит вековые обычаи некоторых областей; он—несомненный продукт соглашения, а не однородный по духу Кодекс. Пожалуй можно было бы даже сказать, что он состоит из двух объединенных кодексов, скорее противопоставленных друг другу, чем слитых воедино. Затем он восстанавливает всю полноту власти отца, сохраняет за законной семьей ее прежние преимущества, вновь ставит жену в почти полную зависимость от мужа, возвращает собственнику право довольно свободного распоряжения своим имуществом путем дарения и завещания. Равенство и свобода хотя и не исчезают совсем, но подчинены принципу власти. Новые принципы уделяют долю значения старине.

III

Как только Гражданский Кодекс 1804 года был принят и обнародован, он стал для французских юристов евангелием, которое можно объяснить и комментировать, но не критиковать. Да и как же ему не быть совершенным? На нем ведь печать гения великого Цезаря³. Ему подражают, его принимают во всех странах, подчиненных господству французов. В 1804 году революционное право еще подвергалось критике; его обвиняли в покушении на все свободы, на собственность, на святость семьи. Вскоре в хоре похвал, которыми встречается Кодекс, революционное законодательство предается забвению, и Кодекс 1804 года получает в 1807 году наименование «Кодекса Наполеона»⁴, слов-

¹ Порталис о Монтескье, Речь 28 вентоза XII г., Locré, I, 344.

² Порталис, Вступительная речь к проекту Кодекса, Locré, I, 253, и все начало.

³ Ср. заседание Законодательного Корпуса 22 августа 1807 года. Речь Бигу-Преаменё: «Это своего рода ковчег завета, и мы подадим соседним народам пример религиозного почтения к нему». Locré, I, 112.

⁴ Закон 2 сентября 1807.

но Наполеон и редакторы 1804 г. были его единственными творцами. Революционное право превращается лишь в «промежуточное право», переходное, с которым новое, повидимому, не имеет никакой преемственной связи.

Заслужило ли гражданское законодательство революции в том виде, в каком оно было создано тремя первыми Национальными Собраниями с 1789 по 1795 год, сначала суровую критику законодателей 1804 года, а затем молчание и забвение, на которое оно было обречено?

Революция не разрушила ни семьи, ни собственности. Она отнюдь не ниспровергла власть отца, но мудро ограничила ее, допуская вмешательство в семейные дела всей семьи, организованной в трибунал. Она строила семью не на чувстве страха и не на деспотической власти, но на любви и уважении. Порталис обвиняет революцию в том, что она превращала брак в сожительство. Но это никогда не было ее целью. Правда, некоторые ее законы могут казаться неблагоприятными для сохранения преемственности в законодательстве: таков, например, закон об уравнении внебрачных детей с законными и о допущении развода на основании простого несходства характеров. Но ведь речь идет только о внебрачных детях, признанных родителями, т. е. о незначительном числе незаконнорожденных, которым предоставляются права законных. Что же касается развода, то здесь принципы были справедливы и полезны для общества, и если выведенные из них следствия заходили слишком далеко, то это не значит, что эта система была изобретена с целью деморализации Франции. Наоборот, все эти реформы не имели перед собой иной задачи, кроме общественной пользы, установления свободы, справедливости и даже создания нравственной личности. Революционеры сохраняют такой порядок в управлении имуществом супругов, который один только и согласуется с идеей тесной связи между ними, т. е. порядок общности, от которого лучше было бы никогда не отклоняться. Точно так же революция не уничтожила права собственности. Напротив, она укрепила его и расширила. Она провела освобождение земли с такой настойчивостью, которая составляет ее силу и ее славу; она увеличила число земельных собственников. Она пыталась воздействовать на распределение богатств при помощи своего наследственного порядка. Она принесла в жертву свободу одного члена семьи ради равенства, в котором заинтересована вся семья. Черпая силу в старинных обычаях, рожденных на французской почве, и опираясь на них, она признала, что индивид не может произвольно распоряжаться имуществом, которым он обладает, получив большую часть его от своих предков, и что справедливость и сама природа повелевают ему оставить его своим потомкам; она считала отца лишь пожизненным управителем имуществами семьи, вечной, непреходящей и беспрестанно возобновляемой. Наслед-

Гражданское право революции не заслуживает ни того пренебрежительного отношения, ни того забвения, которому оно было предано. Вначале и то и другое было вызвано как бы заговором против него со стороны наполеоновских юристов. Это забвение продолжалось до конца XIX века вследствие игнорирования обществом истории, его рабского преклонения перед традицией и возрождения наполеонизма. Между тем, именно революция создала французскую нацию, что и дало возможность ввести единообразный Гражданский Кодекс и совершить огромное социальное преобразование: освобождение лиц и земель от ига феодализма; именно революция обновила все наследственное право и гражданское состояние; наконец, именно ее деятели подготовили и подвергли рассмотрению, хотя и не обнародовали, проект Кодекса 1793 года, одно из самых прекрасных творений Национального Конвента. Что представляет собой Гражданский Кодекс 1804 года, да и сам наполеоновский порядок, как не прямое следствие революции?

Действительно, революция довела до крайних пределов принципы, из которых она исходила. Она попыталась дать Франции абсолютное единство нового гражданского права в противовес прежнему писаному праву. Ее законы носят характер чего-то насильственного, не похожего на обычное, всегда медленное и верное развитие гражданского права: это законы, созданные в пылу сражения. И если из них и было что-либо обречено на гибель, то именно эти крайности, отразившие собой страсти и идеи эпохи.

Но не было ли достойно жизни кое-что из погибшего? Не должны ли мы сожалеть об утрате истинного единства, внутренней однородности Гражданского Кодекса Конвента? Это полное единство, как и единство самой нации, могло быть достигнуто лишь насильственным путем. Законодатель 1804 года отказался от этого. Будет ли когда-либо возобновлена эта попытка? Это представляется очень мало вероятным. Время поработало на пользу Кодекса эпохи Консулата; почти вековое применение этого Кодекса сообщает ему известную сопротивляемость. Но если полное единство гражданского права, задуманное в 1793 году Законодательным Комитетом Конвента, не имеет больше шансов на осуществление, то потребность справедливости и равенства, которая овладела современным обществом, может действовать только в направлении приближения гражданских законов к проектам Конвента. Некоторые пробелы Кодекса были уже пополнены, особенно с 1890 г., некоторые несправедливости исправлены: переживший супруг имеет теперь право пользования частью имущества умершего¹; признанные внебрачные дети становятся опорой своих родителей и получают наследство полностью, если нет privilegiрованных родственников по боковой линии, — три четверти, когда они конкурируют с восходящими, братьями и сестрами или их нисходящими,

¹ Закон 9 марта 1891 года (видоизменение ст. 767 Кодекса).

и половину—когда их сонаследниками являются законные дети, а воля их родителей может им предоставить даже семь восьмых наследства, если имеются только восходящие, и уравнивать в завещании с законным ребенком, получающим наименьшую долю¹. Запрещение отцовства не является больше догматом, не подлежащим обсуждению, предполагается допустить его отыскание в ряде определенных случаев². Если и сохранилось специальное совершеннолетие в 25 лет для вступления в брак, то необходимые формальности для совершеннолетнего сокращены³. Наконец, женщина может выступать в качестве свидетеля в актах гражданского состояния⁴. Юристы и законодатели не любят обращаться к праву революции. Но социальный прогресс возвращает их к нему, хотя они и не отдают себе в этом ясного отчета, и, несомненно, ряд положений, внесенных в декреты или проекты Кодекса революции, станет законом для будущего. Все то, что в революционном законодательстве имело тенденцию стереть различия между лицами, детьми, супругами и приравнять некоторые низшие классы к привилегированным; все то, что обнаруживало стремление установить полное и абсолютное равенство поскольку это позволяют природа и разум; все, единственным недостатком чего было слишком раннее появление, без соблюдения перехода от царства силы к царству справедливости,—все это в один прекрасный день будет вписано в Гражданский Кодекс Франции под напором новых идей и чувств. Революционное право будет вновь иметь возможность проявить свое благотворное влияние, ибо оно стоит выше традиционного права, а благодаря одушевляющему его философскому началу оно значительно опередило свою эпоху.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПОЗЕМЕЛЬНЫМ ПРАВАМ

(Извлечены преимущественно из материалов Феодального Комитета Национального Собрания (1789—1792). Национальные архивы. Серия DXIV (13 картонов). Эти документы расположены в алфавитном порядке департаментов).

I

ПРОТЕСТЫ СО СТОРОНЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ДЕКРЕТОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Извлечение *parte in quâ* из протокола административного собрания департамента Нижних Альп. Заседание 29 ноября 1790.

(DXIV, carton 1.)

«Г. Бернарди сказал ... Ст. 3 раздела III (закона 15 марта) гласит, что споры о наличии или объеме прав, указанных в статье первой, будут разрешаться на основании доказательств, признанных статутами и кутюмами, а также на основании соблюдавшихся до сих пор правил. Но какими же правилами регулировались у нас эти важные вопросы? На этот счет не существует ни специального закона, ни кутюма. Парламентское судопроизводство по этому вопросу было поистине притеснительным; согласно указаниям всех наших авторов, для представителя церкви и сеньера, обладающего высшей юрисдикцией, взамен первичного документа на право (*titre primitif*), было достаточно представления одного акта признания этих прав (*reconnaissance*), подкрепленного 30-летней давностью, тогда как от носителя обыкновенной сеньериальной власти требовалось два акта; таким образом, именно сеньеру с высшей юрисдикцией, т. е. тому, кто имел больше всего средств для угнетения слабых, предоставлялась и большая возможность захвата прав. Если и теперь следовать тем же правилам, то всякая узурпация окажется достаточно защищенной от нападений на нее. Чем сомнительнее и фантастичнее было основание феодального права, тем большим количеством актов признания запасались, и нет ни одного из бывших сеньеров, кто бы не принял в этом отношении своевременных мер... Представительное Собрание Конта Венессэн, одобряя декреты Национального Собрания о феодальных правах, отклонило декрет, о котором я имею честь вам докладывать. Оно поста-

¹ Закон 25—28 марта 1896 г.

² Доклад Гужона, представленный в письменной форме в Палату Депутатов (1897 г.).

³ Закон 20—24 июня 1896 года.

⁴ Закон 7 декабря 1897 г.

новило, что взамен первичного титула на неотъемлемые феодальные права должно быть предъявлено обязательно два акта признания прав, составленных до 1614 года. Нам необходим подобный закон. Надо, чтобы срок, который Собрание потребует для установления прав, не опирающихся на первичный документ, гарантировал от всяких злоупотреблений, или, если одно из них все-таки проскользнет, то необходимо, чтобы оно приобрело в известном смысле характер законного права, благодаря продолжительности пользования им.

«Собрание, заслушав генерального прокурора синдика, постановило, что изложенные в данном заявлении соображения будут представлены Законодательному Корпусу с тем, чтобы он благоволил издать следующее распоряжение: в случае, если кто-либо из бывших сеньеров не будет в состоянии предъявить подлинный акт, устанавливающий его права, подлежащие простому выкупу, то он сможет заменить его только предъявлением двух актов признания этих прав, опирающихся на третий, составленный ранее 1650 года».

Председатель Шампела.

2. Адрес Национальному Собранию активных граждан коммуны Лурмарэн (устье Роны) от 15 декабря 1791 г.

(DXIV, carton 2.)

«Вот уже двадцать один месяц, как издан закон о феодальном режиме, а ни один из обязанных уплачивать связанные с ним ненавистные повинности не выкупился на волю; и, беря на себя роль предсказателей, мы осмеливаемся вас уверить, что если Национальное Собрание не разрешит нам выкуп постоянных повинностей, как-то: таск (tasques)¹, шампара и т. д. отдельно от случайных повинностей или пошлин с купли-продажи, то народ, подчиненный этому ужасному режиму, не увидит свободы еще тысячу лет и погибнет.

«Учредительное Собрание лишь выразило намерение освободить деревню от этого чудовища; но у него не было возможности осуществить его потому, что в его среде были дворяне и дельцы, которые укрыли это чудовище путем интриг и замалчивания так, что члены Собрания, искренно желавшие уничтожить его, не знали, с какого конца взяться за дело, чтобы сразить его. Они только наметили общинный план атаки, он был принят как нечто подлежащее осуществлению, а чудовище вышло победителем, не уязвленное пущенными в него стрелами ни в одном пункте, за исключением одного.

«Почти все Учредительное Собрание было составлено из людей, взятых в городах, которые лишь в незначительной

степени обложены сеньерияльными поборами, тогда как деревня, терзаемая тасками, шампаром, agriers¹, пошлинами с купли-продажи, цензом, сеньерами, агентами, откупщиками, полевой охраной, были забыты; никто не защищал их интересов. И вот, законодатель, эта все еще всемогущая шайка продолжает держать деревню в цепях. Бывшие сеньеры, их агенты и новые откупщики в союзе с неприсяжными священниками и всякого рода фанатиками... охлаждают революционный пыл простых и невежественных земледельцев, вызывая у них страх или предчувствие возвращения старого порядка, а с ним мести бывших аристократов тем, кто стоял за общественное дело. Мы заявляем вам с тихой радостью: уничтожение феодального порядка будет смертельным ударом для аристократов. Они эмпирируют, устраивают заговоры и мечутся во все стороны в надежде восстановить его... Вы почувствуете сильнее, чем когда-либо, что свобода и феодализм не могут ужиться друг с другом; что половина государства стонет под этим ужасным режимом (а эта часть населения самая ценная, так как она кормит другую), и потому революцией будут дорожить лишь немногие; конституция упрочится лишь наполовину, если вы не облегчите в большей мере, чем до сих пор, выкуп феодальных прав... Когда вы изгоните чудовище феодализма, аристократия будет навеки сокрушена, и деревня, ныне находящаяся в состоянии отчаяния, превратится в самый надежный опорный пункт для республики».

3. Извлечение из протоколов общего собрания гг. администраторов департамента Кол-дю-Нор 6 декабря 1790 г.

(DXIV, carton 3.)

«В ответ на представление, сделанное одним из членов Собрания, о том, что тяжелые последствия феодального порядка еще долго будут давать себя чувствовать, даже после его упразднения, если бывший вассал попрежнему будет обязан выплачивать ренты, подлежащие выкупу на основании ст. 6 декрета от 4 августа 1789 г. только одновременно с выкупом случайных повинностей—пошлин с купли-продажи (lods et ventes) и обратной покупки (rachats)—и со взносом всей суммы повинностей, разверстанной на основе круговой поруки на его односельчан,—

«Совет, заслушав генерального прокурора синдика и в уверенности, что Национальное Собрание продолжает заботиться о равномерном распределении его благосостояния на всех граждан:—

«полагая, что блага, вытекающие из отмены феодализма, будут почти иллюзорными до тех пор, пока дебитор прежних феодальных рент сможет освободиться от них только путем взноса пошлин с купли-продажи и обратной покупки, а также уплаты, кроме своей доли, повинностей своего содолжника;

¹ Один из видов натуральной повинности, который, подобно шампару, взимался с разного рода хлебов и овощей (Прим. редакт.)

«принимая во внимание общий и единодушный протест против ограничений, которые свели к нулю благодеяния декрета 4 августа; «постановило и постановляет: в подкрепление ходатайств, возбужденных различными муниципалитетами и избирательными собраниями, поручить своей директории настоятельно просить Национальное Собрание декретировать, что каждый дебитор прежних феодальных рент будет вновь волен вносить причитающуюся с него сумму, не будучи обязан уплачивать при этом ни доли своего должника, ни повинностей за куплю-продажу и обратную покупку».

Подписано Председателем и Генеральным Секретарем.

4. То же ходатайство Генерального Совета департамента Кот-дю-Нор от 13 декабря 1791 г.

(DXIV, carton 3.)

5. Ходатайство дистрикта Шатобрена (Нижней Луары) о выкупе феодальных прав. Зарегистрировано Феодальным Комитетом 4 января 1792 г.

(DXIV, carton 5.)

Три страницы подписей.

«... Неужели же несчастный вассал будет вынужден продать часть маленького унаследованного им от отцов и дедов клочка земли, чтобы избавить другого от рабства и угнетения? Но кому он сможет продать эту долю родового имени? Так называемые сеньерам, его бывшим тиранам: ведь скоро они будут единственными обладателями всей денежной массы Франции и средоточием всех ее богатств, благодаря выкупу у них феодальных повинностей. Это позволит им устроить их высокомерие и роскошь; это даст им возможность расширить свои владения и стать хозяевами всей земли; наконец, это побудит их усилить гнет прежнего рабства, под которым стонали наши отцы и при мысли о котором мы еще сейчас краснеем.

«Таков, господа, общий вопль, несущийся из деревень и горьков дистрикта Шатобриан, несущийся со всей Франции».

6. Адрес коммуны Канель Бирон, дистрикта Монфланкэн (Ло-э-Гаронн), представителей нации, 20 марта 1792 г.

(DXIV, carton 5.)

«... Ренты и другие феодальные повинности, сохраненные и подлежащие выкупу, согласно декрету от 15 марта 1790 г., санкционированному 28 марта, могли бы вполне вызвать гражданскую войну, если бы Национальное Собрание не принимало мудрых мероприятий, вносящих изменения как в отношении выкупных платежей, так и способа выкупа, декретированного Учредительным Собранием.

«В самом деле, что заставляет человека, живущего в обществе, подчиняться законам и соблюдать их? Только оказываемое им покровительство, дающее ему право собственности на имущество, которое он приобрел законным путем, и право собственности на свое имущество, которое он приобрел законным путем, и право собственности на свое имущество, которое он приобрел законным путем».

его личности, так и в смысле спокойного обладания и пользования его собственностью. И вот, если сумма накопившихся вследствие особых условий с 1789 г. недоимок ренты покроет в большей части прежних сеньериальных владений ценность земельного участка, и если эти люди увидят, что их лишили всякого имущества, или, что почти то же самое, заставили платить такую чрезмерно высокую ренту, что, несмотря на самую тщательную обработку земли, их доходы с нее недостаточны для уплаты этой ренты, то, несомненно, они противопоставят насилие насилию и не пожалеют пожертвовать при этом своей жизнью».

Затем коммуна просит, чтобы сама нация взяла на себя выкуп ренты.

7. Отдельные лица из муниципалитета Беликергалы, Бузонвильского кантона, дистрикта Сарлуи Национальному Собранию.

(DXIV, carton 7.)

«... Закон 15 марта 1790 г. составляет несчастье земельных собственников; ренты, оброки, шампар, право третьего денье и все прочие полезные права (droits utiles), упраздненные знаменитым декретом 4 августа 1789 г., вновь оживают; их считают происходящими от уступки сеньером земельного участка, за исключением тех случаев, когда имеется доказательство противного...

Мы просим, чтобы закон 15 марта 1790 г. был отменен и Собрание следовало более точно декрету 4 августа 1789 г. и конституционному акту 14 сентября 1791 г., просто-на-просто уничтожившим феодальный режим, предоставив Национальному Собранию лишь озаботиться относительно возмещения и издать соответствующий декрет, а если потребуется, то уплатить это возмещение от лица нации способом, который она найдет наиболее подходящим. В ожидании этого благотворительного закона мы подчиняемся, хотя и плохому и плохо согласованному с законом 4 августа 1789 г. закону 15 марта, который все же является священным для свободного народа до того момента, когда он будет заменен другим».

8. Муниципалитет Геклинга (дистрикта Сарлуи). Зарегистрировано 3 мая 1792 г.

(DXIV, carton 7.)

(Эта петиция послужила образцом для других муниципалитетов: Бужонвиля, Лейдинга).

«Своим декретом от 4 августа 1789 г. Учредительное Собрание уничтожило феодальный режим; тем самым всякого рода повинности, ренты, пошлины с купли-продажи, которыми питался этот чудовищный режим, казалось, были безвозвратно упразднены: однако, мартовский декрет следующего года возродил его из пепла, установив в принципе презумпцию, что все эти феодальные полезные права происходят от уступки сеньером».

ром земельного участка, за исключением тех случаев, когда дебитор представит доказательство противного. Это распоряжение сделало августовский декрет 1789 г. иллюзорным и бесполезным. Земледелец, льстивший себя надеждой, что его поля освобождены от повинностей, которые были наложены на них тираннией, властью или деспотизмом, доведен до жестокой необходимости вновь сокрушиться под прежним ярмом; после того, как он испытал-было чувство свободы, возвращение к рабству во много раз тяжелее для него. Доверившись августовскому декрету, некоторые начали судебные процессы против сеньеров; но мартовский декрет разбил иллюзии, ввел деревенских жителей в разорительные расходы и, благодаря этому, преимущества конституции, которая не сдержала своих самых ценных обещаний, потеряли всякую цену в их глазах».

9. Муниципалитет Фильстроф (Мозель) Национальному Собранию. Зарегистрировано 3 мая 1792 г.

(DXIV, carton 7.)

«... Злополучный закон 15 марта 1790 г. не только парализовал действие закона 4 августа, но вызвал серьезную смуту в государстве. Тысяча процессов была начата как частными лицами, так и общинами на основании августовского декрета—теперь им дан ход и они все проигрываются к великому посрамлению патриотов, недовольству граждан и в ущерб конституции. Этот закон 15 марта отнюдь не удовлетворил бывших сеньеров, как надеялись наши высокие представители, и не помешал им эмигрировать и замышлять всевозможные козни против дорогой родины; а тем временем их неутомимые агенты преследуют судебным порядком бывших вассалов. Законодатели, будьте уверены, что под влиянием этого закона аристократы сделались еще более гордыми и менее сговорчивыми. Зная, что большинство земельных собственников не в состоянии выкупить упомянутые повинности, они до крайности досаждают им требованиями об уплате их... Закон 15 марта устанавливает презумпцию в пользу сеньера и этим нарушает естественное право. Между тем, обычно именно бывший сеньер был обладателем титулов (titres), а не землевладелец. Ведь, что случилось? Случалось, что за неимением таких документов, обладая деспотической властью, он, путем принуждения вассала, фабриковал себе права. В результате появилось бесконечное количество фальшивых титулов... Поэтому, если теперь у кого из них не имеется титула для подтверждения прав, то это явное доказательство, что его права—результат захвата. Все в этом убеждены. Землевладелец знает, что революция должна была сократить число тяжб и сохранить лишь те владения бывших сеньеров, которые опираются на достоверные титулы, и тем освободить поработанного земельного собственника от разорявших его в течение стольких столетий поборов; но он видит, что происходит как раз обратное: сомнительные права, основанные на захвате практика владения

опирающиеся лишь на предположения, превращаются в настоящие титулы прав, и он навсегда теряет надежду, что его когда-либо освободят от них. Вот источник явного нежелания платить этот поземельный налог... источник клеветы на эту божественную конституцию, которой дивится весь мир; бывший сеньер удваивает силы, чтобы обесславить ее путем поборов; рядовой аристократ заставляет провидеть рабство, от которого свободный гражданин считал себя освобожденным...».

10. Администраторы, входящие в состав директории дистрикта Но, 15 ноября 1790 г.

(DXIV, carton 9.)

«... Право выкупа, предоставленное владельцам фьефов и цензив, является абсолютно иллюзорным, благодаря чрезмерно высокой ставке выкупных платежей за случайные и предполагаемые права, выкупать которые обязывают совместно с постоянными; что таким образом следы феодализма оказываются неизгладимыми; что нация не должна надеяться на выкуп повинностей, причитающихся церковным имениям и доменам, находящимся в ее распоряжении; что она не должна думать, что получит этот капитал, который поможет ей ликвидировать государственный долг; что, наконец, нация очень обременена чрезмерными платежами бывшим сеньерам, которые она взяла на себя, чтобы возместить их за полученные от них национальные имущества, пущенные в продажу; следовательно, для нации, так же, как и для владельцев фьефов и цензив, одинаково важно, чтобы ставка выкупных платежей за случайные и предполагаемые права была понижена».

11. Администраторы директории дистрикта Баржоль (Вар) и Постановление директории от 20 апреля 1792 г.

(DXIV, carton 11.)

«Один из членов сказал: «Господа, одним из членов Комитета Финансов было сделано в Национальном Собрании важное заявление. Целью этого заявления является безвозмездная отмена пошлин с купли-продажи и всех случайных повинностей, собиравшихся при всякой перемене владельца или собственника участка. Законы, изданные по этому вопросу Учредительным Собранием, были не вполне удовлетворительны».

«Принимая во внимание...

«что до тех пор, пока наши наследства будут подчинены ненавистным повинностям, безвозмездная отмена которых была предметом заявления в Национальном Собрании, нам будет представляться, что бремя рабства, лежащее на них, сообщается и нам;

«что этим путем мы всегда будем подвластны деспотам, которые так долго держали нас в цепях;

«что такое состояние отнюдь не подобает нации, объявившей себя свободной и желающей сохранить свою независимость;—

«Директория требует безвозмездной отмены пошлин с купли-продажи и случайных повинностей».

12. Письмо депутата Седийе Феодальному Комитету от 3 апреля 1792 г.
(DXIV, carton 13. Correspondance, pièce 14.)

«Учредительное Собрание не высказалось достаточно открыто по поводу шампара; его декреты неясны, его инструкции менее всего пригодны для инструктирования; оно пожелало все примирить, но внесло всюду путаницу, и, как это часто случается, когда стараются удовлетворить всех, оно вызвало действительное недовольство всех заинтересованных и нарушило мир в деревне.

«Предлагаю вам, господа и дорогие коллеги, как можно серьезнее отнестись к этому вопросу и особенно избежать самой крупной ошибки, которую сделало в этом отношении Учредительное Собрание: издания соответствующих декретов накануне или даже в самый разгар уборки хлеба. Это было равносильно, если можно так выразиться, поджогу урожая; и действительно, в результате вспыхнули самые серьезные волнения, а усилия, направленные к подавлению их, лишь сильнее обнаружили слабость власти и неудовлетворительность законов.

«Если вы считаете, что шампар представляет собой собственность, которой невозможно нанести удара, то не лучше ли изменить способ его взимания?

«Во всяком случае, господа, декрет, который будет издан, должен быть своевременно разослан, чтобы сельские хозяева могли с ним хорошо ознакомиться и проникнуться его настроением до начала жатвы.

«Потребуется много времени на изготовление декрета, получение разрешения на рассылку его, на печатание и распределение, и это обстоятельство не позволяет вам терять ни минуты времени; если декрет не будет издан в двухнедельный срок, я предсказываю вам, что это дело опять сорвется, и я не в силах представить себе тех несчастий, которые повлечет за собой это запоздание».

II

С е д и й е.

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ, ВЫЗВАННЫЕ ДЕКРЕТАМИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

A. Волнения в районе Перигора, Керси и Руэрга.

1. Докладная записка депутата Перигора Луа относительно провинций Перигора, Керси и Руэрга. Зарегистрировано 12 января 1790 г.
(DXIV, carton 3.)

«Все крестьяне отказываются платить ренты; они устраивают сборища, образуют коллективы, выносят приговоры в том смысле, что никто не станет платить рент, а тот, кто уплатит, будет

повешен. Они вторгаются в дома сеньеров, лиц духовного звания и других зажиточных граждан, учиняют там опустошения, вынуждают возвращать им часть уже внесенных рент и силой же получают расписки и обязательства с тех, кто уже продал или будто бы продал полученный в счет ренты хлеб, и с тех, кто получил неполагавшиеся ему пошлины с купли-продажи. В результате всех этих эксцессов или вытекающих из них непосредственно неудобств, сеньеры, владельцы фьефов не знают, на что они могут рассчитывать, и это мешает им уплачивать их патристические взносы; очень желательно издание декрета, который мог бы вернуть спокойствие этим провинциям. На одного дворянина восьмидесяти с лишним лет толпой крестьян было совершено нападение в его замке; крестьяне начали с того, что водрузили виселицу у главного входа. Сеньер был так потрясен этим, что тут же умер».

2. Администраторы директории и генеральный прокурор, синдик департамента Ло, Национальному Собранию. Кагор, 22 сентября 1790 г.
(DXIV, carton 5.)

«Господа, вот уже несколько дней, как наши заседания беспрестанно прерываются печальными известиями, поступающими из деревень нашего департамента. Опасения, которые возникали у нас в связи с наступлением периода взимания рент, были слишком обоснованными, и все наши усилия предотвратить беспорядки оказались тщетными.

«Стремясь сдержать деревенское население, мы пытались внушить ему мысль о необходимости разумного поведения и повиновения закону; в таком духе была составлена наша прокламация от 30 августа, копию которой мы имеем честь вам представить. Добрые граждане отнеслись к ней благожелательно и с чувством благодарности, но для злонамеренных людей она послужила поводом к самым подлым инсинуациям и очень опасным беспорядкам. В некоторых районах муниципальные чиновники не решаются прочесть населению эту прокламацию; в других они не могут довести чтение ее до конца, в третьих они не могут прочитать ее вторично. В одном муниципалитете прочитавший ее священник был силой вынужден сказать, что прокламация подложная, что она исходит не от директории; в некоторых местностях народ снова начинает сажать «майские деревья», что является общим сигналом к восстаниям, которые в начале этого года довели часть королевства до состояния отчаяния; в других местах воздвигаются виселицы для тех, кто будет платить ренты, и для тех, кто будет их собирать. Наиболее умеренные отказываются от уплаты до тех пор, пока не проверят первичных документов сеньеров: владельцы фьефов нигде не решаются требовать повинностей, которые им полагаются по закону. И все это, господа, происходит здесь, поблизости; на глазах администрации возбуждают массы к беспорядкам. У ворот города, где происходят наши

заседания, в селе Кагорского кантона недавно была поставлена виселица, были расклеены призывающие к восстанию плакаты, и эта виселица стояла и плакаты висели, все эти символы восстания просуществовали целый день, а местный муниципалитет ничего не предпринял. Мы узнали обо всем через соседний муниципалитет, который просил нас о помощи; плакаты же и виселица были сняты лишь тогда, когда мэр и прокурор коммуны были вызваны сюда и когда они узнали о приближении национальной гвардии и линейных войск, которые, по нашему вызову, спешили восстановить общественное спокойствие и оградить имущество и личность граждан от угрожавшей им опасности.

«Что нас больше всего огорчает, господа, от чего зло делается особенно опасным, так это то, что в некоторых местностях некоторые муниципальные чиновники являются или тайными подстрекателями, или сообщниками, или безучастными свидетелями беспорядков, описание которых мы принуждены вам представить. И мы осмеливаемся вас спросить, чего можно ждать от таких слабых, невежественных организаций, столь мало расположенных подчинять частные интересы общественным, словом, столь мало пригодных для выполнения крупного назначения, как большинство деревенских муниципалитетов?»

«При таких обстоятельствах, господа, уже недостаточно даже наилучше налаженного содействия законодательной власти со стороны власти исполнительной; чтобы принудить к исполнению законов нужны по меньшей мере соединенные усилия административной власти, вооруженной силы и судебных органов.

«Между тем, господа, что представляет собой в настоящий момент судебная власть? Каково может быть усердие трибуналов, когда они отмирают? Да, впрочем, что такое и наши вооруженные силы? Что значит гарнизон из 400 человек в центре одного из самых крупных департаментов королевства? Он бывает постоянно необходим в городе, где сосредоточена администрация, а вы знаете, господа, что мы ни в чем не можем положиться на гарнизон Монтобана: он не укомплектован, недостаточен даже для безопасности этого города, и вот уж целый месяц, как мы непрестанно требуем присылки второго полка, который был обещан и без которого мы не сможем гарантировать поддержания спокойствия в городе.

«Не оставляйте нас, господа, на произвол судьбы в этих условиях. Со свойственной вам мудростью вы обдумаете наши представления, продиктованные той же мудростью, и, может быть, найдете какие-нибудь средства заинтересовать деревенские муниципалитеты в своевременной уплате повинностей, полагающихся бывшим сеньерам, впредь до выкупа.

«Вы почувствуете, господа, что нам абсолютно необходима присылка значительного отряда военной силы и что присущий нам по закону авторитет будет подорван, если мы будем еще долгое

время лишены этой силы. Мы не можем пренебречь представлением вам того важного соображения, что начальник отряда, который будет нам прислан, должен находиться всегда вблизи от администрации, чтобы каждую нужную минуту он мог совещаться с ней относительно наилучшего и наиболее быстрого применения находящихся в его распоряжении сил.

«Мы просим вас, господа, отнестись с большим вниманием к нашему ходатайству и сделать соответствующие постановления с той быстротой, которую повелительно диктуют обстоятельства. Пока вы нам пришлете помощь, мы всеми мерами ускорим организацию новых трибуналов; таким образом, в ближайшем будущем и одновременно все власти смогут объединиться для восстановления порядка и спокойствия.

«Будучи призваны общественным доверием к исполнению административных функций, мы с радостью отдаем все наше время, все наши способности, все наши силы для поддержания конституции. Мы чувствуем, что если конституции придется наткнуться на подводный камень, то этим камнем будут именно народные волнения и беспорядки; поэтому, когда мы наталкиваемся при выполнении ваших законов на пренебрегающих ими или сопротивляющихся им, то, испытав все средства убеждения и благотельного утешения, мы не колеблемся призвать на их головы страшный меч правосудия.

«Остаемся с почтением к вам, господа, ваши нижайшие и покорнейшие слуги».

Б. Волнения в районе Парижа.

3. Директория департамента Сены и Марны Национальному Собранию, 8 сентября 1790 г.

(DXIV, carton 10.)

«Директория Сены и Марны спешит уведомить вас о прекращении волнений в Немурском дистрикте, вызванных отказом платить десятины и шампар. Директория считает своим приятным долгом отметить перед вами заслуги директории Немура, г. де Шатотьерри, начальника парижской гвардии, гг. де Монтобана, Дюфренуа, Лароша и Сестамена, офицеров линейных войск. Их энергия и мудрая осторожность выше наших похвал, и они добились, несмотря на встреченное ими вначале упорное сопротивление, полной покорности в отношении уплаты шампара в большинстве заблудших приходов».

4. Администраторы директории департамента Сены и Марны, 7 августа 1791 г.

(DXIV, carton 12.)

«Директория сообщает, что волнения возобновились по поводу взимания шампара. В приходе Иши, кантона Бомон, серьезные волнения: он силой противится всякому акту, направленному на

взимание шампара. Директория доносит, что для обеспечения исполнения закона нужны другие меры, а не те, которые были до сих пор в распоряжении административных органов».

5. Письмо Фожера, священника из Бланди, близ Эгампа, Собранию, от 25 марта 1791 г.

(DXIV, carton 10.)

«Вам известно, что несколько приходов вошли в прошлом году в соглашение и отказались платить шампар. Мой приход сильно возбуждали к тому же, но мои просьбы, указания, речи и проповеди удержали его, и шампар был внесен полностью; этот пример увлек некоторые соседние приходы, которые покорились и тоже уплатили... При теперешнем брожении умов повинность шампара переносится гораздо тяжелее; дурной пример некоторых приходов, их сопротивление взиманию шампара в прошлом году, всякие советы, листовки произвели большое возбуждение умов. Я опасюсь в этом году сопротивления даже со стороны самых мирных приходов; безнаказанность породила смелость, а, кроме того, они думают, что их несправедливо заставляют платить, подозревают, что у сеньеров не имеется документов, подтверждающих их права; говорят, что особенно в местностях, где сеньерами были прежние церковные корпорации, они присоединяли феодальные права к праву на десятину, что, благодаря злоупотреблениям или насилиям, десятина выросла на шампар и значительно увеличила его; что раз упразднена десятина, то соответствующая ей часть шампара должна быть также упразднена, по крайней мере в приходах, где можно с известным основанием предполагать это смешение; что честь нации требует, чтобы земельным собственникам были предъявлены имеющиеся у нее их долговые обязательства; что если им не осветить этого вопроса, то сопротивление будет продолжаться в той же мере, будут постоянные новые вспышки и потребуются напряжение, которое очень важно было бы избежать; что применение вооруженной силы всегда оставляет чувство неуверенности и только создает недовольство и новые восстания. Я слышу все эти разговоры, которые во многих отношениях имеют под собой солидные основания; я стараюсь всеми силами и со всею преданностью, на какие я способен, рассеивать их для поддержания порядка и обеспечения повиновения законам; но я всегда опасюсь и имею основание опасаться отказа в повиновении в периоды сбора урожая. Эта мысль огорчает меня, ибо мое счастье зависит от спокойствия в моем приходе, которому я делаю добро по мере моих сил... Я всегда дрожу при мысли, что враги революции воспользуются всеми этими оппозиционными настроениями для нарушения существующего порядка».

6. Письмо Маргала, священника из Рэвшевала, близ Дулланса (Соммы), господам членам Феодального Комитета, 5 июля 1791 г.
(DXIV, carton 10.)

... «Теперь департамент Соммы утверждает, будто представление одного из этих документов необходимо лишь, когда дело касается безвозмездно упраздненного сервитута, связанного с земельным участком; что же касается шампара, то он требует безотлагательной уплаты его тем, кто не обязан предъявлять ни одного из таких документов. Жители наших деревень взбешены этой декларацией, они чувствуют всю ее фальшь, приписывают ей заинтересованности в ней большинства членов Директории; они слишком сильно чувствуют, что в порядке вещей, чтобы именно истец имел документы, подтверждающие его права.

«Во имя человечества и пролитой крови ваших сограждан, разъясните ваш декрет от 15 марта 1790 г. и, если позволит ваша мудрость, отдайте, как можно скорее, приказ, что обязывать к уплате будут лишь по предъявлении сеньером одного из этих документов. Дело это срочное, на расстоянии более восьми лье в округе происходят сборища, и клянусь вам, что вот уже пять дней я занят тем, что обещаю с вашей стороны немедленное восстановление справедливости.

Остаюсь. . . »

В. Волнения в Бретани.

7. Письмо губернатора Бретани военному министру графу де ла Тур-дю-Пэню от 10 февраля 1790 г.

(Journal de 1789 et 1790... KK. 1105, fol. 89.)

«Меня чрезвычайно беспокоит в настоящий момент восстание крестьян, которые жгут и грабят замки. Правительство и Национальное Собрание заняты вопросом о том, как остановить эти беспорядки. Предполагается образование в центральном пункте провинции значительного отряда войск, которые могли бы немедленно отправляться на место вызова».

8. Письмо губернатора Бретани г-ну де-Монтьерри от 13 февраля 1790 г. (KK. 1105, fol. 92.)

«Я узнал, сударь, что отряды, посланные в деревню, чтобы рассеять разбойников, грабящих и жгущих замки, вернулись в Ренн. Между тем, беспорядки продолжают. Крестьяне и вассалы Бевра, в трех лье от Бэна, сожгли сеньеральные акты (titres) и расположились в замке, грозя сжечь и его, если им не выдадут других документов, которые будто бы от них скрывают. Владелец замка просит о помощи, чтобы г. Жермэн, его казначей, укрывшийся в Ренне, мог спасти то немногое из вещей,

в Бевр несколько драгун, чтобы разогнать этих крестьян и спасти замок. Очень желательно, чтобы эти беспорядки были быстро прекращены. До сих пор Бретань была образцом умеренности. Какими судьбами, казалось, такой мирный народ внезапно стал прибегать к таким крупным эксцессам?».

III

СОПРОТИВЛЕНИЕ СЕНЬЕРОВ ДЕКРЕТАМ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

1. Жители села Пэйрас Сен-Параду-Ленёф, близ Обюссона (Крёз), ноябрь 1790 г.

(DXIV, carton 3.)

«Говорят, что хотя декреты высокого Собрания об уничтожении феодального режима и достаточно ясны и точны, однако бывшие сеньеры провинции От-Марш не прекращают своих прежних притеснений по отношению к возражающим им.

«Так, например, бывший сеньер де Сен-Мэксан утверждает, будто требуемая им барщина под названием *bouades*¹ и *vinades*², занесенная им в акты признания, входящие в состав его поземельной описи (*terrier*), отнюдь не упразднена».

2. Петиция землепашцев и земледельцев³ От-Марша от 25 марта 1790 г.

(DXIV, carton 3.)

Они жалуются на барщину в форме *bouades* и *vinades*, которой они подчинены на основании 17 раздела Кутюма Марша.

«Сеньеры не предъявляют доказательств того, что земли ими действительно были уступлены нам. Имеются акты признания, но эти признания были получены путем вымогательств в прежние времена... Ваш декрет от 4 августа приостановил было проявления враждебности к нам сеньеров; но как только они узнали о последнем декрете, они возобновили свои прежние притеснения всех возражающих им».

Следует около тридцати подписей.

3. Извлечение из протоколов Директории департамента Нижней Луары, 2 августа 1790 г.

(DXIV, carton 5.)

«Один из бывших сеньеров принудил, после издания августовских декретов 1789 г., двух своих вассалов взять на себя взимание феодальных рент (*sergentise de fief*). Это является одним из видов барщины, а она была упразднена декретами безвозмездно. Упомянутые два лица, то ли из страха, то ли по незнанию новых законов, имели слабость взять на себя оклад-

¹ Предоставление в распоряжение сеньера пары быков или телеги для специальных работ. (Прим. перев.)

ные листы (*rôles*). Они уже взыскали было часть сборов; но, ознакомившись, наконец, лучше с положением дел, оба гражданина почувствовали неудобства этой барщины; они пошли к сеньеру и предложили ему получить окладные листы и собранные ими деньги. Сеньер отказался получить их. 16 июля 1790 г. он подал на обоих сборщиков его рент в суд».

4. Приход Кодан, сенешальства Энебон (Hennebont) Феодальному Комитету (зарегистрировано 14 мая 1790 г.).

(DXIV, carton 7.)

Приход жалуется на сохранение барщины и аренды в форме отпускного владения (*domaines congéables*). К петиции прилагается карта. Это игральная карта: девятка треф. На обороте ее написано:

«Жак Лемуэн, держатель отпускного владения в Квелере, виновен в том, что не идет чинить мельницу Плеси и не наблюдает за указанной мельницей; я предупреждаю его, что он будет принужден делать это за свой счет, так как его еще ничто не освободило от его обязательств».

В Энебоне, 26 апреля 1790 г.

Нуо де К/гуиноу, от имени
г. де Келивэн.

Мэр Кодана добавляет к этому:

«Эта карта, господа, послужит вам доказательством того презрения, с которым некоторые лица относятся к мудрым декретам, обнародованным высоким Собранием, а также тех страданий, которые несчастные землепашцы испытывают от барщин; а эти последние просуществуют еще целую вечность, пока будут существовать эти договоры (*baillées*)».

5. Администраторы, входящие в состав директории департамента Морбиган. Ванн, 16 сентября 1790 г.

(DXIV, carton 7.)

«Господа, к нам ежедневно поступают жалобы на притеснения, которые бывшие сеньеры чинят колонам отпускных владений. Они предпочитают отдавать свои земли на откуп или в управление своему агенту, который считается арендатором; этот пресловутый арендатор, под тем предлогом, что заключенный им договор устанавливает очень высокую плату сеньеру, требует от колонов взносы по их последнему договору (*baillées*) в двойном размере. Это ужасное притеснение, очевидно, продиктовано чувством мести и желанием произвести, если окажется возможным, контр-революцию, вызвав подобными актами тирании восстановление среди наших землепашцев; в самом деле, ведь нет ника-

«Колоны и честные землевладельцы ежедневно запрашивают нас, когда вы вынесете свое решение по этому вопросу; эта жестоко дающая себя чувствовать неопределенность вызывает опасное и растущее с каждым днем брожение в деревне».

6. Адрес жителей города Нерака и его муниципалитета, 14 декабря 1789 г. (DXIV, carton 5.)

«Первая статья декрета от 4 августа 1789 г. вполне ясно провозглашает безвозмездную отмену права преемства (*droit de prélation*)¹ или феодального либо цензуального права поворота (*retrait*); однако, герцог Бульонский взымает его со всех приобретений его держателей. Сеньер сохранил за собой это право. Его взвинчивают до чудовищных размеров и берут, помимо пошлин с купли-продажи, еще двенадцатую часть сверх продажной цены. Агенты герцога собираются пользоваться правом преемства до тех пор, пока сеньер не получит требуемого возмещения за него».

7. Муниципальные должностные лица и жители Гримокюра, возле Коммерси Января 1790 г.

(DXIV, carton 7.)

«... Откупщики графа де Сампиньи, в феодальной зависимости у которого находится Гримокюр, потребовали судом от каждого из обращающихся к вам с ходатайством (*suppliant*) в отдельности по два четверика овса вместо права на монопольную печь (*banalité du four*) и по одному живому каплуну с перьями за право поить скотину в ручье, который пересекает село и который община в эти последние годы прочистила за свой счет. Просители, опасаясь проиграть процесс, который может обойтись им очень дорого, имеют честь обратиться к помощи ваших познаний и умолять вас сообразоваться указать им путь, которому они должны следовать».

8. Община Велон (судебного округа Монмеди).

(DXIV, carton 7.)

Жалуются на то, что сеньеры после 4 августа притесняют жителей, хотят использовать право терража (*terrage*)², отмененного постановлением верховного Совета Малина от 10 апреля 1604 г. и декретом Собрания.

¹ Одна из случайных повинностей сеньеру, основана на том, что он являлся преемником имущества феодальных и цензуальных держателей, и, в случае перемены владельца такового, продажи или покупки, требовал особого выкупа; в противном случае он мог во всякое время поворотить проданное, т. е.

9. Докладная записка Национальному Собранию в пользу буржуа землевладельцев (*laboureurs*) Бельфора, Апрель 1790 г. (DXIV, carton 9.)

Декреты 1789 г. были так истолкованы, что в деревнях считали десятину упраздненной. «Сборщики десятины были сами настолько уверены в действительности этой отмены, что не явились во многие места для сбора ее, так что хлеб был целиком съезен в овины. Вскоре владельцы десятины объявили о себе путем массы судебных исков, так что в настоящий момент наша местность повержена в отчаяние более чем тремя тысячами процессов...».

10. Замечания г. Буруна, депутата Пуату, Комитету феодальных прав, 3 января 1790 г.

(DXIV, carton 13. Correspondance.)

«... Если в некоторых провинциях сеньеры жалуются на отказ дебиторов уплачивать феодальные повинности, то в других дебиторы вопиют против строгости преследований сеньеров и против того факта, что, несмотря на отмену феодального режима, некоторые из них продолжают вести свои судебные заседания (*assises*), т. е. требовать от цензитариев и вассалов сопряженные с большими расходами декларации, признания и поземельные описи (*dénombrements*), содержащие признание всех повинностей, которые собирались ими до сих пор.

«Справедливость требует, чтобы сеньерам была обеспечена уплата неотмененных повинностей до того момента, пока они не будут выкуплены; но не менее существенным для поддержания авторитета декретов Национального Собрания и особенно общественного спокойствия является объявление о том, что сеньеры не имеют больше права устраивать свои судебные заседания, права, вытекающего непосредственно из феодальной власти, уничтоженной нами первой статьей декрета 4 августа.

«Не менее справедливой является приостановка всяких действий сеньеров, направленных на истребование новых юридических титулов (*titres nouveaux*) на те права, которые Национальное Собрание не провозгласит отмененными, до тех пор, пока оно не установит доступные размеры выкупа за эти права.

«В самом деле, принимая во внимание, что возможность выкупа провозглашена декретом, но использование этой возможности приостановлено впредь до того момента, когда декретом будет установлен размер выкупа, сеньер причинил бы своим дебиторам, намеревающимся воспользоваться преимуществами выкупа, как только выкуп будет установлен, значительные и бесполезные

IV

ЗАКЛЮЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНОГО КОМИТЕТА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО
СОБРАНИЯ

1. Заключение 2. Разъяснение декрета от 15 марта по вопросу об уплате ренты. 27 октября 1790 г.

(DXIV, carton 13.)

После заслушания Феодальным Комитетом докладной записки, составленной в нижеследующих выражениях: «Держатель отказывается уплачивать своему бывшему сеньеру ренту, которую он ему должен. В статье 2-й раздела 3-го декрета от 15 марта 1790 г. сказано, что сеньеральная рента является—если не доказано противного—платой за первоначальную уступку сеньером земли. Согласно этому, не следует ли, что прежний сеньер освобожден от необходимости приводить доказательства и даже предъявлять акты, устанавливающие его права, и не держателю ли надлежит доказать, что он ничего не должен?»,—Феодальный Комитет высказывает мнение, что, согласно букве и духу статьи 2-й, раздела 3-го декрета от 15 марта 1790 г., бывший сеньер, пользующийся добрым давним правом получения ренты с какого-либо участка земли, не нуждается ни в каких актах или особых документах для доказательства законности означенной ренты.

Но что, согласно тому же декрету, держатель, хотя и привыкший в течение ряда веков уплачивать эту ренту, может попытаться доказать ее незаконность.

Что он может для доказательства этой незаконности использовать все способы, которыми существо дела и даже старое право позволяют ему располагать.

Что одним из этих способов является предъявление всех актов, устанавливающих право сеньера, предъявление, которое никогда не считалось возможным отклонить, по той простой причине, что все акты, касающиеся феодальной зависимости (*mouvance*) или непосредственного права собственности (*directe*), считаются общими для сеньера и вассала.

Что, в двух словах, сеньер действительно не обязан предъявлять акты в качестве прямого доказательства, когда за него говорит самое владение; но что держатель может принудить его предъявить их для обоснования или выявления доказательства обратного положения.

Составлено в Комитете 27 октября 1790 г.

Гупиль, Мерлэн.

2. Заключение 75. Разъяснение декрета о предъявлении актов, устанавливающих права сеньеров, 2 ноября 1790 г.

(DXIV, carton 13.)

своего прежнего сеньера передать в их распоряжение акты, устанавливающие его права, для рассмотрения, и заключить на основании рассмотрения актов, находящихся в их руках, законны ли рента и ценз, которые они обычно платили;

Феодальный Комитет полагает, что никто никогда не сомневался в том, что сеньер обязан ознакомлять своих вассалов, держателей или цензитариев со всеми имеющимися у него актами, как основными (*constitutifs*), так и толкованиями (*interprétatifs*) или декларациями (*déclaratifs*), касающимися ценза, ренты, пошлин с купли-продажи и других сеньеральных прав.

Однако, никогда вассалы, держатели или цензитарины не претендовали на то, чтобы это ознакомление было связано с передвижением этих документов; оно должно происходить в архивах самого сеньера при посредстве третьего лица, приглашенного по общему соглашению (*de gré à gré*) или указываемого законом как хранителя; например, секретаря, нотариуса и т. п.

Никогда они не требовали передачи им в собственные руки, по доверию к их честности, актов, в уничтожении которых они были в высшей степени заинтересованы.

Таким образом, все, что можно требовать в этом отношении, это, чтобы прежний сеньер, у которого имеются акты, касающиеся его ценза, ренты или пошлины с купли-продажи, ознакомил с ними, не перемещая их, в своем архиве, или, чтобы он передал их на время в секретариат дискрикта, в контору нотариуса или в какое-либо другое место хранения, установленное по соглашению, для рассмотрения их держателями и цензитариями в целях их успокоения.

Составлено в Комитете 2 ноября 1790 г.

Гупиль, Мерлэн.

3. Заключение 73. Заключение Феодального Комитета. 24 ноября 1790 г.
(DXIV, carton 13.)

По поводу отчета, сделанного Феодальному Комитету Национального Собрания, относительно собрания муниципалитета Энши, Баломского дистрикта, департамента Па-де-Калэ от 12 числа сего месяца, в котором, отклоняя предложение прежнего сеньера данной местности ознакомить каждого из своих прежних вассалов порознь с актами, касающимися его прав на ценз, ренту и другие повинности, муниципалитет постановил: во-первых, что прежний сеньер будет принужден силою передать в секретариат муниципалитета все означенные акты, дабы все заинтересованные стороны могли с ними ознакомиться и судить, отменены ли декретами Национального Собрания или сохранены права, которые перечислены в этих актах...

1) Муниципалитет Энши не может вмешиваться в споры прежних вассалов или цензитариев с местным сеньером по вопросу о предъявлении им актов, устанавливающих его права. Эти споры не касаются коммуны Энши в целом.

2) Что же касается существа вопроса, то несомненно, что все собственники недвижимости, находящейся в зависимости от прежней сеньерии Энши, вправе требовать от прежнего сеньера предъявления актов, устанавливающих его права, проверки и изучения их, и с этой целью сеньер должен передать их нотариусу, муниципальному регистратору, секретарю суда дистрикта или в какое-либо другое общественное место хранения (*dépôt public*) по выбору сторон или, в случае разногласий, по назначению судьи. Так постоянно решалось при старом порядке, и по этому вопросу не было сделано никаких нововведений.

Составлено в Феодальном Комитете 24 ноября 1790 г.

V

БУРЖУА И «ЖИТЕЛИ»¹.

1. Господину председателю и членам Национального Собрания. Зарегистрировано 7 мая 1792 г.

(Arch. nat., DXIV, carton 9.)

«Граждане города Бельфора, департамента Верхнего Рейна, прежде называемые «жителями», имеют честь почтительнейше представить вам, что в то время, когда деспотизм сражен, феодальный порядок низвергнут, различия между сословиями отменены, привилегии уничтожены, в обоих рейнских департаментах еще открыто допускается сосуществование двух классов граждан в одной и той же местности, и администрация, так же как и трибуналы, предоставляют одному из этих классов все привилегии и все преимущества, тогда как второй класс лишается всех прерогатив. Эти два сословия, сохраняемые вопреки основным началам величественной французской конституции, получили наименование буржуа и жители. Буржуа получают известную часть при распределении всех коммунальных благ; они ежегодно получают от муниципалитета дрова, часть распределяемых общинных земель; они пользуются пастбищами, правом сбора желудей (*glandage*), мергелем для удобрения земли (*marnage*)² и пр. «Жители» лишены доли при распределении всех этих благ и, повидимому, допускаются в число граждан для несения вместе с буржуа связанных с расходами обязанностей только для того, чтобы прикрыть мишурным блеском, унижающим человечество и оскорбляющим конституцию, исключительное пользование буржуазией всеми реальными выгодами общинного порядка.

¹ Bourgeois et habitants.

Тщетно Директории департамента Верхнего Рейна подавались прошения и делались возражения против этого неконституционного различия; столь же безуспешно подобные же и настолько же обоснованные петиции оглашались и в трибуналах...».

2. Директория Кольмара Национальному Собранию, 24 августа 1790 г. (DXIV, carton 9.)

«Вопрос о том, должны ли буржуа и батраки (*manants*) пользоваться равными правами при разделе общинных земель,—чрезвычайно труден. Несколько общин пользуются некоторым благосостоянием благодаря тому, что до настоящего времени только буржуа было предоставлено право пользования общинными угодиями. Это преимущество не было бесплатно, ибо в этих общинах звание буржуа приобреталось по возмездной сделке (*à titre onéreux*) и путем уплаты общине некоторой суммы за право пользования общинными землями. Батраки, ничего не внося в общину, не участвуя в расходах по приобретению и разработке общинных земель, не претендовали на эти блага, которые были плодом бережливости предков и основой своего рода общественной связи между буржуа данной местности... Допущение к участию в этих разделах пришлось обусловить известными взносами; иначе вся беднота явилась бы в общины, богатые коммунальными землями, и постепенно, в результате их дробления, преимущества этих общин свелись бы почти к нулю. Следует, однако, отметить, что батраки были допущены в большинстве общин к участию в разделе общинных угодий в размере одной трети, одной четверти или одной половины части, выдаваемой буржуа...».

3. Петиция жителей Жироманьи Собранию. Зарегистрировано 28 декабря 1791 г.

(DXIV, carton 9.)

Они жалуются на решение трибунала дистрикта Бельфор, в силу которого «жителям» Валь-де-Розмон выдается наполовину меньше дров, чем прежним буржуа.

«Так как эти буржуа своим образом действий доказывают, что они решили сохранить звание и права буржуазии, т. е. держать нас в цепях, то департаменты, дистрикты, и трибуналы этой провинции, состоящие целиком из буржуа, неблагонадежны и не компетентны выносить решения по нашим жалобам, а решения, вынесенные ими по таким делам, должны быть признаны недействительными».

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ВОПРОСУ О РАЗВОДЕ

1. Письмо Седийе Законодательному Комитету 26 сентября 1792 г. (Arch. nat. DIII, 361.)

«Свободные законодатели!

Спешите переделать закон о разводе. Он был создан по образу и подобию мелочного законодательства эпохи деспотизма. Ибо дес-

потизм любил множить законы, которые являются вместе с тем и цепями.

Закон о разводе только добавил бы к терзаниям неудачного брака—терзания бесконечного судебного разбирательства.

Нашей серьезной болезнью в области законодательства является создаваемый юристами сумбур¹; отложите же в сторону этот хлам и вернитесь к простоте Природы.

Хотите ли вы, чтобы мы были счастливы в гражданской жизни? Сделайте нас свободными и предоставьте нас самим себе. Никогда вы не поймете лучше нас самих наших интересов.

В вопросе о разводе достаточно было разорвать связь, считавшуюся неразрывной. Остальное предоставьте частным соглашениям—лучшим из законов. Если стороны не смогут прийти к соглашению, гражданское жюри или третейские судьи примирят их.

Позвольте нам также, наконец, развестись с крючкотворством. (faire divorce avec chicane).

Небольшое количество законов, очень ясных, очень простых, сделают ненужными все ваши трибуналы. Я смогу сам себя судить, или дать судить себя своему другу, соседу, первому встречному.

Примите, законодатели, мои горячие пожелания упрощения законов и счастья человечества».

«Седийе».

2. Анонимный мемуар против развода по причине несходства характеров. (DIII, 361.)

«Лютеране, допустившие развод, разрешили его только в двух особых случаях и с очень строгими ограничениями; он может, согласно их правилам, допускаться только в случае прелюбодеяния и в случае злостного оставления одного супруга другим... Другой принцип, проводимый ими с неменьшим постоянством, состоит в том, если один из супругов дал повод к разводу, то другой может получить свободу и право вступления в новый брак, тогда как виновный остается связанным полным запретом заключения нового союза. Иначе тот, кто хотел бы получить право вновь вступить в брак, мог бы добиться столь роковой свободы, совершая преступление, ценой и наградой за которое была бы свобода. Как могли наши французские законодатели придумать повод для развода, о котором никогда не слыхали даже секты, наиболее благоприятствующие свободе?.. Если бы подобный повод был допущен, то какой брак нельзя было бы расторгнуть?».

¹ В подлиннике—несварение желудка (une indigestion des jurisconsultes).

3. Петиция Вюилерме, канонира 7-го Юрского батальона в Бэль-Иль-ан-мер (Belle-Ile-en-mer).

(DIII, 361.)

«Уже два года, как я служу республике. Родители мои сообщили мне, что жена моя известила их о разводе со мною около месяца тому назад, и это повергает их в смертельное горе. Поэтому прошу вас уведомить меня, имеет ли она право на развод и нельзя ли опротестовать ее решение. Развод затеян ею по причине несходства характерами. Прошу вас сообщить мне, что вы думаете по этому поводу. Неужели следует расставаться из-за пустяков, если одна из связанных браком сторон сумасбродна? Это повело бы, граждане, к неисчислимым бедствиям. Итак, сообщите же мне, что вы думаете по этому вопросу.

«Вюилерме».

4. Обращение в Комитет с просьбой сократить сроки, установленные декретом от 20 сентября 1792 г. Петиции эти переданы Удо, ведавшему законодательством о разводе.

5. Письмо министра юстиции Гойе (Gohier), который просит дополнительного закона к закону о разводе (от 11 июля 1793 г.).

(DIII, 361.)

Об опасности сохранения мужем с момента подачи прошения о разводе полномочий, которыми он пользовался ранее. Состояния жен растрачиваются мужьями в промежуток времени между заявлением, на основании которого начинается развод, и постановлением, которым он завершается.

6. Петиция Роэ, таможенного контролера республики в Лонгви (27 августа 1793 г.).

(DIII, 361.)

«... В ноябре 1791 г. я захотел получить развод на основании статьи прежней конституции, которая сводила брак к чисто гражданскому соглашению...; с этой целью я послал соответствующую доверенность одному частному лицу из Байонны—места жительства моей жены. Но прошение о разводе восстановило общественное мнение, ибо жители Байонны находятся под влиянием предрассудков своих соседей—испанцев. Мне приходится, таким образом, ждать, пока развод будет открыто установлен декретом.

Итак, смею надеяться, что... вы разработаете способы развода, более ускоренные и более благоприятные для угнетенных супругов, чем те, которые существуют в настоящее время».

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВНЕБРАЧНЫХ ДЕТАХ

1. Письмо, адресованное Камбасересу. Альби, 11 июля 1793 г., подписано Риёвер (Rieuverd).

Arch. nat. DIII, 380 (Cahier de juillet 1793 г.).

Это внебрачное дитя. У его отца нет законных детей. Он жалуется на то, что в докладе Камбасереса дети, родившиеся

от лиц не свободных, обойдены. Ближайшими родными его отца являются родственники четвертой степени; а он—дитя адюльтера—разве не является ближайшим родственником? Отрицать это—значило бы наказать невинного.

«Мой отец,—говорит он,—после того как он десять лет посещал мою мать, с целью вступления с нею в брак, был принужден своими родителями жениться на другой, с которой он прожил всего неделю. Он подал заявление о том, что венчание было произведено насильно, но во времена фанатизма таким заявлениям редко давали ход. Он снова вернулся к любовнице, от которой он никогда не отрывался сердцем; он добивался права вступить с нею в брак; мог ли он не быть помилованным?».

На этом письме Камбесерес подписал сверху: «Гражданин, положение незаконнорожденных не может более оставаться двусмысленным. В результате моего доклада издан декрет, устанавливающий принципиальное решение в отношении их. Надеюсь, что внебрачным детям не придется жаловаться ни на статьи, развивающие основное положение, ни на детали».

2. Письмо мэра Монбара, адресованное Камбесересу (от 7 июня 1793 г.). Arch. nat., ibid.

В конце своего письма упомянутый гражданин сообщает Камбесересу, что ему шестьдесят пять лет и что у него родился внебрачный ребенок, которого он признал; он поздравляет гражданина Камбесереса по поводу его доклада о незаконнорожденных и выражает надежду, что его внебрачный сын, плод прелюбодеяния (adultérin), будет уравниен в правах с его остальными четырьмя детьми, родившимися от так называемого законного брака.

Камбесерес подписал внизу этого письма:

«Гражданин, сочувствие со стороны хороших людей—самая приятная награда для тех, кто посвящает себя служению своей стране. Я бесконечно ценю то одобрение, которое вы выражаете моему докладу о внебрачных детях и декрету, который был издан в связи с ним. Принцип установлен, и это уже значительный шаг вперед. Статьи, развивающие в деталях основное положение, не замедлят остановить на себе внимание Комитета и Национального Конвента. Поздравляю юного гражданина, обязанного вам своим появлением на свет, с тем, что он не будет жертвой наших прежних заблуждений и ужасных предрассудков».

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Источники указаны в хронологическом порядке

I

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. ФИЛОСОФИЯ И ЭКОНОМИКА

Grotius, *De jure belli ac pacis libri tres*, 1625. (Le droit de la guerre et de la paix). Trad. Barbeyrac, 1729. Amsterdam, 2 vol. in-4. Ed. latine, Amsterdam, 1735, in-8.

Puffendorf, *Droit de la nature et des gens*. 1672. Trad. Barbeyrac. Bâle, 1771, 2 vol. in-4.

Pierre Jurieu, *Lettres pastorales aux fidèles qui gémissent sous la captivité de Babylone*. Rotterdam, 1686—1689, 3 vol. in-12.

Contre Jurieu: cf. Bossuet, *Avertissement aux protestants*. Oeuvres complètes, éd. Lachat, tome XV. Paris, Vivès, 1863, in-8. Bossuet, *La politique tirée de l'Écriture sainte*, tomes XXIII et XXIV. Русское издан. 1802 г. Боссуэт. «Полника, основанная на Священном Писании».

Montesquieu, *Esprit des lois*. Ed. Laboulaye. Paris, Garnier, 1877, in-8. Oeuvres complètes (tomes III à VI). Монтескье. «О духе законов». Пер. под ред. А. Г. Горифельда, со вступит. ст. М. М. Ковалевского. СПб. 1900 г.

Locke, *Traté sur le gouvernement civil* (1690). Trad. fr., Bruxelles, 1754, in-12.

Voltaire, Ed. Beuchot, refondue par Moland. Paris, Garnier, 50 vol. in-8 et 2 vol. de table, 1885. Cf. surtout le *Dictionnaire philosophique*, 4 vol. (tomes XVII à XX).

Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Neufchâtel, 1765, 17 vol. in fol. (table 2 vol.).

Rousseau, *Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes;—Emile;—Contrat social*. Ed. critique de Dreifus-Brisac. Paris, 1896, in-8.

Русск.: «Речь о происхождении неравенства среди людей»; «Эмил или о воспитании». Пер. Энгельгардта. СПб. 1912; «Об общественном договоре». Пер. с фр. под ред. Д. Е. Жуковского. СПб. 1907.

Burlamaqui, *Eléments du droit naturel*. Lausanne, 1783, in-12. *Principes du droit de la nature et des gens*. Yverdon, 1766, 8 vol. in-8.

Vattel, *Le droit des gens ou principes de la loi naturelle, appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains*. Ed. Pradier-Fodéré. Paris, 1863, 3 vol. in-8.

Daire, *Collection des principaux économistes*. T. II: Quesnay, Baudeau, Mornier, Dupont etc. T. III et IV: Turgot. Paris. 1846, 3 vol. in-1.

¹ Настоящую библиографию следует рассматривать как точный и полный указатель использованных автором документов и литературы, так как со времени выхода в свет работы появился целый ряд новых изданий документов и кое-что из литературы. Важнейшее мы старались указывать в соответствующих местах книги. Приводим также русские переводы некоторых работ. (Прим. перев.)

Quesnay, Oeuvres. Ed. Oncken, Paris. 1888, in-8.

Procès-verbaux du Comité d'administration de l'agriculture, 1785—1787. publiés par Pigeonneau et de Foville. Paris, 1882, in-8.

Arthur Young, *Voyages en France en 1787, 1788, 1789 et 1790.* Trad. fr. par F. S. Paris. 1793, 3 vol. in-8. Trad. Lesage, 2-me éd. Paris, 1882, 2 vol. in-8. (О достоинствах этих переводов ср. Pariset, *La Révolution française*, janvier, 1896.)

Провинциальные собрания.—*Procès-verbaux de l'Assemblée provinciale du Berri, 1778—1783*, 2 vol. in-4. Bibl. nat., Lk¹⁵ 17.

II. НАКАЗЫ ГЕНЕРАЛЬНЫХ ШТАТОВ 1789 г.

Некоторое количество рукописных наказов имеется в Национальных Архивах либо в подлинниках, либо в копиях. Наказы баляжей и несколько приходских наказов были напечатаны в *Archives Parlementaires*, 1-re série, 7 vol. in-4. с указателем. Однако это издание не содержит всех наказов баляжей и дает лишь некоторые приходские указы. Указатель VII тома и не полон и не удобен; подразделения не достаточно многочисленны и не достаточно специализированы. Издание это не критическое и изобилует ошибками.

Les élections et les cahiers de Paris en 1789, publiés par Chassin. Paris, 1888—89, 4 vol. in-8, с указателем и дополнительными документами; издано очень тщательно.

А. Наказы баляжей, изданные отдельно

Nivernais (Labot) Nevers, 1866, in-8. Bibl. nat., Le²⁴ 216.

Quercy (Combarieu). Cahors, 1889, in-8. Bibl. nat., Le²³ 234.

Vivaraïs (Vaschalde). Paris, 1889, in-8. Bibl. nat., Lk² 3750.

Navarre. *Tableau de la constitution du royaume de Navarre*. Paris, 1783, in-8. Bibl. nat., Lk²¹ 1161.

В. Приходские указы

Région du Nord.—Artois (Loriquet). Arras, 1891, 2 vol. in-8. Le²⁴ 293.

Picardie, typogr. Jeunet. Amiens, 1889, in-8. Lk⁴ 1987.

Région de l'Ouest.—Alençon (Duval). Alençon, 1887, Le²⁴ 266.

Maine (Bellez, Duchemin et Brindeau). Paris, 1881—1887, 4 vol. in-12, La³² 428.

Anjou. Voeux des communautés de la sénéchaussée, in-8, Le²⁴ 12.

Région parisienne.—Versailles (Thénard). Versailles, 1889, in-12. Le²⁴ 281.

Auxerre (Demay), *Bulletin de la Société des Sciences historiques et naturelles de l'Yonne*, 1884 et 1885, tomes XXXVIII et XXXIX. Le²⁰ 26.

Région du Centre.—Limousin (A. Leroux). Archives historiques de la Marche et du Limousin. Limoges, 1887, in-8, Lk² 3637.

Marche (Duval). Paris, 1873, in-8. Bibl. nat., Le²⁴ 233.

Autun (De Charmasse). Autun, 1895, in-8. Le²⁴ 299.

Région du Sud-Ouest.—Béarn. *Bulletin de la Société des Sciences, Lettres et Arts de Pau*, 1886, in-8, t. XVI.

Soule (Docteur Larrieu). Pau, 1894, in-8.

Castres (De la Jonquière). Paris, 1867, in-8. Bibl. nat. Le²⁴ 221.

Agénois (Mondenard). Villeneuve-sur-Lot, 1889, in-8.

Région du Sud-Est.—Draguignan (Mireur). Draguignan, 1889, in-12.

Еще очень многих наказов недостает, особенно приходских. Список еще неизданных наказов, но лишь подлежащих внесению в Генеральные Штаты, был составлен Оларом в *La Révolution Française*, август 1895 г.; этот список был уже усвоен и в журнале *La Révolution Française* от 14 февр. 1897 г. и сл. был опубликован наказ дворянства баляжа Bar-le-Duc. Все же знакомство с уже напечатанными наказами депутатам Генеральных Штатов позволяет делать обобщения. Мы имеем приходские указы для всех крупных областей Франции.

жалобы общего характера повсюду одни и те же; расхождения и различия имеются лишь по частным пунктам. Наказы депутатам Генеральных Штатов, в большинстве своем очень скромные, умеренные, являются превосходным источником, вполне заслуживающим доверия¹.

А. Brette, *Documents relatifs à la convocation des Etats généraux*. Collection des documents inédits, tomes I et II, 1894—96, in-8.

III. БРОШЮРЫ, ПАМФЛЕТЫ, ВЫХОДИВШИЕ ДО 1789 г.

Они указаны в самой работе. Вот главные из них.

О сенъериальных правах: Boncerf, *Les inconvénients des droits féodaux*, 1776, in-8. *Mémoire sur les rentes foncières dues aux gens de mainmorte et les avantages que l'Etat peut en retirer en autorisant les débiteurs à les racheter...*

О церковных имуществах: De Cerfvol, *Du droit du souverain sur les biens-fonds du clergé et des moines et de l'usage qu'il peut faire de ces biens pour le bonheur des citoyens*. Naples, 1770, in-8, 164 pp. Bibl. nat., Ld⁴ 3008.

Встретятся ссылки на брошюры, цитированные у Robinet. *Le mouvement religieux à Paris pendant la Révolution* (recueil de documents), tome I, 1896, in 8.

IV. ПРАВО

1. Писаное и обычное право. *Coutumier général de Bourdot de Richebourg*. Paris, 1724, 4 vol. in-fol. (содержит северные и южные кутюмы).

Писаное право.—*Coutume de Toulouse*, ed. Tardif. Paris, 1884, in-8. Ch. Giraud. *Histoire du droit français au moyen âge*, tome II. Paris. 1846, in-8 (документы, статуты юга Франции).

2. Обычное право.—Guénois, *Conférence des coutumes*, 1596, 2 vol. in-fol.

Coutume de la prévôté et vicomté de Paris, éd. Laurière. Paris, 1721, 3 vol. in-12.

Coutume des duché, baillage et prévôté d'Orléans et ressort d'iceux, éd. Pothier. Paris, 1772, in-4.

Орлеанские и Парижские кутюмы имеются у Giraud, *Précis de droit coutumier*. Paris, 1875, 2-e éd. in-12.

Coutume de Normandie. Éd. 1753, in-8. Commentaire de H. Basnage dans *Oeuvres*. Rouen, 1771, 2 vol. in-fol.

3. Ордоннансы.—Isambert, *Recueil général des anciennes lois françaises*, Paris, 1827, 29 vol. in-8, из которых 1 том указателя, кот. лишь отмечает или вовсе опускает много очень важных королевских актов.

Néron et Girard, *Recueil d'édits et d'ordonnances royaux*. Paris, 1720, 2 vol. in-fol. (содержит королевские акты, недостающие у Isambert'a).

Собрание королевских ордоннансов в Национальных Архивах, ADII (Collection Rondonneau): одно из лучших и наиболее полных, к которому необходимо обращаться для пристального изучения какого-либо института в его развитии.

ADIV. 5 et 16 (ордоннансы и указы по сельскому хозяйству).

4. Каноническое право.—Theiner, *Acta genuina sanctissimi aecumenici Concilii Tridentini*. Zagrabiae, 1874, 2 vol. in-4.

¹ Этот взгляд на Наказы является несколько устаревшим: см. позднейшую солидную работу А. Ону, «Выборы 1789 г. во Франции и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны». Ч. I. Опыт установления метода исследования и критики наказов, как исторического источника. СПб. 1910. (Печ. перев.).

Collection des procès-verbaux des Assemblées générales du clergé de France (1530—1767), faite sous la direction de l'évêque de Mâcon. Paris, 1767, 9 vol. in-fol. (table, tome IX).

Procès-verbal de l'Assemblée générale du clergé (1785—1786). Paris, 1789, in-fol. Bibl. nat., Ld⁹ 598.

Les originaux sont aux Archives nationales, G⁸ 82—139.

V. ОБЩИЕ СОЧИНЕНИЯ ПО ПРАВУ

Guyot, *Répertoire universel et raisonné de jurisprudence*. Paris, 1784—1785, 17 vol. in-4.

Merlin (de Douai), édition augmentée du répertoire de Guyot. *Répertoire universel et raisonné de jurisprudence*. Bruxelles, 5 éd., 1825—1828, 36 vol. in-8.

Encyclopédie méthodique, jurisprudence. Paris, 1782—1789, 7 vol. in-4.

Denisart, *Collection de décisions nouvelles...*, 7-e éd. Paris, 1771, 4 vol. in-4.

Pothier, *Œuvres*. Ed. Bugnet et Sirey, 11 vol. in-8, 1861—1862.

Argou, *Institution au droit français*, éd. Boucher d'Argis. Paris, 1787, 2 vol. in-12.

Claude Serres. *Institution au droit français...* Paris. 1778, 3-e éd. in-8.

VI. СОЧИНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ

Об обычном праве. Loisel, *Institutes coutumières*. Ed. Laboulaye. Paris, 1846, 2 vol. in-12.

Bourjon, *Le droit commun de la France et la coutume de Paris réduite en principes*. Paris. 1747, in-4.

Boubier, *Les coutumes du duché de Bourgogne avec les anciennes coutumes tant générales que locales de la même province, non encore imprimées*. Dijon, 1742. 2 vol. in-fol.

О писаном праве. Cl.-Joseph de Ferrière, *Histoire du droit romain*. Paris. 1782, in-12.

О каноническом праве. Fleury, *Institution au droit ecclésiastique*, revue par Boucher d'Argis. Paris, 1767, 2 vol. in-12.

Le Vayer de Boutigny, *Traité de l'autorité des rois touchant l'administration de l'Eglise*. Cologne, 1682. Nouv. éd. Londres, 1753, in-12. Bibl. nat., Ld⁶ 19.

Durand-Maillane, *Dictionnaire de droit canonique*. Lyon, 1776, 5 vol. in-4;—*Histoire du droit canonique*. Lyon, 1770, in-12.

Le Ridant, *Examen de deux questions importantes sur le mariage*. Paris, 1753, in-4. Bibl. nat., Invent., F. 3506.

О феодальном и сенъеральном праве.—Renaudon, *Traité historique et pratique des droits seigneuriaux*. Paris, 1765, in-4.

Boutaric, *Traité des droits seigneuriaux*. Nîmes, 1781, in-8. éd. 1751, in-8.

De Fréminville, *La pratique universelle pour la rénovation des terres et des droits seigneuriaux*. Paris, 1757, 5 vol. in-1.

Guyot, *Traité des fiefs*. Paris, 1749—1751, 7 vol. in-4.

Salvaing, *De l'usage des fiefs*. Grenoble, 1668, in-fol.

Brussel, *Nouvel examen de l'usage des fiefs en France (XI—XIV siècles)*. Paris, 1739, 2 vol. in-4.

Henrion de Pansey, *Dissertations féodales*. Paris, 1789, 2 vol. in-4.

Girard, *Traité des usages ruraux de Basse-Bretagne*, présenté aux Etats de la province (вышел только первый том), in-12. Quimper, 1774, Bibl. nat., Invent., F. 35.644.

Boucher d'Argis. *Code rural*. Paris, 1774, 3 vol. in-12 (содержит много постановлений XVIII века).

II

ИСТОЧНИКИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕВОЛЮЦИИ (1789—1804)

I. ЗАКОНЫ

Collection générale des décrets rendus par l'Assemblée Nationale, Paris, Baudouin, 18 vol. in-8; par l'Assemblée Législative, 6 vol. in-8; par la Convention, 35 vol. in-8; *Lois et actes du Corps législatif et du Directoire exécutif*, 8 vol. in-8.

Коллекция Бодуэна (4 мая 1789—5 нивоза VIII года) состоит из 77 томов in-8 и 3 томов указателя к 1789—1791 годам. (Cf. Tournoux. *Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution*, Paris, 1890, t. I, pp. 101 et suiv.)

Collection générale des lois, proclamations, instructions et autres actes du pouvoir exécutif, dite collection du Louvre (1788—ан VIII) 24 vol., in-4 (Cf. Tournoux I, pp. 102—103).

Bulletin des lois, основанный 14 фримера II года, начал выходить только 22 прериаля II года, 15 т.т. in-8, содержит лишь законы, касающиеся государственных интересов. (Cf. Tournoux, I pp. 103—105.)

Duvergier, *Collection complète des lois, décrets, ordonnances, règlements et avis du Conseil d'Etat à partir de 1788*. 2 тома указателя к периоду 1789—1830 гг. Революция (1789—1804) охватывает 14 томов, in-8, Paris, 1824—1825. Дювержье дает лишь важнейшие законы, остальные только отмечает и отсылает к Собранию Бодуэна.

J. B. S. (Sirey) et G. S. L.—*Code intermédiaire*, 1810, 4 vol. in-8, с очень удобным указателем. (Дает лишь основные законы, но добавляет акты и донесения исполнительной власти.)

II. ПРОЕКТЫ КОДЕКСА И ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС

Кроме проектов, направлявшихся в Собрания частными лицами:

Plan de Code civil présenté au Comité de législation par Durand-Maillane, membre du Comité, 8 juillet 1793. Paris, 1793, in-8.

Projet de Code civil présenté, le 9 août 1793, à la Convention nationale, au nom du Comité de législation par Cambacérès, Paris, 1793, in-8.

Projet de Code civil présenté par Cambacérès, le 23 fructidor an II. Paris, an II, in-8.

Projet de Code civil présenté, au nom de la Commission de la classification des lois, par Cambacérès. Paris, messidor an IV, in-8.

Projet de Code civil présenté, au nom de la section de législation à la Commission législative du Conseil des Cinq-Cents, par Jacqueminot, 30 frimaire an VIII. Paris, 1799, in-8.

Projet de Code civil présenté par la Commission du gouvernement, en vertu de l'arrêté des consuls du 24 thermidor an VIII. Paris, an XI (1801), in-8.

Code civil des Français, 30 ventôse an XII, Paris, 1804, in-8.

Все проекты кодексов имеются в I и II томе нижеследующего сборника:

Fenet, *Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil*. Paris 1836, 15 vol. in-8.

III. ПРОТОКОЛЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОБРАНИЙ

Assemblée Constituante. Paris, Baudouin, 75 vol. in-8, et table, 1 vol. 1792, in-8.

Assemblée Législative, Paris, Impr. nat., 1791—1792, 16 vol. in-8, et table.

Convention nationale. Paris, Impr. nat., 1792—an IV, 74 vol. in-8 (tables manuscrites sur fiches, rédigées par Camus, garde général des Archives de l'Empire, résumées actuellement sur les registres manuscrits qui vont (1898) jusqu'à la lettre M.) Arch. nat.

Conseil des Cinq-Cents. Paris, Impr. nat., 50 vol. in-8.

Conseil des Anciens. Paris, Impr. nat., 49 vol. in-8.

Table pour les deux Conseils. Paris, Impr. nat., an VII—1813, 9 vol. in-8.

Эти протоколы очень сухи, не дают фамилий членов, вносящих предложение и т. п.

Оригиналы протоколов и редакционные черновики их находятся в Национальных Архивах. Серия С.П. полезна для сравнения черновиков с печатным текстом и особенно при поисках добавочных материалов. (Для гражданского законодательства мы не нашли таких приложений.)

IV. ПРОТОКОЛЫ КОМИТЕТОВ

Не все Комитеты вели протоколы своих заседаний. Если таковые велись, то они были так же сухи, как протоколы Собраний.

Procès-verbaux des séances du Comité de législation. (Assemblée législative et Convention). Arch. nat. DIII. 380—382. Эти папки содержат протоколы на отдельных листках, испещренные пометками, неполные (недостает протоколов за целые месяцы). Из них мы черпаем сведения о составе Комитета в различные периоды и о некоторых работах его.

Comité de classification des lois. DXXXIX. 1—9. Ordre et tableau du travail dans les bureaux. (Эти документы имеют второстепенное значение.)

V. МАТЕРИАЛЫ КОМИТЕТОВ

Законодательный Комитет. Arch. nat. DIII. 1—310. (В этих папках содержатся документы по департаментам по всем вопросам, находившимся в ведении Комитета. Мы обследовали некоторые из этих папок, относящихся к наиболее важным департаментам: Верхн. Гаронны, DIII. 87-93; Манша, 143—147; Нижн. Пиренеев, 205—206. Здесь попадаются иногда конкретные материалы о законодательстве).

Реформа Гражданского Кодекса, DIII. 321 (выдержки из сочинений юристов, философов, Монтескье и т. д.).

Докладные записки и петиции по поводу закона 17 нивоза II года. DIII. 336—342.

Проекты и докладные записки по вопросам законодательства, DIII. 361—366 (документы второстепенного характера).

Феодальный Комитет (1789—1792). Протоколов нет. Имеются списки полученных Комитетом писем, но без указания, в каких папках они содержатся.

Arch. nat., DXIV. 1—13. Эти тринадцать папок содержат очень большое количество петиций частных лиц, адресов муниципалитетов, директорий и собраний округов и департаментов, посланных в Комитет за период от 1789 по 1792 г. Документы эти размещены в алфавитном порядке департаментов. Это в высшей степени интересный материал.

Сюда надо добавить DIII. 359. Упразднение феодальных прав и титулов в 1793 г. (дела Законодательного Комитета Конвента).

Комитет по церковным делам. Протоколов не имеется; однако, нам известны прения, происходившие в этом Комитете, благодаря одному из его членов—Дюран-Майяну, и его *Histoire apologétique du Comité ecclésiastique de l'Assemblée nationale*, Paris. 1791, in-12. Bibl. nat. Le27 49.

О десятинах. Archives nationales, DXIX. 27 et 43.

Комитет Финансов. Переписка Амело. Arch. nat., DVI. 58—63.

Комитет по отчуждению национальных имуществ. Пере-

Комитет по делам сельского хозяйства. Arch. nat. DXIII (1 папка).

Сводка этих документов у Guiffrey, *Revue historique*, avril 1876, tome I, pp. 438—483.

Комитет по народному образованию Законодательного Собрания и Конвента.

Протоколы, доклады и т. п., опубликованные J. Guillaume'ом в *Collection des documents inédits* 1889—1897; вышло 4 тома in-8.

VI. ДОКЛАДЫ КОМИТЕТОВ И РЕЧИ

Эти доклады и речи, печатавшиеся по распоряжению Национальных Собраний, имеются в следующих изданиях:

Collection des livres verts de Camus, Arch. nat., ADXVIII c. 1—523 vol. in-8 (1789—an VIII). Это в высшей степени ценное собрание содержит как доклады, так и многие из брошюр того времени, расположенные в систематическом порядке. Относительно дальнейших подробностей см. Arch. nat. état sommaire, 1891, in-4.

Collection de la Bibliothèque nationale (материалы расположены в хронологическом порядке). Cf. Catalogue de l'Histoire de France, séries Le29, Le34, Le38, Le43, Le45, pour les différentes assemblées.

Речи некоторых государственных деятелей были напечатаны отдельно; напр., речи Максимилиана Робеспьера. *Oeuvres publiées par Larompeigne avec préface d'Armand Carrel*. Paris, 1840, 3 vol. in-8.

Доклады министра юстиции, вопросы законодательства (с IV до VIII года). Arch. nat., AFIII, 32—36.

VII. ПРЕНИЯ

1. *Moniteur universel*, 5 mai, 1789—an XII (1804). Journal quotidien. Paris, 30 vol. in-fol. В действительности он начал выходить лишь 24 ноября 1789 г. В IV году революции было составлено введение (1788—89) и добавлены девятюсто пять номеров, датированных 5-м, 6-м мая и т. д. до 23 ноября 1789 г. включительно. Cf. *Tourneux*. I, 554.

Réimpression de l'ancien Moniteur (1789—1799). Paris, 1863, 32 vol in-8, dont 2 vol. de table. Им можно пользоваться для периода 1790—1795 г.; для эпохи Директории он уже является простым резюме: здесь приходится обращаться к первому изданию *Moniteur* in-fol 1.

2. *Journal des Débats et des Décrets*, 1789, in-8: Constituante, 25 vol. Législative, 12 vol.; Convention et Conseils, 88 vol.

3. *Journal de l'Assemblée nationale*, ou journal logographique de Le Hodey, 26 vol. in-12 (1791—30 août 1792).

Остальные журналы: *Gazette de Perlet Républicain français* не дают ничего в дополнение к предыдущим.

Archives Parlementaires de Mavidal et Laurent. 1-re série. Вышел только период 1789 до 1792 г. (конец Законодательного Собрания), 51 т. in-4. Том LII (1897) содержит начало Конвента 2. *Arch. Parl.*, 2-e série, 1800—1860 (печатаются). Это собрание воспроизводит доклады и речи, напечатанные с 1789 по 1792 г.; что касается прений, то авторы не указывают своих источников. В этом не критически издаваемом собрании пользоваться можно только докладами и речами, напечатанными или по постановлению Собраний, или по инициативе авторов.

1 Мы цитируем по *Réimpression*; когда же ссылаемся на in-fol, то специально оговариваем это.

VIII. ОБСУЖДЕНИЕ КОДЕКСОВ

Fenet дает речи по поводу проектов Кодекса революции и полностью воспроизводит прения при обсуждении Кодекса эпохи консульства.

Loché, *La législation civile, commerciale et criminelle de la France*. Paris, 1827, 31 vol. in-8. (Первые шестнадцать томов заключают в себе Гражданский Кодекс консульства и его обсуждение.)

Jacques de Maleville, *Analyse raisonnée de la discussion du Code civil au Conseil d'Etat*. Paris, 1805, 4 vol. in-8. (Прения в порядке отделов Кодекса с мнениями самого Малевилля.)

A.-C. Guichard, *Législation hypothécaire*, ou recueil méthodique et complet des lois... Paris, 1810, 3 vol. in-8.

Portalis, *Discours, rapports et travaux inédits sur le Code civil*, publiés par son fils, le vicomte Frédéric Portalis. Paris, 1844, in-8.

Napoléon, *Correspondance*, 1858—1870, 32 vol. in-8.

Thibaudeau, *Mémoires sur le Consulat*. Paris, 1827, in-8. (Приводит слова самого Первого Консула, сказанные им во время обсуждения Кодекса в Государственном Совете.)

Pelet de la Lozère, *Opinions de Napoléon sur divers sujets de politique et d'administration*, recueillies par un membre de son Conseil d'Etat. Paris, 1833, in-18. Bibl. nat. Lb⁴⁴ 246.

IX. СУДОПРОИЗВОДСТВО

Journal du Palais, tome I, 1837 (судопроизводство Кассационного Трибунала.)

Drouet, *Gazette de nouveaux tribunaux depuis le 1-cr janvier 1791*. Paris, 1791—an V, 14 vol. in-8.

X. БРОШЮРЫ, ПАМФЛЕТЫ И Т. П.

Cf. Bibl. nat., *Catalogue de l'histoire de France*, tomes II et III.

Мы не можем перечислить их здесь полностью. Вот лишь некоторые из них, наиболее общие и существенные:

Siéyès, *Qu'est-ce que le Tiers-Etat?* Переиздано Обществом по изучению истории революции (предисловие Шампиона). Paris, 1888, in-8.

Siéyès, *Instruction donnée par S. A. S. Mgr le duc d'Orléans à ses représentants aux baillages, suivie de délibérations à prendre dans les assemblées*, 1789, in-8. Bibl. nat. Lb³⁹ 1380.

Boncerf, *La plus importante et la plus pressante affaire*, ou la nécessité et les moyens de restaurer l'agriculture et le commerce, 1789, in-8. Bibl. nat. Lb³⁹ 7235.

Peuple français, *vous êtes trompé*. 1790, in-8. Bibl. nat. Lb³⁹ 2911.

Rozet, *Véritable origine des biens ecclésiastiques*, fragments historiques et curieux contenant les différentes voies par lesquelles le clergé séculier de la France s'est enrichi. Paris, 1790, in-8. Bibl. nat. Lb³⁹ 3262.

III

СОЧИНЕНИЯ О ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕВОЛЮЦИИ

Нет ни одной хорошей исторической работы по гражданскому праву Франции в эпоху с 1789 по 1804 г.

I. ОБЩИЕ СОЧИНЕНИЯ

Laferrière, *Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la Révolution française, de 1789 à 1804*. Paris, 1850, in-12, 2-е éd. (некригическая работа).

Sévin, *Etudes sur les origines révolutionnaires des Codes Napoléon*, 141 pp. Paris, 1879, in-8 (охватывает все право, но очень кратко и поверхностно и имеет целью лишь развитие девиза: свобода, равенство, братство).

Valette, *De la durée persistante de l'ensemble du droit civil français pendant et après la Révolution de 1789*. Académie des sciences morales et politiques, 1872, tomes XCV et XCVI (лишь резюмирует проекты Гражданского Кодекса, оттеняя некоторые статьи).

II. СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

1. О наказах депутатам Генеральных Штатов и о провинциальных собраниях:

E. Champion, *La France en 1789 d'après les cahiers des Etats généraux*. Paris, 1897, in-12 (очень ясное изложение содержания наказов с массой удачно подобранных цитат).

De Girardot, *Essai sur les assemblées provinciales et particulièrement sur celle du Berri*. Paris, 1845, in-8 (очень полезная работа, часто цитирует протоколы).

L. de Lavergne, *Les Assemblées provinciales sous Louis XVI*. Paris, 1864, in-8 (автор рассматривает их все по порядку, но не цитируя, как бы следовало, их доклады и работы).

De Luca, *Les Assemblées provinciales sous Louis XVI*... Paris, 1871, in-8 (почти ничего не говорит об их работах).

2. О земельной собственности и сеньеральном режиме.

Doniol, *La Révolution et la féodalité*. Paris, 2-е éd. 1876, in-8.

Chénon, *Des démembrements de la propriété foncière en France avant et après la Révolution*. Paris, 1881, in-8 (диссертация на доктора прав).

Rob. Beudant, *La transformation juridique de la propriété foncière dans le droit intermédiaire*. Paris, 1889, in-8 (диссертация на доктора прав).

Авторы этих трех работ не знали ни наказов депутатам Генеральных Штатов, ни неизданных материалов Комитета по ликвидации феодальных отношений, ни брошюр эпохи революции, ни даже всех докладов Комитетов.

P. Janet, *Les origines du socialisme contemporain*. Paris, 1883, in-18.

Johanet, *Dissertation sur les rentes foncières*. Paris, 1814, in-8 (автор, бывший депутат Совета Пятисот, пытается доказать, что Конвент не упразднил земельную ренту, к которой были примешаны сеньеральные права). Bibl. nat. Lb⁴⁵ 530.

De Loménie, *Les droits féodaux et la Révolution. Correspondant* (10 février 1877).

3. О распределении земельной собственности до и после 1789 г.:

Кареев, Н. «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.». Историческая диссертация. Москва, 1879. (Не переведена ни на французский, ни на немецкий). Сообщение о ней сделано Маугу в *Journal des Savants*, 1880, p. 422 и в заседаниях Академии наук (моральных) Fustel'ем в 1876 г. (tome CXII, pp. 356—358).

Gimel, *Bulletin des Sociétés savantes*. 1890.

Legeay, *Documents historiques sur la vente des biens nationaux dans le département de la Sarthe*. Le Mans, 1885—1887, 3 vol. in-8.

Minzès, *Die Nationalgüterveräußerung während der französischen Revolution*, mit besonderer Berücksichtigung des Departaments Seine-et-Oise. Jena, G. Fischer, 1892, in-8: cf. *Compte-rendu par Loutchisky, Revue historique*, janvier 1894. (Результаты, полученные для департамента Сены-и-Уазы, не должны быть распространяемы на всю Францию. Эта весьма полезная работа представляет иногда опасность при пользовании ею: автор не всегда правильно по-

J. Loutchisky, *De la petite propriété en France avant la Révolution et de la vente des biens nationaux*, Paris, Champion, 1897, in-12¹. Под тем же заглавием статья в *Revue Historique*, sept.-oct., 1895. (Об этих этюдах см. Ph. Sagnac, compte rendu dans la *Revue historique*, mars, 1898).

4. О семье и о лицах:

E. Champion, *La Révolution et la réforme de l'état civil. Révolution française*, 14 juin, 1887. (Резюмирует Archives Parlementaires, слишком излупруг новое право от старого.)

Naquet, *Le divorce*, Paris, 1877, in-8 (даёт все парламентские документы относительно развода).

Maurice d'Auteville, *Le divorce pendant la Révolution. Revue de la Révolution* de G. Bord, 1833, tome II, pp. 206 et suiv., 473 et suiv. (против развода).

Agier, *Du mariage dans ses rapports avec la religion et avec les lois nouvelles de France*, frimaire, an IX, 2 vol. in-12 (очень детальная, путаная и мало интересная работа.)

Bernard, *Histoire de l'autorité paternelle en France*, Paris, 1863, in-8 (полезная работа, цитирует ординансы и постановления).

Gide, *Condition privée de la femme*, Paris, 1867, in-8. Nouvelle édition revue et augmentée par Esmein, 1885. (выдающаяся работа, хорошо освещающая вопрос о положении женщины в старом праве и в праве 1804 г., но не в революционном).

Esmein, *Le mariage en droit canonique*, Paris, 1891, 2 vol. in-8.

Abbé Paoli, curé de Bigorno (Corse). *Étude sur les origines et la nature du mariage civil*, Paris, 1890, in-8.

5. О Кодексах:

Sérurier, *Précis historique sur les Codes français*, Paris, 1845, in-8. Locré. Fenet (уже были указаны), introductions.

Dubédat, *Cumacères et la part prise par le second consul aux travaux préparatoires du Code Napoléon* (*Recueil de l'Académie de législation de Toulouse*, année 1858, tome VII, pp. 92—124). Bibl. nat., in-8. F. 165.

Madelin, *Le premier consul législateur*, Paris, 1865, in-8. Lb⁴³ 365.

Pérouse, *Napoléon 1-er et les lois civiles du Consulat et de l'Empire*, Lyon, 1866, in-8. Lb⁴⁴ 775.

(Обе эти работы прославляют Наполеона, как законодателя.)

Jac. Bonaparte et le Code civil. *Revue catholique des institutions et du droit*, octobre, 1897—1898. Rapport de Timbal, dans *Recueil de l'Académie de législation de Toulouse*, tome XLIII, pp. LXII et suiv., qui donne une bibliographie.

Остальные книги о Кодексах (Rondonneau, etc.) бесполезны².

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ажитаж с национальными имуществами, 157—160.

Азема, 47; его доклад об усыновлении, 261.

Актеры, 210, 216; Тальма, 224.

Арендаторы: захват ими ферм на севере и западе королевства до 1789 г., 57, 73; законы об арендных договорах 179—181; последствия неблагоприятного случая (cas fortuits), 286

Арест за долги, 173, 284; применение его к арендаторам, 287; освобождение от него женщин, 305.

Ассоциации. Упразднение привилегированных сословий и корпораций, 39—40; ассоциации крестьян для покупки национальных имуществ, 156—157.

Беарн, 16, 55, 72; «Соседи» и «не-соседи» в нем, 208.

Безбрачие духовенства, 233—234.

Берлие, о порядке наследования, 192, 200; о власти отца, 260, 302; об усыновлении, 261; о праве наследования по Гражданскому Кодексу, 292; о разводе, 309;—в качестве сторонника римского революционного права. 313, 324.

Биги-Преамёнё, 292, 302—303, 322, 324.

Бонапарт, о бессрочной аренде, 281—282; о незаконнорожденных, 299—300; о правах и обязанностях женщины, 307; о разводе, 309;—в качестве сторонника римского права, 323; «Кодекс Наполеона», 325; Бонапарт и революция, 327.

Бонсерф, 58, 60, 65. 67—70, 75, 102, 147.

Боссюэт, 31, 33.

Брак. Гражданское состояние и—, 231—233, 252, 256. 303—304, 307—308. См. также **Общность имущества и Приданое**.

Бретань и договоры об отпусках владениях, 107, 111—112.

Воспитание детей, прения в Конвенте, 254—255; необходимость обучения ремеслам, 255.

Гражданское состояние при старом порядке, 217—219; секуляризация актов гражданского состояния, 219—230. См. также **Брак, Евреи, Протестанты, Актеры**.

Грегуар, о церковных имуществях, 142; против общественного воспитания, 254.

Давность, 172.

Дарения, между живыми, 193—194, 199—200; между супругами, 199, 247, 249; между живыми и на случай смерти, 288; во времена консульства, 313.

Декларация права, 36—37.

Десятины (dimes). 55, 58. 61—62. 66. 78—79, 134—135.

Дети, 250—260, 303—304.

Дети внебрачные, 295—300, 262—263.

Договоры (baux), 54—57; их продолжительность, 63. 67, 72. 176—178.

Договоры (conventions). 171—173, 284—285, 350.

Договоры о бессрочной аренде, 80, 96, 99, 275—277, 280—281, 287.

Договоры об отпуском владении (domaine congéable), 80, 97—102, 126—127, 274—275.

Договоры о виноградниках, 96, 277—278.

Договоры о поземельной ренте; выкуп рента, 94—95; выделение рента, связанных с сеньеральными правами, 127—128; реакционная попытка, 278—280; прения о восстановлении договоров о бессрочных рентах, 280—282; отмена прав арендатора покинуть арендуемый участок, 286—287.

Доказательство в договорах, 172—173.

Документы на право владения (юридический титул—titre), требование о представлении первичных документов на сеньеральные

¹ Позднейшая русская работа П. В. Лучицкого — «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг.». Киев, 1912. (Прим. перев.)

² За эту статью благодарность профессору Сорбонны—

- 125; уничтожение сенъериальных прав, 129—131.
- Духовенство.** См. также **Церковные имущества**; духовенство, не признавшее Конституции, 227—228.
- Дюран-Майян** — член Учредительного собрания и Конвента; его проект Гражданского Кодекса, 49; его взгляды на право наследования, 195, 198; на секуляризацию, 40, 221—224, 226.
- Евреи**, в 1798 году, 209—210; во время революции, 213, 214—216.
- Жакмино**, 52, 268.
- Женщина** незамужняя, 206, 210—211, 305—306; женщина замужняя, см. **Супруги**.
- Жюрье**, 31, 32.
- Завещание**, почти почти уничтожение его по прямой линии, 189, 190, 192—193, 285—293.
- Законодательное собрание.** Его желание иметь Гражданский Кодекс, 47; упразднение им старого поземельного порядка, 119—127; его закон о продаже национальных имуществ и о разделе общинных земель, 152—153; отмена им субституций, 190; секуляризация гражданского состояния, 227—230; установление развода, 238—242; определение гражданского совершеннолетия, 257—258; невозможность заняться вопросом о внебрачных детях, 264; общая оценка его гражданского законодательства, 316.
- Иностранцы**, 207, 211.
- Ипотека**, от 1789 до 1795 гг., 174—176; от 1795 до 1804 гг., 285—286.
- Камбасерес**, в Законодательном Комитете Конвента, 47—48; как допущенный проекта Кодекса в Конвенте, 49; второй и третий проекты, 51—52; о договорах, 172—173; о наследовании, 192—194; об отношении между супругами, 247; об образовании, 255; о незаконнорожденных, 264—265; о поземельных рентах, 281—283; о порядке наследования, 292—293; о семейном трибунале, 302; об общем управлении имуществом супругов, 306; о разводе, 309; Камбасерес — консул, 323—324.
- Казалес**, его борьба против единообразия законов, 23—24; против равенства наследственных прав,
- Камисс**, 37, 41, 43; о церковных имуществах, 141—142.
- Кинэ**, 28—29.
- Кодекс.** Проекты, 49—52; проект IX года, 299, 311, 322—323.
- Кодификация.** Противники этой идеи: Монтескье, 12; Казалес, 23—24; некоторые члены Трибунала в VIII г., 317. См. также **Кодекс**, **Проекты**.
- Комитеты:** Комитет по отчуждению имуществ, 146 и сл.; феодальный (по ликвидации феодальных отношений), 86; по церковным делам, 221; Законодательный Комитет, 47—49. См. также **Церковные имущества**.
- Конвент**, национальный. Его принципы, 41—43, проекты Кодексов, 47—51; ликвидация им старого земельного порядка, 127—132; его законы о продаже национальных имуществ, 152—155; его законы об ипотеке, 175—176; расторжение договоров о национальных имуществ, 179; законы, касающиеся арендаторов и фермеров, 180—181; его законы о наследственном порядке, 191—202; его законы о разводе, 242; об имущественных отношениях супругов, 246—250; прения по вопросу о воспитании детей, 254; проект закона о власти отца, 254—256; об усыновлении, 261—262; о внебрачных детях, 264—265; отмена им обратного действия его наследственных законов, 270—272; общая оценка его законодательного творчества, 316—319.
- Кондерсе**, 42, 114, 210.
- Коронные владения**, 74, 133—134.
- Крестьяне**, 203—205. См. также **Собственность**, **Права сенъериальные**, **Национальные имущества**.
- Ламбер-де-Фронdevиль**, член Учредительного собрания, 23.
- Ламбер**, экономист, 75.
- Лешапелле**, 189—190.
- Ларошфуко** как докладчик Комитета по отчуждению имуществ, 146—151.
- Лишение наследства**, 251; попытка восстановления, 302.
- Лекки**, 26, 30.
- Малевиля**, 281, 304, 322—324.
- Мерлан** (д-Дур), 22, 85, 86 и сл.; отмена сенъериальных прав, 163, 166, 172, 185, 270. См. также **Учредительное собрание**.

- «Мертвая рука»** (Main morte), 56, 57, 87—88.
- Мирабо**, 22—23, 52, 141, 171, 186, 187, 188, 189, 214.
- Монахи**, 207—208, 211—212.
- Монтескье**, 12, 29—30.
- Мори**, 141—142.
- Муниципалитет Парижа**, его посредничество в пользу евреев, 215; требование секуляризации гражданского состояния, 223.
- Мэй** (Maille), 123—124, 239.
- Мюрэр**, 228, 229, 257.
- Наказание** (право наказывать), 255, 303.
- Наносные земли**, 165—166.
- Наследование**, в прежнем праве, 181—183; реакция против феодального и римского права, 184—191; почти полное уничтожение или сильное ограничение права завещания и дарения, 191—194; порядок наследования, 194—199; обратная сила законов о наследовании, 198—202; закон 4 жерминаля VIII г., 289—290; — по проекту Жакмино, 288—289; в Гражданском Кодексе, 290—291; проект относительно военных, 288.
- Национальные имущества.** Комитет по отчуждению их (Ларошфуко-Лянкур), филантропическое направление, 146—149; преобладание интересов фиска, 149—150; жалобы бедняков, 152; Конвент и немущие, 153—154; горожане и крестьяне — приобретатели их, 155—162; ажиотаж вокруг них, 157—159; крестьянские ассоциации, 155—156.
- Нёшато** (Франсуа-де), 228.
- Нормандия.** Сопротивление некоторых нормандских депутатов законодательному единству, 23; нормандские депутаты, отвергающие равенство наследственных прав, 185—186; сопротивление нормандских братьев законам, получившим обратную силу, 200—201.
- Обратное действие законов**, его установление, 196—202; отмена, 269—272.
- Общинные земли**, наказания относительно их в 1789 году, 63, 74; о захваченных общинных землях, 89—90, 120—121, 131; раздел общинных земель, 152.
- Общность имущества супругов**, 245, 246—250, 306, 307—313.

- Ограживание**, до 1789 г., 72—73; во времена Учредительного собрания, 164.
- Опека**, 304—305.
- Орлеанский** (герцог), 235, 236.
- Острова**, 165—166, 170.
- Отцовская власть**, 250—260, 289—290, 300—305.
- Охота**, 59—60, 72, 80, 166—167, 169—170.
- Пастбище** (даровое), 72, 163—164.
- Пеле** (де-ла-Лозар), 276, 280—281.
- Поворот продажи** (retrait); его отмена, 63, 172.
- Поземельные списки** (terriers), их возобновление, 60—61, 66.
- Пол.** Неравенство полов в 1789 г., 206—207; равенство их, провозглашенное революцией, 210—211; неравенство в Гражд. Кодексе XII г., 306—307.
- Пользаники** (Métayers), 57, 180.
- Порталис**, 31—32, 292, 308, 310, 322; его роль в Государственном Совете, 324; его критика революционного права, 326.
- Потье**, 44, 45, 119, 221.
- Пошлины с купли-продажи** (lods et ventes). См. **Случайные повинности**.
- Права, естественные**, 27, 29, 36—37. См. также **Декларация прав**.
- Права, сенъериальные**, в 1789 г., и их отмена, 54—132. См. также **Учредительное собрание**, **Законодательное и Конвент**.
- Право, естественное**, 27, 37—38, 44; апелляция к нему деревни, 109; 14 июля 1793 г. рассматривается как дата водворения естественного права, 201; борьба между естественным и положительным правом (обратное действие законов), 269—272; апелляция к нему Камбасереса, 318.
- Право, писаное**, 6; система наследственного права, 181—182; имущественные отношения супругов, 244; отцовская власть, 250; la patria potestas и отцовская власть по Гражданскому Кодексу XII г., 302; реакция против римского права в эпоху революции, 318—319; возврат к этому праву во времена консульства, 323.
- Право старшинства**, 185.
- Право, феодальное**, 71; наследственный порядок, 182—183. См. также **Права сенъериальные**.

Снейес, 75.

Учредительное собрание, его декреты о единообразии законов, 19—25; его теория естественных прав, 35—37; проект единообразного кодекса, 46, упразднение им старого поземельного порядка, 76—119; объявление церковных имущества национальным собственностью и декрет о продаже их, 139—151; его понимание права собственности, 163—171; декрет о разрешении ссуды под проценты, 173; предложение разработать реформу ипотеки, 174—175; отмена вечных договоров, 94—95; его законы о порядке наседования, 181—190; освобождение им личности, 210—216; отсрочка для ликвидации грабителей, 205.